ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ III.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

СОДЕРЖАНІЕ

I и II ТОМОВЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА

„ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА"

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА.

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ III.

ИЗДАНІЕ

А. Е. ЛАНДАУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.

1873.

Моисей.

Восточная поэма.

(Альфреда де Виньи.)

Къ закату солнце медленно склонялось,
Верхи шатровъ еврейскихъ золотя,
И, золотомъ и пурпуромъ блестя,
На западѣ полъ-неба загоралось.
Въ тотъ самый часъ, когда свѣтило дня,
Спускалось къ ложу знойному пустыни,
По крутизнамъ горы, къ ея вершинѣ
Всходилъ пророкъ, чело свое склоня.
Когда же Моисей остановился,
Вокругъ себя бросая долгій взглядъ,
Широкій горизонтъ предъ нимъ открылся:
Увидѣлъ Фазгу онъ и Галаадъ,
Едва въ замѣтныхъ очеркахъ встававшихъ;
Вотъ вправо поднимался передъ нимъ
Близь Манассіи цѣлый Ефраимъ;
Вотъ дальше къ югу въ сумеркахъ спадавшихъ
Безжизненна, пустынна и мрачна,
Открылась Іудейская страна,
Среди песковъ, гдѣ засыпало море.
Вотъ, далѣе Невталія видна,
Вся въ зелени, какъ въ праздничномъ уборѣ
Вотъ видѣнъ городъ пальмъ Іерихонъ,
Цвѣтущими садами окруженъ,
И отъ равнинъ чуть виднаго Фогора
Дремучій лѣсъ, идущій до Сегора.

А вотъ передъ пророкомъ Ханаанъ,
Куда онъ велъ съ собой еврейскій станъ,
Открылся, наконецъ, въ дали туманной,
Но зналъ пророкъ, что въ край обѣтованный,
Не онъ введетъ Израиля дѣтей,
Не тамъ найдетъ могилу для костей...
И снова путь направилъ онъ къ вершинѣ.

***

Евреи у подножья той горы
Остановились къ вечеру въ равнинѣ,
Раскинувъ бѣлоснѣжные шатры,
И, словно волны въ морѣ, колебался
Внизу ихъ станъ. Въ тотъ самый часъ, когда
Росой песокъ пустыни окроплялся
И блѣдная вечерняя звѣзда
На небосклонѣ ярче разгоралась,
Фигура Моисея поднималась
Все выше по горѣ за облака.
Народъ за нимъ слѣдилъ издалека
И долго видѣлъ яркое сіянье,
Струившееся съ дряхлаго чела;
Когда жъ кругомъ легла ночная мгла
И предъ Творцемъ въ торжественномъ молчаньѣ
Явился на вершинѣ Моисей,
То молніями тучи освѣтились,
А тамъ, внизу горы святой, по всей
Равнинѣ фиміамы закурились.
Склонился въ прахъ среди вечерней тьмы
Еврейскій станъ толпой пол-милліонной,
И общій хоръ, колѣнопреклонённый,
Пѣлъ на зарѣ священные псалмы.
Левитовъ племя въ станѣ возвышалось,
Какъ кипарисный лѣсъ среди песковъ,
И сладкострунной музыкой безъ словъ

Игра ихъ вмѣстѣ съ пѣніемъ сливалась
Въ единный, стройный гимнъ царю міровъ.

***

А на горѣ, закрытъ свинцовой тучей,
Такъ говорилъ Творцу пророкъ могучій:

„Ужель мой путь не конченъ, о Творецъ?
Куда-жъ меня пошлешь ты, наконецъ?

Я одинокъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь уснуть мнѣ сномъ земнымъ въ могилѣ.—

Избранникъ твой, чѣмъ буду я впередъ?
Какъ ты желалъ, израильскій народъ

Довелъ я до страны обѣтованной:
Онъ видитъ предъ собою край желанный,

И я молю, чтобы вождемъ другимъ
Народъ еврейскій былъ руководимъ;

Тому вождю вручу я безъ печали
Свой грозный жезлъ и самыя скрижали.

***

„Зачѣмъ надежды всякой я лишенъ?
Зачѣмъ, какъ прежде, я не погруженъ

Въ невѣденье безвѣстности? До нынѣ
Не смѣла смерть настичь меня въ пустынѣ.

Увы! я мудръ, и славенъ, и великъ:
Единымъ мановеніемъ привыкъ

Дорогу я указывать народу;
Я заставлялъ покорную природу

Земныхъ царей громами поражать;
Я людямъ могъ законы создавать

И въ страхѣ предо мной, въ благоговѣньѣ
Склонялось не одно ихъ поколѣнье;

Мой жезлъ гробницы предковъ раскрывалъ
И тайны смерти въ нихъ я прочиталъ.

О, я великъ. У ногъ моихъ покорно
Лежитъ толпа; могу я чудотворно

Губить народъ и къ жизни вызвать вновь,
Но смертныхъ мнѣ невѣдома любовь,

Я одинокъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь уснуть мнѣ сномъ земнымъ въ могилѣ!..

***

„Ты далъ мнѣ власть пророчествъ и чудесъ;
Нѣтъ тайны для меня среди небесъ;

Я захочу—и нѣтъ ужь больше ночи,
Я возведу на небо только очи —

И предо мной, обычной чередой,
Въ эфиръ звѣзда выходитъ за звѣздой;

Я молніи задерживалъ въ ихъ тучахъ,
Я погребалъ среди песковъ сыпучихъ

Въ развалинахъ большіе города,
На горы горы рушилъ безъ труда;

Передо мною море отступало,
Когда я шелъ, и буря затихала

Подъ голосъ мой. Когда народъ страдалъ
Или законовъ новыхъ ожидалъ,

Къ тебѣ съ мольбой тогда я обращался
И новой силой духъ мой окрилялся;

Мнѣ солнце покорялось въ вышинѣ,
И ангелы завидовали мнѣ.

Но все же я несчастливъ, Іегова!
Я одинокъ и власть моя сурова

И тяжела, какъ ночью, такъ и днемъ.
Нѣтъ радости въ величіи моемъ,

Забвенья нѣтъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь же мнѣ забыться сномъ въ могилѣ!..

***

„Когда меня призвалъ ты въ первый разъ,
То связь моя съ людьми разорвалась,

И шепотомъ однимъ я былъ встрѣчаемъ:
„Его теперь мы болѣе не знаемъ!“

Потупившись, бѣжали всѣ назадъ:
Такъ жегъ людей пророческій мой взглядъ;

Никто мнѣ чувствъ не выражалъ украдкой,
И въ ужасѣ скрывались за палаткой

Еврейки молодыя отъ меня.
Такъ одинокъ, молчаніе храня,

Я шелъ передъ народомъ. Отчего же
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ забвенья, вѣчный Боже?

Я не могу спокойно отдохнуть,
Склонивъ чело на дружескую грудь:

Мое чело въ груди пробудитъ муку,
Моя рука сожжетъ чужую руку;

Въ моихъ глазахъ и въ голосѣ моемъ
Видна гроза и слышенъ Божій громъ,

И если раскрываю я объятья,
Передо мною въ трепетѣ собратья

Склоняются... Создатель! Я великъ,
Но тягощусь величьемъ каждый мигъ,

Но одинокъ въ могуществѣ и силѣ...
Позволь же мнѣ уснуть въ сырой могилѣ..."

***

Межъ тѣмъ народъ, чтобъ не гнѣвить пророка,
Палъ ницъ, хранилъ молчаніе глубоко,
На верхъ горы не поднимая глазъ,
Гдѣ громъ гремѣлъ за тучами въ тотъ часъ,
Да молніи извивами сверкали
И очи ослѣпленныя пугали.
Когда жь Навинъ явился на горѣ,
Онъ былъ одинъ; онъ плакалъ.—На зарѣ
Не Моисей, а вождь новоизбранный
Повелъ народъ къ землѣ обѣтованной.

Дм. Минаевъ.

ГОРЯЧЕЕ ВРЕМЯ.

РОМАНЪ.

Часть четвертая и послѣдняя.

НЕ ВЫВЕЗЛО.

I.

Поручикъ Петръ Аѳанасьевичъ Дубовъ, о которомъ Мери Тидманъ писала Софіи Аронсонъ, попалъ въ воины по совершенно независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Онъ не только не имѣлъ въ себѣ ничего воинственнаго, но обладалъ такими инстинктами, которые прямо противорѣчили званію военнаго человѣка. Онъ всегда мечталъ о какой нибудь ученой или юридической карьерѣ, чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ кабинетнымъ занятіямъ, находился уже на третьемъ курсѣ, собиралъ уже матерьялы для будущей магистерской диссертаціи, какъ вдругъ его опекунъ и дядя, выжившій изъ ума генералъ въ отставкѣ, отъ котораго онъ всецѣло зависѣлъ въ матерьяльномъ отношеніи, объявилъ ему, въ видѣ ультиматума, что если онъ, Петя, не опредѣлится немедленно въ военную службу, „какъ подобаетъ столбовому дворянину", то онъ, генералъ, лишитъ его не только наслѣдства, но и мѣсячнаго содержанія.

Дѣлать было нечего: Петя взялъ и опредѣлился въ военную службу, такъ какъ ему, „какъ подобаетъ столбовому дворянину", казалось, что самостоятельно заработывать кусокъ хлѣба въ тысячу разъ труднѣе, чѣмъ написать магистерскую диссертацію, стало быть ссориться съ своимъ благодѣтелемъ—вещь невозможная. Само собою разумѣется, что Дубовъ, однако, не могъ не тяготиться навязанною ему карьерою, къ которой онъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности, такъ какъ шляться всю зиму по кофейнямъ

и кондитерскимъ, ухаживать за уѣздными барышнями или просиживать ночи за зеленымъ столомъ, а лѣтомъ обучать взрослыхъ людей стоять и ходить—совсѣмъ не подходящія занятія для человѣка, готовившаго себя въ ученые, мечтавшаго о какой нибудь общественной дѣятельности. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нашъ молодой военный страшно скучалъ, по временамъ даже хандрилъ, запирался въ своей квартирѣ, чтобы безпрепятственно предаваться ученымъ занятіямъ, отчего онъ въ офицерскомъ кружкѣ прослылъ чудакомъ, чернокнижникомъ. Чтобы избѣгать непріятныхъ столкновеній съ товарищами, которые стали преслѣдовать его насмѣшками, онъ часто бралъ отпуски, командировки, переводился изъ полка въ полкъ, но все это мало удовлетворяло его жаждѣ дѣятельности, дѣла, настоящаго, кипучаго, патріотическаго дѣла. Но гдѣ взять его въ полку, въ тѣсныхъ предѣлахъ дисциплины, субординаціи и прочихъ параграфовъ Воинскаго устава?.. Правда, онъ состоялъ членомъ возникшаго тогда комитета грамотности; но что онъ могъ сдѣлать для просвѣщенія темнаго народа, будучи офицеромъ, отъ котораго „темный народъ“ сторонится, какъ отъ становаго?

Въ 1862 году, Дубовъ съ своимъ полкомъ попалъ въ Западный край. Отъ нечего дѣлать, онъ уже собирался, по примѣру своихъ товарищей, ухаживать за миловидными и кокетливыми польками, какъ вдругъ онъ въ городѣ Г. неожиданно наткнулся на еврейскій кружокъ, и жизнь его потекла иначе.

„Эврика!“—воскликнулъ онъ, не шутя обрадовавшись своей неожиданной находкѣ. „Вотъ оно, настоящее дѣло-то! Теперь мы скучать не будемъ!“

Въ головѣ его блеснула мысль о возможности совершенія великаго гражданскаго, патріотическаго подвига: пріобрѣсть для Россіи два мильона полезныхъ гражданъ, и онъ предался этой мысли со всѣмъ жаромъ своей, долго алкавшей полезной дѣятельности, души. Какъ человѣкъ мыслящій и наблюдательный, онъ сразу сообразилъ, что передъ нимъ открылось обширное поле, уже достаточно разрыхленное и очень воспріимчивое для хорошихъ сѣмянъ, и что труды его на этомъ полѣ не пропадутъ даромъ. Какъ русскій патріотъ, онъ оцѣнилъ по достоинству то обстоятельство, что изъ всѣхъ населяющихъ Россію инородцевъ евреи, не смотря на то, что ихъ положеніе въ странѣ самое незавидное, все таки больше другихъ склонны къ русской гражданственности, въ пользу которой и происходитъ теперь у нихъ сильное броженіе, которымъ пренебрегать и не расчетливо, и грѣшно.

И онъ рѣшился воспользоваться этимъ „броженіемъ“, эксплоатировать его, на сколько у него хватитъ силъ и способностей.

„На нашей ненадежной западной окраинѣ,—занесъ онъ въ свою памятную книжку,—мы должны и можемъ создать себѣ изъ еврейской массы довольно порядочный контингентъ, который могъ бы служить противувѣсомъ нѣмецкимъ иллюзіямъ и польскимъ притязаніямъ; такой противувѣсъ стóитъ трехъ крѣпостей, а такимъ противувѣсомъ евреи сдѣлаются тогда, когда они почувствуютъ себя **русскими**. Это чувство мы и должны будить въ нихъ неослабно, послѣдовательно.“

Вотъ почему онъ такъ плотно примкнулъ къ еврейскому кружку города Г*, въ которомъ онъ нашелъ **это чувство** уже въ зародышѣ, на поддержаніе котораго онъ сталъ смотрѣть, какъ на дѣло въ высшей степени патріотическое, въ особенности въ данный моментъ, когда поляки, чему онъ былъ очевидцемъ, пустили въ ходъ всю свою ловкость, чтобы привлечь евреевъ на свою сторону. И, сознавая всю серьозность представившейся ему патріотической задачи, онъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго ея разрѣшенія, счелъ нужнымъ заинтересовать ею отечественную печать, на просвѣщенное содѣйствіе которой онъ, повидимому, имѣлъ полное право расчитывать. Но отечественная печать и вниманія не обратила на реляціи какого-то армейскаго офицера. Эти реляціи почтила казались ей пристрастными и лишенными основательности, тѣмъ болѣе, что ей въ эту минуту казалось, что она, относительно евреевъ, имѣетъ другія **убѣжденія**: отечественный горизонтъ, какъ читатели, можетъ быть, припомнятъ, сталъ тогда заволакиваться густымъ туманомъ ребяческаго украйнофильства съ одной стороны и безцѣльнаго славянофильства съ другой, а флюгеръ показывалъ, что дуетъ вѣтеръ сѣверо-восточный, а не юго-западный; какъ-же легковѣснымъ листкамъ носиться противъ вѣтра?..

Но это обстоятельство не обезкуражило нашего смѣлаго поручика, взявшагося за патріотическое дѣло не по предписанію на-

чальства, а по собственному побужденію и убѣжденію. Онъ еще плотнѣе примкнулъ къ еврейскому кружку, сдѣлался его душою, работалъ неутомимо и съ любовью.

Недовольствуясь своею дѣятельностью въ Г*, онъ съѣздилъ въ N*. Здѣсь онъ нашелъ кружокъ болѣе обширный, съ задачами и цѣлями болѣе опредѣленными, болѣе серьезными, которымъ онъ не могъ не сочувствовать отъ всей души. Городъ N*, съ своимъ громаднымъ еврейскимъ населеніемъ, съ своимъ большимъ контингентомъ еврейскихъ ученыхъ и обучающагося юношества, съ своимъ вѣковымъ авторитетомъ въ средѣ еврейскихъ общинъ всего края, показался ему тѣмъ естественнымъ центромъ, откуда всего удобнѣе было вести задуманную имъ патріотическую пропаганду и онъ рѣшился оставаться въ этомъ центрѣ какъ можно долѣе, тѣмъ болѣе, что кружокъ, съ которымъ онъ легко сошелся, убѣдительно просилъ его объ этомъ.

Онъ отправилъ, куда слѣдуетъ, прошеніе, вслѣдствіе чего былъ прикомандированъ къ корпусному штабу, находившемуся въ N*. Такимъ образомъ поручикъ Дубовъ поселился въ N* и сталъ дѣлить съ кружкомъ всѣ его труды, заботы, хлопоты, опасенія и надежды.

Отзывъ мѣстной газеты о „дѣятельномъ" участіи евреевъ въ похоронахъ Тадеуша Шарашкевича взволновалъ, возмутилъ всѣхъ членовъ кружка.

„Обманъ! Ложь! Дерзость! кричали они въ чрезвычайномъ засѣданіи, созванномъ по этому случаю. Евреи участвовали въ похоронахъ изъ празднаго любопытства, а не изъ сочувствія къ польской справѣ... Кто изъ евреевъ знаетъ, кто такой былъ Тадеушъ Шарашкевичъ? Можетъ быть, одинъ изъ тысячи. Они за шиворотъ насъ тащутъ? Это уже слишкомъ! Нужно протестовать! Протестовать!"

Протестъ короткій, но энергическій былъ тутъ же составленъ Аркадіемъ Саринымъ, подписанъ членами кружка и отправленъ въ редакцію мѣстной газеты.

На завтра, въ отвѣтахъ редакціи, протестующіе прочли, что статья ихъ не можетъ быть напечатана... „по извѣстнымъ редакціи причинамъ".

Кружокъ просто ахнулъ отъ такой несправедливости.

— Но протестъ долженъ быть напечатанъ во что бы то ни стало!—воскликнулъ Дубовъ, трясясь отъ гнѣва.

— Развѣ въ другой, столичной газетѣ?—спросилъ кто-то.

— Нѣтъ, въ мѣстной, непремѣнно въ мѣстной,—отвѣтилъ Дубовъ. Преступника наказываютъ на мѣстѣ совершеннаго имъ преступленія. Вы, господа, позволите мнѣ взять это дѣло на себя?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтили члены.

— Въ такомъ случаѣ, я не Петръ Аѳанасьевичъ Дубовъ, если вашъ протестъ не будетъ напечатанъ въ ближайшемъ же нумерѣ,—черезъ часъ или два вы получите отвѣтъ. Ѣду къ редактору сей часъ же. Не нужно мѣшкать! До свиданія.

Онъ пристегнулъ свою саблю, распростился и вышелъ.

Былъ ровно полдень, когда Петръ Аѳанасьевичъ вошелъ въ пріемную редакціи мѣстной газеты.

— Къ редактору? — спросилъ его находившійся въ то время въ пріемной секретарь редакціи.

— Къ редактору.

— Онъ сегодня не принимаетъ.

— Знаю, потрудитесь однакоже доложить: поручикъ Дубовъ, членъ слѣдственной коммисіи по политическимъ дѣламъ.

Секретарь, бросивъ испытующій, почти пугливый взглядъ на стоявшаго передъ нимъ офицера, отправился доложить. Черезъ минуту онъ возвратился въ пріемную и почтительнымъ жестомъ попросилъ Дубова въ отворившуюся дверь редакторскаго кабинета.

Кабинетъ редактора мѣстной газеты не мало поразилъ Дубова своею богатою, въ особенности же своею тенденціозною обстановкою. У противуположной отъ дверей стѣны стояли дыбомъ двѣ пары чугунныхъ львовъ, держа въ своихъ когтяхъ—первая пара—генеральную карту древней Литвы, а вторая — такую же карту Рѣчи Посполитой. Изъ за этихъ картъ возвышались на высокомъ пьедесталѣ двѣ гипсовыя фигуры въ человѣческій ростъ Ягелло и Ядвиги, изображавшія собою соединеніе Литвы съ Польшей. Какъ бы въ дополненіе къ этому рельефу, на противуположной стѣнѣ красовалась большая картина, писанная масляными красками и изображавшая брестскую унію. Углы этого обширнаго кабинета были тоже заняты историческими фигурами. Въ одномъ углу стояли фигуры Лжедимитрія и Марины Мнишекъ, въ другомъ—Костюшки и Ста-

нислава Понятовскаго, въ третьемъ—Іосафата Кунцевича и Адама Мицкевича, а въ четвертомъ—о, верхъ тенденціозности!—космaтыя фигуры Стеньки Разина и Емельки Пугачева, этихъ спартаковъ земли русской. Всѣ же стѣны были завѣшаны портретами польскихъ знаменитостей всѣхъ эпохъ, до самаго послѣдняго времени. Болѣе назидательной обстановки, кажется, нельзя было и придумать.

Когда Дубовъ вошелъ въ кабинетъ, изъ за большаго письменнаго стола, заваленнаго бумагами, газетами, только что вышедшими брошюрами, книгами и статуэтками, медленно поднимался къ нему на встрѣчу человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста съ округленными формами, съ тщательно выбритымъ лицомъ и съ огромною лысиною, тянувшеюся съ высокаго чела по самую макушку, на которой покоились, въ видѣ рогатки, пара синихъ очковъ, служившихъ не столько для регулированія зрѣнія, сколько для замаскированія выраженія глазъ, ихъ носившаго.

Дубовъ отрекомендовался.

— Что скажете хорошаго? — спросилъ редакторъ послѣ того, какъ онъ опять усѣлся на своемъ мѣстѣ, предварительно указавъ гостю на близстоявшее кресло. Дубовъ сѣлъ.

— Я къ вамъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ лицъ, приславшихъ вамъ на дняхъ протестъ для напечатанія, отвѣтилъ онъ.

— А, отъ евреевъ! — проговорилъ редакторъ, слегка покраснѣвъ, и синія очки вдругъ съѣхали съ макушки на переносицу.

— Да, отъ русскихъ Моисеева исповѣданія, — сказалъ Дубовъ, не безъ намѣренія перефразировавъ слова редактора.

— Развѣ есть уже и такіе?—спросилъ послѣдній, вперивъ въ сидѣвшаго передъ нимъ офицера свой замаскированный взглядъ.

— Если есть поляки Моисеева исповѣданія, то отчего не быть и русскимъ этого исповѣданія?

— Это очень любопытно,—замѣтилъ редакторъ, саркастически улыбнувшись.—Мы вотъ, живя на мѣстѣ, что-то не слыхали о такихъ субъектахъ.

— Очень жаль, что не слыхали, но такіе субъекты существуютъ здѣсь же. Они то и поручили мнѣ ходатайствовать передъ вами о напечатаніи ихъ протеста.

Редакторъ пожалъ плечами.

— Это невозможно,—сказалъ онъ послѣ недолгой паузы.

— Почему?

— Потому... потому, что онъ неоснователенъ.

— Такъ чтожъ? Если онъ неоснователенъ, такъ найдутся такіе, которые печатно же докажутъ его неосновательность. На то вѣдь гласность. Вы же за это не отвѣчаете. Дайте свободно высказываться общественному мнѣнію.

— Оно уже высказалось.

— Въ редакціонной статьѣ, противъ которой протестуютъ?

— Протестуетъ только нѣсколько единицъ.

— Но эти единицы протестуютъ отъ имени всей заинтересованной стороны.

— Сомнѣваюсь, чтобы эти единицы имѣли такія обширныя полномочія.

— Такъ вы хотите всеобщей подачи голосовъ?

— Всеобщая подача голосовъ прямо высказалось противъ тенденціи присланнаго мнѣ протеста: на похоронахъ Шарашкевича присутствовало болѣе десяти тысячъ евреевъ. Развѣ послѣ этого нужно другихъ доказательствъ о настоящемъ настроеніи еврейскаго общества? Мы фактовъ не выдумываемъ, а описываемъ ихъ, какъ они совершались.

— О, если бы такъ было, то я теперь не имѣлъ бы удовольствія бесѣдовать съ вами. Но вы, милостивый государь, какъ я вижу, не ограничиваетесь простымъ изложеніемъ фактовъ, а любите сопровождать это изложеніе произвольными толкованіями, противъ которыхъ можно, я думаю, поспорить.

— Поспорить?—переспросилъ редакторъ, — съ большимъ удовольствіемъ. Я даже очень люблю полемику. Это мой конекъ. Du choc des opinions jaillit la vérité. Въ свободное время я готовъ полемизировать съ вами о чемъ угодно, даже о предметѣ, доставившемъ мнѣ пріятный случай познакомиться съ вами. Но напечатать присланный мнѣ протестъ—не могу, ей Богу, не могу.

Дубова возмутило это безстыдное фразерство редактора мѣстной газеты, любящаго полемику ради полемики, т. е. безцѣльное переливанье изъ пустаго въ порожнее. Онъ всталъ, выпрямился и, принявъ рѣшительную мину, спросилъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ гнѣва:

— И это ваше послѣднее слово?

— Вѣрьте мнѣ, не могу,—отвѣчалъ редакторъ, положивъ руку на сердце. Мнѣ очень непріятно отказать вамъ въ вашей просьбѣ, но что-же дѣлать?

— Въ такомъ случаѣ,—проговорилъ Дубовъ, хладнокровно натягивая свои перчатки, — я долженъ буду довести все это дѣло до свѣдѣнія начальства.

— Что?—воскликнулъ редакторъ, подскочивъ на своемъ мѣстѣ и слегка поблѣднѣвъ.

— Я доложу объ этомъ начальству,—повторилъ Дубовъ.

— Но вы этого не сдѣлаете, — проговорилъ редакторъ, какъ бы въ утѣшеніе себѣ и въ назиданіе Дубову;—вы человѣкъ просвѣщенный, вы, какъ я подозрѣваю, сами литераторъ, а потому, надѣюсь, вы не допустите, чтобы нашъ литературный споръ былъ рѣшенъ властью начальства, со всѣмъ не компетентнаго въ литературныхъ дѣлахъ. Мы литераторы, имѣемъ наши собственные суды и высшія инстанціи, мы тоже аппеллируемъ, но не къ бюрократамъ, comprenez—vous?—не къ бюрократамъ...

Онъ, поверхъ своихъ очковъ, взглянулъ на Дубова, чтобы уловить впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на него своею рѣчью, показавшеюся ему верхомъ дипломатической ловкости; но, къ своему сожалѣнію, онъ на лицѣ стоявшаго передъ нимъ молодаго офицера не уловилъ никакого особеннаго впечатлѣнія. Оно было грозно, сердито по прежнему.

— Извините, г. редакторъ, — сказалъ Дубовъ, — нашъ споръ совсѣмъ не литературный, а политическій. Вы навязываете евреямъ такія чувства, которыхъ они совсѣмъ не питаютъ, и этимъ вы вводите въ заблужденіе общественное мнѣніе. Еслибы сами евреи не протестовали, то мы бы должны были протестовать за нихъ, мы, русскіе. Мы были бы плохими русскими, еслибъ мы не знали, кто наши друзья и кто наши враги?

Безпокойство редактора, чувствовавшаго себя виновнымъ, нечистымъ, стало возрастать.

— Стало быть, вы и меня считаете врагомъ Россіи?—спросилъ редакторъ взволнованнымъ голосомъ.—О, вы изволите ошибаться, молодой человѣкъ. Хоть я и полякъ, однакожъ я русскихъ очень люблю. Я, знаете, не изъ тѣхъ... Имѣю между русскими самыхъ закадычныхъ друзей. Хотите доказательствъ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ всталъ, взялъ Дубова подъ руку и ввелъ его въ смѣжную съ кабинетомъ небольшую комнату, стѣны которой увѣшаны были литографированными портретами русскихъ знаменитостей, государственныхъ людей, редакторовъ, ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, снабженными собственноручными надписями и посвященіями.

— А что, молодой человѣкъ,—спросилъ редакторъ съ добродушною фамилларностью, обвивъ одною рукою станъ своего собесѣдника, а другою указывая на портреты, — я вашъ другъ или врагъ?... Я этими дорогими для меня знакомствами не хвастаюсь, я хотѣлъ только показать вамъ, что съ Россіею меня связываютъ самыя дорогія воспоминанія и что если я не соглашаюсь напечатать покровительствуемую вами статью, то это не по причинѣ какой-либо враждебности къ интересамъ нашего общаго отечества, а вслѣдствіе моего положенія, какъ редактора, находящагося иногда между двухъ огней, понимаете?

— Нѣтъ, — прямодушно отвѣтилъ Дубовъ заискивающему въ немъ хитрому редактору, — удивляюсь, что вамъ за охота стоять между двухъ огней? Если вы другъ Россіи, то и дѣйствуйте въ этомъ духѣ. Это вѣрнѣе и безопаснѣе.

— Это еще вопросъ, позвольте вамъ доложить,—сказалъ редакторъ съ худо скрываемою досадою на то, что ему не удалось обворожить, отуманить молодаго человѣка; а онъ считалъ себя большимъ мастеромъ въ такихъ дѣлахъ. — Это еще вопросъ, — повторилъ онъ.

— Впрочемъ, это меня не касается,—отвѣчалъ Дубовъ, твердо рѣшившись положить конецъ безцѣльному препирательству съ хитрымъ полякомъ. — Мое дѣло только объявить вамъ, что если вы въ ближайшемъ номерѣ вашей газеты не напечатаете присланнаго вамъ протеста, то я почту своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальства. Прошу не забывать, что я русскій; интересы моего отечества мнѣ столь же дороги, какъ полякамъ—интересы ихъ ойчизны. Эти интересы я буду защищать гдѣ-бы и предъ кѣмъ-бы то ни было. На еврейскій протестъ смотрю, какъ на дѣло, касающееся моего отечества, а потому буду настаивать на его напечатаніи всѣми зависящими отъ меня средствами... Затѣмъ, честь имѣю кланяться...

Редакторъ оторопѣлъ. Онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло не просто съ русскимъ, котораго легко ублажать добрымъ словомъ, красивою фразою, а съ русскимъ гражданиномъ, съ русскимъ патріотомъ и притомъ человѣкомъ умнымъ и мыслящимъ, понимающимъ все политическое значеніе евреевъ въ краѣ. Это-то и внушало ему серьезныя опасенія: онъ боялся, чтобы этотъ неугомонный офицерикъ не взбудоржаилъ благодушествующихъ властей и не заставилъ ихъ внимательнѣе слѣдить за тѣмъ, что пишется въ его газетѣ, въ строкахъ и между строками, чтó могло-бы имѣть совсѣмъ не хорошія послѣдствія для него, его газеты и всей справы. А потому, онъ, какъ человѣкъ, имѣвшій привычку встрѣчать опасность спиною, а не грудью, предпочелъ лучше сдаться на капитуляцію, чѣмъ затѣять открытую борьбу, исходъ которой былъ довольно сомнителенъ.

— Постойте, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, схвативъ руку Дубова и крѣпко держа ее въ своихъ обѣихъ рукахъ, — не горячитесь. Откровенно говоря, вы такъ мнѣ понравились, что мнѣ просто совѣстно отпустить васъ ни съ чѣмъ. Имѣю слабость къ русскимъ. Какъ ни крѣплюсь, сердце беретъ свое... Такъ и быть, протестъ будетъ напечатанъ, если вамъ уже такъ хочется.

— Благодарю, — проговорилъ Дубовъ, заставивъ себя мягко улыбнуться низкой лести редактора.

— Но вотъ какое обстоятельство,—прибавилъ послѣдній,—по дѣйствующимъ въ краѣ цензурнымъ постановленіямъ, я не имѣю права печатать письмо съ нѣсколькими подписями. Какъ же быть?

— Ужъ это я устрою, — отвѣтилъ Дубовъ, протестъ будетъ имѣть только одну подпись...

Въ тотъ же день, протестъ былъ подписанъ только однимъ Саринымъ и на завтра онъ появился въ мѣстной газетѣ, въ отдѣлѣ разныхъ извѣстій, печатавшихся очень мелкимъ шрифтомъ и занимавшихъ въ этомъ нумерѣ три большихъ столбца, дабы онъ не слишкомъ бросался въ глаза.

Кружокъ понялъ этотъ маневръ, но рѣшился молчать.

II.

Три дня спустя по появленіи протеста въ мѣстной газетѣ, Саринъ получилъ анонимную записку на французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Особа, имѣющая сообщить вамъ очень важное для васъ извѣстіе, проситъ васъ пожаловать сегодня, между 4-мъ и 5-мъ часомъ вечера, въ загородный садъ гг. Струменскихъ. Ждать подъ колоннадой въ липовой аллеѣ, насупротивъ статуи Цереры“.

Почеркъ былъ женскій и незнакомый.

Это обстоятельство и озадачило расчетливаго и неувлекающагося Сарина. Другой молодой человѣкъ на его мѣстѣ обрадовался бы этой запискѣ, какъ неожиданной любовной итригѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ-бы назначеннаго часа. Но Саринъ не былъ фатомъ, а потому онъ во всепобѣждающую силу своей особы, таинственныя свиданія, неожиданныя любовныя интриги и прочія интересныя случайности французскихъ романовъ не вѣрилъ. Онъ понялъ, что назначенное ему свиданіе есть дѣловое, а можетъ быть, и очень серьезное.

— Идти или не идти?—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Не засада-ли это? Въ безпокойное время, въ которое мы живемъ, нужно всего опасаться... Если эта особа имѣетъ сообщить мнѣ важное извѣстіе, то отчего она не сообщила мнѣ теперь же, въ запискѣ? Къ чему это свиданіе за городомъ, въ заброшенномъ саду, куда никто не ходитъ?

Онъ сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, обдумывая, на что онъ долженъ рѣшиться.

— Ѳома! — кликнулъ онъ своего человѣка, — сходи къ Петру Аѳанасьевичу и скажи ему, что я его прошу, чтобы онъ сей часъ пришелъ сюда.

Черезъ полчаса, Петръ Аѳанасьевичъ пришелъ. Саринъ показалъ ему записку, изложилъ свои догадки, сомнѣнія и опасенія и требовалъ совѣта.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Дубовъ,—что если вы опасаетесь,—а ваши опасенія имѣютъ нѣкоторое основаніе, то вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ идти.

— А важное извѣстіе?—спросилъ Саринъ.

— Если эта особа въ самомъ дѣлѣ намѣрена сообщить вамъ важное извѣстіе, то она найдетъ другой способъ для сообщенія. Она вамъ напишетъ.

— А что, если не напишетъ?—Нѣтъ, Петръ Афанасьевичъ, я идти долженъ. Во первыхъ, изъ любопытства. Мнѣ ужасно хочется знать, кто эта особа. Я терпѣть не могу анонимныхъ писемъ и таинственныхъ незнакомокъ. Во вторыхъ... во вторыхъ, — смѣйтесь или нѣтъ, мнѣ сердце говоритъ, что я долженъ идти. Да, сердце. Умъ говоритъ—не иди, а сердце—иди. Я уже давно не испытывалъ такого безпокойства. Предчувствіе-ли это чего-то роковаго? Но я знаю, что если я не пойду, то буду еще болѣе тревожиться.

— Въ такомъ случаѣ, если вамъ угодно, я съ вами пойду. Припрячусь гдѣ нибудь въ саду и буду ждать отъ васъ сигнала.

— И этого нельзя.

— Почему?

— Потому, что это будетъ похоже на засаду съ моей стороны.

— Какъ же быть?

— А вотъ какъ, — сказалъ Саринъ положивъ свою руку на плечо Дубова,—я поѣду на свиданіе одинъ, но въ шесть часовъ вы придете сюда, и если не найдете меня дома, то вы, немедля отправитесь туда, по адресу, на мѣсто происшествія.

Онъ подчеркнулъ это слово и горько улыбнулся.

— Согласны?

— Согласенъ.

По уходѣ Дубова, Саринъ началъ приготовляться къ свиданію. Приготовленія эти состояли въ приведеніи въ порядокъ своихъ бумагъ, наличныхъ денегъ, долговъ и т. п., точно онъ куда нибудь уѣзжаетъ надолго или навсегда. Для чего онъ все это дѣлаетъ, — онъ самъ не зналъ, но онъ чувствовалъ, что долженъ такъ дѣлать, а въ свои чувства онъ вѣрилъ не менѣе, иногда и болѣе, чѣмъ въ умъ свой. Наскоро пообѣдавъ и переодѣвшись, онъ въ четыре часа по-полудни поѣхалъ на свиданіе. Въ половину пятаго онъ уже сидѣлъ на скамейкѣ, подъ колоннадой, насупротивъ статуи Цереры, которая одна сохранилась изъ множества миѳологическихъ фигуръ, нѣкогда украшавшихъ большой,

великолѣпный, но теперь запущенный садъ гг. Струменскихъ. Болѣе укромнаго уголка для тайныхъ свиданій нельзя было и придумать.

Чтобы нѣсколько разсѣяться и въ ожиданіи прибытія особы, Саринъ вынулъ изъ своего кармана миніатюрное изданіе „Фауста“, съ которымъ онъ почти никогда не разставался и изъ котораго онъ привыкъ черпать скептицизмъ, житейскую мудрость и душевное успокоеніе особаго рода, и сталъ читать. Но на этотъ разъ блуждающая мысль его напрасно старалась сосредоточиться на столь знакомыхъ ему страницахъ великаго германскаго поэта и философа, и онъ читалъ машинально, по привычкѣ, не вникая въ смыслъ демоновской діалектики поучающаго Мефистофеля. Онъ сталъ читать въ разбивку, перелистывая книжку и останавливаясь то на той, то на другой страницѣ.

По прошествіи получаса такого скучнаго, безцѣльнаго чтенія, онъ услышалъ вдали шорохъ чьихъ-то шаговъ. Онъ закрылъ книжку и сталъ прислушиваться.

На концѣ липовой аллеи появилась человѣческая фигура, которую изъ за вѣтвей нельзя было хорошенько разглядѣть.

Саринъ всталъ, оправился и, прислонившись къ одной изъ колоннъ сталъ ждать. Фигура пошла по аллеѣ, по направленію къ колоннадѣ. „Стало быть, это она?“—подумалъ Саринъ.

Минуту спустя, онъ увидѣлъ передъ собою женщину высокую, стройную, всю въ черномъ и съ густою креповою вуалью на лицѣ. Фигура показалась ему знакомою. „Не ее-ли я видѣлъ на вечерѣ у жондиста?—подумалось ему,—А впрочемъ, кто ее знаетъ? Можетъ быть, это другая.

Когда фигура поравнялась съ нимъ, онъ снялъ шляпу и поклонился. На этотъ поклонъ фигура отвѣтила легкимъ киваньемъ головы и, опираясь на свой зонтикъ, молча прошла къ скамейкѣ и сѣла.

Сариным овладѣло недоумѣніе. „Можетъ быть, это совсѣмъ не та особа, которая назначила мнѣ свиданіе?—подумалось ему и онъ уже рѣшился было оставить колоннаду.

— Куда же вы?—остановила его незнакомка.

Саринъ вздрогнулъ и обернулся: голосъ показался ему тоже знакомымъ. Гдѣ онъ слышалъ этотъ голосъ?

— Такъ это вы изволили писать ко мнѣ? спросилъ онъ, робко приближаясь къ незнакомой.

— Да,—отвѣтила послѣдняя, еще болѣе закутывая свое лицо въ вуаль.—Благодарю васъ за вашу аккуратность.

— Чтобы выслушать важное извѣстіе,—замѣтилъ Саринъ, намекая на содержаніе записки,—нельзя не быть аккуратнымъ.

— Садитесь же и слушайте, — сказала незнакомка, указывая зонтикомъ на скамью, стоявшую vis-à-vis отъ скамейки, на которой она сама сидѣла.

Саринъ сѣлъ и снялъ шляпу.

— Подумали-ли вы, г. Саринъ, — начала незнакомка, — подумали-ли вы, подписывая вашъ протестъ, какой опасности вы себя подвергаете?

— Я думалъ только о своемъ долгѣ.

— Но благоразумный человѣкъ сперва точно опредѣляетъ себѣ долгъ свой и свои средства для его исполненія, и не бросается въ опасность, очертя голову.

— Позволяю себѣ думать, что я знаю долгъ свой и свои средства,—замѣтилъ Саринъ съ едва замѣтною улыбкою.

— Кто вамъ сказалъ, что плыть противъ теченія — долгъ вашъ?—спросила незнакомка гордо, почти грозно.

— Всѣ умные люди нашего народа, — отвѣтилъ Саринъ тоже гордо и грозно.

— Смотрите же! берегитесь, чтобы бурный потокъ не поглотилъ всѣхъ васъ!...

— Поглотитъ,—значитъ туда намъ и дорога, но мнѣ кажется, что мы вамъ поперегъ горла станемъ. Насъ, евреевъ, не такъ легко проглотить. Вы, христіане, то и дѣло насъ глотаете, а не проглотили, потому что не приказано. Проглотить можетъ сильный слабаго, а мы силы—равныя: вы количествомъ, а мы качествомъ. Вы этого не признаете, но намъ что за дѣло? Современемъ вы, можетъ быть, признаете.

Послѣдовала пауза, во время которой незнакомка смотрѣла въ одинъ уголъ, а Саринъ въ другой.

— Послушайте, г. Саринъ,—прервала незнакомка молчаніе, — я не вызвала васъ сюда для того, чтобы полемизировать съ вами. Я въ діалектикѣ слаба. Я пришла только, чтобы сообщить вамъ, что за вашъ протестъ въ мѣстной газетѣ васъ осудили.

— Кто?

— Люди, которые съумѣютъ привести въ исполненіе свой приговоръ.

— Такъ меня осудили?—спросилъ Саринъ, бросивъ разсѣянный взглядъ на свою собесѣдницу.

— Къ сожалѣнію, да, — отвѣтила послѣдняя съ едва слышимымъ вздохомъ.—Ваше имя уже внесено въ красный списокъ.

— Что означаетъ красный списокъ?

— Смерть.

— Но что, если я вамъ скажу, что я не боюсь смерти, что жизнь мнѣ не дорога, что она мнѣ опротивѣла?

— Не можетъ быть! Вы молоды, вы хотите жить и должны жить, а потому...

— А потому—что? перебилъ ее Саринъ.

— А потому я вамъ совѣтую одно изъ двухъ: или перемѣнить вашъ образъ дѣйствія или оставить городъ, край.

— Я не оставлю ни города, ни края!

— Въ такомъ случаѣ вы погибнете. Вы будете одною изъ первыхъ жертвъ, которыя будутъ принесены на алтарь ойчизны. Это рѣшено, рѣшено почти единогласно. Противъ васъ возмущены всѣ. За вами слѣдятъ зорко, неослабно. Каждый шагъ вашъ извѣстенъ... Я не должна этого говорить, но не могу воздержаться. Мнѣ васъ очень, очень жаль. Вы меня не знаете, но я васъ знаю и... цѣню, хоть я должна ненавидѣть васъ, какъ врага моей ойчизны.

— Я не врагъ вашей ойчизнѣ, а другъ моему племени.

— Все равно, вы дѣйствуете, какъ врагъ, а потому съ вами будетъ поступлено, какъ съ врагомъ. О, будьте благоразумны, не губите себя, живите, прошу васъ, умоляю васъ...

Она встала и, приближаясь къ Сарину, отдернула свою вуаль. Но едва онъ взглянулъ на лицо незнакомки, какъ вдругъ онъ вскочилъ съ своего мѣста, поблѣднѣлъ, пошатнулся и чуть не упалъ.

— Что съ вами, г. Саринъ?—спросила она, испугавшись внезапной перемѣны въ лицѣ молодаго человѣка.—Вы такъ поблѣднѣли. Вамъ дурно?

Онъ ничего не отвѣчалъ, а продолжалъ смотрѣть испуганными глазами въ лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки.

— Вы меня испугались?—спросила она, бросая съ своей стороны недоумѣвающіе взгляды на ошеломленнаго молодаго человѣка.

— Да... нѣтъ,—забормоталъ Саринъ, едва переводя дыханіе.—Извините, сударыня. Это сейчасъ пройдетъ... Я очень нервный... Вашъ образъ пробудилъ въ моей памяти одно старое воспоминаніе, о которомъ я уже сталъ забывать.

— И это воспоминаніе такъ страшно?

— Оно и страшно, и пріятно; но извольте продолжать, сударыня. Я уже оправился и могу васъ слушать.

— Но я не буду продолжать, пока вы не объясните мнѣ причины вашего внезапнаго испуга. Въ противномъ случаѣ я буду думать, что мое лицо такъ перепугало васъ. Неужели я такъ страшна?

— Такое сходство! Такое поразительное сходство! — проговорилъ про себя Саринъ, какъ бы въ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ. — А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть... Послушайте, сударыня,—началъ онъ твердо и рѣшительно,—вы въ 1854-мъ году были въ городѣ Г*?

— Я тамъ прогостила весь зимній сезонъ.

— А въ театрѣ вы бывали?

— Разумѣется.

— Вы помните спектакль, въ которомъ шла драма Duch matki rodu Dobrotyńskich?

— Когда театральная занавѣсь загорѣлась? помню.

— Свадьбу пана Ксаверія Голембко помните?

— Я на ней была.

— А полѣнезъ въ національныхъ польскихъ костюмахъ вы помните?

— Еще-бы. Я шла въ первой парѣ со старымъ маршалкомъ.

— Стало быть, вы панна Юлія Крутицкая?

— Откуда вы меня знаете?—спросила панна Юлія, озадаченная въ свою очередь.

— Откуда я васъ знаю?—переспросилъ Саринъ, горько улыбнувшись.—О, если-бы вы знали, сколько здоровья, сколько безсонныхъ ночей вы мнѣ стоили и... стоите, то вы-бы не задавали мнѣ такого вопроса.

Онъ тяжко вздохнулъ и, опустившись на скамью, прибавилъ:

— Коротко вамъ скажу, ясновельможная пани, съ того вечера, въ который я васъ увидѣлъ въ первый разъ, я разстался съ своимъ душевнымъ спокойствіемъ на всегда, чувствую, что на всегда.

Панна Юлія покраснѣла и потупила глаза.

— Стало быть, мы съ вами старые знакомые?—спросила она въ намѣреніи перенести разговоръ на другой предметъ.

— Да, ясновельможная пани, старые, очень старые. Хотя нашему знакомству всего восемь лѣтъ, но мнѣ кажется, что въ это время я прожилъ не восемь, а восемьдесятъ лѣтъ, такъ-что мнѣ уже надоѣло жить. Сердце мое перегорѣло, высохло, испепелилось, какая же пріятность въ жизни безъ сердца?... Но не въ томъ дѣло. Вы хотѣли знать причину моего внезапнаго испуга, когда я увидѣлъ ваше лицо?—Извольте. Послѣ масляницы столь памятнаго для меня зимняго сезона, я вдругъ пересталъ васъ встрѣчать. Я искалъ васъ по костеламъ, по концертамъ, въ домахъ, гдѣ вы бывали,—васъ нѣтъ какъ нѣтъ.

— Я уѣхала въ Варшаву.

— Я впалъ въ уныніе. Я чувствовалъ, что мнѣ недостаетъ чего-то, безъ чего мнѣ жить невозможно, тошно. Видѣть васъ хоть разъ въ недѣлю, хоть издали, мелькомъ, сдѣлалось для меня необходимостью. Я потерялъ охоту къ труду, бросилъ занятія, которыя прежде такъ привлекали меня. По цѣлымъ днямъ я бродилъ по городу и за-городомъ безъ цѣли, безъ плана, а ночи я просиживалъ за книгою, которой я совсѣмъ не читалъ. Я машинально перелистывалъ страницы, передъ моими глазами мелькали строки, но что говорили эти страницы и строки, — мнѣ не было извѣстно, да мнѣ и не хотѣлось знать. Меня не узнавали, потому что я скорѣе похожъ былъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка. Такъ я промучился два года.

— Два года!—воскликнула панна Юлія удивленно.—Это страшно.

— На третій годъ я сталъ поправляться. Я почувствовалъ нѣкоторый позывъ къ жизни и труду, хотя мучившая меня мысль не покидала меня ни на одну минуту. Въ одно утро, когда я зашелъ къ вновь прибывшему въ нашъ городъ фотографу, чтобы купить у него нѣсколько карточекъ для моей коллекціи портретовъ европейскихъ знаменитостей, я, перелистывая лежавшіе на столѣ аль-

бомы, вдругъ увидѣлъ васъ, т. е. вашу карточку! я чуть не обезумѣлъ отъ радости. „Гдѣ вы сняли эту карточку?“—спрашиваю у фотографа. — Въ Варшавѣ, — отвѣчаетъ онъ.—„Вы знаете эту особу?“—Я ее зналъ.—„Что значитъ, что вы ее знали?“—спрашиваю.—Это значитъ,—отвѣчаетъ онъ,—что она умерла. „Не можетъ быть!—воскликнулъ я, чуть не кинувшись на него.—Я самъ былъ на ея похоронахъ, отвѣчаетъ онъ.

— Странно,—замѣтила панна Юлія,—я точно снималась въ Варшавѣ. Фотографъ, должно быть, пошутилъ или совралъ, но для какой цѣли?

— Богъ его знаетъ. Я оставилъ его заведеніе съ невыразимымъ отчаяніемъ въ груди. Мнѣ хотѣлось плакать... На улицѣ я наткнулся на толпу зѣвакъ, глазѣвшихъ на окна какого-то заѣзжаго дома. Распрашиваю и узнаю, что въ этомъ домѣ остановилась какая-то кавказская княжна или царевна, ясновидящая, знающая все прошедшее человѣка и предсказывающая будущее. Дай-ка, думаю себѣ, посмотрю, что тамъ такое.

— Вы, стало-быть, суевѣрны?—спросила панна Юлія, улыбнувшись.

— Если вѣра въ таинственныя силы природы можетъ быть названа суевѣріемъ, то я суевѣренъ,—отвѣчалъ Саринъ серьезно. Если эти силы будутъ когда нибудь изслѣдованы и объяснены, то многое, что теперь заклеймлено именемъ суевѣрія, получитъ названіе науки. Я вѣрю въ процесъ ясновидѣнія, какъ въ законы электричества. Вы находите это смѣшнымъ?

— По крайней мѣрѣ, страннымъ,—объяснила панна Юлія свою улыбку.

— Не буду спорить, а буду продолжать мой разсказъ. Я очутился въ обществѣ нѣсколькихъ горцевъ, сидѣвшихъ на полу на коврахъ и покуривавшихъ трубки. Въ комнатѣ былъ такой дымъ, что только нѣсколько минутъ спустя я замѣтилъ въ этой группѣ лежавшую на полу же, на красныхъ подушкахъ, молодую женщину ослѣпительной, снѣжной, почти противной бѣлизны. „Здѣсь ясновидящая? — спросилъ я. Горцы загоготали по своему, указывая своими чубуками на женщину. Послѣдняя, окинувъ меня съ головы до ногъ быстрымъ, пронзительнымъ, пожирающимъ взглядомъ, спросила меня по французски: Vous voulez savoir votre destinée?—Oui, madame.—Le passé ou le futur?—Dite moi, s'il vous plait, seulement le présent.—Tout de suite, monsieur. Она вынула изъ подъ подушки колоду картъ и стала ихъ раскладывать на скамеечкѣ, не снимая съ меня глазъ. Я былъ очень недоволенъ, что вмѣсто ясновидящей, которую я надѣялся найдти, имѣю дѣло съ обыкновенной гадальщицей, т. е. шарлатанкой, но ретироваться было уже поздно, и я долженъ былъ выслушать ея сентенцію, гласившую, что я получилъ извѣстіе о смерти дорогой для меня особы и это извѣстіе вѣрно.

— Эта сентенція,—замѣтила панна Юлія,—была ясно изображена на вашемъ лицѣ, а потому черкешенка такъ легко прочла ее.

— Я это зналъ, но въ возбужденномъ состояніи, въ которомъ я тогда находился, я не могъ не видѣть въ этой сентенціи подтвержденія словъ фотографа. Такимъ образомъ я считалъ васъ умершей. Съ этой мыслью я свыкся пять лѣтъ. Вотъ почему я такъ испугался, когда я увидѣлъ ваши столь знакомыя мнѣ черты.

— Но теперь, г. Саринъ, вы меня уже не пугаетесь?— спросила панна Юлія съ обворожительною улыбкою на устахъ.

— Не пугаюсь,—отвѣчалъ Саринъ, легко вздохнувъ,—но проклинаю судьбу за то, что она опять насъ свела. Для какой цѣли?

— Можетъ быть, для того, чтобы спасти вамъ жизнь.

— Но вы уже знаете, что моего образа дѣйствій не перемѣню и края не оставлю, стало быть вы жизни мнѣ не спасете. И, откровенно говоря, хотя жизнь мнѣ въ тягость, однакожъ мнѣ все-таки хотѣлось бы пожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы довершить начатое нами дѣло, отъ котораго, какъ мнѣ кажется, зависитъ судьба всего нашего племени. Да, ясновельможная пани, нѣсколько лѣтъ я жить долженъ.

— И будете,—сказала Юлія твердо и увѣренно.

— Чѣмъ вы можете мнѣ гарантировать.

— Вотъ этимъ!—сказала панна Юлія вынувъ изъ своего кармана сложенную бумагу и передавъ ее Сарину.

— Что это такое?—спросилъ послѣдній, глядя удивленно на стоявшую передъ нимъ дѣвушку.

— List zelazny,—отвѣтила панна Юлія торжественно.— Держите эту грамоту всегда при себѣ. Въ бурное время, въ которое мы живемъ, она защититъ васъ лучше вооруженной стражи. Этою

грамотою личность ваша неприкосновенна. Рука убійцы васъ не тронетъ. Стало быть, вы не должны проклинать, а должны благословить судьбу за нашу встрѣчу. Безъ этой встрѣчи жизнь ваша висѣла бы на волоскѣ, а я этого не хочу.

— Почему? Чѣмъ я заслужилъ такое лестное вниманіе?

— Потому, — процѣдила панна Юлія, закрывая свое лицо вуалью,—потому... что я васъ люблю...

— О...! — воскликнулъ Саринъ, упавъ на колѣни и лишившись на минуту чувствъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, панны Юліи уже не было ни подъ колонной, ни въ саду.

— Гдѣ она?—спрашивалъ онъ себя, ища ее глазами.—Неужели это былъ сонъ?—Нѣтъ, не сонъ, а правда!

Онъ, какъ сумашедшій, выбѣжалъ изъ сада, вскочилъ на ожидавшаго его у воротъ извощика.

— Пошелъ!—крикнулъ онъ неистово.

— Куда прикажите?

— На право! — крикнулъ онъ еще неистовѣе, хотя ему слѣдовало скамандовать: на лѣво, т. е. въ городъ.

Извощикъ направился съ своимъ сѣдокомъ за городъ.

III.

Согласно уговору, Петръ Аѳанасьевичъ въ шесть часовъ вечера зашелъ къ Сарину. Не нашедъ его дома, онъ воротился на свою квартиру, захватилъ свой карманный револьверъ и полетѣлъ на мѣсто свиданія. Не заставъ никого подъ колоннадой, онъ обошелъ весь садъ, обыскалъ всѣ кусты, гроты и бесѣдки, обшарилъ оранжерею, заглянулъ въ находившійся въ саду швейцарскій домикъ и, не нашедъ ничего подозрительнаго, возвратился въ городъ въ предположеніи, что Саринъ теперь уже дома. Но Сарина дома еще не было.

Петръ Аѳанасьевичъ задумался.

— Неужели онъ забылъ нашъ уговоръ?—спрашивалъ онъ себя, сидя въ кабинетѣ Сарина и поминутно справляясь съ часами.

Было уже половина восьмаго. Небо стало заволакиваться тучами. Петръ Аѳанасьевичъ всталъ и поѣхалъ отыскивать Сарина

по его знакомымъ. Онъ справлялся у Кранцовъ, у Мозырскаго и еще въ двухъ-трехъ домахъ: никто Сарина не видалъ.

Петръ Аѳанасьевичъ сталъ безпокоиться.

— Не у Арансоновъ ли онъ?—подумалъ онъ, зная, что Саринъ иногда посѣщаетъ и этотъ домъ. И онъ завернулъ къ Аронсонамъ, хотя было уже нѣсколько поздно.

M-lle Софія поблѣднѣла, когда она узнала, что Петръ Аѳанасьевичъ уже нѣсколько часовъ ищетъ и не находитъ своего друга. Эта перемѣна въ лицѣ m-lle Софіи не ускользнула отъ зоркаго взгляда Петра Аѳанасьевича.

— Вы что нибудь знаете о г. Саринѣ?—спросилъ онъ, впившись глазами въ лицо блѣднѣвшей и дрожавшей дѣвушки.

— Н-нѣтъ,—отвѣтила она едва переводя дыханье.

— Я вамъ не вѣрю, сударыня,—почти крикнулъ онъ въ азартѣ.

M-lle Софія молчала, стараясь не глядѣть на Дубова.

— Послушайте, сударыня, — началъ онъ нѣсколько мягче, вы Сарину другъ или нѣтъ?

— А вы? — спросила она, устремивъ на Дубова умоляющій взглядъ.

— Я ему не другъ, а братъ. Я жизнь свою отдалъ бы за него.

— Въ такомъ случаѣ вы должны знать все, что я знаю... То-есть, я собственно ничего не знаю, я только догадываюсь...

— Все равно,—сказалъ Дубовъ,—сообщите мнѣ ваши догадки, авосьмы по нимъ доберемся и до самаго дѣла.

M-lle Софія съ минуту калебалась, какъ бы не рѣшаясь говорить, потомъ начала:

— Такъ и быть... Но, г. Дубовъ, дайте мнѣ честное слово, что вы меня не выдадите.

— Кому?

— Кому бы то ни было.

— Parole d'honneur!—проговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ, протянувъ руку m-lle Софіи.

— Благодарю и вѣрю, что сдержите ваше слово, сказала она, пожавъ протянутую ей руку. — Дѣло вотъ въ чемъ: одна особа, близко стоящая къ польскимъ дѣятелямъ, проболтнулась мнѣ на

дняхъ, что въ скоромъ времени Саринъ перестанетъ быть вреднымъ польской справѣ.

— Кто эта особа?

— Не могу сказать.

— Больше она вамъ ничего не сказала?

— Ничего, но я опасаюсь...

— Я тоже опасаюсь, перебилъ ее Дубовъ быстро, вскочивъ съ своего стула.—Прощайте, m-lle Аронсонъ.

— Куда же вы? — спросила m-lle Софія, схвативъ Дубова за руку и задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Не задерживайте меня! не нужно теперь терять ни одной минуты. Если Саринъ до полуночи не будетъ дома, то онъ... въ когтяхъ жонда!

— О, Боже! — крикнула дѣвушка и упала безъ чувствъ,

Дубовъ былъ такъ занятъ мыслью о грозившей Сарину опасности, что не замѣтилъ даже обморока m-lle Софіи. Сказавъ ей еще разъ:—прощайте, онъ быстро оставилъ квартиру Аронсоновъ, вскочилъ на извощика, велѣлъ ему гнать лошадь, что будетъ мочи.

Безпокойство Дубова расло съ каждою минутою: послѣ сообщенія, сдѣланнаго ему m-lle Софіей, мысль, что Саринъ попалъ въ разставленную для него западню, стала пріобрѣтать у него все больше вѣроятія, тѣмъ болѣе, что случаи исчезновенія людей безъ вѣсти сдѣлались въ послѣднее время частыми. Всѣ приписывали эти случаи дѣятельности такъ называемаго жонда, но кто этотъ жондъ, гдѣ онъ—никто не зналъ. Знали только, что нужно бояться этой таинственной и страшной силы, въ существованіи которой уже нельзя было сомнѣваться. Это-то обстоятельство и бѣсило Дубова, который не могъ простить администраціи ея оплошности, вслѣдствіе которой, какъ онъ думалъ, и возникла эта подпольная власть, терроризирующая все населеніе края.

Онъ долго разъѣзжалъ по городу безъ цѣли, безъ плана, останавливаясь то у Полицейскаго Управленія, то у квартиры своего начальника, въ намѣреніи сообщить о сдѣлавшемся ему извѣстнымъ случаѣ, но каждый разъ намѣреніе это почему-то казалось ему преждевременнымъ: надежда, что Саринъ возвратится, еще не покидала его.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Было уже девять часовъ вечера,

когда Дубовъ слѣзъ съ извощика и вошелъ въ квартиру Сарина съ твердымъ намѣреніемъ просидѣть тамъ до полуночи, а если къ этому времени Саринъ не возвратится, онъ подниметъ на ноги всю полицію, всю администрацію, которая „должна же, наконецъ, показать міру, что она въ краѣ хозяинъ, а не какія нибудь головорѣзы; въ противномъ случаѣ... это чортъ знаетъ что такое!“

Онъ сбросилъ съ себя сюртукъ, который промокъ на немъ, и легъ на софу, чтобы отдохнуть; но волновавшія его мысли и чувства не давали ему лежать спокойно ни одной минуты. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, обдумывая, что ему дѣлать, если Саринъ не возвратится къ полуночи.

Четверть часа спустя, онъ подсѣлъ къ письменному столу, взялъ листъ бумаги и началъ писать донесеніе о происшествіи со всѣми извѣстными ему подробностями. Онъ писалъ и перечеркивалъ и опять начиналъ, находя, что написанное или слишкомъ сухо, или слишкомъ дерзко. Наконецъ, попавъ въ надлежащій тонъ, онъ пошелъ писать плавно, шибко, безъ перемарокъ и, исписавъ одинъ листъ, взялся за другой. Онъ былъ такъ углубленъ въ свою работу, что не слышалъ, какъ Өома влетѣлъ, какъ бомба, въ комнату, остановившись въ дверяхъ кабинета.

— Ваше благородіе,—рѣшился старый служивый разбудить наклоненнаго надъ бумагою Петра Аөанасьевича.

— Кто тутъ?—спросилъ послѣдній, быстро обернувшись къ дверямъ.

— Баринъ пріѣхалъ,—доложилъ Өома, почти шепотомъ.

— Гдѣ онъ? — спросилъ Петръ Аөанасьевичъ, вскочивъ съ своего мѣста и выбѣжавъ изъ кабинета.

— На лѣстницѣ, ваше благородіе, расчитываетъ извощика.

Минуту спустя, Петръ Аөанасьевичъ держалъ разстроеннаго и промокшаго до костей Сарина въ своихъ объятіяхъ.

— Гдѣ это вы пропадали? Откуда вы? Цѣлы ли вы, — сталъ онъ осыпать Сарина вопросами.

— Я цѣлъ и невредимъ, — отвѣтилъ Саринъ, сбрасывая съ себя мокрую одежду.—Я вамъ все разскажу... Өома, подбирай все это!.. Ну, погоди-ка!.. Өома, халатъ и туфли!.. Я только недавно спохватился, что сверху льетъ, какъ изъ ведра...

— Уфъ, какъ усталъ! — проговорилъ Саринъ, потягиваясь на

диванѣ уже въ халатѣ и туфляхъ. — Дайте мнѣ отдохнуть минуточку, потомъ я вамъ все разскажу. Садитесь вотъ здѣсь. Ѳома, самоваръ и бутылку рому!

— Слушаю.

— Меня знобитъ, отъ пуншу можетъ быть это пройдетъ. Какъ вы полагаете, Петръ Аѳанасьевичъ?

— И я такъ думаю.

Наступила пауза, во время которой Саринъ усиливался вздремнуть немножко, а Дубовъ не снималъ глазъ съ блѣднаго, разстроеннаго лица своего друга: онъ въ первый разъ видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи и сгоралъ отъ нетерпѣнія поскорѣе узнать причину такого состоянія.

— Представьте себѣ, Петръ Аѳанасьевичъ,—началъ вдругъ Саринъ, открывъ глаза,—вѣдь мое предчувствіе сбылось.

— Какъ такъ?—спросилъ Дубовъ недоумѣвая.

— Вѣдь это была она!

— Кто такая?

— Ахъ, виноватъ. Я совсѣмъ забылъ, что вы ничего не знаете. Я вамъ ничего еще не разсказалъ?

— Ничего.

— Такъ слушайте.

И онъ началъ разсказывать, кто эта она, когда, какъ и гдѣ онъ съ ней познакомился, свои мученія и свою послѣднюю встрѣчу съ нею. Онъ разсказывалъ живо, увлекательно, анализировалъ свои чувства съ тонкостью психолога и большаго знатока въ дѣлѣ любви, а Дубовъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ и любопытствомъ.

— Признаться,—замѣтилъ послѣдній, когда Саринъ окончилъ разсказъ свой, я совсѣмъ не считалъ васъ способнымъ къ такой восторженной любви: вы человѣкъ такой ровный, разсудительный, флегматическій!

— Нѣтъ, Петръ Аѳанасьевичъ, — возразилъ Саринъ, отодвинувъ отъ себя выпитый имъ стаканъ пуншу и закуривая папироску,— я не флегматикъ, а только человѣкъ сосредоточенный. Мое положеніе, какъ еврея, пріучило меня держать свои чувства на привязи, казаться апатичнымъ въ то время, когда въ душѣ цѣлый адъ.

Но не въ томъ дѣло. О чемъ мы сейчасъ говорили? — спросилъ Саринъ, потирая себѣ лобъ.

— О вашей восторженной любви.

— Ахъ, да. И вопросъ теперь въ томъ, что мнѣ дѣлать? Повѣрите ли, Петръ Аѳанасьевичъ, я почти не радъ нашей встрѣчѣ. Ея признаніе въ сущности не столько обрадовало, сколько поразило меня. Предаться этой любви я не могу и не долженъ. Не могу, потому что сердце мое отъ продолжительной тоски перегорѣло, испепелилось, умерло; не долженъ, потому что лежащія на мнѣ обязанности указываютъ мнѣ путь, совершенно противоположный тому, по которому идетъ панна Юлія. Наши убѣжденія и стремленія раздѣляютъ насъ на вѣки. Компромиса между нами быть не можетъ. На измѣну своимъ убѣжденіямъ не рѣшится ни она, ни я. Все, что я могу сдѣлать, это — бездѣйствовать, остаться нейтральнымъ; но и это для меня невозможно—я жажду общественной дѣятельности, и бездѣйствіе для меня равносильно смерти. Я и теперь едва живу, потому что кругъ дѣйствія, въ которомъ я вращаюсь, слишкомъ тѣсенъ для меня, я въ немъ задыхаюсь. Односторонность моей дѣятельности убиваетъ меня. Я чувствую въ себѣ силы для болѣе обширныхъ предпріятій. Вы, Петръ Аѳанасьевичъ, вѣроятно полагаете, что я еврейскій патріотъ?

— А то какъ-же?—спросилъ Дубовъ, бросивъ на Сарина недоумѣвающій взглядъ.

— Въ томъ то и дѣло,—отвѣтилъ Саринъ,—что я уже давно пересталъ чувствовать себя исключительно евреемъ; чувствую себя гражданиномъ, и въ этомъ качествѣ моя нынѣшняя дѣятельность удовлетворяетъ меня только отчасти. Если же отказаться и отъ этой дѣятельности, то значитъ совсѣмъ отказаться отъ жизни. Притомъ...

Но въ эту минуту въ дверяхъ кабинета появился Ѳома съ таинственнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Что скажешь?—спросилъ его Саринъ.

— Какая-то барышня васъ спрашиваетъ.

— Гдѣ она?—спросилъ Саринъ, вскочивъ съ дивана.

— Въ передней.

Саринъ бросился въ переднюю, но никого тамъ не засталъ.

— Не померещилось ли тебѣ? — спросилъ онъ Ѳому, вглядываясь въ его лицо, чтобы удостовѣриться, не пьянъ ли онъ.

— Какое померещилось,—возразилъ Ѳома сердито, понявъ испытующій взглядъ своего барина. — Я развѣ слѣпъ, али пьянъ? Карай меня Богъ, если она сію минуту не стояла вонъ на этомъ мѣстѣ.

— Какого она роста?

— Я не мѣрилъ.

— Однакожъ все таки, примѣрно?

— Извѣстно, какъ барышня: маленькая, худенькая, быстроглазая.

— Не она,—подумалъ про себя Саринъ.—Что она говорила?

— Спрашивала дома ли вы, когда пріѣхали и здоровы ли вы, Я пошелъ только докладывать, она и была такова.

Саринъ возвратился въ кабинетъ и разсказалъ Дубову объ этомъ странномъ происшествіи.

— Я знаю, кто здѣсь была—отозвался Дубовъ.

— Кто?

— M-lle Аронсонъ.

— Неужели? Съ какой стати?

— Она очень безпокоилась о вашемъ отсутствіи. Мы уже считали васъ пропавшимъ навсегда. Кстати, разскажите, гдѣ же вы были до сихъ поръ? Васъ не было ни въ саду, ни въ городѣ.

— Я долгое время самъ не зналъ, гдѣ я. Я ѣхалъ все прямо, прямо, воображая себѣ, что догоняю панну Юлію. Мнѣ почему-то хотѣлось узнать ея адресъ. Потомъ оказалось, что я все болѣе и болѣе отдаляюсь отъ города. На пятой верстѣ извощикъ остановился у какой-то корчемки, чтобы покормить свою лошадь и самому перехватить что нибудь. Тѣмъ временемъ полилъ дождь. Мы ждали часъ, потомъ, когда мы убѣдились, что дождь сегодня не перестанетъ, мы рѣшились возвратиться въ городъ.

Около полуночи Петръ Аѳанасьевичъ ушелъ, а Саринъ, утомленный, едва держась на ногахъ отъ слабости и отъ двухъ стакановъ пуншу, къ которому онъ не привыкъ, легъ спать раньше обыкновеннаго.

IV.

Уже было десять часовъ утра, но шторы въ кабинетѣ Сарина все еще были опущены: Саринъ еще спалъ. Старый Ѳома успѣлъ уже два раза побывать въ кабакѣ и въ третій разъ принимался согрѣвать самоваръ, который могъ быть потребованъ каждую минуту. Отъ времени до времени онъ на цыпочкахъ приближался къ полуотворенной двери кабинета и заглядывалъ туда, не проснулся ли баринъ, и каждый разъ возвращался оттуда, многозначительно покачивая головою и бормоча себѣ что то подъ носъ. Его взяло раздумье, отчего это баринъ, который обыкновенно вставалъ въ шесть часовъ утра, сегодня такъ долго спитъ и не думаетъ еще просыпаться. Онъ присѣлъ на своей скрынѣ, служившей ему и кресломъ, и принялся чистить свои медали, въ намѣреніи ждать, пока не услышитъ знакомаго ему звонка. Но едва онъ обмакнулъ свой палецъ въ черепокъ съ толченымъ кирпичемъ, какъ вдругъ услышалъ глухой стукъ въ дверь.

Онъ поднялся и отворилъ дверь. Вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ густою черною бородою и съ открытымъ, энергическимъ, но довольно добродушнымъ лицомъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ его Ѳома, любившій озадачивать незнакомцевъ строгостью стараго служаки.

— Ахъ ты, старая бестія!—отвѣтилъ ему вошедшій, добродушно улыбаясь,—ты развѣ не узнаешь меня?

— Пане капитане!—воскликнулъ Ѳома, обрадовавшись и бросившись цѣловать руки пана капитана.—Съ пріѣздомъ, ваше благородіе, съ пріѣздомъ! То-то баринъ обрадуется!

И онъ бросился снимать съ капитана плащъ и большіе калоши, на которыхъ лежалъ густой слой мокрой грязи.

— Ну что дзѣцякъ? *) спросилъ капитанъ, протянувъ Ѳомѣ свою правую ногу.

— Еще спятъ,—отвѣтилъ Ѳома.

— Эге, дружочки! Такъ вы здѣсь облѣнились?

— Какое облѣнились? — защищался Ѳома;—мы завсегда чуть свѣтъ, только сегодня случай такой вышелъ.

— Что, подкутили?

— Оборони Боже! Какое подкутили? Мы вчера точно немножечко шпунту съ филимономъ, но кутить не кутили, ей Богу.

*) Парнишка.

— Ужь я ему задамъ,—проговорилъ капитанъ, высвободивъ свою вторую ногу изъ калошъ и выпрямившись.—Гдѣ онъ спитъ?

— Въ габинетѣ, направо,—сказалъ Ѳома, отворивъ дверь въ гостиную и пропустивъ мимо себя капитана.

Сдѣлавъ четыре шага, капитанъ очутился у кровати Сарина. Съ минуту стоялъ онъ и смотрѣлъ на спящаго, молча, любовно, но потомъ началъ будить его.

— Дзѣцякъ, а дзѣцякъ! — кричалъ капитанъ, тормоша спящаго, будетъ тебѣ лѣниться, уже одинадцатый часъ!

Саринъ открылъ глаза и присѣлъ на кровати. Онъ еще заспанными и испуганными глазами смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ человѣка, не узнавая его.

Wujaszek! *)—воскликнулъ онъ, узнавъ его наконецъ и бросившись въ его объятія. На глазахъ капитана показались слезы.

Не смотря на разницу въ лѣтахъ, вѣрѣ и общественномъ положеніи, между инженеръ-капитаномъ Вольскимъ и Саринымъ уже съ давнихъ поръ существовала дружба, самая нѣжная, почти родственная. Дѣло въ томъ, что иждивеніемъ Вольскаго, которому родители Сарина когда то оказали важную услугу, сирота Саринъ учился въ школѣ и на дому у самыхъ лучшихъ учителей. Вольскій ничего не жалѣлъ для воспитанія и образованія еврейскаго мальчика, котораго онъ полюбилъ, какъ сына, за его отличныя способности, прилежаніе и понятливость не по лѣтамъ. Онъ имъ гордился, и, за всѣ свои благодѣянія, требовалъ только, чтобы дзѣцякъ, т. е. Саринъ, называлъ его дядюшкой и относился къ нему, какъ къ родственнику, что для Сарина было тѣмъ легче и пріятнѣе, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ питалъ къ своему благодѣтелю и его семейству самыя нѣжныя, самыя родственныя чувства. Въ тиши Вольскій и его жена питали надежду, что со временемъ обстоятельства сложатся такъ, что имъ возможно будетъ выдать за Сарина свою Людвисю: лучшаго мужа для своей дочери они не желали, тѣмъ болѣе, что Людвися, какъ они замѣчали, только живетъ и дышетъ своимъ бывшимъ гувернеромъ, т. е. Саринымъ, хотя она и тщательно скрываетъ это. О главномъ препятствіи,—религіи—они немного заботились: время, почему-то думали они, устранитъ и это препятствіе; имъ не вѣрилось, чтобы Аркадій могъ вѣчно оставаться евреемъ. Они никогда не затрогивали этого щекотливаго вопроса, въ полной надеждѣ, что онъ самъ собою разрѣшится въ ихъ пользу, или, справедливѣе, въ пользу ихъ Людвиси, къ которой Аркадій, какъ имъ казалось, не совсѣмъ равнодушенъ. На перемѣщеніе Сарина въ N* они смотрѣли, какъ на обстоятельство, долженствующее ускорить осуществленіе лелѣяннаго имъ плана: разлука,—думали они,—выяснитъ Аркадію его отношенія, его чувства къ Людвисѣ и заставитъ его сдѣлать шагъ энергическій, рѣшительный... Какъ фальшивы были эти соображенія въ самомъ ихъ основаніи, читатели уже знаютъ изъ всего выше разсказаннаго.

*) Дядюшка.

Когда первыя искреннія привѣтствія были въ достаточной мѣрѣ обмѣнены между дядюшкой и дзѣцякомъ, послѣдній, накинувъ на себя халатъ и распорядившись на счетъ чаю, усѣлся насупротивъ своего гостя и, вперивъ въ него испытующій взглядъ, спросилъ:

— А что, примѣрно, означаетъ ваша борода и вашъ штатскій костюмъ?

— Это означаетъ, — отвѣтилъ капитанъ, поглаживая свою густую бороду,—что я уже не чиновникъ, не слуга царскій.

— Какъ такъ?—спросилъ Саринъ удивленно.

Я вышелъ въ отставку.

— А что, служба вамъ надоѣла или вы надоѣли службѣ?

— Ни то, ни другое.

— Такъ что же такое?

— Ойчизна призываетъ,—таинственно проговорилъ капитанъ и вздохнулъ.

— Что я слышу!—воскликнулъ Саринъ, всплеснувъ руками и вскочивъ съ своего мѣста.—Неужели и вы дали увлечь себя этими иллюзіями?.. Нѣтъ, дядюшка, — прибавилъ онъ, подсѣвъ къ капитану и обвивъ руками его шею.—Я вамъ сумасбродничать не позволю. Я напишу тетѣ, Людвисѣ, всѣмъ нашимъ. Они пріѣдутъ, мы васъ свяжемъ, закупоримъ въ ящикъ и домой отвеземъ. Слышите, дядюшка?

Дядюшка испустилъ глубокій вздохъ и сказалъ:

— Слушай, Аркадій, что я тебѣ скажу. Ты только пойми меня

хорошенько. Я нисколько не увлекаюсь: дуракъ я или молокососъ, что ли? Я очень хорошо знаю, что изъ этого дѣла ничего хорошаго не выйдетъ. Мало того: я даже убѣжденъ, что мы наживемъ себѣ очень много горя. Силы Россіи громадны, она только дунетъ и насъ не будетъ. Въ тридцать первомъ году мы были гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, а Россія гораздо слабѣе, однакожъ побѣда осталась за нею. Теперь Россія несравненно сильнѣе, а мы несравненно слабѣе, стало быть на счетъ исхода борьбы нечего сомнѣваться, по крайней мѣрѣ, я нисколько не сомнѣваюсь: мы идемъ на вѣрную погибель. Но...

— Но что?

— Но я долженъ исполнить долгъ, обѣтъ, клятву. Дѣло, видишь ли, въ томъ, что отецъ мой, который, какъ можетъ быть знаешь, былъ однимъ изъ первыхъ польскихъ патріотовъ, на смертномъ одрѣ взялъ у меня клятву, что я откликнусь на всякій зовъ моей ойчизны, что я буду служить ей, чѣмъ только могу. Предсмертная воля моего отца для меня законъ, понимаешь? И я точно бобръ, который идетъ въ разставленные ему силки, зная, что идетъ на свою вѣрную погибель: онъ плачетъ, а идетъ, потому что такъ ему предопредѣлено судьбою.

— Но вы, дядюшка, не бобръ, вы человѣкъ.

— Но я дворянинъ: данное мною слово свято, и я его исполню, чего бы мнѣ это не стоило.

— А о вашемъ семействѣ вы подумали?

— Само собою разумѣется.

— Что же вы сдѣлали?

— Я передалъ имѣніе на имя жены, стало быть, если со мною случится что нибудь, жена и дѣти будутъ обезпечены. Я теперь для нихъ все равно, что умеръ. Я всецѣло принадлежу теперь ойчизнѣ или, справедливѣе, жонду, который будетъ распоряжаться мною, какъ пѣшкою. Я ни съ кѣмъ еще не видался, но я знаю, что я буду командированъ для какихъ-то инженерныхъ работъ. Я буду состоять при штабѣ Мѣрославскаго. Я ни къ кому еще не являлся, потому что мнѣ хотѣлось повидаться съ тобою, можетъ быть, въ послѣдній разъ...

На глазахъ капитана и Сарина показались слезы. Они сидѣли съ поникшими головами, не смѣя взглянуть другъ на друга. Пауза длилась нѣсколько минутъ.

— Теперь, дзѣцякъ, — началъ потомъ капитанъ, принимая веселую мину, — поговоримъ о тебѣ.

— Что обо мнѣ говорить?

— Ты долго еще думаешь учительствовать?

— Что же мнѣ дѣлать?

— Ты еще молодъ, поѣзжай въ университетъ.

— Для чего?

— Для чего? Извѣстно — для чего: для карьеры.

— То есть, чтобы быть медикомъ или чиновникомъ?

— А хотя бы и такъ?

— Нѣтъ, дядюшка, къ медицинѣ не чувствую себя способнымъ, быть же чиновникомъ тошно, и развитому человѣку вовсе уже не приходится увеличивать собою фалангу того сословія, которое пользуется въ Россіи такою незавидною репутаціею. Нѣтъ, дядюшка, прибавилъ Саринъ, вставъ и подошедъ къ письменному столу, чтобы взять папироску, я за тѣмъ, что называется у насъ карьерой, не гоняюсь; мое высшее честолюбіе состоитъ въ посильномъ служеніи обществу и принесеніи ему кой какой пользы, а для этого мнѣ не нужно никакихъ дипломовъ съ приложеніемъ оффиціальныхъ печатей. Я чувствую себя гражданиномъ, и этого званія не промѣняю ни на какой чинъ, ни на какую ученую степень.

— Браво, дзѣцякъ!—воскликнулъ капитанъ восторженно, вставъ и заключивъ Сарина въ свои объятія,—я вполнѣ одобряю твой образъ мыслей, хотя я знаю, что онъ невыгоденъ и неудобенъ въ практическомъ отношеніи. Одно только скажу тебѣ: если званіе гражданина тебя слишкомъ утомитъ, потому что въ Россіи нѣтъ ничего тяжелѣе этого званія, то ты не забудь, что въ М—скомъ уѣздѣ, въ третьемъ станѣ, въ имѣніи Яблоновкѣ существуетъ шляхетское семейство Вольскихъ, которое приметъ утомленнаго гражданина съ распростертыми объятіями и доставитъ ему тотъ отдыхъ, котораго онъ заслуживаетъ. Ты мнѣ обѣщаешь?

— Обѣщаю.

— Я прошу тебя объ этомъ еще и потому, что семейство мое останется долго или навсегда безъ покровителя. Сердце мнѣ го-

воритъ, что судьба заброситъ меня далеко отъ роднаго края, далеко...

Капитанъ не могъ продолжать, потому что онъ чувствовалъ, что готовъ разрыдаться. Онъ схватилъ Сарина за обѣ руки, долго смотрѣлъ ему въ глаза, ничего не говоря и даже не моргая. Потомъ онъ разстегнулъ свой сюртукъ и жилетъ, снялъ съ своей шеи образокъ на тонкой золотой цѣпочкѣ и, передавъ его Сарину, проговорилъ:

— Хочу, чтобы эга семейная реликвія осталась въ моемъ семействѣ. Передашь ее женѣ или Людвисѣ и скажешь, что я ихъ благословляю. Вмѣстѣ съ этою реликвіею передаю тебѣ мою родительскую власть. Бодрствуй надъ ними, люби ихъ, какъ я ихъ люблю, какъ я тебя люблю.

Проговоря это, онъ бросился на шею Сарина и разрыдался какъ ребенокъ.

— Теперь,—началъ капитанъ, переставъ плакать и осушивъ глаза,—прощай Аркадій. Если возможно будетъ, то мы еще увидимся, а если нѣтъ, то значитъ прощай на всегда и помни о чемъ я тебя просилъ. Будетъ случай написать—напишу, а если не напишу, значитъ, что случая не было. Прощай!

Онъ три раза поцѣловалъ Сарина, вырвался изъ его объятій и почти выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ такъ торопился, что Ѳома едва успѣлъ накинуть на него плащъ и напялить колоши. Онъ бросилъ Ѳомѣ рубль, вырвалъ у него свою руку, которою тотъ завладѣлъ было, и вышелъ, не произнося ни одного слова.

Саринъ прошелся по кабинету, потомъ подсѣлъ къ письменному столу и, подперши голову обѣими руками, погрузился въ думу.

V.

Вечеръ. Въ большомъ и роскошномъ будуарѣ графини Сташицкой царствуетъ какой-то таинственный полумракъ, такъ какъ будуаръ освѣщенъ только одною небольшою лампою, стоящею надъ мраморнымъ каминомъ, а оконныя шторы опущены. Торжественная, почти страшная тишина, нѣсколько умѣряемая неутомимымъ тикъ-такомъ бронзовыхъ часовъ на мраморномъ столикѣ подъ зеркаломъ.

Графиня Сташицкая полулежитъ на бархатной кушеткѣ, одною

рукою подпиралъ свою красивую голову, а другою играетъ цѣпочкою отъ медальона. На ней голубая блуза изъ шелковой матеріи, которая очень идетъ къ ея распущеннымъ каштановымъ волосамъ и къ ея блѣдному, задумчивому, почти озабоченному лицу.

Она то закрываетъ глаза, то открываетъ ихъ, лѣниво блуждая ими въ полумракѣ будуара. Тонкія губы ея сложены въ меланхолическую улыбку. Отъ времени до времени она испускаетъ глубокій, но тихій вздохъ, какъ будто боясь нарушить торжественное безмолвіе будуара.

Бронзовые часы пробили девять. Графиня протянула руку къ серебрянному колокольчику и позвонила.

Дверь тихонько отворилась и у портьеры появился ливрейный лакей.

— Стефанія еще не возвратилась?—спросила графиня слабымъ, почти дрожащимъ голосомъ.

— Никакъ нѣтъ, ясневельможная пани графиня.

Графиня пожала плечами, на лицѣ ея появилась тоска.

— Если тѣмъ временемъ кто нибудь придетъ, — прибавила она тѣмъ же голосомъ, — то не принимать.

— Слушаю,—отвѣтилъ лакей съ глубокимъ поклономъ.

— Когда панъ Андрей зайдетъ, то лампу на лѣстницѣ потушить и подъѣздъ запереть, понимаешь?

— Понимаю, ясневельможная пани графиня.

Въ эту минуту за полуотворенной дверью будуара послышался шорохъ. Лакей, оглянувшись, увидѣлъ Стефанію.

А вотъ и Стефанія, — сказалъ онъ, пропустивъ мимо себя горничную и заперевъ за собою дверь.

Графиня быстро поднялась и почти подпрыгнула къ Стефаніи.

— Ну что? — спросила она, схвативъ ее за руки.

— Сейчасъ придетъ, — отвѣтила горничная.

— Ты никого у него не застала?

— Никого.

— Говори правду!

— Якъ Бога кохамъ, никого, кромѣ Яна.

— Отчего же ты тамъ замѣшкалась?

Горничная покраснѣла, но изъ-за полумрака графиня не замѣтила этого.

— Отчего не отвѣчаешь?

— Я шла мимо часовни и завернула на нешпоры *), — отвѣтила горничная, не смѣя смотрѣть прямо въ лицо графини.

— Знаю твои нешпоры, — проговорила графиня, погрозивъ ей пальцемъ. Но впредь, моя милая, будь аккуратнѣе. На нешпоры ходи, когда ты свободна, а не когда тебя за чѣмъ нибудь посылаютъ.

— Слушаю, ясневельможная пани графиня, — сказала горничная поцѣловавъ руку графини и удалившись.

Графиня подошла къ зеркалу, поправила свои волосы и стала ходить по будуару взадъ и впередъ, съ нетерпѣніемъ поглядывая то на часы, то на дверь.

Четверть часа спустя, въ смѣжной съ будуаромъ комнатѣ послышались скорые, но твердые шаги мужчины. Графиня подскочила къ кушеткѣ и прилегла, принявъ прежнюю лѣнивую, небрежную позу.

Вошелъ панъ Андрей. Онъ былъ въ гусаркѣ, высокихъ сапогахъ и съ сакъвояжемъ черезъ плечо. Онъ развязно подошелъ къ графинѣ и подсѣлъ къ ней на кушетку.

— Здравствуй, Аврелія,—сказалъ онъ, поцѣловавъ ея руку.— Что скажешь?

— Неблагодарный!—отвѣтила она, не глядя на него.—Гдѣ ты пропадалъ эти три дня? Ты хотѣлъ убѣдиться, пошлю ли я за тобою?

Панъ Андрей началъ крутить свой усъ и ничего не отвѣчалъ.

— Скажи прямо,—продолжала графиня,—я тебѣ надоѣла? Ты тяготишься моею... дружбою?

— Не ты мнѣ надоѣла, а кредиторы мнѣ надоѣли,—отвѣтилъ панъ Андрей,—я отъ нихъ-то прятался все это время.

— Кредиторы?—воскликнула графиня,—опять долги? Давно ли я выкупила всѣ твои векселя? И ты опять успѣлъ задолжаться? Ты раззорить меня хочешь, и въ такое время, когда ойчизна взываетъ къ намъ о помощи? Есть ли въ тебѣ совѣсть? Христіанинъ ли ты, полякъ ли ты? Теперь ли время кутить, мотать? Ты развѣ забылъ торжественную клятву—служить ойчизнѣ денно и нощно, всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами души твоей?.. Ты клятвопреступникъ, измѣнникъ, а еще считаешься членомъ жонда!..

---

*) Вечерня.

Панъ Андрей выслушалъ эти упреки съ невозмутимымъ равнодушіемъ, не моргнувъ даже.

— Послушай, Аврелія,—сказалъ онъ спокойно, играя шнурками своей гусарки,—къ чему эти репримады? Зачѣмъ намъ ссориться на прощаньи.

— На прощаньи?—воскликнула графиня, вскочивъ съ кушетки и въ первый разъ взглянувъ на пана Андрея.

— Да, на прощаньи,—отвѣтилъ панъ Андрей, вглядываясь въ испуганное лицо графини.—Я сегодня уѣзжаю.

— Куда?

— Въ деревню, къ моему старику.

— Зачѣмъ?

— Просить у него денегъ, чтобы расплатиться съ должниками, которые угрожаютъ мнѣ тюрьмою.

— Что же будетъ, если старикъ не дастъ?

— Надѣюсь, что дастъ, а если не дастъ, то я удеру куда-нибудь подальше изъ края.

— Но я этого не хочу! Слышишь, Андрей? Я не хочу!

— А я иначе не могу, потому что не имѣю не малѣйшей охоты сидѣть въ тюрьмѣ.

— Неблагодарный!—упрекала его графиня,—ты рѣшаешься покидать меня въ то время, когда знаешь, что я безъ тебя жить не могу?

— Что же мнѣ дѣлать? Посуди сама.

— О, теперь я вижу, что ты никогда не любилъ меня,—проговорила графиня, опустившись на кресло и закрывъ лицо платкомъ.

Она плакала. Панъ Андрей, посидѣвъ нѣсколько минутъ, всталъ, подошелъ къ графинѣ и, протянувъ ей свою правую руку, проговорилъ:

— Eh bien, дорогая Аврелія, попрощаемся.

— Нѣтъ, — воскликнула графиня, схвативъ Андрея за обѣ руки,—я тебя не пущу. Ты не поѣдешь. Я тебѣ запрещаю.

— Но,—началъ было панъ Андрей.

— Сколько тебѣ нужно?—перебила его графиня.

— По крайней мѣрѣ, тысячи три.

— Три тысячи! Такой суммы теперь у меня нѣтъ: управляющій еще не прислалъ.

— Я это зналъ, а потому я не хотѣлъ у тебя просить.

— Но... постой! — проговорила графиня, задумавшись. — Не уходи... Сейчасъ. Да.

Она быстро подошла къ угловому столику, зажгла свѣчку и выбѣжала съ нею изъ будуара. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась съ пачкою кредитныхъ билетовъ въ рукѣ.

— Вотъ тебѣ три тысячи,—сказала она, передавая Андрею деньги. Эти деньги скарбовыя, изъ жондовой кассы. Я ихъ беру заимообразно. Ты видишь, что для тебя я не жалѣю никакой жертвы. Будь же теперь разсудительнѣе. Не мотай, не раззоряй меня; мои имѣнія и безъ того уже раззорены. Панщины вскорѣ уже совсѣмъ не будетъ, мужики бунтуютъ, крадутъ и грабятъ, за всякую работу нужно имъ кланяться, а потомъ и платить имъ нужно будетъ, земля же тоже отойдетъ къ нимъ, а домъ нужно держать на прежней ногѣ. Пойми же, что теперь не время бросать деньги въ болото.

— Не буду,—проговорилъ панъ Андрей, поцѣловавъ ея руку.

— Обними меня,—сказала графиня съежившись и устремивъ на Андрея взглядъ, полный любви и самоотверженія.

Андрей, бывшій двумя головами выше ея, ловко подхватилъ ее и заключилъ въ свои объятія. Она обвила своими руками его шею и уста ихъ встрѣтились... Андрей бережно опустилъ ее на кушетку и присѣлъ самъ тутъ же.

— Я просто съ ума схожу,—тихо проговорила графиня, крѣпко прижимая руку Андрея къ своей груди.—Съ тобою я забываю себя, весь міръ, даже ойчизну, — прости меня Господи! — Я эти три дня совсѣмъ не жила; я чуть не умерла съ тоски. Ты цѣнишь ли это?

— Цѣню ли я? Ты развѣ сомнѣваешься?

— Что то будетъ,—вздыхала графиня,—когда война начнется? Неужели ты уйдешь въ походъ, а я здѣсь останусь сама?.. Нѣтъ, этого не можетъ быть, я въ походъ тебя не пущу: ты останешься при жондѣ.

— Но графъ сказалъ, что при жондѣ останутся только старики, а молодежь, всѣ до единаго, пойдутъ въ рухавку.

— Такъ и я пойду, весело проговорила графиня, обрадовавшись своей счастливой мысли: — Развѣ война такъ страшна? Я

буду твоимъ адъютантомъ. Ты научишь меня стрѣлять, закажу себѣ мужской костюмъ.

— И усы,—подхватилъ панъ Андрей.

— И усы,—согласилась графиня.

— И обрѣжешь свои волосы.

— И об...—хотѣла было повторить графиня, но спохватилась:— нѣтъ, я своихъ волосъ трогать не буду. Зачѣмъ? Я ихъ заплету въ косу и спущу подъ мундиръ.

— А ты сама съумѣешь заплетать волосы?

— Такъ я возьму съ собою Стефанію.

— Отчего уже кстати не захватить съ собою и гардеробянку?

— Захвачу и гардеробянку.

— А кто будетъ варить тебѣ шоколадъ?

— Кто? Извѣстно кто,—Текля.

— Ха, ха, ха!—расхохотался панъ Андрей,—то-то будетъ обозъ! Если всѣ довудцы будутъ имѣть такихъ адъютантовъ съ такимъ штатомъ то намъ придется танцовать мазурки, а не воевать.

Они еще долго разговаривали на эту тэму полусерьезно, полушутя, прерывая по временамъ свой разговоръ тихими, но страстными поцѣлуями. Наконецъ, панъ Андрей всталъ и началъ прощаться.

— Куда?—спросила графиня почти испуганно.

— Я сегодня же хочу расквитаться съ кредиторами,—отвѣтилъ онъ,—я надѣюсь этимъ выиграть двадцать пять процентовъ. Я имъ скажу: хотите покончить на семьдесятъ пять со ста, такъ сейчасъ же вы получите деньги, не то,—извольте pvocessować.

— И ты меня не обманываешь?

— Аврелія!—крикнулъ панъ Андрей почти грозно.—Не серди меня твоею подозрительностью; я ея не заслужилъ.

— Ну, не буду,—стала ублажать его графиня,—не сердись же, Андрей, улыбнись, вотъ такъ.

Они обнялись, поцѣловались и разстались. Она со свѣчою въ рукѣ проводила его до лѣстницы чернаго хода.

— Уфъ!—проговорилъ онъ, очутившись уже на тротуарѣ и вдыхая въ себя свѣжія, хотя нѣсколько влажныя струи вечерняго сентябрьскаго воздуха.—Наконецъ-то. На силу вырвался. Тьфу!..

VI.

Онъ дошелъ до угла улицы и кликнулъ извощика.

— Куда прикажете?—спросилъ извощикъ.

— Къ Михелю,—отвѣтилъ панъ Андрей.

Было половина одиннадцатаго вечера, когда панъ Андрей вошелъ въ колоніальный магазинъ и ренсковой погребъ 1-й гильдіи купца Михеля Малкеса. Въ это время въ магазинѣ никого, кромѣ самаго хозяина, не было. Онъ сидѣлъ за бухгалтерской конторкой и читалъ Rigasche Zeitung.

— Панъ Андрей вошелъ въ магазинъ гордо, шумно, развязно, какъ уже нѣсколько подкутившій баричъ.

— Добрый вечеръ, пане Михель!—прокричалъ онъ, захлопнувъ за собою дверь такъ ухорски, что звонокъ надъ дверьми чуть не оборвался, а стекла въ окнахъ застучали.

Купецъ встрепенулся и поднялъ глаза.

— Вечеръ добрый,—прогнусилъ онъ, бросивъ на вошедшаго сердитый, почти презрительный взглядъ и погрузившись опять въ чтеніе. Видно было, что онъ совсѣмъ не радъ своему гостю.

— А мы уже давно не видались, пане Михель!—прибавилъ послѣдній, бросивъ на буфетъ свою фуражку.

— Да, давно,—отвѣтилъ купецъ, не удостоивъ даже взглянуть на говорившаго.

— И панъ Михель по мнѣ совсѣмъ не тосковалъ?

Купецъ пожалъ только плечами и продолжалъ читать.

— Ну, Богъ съ вами,—сказалъ панъ Андрей, опустившись на кресло,—я вижу, что панъ Михель сегодня не въ духѣ. Подайте мнѣ счетъ.

При этихъ словахъ купецъ быстро поднялъ глаза и съ какимъ то недоумѣніемъ уставилъ ихъ на пана Андрея.

— Счетъ?—спросилъ онъ, какъ бы не вѣря своимъ ушамъ,—весь счетъ?

— Да, весь счетъ.

— Вы будете платить?

— Чистоганомъ.

— Это хорошо,—проговорилъ купецъ повеселѣе. Онъ бросилъ

газету и зашевелился. Извольте садиться,—прибавилъ онъ не замѣтивъ, что гость уже сидитъ. Сейчасъ, сію минуту... Шмуэль! Шмуэль!—сталъ онъ кликать бухгалтера. Вотъ напасть! всѣ люди разошлись. Чтобъ ихъ... Сейчасъ, пане, Шмуэль!

Шмуэль, наконецъ, явился.

— Что это васъ докликаться нельзя?..—накинулся купецъ на своего бухгалтера.—Гдѣ это вы пропадали? Ну, живо, напишите счетъ для пана Грушевича. Гдѣ Conto-Buch? Не забывайте и прошлогодняго транспорта. Онъ выведенъ?

— Выведенъ,—отвѣтилъ бухгальтеръ, подходя къ конторкѣ. Онъ выдвинулъ ящикъ, вынулъ изъ него двѣ книги и кардонку съ бланками, зажегъ еще одну лампу, приготовилъ счеты и сѣлъ писать.

Панъ Михель вышелъ изъ за буфета, снялъ свою шапку и подсѣлъ къ пану Андрею, чтобы занимать его разговоромъ.

— Что это васъ такъ давно не видать было?—началъ онъ съ подобострастною улыбкою.

— Дѣла, занятія, пане добродзѣю,—отвѣтилъ панъ Андрей, вынимая изъ кармана изящный портъ-сигаръ,—вы думаете, что только у купцовъ есть дѣло? И у насъ есть дѣла.

— Еще бы!—сказалъ купецъ, вынимая изъ за пазухи спичечницу и презентуя ее пану Андрею,—я думаю, что теперь у васъ больше дѣлъ, чѣмъ у насъ. Плохія времена, пане добродзѣю, совсѣмъ плохія времена.

— Ничего, поправятся,—утѣшалъ панъ Андрей.

— Какое поправятся? Идетъ все хуже и хуже. Каждый день банкротство. Торгующіе краснымъ товаромъ, всѣ до единаго, пріостановили платежи. И какъ имъ платить? Вотъ уже годъ, какъ они ничего не торгуютъ, положительно ничего. Никто изъ нихъ въ этомъ году на Лейпцигскую ярмарку не ѣздилъ. Для кого покупать, спрашиваю васъ?.. Все трауръ да трауръ. Чорный люстринъ—вотъ тебѣ и весь товаръ.

— А вамъ-то что до этого?—спросилъ панъ Андрей,—вы вѣдь краснымъ товаромъ не торгуете.

— Ха, ха, ха!—расхохотался купецъ,—извините меня, вы коммерціи совсѣмъ не понимаете. Коммерція, изволите видѣть, все равно, что машина: остановилось колесо, не дѣйствуютъ и прочія.

Оттого въ коммерческомъ мірѣ есть поговорка: когда въ Борисовскомъ уѣздѣ у мужика падаетъ волъ, то сахарная фабрика Бранденбурга въ Ригѣ должна обанкрутиться. И это очень вѣрно, потому что всѣ отрасли торговли пригнаны другъ къ дружкѣ, какъ щепы одной бочки: вынимай только одну щепку, такъ уже вся бочка ни куда не годится. Вотъ она что, коммерція-то!

— Ваша правда, — согласился панъ Андрей, вздохнувъ, какъ будто сочувствуя жалобамъ купца.

— У меня волосы становятся дыбомъ, продолжалъ послѣдній,— я съ ума схожу, когда подумаю о балансѣ. Я буду благодарить Бога, если не будетъ дефицита. О заработкахъ ужь нечего и думать. И что мудреннаго: обыватели начали экономничать, почти скряжничать; нѣтъ ни баловъ, ни вечеринокъ. Кто пилъ рейнвейнъ, пьетъ теперь мадеру, а кто пилъ мадеру, пьетъ теперь полпиво. Что-же касается шампанскаго, то этого вина и держать не слѣдуетъ: никто, положительно никто, его не требуетъ. Отъ новаго года до сегодня я продалъ двѣ дюжины, слышите? Михель Малкесъ, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, продалъ двѣ дюжины шампанскаго! Когда это слыхано было? Вѣдь это просто свѣтопреставленіе.

Онъ вскочилъ со стула и отъ избытка душевнаго волненія сталъ бѣгать по магазину взадъ и впередъ, тяжело сопя и обтирая платкомъ крупный потъ, выступившій на его открытомъ и полномъ лицѣ, окаймленномъ черною, какъ смоль, бородою съ просѣдью.

— Бывало, — началъ онъ потомъ, нѣсколько успокоившись и сѣвъ на свое прежнее мѣсто, — бывало передъ Рождествомъ или Пасхой рукъ и товара не хватаетъ для удовлетворенія покупателей; въ магазинѣ такая давка, что негдѣ яблоку упасть, а теперь цѣлехонькой день сидишь и видишь покупателя, какъ рѣдкаго гостя. Такая, скажу вамъ, тишина...

— Но, коханый пане Михель,—перебилъ его панъ Андрей,— это тишина передъ бурей.

— Буря?—перепросилъ купецъ, понявъ намекъ, а потому испугавшись, — сохрани насъ Богъ отъ бури! Мы не хотимъ бури. На что она намъ? Начнутся контрибуціи, реквизиціи, штрафы, обыски. Будетъ еще хуже. Неспокойное время для коммерціи— смерть. Когда начнется буря, то я совсѣмъ закрою свой мага-

зинъ. Но не будемъ говорить объ этомъ... Какъ здоровье пани графини?

— Четыреста шестьдесятъ пять рублей сорокъ восемь копѣекъ!—воскликнулъ бухгальтеръ, окончившій теперь счетъ.

Панъ Андрей вынулъ деньги и выложилъ ихъ на буфетѣ.

— Richtig, — проговорилъ бухгалтеръ, сосчитавъ деньги и положивъ ихъ въ ящикъ.

— Благодарю за кредитъ,—сказалъ панъ Андрей, пожавъ руку обрадовавшагося купца. — Теперь, пане Михель, мнѣ нужно сдѣлать маленькую покупку. Гдѣ это ваши прикащики?

— Мои прикащики? Сейчасъ, пане. Эй, кто тамъ? Борухъ! Хацкель! Лейзеръ!—выкрикивалъ купецъ въ слуховую трубу, проведенную изъ магазина въ винный погребъ.

Изъ погреба выскочили, точно духи изъ подземелья въ сказкѣ, три здоровенныхъ парня, съ раскраснѣвшимися отъ работы лицами, съ засученными рукавами и въ засаленныхъ фартукахъ.

— Что вельможному пану угодно? — спросилъ купецъ, погладивъ свое брюшко.

— Я сперва продиктую реэстръ вещамъ, чтобы чего нибудь не забыть,—отвѣтилъ панъ Андрей, подходя къ буфету.

— Хорошо,—сказалъ купецъ, мигнувъ бухгальтеру.

Бухгальтеръ взялъ перо, а панъ Андрей началъ диктовать:

— Голову сахару, фунтъ чаю.

— Какого?—спросилъ купецъ.

— Пятирублеваго, — отвѣтилъ панъ Андрей. Ящикъ Лафермъ, четыре фунта сыру.

Какого?

— Швейцарскаго. Ящикъ сардинокъ, четыре фунта икры.

— Я вамъ икры не дамъ,—замѣтилъ купецъ, она не совсѣмъ свѣжа.

— Такъ не надо,—сказалъ панъ Андрей.—Четыре бутылки рому, двѣ бутылки старой водки, полдюжины портеру, полдюжины шампанскаго.

— Какого?

— Редерера, и три бутылки Liebfrauenmilch. Вотъ и все.

— Ребята! за работу!—скомандовалъ купецъ.

Ребята живо исполнили свою работу.

— Хацкель,—сказалъ панъ Андрей, обращаясь къ бѣлобрысому парню съ веснушками, который носилъ это любимое поляками имя,— возьми извощика и отвези эти вещи къ пани Брагинской, знаешь?

— Знаю, вельможный пане, — отвѣтилъ Хацкель, сбросивъ съ себя фартукъ и поправивъ свою физіономію.

— Вотъ тебѣ на извощика, — сказалъ панъ Андрей, бросивъ Хацкелю трехрублевую бумажку. Скажешь пани Брагинской, что я сейчасъ буду. Я только заѣду въ кондитерскую.

Онъ расплатился, поцѣловался съ Михелемъ и уѣхалъ.

Настоящая фамилія пани Брагинской была Свентобжеская; Брагинской называлась она только въ афишахъ и въ газетахъ: она была актрисой, а потому ея родственники запретили ей марать гоноръ древняго герба Свентобжескихъ. Правда, она своего герба не только не марала, но своимъ талантомъ и вдохновеніемъ придала ему тотъ блескъ и славу, которыхъ онъ никогда не имѣлъ: имя ея гремѣло въ краѣ и въ крулевствѣ, ею гордилась польская сцена, отъ нея не разъ зависѣло промѣнять свой темный шляхетскій гербъ сомнительной древности на безукоризненный гербъ графскій или княжескій, но—толкуйте съ феодалами, ихъ не разубѣдишь въ ихъ мѣщанскихъ понятіяхъ о чести—пани Брагинская подвизается на сценѣ, стало быть она компрометируетъ дворянскій родъ свой.

Въ 1861 году, когда политическое броженіе въ польскомъ обществѣ стало выступать наружу, пани Брагинская, въ подражаніе знаменитой Рашели, приводившей парижанъ въ изступленный восторгъ своимъ геніальнымъ декламированіемъ „Марсельёзы“, взошла однажды на каѳедру главнаго католическаго собора города N. и оттуда въ первый разъ продекламировала, съ соотвѣтственнымъ жаромъ и вдохновеніемъ, гимнъ: Boże, coś Polske, который съ того дня получилъ свою роковую популярность, переходя изъ костела въ салоны, а оттуда на площади, улицы и въ шарманки. Ее арестовали, но потомъ, благодаря заступничеству вліятельныхъ особъ, освободили. Тѣмъ не менѣе однакоже, ея артистическая карьера была почти уже кончена, такъ какъ театральныя представленія были запрещены тою невидимою властью, которая наложила на весь край глубокій трауръ... Пани Брагинская была внѣ себя: слава, шумъ, рукоплесканія, оваціи сдѣлались ея

стихіей, безъ которой она уже не могла жить. Она однакоже нашла, что дѣлать: она открыла у себя литературные вечера, которые должны были замѣнять ей театральныя представленія, безъ которыхъ жизнь не имѣла для нея никакого смысла. Къ ней повалила вся аристократія, вся молодежь и все, что знало толкъ въ литературѣ. На этихъ вечерахъ пани Брагинская, въ Краковскомъ костюмѣ, декламировала избранныя мѣста изъ поэмъ Мицкевича, Ходзько, Сырокомли, иногда же и свои собственныя импровизаціи, въ которыхъ она соперничала съ извѣстной варшавской импровизаторкой Деотимой, а панъ Заіончковскій, другой корифей польской сцены, читалъ отрывки взъ сочиненій графа Фредра, Богуславскаго, Корженіевскаго, Крашевскаго, Винцента Поля, Жигмунда Качковскаго и другихъ. Публика апплодировала, вызывала и осыпала артистовъ цвѣтами и подарками. Пани Брагинская была довольна.

Но, мало по малу, вечера эти стали превращаться въ вечеринки, на которыхъ сначала больше бесѣдовали, чѣмъ читали, а потомъ больше пили, чѣмъ бесѣдовали. Дошло наконецъ до того, что эти вечера превратились въ настоящія оргіи. На нихъ стала бывать молодежь обоего пола, искавшая развлеченія, удовольствій, карточной игры, попоекъ и любовныхъ интригъ. Пани Брагинская, сама того не замѣчая, стала тоже втягиваться въ эту жизнь: вмѣсто того, чтобы услаждать слухъ своихъ гостей своими вдохновенными декламаціями, она стала находить удовольствіе въ слушаніи восторженныхъ комплиментовъ и утонченной лести своихъ поклонниковъ и обожателей, видѣвшихъ въ ней, прежде всего, молодую и красивую женщину. Къ числу ея обожателей принадлежалъ и панъ Андрей. Все время, остававшееся ему свободнымъ отъ службы при жондѣ и графинѣ Сташицкой, онъ проводилъ у нея; всѣ деньги, которыя онъ разными хитростями выманивалъ у жонда и графини Сташицкой, онъ употреблялъ на нее. Онъ былъ ея коммиссіонеромъ, повѣреннымъ, метръ-д'отелемъ и главнымъ распорядителемъ на ея вечеринкахъ.

VII.

Полночь. Всѣ комнаты обширной квартиры пани Брагинской ярко освѣщены. Вечеринка въ полномъ разгарѣ. Въ залѣ, на че-

тырехъ столикахъ, идетъ игра. На одномъ изъ нихъ, стоящемъ въ самой срединѣ залы, панъ Андрей, съ раскраснѣвшимся отъ жары, волненія и пунша лицомъ и съ взъерошенными волосами, мечетъ банкъ. Понтируютъ два улана, одинъ корнетъ, а другой штабсъ-ротмистръ, и одинъ статскій. Корнетъ горячится и проигрываетъ, а статскій, какой то баронъ, проигрываетъ и хохочетъ, точно проигрышъ ужасно смѣшитъ его. При панѣ Андреѣ — стаканъ пунша и куча ассигнацій, всевозможныхъ цвѣтовъ. Около игроковъ образовался тѣсный кружокъ изъ мужчинъ и женщинъ, слѣдящихъ за игрою. На прочихъ столикахъ идетъ солидный преферансъ. Во всей залѣ густой дымъ отъ сигаръ и папиросокъ.

Въ гостиной четверо молодыхъ людей и трое хористокъ играютъ въ жмурки. Пискъ, хохотъ и поцѣлуи.

Въ будуарѣ, пани Брагинская, въ черномъ шелковомъ платьѣ и съ перламутровымъ крестикомъ на шеѣ, сидитъ на оттоманкѣ и играетъ съ своею болонкою, лежащею на ея колѣнахъ. Насупротивъ ея, въ большихъ креслахъ, сидитъ панъ Вивюрка, маленькій и тоненькій молодой человѣкъ, съ очень блѣднымъ, но очень выразительнымъ личикомъ, съ необыкновенно свѣтящимися и необыкновенно подвижными зрачками и съ длинными черными волосами, которые онъ зачесывалъ á la-попъ. Онъ о чемъ то ораторствуетъ съ обычнымъ ему жаромъ, при чемъ онъ отчаянно гримасничаетъ и жестикулируетъ своими маленькими, почти дѣтскими ручонками.

Панъ Вивюрка былъ сынъ довольно зажиточнаго помѣщика, получилъ довольно хорошее воспитаніе дома, а потомъ слушалъ курсъ въ главной аграномической школѣ; но, изъ любви къ сценѣ и къ ея представительницѣ, пани Брагинской, бросилъ агрономію и сталъ готовить себя въ актеры, дабы идти одною дорогою съ царицею души своей. Онъ уже получилъ было позволеніе дебютировать въ роли Гамлета, какъ вдругъ прекращеніе театральныхъ представленій разбило всѣ его надежды и мечты. Онъ чуть съ ума не сошелъ отъ отчаянія; но потомъ, успокоившись нѣсколько, сталъ передъ окнами пани Брагинской дебютировать въ роли Ромео. „Юлія" же, изъ жалости и изъ опасенія, чтобы онъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы—повѣситься передъ ея окнами, услышала его: она позволила ему бывать у нея, тѣмъ болѣе, что

она, по закрытіи театра, какъ сказано, стала жить открытымъ домомъ.

Панъ Вивюрка былъ доволенъ, былъ счастливъ, такъ какъ пани Брагинская съ ангельскимъ терпѣніемъ всегда выслушивала его бредни, не позволяя себѣ даже зѣвнуть, хотя она всегда имѣла позывъ къ этому. Одно только постоянно безпокоило, даже мучило пана Вивюрку: это—панъ Андрей; въ панѣ Андреѣ онъ особенно чуялъ своего соперника, котораго онъ поэтому ненавидѣлъ всѣми силами души своей. Онъ получалъ судороги каждый разъ, когда панъ Андрей, бывало, притронется къ рукѣ пани Брагинской. Онъ поклялся погубить пана Андрея и уже обдумалъ средство, но медлилъ, вслѣдствіе своей нерѣшительности.

Въ этотъ вечеръ панъ Вивюрка ораторствовалъ о ревности,—тэмѣ, къ которой онъ очень часто возвращался, такъ какъ она занимала его больше всего.

— Отелло, — говорилъ онъ, искрививъ свою маленькую физіономію,—мнѣ совсѣмъ не нравится.

Пани Брагинская бросила на него строгій, почти презрительный взглядъ.

— То есть, не вся драма, — поспѣшилъ онъ смягчить свой приговоръ,—а только ея развязка. Этою развязкою Шекспиръ сдѣлалъ непростительный промахъ.

Пани Брагинская энергическимъ взглядомъ потребовала объясненія этого тезиса.

— Будь я Отелло,—продолжалъ панъ Вивюрка,—виноватъ, я не то хотѣлъ сказать. Будь я на мѣстѣ Шекспира, я бы заставилъ моего Отелло убить Кассіо, а не Дездемону, и это было бы послѣдовательнѣе, потому что Отелло убилъ бы тогда предметъ своей ревности, а не предметъ своей любви. Съ какой стати ему слѣдовало убивать Дездемону и тѣмъ казнить себя, вмѣсто того, чтобы казнить своего адъютанта, который, какъ онъ думалъ, внесъ безчестіе въ его супружескую жизнь? Я этого рѣшительно не понимаю.

— А это потому,—объясняла ему пани Брагинская, что вы не понимаете человѣческаго сердца. Убіеніемъ Кассіо Отелло не достигъ бы своей цѣли; онъ не излечился бы отъ терзавшей его ревности, потому что ревность — такое сильное, роковое чувство,

которое всегда переживаетъ предметъ, вызвавшій это чувство. Отелло всегда казалось бы, что Десдемона все еще любитъ Кассіо, хотя уже убитаго, устраненнаго,—хранитъ въ своемъ сердцѣ пріятную о немъ память, а потому ему нужно было разбить, уничтожить это сердце, которое уже никогда не будетъ принадлежать ему всецѣло, нераздѣльно. Извергъ Яго зналъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ имѣлъ двоякую цѣль: устранить отъ почетной должности Кассіо, которому онъ завидовалъ, и отравить жизнь Отелло, котораго онъ ненавидѣлъ за его прежнія отношенія къ его женѣ Эмиліи. Первой цѣли онъ достигъ, вслѣдствіе доказанной оплошности по службѣ Кассіо, а второй — посредствомъ ревности. Яго очень хорошо зналъ, что ревнивый Отелло убьетъ Десдемону, а не Кассіо, т. е. будетъ казнить себя, а ему только этого и нужно было. А потому, коханый пане Вивюрка, вы мнѣ моего Шекспира не трогайте. Дай Богъ, чтобы наши писатели, хоть на половину такъ хорошо знали человѣческое сердце, какъ Шекспиръ его зналъ... Затѣмъ, извините меня, что я васъ оставляю, — проговорила она, вставъ съ оттоманки, — мнѣ нужно по хозяйству: пора распорядиться на счетъ ужина: гости, вѣроятно, уже проголодались.

Пани Брагинская вышла, а панъ Вивюрка остался въ будуарѣ.

— А я все таки остаюсь при своемъ мнѣніи, думалъ онъ про себя, ходя по будуару взадъ и впередъ со скрещенными на груди руками:—устраненіемъ предмета ревности устраняется и сама ревность. Я въ томъ убѣжденъ, я такъ и сдѣлаю. Да, сдѣлаю! Уже пора на что нибудь рѣшиться. Чортъ возьми! Была не была.

Онъ подошелъ къ письменному столу, взялъ листъ почтовой бумаги, написалъ нѣсколько строкъ, сложилъ, запечаталъ, а потомъ вышелъ въ людскую, подозвалъ своего лакея (нѣкоторые изъ гостей присылали на вечеринки своихъ лакеевъ, чтобы прислуживать), отвелъ его въ сторону и, передавая ему письмецо, сказалъ:

— Отнеси это письмо графинѣ Сташицкой. Если она уже спитъ то скажи лакею или дворецкому, чтобы ее разбудили, потому что дѣло очень нужное, понимаешь? Только никому не говори, куда ты ходилъ. Скажешь, что я зачѣмъ-то посылалъ тебя на квартиру.

Съ графиней Сташицкой чуть не случился ударъ, когда она прочла полученное ею анонимное письмо. Оно было ей подано въ будуарѣ, когда она уже собиралась идти спать. Она схватилась за

голову, за грудь, крикнула и упала на близъ стоявшее кресло. Обморокъ длился нѣсколько минутъ. Когда она очнулась, она заломала руки и заплакала.—Такъ вотъ гдѣ онъ проводитъ вечера и проматываетъ мои деньги!—плакала она,—онъ меня обманываетъ, насмѣхается надо мною вмѣстѣ съ своею коханкою! О, извергъ! Подлецъ! Низкая тварь! У холопа и холопская совѣсть... А я ему повѣрила, повѣрила его лжи! О, Боже, Боже! Какъ мы, женщины, слабы, глупы!... „Я хочу расквитаться съ кредиторами сегодня же.“ И вотъ какъ онъ расквитается съ кредиторами! А я, дура, еще дала ему три тысячи рублей скарбовыхъ денегъ!

Она отъ злости и угрызенія совѣсти стала кусать и рвать свой батистовый платокъ.

— Но я ему отомщу!—кричала она, воспламеняясь,—я его уничтожу, его и его коханку, cette reine de la rampe!.,. Пора образумиться. Пора мнѣ знать, что я графиня Сташицкая, а онъ mauvais sujet изъ однодворцевъ. Между мною и имъ не должно быть ничего общаго. Я его изъ болота вытащила и въ болото опять погружу. Я ему покажу, что онъ что нибудь значитъ только по моей милости; отниму эту милость и онъ— опять ничтожество.

Гнѣвъ придавалъ ей силы и энергіи. Она вскочила съ кресла, подскочила къ сонеткѣ и зазвонила.

Вошла Стефанія.

— Позвать сюда пана Видру!—скомандовала графиня.

Панъ Видра съ нѣкотораго времени жилъ нахлѣбникомъ у графини Сташицкой, при которой онъ исправлялъ должность „совѣтника“ и „тѣлохранителя“, въ каковыя званія онъ самъ себя произвелъ. Съ графиней связывали его не только принадлежность къ жонду, но и многія семейныя воспоминанія: онъ ее зналъ еще ребенкомъ, когда онъ у ея отца служилъ экономомъ, а потому онъ былъ ей преданъ всею душою, а она постоянно покровительствовала ему, тѣмъ болѣе, что на старости лѣтъ онъ въ этомъ покровительствѣ сильно нуждался. Уличенный не разъ въ забіячествѣ и жестокости, онъ съ трудомъ получалъ кондиціи. Графиня Сташицкая, по старому знакомству, поддерживала его, т. е. давала ему милостыню въ большихъ размѣрахъ, но не опредѣляла его къ себѣ на службу, зная крутой нравъ его. Только съ нею одной онъ бывалъ мягокъ, потому что онъ не столько боялся ея,

сколько любилъ. Онъ пошелъ бы за нее въ огонь и въ воду, и онъ былъ внѣ себя отъ радости, когда она позволила ему быть ея совѣтникомъ и тѣлохранителемъ.

— Въ безпокойное время, въ которое мы живемъ, — сказалъ онъ ей, когда дѣлалъ свое предложеніе,—вы, ясневельможная пани графиня, не разъ будете нуждаться въ такомъ преданномъ и здоровенномъ слугѣ, какъ Игнацъ Видра.

И онъ показалъ при этомъ свои громадные мускулистые кулаки, которые имѣли видъ и достоинство двухъ желѣзныхъ молотовъ. Въ жондѣ онъ не даромъ получилъ прозвище—Молотъ.

Водворившись въ домѣ графини, панъ Видра сталъ вести какую-то странную, своеобразную жизнь: отъ отдѣльной комнаты онъ на-отрѣзъ отказался, къ столу онъ не являлся, а ѣлъ стоя въ людской. Чая не пилъ, а спалъ, не раздѣваясь, то на голой землѣ, то гдѣ нибудь въ корридорѣ, то на чердакѣ, то на конюшнѣ, имѣя всегда при себѣ свою толстую суковатую палку, съ которою онъ ни на минуту не разлучался. И велъ онъ такую жизнь не изъ одного чудачества, а съ извѣстною цѣлью: какъ будущій повстанецъ и довудца, онъ пріучалъ себя къ бивуачной жизни и всякаго рода лишеніямъ, словомъ, проходилъ практическую сторону военной школы, дабы „быть воиномъ, какъ слѣдуетъ.“

Когда графиня послала за нимъ, его съ трудомъ отыскали на сѣновалѣ. Онъ предсталъ.

— Бѣда, пане Видра, несчастіе,—привѣтствовала его графиня, когда онъ переступилъ порогъ будуара.

— Что такое случилось?—спросилъ онъ, уставивъ на графиню свои сѣрые, еще заспанные глаза.

— Я сейчасъ узнала, что у Брагинской каждый вечеръ—оргія. Молодежь тамъ собирается, въ карты играетъ, пьянствуетъ и дебоширничаетъ. Мой Андрей тоже тамъ бываетъ; вы бы этому повѣрили?

— Отчего-бы не повѣрилъ? Я объ этомъ уже давно знаю.

— Отчего же вы мнѣ ничего объ этомъ не говорили?

— А оттого, ясневельможная пани графиня, что я убѣдился, что вамъ непріятно слушать, когда говорятъ о безпутствахъ пана Андрея.

— Но онъ меня раззоряетъ!

— Кто этого не знаетъ?

— Онъ еще сегодня наиподлѣйшимъ образомъ выманилъ у меня три тысячи рублей.

— И теперь спускаетъ ихъ у своей коханки, какъ обыкновенно.

Графиня поблѣднѣла, пошатнулась и чуть не упала. Панъ Видра поспѣшилъ придвинуть ей кресло, въ которое она опустилась, молча и чуть дыша отъ волненія.

— И вы вѣрно знаете, — начала графиня послѣ нѣсколькихъ минутъ паузы слабымъ, прерывающимся голосомъ,—вы, пане Видра, вѣрно знаете, что Брагинская—его коханка.

— Провалиться мнѣ сквозь землю, если говорю вамъ неправду! Неужели я на старости лѣтъ стану лгать передъ моею благодѣтельницею? Игнацъ Видра никогда не лжетъ и не клевещетъ.

Графиня стала кусать свои губы, чтобы не заплакать.

— Между нами теперь все кончено! —проговорила она.

— Слава Богу!—воскликнулъ старикъ, упавъ на колѣни и воздѣвъ руки къ небу,—я отслужу молебенъ, я поставлю пудовую свѣчку моему св. патрону, когда вы прогоните этого негодяя, который недостоинъ быть вашимъ лакеемъ, который мараетъ вашу честь, который грабитъ васъ среди бѣлаго дня и который поссорилъ васъ со всею вашею свѣтлѣйшею фамиліею. Плюньте на него, моя добрая, моя дорогая графиня! Онъ бóльшаго не стóитъ. Вашъ батюшка на небѣ возрадуется, когда увидитъ, что дочь его возвратилась на путь чести и религіи. Именемъ вашей покойной матушки, этой святой женщины, заклинаю вас — быть твердой, непоколебимой въ вашемъ рѣшеніи.

И онъ припалъ къ ея ногамъ и началъ ихъ цѣловать, проливая слезы умиленія. Графиня тоже заплакала.

— Встаньте, мой добрый Видра,—проговорила она, простирая къ нему свои руки,—не нужно никакихъ заклинаній: я тверда въ своемъ рѣшеніи. Я отъ своей слабости излечилась. Отнынѣ я вся принадлежу Богу и ойчизнѣ. Нога этого человѣка никогда не переступитъ моего порога. Я сегодня же отдамъ приказаніе не пускать его сюда. Но, коханый пане Видра, этого мало. Я оскорблена, какъ женщина. Хочу мстить.

— Прикажите, ясневельможная пани графиня, — проговорилъ

старикъ, схватившись за свою палку,—прикажите, и я его выбатожу такъ тенго, что онъ своихъ не узнаетъ.

— Нѣтъ,—возразила графиня,—скандаловъ не нужно. Хочу, чтобы вы теперь отправились къ Брагинской и накрыли всю эту оргію, а завтра... завтра будетъ расправа другая. Я на нихъ натравлю графа Болеслава, который расправится съ ними по своему.

— Это хорошо,—похвалилъ панъ Видра, потирая руки отъ удовольствія,—ужь онъ имъ задастъ!

— А потому вы завтра никуда не уходите,—заключила графиня,—рано утромъ вы поѣдете со мною къ графу, вы—въ качествѣ свидѣтеля. А теперь маршъ къ Брагинской.

— Бѣгу, бѣгу,—проговорилъ панъ Видра, застегивая свою чамарку и торопливо оставляя будуаръ.—До свиданія! Покойной ночи и пріятныхъ сновидѣній!..

— Только безъ скандаловъ, пане Видра! — прокричала ему вслѣдъ графиня.

— Безъ, безъ!—откликнулся старикъ уже изъ прихожей.

Графиня кликнула Стефанію и отправилась въ спальню.

VIII.

Графъ Тенчинскій вскипѣлъ, когда онъ узналъ объ оргіяхъ пани Брагинской. Его самолюбіе ужасно страдало отъ мысли, что онъ ошибся въ своемъ расчетѣ. Ему казалось, что, благодаря своей распорядительности, ему удалось заинтересовать, увлечь все населеніе въ одну сторону, къ одной цѣли; ему казалось, что теперь всѣ объ этой цѣли только и думаютъ, такъ что, по его мановенію, всѣ возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, о чемъ онъ неоднократно и рапортовалъ въ центральный комитетъ. Оказывается, что даже молодежь, на которую онъ больше всего расчитывалъ, о цѣли совсѣмъ не думаетъ, будучи занята кутежами и любовными интригами.

— Что же будетъ со справою ойчизны?—спрашивалъ онъ себя, ходя въ своемъ кабинетѣ взадъ и впередъ и ломая руки.—Если старики ничего не будутъ дѣлать по трусости и изъ любви къ спокойствію, а молодежь будетъ кутить, то съ кѣмъ же будемъ взбудовать ойчизну? О, поляки, поляки! Когда же вы, наконецъ, сдѣлаетесь настоящими патріотами?.. Но нужно распорядиться.

Онъ призвалъ пана Прондкевича и приказалъ ему отправить повѣстки къ Андрею, пани Брагинской и пану Видрѣ. Въ ожиданіи ихъ, онъ сѣлъ писать приказы, распоряженія, инструкціи. За этимъ занятіемъ застала его панна Юлія, которая имѣла право входить къ нему безъ доклада.

— Хорошо, Юлинька, что ты пришла,—привѣтствовалъ онъ ее, продолжая писать,—я только что хотѣлъ посылать за тобою. Садись, я сейчасъ кончу.

Панна Юлія сѣла на диванъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—сказалъ графъ, кончивъ писать и подсѣвъ къ своей племянницѣ на диванъ.—Для пользы нашей справы, нужно сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ нашего жонда. Нѣкоторые изъ его членовъ не совсѣмъ соотвѣтствуютъ своему званію. Нужно отъ нихъ освободиться. Да, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. А потому ты съѣздишь къ Авреліи...

— Она, кажется, сейчасъ здѣсь была, — перебила его панна Юлія.

— Да, и она сама тебѣ разскажетъ, по какому случаю она здѣсь была, мнѣ некогда. И такъ, съѣздишь къ графинѣ Сташицкой и скажешь ей, что жондъ освобождаетъ ее отъ занятій по отдѣламъ собиранія офіаръ и иностранной корреспонденціи. Ты передашь ей вотъ эту бумагу.

Онъ всталъ, подошелъ къ письменному столу, взялъ бумагу и передалъ ее паннѣ Юліи.

— Отчего такая немилость?—спросила послѣдняя, уставивъ на графа недоумѣвающій, почти испуганный взглядъ.

— Человѣкъ, занятый любовными интригами, не можетъ быть членомъ жонда,—отвѣтилъ графъ грозно и рѣшительно,—Сердечныя тайны и справа ойчизны никакъ не вяжутся между собою.

Панна Юлія покраснѣла и углубилась въ чтеніе находившейся въ ея рукахъ бумаги, чтобы тѣмъ скрыть свою вспышку.

— Ты ей скажешь,—продолжалъ графъ, не замѣтивъ замѣшательства своей племянницы,—ты ей скажешь, чтобы она была готова сдавать на дняхъ книги, документы и суммы человѣку, который къ ней будетъ присланъ съ довѣренностью отъ жонда.

— Но она этимъ обидится,—замѣтила панна Юлія.

— Ты ей объяснишь, что польза справы этого требуетъ, что

обижаться ей не слѣдуетъ, что мы расчитываемъ на ея патріотизмъ, отъ котораго мы вправѣ требовать самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Ты, наконецъ, ей скажешь, что я этого хочу и иначе не будетъ!.. Поѣзжай же къ графинѣ Сташицкой. Какъ женщина и какъ пріятельница, ты съумѣешь подсластить эту пилюлю, такъ что она не почувствуетъ ея горечи. Я не хочу, чтобы она страдала, хочу только, чтобы не страдали дѣла жонда, дѣла ойчизны. Ты ей скажешь, что я, впрочемъ, не перестану питать къ ней тѣхъ чувствъ глубокаго уваженія и доброжелательности, какія я питалъ къ ней до сихъ поръ. Наши отношенія, какъ частныхъ людей, не подвергнутся никакой перемѣнѣ. Я всегда буду радъ бывать у нея и принимать ее у себя. И такъ, до свиданія!

Панна Юлія оставила графскій кабинетъ.

Графъ опять сѣлъ работать за письменнымъ столомъ. Полчаса спустя, лакей доложилъ о панѣ Андреѣ.

— Пусть войдетъ,—сказалъ графъ, вставъ изъ за стола и закуривъ папироску.

Панъ Андрей вошелъ робко, на цыпочкахъ и поклонился безъ своей обычной развязности. Лицо его было блѣдно отъ вчерашней попойки и разстроено отъ предчувствія чего-то недобраго.

— Чтобы быть краткимъ, — началъ графъ, погладивъ свои усы,—я долженъ тебѣ сказать, что мнѣ извѣтно, гдѣ и какъ ты проводишь время, которое ты обязался посвящать нашей святой справѣ. Что ты плохой патріотъ, я зналъ уже давно; но что ты кутила, шулеръ, скандалистъ...

— Ваше сіятельство!—прохрипѣлъ панъ Андрей.

— Прошу не прерывать меня, я сейчасъ кончу: мнѣ некогда съ тобою толковать много. Отъ должности начальника дозорцевъ ты уволенъ и сегодня же долженъ оставить городъ.

— Какъ?—воскликнулъ панъ Андрей, схватившись за голову.

— Ты поѣдешь въ деревню, къ отцу.

— Что мнѣ тамъ дѣлать?

— Ждать, пока тебя потребуютъ.

— Ваше сіятельство!—воскликнулъ панъ Андрей, упавъ на колѣни,—сжальтесь надо мною, не погубите меня! Не гоните меня въ деревню, я тамъ умру со скуки.

— Оставлять тебя въ городѣ невозможно: ты человѣкъ вредный, ты развращаешь молодежь, ты отвлекаешь ее отъ нашей святой справы. Я этого не потерплю... Однимъ словомъ, ты поѣдешь въ деревню.

— Но я не поѣду! — воскликнулъ панъ Андрей, вскочивъ на ноги,—слышите, графъ? Я не поѣду! Въ деревнѣ мнѣ дѣлать нечего! Вы изъ города меня не выгоните! Вы не смѣете!

— Что? Я не смѣю?—заревѣлъ графъ—заскрежетавъ зубами.— Я тебѣ сейчасъ покажу, что я смѣю.

Онъ подскочилъ къ футляру, лежавшему на угловомъ столикѣ, вынулъ револьверъ и, направивъ его на грудь пана Андрея, проговорилъ:

— Если еще разъ скажешь, что я не смѣю, то,—клянусь Богомъ,—я застрѣлю тебя здѣсь, какъ собаку.

Панъ Андрей струсилъ, затрясся и сталъ пятиться назадъ.

— Если сдѣлаешь еще одинъ шагъ назадъ, продолжалъ графъ, держа револьверъ въ томъ же направленіи,—то,—клянусь моимъ гербомъ,—я спущу курокъ.

Панъ Андрей, ни живъ, ни мертвъ, стоялъ, какъ вкопанный, не шевелясь, не моргая.

— Теперь, голубчикъ,—сказалъ графъ, не выпуская изъ рукъ револьвера,—я распоряжусь съ тобою иначе. Ступай за мной!

Графъ отперъ дверь, ведущую въ корридоръ и велѣлъ пану Андрею слѣдовать за нимъ. Панъ Андрей повиновался. Они прошли длинные корридоры втораго и третьяго этажей и поднялись по узкой лѣстницѣ, ведущей къ небольшой площадкѣ передъ башенкой, господствовавшей надъ всѣмъ зданіемъ. Висѣвшимъ на стѣнѣ большимъ ключомъ графъ отперъ желѣзную дверь башенки и, пропустивъ мимо себя пана Андрея, проговорилъ:

— Какъ человѣкъ, способный на измѣну, ты здѣсь будешь арестованъ до тѣхъ поръ, пока не найду возможнымъ освободить тебя изъ подъ ареста. Ты теперь будешь имѣть довольно досугу на размышленіе, смѣетъ-ли графъ Тенчинскій тебѣ приказывать или нѣтъ.

При этихъ словахъ графъ захлопнулъ дверь, заперъ ее на ключъ и тѣмъ же путемъ возвратился въ свой кабинетъ.

Въ пріемной его уже ждала панна Брагинская. Онъ къ ней

вышелъ, весьма любезно поздоровался съ нею и попросилъ ее въ кабинетъ.

— Сударыня,—началъ графъ мягко, усадивъ пани Брагинскую на диванѣ, и самъ сѣлъ насупротивъ ея на табуретѣ, — весьма сожалѣю, что изъ всегдашняго вашего поклонника и цѣнителя вашего таланта я долженъ теперь превратиться въ вашего обвинителя и даже судью.

— Обвинитель! Судья!—воскликнула артистка, устремивъ на графа недоумѣвающій взглядъ.

— Кто-бы этого ожидалъ, — продолжалъ графъ въ томъ же тонѣ, — что корифейка нашей отечественной сцены, которою мы гордились, которую мы на рукахъ носили, которой мы поклонялись, какъ богинѣ нашей народной драмы, унизится до презрѣнной роли древней Гетеры...

— Графъ!—воскликнула артистка, покраснѣвъ.

— И до еще болѣе презрѣнной роли содержательницы игорнаго дома, шулерни!

— Графъ!—еще разъ воскликнула артистка, понуривъ голову и закрывъ лицо руками.

— Ваши литературныя вечера мы одобряли. Они были достойны и васъ и насъ. Они будили въ насъ тѣ чувства восторженнаго патріотизма и народной гордости, которыми мы всегда должны быть проникнуты. Ойчизна была вамъ благодарна за ваше благородное служеніе ея интересамъ не только литературнымъ, но и политическимъ. Но что эти патріотическіе вечера превратятся въ обыкновенныя мѣщанскія вечеринки, попойки, оргіи, въ которыхъ молодежь будетъ тратить свое время, здоровье и деньги,—мы никакъ не ожидали. Еще меньше мы ожидали, что виновницею этого превращенія будете вы, вы, наша знаменитая, прославленная, воспѣтая артистка, наша Рашель, наша гордость, наше украшеніе.

Пани Брагинская плакала искренними, горючими слезами.

—Довольно!—проговорила она, когда графъ кончилъ свою тираду, — пощадите, графъ, ради Бога, пощадите меня!.. Я съ ума сойду. Ваши слова рѣжутъ мое сердце. Я сама понимаю, какъ глубоко я пала. Я презираю себя... Но будьте снисходительны, не бросайте въ меня камнемъ, хоть я это и заслуживаю... Вините обстоятельства: они меня губятъ. Я привыкла къ труду, къ занятіямъ... Теперь не имѣю занятій... Праздность—мать пороковъ. Не я развращаю молодежь, а молодежь меня развращаетъ... Я молода, неопытна! Я опытна въ искусствѣ, на сценѣ, но дитя, ребенокъ въ жизни. Стою одна, безъ родителей, безъ родныхъ, безъ совѣтника. Имѣю толпу поклонниковъ, но ни одного друга, брата, который-бы предостерегалъ меня отъ ошибокъ, ложныхъ шаговъ, увлеченій, обмановъ, О, будьте моимъ отцомъ, покровителемъ, другомъ, братомъ, руководителемъ, совѣтникомъ, наставникомъ!... Не давайте меня погрязнуть въ омутѣ, въ которомъ я очутилась не по своей винѣ!.. Я полька, я патріотка, я артистка! Я знаю, сколько я обязана Богу, за дарованный мнѣ талантъ, и ойчизнѣ, умѣющей такъ высоко цѣнить его. Я не рождена быть Гетерой, содержательницей шулерни. Спасайте меня, я еще не совсѣмъ погибла!..

Сказавъ это, она съ громкимъ рыданіемъ упала передъ графомъ на колѣни, наклонила голову и закрыла лицо руками.

Графъ былъ растроганъ до глубины души. Глаза его покрылись влагою.

— Встань, дитя мое, — проговорилъ графъ, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ и заключивъ артистку въ свои объятія...—Мы въ тебѣ не ошиблись. Мы въ тебѣ поклонялись не только могучему таланту, но и благородному, непорочному сердцу. Я съ удовольствіемъ вступаю въ права и обязанности отца, руководителя, наставника. Отнынѣ графъ Болеславъ Тенчинскій будетъ бодрствовать надъ тобою, какъ надъ родною дочерью. Не плачь же, милое дитя мое, садись и выслушай меня.

Пани Брагинская сѣла.

— Я хочу вырвать тебя изъ среды, въ которой ты теперь вращаешься и которая недостойна тебя. Я тебя отправлю къ кармелиткамъ.

— Въ монастырь?—спросила артистка спокойно.

— Да, въ монастырь, не на покояніе, а на отдыхъ. Настоятельница—моя родная тетка. Я ей напишу, она тебя приметъ съ распростертыми объятіями; она будетъ тебѣ матерью. Ты въ ней не найдешь сухой безсердечной монахини: она женщина добрая и образованная. Она имѣетъ превосходную библіотеку и отличный рояль. Ты будешь заниматься чтеніемъ и музыкой.

— И молитвой,—прибавила пани Брагинская.

— Пожалуй, и молитвой. Это уже будетъ зависѣть отъ тебя. Принуждать тебя не будутъ. Ты будешь гостить тамъ до тѣхъ поръ, пока освобожденная ойчизна не вызоветъ своей жрицы опять священнодѣйствовать во храмѣ нашей родной Мельпомены. Согласна-ли ты?

— Еще-бы!—отвѣтила пани Брагинская, лицо которой засіяло отъ радости,—не имѣю словъ для выраженія той благодарности, которую къ вамъ чувствую. Вы меня спасаете, вы примиряете меня съ моею совѣстью, вы...

— Довольно,—прервалъ ее графъ,—поѣзжайте домой и приведите въ порядокъ ваши дѣла, если вы таковыя имѣете, и уложите ваши вещи. Завтра, въ семь часовъ вечера, карета будетъ ожидать васъ у вашего подъѣзда. До свиданія.

Панна Брагинская распростилась и ушла. Графъ проводилъ ее до лѣстницы. На возвратномъ пути онъ подошелъ къ пану Видрѣ, ожидавшему его въ пріемной, и, покровительственно положивъ свою руку на его плечо, сказалъ:

— Слушай, старикъ, напиши твоему сыну, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ назначенъ начальникомъ дозорцевъ. Надѣюсь, что онъ будетъ исправнѣе пана Андрея: онъ расторопный малый. Вацлавъ Заремба очень хвалитъ его.

„Совѣтникъ и тѣлохранитель" графини Сташицкой осклабился и чуть не заржалъ отъ удовольствія.

— А до пріѣзда твоего сына,—продолжалъ графъ,—эту должность будешь исправлять ты.

— Слухамъ, вельможный пане грабіо,—отвѣтилъ старикъ, поклонившись чуть не до земли.

Графъ прошелъ въ столовую, гдѣ ожидалъ его завтракъ. Онъ ѣлъ скоро и съ аппетитомъ, что означало, что онъ очень доволенъ собою. Послѣ завтрака онъ закурилъ сигару и отправился въ „малый кабинетъ" народнаго жонда. Былъ уже часъ по-полудни, а въ это время онъ обыкновенно выслушивалъ докладъ своего секретаря. Послѣдній уже ждалъ его съ своимъ портфелемъ подъ мышкою.

Когда графъ вошелъ, панъ Прондкевичъ, отвѣсивъ предварительно глубокій поклонъ, положилъ свой портфель на письменный столъ, раскрылъ его, вынулъ бумаги и ожидалъ обычнаго приказа—садиться и докладывать.

— Садитесь и докладывайте,—проговорилъ графъ, опустившись на кресло и надѣвъ свой pince-nez.

Панъ Прондкевичъ опять поклонился, сѣлъ и, вооружившись карандашомъ, началъ докладывать:

— Центральный комитетъ увѣдомляетъ, что на дняхъ сюда прибудетъ пять офицеровъ, ѣдущихъ одни въ отпускъ, а другіе въ командировку. Они всѣ уроженцы здѣшняго края и „добрые поляки." Послѣднія слова два раза подчеркнуты. По предъявленіи ими комитетскихъ марокъ, вы можете говорить съ ними вполнѣ откровенно и обстоятельно. Они имѣютъ порученіе завязать переговоры съ офицерами и солдатами изъ поляковъ квартирующихъ здѣсь войскъ. Вы имѣете слѣдить, чтобы они, по молодости своей и слишкомъ горячему усердію къ справѣ, не сдѣлали какой нибудь опрометчивости.

— Хорошо, примемъ къ свѣдѣнію,—замѣтилъ графъ, стряхнувъ пепелъ съ своей сигары.

— Пфеффель и К° увѣдомляютъ, что двѣ недѣли тому назадъ транспортъ ружей и пистолетовъ высланъ моремъ на имя центральнаго склада земледѣльческихъ орудій Гальванскаго и Сытневича въ М*.

— Высылать не штука,—замѣтилъ графъ,—увидимъ, что скажутъ на таможнѣ.

— Отъ Гальванскаго и Сытневича сегодня получена телеграмма, что „земледѣльческія орудія" уже находятся теперь на пути въ М*.

— Вотъ это хорошо! — воскликнулъ графъ обрадовавшись. — Покажите мнѣ телеграмму.

— Инженеръ Вольскій пишетъ изъ Познани,—продолжалъ панъ Прондкевичъ докладъ свой,—что онъ видѣлся съ кѣмъ слѣдуетъ и ожидаетъ теперь дальнѣйшихъ приказаній.

— Ѣхать ему теперь въ Парижъ, къ Мѣрославскому, — была резолюція графа.

Панъ Прондкевичъ записалъ эту резолюцію на письмѣ инженера Вольскаго.

— Тетушка Пракседа,—продолжалъ секретарь докладывать,—была сегодня у меня и объявила, что побѣгъ Станислава Подгуры изъ дома умалишенныхъ совершился вчера ночью благополучно,

что онъ теперь скрывается у нея, но что, боясь отвѣтственности, она долго держать его у себя не можетъ.

— Тетушку Пракседу вознаградить, смотрителя заведеніи успокоить, а Подгуру снабдить деньгами и паспортомъ и отправить къ Вацлаву Зарембо, въ его распоряженіе.

— Оберъ-кондукторъ Гавленъ увѣдомляетъ, что его переводятъ на другую линію.

— Это досадно,—замѣтилъ графъ,—Богъ знаетъ, кого назначутъ на его мѣсто. Сказать ему, чтобы онъ другаго назначенія не принималъ. Этотъ французъ намъ нуженъ. Пусть себѣ отдыхаетъ или съѣздитъ на родину. Намекать ему, что щедрость жонда безгранична къ лицамъ, служащимъ ему умно и усердно. Дальше?

— Княжна Мильфоръ пишетъ изъ деревни, что охотники и дворовые люди ея батюшки изъявили полное согласіе участвовать въ рухавкѣ. Она проситъ, чтобы выслали человѣка для обученія ихъ военнымъ пріемамъ.

— Напишите, что вышлемъ. Дальше.

— Уже все, — сказалъ панъ Прондкевичъ, вставъ и начавъ складывать бумаги.

— Ахъ да,—припомнилъ графъ, — изготовьте листъ желязный (охранную грамату) на имя статсткаго совѣтника Сырцева. Онъ надняхъ празднуетъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Подчиненные дадутъ ему обѣдъ по подпискѣ. Я уже распорядился, чтобы и дворянство участвовало въ этомъ обѣдѣ. Нужно показать этому русскому, что мы умѣемъ цѣнить его справедливость къ намъ. Охранная грамата будетъ для него пріятнымъ сюрпризомъ. Онъ увидитъ, что жондъ не намѣренъ относиться безразлично ко всѣмъ русскимъ, а будетъ отличать друзей отъ враговъ. Отправить грамату въ самый день его юбилея.

— Слушаю,—отвѣтилъ панъ Прондкевичъ, поклонившись.

IX.

Въ тотъ же самый день, въ квартирѣ Адольфа Кранца происходило чрезвычайное собраніе кружка. По озабоченному, почти печальному выраженію лицъ всѣхъ присутствующихъ видно было, что ихъ постигло большое горе. Дѣло въ томъ, что по распоряженію начальства субботнія школы закрыли, изданія газеты не разрѣшили и въ открытіи читальни имъ отказали. Кромѣ того, они получили извѣстіе о закрытіи субботнихъ школъ и читальни и въ городѣ Г* и о проектируемомъ упраздненіи еврейскихъ учебныхъ заведеній во всемъ краѣ. Эти факты какъ громомъ поразили всѣхъ членовъ кружка. Они были не только опечалены, но и озадачены: имъ всегда казалось, что ихъ дѣятельность полезна Россіи, а тутъ вдругъ само правительство запрещаетъ эту дѣятельность, стало быть, оно находитъ ее вредною. Но чѣмъ она вредна,—этого они не могли объяснить себѣ. Напрасно они ломали себѣ голову надъ отысканіемъ разумной причины постигшихъ ихъ запрещеній: они ее не отыскали.

— Мнѣ кажется,—догадывался Адольфъ Кранцъ,—что это дѣло польскихъ рукъ.

— Столько же польскихъ, сколько и русскихъ,—поправилъ Саринъ.—Или, говоря точнѣе, это дѣло чиновническихъ рукъ. Наши субботнія школы чиновники подвели подъ категорію воскресныхъ школъ, ну и закрыли ихъ вмѣстѣ съ ними.

— Но отчего закрываютъ наши школы?—спросилъ кто-то,—мы вѣдь кромѣ граматы, русской граматы, ничего въ нихъ не преподаемъ? Неужели и грамата найдена вредною, опасною?

— До этого абсурда еще не дошли, — возразилъ Саринъ,—но дѣло въ томъ, что чиновникъ не вникаетъ, а можетъ быть и не обязанъ вникать въ суть дѣла, а долженъ держаться буквы. Сказано: школы закрыть, а потому даже закрываютъ тѣ школы, которыя не только не вредны, но и полезны, необходимы.

— Подождемъ однакоже, что намъ привезетъ Петръ Аѳанасьевичъ,—сказалъ Мозырскій, по предложенію котораго Дубовъ былъ отправленъ къ начальству хлопотать, отстаивать субботнія школы, которыми кружокъ весьма дорожилъ, тѣмъ болѣе, что онѣ шли весьма успѣшно.

— Петръ Аѳанасьевичъ ничего намъ не привезетъ,—замѣтилъ Саринъ,—и я теперь жалѣю, что мы его отпустили. Онъ будетъ имѣть только непріятности, а дѣла не поправитъ: противъ теченія трудно плыть.

— Стало быть, все кончено?—спросилъ кто-то.

— Кончено,—отвѣтилъ Саринъ, глубоко вздохнувъ, — и намъ

остается только ликвидировать наши дѣла, т. е. передать школьное имущество и школьныя суммы представителямъ общества. Возьмемся, господа, за работу. Возвратимъ обществу то, что мы получили отъ него.

Вяло и мрачно присутствующіе взялись за инвентари, книги и счеты. Водворилась глубокая тишина, прерываемая только шагами Сарина, который ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, ероша свои волосы. Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ, взбѣшенъ, но старался казаться равнодушнымъ, хладнокровнымъ. Ударъ, постигшій кружокъ, поразилъ его прямо въ сердце; и немудрено: его заставляютъ распроститься съ идеалами, для которыхъ онъ до сихъ поръ жилъ и которымъ онъ хотѣлъ посвятить всю свою остальную жизнь. Равнодушный къ жизни, онъ не былъ равнодушенъ къ лелѣяннымъ имъ мечтамъ, въ осуществленіе которыхъ онъ твердо вѣрилъ, потому что никто, какъ онъ думалъ, не можетъ помѣшать его мирной, скромной дѣятельности, которую онъ велъ осторожно и обдуманно, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей. Какого мнѣнія онъ ни былъ о бюрократахъ, онъ все таки расчитывалъ, что, какъ русскіе люди, они хоть сколько нибудь поймутъ русскіе интересы и не станутъ дѣйствовать прямо во вредъ имъ, въ особенности въ такое время, когда эти интересы должны выступать рельефнѣе, какъ противовѣсъ интересамъ противной стороны, пріобрѣтающей съ каждымъ днемъ все больше силъ и средствъ для борьбы. Теперь онъ убѣдился, что онъ до сихъ поръ былъ еще слишкомъ хорошаго мнѣнія о бюрократахъ: для нихъ, какъ видно, безразлично, будетъ ли двухмиліонная масса евреевъ за Россію или за Польшу. Такое тупоуміе возмущало его не только какъ русскаго гражданина, каковымъ онъ себя чувствовалъ, но и какъ вообще умнаго человѣка, которому непріятно смотрѣть на глупости, кѣмъ бы онѣ ни были дѣлаемы. Отъ времени до времени онъ, бывало, заскрежещетъ зубами, какъ бы желая разжевать тѣхъ, которые такъ безсмысленно относятся къ государственнымъ интересамъ Россіи, но потомъ горько улыбнется своей безсильной злобѣ. Кружокъ, будучи занятъ описями и ариѳметическими выкладками, не замѣчалъ душевнаго волненія своего предводителя.

Пріѣхалъ Дубовъ. Всѣ, кромѣ Сарина, бросились къ нему на встрѣчу.

— Ну что, ну что? — обступили они его со всѣхъ сторонъ, и лица ихъ изображали любопытство и надежду.

— Скверно, глупо, подло, — отвѣтилъ Дубовъ, бросивъ свою фуражку на столъ.

Лица присутствующихъ вытянулись.

— Хоть колъ на головѣ ихъ теши, ничего съ ними не подѣлаешь, — продолжалъ Дубовъ,—обтирая потъ съ своего лица.—Я ихъ урезонивалъ, урезонивалъ, — не помогаетъ. Они теперь одержимы такою паникою, что съ ними не столкуешься. Предписаніе вскружило имъ голову. Мнѣ тошно было говорить съ ними. Они меня попросили, т. е. собственно не попросили, а приказали, чтобы я не въ свое дѣло не мѣшался. Слышите? не въ свое дѣло! Какъ будто русское дѣло не есть дѣло всякаго русскаго... Я имъ отвѣчалъ, что, какъ служащему, они могутъ приказывать, но я подамъ въ отставку, тогда ихъ приказанія не будутъ для меня обязательны. Ахъ да,—обратился онъ къ Сарину,—я чуть было не забылъ: за вами сейчасъ послано.

— За мною?—спросилъ Саринъ, какъ бы обрадовавшись,—это хорошо. Я бѣгу! Они отъ меня услышатъ то, чего они ни отъ кого еще не слыхали. Я ихъ не пощажу; правду, всю правду я имъ выскажу!

Лицо его пылало: долго подавленное душевное волненіе стало выступать наружу.

— Я не чиновникъ, — продолжалъ онъ, все больше и больше воспламеняясь,—раболѣпство мнѣ незнакомо. Мы преклоняемся передъ идеею, но не передъ грубою силою. Грубая сила можетъ давить насъ, сколько ей угодно, но ей никогда не удастся подавить въ насъ свободный духъ. Въ воздухѣ пахнетъ теперь регрессомъ; но мы, евреи, регресса не знаемъ. Мы знаемъ только стагнацію или прогрессъ. Мы или стоимъ на одномъ мѣстѣ, или идемъ впередъ; назадъ — никогда! Слышите, Петръ Аѳанасьевичъ? Во всю нашу историческую жизнь мы ни одного шага не сдѣлали назадъ. Мы или цѣлые вѣка лежали окаменѣлыми на одномъ мѣстѣ, или же гигантскими шагами шли впередъ въ нашемъ духовномъ развитіи. И это потому, что мы не пѣшки въ рукахъ игроковъ, а

люди духа. Мы всегда идемъ не туда, куда сила хочетъ толкнуть насъ, а туда, куда влечетъ насъ свободный нашъ духъ. Мы захотѣли теперь учиться, такъ никакія мѣропріятія не воспрепятствуютъ намъ въ этомъ. Вы закроете наши казенныя училища, такъ мы откроемъ частныя, вы закроете частныя, такъ будемъ учиться дома, на чердакахъ, въ погребахъ; вы и это запретите, такъ будемъ учиться за границей. Рѣжьте насъ, жгите насъ, вы съ нами ничего не подѣлаете. Мы будемъ учиться, просвѣщаться, на зло всѣмъ реакціонерамъ и обскурантамъ. А потомъ... потомъ будемъ учить васъ быть гражданами, патріотами, любить Россію, какъ слѣдуетъ, а не на словахъ только. Я до этого времени не доживу, но я предвижу, предчувствую то время, въ которое мы, презираемые вами евреи, заставимъ уважать имя русскаго. И сдѣлаемъ это не посредствомъ сильно развитой мускулатуры, а посредствомъ присущихъ намъ интеллектуальныхъ силъ, которыя будемъ развивать на пользу той земли, которая пока не дорожитъ нами, но которая со временемъ оцѣнитъ насъ по достоинству.

Онъ кончилъ и обвелъ присутствующихъ вдохновеннымъ взглядомъ, въ которомъ отражалось убѣжденіе, что и они раздѣляютъ его надежды. Потомъ, подошедъ къ Дубову и протянувъ ему обѣ руки, проговорилъ:

— Простите, Петръ Аѳанасьевичъ, что я такъ рѣзко выражаюсь. Земля наша велика и обильна, но людей въ ней нѣтъ. Вы скажете, что я сужу по чиновникамъ, но вѣдь чиновники тѣ же русскіе люди, вербуются они не изъ какой нибудь отдѣльной, замкнутой касты, а изъ всѣхъ слоевъ народа. Притомъ, кто изъ русскихъ людей не хочетъ быть, не можетъ быть и не есть чиновникомъ, если не на государственной, то на общественной службѣ и даже въ своемъ домашнемъ кругу? Гдѣ ваши гражданскія чувства, вашъ патріотизмъ? Отчего здѣшніе русскіе такъ обезличены, что почти стыдятся своей народности, своего языка. Вы сомнѣваетесь?

— Нисколько,—отвѣтилъ Дубовъ со вздохомъ.—Къ сожалѣнію и къ стыду моему, я о своихъ единоплеменникахъ не лучшаго мнѣнія. Мы находимся наканунѣ вооруженнаго возстанія, и чѣмъ долѣе я живу въ краѣ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что это возстаніе мы сами подготовляли, мы, русскіе. Какъ полякамъ не претендовать, когда мы сами подбиваемъ ихъ на это?.. Слушайте, что я узналъ на дняхъ. Въ прошломъ году, когда здѣсь шли пренія о языкѣ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ здѣшняго края, многіе изъ русскихъ подали свой голосъ за польскій языкъ! Какъ вамъ нравится этотъ либерализмъ?..

— Если это точно либерализмъ, — отвѣтилъ Саринъ, надѣвая пальто, — то это, пожалуй, и похвально. Но что́, если это, ни больше, ни меньше, какъ тупоуміе, непониманіе своихъ народныхъ интересовъ или же гоньба за дешевою популярностью, на которую русскіе такъ падки?

— Тогда,—прошипѣлъ Дубовъ, заскрежетавъ зубами,—тогда... нужно просто бѣжать изъ края и даже изъ Россіи. Мнѣ тошно жить здѣсь! Здѣшніе порядки бѣсятъ меня. Пойдемте, Аркадій Моисеевичъ, — прибавилъ онъ уже спокойнѣе. Намъ, кажется, по дорогѣ. Вы вѣдь къ администратору?

— Да.

— До свиданія, господа,—сказалъ Дубовъ, поклонившись членамъ кружка.—Мы еще увидимся. Ожидаю васъ сегодня къ чаю. Намъ нужно еще о многомъ потолковать... Нашъ кружокъ, надѣюсь, не распадется. Наше дѣло еще не кончено. Гдѣ бы я ни жилъ, я вашъ тѣломъ и душою. Еще разъ до свиданія!

X.

Въ ожиданіи появленія администратора, Саринъ прохаживался въ пріемной, обдумывая, какъ и что ему говорить съ превосходительнымъ бюрократомъ. Что онъ долженъ говорить правду, это онъ зналъ, но онъ еще не зналъ, въ какія слова онъ долженъ облечь ее, дабы она не показалась только дерзостью, а принесла бы пользу дѣлу: знать, онъ питалъ еще надежду, что ему, можетъ быть, удастся урезонить полновластнаго сановника, какъ будто полновластные сановники любятъ выслушивать резоны обыкновенныхъ нечиновныхъ людей. Какъ идеалистъ, онъ еще вѣрилъ въ силу разума, убѣжденія, а потому онъ далъ себѣ слово не волноваться, не горячиться, быть хладнокровнымъ, говорить убѣдительно, но почтительно.

Дверь кабинета, наконецъ, отворилась и на порогѣ появилась

высокая и полная фигура сановника въ бархатномъ пиджакѣ и съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ.

— Ваша фамилія? окликнулъ сановникъ Сарина, стоявшаго у противоположной стороны комнаты.

— Саринъ, — отвѣтилъ молодой человѣкъ, поклонившись и принявъ почтительную позу.

— А!—произнесъ сановникъ, сдѣлавъ неопредѣленную гримасу.—Пожалуйте сюда.

Саринъ вошелъ за сановникомъ въ кабинетъ.

— Вы гдѣ нибудь служите? — спросилъ сановникъ, усѣвшись за письменнымъ столомъ и закуривъ сигару.

— Прежде служилъ, а теперь нѣтъ.

—Чѣмъ-же вы занимаетесь?

Частными уроками и сотрудничествомъ въ журналахъ.

— Значитъ, литераторъ?

— Литераторъ.

— А! Теперь понятно, — протяжно проговорилъ сановникъ

— Что?—спросилъ Саринъ.

Сановникъ не отвѣтилъ, но, надѣвъ pince-nez и вперивъ въ Сарина строгій, инквизиторскій взглядъ, пробасилъ:

— Это вы, сударь, занимаетесь здѣсь какою-то пропагандою, какимъ-то агитаторствомъ?.. Знаете-ли, молодой человѣкъ, что въ Россіи нельзя агитировать?

— Даже въ пользу Россіи?—спросилъ Саринъ.

— Даже въ пользу Россіи,— отрѣзалъ сановникъ, который, какъ таковой, былъ убѣжденъ, что онъ можетъ говорить даже несообразности.

— Признаться, ваше превосходительство, сказалъ Саринъ, пожавъ плечами,—я этого не зналъ и даже не подозрѣвалъ.

— То-то же не знали. Польза Россіи не ваше дѣло: на то есть начальство.

— Но что, если начальство ошибается?

— Что?!—воскликнулъ сановникъ, не вѣря своимъ ушамъ. И вы смѣете говорить такія вещи?

— Если я сказалъ, значитъ я смѣю, проговорилъ Саринъ, забывъ данное себѣ слово—не волноваться.

Сановникъ затрясся на своемъ креслѣ и покраснѣлъ, какъ ракъ.

— Да знаете-ли,—загремѣлъ онъ,—куда я могу васъ сослать за такія слова?

— Знаю, ваше превосходительство, въ Пермь, въ Томскъ, въ Тобольскъ, но правда отъ этого не перестанетъ быть правдою: начальство — тѣ-же люди, а людямъ свойственно ошибаться. Вы этого не допускаете?

Сановникъ энергически пожалъ плечами и бросилъ на стоявшаго передъ нимъ молодаго человѣка одинъ изъ тѣхъ офиціальныхъ, внушительныхъ взглядовъ, отъ которыхъ люди, на которыхъ они обращены, обыкновенно трепещутъ, чувствуя себя уничтоженными, погибшими. Но Саринъ не только храбро выдержалъ этотъ взглядъ, но отпарировалъ его такъ мѣтко, что сановникъ, почти сконфузившись, опустилъ свои глаза и сталъ карандашомъ чертить что-то на бумагѣ.

— Да скажите, пожалуста,—началъ онъ опять, не глядя на Сарина, и съ трудомъ подавляя свой гнѣвъ,—съ какихъ это поръ жиды стали заботиться о пользахъ Россіи?

— Съ тѣхъ поръ, — отвѣтилъ Саринъ — какъ они перестали быть жидами и стали чувствовать себя русскими гражданами.

— Гражданами? — вспылилъ сановникъ — citoyens? Въ Россіи нѣтъ гражданъ, ситойеновъ, а есть подданные, понимаете? Ишь что выдумали—граждане! У насъ развѣ республика? Мы эту литературу изъ вашей головы выбьемъ. Намъ гражданъ не нужно, намъ нужно вѣрноподданныхъ, а кто этого не понимаетъ, того мы вразумимъ; нато мы и начальство, чтобы вразумлять. А кто поджигаетъ Петербургъ? Вѣдь „граждане“, а?

— Я этого не знаю.

— А мы знаемъ и примемъ мѣры. И, наконецъ, кто васъ проситъ чувствовать себя русскими? Очень намъ нужно! А вотъ въ тридцать первомъ году, когда евреи не чувствовали себя русскими, такъ они были намъ вѣрнѣе. Отчего это теперь никто изъ васъ не доноситъ, что дѣлается между поляками? Вѣдь вы все знаете, поляки передъ вами ничего не скрываютъ, отчего же вы молчите? Гдѣ ваша вѣрность?

— Мы теперь Россіи гораздо вѣрнѣе, чѣмъ мы были въ тридцать первомъ году: мы теперь находимся на пути, чтобы сдѣлаться русскими.

— Премного вамъ благодарны за эту честь,—проговорилъ сановникъ, комически расшаркнувшись передъ Саринымъ. Вы лучше давайте намъ доносчиковъ.

— Мы вамъ дадимъ гражданъ!—почти крикнулъ Саринъ, заскрежетавъ зубами,—а что иные безъ доносчиковъ не видятъ, что дѣлается подъ ихъ носомъ, такъ это не наше дѣло.

— Что?!—загремѣлъ сановникъ, вскочивъ на своемъ мѣстѣ,—вы смѣете говорить мнѣ дерзости?

— Я говорю вамъ правду, а не дерзости,—проговорилъ Саринъ тоже громко, рѣшившись быть даже дерзкимъ.—Вамъ угодно, чтобы мы были доносчиками; а намъ угодно быть полезными отечеству чѣмъ нибудь другимъ, чѣмъ доносами. А что мы можемъ быть чѣмъ нибудь другимъ, чѣмъ доносчиками, такъ это ужь позвольте мнѣ знать лучше, чѣмъ вамъ.

— Я васъ заставлю молчать!—крикнулъ сановникъ, самъ не зная, что ему дѣлать съ такимъ нахаломъ, который дерзаетъ говорить ему такія грубости, ему, который однимъ почеркомъ пера можетъ погубить его на вѣки.

— Когда окончу, такъ самъ замолчу,—отвѣтилъ Саринъ запальчиво.

Сановникъ, однако, медлилъ погубить, потому что безстрашіе стоявшаго передъ нимъ сумасброда почему-то начало интересовать, забавлять его. Онъ рѣшился слушать. Саринъ продолжалъ: Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, что дѣлаютъ поляки: мы теперь заняты собою, своимъ воспитаніемъ, своимъ образованіемъ. Если вы не хотите помогать намъ, такъ на то ваша воля; но если вы намѣрены даже препятствовать, то знайте, что это вамъ не удастся. Желаніе учиться теперь въ насъ такъ сильно, что никакому циркуляру не удастся подавить въ насъ это желаніе. Мы очень гибки, насъ можно согнуть въ три погибели, но переломать насъ... пишите пропало. Если начальство этого не знаетъ, то на то оно и начальство, чтобы ничего не знать безъ указанія сверху или доноса снизу, такъ что оно почти разучилось видѣть собственными глазами и слышать собственными ушами. Если-бы это было иначе, вы-бы не испугались ни нашихъ субботнихъ школъ, ни нашей пропаганды, имѣющихъ цѣлью—обрусеніе евреевъ, вы бы...

— Довольно!—перебилъ его сановникъ сурово, дернувъ за сонетку,—намъ вашего краснобайства не нужно. Вы уже достаточно выдали себя, мы уже знаемъ, кто вы такой. Я о васъ доложу генералу, а пока... вы будете арестованы, какъ агитаторъ, какъ человѣкъ съ вреднымъ направленіемъ, понимаете?

Въ дверяхъ кабинета появился дежурный чиновникъ.

— Потрудитесь,—гласилъ приказъ сановника,—препроводить этого молодаго человѣка къ полицiймейстеру, и быть ему арестованнымъ при полицейскомъ управленіи впредь до особаго распоряженія.

— Слушаю, ваше превосходительство,—сказалъ чиновникъ, бросивъ недоумѣвающій взглядъ на ввѣреннаго ему арестанта, который, къ немалому его удивленію, казался совершенно спокойнымъ.

Поклонившись сановнику и иронически улыбнувшись, Саринъ послѣдовалъ за чиновникомъ.

Часъ спустя, на квартиру Сарина нагрянули полицейскіе чиновники и произвели обыскъ. Ничего подозрительнаго не нашли, кромѣ бумагъ, которыя были прошнурованы, пронумерованы, запечатаны и забраны.

На слѣдуюшій же день Саринъ былъ переведенъ изъ полицейскаго управленія въ тюрьму политическихъ преступниковъ.

— Неужели я политическій преступникъ?—спрашивалъ себя Саринъ, очутившись въ уединенной келіи упраздненнаго католическаго монастыря, превращеннаго во временную тюрьму для политическихъ арестантовъ.—Что я такое сдѣлалъ? Неужели агитація въ пользу Россіи есть преступленіе?

Но на эти вопросы никто ему не отвѣчалъ, потому что, кромѣ часоваго въ корридорѣ, да сторожа, приносившаго ему пищу, онъ никого не видалъ.

Онъ, впрочемъ, былъ совершенно спокоенъ, не зная за собою никакой вины; но онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда его потребуютъ къ допросу, любопытствуя знать, въ чемъ его обвиняютъ.

— Знаютъ ли мои о моемъ арестѣ? Да, знаютъ, потому что кто-же мнѣ прислалъ бѣлье, книги?... Не арестованы-ли и они?... Но я ихъ выгорожу. Возьму всю вину на себя... Вину! ха, ха, ха! Странные у насъ порядки, или справедливѣе, странные у насъ люди! Быть патріотомъ—значитъ быть опаснымъ человѣкомъ, пре-

ступникомъ... Впрочемъ, если сановникъ правду говоритъ, если въ Россіи не должно быть гражданъ, то я въ самомъ дѣлѣ преступникъ, тѣмъ болѣе, что я еврей, а для еврея гражданскихъ чувствъ ужъ во всякомъ случаѣ не полагается... Но что если еврей все таки чувствуетъ себя гражданиномъ? Но что, если всѣ живущіе въ Россіи евреи предъявятъ свои права на русское гражданство? А вѣдь это время приближается; мы вѣдь народъ благодарный, мы очень чувствительны къ оказываемымъ намъ благодѣяніямъ. За равноправіе мы будемъ платить патріотизмомъ, нашимъ исконнымъ, нашимъ пламеннымъ патріотизмомъ. Наша азіатская кровь не позволитъ намъ любить Россію и въ то же время относиться безстрастно къ ея интересамъ... Мы будемъ русскими, но для насъ вѣдь всегда останутся чуждыми русская лѣнь, русская беззаботность, забубенность, безстрастіе и то, что называется русскою широкою натурой. Благодушествовать не въ нашемъ характерѣ, мы—соль человѣчества...

Такими и подобными разсужденіями короталъ Саринъ длинныя ноябрьскія ночи, лежа на своей койкѣ и глядя въ густую темноту своей неосвѣщенной келіи, ожидая позыва ко сну.

Прошла цѣлая недѣля со дня его ареста, а его къ допросу не требуютъ. Ему стало невыносимо то, что онъ отрѣзанъ отъ всего свѣта. Но его нѣсколько успокоила записка, которую онъ разъ утромъ нашелъ на столѣ запечатанной и безъ адреса. Записка была на польскомъ языкѣ и слѣдующаго содержанія:

„Вы теперь, вѣроятно, уже убѣдились, какъ Россія отплачиваетъ усердствующимъ объ ея интересахъ. Если бы я не безпокоилась о вашемъ здоровьи, то я бы радовалась вашему аресту: онъ послужитъ вамъ хорошимъ урокомъ и указаніемъ, какъ вамъ слѣдуетъ поступать впредь!.. Мы хлопочемъ о вашемъ освобожденіи, и надѣюсь, что по выходѣ изъ заключенія вы посвятите вашу дѣятельность намъ. Вы только по ошибкѣ работали до сихъ поръ для неблагодарной Московіи... Уѣзжаю на дняхъ въ Варшаву... мѣсяца на два. Рѣшительный часъ приближается. Все уже настроено и приготовлено, какъ слѣдуетъ. Ожидаемъ только сигнала... Прощайте и не унывайте... Въ рѣшительный часъ надѣюсь встрѣтиться съ вами подъ знаменемъ ойчизны.“

Подписи не было, но по почерку и содержанію онъ узналъ, что это пишетъ панна Юлія.

Сначала онъ обрадовался не тому, что хлопочутъ объ его освобожденіи, но тому, что къ нему пишетъ, интересуется имъ та, которою онъ когда-то бредилъ. Какъ онъ ни увѣрялъ себя, что онъ уже умеръ для свѣта, равнодушенъ къ жизни и ея радостямъ, онъ однакоже въ глубинѣ души любилъ панну Юлію, по прежнему, пламенно, восторженно. Онъ читалъ и перечитывалъ дорогія для него строки, прижималъ ихъ къ своей груди, цѣловалъ ихъ и готовъ былъ заплакать отъ радости и счастія.

Но потомъ, когда первые порывы прошли, умъ, холодный, неумолимый, сталъ брать верхъ и мало по малу оттѣснилъ движенія сердца на задній планъ.

— Нѣтъ,—сказалъ себѣ Саринъ,—измѣнникомъ своимъ убѣжденіямъ я не сдѣлаюсь. Мои принципы вѣрны и тверды, я не ошибаюсь. Эта передряга—ничто въ сравненіи съ великою цѣлью, которую имѣемъ въ виду. Мы должны быть русскими! Рѣшено разъ навсегда! Прочь отъ меня искушеніе!..

Онъ взялъ и разорвалъ записку на мелкіе кусочки и далъ себѣ слово не думать больше о своихъ сердечныхъ дѣлахъ.

Наконецъ его потребовали въ коммиссію.

— Ваша фамилія? Лѣта? Вѣроисповѣданіе? Гдѣ и когда вы были арестованы?—гласили вопросы слѣдователя, человѣка среднихъ лѣтъ съ штабъ-офицерскими эполетами и съ очень добродушнымъ лицомъ.

Саринъ отвѣчалъ.

— Знаете ли, въ чемъ васъ обвиняютъ?

— Нѣтъ.

— Если смотрѣть на рапортъ администратора,—продолжалъ слѣдователь,—то васъ легко подвести подъ категорію политическихъ преступниковъ, но изъ фактовъ этого не видно. Это ваши бумаги?—спросилъ онъ, указывая на лежавшую на столѣ кипу бумагъ.

Саринъ пересмотрѣлъ ихъ и призналъ своими.

— Вы можете ихъ забрать: онѣ намъ уже не нужны. Это вы сами пишите?

— Самъ.

— Бойкое у васъ перо, — похвалилъ слѣдователь.—Все такъ гладко, округлено, точно передовыя статьи газетъ.

Саринъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на слѣдователя, не понимая, къ чему клонитъ этотъ разговоръ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда слѣдователь заговоритъ, наконецъ, о дѣлѣ.

— Чортъ возьми!—продолжалъ послѣдній, — я самъ тоже недурно пишу, но все таки не такъ. Я самъ чувствую, что слогъ мой немножко шероховатъ. Скажите, пожалуйста, какимъ образомъ вы усвоили себѣ такой хорошій слогъ?

— Я много упражнялся, много читалъ.

— И я не мало читалъ но теперь некогда, батюшка,—сказалъ слѣдователь со вздохомъ,—я книги очень люблю, но читать не приходится; едва успѣваешь пробѣжать даже газету.

Послѣдовала пауза. Слѣдователь, какъ будто забывъ о присутствіи Сарина, углубился въ лежавшія передъ нимъ бумаги. Саринъ пожималъ плечами, недоумѣвая, что ему думать о всемъ этомъ.

— Позвольте васъ спросить, г. полковникъ,—рѣшился онъ положить конецъ своему недоумѣнію,—что насчетъ меня?

— Ахъ, виноватъ,—сталъ извиняться полковникъ, добродушно улыбаясь—какая разсѣянность! Голова просто идетъ кругомъ... Вы свободны. Уже сдѣлано распоряженіе объ освобожденіи васъ изъ подъ ареста. Но слушайте, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, вставъ изъ за стола, подошедъ къ Сарину и покровительственно положивъ руку на его плечо,—фактически начальство противъ васъ ничего имѣть не можетъ, однакоже, я вамъ совѣтую избрать для себя другой родъ дѣятельности. Неровенъ часъ. Хорошо, что ваши бумаги попали въ мои руки: я оцѣнилъ ихъ по достоинству; но попадись они въ руки бюрократа, понимаете, бю-ро-кра-та, онъ иначе на нихъ взглянулъ бы и осудилъ бы васъ. Все зависитъ отъ угла зрѣнія, такъ вѣдь выражаются газеты? Изъ вашихъ бумагъ я понялъ, что вы хлопочете объ образованіи, обрусеніи вашихъ единовѣрцевъ. Это, само по себѣ, очень похвально и, можно даже сказать, желательно; но начальство все таки можетъ придираться къ вамъ подъ предлогомъ, что вы мѣшаетесь не въ свое дѣло, что вы агитаторъ. Администраторъ такъ и аттестуетъ васъ. Хорошо, что я знаю, что администраторъ — человѣкъ недалекій и на его аттестаціи не обращаю ни малѣйшаго вниманія; но что-бы было, еслибы на моемъ

мѣстѣ сидѣлъ другой? Васъ административнымъ порядкомъ выслали бы изъ края. А потому я вамъ совѣтую быть осторожнымъ, въ особенности въ такое безпокойное время. Вы мнѣ обѣщаете?

— Приму вашъ совѣтъ къ свѣдѣнію,—отвѣтилъ Саринъ поклонившись.

— Еще одинъ совѣтъ,—продолжалъ полковникъ,—очень можетъ быть, что генералъ потребуетъ васъ къ себѣ, чтобы прочитать вамъ наставленіе, такъ я вамъ совѣтую ничего не говорить, не разсуждать, а только благодарить за освобожденіе.

— Благодарить за освобожденіе!—воскликнулъ Саринъ, почти вспыливъ,—меня ни за что, ни про что держали цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ, а я долженъ еще благодарить, что меня освободили!

— Что-жъ дѣлать, порядокъ такой,—объяснилъ полковникъ. Если будете горячиться, то вамъ-же худо будетъ.

— Дѣлать нечего,—согласился наконецъ Саринъ;—постараюсь держаться порядка.

— И хорошо сдѣлаете,—сказалъ полковникъ, протянувъ Сарину два пальца на прощанье.

Вечеромъ того-же дня Саринъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. У воротъ его ожидали почти всѣ члены кружка, въ томъ числѣ и m—lle Софія Аронсонъ. Всѣ бросились обнимать его.

— Гдѣ Петръ Афанасьевичъ?—спросилъ Саринъ, замѣтивъ отсутствіе Дубова.

— Высланъ въ Петербургъ, шепнулъ ему на ухо Мозырскій.

— Порядокъ такой! — многозначительно проговорилъ Саринъ, язвительно улыбнувшись.

XI.

Зима 1863 года была необыкновенно теплая. Природа, казалось, благопріятствовала полякамъ, которые почему-то предпочли зимнюю кампанію лѣтней. По данному сигналу, мятежъ одновременно вспыхнулъ въ разныхъ мѣстахъ царства и уже съ самыхъ первыхъ дней сталъ принимать угрожающіе размѣры. Въ лѣсахъ, точно изъ земли, выросли вооруженныя банды, бросившіяся прежде всего на телеграфные столбы, желѣзно-дорожные рельсы, да кое гдѣ на разрозненныя воинскія команды. Менѣе чѣмъ въ десять дней, пламя по-

жара перевалило за границу Волыни, Литвы и Жмуди. Менѣе чѣмъ въ пятнадцать дней, огонь уже охватилъ всѣ провинціи бывшей Рѣчи Посполитой.

Въ одинъ январьскій вечеръ 1863 года, большой господскій домъ, на мызѣ графини Сташицкой, былъ такъ ярко освѣщенъ, что онъ издали казался весь стоящимъ въ огнѣ. Къ его крыльцу, тоже освѣщенному фонарями и плошками, съ самыхъ сумерекъ стали подъѣзжать галопомъ какіе-то всадники, загримированные и въ фантастическихъ костюмахъ. Сдавъ своихъ лошадей ожидавшимъ здѣсь конюхамъ и шепнувъ что то на ухо стоявшему въ сѣняхъ дворецкому, всадники отправлялись во внутренніе покои.

Въ большой танцовальной залѣ, носившей громкое названіе ротонды, по самой серединѣ, стоялъ большой круглый столъ, который ломался подъ тяжестью установленной на немъ серебряной фарфоровой и хрустальной посуды съ яствами, фруктами и цвѣтами. У одной изъ стѣнъ стоялъ большой буфетъ съ разными напитками и холодною закускою. Отъ времени до времени къ нему подходилъ то одинъ, то другой изъ гостей, выпивалъ рюмку, закусывалъ и возвращался къ прочей компаніи. Кромѣ хозяйки и знакомыхъ уже читателю Юліи Крутицкой, княжны Мильфоръ, Ядвиги фонъ-деръ-Горстъ, Изабеллы Слупкевичъ, Полины Кранцъ, ксендза Квецинскаго, Вацлава Зарембы и Андрея Грушевича, который недѣлю тому назадъ былъ помилованъ и опять принятъ въ составъ жонда, мы здѣсь встрѣчаемъ двухъ прапорщиковъ, только что выпущенныхъ изъ корпуса, двухъ французовъ именующихъ себя инженерами, одного нѣмца техника, четырехъ молодыхъ помѣщиковъ съ бородками à la Napoleon III, одного отставнаго гимназиста, съ очень рябымъ и очень дерзкимъ лицомъ, и двухъ молодыхъ ксендзовъ въ лоснящихся ластинговыхъ сутанахъ.

Всѣ эти гости, за исключеніемъ французовъ и нѣмца, громко разговариваютъ, горячатся, хохочутъ и курятъ. Иностранцы же, отъ времени до времени, отпускаютъ свое certainement или gewiss съ соотвѣтственною жестикуляціею, хотя они только догадываются о смыслѣ оживленнаго разговора, идущаго на польскомъ языкѣ.

Въ кабинетѣ же графини, графъ Тенчинскій важно засѣдаетъ за генеральною картою Западнаго Края и диктуетъ четыремъ довудцамъ, сидящимъ тутъ же за большимъ кухоннымъ столомъ, ихъ

маршруты, при чемъ онъ имъ объясняетъ, съ вѣсомъ опытнаго боеваго генерала, стратегическую цѣль, которую они должны имѣть въ виду. Довудцы, произведенные сегодня же въ полковники, съ благоговеніемъ слушаютъ объясненія главнокомандующаго и записываютъ его наставленія въ свои записныя книжечки.

— Прошу васъ, панове,—говоритъ главнокомандующій,—строго держаться параллельнаго движенія впередъ, такъ чтобы каждая колонна была увѣрена, что имѣетъ на кого опереться въ случаѣ надобности. Вы, по возможности, и будете поддерживать сношенія между собою.—Предложивъ давудцамъ еще нѣкоторые вопросы, графъ Тенчинскій всталъ изъ за стола, закурилъ сигару, зашагалъ по комнатѣ взадъ и впередъ и сталъ диктовать послѣднія инструкціи.

Часу въ десятомъ, когда кабинетная работа была окончена и графъ, въ сопровожденіи довудцевъ, вошелъ въ ротонду. Разговоръ во всѣхъ углахъ комнаты прекратился. Глаза всѣхъ съ напряженнымъ вниманіемъ обратились на генерала и полковниковъ. По данному генераломъ знаку и по приглашенію хозяйки, гости сѣли за столъ.

Кушали молча: Каждый сознавалъ и чувствовалъ торжественность этой минуты. Лицо графа было необыкновенно серьезно, почти мрачно. Глаза его уткнулись въ тарелку, но мысли его, очевидно, были далеко отъ тарелки и даже отъ дома, гдѣ онъ теперь находился, такъ какъ онъ не ѣлъ, а только машинально держалъ въ рукѣ вилку. Это однакоже не мѣшало прочимъ гостямъ молча уписывать все, что имъ подавалось.

Подали шампанское. Бокалы были наполнены, но никто къ нимъ не притрогивался. Всѣ чего-то ожидали отъ генерала. Послѣдній, взглянувъ на свои часы, не заставилъ себя долго ждать. Онъ взялъ свой бокалъ, всталъ и началъ:

— Панове!

Всѣ гости встали.

— Сегодня церковь наша празднуетъ обрученіе Пресвятой Дѣвы, а мы празднуемъ теперь наше обрученіе съ святой для насъ ойчизной, которую мы должны освободить изъ предательскихъ объятій тирановъ. Мы будемъ плохими поляками, плохими женихами, плохими кавалерами, если мы, для освобожденія

нашей возлюбленной, не будемъ рисковать нашимъ достояніемъ, нашею кровью, нашею жизнью.

— Будемъ! Будемъ! — воскликнули гости въ одинъ голосъ

— Я вамъ вѣрю и благодарю васъ отъ имени ойчизны,—продолжалъ графъ.—Часъ возмездія насталъ. Слезы ойчизны и кровь нашихъ братьевъ, павшихъ на полѣ брани и замученныхъ въ сибирскихъ рудникахъ, вопіютъ о мщеніи. Будемъ мстить врагу и спасать себя. Весь цивилизованный міръ за насъ и противъ узурпатора. Это должно удвоить нашу исконную храбрость, извѣстную всему міру. На насъ смотрятъ, какъ на передовую стражу Западной Европы, долженствующую охранять вѣками добытую цивилизацію отъ варварскаго нашествія дикихъ московскихъ ордъ. Нашъ родакъ уже разъ спасъ Европу отъ мрака полумѣсяца, будемъ теперь въ свою очередь спасать ее отъ прожорливости двуглаваго орла, ищущаго добычи на Западѣ и на Востокѣ. Да будетъ каждый изъ насъ Собіесскимъ, такъ побѣда останется за нами. Не забудемъ, что мы—поляки, т. е. народъ благороднѣйшій, первенствующій между славянскими племенами. Наша роль повелѣвать, а не покоряться. Только интриги, несогласія и зависть сосѣдей сдвинули насъ съ колеи, предназначенной намъ Провидѣніемъ; постараемся теперь быть выше интригъ, выше несогласій и недосягаемы для безсильной зависти, такъ мы опять попадемъ на нашу колею. Ieszcze Polska nie zginela, póki my żyjemy! Да здравствуетъ Польша!—провозгласилъ онъ и началъ чокаться.

— Виватъ! Виватъ! — кричали всѣ присутствующіе, чокаясь и обнимаясь.

Графъ выпилъ свой бокалъ. Потомъ, поднявъ его выше головы и бросивъ его на полъ, провозгласилъ:

— Смерть москалямъ!

Всѣ присутствующіе послѣдовали его примѣру. Официанты принесли новые бокалы и взялись за откупориваніе бутылокъ шампанскаго и венгерскаго, стоявшихъ на буфетѣ цѣлыми батареями. Пошла попойка, сопровождавшаяся виватами, поцѣлуями, обниманьемъ, веселымъ говоромъ и хохотомъ. Разгоряченные виномъ мужчины почувствовали себя Собіесскими и стали описывать самыми живыми красками чудеса храбрости... которыя имъ предстояли, поминутно цѣлуя ручки у дамъ и обѣщая имъ забрать въ плѣнъ,

кто эскадронъ кавалеріи, кто три батареи артиллеріи и кто даже цѣлую дивизію со всѣмъ обозомъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти трофеи они сложатъ у ногъ своихъ дамъ, „одинъ поцѣлуй которыхъ для нихъ дороже всей дивизіонной казны“. Дамы были въ восхищеніи отъ своихъ храбрыхъ и благородныхъ рыцарей и позволяли имъ цѣловать свои ручки и свои локоны, сколько ихъ душѣ угодно было.

— Во время попойки, графа въ ротондѣ уже не было. Послѣ перваго выпитаго бокала, онъ со своими полковниками удалился въ кабинетъ. Около полуночи онъ вышелъ къ пирующимъ и скомандовалъ:

— Въ походъ, братцы!

Водворилась тишина. Мужчины бросились къ своимъ саблямъ. У многихъ сердце ёкнуло и лицо вытянулось.

— Панове!—сказалъ кто-то—какъ рыцарямъ, намъ слѣдуетъ получать наши сабли изъ рукъ нашихъ любезныхъ дамъ, которыхъ мы всегда привыкли отождествлять съ ойчизною. Какая полька не олицетворяетъ собою умной, чувствительной, благородной, храброй и обворожительной Польши?

— Дѣло! Дѣло!—согласились всѣ присутствующіе.

Дамы разобрали сабли и образовали изъ себя полукругъ. Кавалеры подходили, преклоняли колѣно и получали свои сабли, предварительно поцѣловавъ саблю и руку, державшую ее. Послѣ этой импровизированной церемоніи, кавалеры, пристегнувъ свои сабли къ кушакамъ и надѣвъ на бекрень свои конфедератки, бросились къ выходамъ, къ ожидавшимъ ихъ верховымъ лошадямъ. Для дамъ же приготовлены были двѣ кареты.

Полчаса спустя, вся кавалькада, въ предшествіи пѣшихъ и конныхъ факельщиковъ, уже находилась на пути отъ мызы графини Сташицкой до Лясу.

Лясъ, принадлежавшій той же графинѣ Сташицкой, отстоялъ отъ мызы на разстояніи двухъ верстъ съ половиною. Въ то время, когда главнокомандующій съ довудцами и съ штабомъ пировалъ въ ротондѣ, на большой полянѣ передъ лѣсомъ, вокругъ зажженныхъ костровъ, толпились люди въ очень странныхъ костюмахъ,

не то охотничьихъ, не то крестьянскихъ, лишь бы по теплѣе. Вооружены были эти люди тоже довольно пестро: кто карабинной, кто косою, кто сѣкирою, кто большимъ кухоннымъ ножомъ и кто просто завостренной дубиной. Несмотря на это разнообразіе въ вооруженіи, люди эти всѣ вмѣстѣ, числомъ до трехсотъ, носили одно собирательное имя: отрядъ косиньеровъ № 1-й. У опушки лѣса, дюжина крестьянскихъ фуръ съ не очень тяжелой поклажей изображала собою обозъ этого отряда.

Поодаль отъ костровъ и обоза, по протоптанной на полянѣ тропинкѣ, какой-то старикъ мѣшковатаго тѣлосложенія, въ грубой сѣрой чамаркѣ и высокихъ сапогахъ, съ кавалерійскою саблею у бедра и съ сложенными на спинѣ руками, ходилъ взадъ и впередъ, поглядывая то на людей, толпившихся около костровъ, то на дорогу, ведущую къ мызѣ. Ему видимо очень нетерпѣливилось, потому что отъ времени до времени онъ разражался такими проклятіями, которыя услышите отъ поляка, развѣ когда онъ ужъ очень сердитъ. Этотъ сердившійся полякъ былъ никто иной, какъ панъ Видра, начальникъ отряда, которому сегодня же предстояла честь открытія кампаніи. Онъ сердился на графа и его свиту, почему то медлящихъ своимъ прибытіемъ къ арміи, и ежеминутно посылалъ ихъ къ чорту, какъ будто это должно было ускорять сборы паничей, которыхъ онъ съ удовольствіемъ повѣсилъ-бы, если-бы это только отъ него зависѣло. Армія же, какъ видно, совсѣмъ не раздѣляла нетерпѣнія своего начальника: она, разбившись на группы, расположилась вокругъ костровъ и предалась совершенно мирнымъ занятіямъ: кто покуривалъ трубочку, кто чинилъ свой кожухъ, кто калякалъ съ своими ближайшими сосѣдями и кто, усѣвшись на пнѣ, наиблагодушнѣйшимъ образомъ храпѣлъ. Только одна группа нѣсколько напоминала собою лагерь. Посрединѣ ея стоялъ какой-то долговязый старикъ съ сѣдыми усами, въ военной шинели и въ конфедераткѣ, и что то разсказывалъ, размахивая руками и подражая ртомъ свисту пуль, топоту конницы и грохоту барабановъ. Это былъ вахмистръ бывшаго польскаго войска. Онъ разсказывалъ о кампаніи тридцать перваго года, въ которой онъ участвовалъ. Его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ и любопытствомъ, хотя онъ путалъ событія и больше сочинялъ, чѣмъ описывалъ дѣйствительно имъ видѣнное. Вдали отъ группъ и костровъ, сидѣло двое молодыхъ людей въ довольно щегольскихъ повстанскихъ костюмахъ и покуривали папироски. Отъ времени до времени они переговаривались на нѣмецкомъ языкѣ.

— Стало быть, мы идемъ за справу? — спрашивалъ одинъ.

— За справу, — отвѣчалъ другой.

— И противъ абсурда?

— И противъ абсурда.

— Ладно, дай огня.

Читатель, вѣроятно догадывается, что эти молодые люди были — Жюль Перецъ и Джонъ Берковичъ.

Около полуночи, со стороны мызы послышались два ружейныхъ выстрѣла и горизонтъ на секунду освѣтился взвившимися къ облакамъ двумя ракетами. Этого было достаточно, чтобы армія дрогнула и бросилась бѣжать.

— Москали! Москали! — кричали повстанцы, удирая въ лѣсъ и опрокидывая другъ друга.

— Куда вы, черти? — кричалъ имъ въ слѣдъ вахмистръ, не трогаясь съ мѣста. Какіе тамъ москали? Это ракеты, фейерверкъ, сигналъ. Эхъ, мужичье, мужичье!

Панъ Видра, находившійся было тоже на пути въ лѣсъ, опомнился, выхватилъ свою саблю и, бросившись за бѣгущею арміею, неистово закричалъ:

— Назадъ, подлецы! Не то, — я васъ искрошу этою саблею. Ишь удирать вздумали, поганцы!

Поганцы возвратились назадъ.

— Эхъ трусы вы, трусы, — упрекалъ ихъ вахмистръ. — Какіе вы жолнеры? Съ сохой вамъ возиться, а не воевать. Ишь, ракеты испугались, ха, ха, ха!

Взвилась еще одна ракета.

Панъ Видра вопросительно взглянулъ на бывалаго вахмистра, какъ-бы спрашивая объясненія этихъ небесныхъ знаменій.

— Должно быть, — отвѣчалъ вахмистръ охорашиваясь, что штабъ оставилъ главную квартиру и скоро сюда прибудетъ.

— Въ шеренги! — скомандовалъ панъ Видра и захлопоталъ около своей арміи.

Догадка вахмистра оправдалась. Десять минутъ спустя, на до-

рогѣ ведущей къ мызѣ, показались факельщики, а за ними большая кавалькада всадниковъ въ фанстастическихъ костюмахъ.

— Baczność!—закричалъ панъ Видра, ставъ во главѣ первой шеренги, понатужа грудь и засопѣвъ всѣмъ лицомъ.

Кавалькада рысью приближалась къ шеренгамъ.

Впереди всѣхъ ѣхалъ самъ генералъ на красивой вороной лошади въ серебрянной сбруѣ. Онъ былъ одѣтъ въ теплую чамарку и высокіе сапоги со шпорами; на головѣ же онъ вмѣсто конфедератки имѣлъ черкескую папаху съ краснымъ верхомъ, что придавало его лицу много воинственности.

— Здорово, ребята!—поздоровался онъ съ арміею.

— Виватъ, пане грабіо!—грянула послѣдняя.

У другаго края шеренги кто-то началъ было трубить въ охотничій рожокъ, думая, что эта музыка теперь очень умѣстна, но онъ былъ пріостановленъ громкимъ: „nie trzeba!“ графа.

Объѣхавъ всѣ шеренги и осмотрѣвъ обозъ, графъ, передавъ отрядъ одному изъ довудцевъ и сказавъ нѣсколько напутственныхъ словъ, скомандовалъ:

— Вольнымъ шагомъ, съ паномъ Богомъ—въ походъ!

Отрядъ двинулся въ походъ при крикахъ: виватъ, Польша! виватъ, пане грабіо!

— Теперь, панове,—сказалъ графъ своей свитѣ, когда отрядъ уже скрылся съ глазъ,—поѣдемъ къ другимъ отрядамъ. Рухавка должна начаться сегодня на всѣхъ пунктахъ.

Кавалькада, предшествуемая факельщиками, тихо и торжественно завернула на тропинку, углублявшуюся въ лѣсъ и ведущую ко всѣмъ пунктамъ, о которыхъ говорилъ графъ.

XII.

Въ то время, когда Полина Кранцъ находилась на мызѣ графини Сташицкой, чтобы, на равнѣ съ прочими патріотками, участвовать въ проводахъ арміи въ походъ, въ домѣ ея отца происходила необычайная суматоха.

На постели, перенесенной изъ спальни въ залъ, старый Кранцъ лежалъ при смерти. Въ теченіи двухъ-трехъ дней онъ получилъ два аппоплексическихъ удара: отъ перваго онъ лишился употребле-

нія языка, а отъ втораго—обмерла рука и одна нога. Около больнаго съ утра до вечера суетились доктора, фельдшера и многочисленные друзья почтеннаго старика. Каждые три часа, по настоянію Адольфа, потерявшаго голову, но не терявшаго надежды, происходили консиліумы. Доктора флегматически исполняли обрядъ, для формы что нибудь прописывали и даже торопили прислугу въ аптеку, но многозначительно пожимали плечами и поглаживали туго накрохмаленные воротники своихъ манижекъ, какъ бы говоря: мы свое дѣло дѣлаемъ, мы лѣчимъ ad leges artis, но мы не отвѣчаемъ, если исходъ будетъ: ad patres. Саринъ же и Мозырскій, находившіеся почти безотлучно при Адольфѣ, помогая ему распоряжаться, старались подъ рукой приготовлять своего друга къ предстоящему ему тяжкому удару.

Внезапная болѣзнь стараго Кранца была вызвана внезапнымъ исчезновеніемъ Полины изъ родительскаго дома. Старикъ какъто разъ вечеромъ зашелъ въ ея комнату, думая найти ее за чтеніемъ или за работай; но, вмѣсто своей дочери, онъ нашелъ на столѣ клочекъ бумаги, на которой было написано: „Я уѣзжаю; не знаю, когда возвращусь, можетъ быть совсѣмъ не возвращусь. Благодарю за все. Прощайте! Вы обо мнѣ еще услышите.“

Старикъ чуть не обезумѣлъ. Онъ схватился за голову и зарычалъ, какъ зарѣзанный. Его отчаянный рыкъ разнесся по всему дому. Прибѣжали люди. Прибѣжалъ Адольфъ ни живъ, ни мертвъ.

— Вотъ,—хрипѣлъ старикъ, указывая на записку Полины и задыхаясь отъ волненія,—бѣги... приведи... скорѣй... сію минуту... умру.

Онъ затрясся и чуть не упалъ, но былъ поддержанъ людьми. Адольфъ же бросился отыскивать Полину.

Зная, гдѣ Полина обыкновенно проводила свое время, онъ полетѣлъ къ графинѣ Сташицкой, но нашелъ подъѣздъ запертымъ, а въ окнахъ ни малѣйшаго освѣщенія. Онъ, однакоже, сталъ звонить и звонилъ до тѣхъ поръ, пока звонокъ не оборвался. Въ воротной калиткѣ появилась какая-то баба.

— Что вамъ угодно?—окликнула она Адольфа.

— Гдѣ графиня Сташицкая?

— Уѣхала въ Варшаву.

— Не было ли здѣсь Полины Кранцъ?

— Почемъ мнѣ знать? Можетъ и была. Я судомойка, въ покои не хожу.

Пока Адольфъ возвратился домой, со старикомъ случился первый ударъ. Медики захлопотали, стали усердствовать и накликнули второй ударъ. Больной одною ногою стоялъ въ гробѣ.

На пятый день старый Кранцъ уже обѣими ногами былъ опущенъ въ гробъ.

Два мѣсяца спустя, Адольфъ Кранцъ писалъ къ Мэри Тидманъ слѣдующее:

„Отецъ мой скончался; Полина больна; лѣтомъ ее нужно будетъ отвезти за-границу... къ Грезингеру: здѣшніе медики о леченіи душевныхъ болѣзней и понятія не имѣютъ. Мозырскій собирается въ университетъ, Саринъ тоже куда-то уѣхалъ. Нашъ кружокъ разстроился совсѣмъ: въ Россіи ферейновъ не полагается. Ѣхать въ университетъ мнѣ невозможно, по крайней мѣрѣ, теперь: отецъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство множество неоконченныхъ дѣлъ. Ликвидировать теперь же дѣла нашей фирмы будетъ весьма убыточно: пахнетъ сотнею тысячъ рублей... Наша фирма существовать должна, я долженъ поддерживать ея честь, ея доброе имя въ коммерческомъ мірѣ. Мнѣ крайне не хотѣлось быть купцомъ, но что подѣлаешь съ судьбою? Я купцомъ быть долженъ, не то— я буду разоренъ.

„Но я одинокъ, убитъ горемъ, погруженъ въ апатію.

„Если ты, мой дорогой другъ, хоть нѣсколько любишь меня; если ты хоть нѣсколько жалѣешь меня; если ты хоть нѣсколько понимаешь, какъ дорога ты моему сердцу; если тебѣ хоть нѣсколько тяжела наша разлука, то пріѣзжай, забудь нашу размолвку, забудь мою кажущуюся холодность, и пріѣзжай. Мы созданы другъ для друга, мы должны идти въ жизни вмѣстѣ; я это всегда чувствовалъ, я въ томъ всегда былъ убѣжденъ, а потому... пріѣзжай! Ради Бога, ради любви нашей серьезной, испытанной,—пріѣзжай. Я съ нетерпѣніемъ и со страхомъ буду ожидать твоего отвѣта, отъ котораго зависитъ вся моя будущность, почти моя жизнь."

Мэри отвѣтила по телеграфу: „пріѣду."

Саринъ уѣхалъ изъ N* вслѣдствіе слѣдующаго, полученнаго имъ отъ капитана Вольскаго, письма:

„До меня дошло, что Людвися находится теперь въ Г*. Что она тамъ дѣлаетъ? Это очень безпокоитъ меня. Неужели жонду удалось завлечь и ее? Нѣтъ, это уже будетъ слишкомъ. Ойчизна не имѣетъ на нее никакого права. Я отцу поклялся жертвовать собою, но не моими дѣтьми. А потому ты немедленно отправишься въ Г*, возьмешь Людвисю и водворишь ее въ Яблоновкѣ, откуда ей не выѣзжать ни на шагъ — подъ опасеніемъ моего родительскаго гнѣва, проклятія. Ты, кстати, пожуришь мою барыню за ея непростительное легкомысліе. Скажи имъ всѣмъ, что я приказываю, чтобы они сидѣли смирно!.. А тебѣ поручаю поселиться въ Яблоновкѣ и караулить ихъ впредь до окончанія кампаніи.

„О себѣ ничего не пишу, потому что не стóитъ. Что насъ бьютъ и перебьютъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія... Да, я чуть не забылъ сказать, что у меня на всякій случай приготовленъ ядъ, стало быть, я передъ военный судъ никогда не предстану. Это очень важно. Я этому такъ радъ, что я... Но прощай!.."

Прочитавъ письмо, Саринъ собрался и сей часъ же уѣхалъ.

XIII.

Мартъ 1863 года. На одной изъ проселочныхъ дорогъ, проведенныхъ между фольварками западнаго края, плетется, позѣвывая и отплевываясь небольшой отрядъ, состоящій изъ одной роты пѣхотинцевъ, двухъ десятковъ донскихъ казаковъ и двухъ орудій со всѣми ихъ принадлежностями. Командующій отрядомъ полковникъ почти не разстается съ подзорною трубою: съ высоты своей верховой лошади онъ возводитъ ее на каждую рощицу, на каждый кустъ, на каждую полуразвалившуюся избенку, попадающуюся на пути.

Впереди отряда шагаетъ, помахивая руками и перепрыгивая ухабы, тщедушный еврей въ истертой енотовой шубенкѣ, перепоясанный ремнемъ. Еврей этотъ—знакомый читателю шинкарь Шмуль, самъ вызвавшійся быть проводникомъ этого отряда.

— Эй, Шмуль!—крикнулъ полковникъ,—что это за строеніе?

— Гдѣ, ваше благородіе?—спрашиваетъ Шмуль.

— Да вонъ тамъ, прямо. Развѣ не видишь черепичной крыши?

— Черепичная крыша?—переспрашиваетъ Шмуль, остановившись.—Такъ оно заводъ и есть.

— Заводъ?—крикнулъ полковникъ, выхвативъ свою саблю.—Ребята! Скорымъ шагомъ! За мной!

— Ваше благородіе!—сказалъ Шмуль, подошедъ къ полковнику, когда отрядъ находился уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ какого то большого строенія съ черепичною крышею. — Это не заводъ, а хлѣбный магазинъ. Мы не туда зашли.

— Куда же ты насъ ведешь, подлецъ?—накинулся на него полковникъ, ткнувъ еврея концомъ сабли.—Эй, берегись, Шмуль! не плутуй! Въ одинъ мигъ снесу твою башку.

— Намъ нужно взяться на право, вонъ и дорожка есть,—отвѣтилъ Шмуль, какъ бы не слыша угрозы полковника.

Отрядъ завернулъ на дорожку, что направо и, полчаса спустя, онъ очутился передъ огромнымъ каменнымъ зданіемъ съ очень высокими дымными трубами.

— Заводъ, заводъ!—закричалъ Шмуль, хлопая въ ладоши.—Прикажите стрѣлять, г. полковникъ. Здѣсь повстанцы.

Полковникъ велѣлъ бить тревогу и подъ грохотъ барабановъ отрядъ окружилъ зданіе со всѣхъ сторонъ.

Видно было, что во всѣхъ этажахъ огромнаго зданія зашевелились и засуетились люди. Окна распахнулись, и въ нихъ появились повстанцы въ конфедераткахъ и съ блѣдными лицами.

— Сдавайтесь! — громко закричалъ полковникъ, подъѣхавъ близко къ зданію.

Повстанцы въ недоумѣніи глядѣли на шеренги солдатъ и ничего не отвѣчали: они растерялись.

— Сдавайтесь, господа!—крикнулъ полковникъ еще громче,—сдавайтесь, такъ вы будете помилованы. Государь милостивъ.

— Vive la Pologne!—послышалось изъ среды повстанцевъ и, вслѣдъ затѣмъ, послѣдовалъ пистолетный выстрѣлъ.

Солдаты заворчали и вопросительно взглянули на своего командира.

— Я въ третій разъ приглашаю васъ сдаться,—кричалъ послѣдній, трясясь отъ гнѣва,—не то—прикажу стрѣлять.

Вмѣсто отвѣта, озъ оконъ зданія послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, и повстанцы взялись за свои винтовки.

Полковникъ отъѣхалъ отъ зданія и отдалъ приказъ. Менѣе чѣмъ въ пять минутъ, перестрѣлка находилась въ полномъ разгарѣ и вскорѣ заводъ загорѣлся во многихъ мѣстахъ.

— Пожаръ!—кричалъ Шмуль, бѣгая, какъ изступленный, туда и сюда, любуясь на зарево и хлопая въ ладоши. — Вотъ вамъ за мою хатку! А что, вы будете бунтовать? Будете гнать насъ изъ края! Ухъ, какъ важно горитъ!.. Молодцы, солдатушки!—похваливалъ онъ, вертясь около шеренгъ.—Дай Богъ вамъ здоровья! Государь вамъ хрестъ пожалуетъ, а я вамъ ведро водки поставлю, ей Богу!.. Валяй, ребята!.. Вонъ оно что. Зубъ за зубъ,—глазъ за...

Но въ эту минуту пуля попала ему въ лобъ и онъ упалъ и замолкъ на вѣки.

Перестрѣлка продолжалась и въ скоромъ времени послышался „пардонъ!“ повстанцевъ, махавшихъ бѣлыми платками.

— Что? Сдаетесь?! — послышался громовой голосъ одного повстанца. Не смѣете! Nie pozwalam! Сражаться—такъ сражаться до послѣдней капли крови. Сражайтесь же вы, трусы и измѣнники!

Полковникъ подъѣхалъ къ окну, откуда слышался этотъ голосъ. Поднявшись на стременахъ, онъ увидѣлъ передъ собою молодого человѣка съ черными курчавыми волосами и съ необыкновенно выразительнымъ лицомъ, пылавшимъ отъ гнѣва, отчаянія и рѣшительности. Въ каждой рукѣ онъ держалъ по пистолету.

— Абсурдъ!—воскликнулъ молодой человѣкъ, заскрежетавъ зубами, когда увидѣлъ передъ собою полковника. Абсурдъ!!—повторилъ онъ свой странный лозунгъ и выстрѣлилъ.

Полковникъ пошатнулся и упалъ съ лошади.

Солдаты, не ожидая команды, съ остервенѣніемъ бросились къ дверямъ зданія, выломали ихъ, проникли къ повстанцамъ и грозно мстили за смерть своего командира . . . .

XIV.

Аркадій Саринъ Адольфу Кранцу.

Женева, май 1864 г.

„Вы, вѣроятно, уже привыкли считать меня пропавшимъ безъ вѣсти или даже умершимъ; но я, какъ видите, не пропалъ и не

умеръ, а потому шлю къ вамъ сіе посланіе: Я очутился за границей отчасти вслѣдствіе влеченія сердца или предопредѣленія судьбы, отчасти же, чтобы разсѣяться отъ тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на меня печальная драма, разъигрывавшаяся въ нашемъ несчастномъ краѣ. Изъ тишины берлоги, въ которую я удалился, я слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось, но не давалъ о себѣ знать, потому что мнѣ не хотѣлось, чтобы кто нибудь зналъ о моемъ существованіи, которое съ каждымъ днемъ становилось для меня невыносимѣе. „Ruhe, сказалъ Бёрне, — ist Glück, wenn sie ein Ausruhen ist, wenn wir sie gewählt, wenn wir sie gefunden, nachden wir sie gesucht; aber Ruhe ist kein Glück wenn, wie in unseren Vaterlande, sie unsre einzige Beschäfftigung ist. Я не искалъ и не хотѣлъ отдыха, я искалъ дѣла и почти нашелъ его. Меня отрѣзали отъ дѣла, такъ я хотѣлъ отрѣшиться отъ жизни, такъ какъ послѣдняя казалась мнѣ невозможною безъ перваго. Я умиралъ медленно, потому что на немедленную смерть у меня не хватило энергіи, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда свѣча моя погаснетъ отъ посторонняго дуновенія...

„Но одно письмо изъ извѣстнаго города и отъ извѣстной особы, играющей очень важную роль въ моей жизни, внезапно вырвало меня изъ обуявшей меня апатіи, и я послѣдовалъ обаятельному зову, сперва машинально, но потомъ сознательно, съ восторгомъ. Я въ первый разъ въ жизни узналъ, что и сердце имѣетъ свои права, и я въ первый разъ въ жизни рѣшился не препятствовать его влеченію и не раскаиваюсь въ своемъ рѣшеніи.

„Не ждите отъ меня подробнаго восторженнаго, а для посторонняго скучнаго разсказа о моей любви, предметѣ моей любви и перипетіяхъ, чрезъ которыя она проходила до сего дня. Я того мнѣнія, что любовь принадлежитъ къ тѣмъ индивидуальнымъ чувствамъ человѣка, до которыхъ постороннему нѣтъ никакого дѣла. Я люблю и любимъ—вотъ вамъ весь романъ мой, подробности котораго интересны только для меня, но ни для кого больше въ мірѣ, потому пощажу васъ ихъ описаніемъ.

„Нахожусь здѣсь въ обществѣ нѣсколько знакомыхъ вамъ графа Тенчинскаго, графини Сташицкой и Юліи Крутицкой, которые какимъ-то чудомъ уцѣлѣли отъ погрома, постигшаго край нашъ. Само собою разумѣется, что колонія новѣйшихъ польскихъ

эмигрантовъ не ограничивается вышеназванными лицами: потерпѣвшихъ крушенье наберется здѣсь до сотни; но я не имѣю съ ними ничего общаго, потому что, какъ вамъ извѣстно, я не эмигрантъ. Живу здѣсь по законному паспорту и могу возвратиться въ Россію, когда мнѣ угодно будетъ.

„Графъ посѣдѣлъ и сдѣлался философомъ; графиня постарѣла и сдѣлалась богомолкою, а панна Юлія... Позвольте мнѣ ничего не сказать о ней. По временамъ ими овладѣваетъ такая тоска, которая можетъ быть сравниваема развѣ съ тоскою нашихъ палестинскихъ предковъ, которые на рѣкахъ Вавилонскихъ сидѣли и плакали. О, мнѣ очень понятна эта грызущая, давящая тоска!... Она священна—потому что невыразима. И я плачу вмѣстѣ съ ними, потому что я знаю, что значитъ не имѣть отечества, жить на чужбинѣ, странствовать и не видѣть конца своимъ странствованіямъ. Поляки тоже будутъ странствовать... Поздравимъ себя попутчиками.

„Поплакавъ, принимаюсь утѣшать ихъ, чѣмъ могу. За вечернимъ чаемъ читаю имъ „Іудейскія войны" Іосифа Флавія. Они находятъ это чтеніе интереснымъ и назидательнымъ. И не мудрено: судьбы Польши и Іудеи имѣютъ въ себѣ очень много аналогическаго: та же крошечность территоріи, то же центральное положеніе между сильными и воинственными сосѣдями, тѣ же великіе задатки, та же живучесть, талантливость и неугомонность, тотъ же изступленный патріотизмъ, вмѣстѣ съ внутренними раздорами партій, и тѣ же несчастія. Это чтеніе доставляетъ намъ обильный матеріалъ для разсужденій и умилительныхъ заключеній, и всѣ чувствуютъ себя значительно облегченными. Мнѣ же очень пріятно видѣть, какъ ясневельможные паны все больше и больше убѣждаются, что мы—не цыгане какіе нибудь, а народъ съ историческою жизнью, со славнымъ прошедшимъ. Графъ намедни такъ и порѣшилъ, что евреи—это поляки древняго міра. Изъ устъ такого родовитаго поляка—это большой намъ комплиментъ.

„Я чуть было не забылъ вамъ сказать, что мѣсяцъ тому назадъ, я, по просьбѣ графини, навѣстилъ сестру вашу въ Берлинѣ. Она видимо поправляется; ея выздоровленіе, сверхъ ожиданія медиковъ, теперь несомнительно. Доказательство: она узнала меня, припомнила всѣ событія, распрашивала о всѣхъ нашихъ знако-

мыхъ. Она къ вамъ не пишетъ, потому что доктора пока запрещаютъ ей писать. Когда она окончитъ курсъ леченiя, мы переведемъ ее къ намъ. Пусть, до возвращенiя на родину, отдохнетъ нѣсколько мѣсяцевъ на лонѣ восхитительной природы и въ средѣ любящихъ ее друзей. Мы здѣсь такъ порѣшили. Графиня считаетъ дни и часы, когда ей возможно будетъ обнять свою любимицу, по которой она сильно тоскуетъ.

„Ну, будетъ. Напишите мнѣ чѣмъ скорѣе и чѣмъ подробнѣе обо всемъ, что можетъ интересовать меня. Будьте увѣрены, я не останусь у васъ въ долгу. Кланяйтесь m—lle Тидманъ... виноватъ, вашей супругѣ, m—lle Аронсонъ и всѣмъ нашимъ добрымъ знакомымъ. Волны женевскаго озера—не струи Леты, а потому я ничего и никого не забылъ изъ моего прошлаго. „Аще забуду тя, Iерусалиме, забвена буди десница моя, прильпни языкъ мой гортани моему“. Прошу, чтобы не забывали и меня“.

Тотъ же къ тому же.

Женева, iюнь 1864 г.

„Я точно выбывшiй изъ строя боевой конь, услышавшiй знакомые ему звуки сигнальнаго рожка, которымъ онъ привыкъ повиноваться. Вы наврядъ-ли ожидали, что письмо ваше такъ прiятно взволнуетъ, встревожитъ меня и перевернетъ вверхъ ногами планъ жизни, который я себѣ было составилъ. Какъ, обрусенiе евреевъ введено у васъ, наконецъ, въ правительственный принципъ, а я буду сидѣть за границей и наслаждаться швейцарскими видами и воздухомъ? Нѣтъ! Это выше силъ моихъ. Я не эпикуреецъ. Я чернорабочiй. Хочу труда, хочу работы! Мнѣ стыдно отдыхать на лаврахъ, которыхъ я еще не заслужилъ.

„Хочу въ Россiю! Не можетъ быть, чтобы правительство не нуждалось въ насъ, топографахъ, пiонерахъ, изучившихъ и очистившихъ почву, на которой оно намѣрено теперь дѣйствовать. Безъ насъ оно будетъ блуждать, какъ въ лѣсу, будетъ строить на пескѣ и не достигнетъ цѣли, къ которой оно стремится.

„Мнѣ трудно будетъ вырваться отсюда; но я буду настаивать, буду умолять, объясню имъ долгъ мой, словомъ, — вырвусь, такъ или иначе, хоть на короткое время.

„Скажите нашимъ товарищамъ, что нашъ безсрочный отпускъ кончился, что будетъ походъ. Какъ только прiѣду, мы опять сомкнемся въ ряды и опять пойдемъ завоевывать себѣ отечество.

„Побѣда, разумѣется, въ руцѣ Божiей!“

Тотъ же къ тому же.

Вержболово iюль 1864 г

(По телеграфу) „Ѣдемъ курьерскимъ поѣздомъ. Ждите насъ на бангофѣ. Везу вамъ прiятный сюрпризъ. Надѣюсь, вы будете довольны.“

Сюрпризъ этотъ была—Полина.

Л. Леванда.

Братьямъ.

(Изъ еврейскихъ народныхъ стихотворений Л. О. Гордона.)

Наши братья и сестры гонимые,
Дѣти горя, нужды и хулы,
Безконечной работой томимые,
Какъ ярмомъ непосильнымъ волы.

Вы, что́ свыклись съ зимой и морозами —
Коробейникъ измученный нашъ,
И работникъ, живущій извозами,
И послѣдній на рынкѣ торгашъ,

И корчмарь, предъ публикою праздною
Вѣкъ ходящій съ согнутой спиной,
И еврейка за стойкою грязною
Торговавшая въ холодъ и зной;

И шинкарка, работой убитая,
Что торгуетъ до старости лѣтъ,
Чтобъ копѣйка, слезами облитая,
Ей дала теплый уголъ и свѣтъ,—

Вы, которыхъ темно настоящее,
А въ грядущемъ — гоненье и стыдъ,
Вы, предъ собственной тѣнью дрожащіе
Отъ презрѣнья и общихъ обидъ,

Вы въ заботахъ всю жизнь изнываете,
Безпріютные въ каждомъ краю,
И сегодня навѣрно не знаете,
Чѣмъ накормите завтра семью.

И вотъ вамъ, мои братья несчастные,
Вамъ, встрѣчающимъ вмѣсто любви
Оскорбленья одни ежечасныя,
Посвящаю я пѣсни мои.

Если, кончивъ работу суровую,
Вы дождетесь субботняго дня
И въ одежду одѣнетесь новую,
Свой досугъ, какъ святыню цѣня,

Если часъ вы свободный улучите,
Чтобъ читать меня въ близкомъ кругу,
И хоть мигъ наслажденья получите,
Я назваться счастливцемъ могу.

Д. М.

Субботняя пѣсня.

(Изъ Л. Франкеля.)

Широкимъ кругомъ мы сидимъ,
Чтобъ вмѣстѣ отдохнуть.
Мы спины разогнуть хотимъ;
Нашъ отдыхъ веселъ; кто же имъ
Насъ можетъ упрекнуть?
Лишь тотъ, кто самъ не любитъ трудъ,
А мы всѣ дни въ году
Живемъ, какъ весь рабочій людъ,
Не зная лѣни и причудъ;
Мы преданы труду.

—

Лопата, молотъ и рѣзецъ
Равно знакомы намъ.
Мы можемъ выстроить дворецъ,
Куемъ булатъ и льемъ свинецъ
И днемъ и по ночамъ.
Въ горнилѣ кузницъ создаемъ
Мы сохи и мечи;
Весь міръ отечествомъ зовемъ;
Твердятъ намъ съ дѣтства объ одномъ:
Работай и молчи.

—

Мы украшаемъ стѣны залъ,
Гдѣ краска и рѣзьба;
Взрываемъ быстро груды скалъ,
Гранимъ и чашу и бокалъ
И дѣлаемъ гроба.
Богъ даровалъ намъ силу рукъ,
Вдохнулъ намъ вѣру въ грудь,
Терпѣнье далъ для бѣдъ и мукъ.
И намъ теперь, собравшись въ кругъ,
Не стыдно отдохнуть.

Дм. Минаевъ.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ.

(СБОРНИКЪ УЗАКОНЕНІЙ, КАСАЮЩИХСЯ ЕВРЕЕВЪ. Составленъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаментѣ полиціи исполнительной. С. Петербургъ, 1872 г.)

Ничто такъ не наноситъ ослабленія законамъ, какъ возможность коварствомъ избѣгнуть отъ оныхъ. Также и ненужные законы умаляютъ почтеніе къ нужнымъ.

Екатерина II. (Наказъ коммисіи для составленія уложенія, ст. 423.)

Министерству внутреннихъ дѣлъ пришла счастливая мысль собрать въ одну книгу всѣ постановленія о евреяхъ, разсѣянныя по разнымъ частямъ свода законовъ. Недостатокъ подобнаго изданія чувствовался уже давно, какъ видно изъ того, что „Указатель законовъ о евреяхъ“, изданный, кажется, въ 1860 году г. Колоколовымъ, имѣлъ большой сбытъ и въ настоящее время не имѣется уже въ продажѣ. „Указатель“ этотъ теперь значительно устарѣлъ, такъ какъ въ послѣдніе 11 лѣтъ отмѣнены, измѣнены многія изъ старыхъ и издано немало новыхъ постановленій относительно евреевъ. Вслѣдствіе этого, не смотря на нѣкоторые недостатки настоящаго „Сборника“, о которыхъ мы скажемъ ниже, книга эта весьма полезна для всякаго, желающаго ознакомиться съ юридическимъ положеніемъ евреевъ у насъ. Само собою разумѣется, что сборникъ представляетъ въ этомъ отношеніи одинъ сырой матеріалъ, которымъ весьма неудобно пользоваться, вслѣдствіе отрывочности, безсвязности, разбросанности и противорѣчій между отдѣльными постановленіями о евреяхъ въ Россіи. Очевидно, что запомнить всѣ существующіе у насъ законы о евреяхъ не значитъ еще получить ясное понятіе о юридическомъ бытѣ русскихъ евреевъ. Scire leges non est verba earum teneri, sed vim ac potes-

tatem, говорятъ римскіе юристы (понимать законы значитъ—знать не слова ихъ, а силу и смыслъ). Для этого необходимо: во первыхъ, окинуть однимъ взглядомъ всю совокупность отдѣльныхъ постановленій, уловить ихъ сущность и основныя начала, не теряясь въ менѣе интересныхъ частностяхъ; во вторыхъ, что всего важнѣе, уяснить себѣ мотивы, побудившіе законодателей къ изданію всѣхъ этихъ постановленій, и цѣли, къ которымъ они стремились; и, въ третьихъ, подвергнуть эти мотивы критической оцѣнкѣ и сдѣлать на этомъ основаніи выводы о степени разумности и цѣлесообразности существующихъ законовъ. Послѣдующее изложеніе имѣетъ своей задачей сгруппировать нѣкоторыя данныя и соображенія для изученія юридическаго быта евреевъ въ Россіи и критической разработки матеріала, представляемаго „Сборникомъ узаконеній, касающихся евреевъ“. Само собою разумѣется, что о возможности исчерпать этотъ обширный предметъ, затрогивающій чуть-ли не всѣ стороны государственной и общественной жизни, въ одной статьѣ не можетъ быть и рѣчи. Важнымъ затрудненіемъ при подобнаго рода работахъ, кромѣ обширности предмета, служитъ еще недоступность многихъ необходимыхъ матеріяловъ, которые заключаются или въ неизданныхъ оффиціальныхъ источникахъ, или въ малораспространенныхъ печатныхъ изданіяхъ.

I.

Гражданскій бытъ русскихъ евреевъ, какъ установляетъ его Сводъ Законовъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Евреи представляютъ собой не единственный классъ лицъ, относительно котораго существуютъ изъятія и ограниченія общихъ законовъ. По разнообразію географическихъ, политическихъ и этнографическихъ условій Россіи, законодательство наше допускаетъ огромную массу разнаго рода исключеній изъ общихъ законовъ для различныхъ мѣстностей и классовъ населенія. Какъ извѣстно, ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ принципъ единства и равенства не примѣняется такъ слабо, какъ въ русскомъ. Такимъ образомъ, одно существованіе въ нашемъ законѣ многочисленныхъ изъятій для евреевъ не составляетъ еще исключительнаго и ненормальнаго явленія въ русской жизни. Ненормальность, и весьма

существенная, лежитъ только въ характерѣ и свойствѣ этихъ ограниченій. По своему гражданскому положенію, евреи въ Россіи представляютъ совершенно исключительное явленіе, не имѣющее ничего аналогическаго въ судьбѣ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія Россіи. Ихъ никакъ нельзя отнести къ числу русскихъ граждан, ограниченныхъ только въ извѣстыхъ отношеніяхъ по тѣмъ или другимъ спеціальнымъ побужденіямъ. Это видно изъ слѣдующихъ двухъ соображеній. Во первыхъ, всѣ русскіе граждане пользуются (если они не лишены этого права судебнымъ приговоромъ и вообще въ видѣ наказанія за преступленіе) неограниченнымъ правомъ жительства на всей русской территоріи. Это право до того существенно связано съ правомъ гражданства въ данной странѣ, что представить себѣ одно изъ нихъ безъ другого рѣшительно невозможно. И такъ какъ евреи вообще не пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи, то очевидно, что считать ихъ русскими гражданами въ юридическомъ смыслѣ слова невозможно. Во вторыхъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на русскіе законы о евреяхъ, видно, что законодатель нашъ смотритъ на евреевъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія, чѣмъ на всѣ другіе классы населенія. Относительно послѣднихъ, законъ исходитъ изъ того совершенно правильнаго основанія, что все незапрещенное закономъ считается дозволеннымъ. Предполагается, что всякій человѣкъ пользуется безусловной свободой располагать собой по своему усмотрѣнію до тѣхъ поръ, пока общественная власть не ограничитъ этой свободы въ интересахъ другихъ лицъ или цѣлаго общества. Поэтому вы нигдѣ не встрѣтите въ законѣ опредѣленія, что грекъ, татаринъ, мордвинъ имѣетъ право заниматься всѣми промыслами, пріобрѣтать имущества, заводить фабрики, отправлять богослуженіе, воспитывать своихъ дѣтей въ общественныхъ школахъ, и т. под. Все это само собой предполагается, какъ результатъ общечеловѣческихъ и гражданскихъ правъ каждаго русскаго подданнаго. Но въ отношеніи къ евреямъ законъ беретъ за исходную точку, что они, само по себѣ, не пользуются никакими правами въ Россіи и поэтому все недозволенное имъ положительнымъ закономъ считается запрещеннымъ. Отсюда необходимость установить правила слѣдующаго рода. „Евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, подлежатъ общимъ законамъ во

всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ“ [1]). „Евреи, пользуясь общимъ покровительствомъ законовъ, имѣютъ свободу не токмо въ личномъ ихъ состояніи и въ законномъ пріобрѣтеніи имуществъ, въ земледѣльческихъ занятіяхъ и въ производствѣ торговли, промышленности и ремеслъ... Тѣ изъ нихъ, кои отличаются полезными знаніями и занятіями, или окажутъ какія-либо важныя государству услуги, награждаются по достоинству“ [2]). „Дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, въ общихъ училищахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ и частныхъ училищахъ“ [3]). „Предоставляется евреямъ обучать дѣтей своихъ закону вѣры, по собственной ихъ волѣ, въ училищахъ или у частныхъ учителей“ [4]). „Всѣмъ вообще евреямъ дозволяется безпрепятственно поступать въ земледѣльческое состояніе“ [5]). „Всѣ роды фабрикъ дозволяется заводить евреямъ въ губерніяхъ, гдѣ имъ жить дозволено, на томъ-же основаніи и съ той-же свободой, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ Имперіи“ [6]). „Евреи могутъ отправлять общественныя молитвы и богомолія въ мѣстахъ общей ихъ осѣдлости. Никто не имѣетъ права препятствовать имъ въ томъ, ни словомъ, ни дѣломъ“ [7]). „Свобода вѣры присвояется нетолько христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“ [8]). Установляя подобнаго рода правила, законодатель, очевидно, руководствовался тѣмъ взглядомъ, что еврей, не будучи русскимъ гражданиномъ, самъ по себѣ лицо безправное, и потому основныя права каждаго человѣка въ общежитіи—свобода совѣсти, личная и имущественная неприкосновенность, свобода промысла, должны быть ему дарованы положительнымъ закономъ, какъ выраженіемъ воли государственной власти. Отсюда видно, что законъ нашъ смотритъ на евреевъ, какъ на иностранцевъ, которые пользуются въ Россіи гражданскими правами лишь въ той мѣрѣ, въ какой это признано за ними положительнымъ зако-

[1]) „Сборникъ“, стр. 90. Для удобства мы будемъ цитировать законы не по статьямъ свода, а по страницамъ „Сборника“.

[2]) Тамъ-же. [3]) Тамъ-же, стр. 96. [4]) Тамъ-же, стр. 97.

[5]) Тамъ-же, стр. 103. [6]) Тамъ-же, стр. 112.

[7]) Тамъ-же, стр. 152. [8]) Тамъ-же, стр. 239.

номъ. Этотъ принципъ нашего законодательства замѣченъ былъ уже давно юристами. Извѣстно, что въ основаніи дѣйствующихъ у насъ до сихъ поръ законовъ о евреяхъ лежитъ положеніе о нихъ, изданное въ 1835 году. Панегиристъ этого положенія Вольфельдтъ, бывшій членъ лифляндскаго гофгерихта, замѣчаетъ слѣдующее: „Повидимому, въ предлежащемъ законѣ хотѣли поставить евреевъ относительно всѣхъ частей Имперіи, кромѣ тѣхъ, гдѣ имъ позволено жительство, въ положеніе иностранцевъ; ибо относительно торговли ихъ внѣ черты осѣдлости постановлены почти такія-же правила, какъ для христіанъ-иностранцевъ“ [1]). (Правила эти существуютъ въ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени).

Но сказать, что евреи въ Россіи составляютъ классъ иностранцевъ—будетъ опять-таки невѣрно. Съ одной стороны они, въ чертѣ своей осѣдлости, пользуются во многихъ отношеніяхъ бо̀льшими гражданскими правами, чѣмъ ненатурализованные иностранцы. Съ другой стороны, относительно всей остальной Россіи, они поставлены въ положеніе гораздо менѣе выгодное, чѣмъ собственно иностранцы. Любой иностранецъ можетъ пользоваться, если захочетъ, всѣми правами русскаго гражданства: для этого ему сто̀итъ только вступить въ русское подданство. Для еврея этотъ путь недоступенъ; для выхода изъ своего заколдованнаго круга онъ долженъ отказаться отъ своей религіи. Что законъ нашъ рѣзко отличаетъ евреевъ отъ иностранцевъ къ невыгодѣ первыхъ видно, изъ слѣдующаго факта. Всѣ иностранцы принимаются въ русское подданство, за исключеніемъ евреевъ; будь еврей-иностранецъ подданнымъ такой державы, гдѣ давно исчезли религіозныя различія изъ гражданскихъ законовъ, гдѣ поэтому еврей пересталъ быть членомъ особаго сословія въ государствѣ, нашъ законъ этого не хочетъ знать. Существующее еврейское населеніе Россіи въ его глазахъ есть тяжкое бремя для страны, есть зло, но зло неизбѣжное, увеличивать которое принятіемъ новыхъ подданныхъ еврейскаго исповѣданія было бы неблагоразумно и неполитично.

[1]) Die neue Verordnung ueber die Hebräer im Russischen Reich въ „Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes“ за 1838 г., стр. 151.

Такимъ образомъ евреи составляютъ въ Россіи какое-то особенное сословіе полу-гражданъ или, лучше сказать, гражданъ извѣстной части государства—явленіе феноменальное и, можно сказать, безпримѣрное. Выходъ изъ этого положенія для русскаго еврея, собственно говоря, только одинъ: принятіе христіанства и въ особенности православія. Результаты этого акта для всякаго еврея двоякіе. Во первыхъ, мгновенно исчезаютъ всѣ тѣ безконечныя стѣсненія и ограниченія, которыми законъ опуталъ жизнь еврея, остающагося въ своей вѣрѣ. Еврей, принявшій христіанство, сразу вступаетъ въ тотъ кругъ общества, къ которому онъ принадлежитъ по своей профессіи, образованію и способностямъ. Во вторыхъ, законъ беретъ на себя всячески поддержать каждаго такого субъекта. Такъ, крестившіеся евреи могутъ приписаться ко всякому обществу, гдѣ найдутъ для себя удобнѣе, не испрашивая, какъ вообще требуется, предварительнаго согласія тѣхъ обществъ. Они пользуются трехлѣтней отъ податей льготой со дня приписки къ тѣмъ обществамъ. Они получаютъ въ пособіе отъ казны на первоначальное обзаведеніе отъ 15 до 30 руб. на человѣка. Нельзя не отдать справедливости нашему законодательству въ этомъ отношеніи. Зная въ какое тяжкое, нерѣдко безвыходное положеніе поставлены у насъ евреи и признавая, что единственный путь для еврея улучшить свое гражданское и матеріальное положеніе заключается въ принятіи христіанства, законодатель нашъ обнаруживаетъ истинно гуманное отношеніе къ евреямъ, поощряя и облегчая имъ эту проторенную, но все таки не лишенную неудобствъ дорогу. Такъ, напр., относительно пособія евреямъ, принимающимъ христіанство, государственный совѣтъ, вслѣдствіе возникшихъ на практикѣ недоумѣній, установилъ, что правило это распространяется на евреевъ, принимающихъ христіанскую вѣру какого бы то ни было исповѣданія, не только православнаго. Онъ мотивируетъ это тѣмъ, что пособіе это установлено съ цѣлью отвратить затрудненія, встрѣчаемыя евреями, принявшими христіанство, при избраніи рода жизни; затрудненія же сіи, по ненависти евреевъ къ соплеменникамъ своимъ, обратившимся въ христіанство, могутъ быть поставлены и тѣмъ изъ нихъ, которые обратятся не въ православіе, а въ другое исповѣданіе [1]).

[1]) Мнѣніе Госуд. Сов. 23 ноября 1859 г. (П. С. З., II, № 35150).

Руководствуясь этой заботливостью объ улучшеніи матеріальнаго быта евреевъ посредствомъ обращенія ихъ въ христіанство, законъ нашъ установляетъ рядъ правилъ, направленныхъ къ достиженію двухъ цѣлей: увеличенію числа евреевъ-христіанъ и воспрепятствованію имъ обратиться въ прежнее, менѣе выгодное положеніе іудеевъ. Для достиженія первой цѣли служатъ главнымъ образомъ указанныя уже нами права и преимущества, дарованныя новообращеннымъ, и кромѣ того еще нѣкоторыя частныя правила. Для того чтобъ увеличить число евреевъ, принимающихъ христіанскую вѣру, постановлены слѣдующія правила. Если одинъ изъ супруговъ, принадлежащихъ къ іудейству, обратится въ православіе, а другой останется въ прежнемъ законѣ, но съ обратившимся жить пожелаетъ, то бракъ остается въ силѣ, но крещенный супругъ обязывается подпиской: имѣть тщательное попеченіе о томъ, чтобъ привести другого супруга увѣщаніемъ къ принятію православія; некрещеный-же супругъ обязывается тоже подпиской, чтобъ рождаемыхъ дѣтей не приводилъ въ законъ іудейскій и супругу-христіанину ни поношенія, ни укоризны не наносилъ. Съ этой же цѣлью установлено, чтобъ крещеніе евреевъ совершалось „со всевозможной публичностью, въ праздничный или воскресный день“ и лишь въ городскихъ церквахъ—очевидно для того, чтобъ производить каждый разъ впечатлѣніе на умы евреевъ. Для облегченія евреямъ перехода въ христіанство, установлено, что лица достигшія 14-ти лѣтняго возраста могутъ обратиться изъ іудейства въ христіанство, не испрашивая согласія родителей или опекуновъ. Этотъ срокъ совершеннолѣтія составляетъ рѣзкую аномалію въ нашемъ законодательствѣ. Для того, чтобъ имѣть право выдать долговую росписку на нѣсколько рублей, нужно имѣть по нашему закону не менѣе 21 года; для того, чтобъ вступить въ бракъ, нужно достигнуть 18-ти лѣтняго возраста; для перемѣны же религіи еврею достаточно считать 14 лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ, чѣмъ важнѣе шагъ въ жизни человѣка, тѣмъ меньше физической и умственной зрѣлости требуетъ нашъ законъ для возможности его совершенія.

Съ цѣлью удержать крестившихся евреевъ въ ихъ новомъ положеніи приняты слѣдующія мѣры. Переходъ еврея въ христіанство, по мысли нашего закона, почти совершенно расторгаетъ узы

кровнаго родства, связывавшiя его съ еврейскимъ семействомъ. Онъ считается выбывшимъ въ другой мiръ и порвавшимъ всѣ связи не только съ еврействомъ, какъ религiей, но и съ евреями какъ людьми, хоть бы это были его родители, дѣти и т. п. Поэтому еврей, принявшiй христiанство, не пользуется торговыми правами по гильдейскому свидѣтельству родоначальника его семьи—еврея. Евреи не могутъ просить о возвратѣ имъ ихъ сыновей или родственниковъ — кантонистовъ (т. е. малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей), принявшихъ христiанскую вѣру, но кантонисты эти могутъ быть отдаваемы постороннимъ благотворителямъ христiанскаго исповѣданiя. Евреи, принявшiе христiанство во время военной службы, по возвращенiи изъ нея должны приписаться къ христiанскимъ обществамъ, и притомъ къ такимъ, „въ которыхъ нѣтъ водворившихся евреевъ." Почтальоновъ изъ крещенныхъ евреевъ запрещено опредѣлять въ тѣ губернiи, въ коихъ дозволено жительство евреямъ. Эта заботливость о сохраненiи въ православiи обратившихся евреевъ и объ умноженiи числа крещенныхъ евреевъ, повторяемъ, есть результатъ гуманной дѣятельности правительства для улучшенiя быта евреевъ облегченiемъ имъ того пути, которымъ они могутъ выйти изъ теперешняго тяжелаго ихъ положенiя. Конечно, можно объяснять эти мѣры и другимъ образомъ. Можно утверждать, что не указанныя мѣры служатъ къ снятiю осаднаго положенiя съ русскихъ евреевъ, а наоборотъ — это осадное положенiе—если можно такъ выразиться—имѣетъ цѣлью побудить евреевъ къ перемѣнѣ своего общественно-религiознаго состоянiя. Есть люди, которые смотрятъ на все съ политической точки зрѣнiя и поэтому дѣйствительно такимъ образомъ толкуютъ смыслъ указанныхъ нами законодательныхъ мѣръ. Но предложенное нами объясненiе, не смотря на его новизну и, можетъ быть, оригинальность, кажется, болѣе согласно съ истиной и съ тѣмъ правиломъ, что всякiй законодательный актъ долженъ быть толкуемъ снисходительно, въ хорошую сторону.

Переходъ въ христiанство есть всеисцѣляющее средство противъ той неизлечимой болѣзни (по выраженiю Гейне), которая называется принадлежностью къ еврейству. Но законъ допускаетъ и другiя, второстепенныя средства, которыми еврей можетъ освободиться, если не отъ всѣхъ, то отъ нѣкоторыхъ изъ наложенныхъ

на него ограниченiй или стѣсненiй. Законодатель нашъ принимаетъ за общее правило слѣдующiй принципъ: гражданскiя права принадлежащiя всѣмъ другимъ нацiональностямъ, какъ естественное право каждаго человѣка въ обществѣ, могутъ быть прiобрѣтаемы евреями лишь въ силу особыхъ гражданскихъ доблестей. Такъ какъ еврей вообще стоитъ ниже христiанина по своимъ нравственнымъ качествамъ и гражданской полезности, то онъ можетъ быть уравненъ съ этимъ послѣднимъ только въ видѣ награды за добродѣтель, доказанную и удостовѣренную надлежащимъ, законнымъ образомъ. Такимъ образомъ право жить тамъ, гдѣ найдешь для себя удобнѣе, еврей прiобрѣтаетъ слѣдующими путями. 1) Если онъ извѣстное число лѣтъ состоялъ въ первой гильдiи, т. е. доставилъ казнѣ значительную цифру дохода, то въ награду ему даруется право приписаться въ купечество по всей Россiи, жить повсемѣстно со своими семействами, прiобрѣтать недвижимую собственность, промышлять торговлей, подрядами, откупами и пр. Но все это до тѣхъ поръ только, пока онъ платитъ повинности 1-й гильдiи, т. е. приноситъ казнѣ выгоду. Какъ только обстоятельства не позволятъ ему больше пребывать въ первой гильдiи—онъ возвращается въ прежнее состоянiе и долженъ возвратиться изъ обѣтованной земли въ страну египетскую. 2) Если еврей выслужилъ въ войскѣ установленный общiй срокъ, то, по полученiи безсрочнаго отпуска, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ право повсемѣстнаго жительства, въ видѣ награды за безпорочную службу. 3) Если еврей ревностно занимался науками и прошелъ университетскiй курсъ не только съ успѣхомъ, но съ бо́льшимъ успѣхомъ противъ обыкновенной нормы высшаго образованiя, т. е. удостоился ученой степени доктора медицины или кандидата по другому факультету, то онъ получаетъ право государственной службы и повсемѣстнаго жительства. 4) Важнѣйшее исключенiе въ этомъ родѣ дѣлаетъ законъ 1865 г. для евреевъ-ремесленниковъ. Такъ какъ Россiя вообще страдаетъ весьма ощутительнымъ недостаткомъ въ ремесленникахъ, то признано возможнымъ утвердить ремесленниковъ-евреевъ въ званiи полезныхъ гражданъ и предоставить имъ заниматься своимъ ремесломъ на пространствѣ всей русской территорiи; само собой разумѣется, что, подобно купцамъ первой гильдiи, они могутъ пользоваться этой привиллегiей лишь

пока продолжается причина ея вызвавшая, т. е. пока они занимаются ремесломъ. Какъ только еврей уклонится отъ ремесла, полиція можетъ и должна выслать его обратно, на „родину“, въ западный или южный край.

Вотъ сущность постановленій нашего закона о гражданскихъ правахъ евреевъ, какъ отдѣльныхъ лицъ. Что-же касается до общественнаго управленія евреевъ, до ихъ положенія какъ цѣлыхъ группъ гражданъ, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ. Законъ исходитъ изъ той мысли, что евреи составляютъ отдѣльный отъ всего остальнаго населенія міръ, отличающійся не только своимъ вѣроисповѣданіемъ, какъ можно было-бы полагать, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ, неимѣющихъ ничего общаго съ религіей. Евреи именно составляютъ отдѣльныя отъ христіанъ общества въ податномъ отношеніи. Они отбываютъ рекрутскую повинность и всѣ другіе государственные и земскіе налоги отдѣльно отъ христіанъ. Для взиманія податей съ евреевъ, эти послѣдніе избираютъ изъ среды себя особыхъ сборщиковъ податей. А по тѣсной связи паспортной и податной системы, у насъ евреи и въ паспортномъ отношеніи находятся въ изолированномъ положеніи и зависятъ всецѣло отъ своихъ отдѣльныхъ обществъ. Самыя подати у евреевъ не суть исключительно тѣ-же, что у христіанъ. Кромѣ всѣхъ, общихъ состоянію городскихъ обывателей, натуральныхъ и денежныхъ повинностей, евреи несутъ еще спеціальные налоги (коробочный и свѣчной сборы и разныя раскладки), которыхъ мы еще коснемся ниже. Для евреевъ учреждаются въ мѣстахъ ихъ осѣдлости особые неремесленные цехи. Выборы евреевъ въ предоставленныя имъ должности по городскому общественному управленію производятся ихъ обществомъ отдѣльно отъ христіанъ. Законъ признаетъ самостоятельное, отдѣльное существованіе еврейскихъ обществъ въ благотворительномъ отношеніи, говоритъ что они должны, „наравнѣ съ обществами другихъ исповѣданій, имѣть попеченіе о призрѣніи престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ своихъ единовѣрцевъ. На сей конецъ дозволяется имъ устраивать особенныя больницы и богадѣльни“. Разрѣшается мѣщанскимъ обществамъ, состоящимъ изъ христіанъ, евреевъ, татаръ и пр., образовать изъ себя, гдѣ признано будетъ полезнымъ, особые участки для денежныхъ сборовъ. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ

постановленіяхъ просвѣчиваетъ мысль законодателя объ опасности, угрожающей христіанскому населенію въ религіозномъ и матеріальномъ отношеніи, отъ близкаго соприкосновенія съ іудействомъ, и о вытекающей отсюда необходимости по возможности удалять евреевъ, держать ихъ въ сторонѣ. Религіозная сторона этихъ опасеній въ особенности рельефно выступаетъ въ слѣдующихъ двухъ постановленіяхъ. Земледѣльческія поселенія евреевъ должны быть устраиваемы отдѣльно отъ христіанскихъ селеній, не стѣсняясь впрочемъ разстояніемъ отъ этихъ послѣднихъ. Это правило принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя рѣшительно парализовали всѣ мѣры правительства къ распространенію земледѣльческаго труда между евреями. Поселенцы евреи, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о земледѣліи, нуждались въ наставникахъ для усвоенія себѣ новаго занятія, и лучшимъ наставникомъ для нихъ конечно могли бы служить сосѣди-христіане. Люди близко знакомые съ еврейскими колоніями, напр. г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, и указываютъ на весьма неблагопріятные результаты изолированія этихъ колоній. Объяснить этотъ законъ, какъ намъ кажется, можно только религіозными побужденіями, опасеніемъ умственнаго вліянія евреевъ на односельчанъ-христіанъ; по-крайней-мѣрѣ другое объясненіе отыскать трудно. Этимъ же объясняется слѣдующее правило. Христіанки, нанимаемыя евреями для извѣстныхъ, дозволенныхъ закономъ работъ, должны жить не въ однихъ домахъ съ евреями, но отдѣльно. Къ этому закону, его смыслу и практическому значенію, мы возвратимся еще ниже.

Въ связи съ изолированностью еврейскихъ обществъ находится солидарность и взаимная отвѣтственность какъ между членами одного и того же еврейскаго общества, такъ и между цѣлыми этими обществами, разсматриваемыми какъ юридическія единицы. Еврейскія общества, составляя отдѣльные рекрутскіе участки, отвѣчаютъ en masse за неисправности всѣхъ членовъ общины въ представленіи рекрутъ. Коробочный сборъ, который, въ качествѣ косвеннаго налога на потребленіе мяса, падаетъ на всѣхъ вообще евреевъ, идетъ, главнымъ образомъ, на покрытіе недоимокъ по государственнымъ податямъ и сборамъ, числящимся на бѣдныхъ членахъ обществъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ сборъ этотъ можетъ быть расходуемъ съ этою цѣлью не только между членами одной и той же

общины, но и между различными еврейскими обществами одной и той же губерніи. Тогда какъ у христіанъ за укрывательство дезертира отвѣчаетъ, какъ и слѣдуетъ по справедливости, только то лицо, которое его укрывало, у евреевъ, сверхъ того, подвергается отвѣтственности и все общество, среди котораго бѣглый укрывался: предполагается, что у евреевъ все дѣлается сообща, что еврейское общество непремѣнно знаетъ всю подноготную каждаго своего члена и помогаетъ ему въ противозаконныхъ его дѣйствіяхъ. Законъ искусственно поддерживаетъ эту солидарность и вытекающую изъ нея широкую власть общины надъ своими членами, предоставляя ей напр. отдавать порочныхъ своихъ членовъ въ рекруты. Возможность страшныхъ злоупотребленій подобнымъ правомъ, могущимъ служить опаснымъ орудіемъ въ рукахъ вліятельныхъ личностей, для преслѣдованія своихъ враговъ, и въ рукахъ цѣлой общины, для преслѣдованія людей непріятныхъ, свободномыслящихъ и т. под., сознается нашимъ законодателемъ; онъ угрожаетъ поэтому всѣмъ подписавшимъ приговоръ объ отдачѣ въ рекруты безъ очереди, „подъ предлогомъ пороковъ людей, хорошаго поведенія за какіе либо невинные и только противные суевѣрію или злоупотребленіямъ евреевъ поступки", заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ 4—8 мѣсяцевъ. Но очевидно, что отдѣльной личности всегда будетъ очень трудно бороться съ цѣлымъ обществомъ. Съ другой стороны, коль скоро обществу предоставлено страшное право безъ суда наказывать своихъ членовъ за „пороки", то естественно, что оно будетъ судить объ этихъ порокахъ съ своей, а не съ чьей-либо другой точки зрѣнія. Еврейское правовѣрное общество естественно будетъ считать весьма порочнымъ и заслуживающимъ самаго тяжкаго наказанія человѣка, осмѣлившагося въ субботній день курить папиросу, носить палку и т. под. Законъ справедливо видитъ въ этомъ только „поступки противные суевѣрію евреевъ"; но требовать отъ самихъ евреевъ, чтобъ они, подъ страхомъ наказанія, стали на эту же точку зрѣнія и признали свои религіозныя вѣрованія суевѣріемъ,—значитъ поступить неразумно и несправедливо. Одно изъ двухъ: или у обществъ (и не только еврейскихъ, но всѣхъ податныхъ сословій) должно быть отнято опасное право располагать судьбой своихъ членовъ по произволу, или, допуская это право, нужно мириться съ возмож-

ностью самыхъ серьезныхъ злоупотребленій, между прочимъ съ морально-религіознымъ гнетомъ общины надъ своими членами. Середины тутъ не можетъ быть, и палліативныя мѣры противъ подобныхъ злоупотребленій весьма рѣдко окажутся полезными на практикѣ. Въ отношеніи къ евреямъ законъ даже видимо поощряетъ отдачу обществами людей въ рекруты безъ очереди. Общества евреевъ-землевладѣльцевъ имѣютъ право отдавать своихъ членовъ въ рекруты, „въ наказаніе за вины", и за каждаго такого рекрута исключается по 150 рублей изъ лежащаго на обществѣ казеннаго долга. Лучшей мѣры нельзя было придумать для того, чтобы побуждать общества колонистовъ отдавать въ рекруты, подъ предлогомъ порочности, всѣхъ слабыхъ, беззащитныхъ и почему-либо непріятныхъ (напр. по религіозному свободомыслію) своихъ членовъ. Перспектива въ самомъ дѣлѣ очень заманчивая: избавиться отъ людей вредныхъ или мозолящихъ глаза и уплатить ими свой долгъ казнѣ: сдѣлка очень выгодная для обществъ, а можетъ быть, и для казны, но ужь конечно никакъ не для тѣхъ несчастныхъ, которые почему-либо не нравятся общинѣ или просто беззащитны противъ ея покушеній. Этого достаточно, чтобъ дать понятіе о характерѣ отношеній нашего закона къ еврейской общинѣ, къ такъ называемому *кагалу*, о которомъ такъ много толкуютъ у насъ въ послѣднее время. Изъ сопоставленныхъ нами узаконеній видно, въ какой мѣрѣ справедливо отнести къ однимъ евреямъ упрекъ въ томъ, что они чуждаются остальныхъ классовъ населенія и крѣпко отстаиваютъ свое общинное самоуправленіе, свою солидарность и самостоятельность какъ отдѣльнаго класса общества. Не видимъ ли мы напротивъ, что законодательство поддерживаетъ и воспитытаетъ этотъ духъ розни и солидарности (первой по отношенію евреевъ къ нееврейскому міру, второй—между членами еврейскихъ обществъ), побуждаемое отчасти укоренившейся враждебностью и отчужденностью въ отношеніи къ еврейству, отчасти религіозными опасеніями, отчасти, наконецъ, извѣстнымъ разсчетомъ, напр. желаніемъ обезпечить правильное поступленіе налоговъ съ евреевъ и привлеченіе ихъ къ военной службѣ? Впрочемъ, вопросъ о кагалѣ, по своей обширности и самостоятельности, не входитъ въ предѣлы настоящаго очерка.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ сущность постановленій

нашего законодательства о евреяхъ, мы перейдемъ къ изложенію тѣхъ мотивовъ, тѣхъ соціально-политическихъ идей и соображеній, которыя объясняютъ происхожденіе и обусловливаютъ существованіе этихъ постановленій. При этомъ мы будемъ имѣть возможность ближе и подробнѣе ознакомиться съ юридическимъ бытомъ евреевъ, какъ онъ сложился подъ вліяніемъ разнообразныхъ взглядовъ и стремленій законодательной власти.

II.

У насъ въ обществѣ распространено то убѣжденіе, что еврейскій вопросъ въ Россіи есть, по преимуществу, если не исключительно, вопросъ экономическій и что особенность положенія евреевъ у насъ заключается въ тѣхъ ограниченіяхъ, которыя вызваны единственно мотивами экономическаго свойства. Полагаютъ, что принципъ религіозной терпимости настолько проникъ въ наше законодательство, что объяснять юридическія стѣсненія евреевъ ихъ вѣроисповѣданіемъ невозможно. Это одно изъ тѣхъ безчисленныхъ заблужденій, которыя распространены у насъ относительно всего, что касается евреевъ, столько-же по незнанію, сколько по нежеланію знать и признавать истинное положеніе еврейскаго дѣла. Лучшимъ средствомъ для опроверженія этого взгляда можетъ служить ближайшее ознакомленіе съ историческимъ ходомъ развитія нашего законодательства о евреяхъ вообще и дѣйствующими законами, относящимися до положенія еврейской религіи въ Россіи. Исторія именно показываетъ намъ, что не только въ отдаленныя времена, но и въ ближайшій къ намъ періодъ, первой по времени и главной по вліянію причиной ограниченія правъ евреевъ была религіозная нетерпимость. Такъ какъ послѣдній памятникъ стариннаго русскаго законодательства, имѣющій практическое значеніе и для настоящаго времени, есть уложеніе царя Алексѣя Михайловича (1649 г.), то мы будемъ касаться здѣсь только эпохи, начинающейся съ этого уложенія, какъ могущей и долженствующей объяснить характеръ и смыслъ дѣйствующихъ по настоящее время постановленій о евреяхъ въ Россіи. Даже оффиціальный историкъ нашей администраціи, г. Варадиновъ, признаетъ, что религіозныя соображенія руководили въ эту эпоху нашимъ правительствомъ въ опредѣленіи юридическаго быта евреевъ, причемъ онъ старается объяснить это поведеніемъ самихъ евреевъ. „Исторія духовныхъ дѣлъ еврейскихъ съ 1649 г. носитъ на себѣ отпечатокъ недовѣрія къ послѣдователямъ моисеева закона между прочимъ потому, что евреи ложными своими ученіями завлекали въ свое вѣроисповѣданіе лицъ другихъ исповѣданій, даже христіанскихъ; почему гражданскія права ихъ постоянно были болѣе или менѣе стѣсняемы, переселеніе ихъ въ Россію изъ другихъ государствъ воспрещаемо; евреи нѣсколько разъ подвергались совершенному изгнанію изъ предѣловъ русскихъ“[1]). Уже Алексѣй Михайловичъ въ уложеніи установилъ смертную казнь евреямъ, совращающимъ въ свою вѣру православныхъ. Въ 1676 г. запрещено пропускать ихъ изъ Смоленска въ Москву. По присоединеніи Смоленска къ Россіи отобраны въ 1727 г. въ казну кабацкіе и таможенные сборы съ предоставленіемъ арендованія ихъ лицамъ всѣхъ состояній, кромѣ евреевъ. Въ томъ-же году они были высланы изъ Россіи съ воспрещеніемъ въѣзда ихъ на будущее время.

Такія-же строгія мѣры приняты были и въ слѣдующіе годы. Несмотря на это, въ 1736 г. еврей Борохъ пріѣзжалъ въ Москву и склонилъ къ жидовству флота капитанъ-лейтенанта Возницына; послѣдній уѣхалъ въ Смоленскъ и здѣсь былъ обрѣзанъ Борохомъ. Этотъ-же Борохъ былъ обвиненъ еще „въ смертномъ убійствѣ священника Авраамія въ Смоленскѣ, въ совращеніи съ прочими жидами въ свою вѣру простой народъ, въ построеніи жидовской школы и въ мученіи бывшей у него въ найму крестьянской дѣвки“. За всѣ эти преступленія, многочисленность которыхъ невольно наводитъ на сомнѣніе въ ихъ дѣйствительности, Борохъ и Возницынъ—послѣдній раскаялся и возвратился въ православіе—были сожжены по приговору суда. Вѣроятно, вслѣдствіе этого случая, сенатъ въ томъ же 1736 году предписалъ немедленно выслать изъ Малороссіи всѣхъ евреевъ. Распоряженіе это повторено въ 1742 г. съ тѣмъ, чтобъ впредь не впускать въ Россію никого изъ евреевъ, „за исключеніемъ тѣхъ, которые бы пожелали принять православіе“. Этотъ указъ Елисаветы Петровны памятенъ по знаменитой резолюціи ея на докладъ сената о необходимости, по народно-

[1]) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. 2, ч. I, стр. 129.

хозяйственнымъ соображеніямъ, дозволить евреямъ временной пріѣздъ въ Малороссію и Ригу: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“. Елисавета высказала въ этихъ немногихъ словахъ всю сущность старинной русской политики по еврейскому вопросу. Она приэтомъ не представляла собой ничего выдающагося по фанатизму и нетерпимости, а выразила только господствовавшія въ русскомъ обществѣ того времени воззрѣнія. Какъ смотрѣло тогда русское общество, даже въ высшихъ его кругахъ, на евреевъ можно видѣть изъ слѣдующаго. Мавра Егоровна Шувалова, будучи въ 1738 г. въ Нѣжинѣ, была поражена присутствіемъ евреевъ въ этомъ городѣ и поспѣшила написать цесаревнѣ Елисаветѣ о неслыханномъ чудѣ: „жидовъ множество, и видѣла ихъ, собакъ“ [1]). Неудивительно послѣ этого, что, вступивши потомъ на престолъ, Елисавета примѣнила на дѣлѣ господствовавшій въ кругу ея друзей взглядъ на евреевъ, какъ на собакъ, которыхъ слѣдуетъ выгонять безъ зазрѣнія совѣсти. По увѣреніямъ историковъ, въ 1753 г. изгнано изъ Россіи до 35,000 евреевъ [2]). Елисавета, съ послѣдовательностью, достойной лучшаго дѣла, оставалась вѣрна этой нетерпимости нетолько при общихъ мѣрахъ относительно всего еврейскаго населенія, но и въ единичныхъ случаяхъ. Свидѣтельствомъ этого можетъ служить любопытное дѣло доктора Саншеса. Антоніо Саншесъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ врачей своего времени. Въ 1731 г. онъ былъ вызванъ въ Россію, былъ здѣсь придворнымъ медикомъ, завѣдывалъ медицинской частью въ арміи и пр. Онъ былъ также членомъ академіи наукъ. На старости лѣтъ онъ занимался исключительно наукой, лечилъ даромъ бѣдныхъ людей и тѣмъ разстроилъ свое состояніе, такъ что русскіе помогали ему. Онъ написалъ первое сочиненіе о русскихъ баняхъ съ медицинской точки зрѣнія. Этотъ-то замѣчательный человѣкъ въ 1749 году уволенъ былъ изъ академіи наукъ и долженъ былъ уѣхать въ Парижъ. Онъ, разумѣется, полагалъ, что провинился въ чемъ нибудь предъ императрицей, но оказалось, что причиной увольненія было его еврейство. „Ея Императорское Величество, писалъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова т. I, стр. 84.

[2]) Германнъ, Geschichte des Russischen Staates, V. 171.

Шуваловъ къ Разумовскому, очень почитаетъ ученыхъ и покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ въ высшей степени. Но она хочетъ также, чтобъ члены ея академіи были добрыми христіанами, а она узнала, что докторъ Саншесъ не принадлежитъ къ числу таковыхъ. Такимъ образомъ, его іудейство, а не политическія причины, лишило его мѣста“. „Вы хорошо сдѣлали, что подчинились приказаніямъ Ея Величества, писалъ Разумовскій къ Саншесу. Она не разгнѣвалась на васъ за какой-нибудь проступокъ противъ нея или ея интересовъ; по она полагаетъ, что ея совѣсть не позволяетъ ей оставить въ своей академіи человѣка, который оставилъ знамя Христа и рѣшился сражаться подъ знаменемъ Моисея и ветхозавѣтныхъ пророковъ“ [1]).

Послѣднія слова заставляютъ думать, что Саншесъ принадлежалъ къ числу потомковъ португальскихъ маранновъ, которыхъ предки были насильно обращаемы въ христіанство. Многіе изъ нихъ впослѣдствіи возвращались въ лоно іудейства, и Саншесъ, повидимому, былъ одинъ изъ нихъ.

Въ 1762 году, при самомъ восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II, снова былъ поднятъ вопросъ о евреяхъ. Сенатъ единогласно призналъ полезнымъ допустить евреевъ въ Россію, но государыня не согласилась съ этимъ, именно изъ опасенія, чтобъ не раздразнить духовенство и религіозныя чувства народа [2]). Вслѣдствіе этого въ томъ же 1762 году подтверждено запрещеніе евреямъ переселяться въ Россію. Исключеніе сдѣлано въ 1764 г. для евреевъ, жившихъ въ Литвѣ, въ слободѣ Вѣткѣ, и принявшихъ крещеніе по старообрядческому ученію. Религіозная сторона еврейскаго вопроса и стремленіе побудить евреевъ къ переходу въ православіе въ особенности ярко выступили во вторую половину царствованія Александра I, эпоху всеобщей реакціи, религіознаго мистицизма и библейскаго общества, и въ послѣдующее царствованіе. Въ 1817 г. учрежденъ былъ „комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ“, для покровительства евреямъ, принявшимъ христіанство Въ вѣденіе его отведены были казенныя земли, на которыхъ ново-

[1]) „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 280.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 492.

обращенные могли селиться для хлѣбопашества, скотоводства и другихъ сельско-хозяйственныхъ промысловъ. Тутъ имѣлось въ виду такимъ образомъ, достигнуть одновременно тѣлеснаго и душевнаго спасенія евреевъ, пріучивъ ихъ къ болѣе солиднымъ занятіямъ и измѣнивъ ихъ религіозный бытъ. Не смотря на такую прекрасную задачу, опытъ правительственнаго спасенія еврейскихъ душъ не удался. „По измѣнившимся обстоятельствамъ, говоритъ г. Варадиновъ, указомъ 30-го марта 1833 г. измѣнена цѣль занятій комитета, который только управлялъ землями, отведенными въ его вѣденіе, т. е. комитетъ не достигъ, какъ кажется, цѣли, почему и былъ закрытъ въ этомъ году, а самыя земли переданы министерству внутреннихъ дѣлъ для поселенія на нихъ колонистовъ“ [1]).

Извѣстный министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія кн. Голицынъ, игравшій также видную роль въ эпоху александровскаго мистицизма, зорко слѣдилъ за іудействомъ. Начальство Херсонской губерніи донесло, что женщины—христіанки служатъ у евреевъ, забываютъ обязанности христіанской вѣры и принимаютъ обычаи и обряды еврейства. Министръ духовныхъ дѣлъ, принявъ во вниманіе, что евреи, по своему ученію, считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру (замѣтимъ мимоходомъ, что это совершенно невѣрно: еврейству рѣшительно чуждъ духъ прозелитизма, и талмудъ предписываетъ всячески отклонять иновѣрцевъ, желающихъ обратиться въ іудейство) и что они еще недавно распространили свое ученіе даже въ Воронежской губерніи, призналъ необходимымъ подтвердить о существующемъ запрещеніи евреямъ держать въ домашнемъ услуженіи христіанъ. Въ этомъ смыслѣ состоялись положенія комитета министровъ отъ 17 января и 10 февраля 1820 г. и указъ сената отъ 22 апрѣля того же года. Указъ этотъ на практикѣ примѣнялся различно, по благоусмотрѣнію и мѣрѣ набожности мѣстнаго начальства. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ запрещали христіанамъ дѣлать ремесленныя работы на евреевъ, обработывать ихъ земли, перевозить ихъ на своихъ лошадяхъ, и т. п. Религіозное рвеніе дошло, такимъ образомъ, до такого отчужденія отъ всего еврейскаго, которое не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ

[1]) „Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ“, III, 1, 555.

самыя темныя времена средневѣковыхъ гоненій. Въ Витебскѣ же христіане продолжали жить у евреевъ, проводить у нихъ шабашъ, носить ихъ книги и ключи въ школу (horribile dictu!), и т. п. ужасы. Вслѣдствіе этого министръ внутреннихъ дѣлъ снова подтвердилъ о точномъ соблюденіи указа 22 апрѣля 1820 года.

Въ 1824 г. управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, замѣнившее прежнее министерство духовныхъ дѣлъ, донесло Сенату, что еврей Шпира, оставаясь въ своей вѣрѣ, занимаетъ должность уѣзднаго врача и считается на государственной службѣ. Но такъ какъ евреи, пока они остаются въ своей вѣрѣ, не имѣютъ правъ на государственную службу, то управленіе просило Сенатъ подтвердить объ этомъ всѣмъ подчиненнымъ ему мѣстамъ и лицамъ, что и было исполнено въ указѣ 16 августа 1828 года.

Заботливость о духовныхъ интересахъ еврейскаго населенія еще дѣятельнѣе и энергичнѣе проявилась въ эпоху слѣдующаго царствованія (1825—55 г.). Къ этому времени относятся всѣ тѣ мѣры къ поощренію перехода евреевъ въ православіе, которыя до сихъ поръ существуютъ въ нашемъ законодательствѣ. Насколько, такимъ образомъ, законодательная дѣятельность прошлаго царствованія имѣетъ практическое значеніе по настоящее время, мы будемъ говорить о ней нѣсколько ниже, при обзорѣ дѣйствующаго законодательства. Здѣсь скажемъ нѣсколько словъ о фактахъ, канувшихъ уже въ вѣчность, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи, но важныхъ для правильнаго пониманія мотивовъ и духа нашихъ законовъ о евреяхъ и уцѣлѣвшихъ еще въ русскомъ правѣ обломковъ старинныхъ воззрѣній и стремленій. Правительство открыто принимало тогда мѣры къ пропогандѣ христіанства между евреями. Такъ въ 1833 г. витебскій еврей, Темкинъ, „убѣдившись въ истинахъ христіанства и желая просвѣтить своихъ собратій“, какъ говоритъ г. Варадиновъ, написалъ сочиненіе подъ названіемъ: „Путь очищенный къ показанію истинной вѣры“. Государь изволилъ обратить вниманіе на этотъ трудъ и, по разсмотрѣнію его Могилевскимъ православнымъ епископомъ, сдѣлалъ распоряженіе о напечатаніи сочиненія Темкина на еврейскомъ и русскомъ языкахъ. [1])

[1]) Исторія минист. внутр. дѣлъ, III, I, 555—58.

Важнѣйшимъ орудіемъ въ рукахъ администраціи къ поощренію христіанства между евреями служили частыя изгнанія, или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, „выселенія" евреевъ то изъ извѣстныхъ городовъ, то изъ селъ и деревень. Въ другомъ мѣстѣ мы привели разсказъ современника и очевидца о томъ, какъ подобныя выселенія заставляли многихъ евреевъ, въ особеноости связанныхъ семейными и другими обстоятельствами, принимать христіанство для того, чтобъ получить право остаться на мѣстѣ жительства. Что этотъ разсказъ дѣйствительно справедливъ, можно видѣть изъ оффиціальныхъ данныхъ, сущность которыхъ передана вкратцѣ г. Варадиновымъ. Пользуясь неустройствомъ евангелическо-лютеранской и римско-католической церкви, говоритъ онъ, евреи то переходили въ первую безъ всякаго убѣжденія, принимая крещеніе для виду, съ единственной цѣлью имѣть пребываніе въ Петербургѣ, и, въ противность узаконеніямъ, крестились не въ церкви, не публично, но безгласно, у пасторовъ, то привлекали въ свое исповѣданіе католиковъ, какъ это случилось въ Виленской губерніи". [1]). Евреи, принимавшіе протестантизмъ (по отсутствію здѣсь формальностей для перехода) для виду, встрѣчались въ то время весьма нерѣдко. Кромѣ упомянутыхъ свидѣтельствъ укажемъ еще на слѣдующій фактъ. Іоганнъ Филиппъ Симонъ, путешествовавшій нѣсколько разъ по Россіи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, описывая одну изъ своихъ поѣздокъ, разсказываетъ, что въ Тулѣ онъ встрѣтилъ въ нѣмецкомъ обществѣ еврея, который оффиціально считался лютераниномъ, ибо иначе не могъ бы жить въ Тулѣ, а въ сущности оставался евреемъ. [2])

Нечего и говорить, что объясненіе, даваемое этому факту г. Варадиновымъ, не выдерживаетъ никакой критики. Съ точки зрѣнія казенныхъ историковъ и философовъ, все дурное въ обществѣ объясняется „неустройствомъ" въ административномъ смыслѣ, недостаточностью узаконеній, мѣропріятій и т. под. Средства же противъ всѣхъ золъ они, вслѣдствіе этого, видятъ въ регламентаціи, уставахъ и предписаніяхъ. Но не нужно много сообразительности

[1]) Исторія минист. внутр. дѣлъ, III, 1, 115.

[2]) Ioh. Ph. Simon, Russisches Leben, 1855 г., стр. 286.

для того, чтобъ понять, что истинная причина предосудительнаго перехода евреевъ въ христіанство для виду, для пріобрѣтенія матеріальныхъ выгодъ, лежитъ не въ недостаткѣ законовъ, какъ утверждаетъ г. Варадиновъ, а напротивъ, въ ихъ изобиліи, въ существованіи многихъ такихъ законовъ, которые, въ качествѣ ненужныхъ, умаляютъ почтеніе къ нужнымъ (по выраженію нашего эпиграфа). Несмотря ни на какія старанія, здѣсь нельзя даже частицу вины приписать евреямъ, ихъ любостяжанію, не останавливающемуся ни предъ какими преградами, и другимъ изъѣзженнымъ конькамъ нашихъ жидоѣдовъ. Что остается въ самомъ дѣлѣ человѣку, которому въ одно прекрасное утро объявляютъ: прими крещеніе или пойди по міру съ семьей? Большинство людей, застигнутыхъ подобной бурей, разумѣется, выберетъ первое. Но проникнуться по заказу убѣжденіемъ въ превосходствѣ христіанства, какъ и всякимъ другимъ убѣжденіемъ, вообще довольно трудно, а при такихъ обстоятельствахъ подобное убѣжденіе едвали у когонибудь можетъ составиться. И вотъ, масса людей является виновной въ одномъ изъ самыхъ страшныхъ, съ нравственной точки зрѣнія, преступленій: торговлѣ самымъ священнымъ для большинства людей предметомъ—религіозными убѣжденіями. Къ длинному списку еврейскихъ грѣховъ присоединяется еще одинъ весьма тяжкій, часто дающій поводъ добродѣтельнымъ людямъ изливать свое негодованіе на моральное растлѣніе еврейскаго міра, для котораго нѣтъ ничего священнаго. Для того, чтобы правильно понимать явленіе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, надо принять въ разсчетъ, что евреи не составляли въ этомъ отношеніи какогонибудь исключенія. Въ тѣ времена, когда внутренняя наша политика занималась, главнымъ образомъ, религіознымъ вопросомъ, т. е. усиленіемъ православія (возсоединеніе уніи, преслѣдованія раскола, поощреніе православія въ остзейскомъ краѣ), смѣшеніе религіозныхъ и матеріальныхъ интересовъ было явленіе обыкновенное. Такъ, изъ отчета генералъ-губернатора Головина объ управленіи остзейскимъ краемъ (1845—1848 гг.) видно, что балтійскіе крестьяне, въ виду заботливости правительства о распространеніи между ними православія, ожидали отъ перемѣны своей вѣры освобожденія отъ барщины и, вслѣдствіе этого, изъявляли массами готовность

перейти на такомъ условіи въ православіе [1]). Крестьянинъ, мѣняющій свою религію для освобожденія отъ барщины, и еврей, дѣлающій тоже самое для избавленія отъ рабства своего рода—прикрѣпленія къ извѣстной мѣстности, — это характеристическія явленія исторіи прошлаго царствованія.

Другой важной мѣрой для распространенія христіанства между евреями послужило тогда правительству привлеченіе евреевъ къ военной службѣ. На военную службу евреевъ смотрѣли тогда не какъ на средство ихъ обрусенія, сближенія съ русскимъ народомъ и противодѣйствія отчужденности и изолированности евреевъ, а, главнымъ образомъ, какъ на средство религіозной пропаганды. Слѣды этого болѣе чѣмъ страннаго направленія, какъ мы увидимъ, существуютъ и по нынѣ въ нашемъ законодательствѣ; но большинство относящихся сюда фактовъ, къ чести Россіи, составляетъ уже достояніе исторіи, которая можетъ разсказать по этому предмету ужасныя, по истинѣ невѣроятныя вещи. Въ лѣтописи русскаго суда занесено напр. дѣло о рядовомъ — евреѣ Шкабло, судившемся за дерзость противъ своего начальника, офицера Ефремова. Офицеръ этотъ самымъ звѣрскимъ образомъ наказывалъ и преслѣдовалъ Шкабло за то, что тотъ оставался вѣренъ своей религіи и соблюдалъ ея обряды; ворвался въ еврейскую молельню во время богослуженія, „гасилъ и ломалъ свѣчи, рвалъ съ молившихся одежды, сбилъ съ ногъ служившаго за жреца и столкнулъ съ мѣста кивотъ съ заповѣдями“. Ефремовъ говорилъ о себѣ, что онъ „истребитель жидовъ“ и „уничтожитъ ихъ праздники и законъ“. Всѣмъ этимъ онъ довелъ Шкабло до отчаянія, и послѣдній рѣшился сорвать погоны у достойнаго офицера для того, чтобъ дѣло дошло наконецъ до высшаго начальства. Шкабло былъ строго наказанъ за нарушеніе дисциплины, а объ Ефремовѣ заведено особое дѣло, исходъ котораго неизвѣстенъ [2]). Рядъ возмутительнѣйшихъ дѣяній этого рода схороненъ въ исторіи кантонистовъ, т. е. малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей, которые признавались такъ сказать, казенной собственностью, и приготовлялись начальствомъ въ солдаты. Кантонисты-евреи были лакомымъ кусочкомъ военнаго начальства въ то время, такъ какъ малолѣтнихъ ребятъ легче было обращать на истинный путь, чѣмъ взрослыхъ людей. Главнымъ средствомъ для этого считалось — загонять ихъ какъ можно дальше отъ родины, чтобъ они потеряли почву, забыли свою вѣру и были беззащитнѣе противъ миссіонерскихъ покушеній военнаго начальства. „Евреевъ и поляковъ, говоритъ г. Никитинъ въ своихъ очеркахъ изъ быта кантонистовъ „Многострадальные“— для того чтобъ ими преумножить православныхъ, всегда отсылали далеко отъ родины: кіевскихъ напр. въ Пермь и отнюдь не ближе Нижняго-Новгорода“ [1]). Очевидецъ описываетъ самыми мрачными красками эти длинныя, страдальческія скитанія кантонистовъ. Партія еврейскихъ кантонистовъ, дѣтей отъ 8—13 лѣтъ, шла въ Пермь; на полдорогѣ офицеръ, сопровождавшій ихъ, получилъ приказаніе гнать свое стадо, вмѣсто Перми, въ Казань. Третья часть дѣтей, по словамъ офицера, осталась уже на дорогѣ, а до мѣста назначенія, какъ онъ полагалъ, не дойдетъ и половина [2]). Нетолько сами эти несчастные, но и кантонисты-христіане возмущались тѣмъ, что принуждали еврейскихъ кантонистовъ къ принятію православія. Узнаетъ начальникъ, что завтра прибудетъ партія еврейчиковъ (а ихъ прибываетъ въ годъ 2—3 партіи, человѣкъ въ 100, въ 200 каждая) и заранѣе отдастъ приказъ, чтобъ стеречь ихъ хорошенько, не подпускать къ нимъ никого изъ солдатъ-евреевъ. Загонятъ ихъ въ холодную комнату, безъ постелей, отнимутъ все, что при нихъ есть. Затѣмъ начинаются страшныя истязанія, ведущія прямо и непосредственно къ тому, чтобъ заставить кантонистовъ принять православіе. Крещенные эти чрезъ годъ едва ознакомятся съ христіанскими молитвами и долго не знаютъ даже, какъ ихъ зовутъ порусски [3]). Жалобы на эти угнетенія обыкновенно ни къ чему не приводили, такъ какъ зло коренилось не въ злоупотребленіяхъ низшихъ властей, а въ самой законодательно-административной системѣ.

Третьимъ орудіемъ въ рукахъ правительства, для вліянія на

---

[1]) Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и др. 1871 г. кн. I.
[2]) Русскіе уголовные процессы Любавскаго т. IV, стр. 257.

---

[1]) „Отеч. Зап.“ 1871 г., кн. 8, стр. 352.
[2]) „Былое и Думы“, т. I, стр. 308.
[3]) „Отеч. Зап.“ 1871 г., кн. 10, стр. 4121.

религіозный бытъ евреевъ, послужила организація системы народнаго ихъ образованія. Извѣстно, что въ прошлое царствованіе устроена была цѣлая система казенныхъ еврейскихъ училищъ, существующихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ до настоящаго времени. Еслибъ училища эти задались простой задачей распространенія общечеловѣческаго элементарнаго образованія между евреями, онѣ оказали бы огромнѣйшую услугу не только еврейскому населенію, но и всей странѣ, и, кто знаетъ, какъ существенно могли бы измѣниться уже до сихъ поръ, подъ вліяніемъ такихъ училищъ, отношенія между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ Россіи. Но такой образъ дѣйствій былъ совершенно не въ духѣ тогдашней нашей внутренней политики, сильно окрашенной религіозно-миссіонерскимъ оттѣнкомъ. Вмѣсто того, чтобы оставить въ покоѣ религіозный бытъ евреевъ и содѣйствовать улучшенію его косвеннымъ путемъ, распространеніемъ общаго образованія, правительство прямо провозгласило своей задачей противодѣйствіе талмуду, суевѣрію, меламдамъ, казенный контроль надъ тѣмъ, что всего дороже для всякой народной массы, а въ особенности для евреевъ. „Съ помощью училищъ хотѣли перевести все религіозно-нравственное образованіе евреевъ въ руки людей, на которыхъ могло бы положиться правительство и которыхъ оно могло бы контролировать. Съ этой цѣлью имъ дана была программа, въ которой преобладало изученіе религіозно-нравственныхъ (а не общеобразовательныхъ) предметовъ. Смотрители назначались изъ христіанъ, имъ порученъ былъ надзоръ за меламдами и исполнительная власть надъ ними вмѣстѣ съ мѣстной полиціей. Дѣйствія меламдовъ были ограничены... Какъ и слѣдовало ожидать, школы пошли неуспѣшно... Какъ кажется, въ этомъ виновны смотрителя, лучше сказать, положеніе смотрителей. Они назначаются обыкновенно изъ христіанъ, и это отталкиваетъ отъ училища евреевъ. Какъ ввѣритъ религіозный еврей свое дитя учрежденію, начальникъ котораго христіанинъ, и который преслѣдуетъ Богъ вѣсть какіе планы? Къ тому же, вмѣстѣ съ основаніемъ этихъ училищъ, начались преслѣдованія меламдовъ. Эти подозрѣнія заставляли евреевъ косо смотрѣть на училища. Дурной выборъ людей увеличилъ замѣшательство. На 250 р. жалованья, на плохую квартиру, на жизнь въ маленькомъ городкѣ и на незнакомое дѣло, съ которымъ соединена большая отвѣтственность и зависимость, не могло явиться много охотниковъ, и вновь назначенные чиновники окончательно испортили дѣло. Ихъ грубое обращеніе съ евреями и дѣтьми, недостатокъ усердія къ дѣлу и такта повести его, грязныя полицейскія преслѣдованія частныхъ школъ, столкновенія съ семействами, посылавшими туда дѣтей, и споры по найму дома,—все это окончательно оттолкнуло евреевъ отъ казенныхъ училищъ...“ [1]) Очевидно, что всѣ эти и многіе другіе недостатки казенныхъ еврейскихъ училищъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, обязаны своимъ происхожденіемъ стремленію администраціи вліять рѣшительнымъ образомъ на религіозный бытъ евреевъ. Есть много оффиціальныхъ данныхъ, не оставляющихъ мѣста сомнѣнію насчетъ того, каковы были тѣ „планы“, которые при этомъ преслѣдовались, по словамъ г. Барсова, администраціей. Въ настоящее время несостоятельность всей этой системы сознана всѣми. „Пусть религіозно-нравственное ученіе евреевъ, говоритъ тотъ же авторъ, остается при нихъ; пусть оно дѣтямъ преподается меламдами, взрослымъ объясняется и проповѣдуется ихъ раввинами. Христіанское общество не имѣетъ даже права и разумнаго основанія контролировать ихъ въ этомъ дѣлѣ. Не слѣдуетъ наконецъ забывать что общими мѣрами, которыя касались бы не предупрежденія зла, а уничтоженія его, сдѣлать съ еврейскимъ обществомъ ничего нельзя: замѣтивъ общую опасность, каждый изъ нихъ поведетъ партизанскую оборону... Надо дѣйствовать нравственнымъ воспитаніемъ не въ духѣ христіанской религіи, съ которой никогда не согласится еврей, а въ духѣ человѣческаго образованія, равно доступнаго всѣмъ и каждому“ [2]).

При учрежденіи еврейскихъ училищъ, администрація дѣйствовала въ духѣ, прямо противоположномъ этимъ идеямъ. „Очищеніе“ еврейской религіи при помощи инвалидовъ всѣхъ вѣдомствъ, назначаемыхъ въ смотрители, разумѣется не удалось; зато достигнута была другая цѣль—превращеніе казенныхъ еврейскихъ училищъ въ „безсовѣстную трату времени, труда и денегъ“, какъ охарактеризовалъ ихъ одинъ директоръ училищъ [3]).

[1]) Н. Барсовъ. Школы на Волыни и Подоліи въ 1862 году, стр. 101, 103.
[2]) Тамъ же, стр. 97.
[3]) Тамъ-же, стр. 104.

Дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ этой системы народнаго образованія евреевъ послужили мѣры къ внѣшнему ихъ цивилизованію посредствомъ насильственнаго устраненія тѣхъ освященныхъ временемъ и отчасти религіозной санкціей обычаевъ, которые влекли за собою внѣшнее отчужденіе евреевъ отъ остального населенія. Вмѣсто того, чтобы уничтожить эти особенности, посредствомъ распространенія общаго образованія и гражданскаго уравненія евреевъ, правительство избрало болѣе краткій, болѣе энергическій, такъ сказать, военный способъ дѣйствія. Объявлена была война еврейскому, національному (хотя и заимствованному нѣкогда у поляковъ) костюму, священнымъ пейсамъ и бритью головъ у женщинъ. Полиціи поручено было сблизить, или, какъ говорятъ теперь, слить евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, сбрить имъ пейсы и изгнать еврейскую одежду. Результаты этой мѣры, если и были благопріятны для немногихъ личностей, тяготившихся внѣшней изолированностью, то, въ общей сложности были, весьма неблагопріятны для дѣла сближенія, возбуждая, какъ всякій актъ принужденія, неудовольствіе и недовѣріе ко всѣмъ мѣрамъ правительства. При согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ судебными уставами 1864 г., государственный совѣтъ (въ мнѣніи 27 декабря 1865 г.) между прочимъ выпустилъ изъ уложенія статью, опредѣляющую наказаніе за бритье головъ еврейкамъ. Онъ мотивируетъ необходимость отмѣны этого закона слѣдующимъ образомъ. „Не слѣдуетъ требовать исполненія такихъ постановленій отъ евреевъ, которымъ бритье головы при замужествѣ предписывается моисеевымъ закономъ. Какъ ни страненъ такой обычай, особенно въ нашемъ климатѣ, тѣмъ не менѣе, въ виду совершенной его безвредности для другихъ подданныхъ имперіи, не слѣдуетъ сохранять въ уложеніи наказаній за соблюденіе онаго, тѣмъ болѣе, что подобныя мѣры были бы несогласны съ Высочайшей волей (нынѣ царствующаго) Государя Императора о дозволеніи евреямъ безпрепятственно отправлять богослуженіе и обряды ихъ вѣры". Эти немногія слова достаточно ясно характеризуютъ и истинный смыслъ тѣхъ цивилизаторскихъ мѣръ, о которыхъ мы теперь говоримъ, и различіе въ направленіяхъ современнаго и прежняго законодательства относительно религіознаго быта евреевъ.

Поощряя такимъ образомъ всячески очищеніе еврейской религіи и еще болѣе переходъ евреевъ въ христіанство, правительство старалось исключительно привлечь евреевъ къ господствующей церкви. Въ 1838 г. былъ случай, что два еврея приняли крещеніе по старообрядческому толку и просили о причисленіи ихъ къ обществу мѣщанъ-христіанъ г. Бѣлицы. Дѣло дошло до комитета министровъ, и Государь Императоръ, по положенію комитета, повелѣлъ: сдѣлать распоряженіе объ увѣщаніи мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ означенныхъ евреевъ о переходѣ въ православіе; если они останутся непреклонными въ своемъ заблужденіи, то не предоставить имъ никакой изъ льготъ, даруемыхъ евреямъ, принимающимъ христіанскую вѣру; на семъ основаніи поступать и впредь въ подобныхъ случаяхъ; лицъ совершавшихъ крещеніе надъ означенными евреями обязать строжайшей подпиской не принимать иновѣрныхъ въ старообрядцы [1]). Этой мѣрой правительство преградило евреямъ одинъ изъ путей къ переходу въ христіанство по собственному убѣжденію (потому что, при ограниченіи гражданскихъ правъ раскольниковъ, переходъ еврея въ расколъ могъ бы служить ручательствомъ того, что принятіе христіанства послѣдовало по внутреннему побужденію, а не матеріальному разсчету). Выходитъ, что правительство въ прежнее время, заботясь о привлеченіи евреевъ въ христіанство, само признавало здѣсь главнымъ рычагомъ разсчетъ, а не внутреннее убѣжденіе, которое имъ стѣснялось и ограничивалось. Сказанное о расколѣ примѣняется и къ переходу евреевъ въ другія христіанскія исповѣданія. Правда, въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, расколъ поставленъ у насъ въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ другія исповѣданія. Но правительство смотрѣло косо и на переходъ евреевъ въ католицизмъ и протестантизмъ, хотя не запрещало принятіе евреевъ въ эти исповѣданія. Мѣры, принятыя для ограниченія перехода евреевъ въ эти исповѣданія, существуютъ до сихъ поръ, и мы познакомимся съ ними нѣсколько ниже.

Въ такой же мѣрѣ, какъ правительство поощряло распространеніе православія между евреями, оно относилось крайне враждебно къ явленію противоположному, одному изъ загадочныхъ

---

[1]) Собраніе постановленій по части раскола, ч. I, стр. 215.

продуктовъ русской жизни—распространенію іудейства между православными, въ видѣ такъ называемой жидовской или субботнической ереси. Не довольствуясь общими мѣрами противъ раскола, правительство, очевидно считая секту жидовствующихъ одной изъ наиболѣе вредныхъ, принимало противъ нихъ спеціальныя, весьма энергическія мѣры. Еще 3 февраля 1825 г. утверждены „правила о субботникахъ или іудействующихъ и о мѣрахъ къ пресѣченію распространенія сей секты“. Сущность этихъ правилъ состоитъ въ слѣдующемъ. Полиціи предписывается брать начальниковъ сей секты, и ихъ помощниковъ и „въ видѣ обыкновеннаго полицейскаго распоряженія“ (т. е. безъ суда и расправы), отослать для опредѣленія въ военную службу годныхъ для оной, а негодныхъ—въ Сибирь на поселеніе. Въ Сибири они должны быть размѣщаемы отдѣльно и по отдаленнымъ мѣстамъ. Мѣры эти распространяются на субботниковъ Закавказья, существованіе которыхъ, какъ особой секты, признано правительствомъ, лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ завлекать въ свою секту новыхъ членовъ. Изъ уѣздовъ, въ которыхъ обнаружилась жидовская ересь, высылать всѣхъ безъ исключенія евреевъ и впредь не дозволять имъ тамъ жительства. Начальства такихъ мѣстностей должны, сколь возможно, затруднять сообщеніе православныхъ съ іудействующими и потому не выдавать послѣднимъ паспортовъ для отлучки въ другія мѣста. Начальства должны запрещать всякое наружное оказательство ереси и соблазнъ для православныхъ. Субботники не должны быть выбираемы ни на какія общественныя должности. Начальство должно собирать постоянно свѣдѣнія о числѣ „сихъ русскихъ евреевъ“, но оно должно дѣлать это негласно, а подъ рукой, чтобъ не подать повода думать, что ересь эта терпима правительствомъ. Всѣ эти мѣры принимаются гражданскимъ начальствомъ по собственной инициативѣ, безъ всякаго участія въ томъ духовнаго начальства. Любопытно еще слѣдующее предписаніе. „Какъ ничто не можетъ имѣть большаго вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, въ кои совращать его ищутъ, и что именно средство сіе употребляютъ, какъ раскольники разныхъ сектъ, такъ и субботники, въ отношеніи православной вѣры, то въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ жидовской сектой и

оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе „субботниковъ“, или придерживающихся моисееву закону, не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство“. Это стараніе выставитъ субботниковъ не какъ особую секту, а какъ обратившихся въ іудейство христіанъ, соотвѣтствуетъ впрочемъ сущности дѣла. По свидѣтельству извѣстнаго знатока нашей народной жизни С. В. Максимова сами субботники считаютъ евреевъ своими братьями по вѣрѣ, соблюдаютъ всѣ еврейскіе обряды, изъявляютъ готовность вступать въ брачное общеніе съ ними. Это послѣднее не разрѣшается сибирскимъ начальствомъ, которое вообще принимаетъ мѣры противъ сношеній субботниковъ съ евреями [1]).

Что касается духовнаго начальства, то ему предписывается употреблять всѣ усилія для вразумленія жидовствующихъ. Для этого слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на личныя качества священниковъ тѣхъ приходовъ, гдѣ имѣются субботники. Для этой цѣли могутъ быть посылаемы и особые миссіонеры. Образованіе дѣтей есть вообще лучшее средство противъ всякихъ заблужденій, а потому положеніе 3 февраля высказываетъ желаніе, чтобъ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обратило серьезное вниманіе на народное образованіе. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, положеніе 3 февраля 1825 г. [2]) носитъ на себѣ еще слѣды тѣхъ либеральныхъ идей и стремленій, которыя присущи были царствованію Александра I даже въ послѣдніе годы его жизни. Въ послѣдующее время мы тщетно стали бы искать указаній на то, что правительство смотритъ на народное образованіе, какъ на лучшее средство противъ вредныхъ религіозныхъ заблужденій. Это можно видѣть изъ распоряженій относительно жидовствующихъ, сдѣланныхъ въ разное время. Ереси этой очевидно придавалось огромное значеніе; каждый отдѣльный случай доходилъ до высшихъ государственныхъ учрежденій, большей частью

---

[1]) „Отеч. Зап.“ 1864 г. кн. 4 стр. 338.

[2]) Собраніе постановленій и пр., ч. I, стр. 58.

до комитета министровъ, и обсуживался съ такой обстоятельностью, какъ будто это былъ въ самомъ дѣлѣ важный государственный вопросъ. Такъ въ 1838 г. крестьянинъ саратовской губерніи Клочковъ, обратившись изъ іудействующихъ въ православіе, просилъ о разрѣшеніи семейству его, пребывавшему въ расколѣ, переселиться къ нему въ закавказскій край. Дѣло дошло до комитета министровъ и на постановленіи его Государь изволилъ написать слѣдующую резолюцію. „Ни подъ какимъ видомъ; жидовствущіе жили почти всѣ въ г. Александровѣ на кавказской линіи, со вредомъ и соблазномъ для сосѣднихъ; для того еще въ недавнемъ времени городъ сей и всѣ жидовствующіе зачислены въ хоперскій казачій полкъ, для постепеннаго уничтоженія сего раскола, и вновь посылать было бы противорѣчіемъ; должно приступить къ убѣжденію въ монастырѣ“ [1]). Въ этомъ дѣлѣ замѣчательно то, что религіозныя соображенія побудили правительство отступить отъ тѣхъ основныхъ началъ нашего законодательства, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, суть основы всякаго общежитія; мы говоримъ о требованіяхъ семейнаго союза, одинаково признаваемыхъ какъ правомъ, такъ и религіей и моралью. Извѣстно, что требованіе совмѣстной жизни супруговъ есть коренное начало нашего семейнаго права, строго требуемое закономъ. Но тамъ, гдѣ общечеловѣческія начала семейной жизни сталкиваются съ интересами господствующей церкви, тамъ естественныя узы крови отрицаются очень легко нашимъ законодателемъ и приносятся имъ въ жертву интересамъ господствующей церкви. Дѣло Клочкова далеко не единственное въ этомъ родѣ. Общій законъ у насъ признаетъ преимущественную власть отца надъ дѣтьми предъ матерью, и новая судебная практика признаетъ за отцомъ право, въ случаѣ раздѣльной жизни супруговъ, требовать отъ матери къ себѣ дѣтей. Но въ 1820 г. былъ случай, что субботникъ, женатый на лютеранкѣ требовалъ къ себѣ дитя прижитое съ ней. Государь, принявъ въ уваженіе, что „ребенокъ сей лучше призрѣнъ можетъ быть матерью на мѣстѣ и что нѣтъ основанія допустить, дабы невинная жертва сія безпутства содѣлалась притомъ впослѣдствіи и жертвой ереси субботниковъ“, повелѣлъ

[1]) Тамъ-же стр. 190.

оставить ребенка при матери [1]). Въ данномъ случаѣ отступленіе отъ общихъ началъ нашего права соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости, уравнивая права отца и матери на дѣтей; но это очевидно только случайность. Доказательствомъ можетъ служить какъ дѣло Клочкова, такъ и указъ 15 сентября 1825 г., въ которомъ, между прочимъ, находимъ слѣдующее правило. Отсылаемыхъ въ военную службу наставниковъ жидовской секты отправлять только въ корпусъ, въ Грузіи расположенный; по прибытіи ихъ туда, не давать имъ отпусковъ для свиданія съ родными и знакомыми, такъ какъ это можетъ производить въ нихъ страхъ оставаться въ своемъ отступничествѣ, а тѣмъ болѣе распространять, или поддерживать оное [2]). Тутъ, какъ и въ правилѣ установленномъ по дѣлу Клочкова. мы видимъ нарушеніе коренныхъ правъ и требованій семейной жизни, безспорно самыхъ священныхъ правъ каждаго человѣка, въ интересахъ господствующей церкви.

Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду писать здѣсь исторію жидовствующей ереси, то ограничимся этими замѣчаніями, выясняющими взглядъ нашего законодательства на іудаизмъ, какъ форму религіозной жизни, и затѣмъ перейдемъ къ обзору дѣйствующихъ постановленій о евреяхъ, вызванныхъ религіозными соображеніями.

III.

„Первенствующая и господствующая въ имперіи вѣра, говоритъ нашъ законъ, есть христіанская православная каѳолическая восточнаго исповѣданія. Но и всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные, также и иностранцы, пользуются повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія сія свобода вѣры присвояется нетолько христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ“. („Сборникъ“, стр. 238). Имѣя въ виду эту статью, прямо говорящую о „свободѣ вѣры“, какъ правѣ всѣхъ гражданъ, у насъ обыкновенно утверждаютъ, что русскій законъ придерживается полной вѣро-

[1]) Тамъ-же стр. 46.
[2]) Тамъ-же стр. 64.

терпимости. Но не слѣдуетъ забывать, что свобода вѣры можетъ быть понимаема двоякимъ образомъ. Или государство предоставляетъ на усмотрѣніе каждаго держаться тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя ему заблагоразсудится, и переходить отъ одной формы религіозной жизни къ другой по собственному убѣжденію; при опредѣленіи же гражданскаго положенія въ обществѣ, государство не обращаетъ вниманія на религіозный бытъ гражданъ. Здѣсь свобода вѣры дѣйствительно существуетъ въ обоихъ направленіяхъ: по отношенію къ самому выбору истинной, съ точки зрѣнія каждаго лица, религіозной формы и по отношенію къ связи между религіознымъ и гражданскимъ бытомъ каждой личности. Но о такой свободѣ вѣры не можетъ быть и рѣчи въ нашемъ законодательствѣ. Ея не существуетъ, ни относительно выбора религіозныхъ убѣжденій, ибо законъ обязываетъ каждаго оставаться въ той вѣрѣ, въ которой онъ рожденъ, и переходъ допускается только изъ терпимыхъ въ покровительствуемыя исповѣданія; ни въ смыслѣ независимости гражданскаго быта отъ религіознаго, ибо принадлежность къ тому или другому исповѣданію обусловливаетъ у насъ огромныя различія въ общественномъ положеніи. Нельзя очевидно, говорить о настоящей свободѣ вѣры тамъ, гдѣ та или другая форма религіозной жизни вліяетъ самымъ существеннымъ образомъ на важнѣйшіе интересы человѣка и гдѣ свободный выборъ религіозныхъ убѣжденій можетъ повлечь за собой самыя тяжкія уголовныя наказанія. Но можно понимать свободу вѣры въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, именно, что государство никого не преслѣдуетъ за принадлежность, по своему рожденію, къ той или другой религіи, предоставляя себѣ, однакожь, право опредѣлить вліяніе этого факта на гражданское положеніе даннаго лица и послѣдствія отъ перемѣны религіозной формы. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что собственно о преслѣдованіи со стороны государства религіозныхъ убѣжденій не можетъ быть и рѣчи. Убѣжденіе, какъ фактъ внутренней жизни человѣка, не можетъ подлежать ничьему контролю. Какъ бы ни желала духовная или свѣтская власть проникнуть въ сферу убѣжденій гражданъ, напр., для искорененія вредныхъ, по ея мнѣнію, воззрѣній, это для нея абсолютно невозможно. Слѣдовательно, признавая свободу религіознаго убѣжденія, законъ санкціонируетъ только фактъ существующій и неизбѣжный, противъ котораго всякая власть безсильна. Съ этой стороны свобода вѣры, какъ дѣйствительный шагъ впередъ въ государственной жизни, можетъ быть понимаема только въ смыслѣ свободы внѣшняго проявленія всевозможныхъ религіозныхъ убѣжденій. Было время, когда въ каждой странѣ государство и церковь пребывали въ такомъ тѣсномъ союзѣ, что всякое внѣшнее обнаруженіе принадлежности къ другой, кромѣ оффиціальной религіи, навлекало серьезныя гоненія. Слѣдующая за тѣмъ ступень весьма ограниченнаго развитія идеи вѣротерпимости есть та, о которой мы только что говорили. Въ этомъ видѣ свобода вѣры существуетъ въ нашемъ современномъ законодательствѣ; по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ іудейству свобода эта не уходитъ дальше признанія за лицами, рожденными въ еврействѣ, права открыто исповѣдывать свое религіозное ученіе и исполнять его обряды. Но и въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ законодатель не можетъ, повидимому, мириться съ іудаизмомъ, какъ религіозной формой жизни, имѣющей право на уваженіе со стороны свѣтской власти. Это видно, напр., изъ того, что законъ высказываетъ прямо свой взглядъ на іудаизмъ, какъ на „лжеученіе". „Магометанинъ, еврей или язычникъ, говоритъ законъ, который, пользуясь также простотой и невѣжествомъ кого-либо изъ инородцевъ русскихъ подданныхъ, приведетъ его изъ одной не-христіанской вѣры въ другую не-христіанскую, чрезъ обольщенія, подговоры и внушенія, или же открытымъ проповѣдываніемъ своего лжеученія, подвергается за сіе нарушеніе установленнаго порядка и пр. („Сборникъ", стр. 254). Изъ статьи этой мы узнаемъ, что по мнѣнію нашего законодателя, сознательный переходъ въ не-христіанскую религію, вслѣдствіе убѣжденія въ ея истинности, невозможенъ, ибо каждая подобная религія оффиціально признается за „лжеученіе" поэтому фактъ такого перехода можетъ быть результатомъ только „простоты и невѣжества".

Но этого мало. Въ томъ-же уложеніи о наказаніяхъ существовала статья (1243), запрещавшая содержателямъ заведеній, на ряду съ допущеніемъ разнаго рода безпорядковъ и буйства, дозволять у себя „публичныя богомоленія евреевъ".

При согласованіи уложенія съ судебными уставами (упомянутымъ выше мнѣніемъ государственнаго совѣта 27 декабря 1865 г.)

статья эта замѣнена статьей 41-й устава о наказ. налаг. миров. суд., въ которой опредѣляются наказанія вообще за допущеніе „недозволенныхъ увеселеній и игръ, безчинствъ и безпорядковъ". По мнѣнію г. Неклюдова [1]), богомоленія евреевъ и теперь запрещены и подвергаютъ содержателей наказанію, какъ за „безчинства и безпорядки".

Мы съ своей стороны полагаемъ, что мнѣніе этого почтеннаго юриста, которому почему-то такъ хочется удержать сравненіе еврейскаго богомоленія съ безчинствомъ, юридически не вѣрно. Коль скоро ст. 1423 уложенія замѣнена другой, въ которой о еврейскомъ богомоленіи вовсе не упоминается, то прежняя редакія закона потеряла всякую силу, а новая не даетъ никакого основанія отнести еврейское богослуженіе къ разряду безчинствъ и безпорядковъ. Въ пользу этого толкованія говоритъ, во первыхъ, то основное начало права, что уголовный законъ всегда изъясняется по буквальному смыслу, а не по распространительной аналогіи; во вторыхъ, юридическій характеръ замѣны одной статьи другой, какъ онъ опредѣляется основными законами; втретьихъ, общій характеръ отношеній закона 27 декабря 1865 г. къ религіозному вопросу. Законъ этотъ, какъ мы отчасти видѣли уже выше, имѣлъ, между прочимъ, въ виду сгладить въ уложеніи о наказаніяхъ слишкомъ бросающіеся въ глаза слѣды религіозной нетерпимости къ евреямъ. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что ст. 1423 вычеркнута при пересмотрѣ уложенія именно съ той цѣлью, чтобъ отмѣнить это болѣе чѣмъ странное постановленіе. Но какъ бы то ни было, мы видимъ изъ этихъ статей, что законъ нашъ взялъ на себя трудъ изслѣдовать достоинства различныхъ вѣроученій и затѣмъ оффиціально призналъ нѣкоторыя изъ нихъ „лжеученіями", принадлежность къ которымъ есть результатъ умственной неразвитости, „простоты и невѣжества".

Мало того, еврейское богослуженіе, если оно не разрѣшено начальствомъ, до того мало отличается въ его глазахъ достоинствомъ религіознаго акта, что онъ, не обинуясь относитъ его къ разряду безчинствъ, нарушающихъ общественное спокойствіе и порядокъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи законъ, правда, только выражаетъ господствующее у насъ въ обществѣ презрительное отношеніе къ еврейскому богомоленію. Даже Екатерина II, столь много трактовавшая въ наказѣ и указахъ о вѣротерпимости, и ко времени которой относятся самыя либеральныя мѣры русскаго правительства о евреяхъ, отзывалась съ насмѣшкой о „собраніи жидовъ, голосящихъ въ синагогѣ" [1]). Но задача законодателя заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать искорененію подобнаго рода воззрѣній въ обществѣ, а не придавать имъ санкцію своими постановленіями. Нельзя не сказать поэтому, что подобнаго рода выраженія въ законахъ составляютъ теперь рѣшительный анахронизмъ. Правительство можетъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ (правильны они или нѣтъ—это другой вопросъ), ставить одно исповѣданіе въ привиллегированное положеніе сравнительно съ другими. Но разумнымъ образомъ эти соображенія могутъ быть только политическаго, свѣтскаго свойства. Переступая за эти предѣлы и признавая, что такое-то исповѣданіе истинно, а другое ложно, законъ вторгается въ сферу ему совершенно чуждую, гдѣ онъ, по самому свойству вещей, вовсе не можетъ быть компетентнымъ судьей. А между тѣмъ, такое вторженіе въ богословскую сферу и осужденіе еврейской религіи замѣтно не только въ указанныхъ нами узаконеніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ. Такъ, напр., ст. 508 улож. о наказ. говоритъ о случаѣ, когда еврейское общество отдаетъ кого нибудь неправильно въ рекруты за „противные суевѣрію евреевъ поступки". Здѣсь подъ словомъ „суевѣріе", разумѣются религіозныя понятія евреевъ, побуждающія ихъ иногда преслѣдовать отступниковъ отъ религіозныхъ обрядовъ и традицій. Какъ ни предосудителенъ такой образъ дѣйствій, но это не даетъ еще права обозвать религію, какую бы то ни было, въ законѣ „суевѣріемъ"; ибо точно также догматы и обряды всякаго другаго исповѣданія, съ точки зрѣнія еврейства, напр., могутъ быть названы суевѣріемъ. Законодатель лютеранинъ, напр., можетъ точно также отозваться о преслѣдованіяхъ православными раскольниковъ за „противные суевѣрію ихъ поступки". Но законодатель цивили-

[1]) Руководство для мировыхъ судей, т. 2, стр. 158.

[1]) Антидотъ, соч. Екатерины II („Восемнадцатый Вѣкъ Бартенева", т. IV, стр. 397).

зованной страны, принимая мѣры къ огражденію свободы личности отъ чисто религіознаго деспотизма общества, не долженъ обнаруживать пренебреженія къ религіознымъ понятіямъ этого общества и вторгаться, такимъ образомъ, въ оцѣнку сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ различныхъ религіозныхъ ученій.

Разъ утвердившись въ мысли, что еврейская религія есть лжеученіе и что государство можетъ и должно принять участіе въ религіозныхъ дѣлахъ гражданъ, законодательство наше весьма послѣдовательно принимаетъ дѣятельныя мѣры къ обращенію евреевъ на путь истинный. Мы ознакомились уже съ сущностью этихъ мѣръ въ первой главѣ. Не повторяя сказаннаго, мы обратимъ здѣсь вниманіе на нѣкоторые пункты, прежде не затронутые. „Одна господствующая церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать непринадлежащихъ къ ней подданныхъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Но сія вѣра порождается благодатію Господней, наученіемъ, кротостью и болѣе всего добрыми примѣрами. Посему господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей другихъ исповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ нихъ, кои приступить къ нему не желаютъ, отнюдь ничѣмъ не угрожаетъ, поступая по образу проповѣди Апостольской“ („Сборникъ“, стр. 239). Анализируя эту статью по внутреннему ея смыслу и въ связи съ другими законами, касающимися этого предмета, мы находимъ слѣдующее. Прежде всего замѣчается внутреннее противорѣчіе между первой и второй половиной статьи. Въ первой части ея говорится о томъ, что православная церковь стремится къ обращенію иновѣрныхъ только путемъ кротости, добрыхъ примѣровъ и вообще по свободному убѣжденію въ превосходствѣ ея ученія. Во второй же половинѣ говорится, что по этому не допускается физическаго принужденія и угрозъ для обращенія иновѣрныхъ. Но между физическимъ принужденіемъ и свободнымъ убѣжденіемъ лежитъ еще длинный рядъ случаевъ принужденія психическаго, когда человѣкъ хотя и не ставится прямо въ необходимость сдѣлать извѣстное дѣйствіе, но вынуждается къ этому тѣми благопріятными или неблагопріятными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собой исполненіе или неисполненіе имъ этого дѣйствія. Въ такомъ положеніи именно находится у насъ дѣло перехода евреевъ въ православіе. Мы видѣли, какую огромную роль играетъ этотъ переходъ у русскихъ евреевъ, какое существенное вліяніе онъ оказываетъ на всѣ стороны жизни еврея, даже тѣ, которыя съ религіей ничего общаго не имѣютъ. Но очевидно, что если человѣкъ совершаетъ извѣстное дѣйствіе оттого, что иначе ему пришлось бы подвергнуться раззоренію и изгнанію изъ мѣста, гдѣ онъ находитъ свое пропитаніе, или оттого, что иначе онъ рѣшительно лишенъ возможности слѣдовать своему призванію въ жизни, то о свободѣ воли и дѣйствій тутъ не можетъ быть и рѣчи, не смотря на отсутствіе прямого физическаго принужденія. Вообще въ практической части законодательства по этому предмету принципъ, высказанный въ цитированной нами теоретической, такъ сказать, статьѣ, проведенъ очень слабо. Такъ, мы видѣли уже, что возрастъ, дающій право иновѣрцу принимать православіе безъ разрѣшенія родителей или опекуновъ, есть 14 лѣтній. Но можно ли серьезно утверждать, что 14 лѣтній ребенокъ обладаетъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ для оцѣнки, во первыхъ, сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ различныхъ вѣроученій и, во вторыхъ, всей важности шага, имѣющаго огромное вліяніе на всю послѣдующую судьбу человѣка, разрывающаго его семейныя узы и совершенно измѣняющаго его гражданское положеніе?

Не представляется ли, напротивъ, полнѣйшая вѣроятность, что дитя сдѣлаетъ такой шагъ опрометчиво, не по убѣжденію (о которомъ трудно и думать въ этотъ возрастъ), а по внушенію какой-нибудь страсти, слѣдовательно опять таки по психическому принужденію? Но этого мало. И 14 лѣтній возрастъ не безусловно необходимъ для свободы перехода въ христіанство. „Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ (какихъ — неизвѣстно), съ разрѣшенія святѣйшаго Синода“ („Сборникъ“, стр. 248). Это въ случаѣ перехода иновѣрца въ православіе. Если же еврей переходитъ въ другое христіанское исповѣданіе, то разрѣшеніе малолѣтнимъ евреямъ на такой переходъ безъ согласія родителей дается министромъ внутреннихъ дѣлъ (стр. 241). Не трудно понять, что при томъ участіи, которое принимаетъ наше законодательство въ дѣлѣ обращенія евреевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе св. Синодъ всегда будутъ склонны болѣе къ тому, чтобъ разрѣшать малолѣтнимъ

евреямъ присоединеніе къ христіанству, безъ согласія или вопреки воли родителей. И такъ какъ разрѣшеніе это ни чѣмъ не ограничено въ законѣ, а предоставляется всецѣло на усмотрѣніе этихъ властей, то очевидно, что законъ нашъ не представляетъ почти никакихъ гарантій противъ легкомысленнаго, необдуманнаго перехода малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство. При этомъ не надо забывать, что законъ о 14 лѣтнемъ возрастѣ установленъ въ 1862 году; до этого же времени не было никакихъ ограниченій въ этомъ смыслѣ, и переходъ малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство былъ явленіемъ нормальнымъ, обыкновеннымъ; въ особенности же сюда относится обращеніе кантонистовъ, о которыхъ мы говорили выше. Но и законъ 1862 г., какъ мы видѣли, представляетъ весьма мало гарантій въ этомъ отношеніи; и чѣмъ ближе мы будемъ всматриваться въ существующіе по этому предмету законы, тѣмъ яснѣе станетъ возмутительная несправедливость тѣхъ взглядовъ, которые раздаются нерѣдко въ извѣстной части нашей печати о фанатизмѣ еврейскихъ родителей, препятствующихъ крещенію своихъ дѣтей.

Какъ далеко наше законодательство отъ признанія одинаковыхъ правъ на существованіе за всѣми вѣроисповѣданіями, видно еще изъ слѣдующаго. Совращеніе христіанина изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, а тѣмъ болѣе въ нехристіанское, разсматривается уголовнымъ закономъ какъ преступленіе противъ вѣры, т. е. противъ основъ государственной жизни, и карается весьма строго; но совращеніе нехристіанина въ другое нехристіанское исповѣданіе есть только „нарушеніе установленнаго порядка“, т. е. полицейскаго благочинія, для котораго почему-то необходимо, чтобъ каждый оставался въ вѣрѣ своихъ предковъ, и потому подвергаетъ виновныхъ сравнительно очень легкимъ наказаніямъ (ст. 936 Улож. о нак.). Такимъ образомъ, переходъ христіанина въ магометанство, въ глазахъ нашего закона, есть преступленіе угрожающее основамъ государственной жизни; но переходъ еврея или язычника въ магометанство есть только полицейскій проступокъ.

Поощряя переходъ евреевъ въ христіанство, законодатель имѣетъ въ виду главнымъ образомъ обращеніе ихъ въ православіе. Мы говорили уже о запрещеніи (существующемъ и понынѣ) обращенія евреевъ въ расколъ. Точно также приняты мѣры противъ обращенія евреевъ въ другія, кромѣ православнаго, христіанскія исповѣданія. Главная изъ этихъ мѣръ заключается въ томъ, что, за исключеніемъ случая тяжкой болѣзни, еврей можетъ обратиться въ одно изъ этихъ исповѣданій не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (Сборникъ, стр. 241). Для того чтобъ получить такое разрѣшеніе, необходимо пройти весьма сложную процедуру. Нужно подать „формальную просьбу“ священнику; послѣдній наставляетъ просителя въ истинахъ и доноситъ о семъ пробсту; пробстъ обязанъ удостовѣриться въ знаніяхъ просителя и представить дѣло въ консисторію. Консисторія представляетъ все дѣло съ своимъ мнѣніемъ въ министерство и испрашиваетъ его разрѣшенія (стр. 150 и 164). Этотъ обременительный формализмъ установленъ, какъ мы видѣли, для того, чтобъ воспрепятствовать легкомысленному и только для вида принятію евреями христіанства съ цѣлью достиженія матерьяльныхъ выгодъ. Но если вникнуть въ смыслъ и неизбѣжные результаты этихъ мѣръ, то окажется, что онѣ приводятъ къ другой, можно сказать противоположной цѣли. До изданія этихъ правилъ, переходъ иновѣрца въ протестантизмъ совершался чрезвычайно легко, безъ всякихъ формальностей, и евреи нерѣдко искали въ этомъ актѣ выхода изъ своего незавиднаго положенія. Правила эти значительно затруднили такой предосудительный образъ дѣйствій. Но оставляя легкость перехода въ православіе рядомъ съ чрезвычайной затруднительностью перехода въ другія исповѣданія, законъ отвлекаетъ только легкомысленное и недостойное обращеніе отъ лютеранства къ православію. Кто принимаетъ христіанство изъ матеріяльныхъ и вообще нерелигіозныхъ видовъ, тотъ, конечно, при теперешнемъ законодательствѣ, предпочтетъ православіе другимъ исповѣданіямъ (что и имѣлось, какъ надо полагать, въ виду при изданіи этихъ правилъ). Но выиграетъ-ли православная церковь отъ привлеченія такихъ адептовъ на свою сторону изъ лагеря лютеранизма и не будетъ ли, наоборотъ, этотъ послѣдній въ выигрышѣ отъ такой мѣры,—вотъ вопросы, которые не трудно будетъ разрѣшить каждому изъ читателей. Съ другой стороны эти правила, подобно запрещенію принимать евреевъ въ старообрядцы, преграждаютъ или, покрайней мѣрѣ, затрудняютъ путь къ христіанству

тѣмъ евреямъ, которые по внутреннему убѣжденію хотѣли бы перейти въ христіанство, но не православнаго исповѣданія. На этомъ частномъ случаѣ оправдывается общій всѣмъ ограничительнымъ мѣрамъ законъ, въ силу котораго подобныя мѣры, съ какой бы цѣлью онѣ ни были установлены, въ концѣ концовъ стѣсняютъ только людей добросовѣстныхъ, но вовсе не обуздываютъ, а часто даже поощряютъ людей недобросовѣстныхъ. Въ историческомъ очеркѣ мѣръ, относительно обращенія евреевъ въ христіанство, принятыхъ въ прошлое царствованіе, мы указали, какъ на главную мѣру, на выселеніе евреевъ изъ различныхъ пунктовъ, куда можно отнести всѣ вообще ограниченія гражданскихъ правъ евреевъ, между которыми главное мѣсто занимаетъ стѣсненіе правъ осѣдлости. Этотъ разрядъ мѣръ, какъ мы видѣли, существуетъ, хотя и въ смягченномъ видѣ, и понынѣ. Второй мѣрой мы показали привлеченіе евреевъ къ военной службѣ. Большая часть правилъ, относящихся къ вліянію военной службы на религіозный и гражданскій бытъ евреевъ, въ настоящее время болѣе не существуетъ. Еще въ 1856 году отмѣнены суровые законы о кантонистахъ; въ 1862 г. ограниченъ пріемъ малолѣтнихъ евреевъ въ христіанство, породившій массу случаевъ насильственнаго обращенія кантонистовъ. Въ послѣдніе годы отмѣненъ законъ, по которому состоящіе на рекрутской очереди евреи, съ принятіемъ православія, освобождаются отъ рекрутской повинности. Вообще, новѣйшее законодательство стремится къ тому, чтобъ отмѣнить наиболѣе выдающіяся мѣры къ поощренію перехода иновѣрцевъ въ христіанство. Такъ, закономъ 24 марта 1866 г. отмѣненъ болѣе чѣмъ оригинальный законъ прошлаго царствованія, опредѣлявшій, что нехристіанинъ, принявшій христіанскую вѣру во время производства надъ нимъ слѣдствія или суда по уголовному дѣлу, освобождался отъ всякаго наказанія. Но старинный взглядъ на значеніе военной службы для религіознаго быта евреевъ просвѣчиваетъ еще мѣстами и въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Уцѣлѣли еще слѣды прежняго воззрѣнія, по которому военная служба есть приготовительная школа для обученія иновѣрцевъ истинамъ христіанства. Отсюда выраженія въ родѣ слѣдующаго: „Нижніе воинскіе чины изъ евреевъ и магометанъ, остающіеся въ своемъ вѣроисповѣданіи, могутъ быть представляемы за военные подвиги къ наградѣ“ и пр. (Сборникъ, стр. 2). Смыслъ этой статьи показываетъ, что нормальнымъ порядкомъ вещей законъ признаетъ переходъ нижнихъ воинскихъ чиновъ нехристіанъ въ христіанскую вѣру, чѣмъ обусловливается дарованіе имъ общихъ правъ и преимуществъ ихъ состоянія; но законъ дѣлаетъ уступку началу вѣротерпимости, признавая, что даже, оставаясь въ своемъ „лжеученіи“, иновѣрецъ имѣетъ право быть награжденнымъ за заслуги. Таковъ былъ несомнѣнно первоначальный смыслъ этой статьи, но въ настоящее время, когда законы о военной службѣ евреевъ существенно измѣнены къ лучшему, подобныя статьи представляютъ такъ сказать, окаменѣлости прежней геологической формаціи, уцѣлѣвшія по инерціи преданья недавно минувшихъ дней. Не далѣе какъ въ 1865 году только отмѣнено правило о выдачѣ денежнаго вознагражденія нижнимъ чинамъ изъ евреевъ и магометанъ и ихъ семействамъ въ случаѣ принятія христіанства. (Сборникъ, стр. 96). Здѣсь мы встрѣчаемся съ капитальнымъ недостаткомъ русскаго законодательства о евреяхъ, недостаткомъ, о которомъ намъ придется не разъ еще говорить въ настоящемъ очеркѣ—съ внутреннимъ, логическимъ противорѣчіемъ между отдѣльными постановленіями, отсутствіемъ единства и выдержанности въ политикѣ нашей по еврейскому вопросу. Выдача вознагражденія нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, по поводу принятія ими христіанства, отмѣнена, а общій законъ о пособіи, выдаваемомъ отъ казны каждому еврею, принимающему христіанство, остается до сихъ поръ въ силѣ. Конечно, тутъ нѣтъ еще внѣшняго, юридическаго противорѣчія. Отмѣна вознагражденій по военному вѣдомству есть спеціальный законъ, установленный исключительно для нижнихъ чиновъ, тогда какъ правило о пособіи существуетъ для всѣхъ вообще евреевъ. Но спрашивается, если относительно одной категоріи лицъ законъ признаетъ несообразнымъ съ интересами страны поддерживать средствами государственнаго казначейства религіозныя обращенія, то почему же въ другомъ случаѣ законодатель придерживается противоположнаго взгляда? Единственное разумное объясненіе этого факта заключается въ различіи во взглядахъ на религіозный вопросъ между нынѣшней военной администраціей и другими вѣдомствами. Первая, ознаменовавшая себя многими либеральными преобразованіями, усвоила себѣ бо-

лѣе разумный взглядъ на религіозный вопросъ, чѣмъ тотъ, который удержался отъ стараго времени въ другихъ сферахъ. Но можно ли признать такое состояніе законодательства нормальнымъ—это болѣе чѣмъ сомнительно.

Замѣтимъ кстати, что разнорѣчіе существуетъ между военными законами и общими и относительно характера и смысла тѣхъ денежныхъ подарковъ, которые казна дѣлаетъ иновѣрцамъ при переходѣ ихъ въ христіанство. Общій законъ называетъ ихъ „пособіемъ на первоначальное обзаведеніе“, но это не объясняетъ еще тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ правительство давать это пособіе. Государственный совѣтъ, какъ мы видѣли выше, объяснилъ смыслъ этого пособія въ 1859 году (т. е. когда проникъ уже въ наше законодательство и административную практику болѣе либеральный взглядъ на еврейскій и на религіозный вопросы) такимъ образомъ, что пособіе выдается вслѣдствіе стѣсненнаго положенія крещенаго еврея, который отъ одного берега отсталъ, а къ другому еще не присталъ. Съ этой точки зрѣнія, выдача пособія можетъ быть оправдываема и выводима изъ общей обязанности государственной власти помогать тѣмъ гражданамъ, которые, почему бы то ни было, находятся въ особенно стѣсненномъ положеніи. Но по военному вѣдомству эти самыя пособія удержали названіе „вознагражденія“, указывающее на другой мотивъ, при установленіи этого пособія. Слово „вознагражденіе“ приравниваетъ пособіе, выдаваемое крестившемуся иновѣрцу къ тому денежному вознагражденію, которое дается напр. простолюдинамъ за спасеніе погибающихъ, вообще за добродѣтельное дѣло. Съ этой точки зрѣнія спасеніе души и спасеніе тѣла одинаково награждаются общественной властью, какъ актъ гражданской добродѣтели, и для поощренія другихъ слѣдовать доброму примѣру. Различіе между этими двумя взглядами на значеніе упомянутыхъ пособій и важность этого различія для пониманія характера нашихъ законовъ о вѣротерпимости не требуютъ дальнѣйшаго объясненія. Но вопросъ о томъ, какой изъ этихъ двухъ взглядовъ болѣе правиленъ, остается открытымъ и требуетъ еще тщательнаго разсмотрѣнія.

Болѣе существенные слѣды прежняго взгляда на значеніе военной службы для религіозныхъ интересовъ евреевъ видны въ правилахъ о переходѣ военнослужащихъ изъ евреевъ въ протестантизмъ. Общій законъ, какъ мы видѣли, затрудняетъ переходъ евреевъ въ евангелическо-лютеранское исповѣданіе разными формальностями и необходимостью разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ для каждаго отдѣльнаго случая. Для состоящихъ на военной службѣ евреевъ затрудненія эти не существуютъ. „По требованію военнаго начальства евангелическо-лютеранскіе проповѣдники могутъ крестить еврейскихъ рекрутъ и военнослужащихъ, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія вышеустановленнымъ порядкомъ, и даже въ частныхъ домахъ, тамъ гдѣ нѣтъ евангелическо-лютеранскихъ церквей. Требуется только, чтобы „и сіи евреи“ допускаемы были къ принятію св. крещенія лишь по убѣжденіи въ знаніи ими догматовъ вѣры и истинномъ расположеніи ихъ къ христіанству. О крещеніи доносится для свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ или кавказскому намѣстнику по принадлежности. Самое крещеніе должно быть совершаемо торжественно, по возможности въ воскресный или праздничный день, но не иначе какъ съ разрѣшенія военнаго начальства.“ (Сборникъ, стр. 151). Изъ статьи этой очевидно, что, по мысли закона, военное начальство, въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство, играетъ весьма дѣятельную роль. Оно не ограничивается тѣмъ, что разрѣшаетъ еврею-военнослужащему перемѣнить свою религію и затѣмъ самому хлопотать по этому дѣлу, на основаніи общихъ законовъ, но беретъ на себя уладить за него дѣло. Начальство требуетъ (это, стало быть, входитъ въ кругъ его служебныхъ обязанностей) отъ евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ исполненія надъ евреями обряда крещенія и участвуетъ въ опредѣленіи того, какимъ образомъ, гдѣ и когда должно совершиться крещеніе. Очевидно, что военное начальство, какъ представитель общественной власти, должно относиться къ обращенію евреевъ неравнодушно, а поощрять и облегчать по возможности это обращеніе. Причины, побудившія законодателя сдѣлать это исключеніе изъ общихъ правилъ о переходѣ евреевъ въ протестантизмъ, какъ надо полагать, были двоякаго рода. Съ одной стороны желаніе обращать военнослужащихъ евревъ (преимущественно предъ всѣми прочими) на путь истины несомнѣнно было присуще нашему законодательству въ тотъ періодъ времени, къ которому относится изданіе разсматриваемаго нами теперь закона. Для облегченія перехода служащихъ евреевъ въ

христіанство найдено было возможнымъ поэтому отступить въ отношеніи къ нимъ отъ общихъ правилъ, на подобные случаи установленныхъ. Такое преимущественное поощреніе со стороны законодателя крещенія военнослужащихъ евреевъ видно даже изъ текста цитированнаго закона. „Однакоже и сіи евреи (т. е. тѣ, которымъ крещеніе всячески облегчается) допускаются“ и пр.

Съ другой стороны однимъ изъ главныхъ соображеній, побудившихъ правительство къ затрудненію перехода евреевъ въ протестантизмъ, было, какъ мы видѣли, то обстоятельство, что евреи принимали крещеніе для виду, съ цѣлью воспользоваться недоступными для нихъ другимъ путемъ гражданскими правами. Но относительно евреевъ-солдатъ это побужденіе не такъ бросается въ глаза, ибо во время нахожденія на службѣ гражданскія права эти не имѣютъ для нихъ никакого значенія; поэтому и нѣтъ причины затруднять имъ переходъ въ евангелическо-лютеранское исповѣданіе.

Правила о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ, въ видахъ пресѣченія притворнаго крещенія, съ цѣлью достиженія матеріальныхъ выгодъ, напоминаютъ намъ одну изъ ненормальностей нашего права, обнаружившуюся особенно ярко въ извѣстномъ дѣлѣ Кацмана. Рядовой Кацманъ еще въ малолѣтствѣ, будучи кантонистомъ, былъ окрещенъ въ православную вѣру, но никогда не переставалъ быть евреемъ, соблюдалъ еврейскіе религіозные обряды и преданъ былъ, наконецъ, суду, за отпаденіе отъ православія въ еврейство. Московскій окружной судъ оправдалъ Кацмана, принявъ въ соображеніе, во первыхъ, законъ 1862 г., запрещающій обращать въ православіе иновѣрцевъ моложе 14 лѣтъ, безъ согласія родителей (Кацманъ былъ окрещенъ за долго до 1862 г.) и во вторыхъ, что хотя Кацманъ и былъ окрещенъ въ малолѣтствѣ, но ни обрядовъ, ни таинствъ православной церкви впослѣдствіи не соблюдалъ и продолжалъ исповѣдывать религію іудейскую, почему, по мнѣнію суда, и не можетъ быть сочтенъ отступившимъ отъ вѣры, никогда имъ за истинную не признанной. Московская судебная палата, куда дѣло поступило по протесту обвинительной власти, согласилась съ прокуроромъ, доказывавшимъ, что законъ 1862 г. обратной силы не имѣетъ, какъ всѣ вообще законы, и что принадлежность Кацмана къ православію несомнѣнно доказывается

тѣмъ, что онъ принялъ таинство крещенія и долженъ былъ непремѣнно, будучи въ кантонистахъ, посѣщать церковь и обучаться закону Божію. Палата опредѣлила поэтому: отправить Кацмана для вразумленія къ духовному начальству, лишивъ его, до возвращенія въ христіанство, пользованія правами состоянія и взявъ его имѣніе въ опеку. Но это рѣшеніе палаты было отмѣнено уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената. Мотивы сенатскаго рѣшенія и дальнѣйшая судьба этого дѣла намъ теперь неизвѣстны. Съ перваго же взгляда на дѣло Кацмана, видно, что оно съ строго-юридической точки зрѣнія безнадежно, а оправдательный приговоръ окружнаго суда лишенъ всякаго легальнаго основанія. Съ одной стороны очевидно, что, по основнымъ началамъ права, законъ 1862 г. не можетъ имѣть примѣненія къ лицу, крещенному не позже 1855 года. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что, по смыслу нашего закона, православнымъ считается не тотъ, кто вѣруетъ въ догматы православія и по убѣжденію соблюдаетъ его обряды, а кто въ установленномъ порядкѣ принялъ крещеніе, независимо отъ его внутреннихъ убѣжденій и вѣрованій. Но чѣмъ очевиднѣе неправильность рѣшенія окружнаго суда, тѣмъ яснѣе для насъ, что рѣшеніе это есть не плодъ неправильнаго пониманія закона (такихъ грубыхъ ошибокъ со стороны суда рѣшительно невозможно предположить), а натяжка, вынужденная несправедливостью нашихъ прежнихъ законовъ. Совѣсть современнаго человѣка возмущается противъ того, чтобъ подвергнуть уголовному преслѣдованію человѣка за то, что онъ остался вѣренъ своей религіи, несмотря на то, что въ дѣтствѣ былъ насильно обращенъ въ другую вѣру. Рѣшеніе окружнаго суда, вполнѣ согласное по духу съ болѣе гуманнымъ направленіемъ современнаго русскаго законодательства, вызвавшимъ законъ 1862 г., есть протестъ противъ того несправедливаго, чтобъ не сказать болѣе, порядка вещей, который господствовалъ у насъ до изданія этого закона. Такія же соображенія справедливости, а не одной строгой легальности, несомнѣнно руководили и рѣшеніемъ сената, ибо, съ точки зрѣнія чисто юридической, обвинительный приговоръ московской судебной палаты, какъ мы уже замѣтили, представляется совершенно правильнымъ.

Но что сказать о такихъ законахъ, которые въ глазахъ судей,

исполнителей закона, суть нарушеніе справедливости и заставляютъ ихъ прибѣгать къ натяжкамъ и неправильнымъ толкованіямъ, дабы избѣгнуть необходимости практическаго примѣненія этихъ законовъ? Про нихъ можно сказать только одно: ихъ часъ давно пробилъ, они осуждены общественной совѣстью, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, и общимъ характеромъ современнаго законодательства.

Дѣло Кацмана возбуждаетъ еще другой любопытный вопросъ, именно о судьбѣ тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя пріобрѣтены иновѣрцемъ вслѣдствіе крещенія, если потомъ обнаружится, что крещеніе это не было искренне, а иновѣрецъ оставался въ своей религіи. „Судебный Вѣстникъ", возбуждавшій этотъ вопросъ по поводу дѣла Кацмана, разсуждаетъ о немъ слѣдующимъ образомъ. Наше законодательство держится начала вѣротерпимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно принимаетъ издавна мѣры къ распространенію господствующей религіи. Иновѣрцамъ, переходящимъ въ православіе, даруются разныя льготы и преимущества. Отсюда очевидно, что у насъ полной правоспособностью могутъ пользоваться одни православные. Чѣмъ ближе извѣстное ученіе подходитъ къ ученію православной церкви, тѣмъ большими правами пользуются его послѣдователи, и наоборотъ. Вслѣдствіе этого переходъ въ православіе изъ другого исповѣданія, есть не только религіозный, но и юридическій актъ, для котораго соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ служитъ доказательствомъ совершенія самого акта, ибо законъ точно опредѣляетъ порядокъ перехода въ православіе. Но спрашивается: можетъ-ли лицо, оправданное по такому обвиненію и при такихъ обстоятельствахъ, какъ Кацманъ, сохранить тѣ имущественныя и личныя права, которыя пріобрѣтены имъ вслѣдствіе внѣшней принадлежности къ православной церкви? Положимъ, что еврей, крещенный прежде достиженія имъ 14 лѣтняго возраста, безъ согласія родителей, поступилъ въ военную службу, пріобрѣлъ чины, потомственное дворянство, купилъ населенное имѣніе и затѣмъ, будучи преданъ суду, по обвиненію въ принадлежности къ іудейству, былъ судомъ оправданъ, т. е. признанъ имѣющимъ право принадлежать къ іудейству. Спрашивается: лишается ли онъ чиновъ, дворянства и отбирается ли у него имѣніе, или нѣтъ? „Суд. Вѣстникъ" разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Коль скоро судомъ не признанъ фактъ крещенія, служащій единственнымъ основаніемъ пріобрѣтенія гражданскихъ правъ, то и самыя права эти не могутъ быть признаны существующими у даннаго лица. Но какимъ образомъ могутъ быть права эти отняты, если судъ не призналъ преступленія вѣроотступничества, а лишеніе правъ состоянія и имущественныхъ можетъ быть только послѣдствіемъ преступленія? По мнѣнію юридической газеты недоумѣніе это разрѣшается такъ: если лицо, подобное Кацману, и оправдано относительно вѣроотступничества, то оно можетъ быть обвинено въ преступленіи противъ правъ состоянія. „Тайно исповѣдуя свою вѣру и пріобрѣтая права ему непринадлежащія, оно является виновнымъ въ нарушеніи государственнаго порядка, опредѣляющаго права состоянія по вѣроисповѣданіямъ". Именно, по мнѣнію газеты, подобное лицо можетъ быть обвинено по аналогіи въ подлогѣ, результатомъ котораго было присвоеніе высшихъ правъ состоянія [1]). Не смотря на внѣшнюю округленность и кажущуюся логичность этихъ разсужденій, въ нихъ есть глубокая фальшь не только съ моральной, но и съ юридической точки зрѣнія. Въ такой же мѣрѣ, какъ первыя соображенія „Суд. Вѣст."—о юридическомъ значеніи перехода въ православіе иновѣрцевъ—согласны съ характеромъ нашего законодательства, въ такой же мѣрѣ послѣднія его разсужденія лишены правильнаго основанія. Относительно вопроса о судьбѣ гражданскихъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ состояніи людей à la Кацманъ, юридическій óрганъ впалъ въ двѣ ошибки. Во первыхъ, онъ полагаетъ, что свѣтскій судъ, оправдавъ Кацмана, тѣмъ самымъ отвергаетъ силу совершеннаго надъ нимъ крещенія, возстановляетъ его въ прежнемъ состояніи и даетъ ему право исповѣдывать еврейскую вѣру. Но это совершенно невѣрно. Уголовный судъ можетъ оправдать Кацмана, даже не отвергая факта крещенія, ибо для уголовнаго обвиненія недостаточно одного фактическаго основанія; судъ можетъ и долженъ обратить вниманіе и на внутреннюю, психическую сторону преступнаго дѣянія. Вслѣдствіе этого судъ можетъ, признавая вполнѣ фактическую сторону дѣла въ томъ видѣ, въ кото-

[1]) „Судебный Вѣстникъ" 1871 г. № 37.

ромъ она дастъ поводъ къ обвиненію, вынести оправдательный приговоръ по отсутствію злаго умысла и вообще психической подкладки преступленія. И дѣйствительно, московскій окружной судъ, въ рѣшеніи по дѣлу Кацмана, признаетъ фактъ совершенія надъ ними крещенія, но находитъ, что для состава преступленія, въ которомъ обвиняется Кацманъ, необходимо, сверхъ обряда крещенія, чтобъ обвиняемый дѣйствительно принадлежалъ къ православію извѣстное время, чего въ данномъ случаѣ не было. Но оправдать кого-нибудь по обвиненію въ вѣроотступничествѣ еще не значитъ признать за нимъ право пребыванія въ той вѣрѣ, въ которую онъ совратился. Такъ какъ церковный и свѣтскій законъ признаютъ переходъ въ православіе не религіознымъ только актомъ, но и юридическимъ, то разъ переходъ этотъ совершился, никакая власть не можетъ его уничтожить. Еслибъ при переходѣ были нарушены требованія гражданскаго и церковнаго закона, то отмѣнить силу крещенія въ такомъ случаѣ можетъ не свѣтскій судъ, а духовное начальство, единственно компетентное въ вопросѣ о силѣ религіозныхъ таинствъ. Пока крещеніе не уничтожено духовнымъ начальствомъ по законамъ церкви, никакая свѣтская власть не можетъ, по смыслу нашего закона, признать крещеное лицо евреемъ. Поэтому Кацманъ, и послѣ оправданія его уголовнымъ судомъ, не перестаетъ быть въ глазахъ закона православнымъ. Онъ не можетъ, напр., жениться на еврейкѣ: раввинъ, совершившій подобный бракъ, безъ сомнѣнія былъ бы преданъ суду за преступленіе по должности. Дѣтей своихъ онъ обязанъ воспитывать въ православіи; въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, на основаніи общаго закона. Кромѣ того, хотя оправдательный приговоръ гарантируетъ Кацмана противъ возможности быть когда нибудь преданнымъ уголовному суду по обвиненію въ вѣроотступничествѣ, но приговоръ этотъ не мѣшаетъ духовному начальству принимать съ своей стороны состоящія въ его распоряженіи мѣры противъ совратившагося. Могутъ сказать, что такимъ образомъ происходитъ противорѣчіе между отношеніемъ свѣтскаго и духовнаго суда къ одному и тому же факту: свѣтскій судъ признаетъ, что Кацманъ не можетъ считаться совратившимся въ іудейство, такъ какъ онъ никогда не переставалъ быть евреемъ, а духовное начальство не перестаетъ

считать того же Кацмана христіаниномъ. Но противорѣчіе это есть неизбѣжный результатъ различія тѣхъ основныхъ началъ, на которыхъ построилось съ одной стороны общее уголовное законодательство, а съ другой—законы о привлеченіи иновѣрцевъ къ христіанству. Первое признаетъ то разумное, выработанное наукой начало, что всякій человѣкъ отвѣчаетъ только за дѣйствія, совершенныя имъ по доброй волѣ и сознательно: гдѣ нѣтъ этой свободы, тамъ нѣтъ и вмѣненія, нѣтъ и уголовной отвѣтственности за послѣдствія этихъ дѣйствій. Но наши законы вѣроисповѣдные, не только до 1862 г., но, какъ мы видѣли выше, въ значительной мѣрѣ и теперь допускаютъ крещеніе иновѣрцевъ при такихъ условіяхъ, когда о свободѣ и сознательности этого шага не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было указано выше, дѣти въ 15 лѣтъ, а съ разрѣшенія начальства и моложе этого возраста могутъ принять крещеніе безъ разрѣшенія родителей; вообще же для дѣтей ниже этого возраста необходимо согласіе родителей на ихъ крещеніе. Относительно ненормальности первыхъ двухъ случаевъ было достаточно сказано выше. Но позволительно усомниться въ справедливости и послѣдняго рода крещенія, т. е. малолѣтнихъ дѣтей съ согласія ихъ родителей. Во первыхъ, спрашивается: справедливо-ли предоставить на произволъ родителей прикрѣпить своихъ дѣтей къ извѣстной религіи прежде, чѣмъ послѣднія могутъ понять значеніе этого безповоротнаго шага? Очень возможно, что многіе изъ этихъ послѣднихъ, подобно Кацману, будутъ весь вѣкъ мучиться угрызеніями совѣсти и втайнѣ исповѣдывать религію своихъ предковъ. Было время, когда родители имѣли право жизни и смерти надъ своими дѣтьми; тогда и перемѣна религіознаго быта дѣтей ихъ родителями было явленіемъ нормальнымъ. Но вѣдь времена эти давно прошли, а право жизни и смерти въ духовномъ отношеніи столь же мало справедливо, какъ и въ физическомъ. Во вторыхъ, перемѣна вѣры у насъ сопряжена съ рѣшительнымъ переворотомъ въ гражданской судьбѣ обращеннаго лица на всю его жизнь. Тутъ опять рождается вопросъ: справедливо-ли дать родителямъ право располагать всей будущей жизнью малолѣтнихъ дѣтей своихъ, такъ безусловно и безповоротно? Мы не знаемъ другой сферы, гдѣ власть родителей надъ дѣтьми была бы признана въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и та-

комъ абсолютномъ видѣ, какъ здѣсь. Очевидно, что здѣсь законъ, въ видахъ распространенія господствующей церкви, отступаетъ отъ общихъ началъ права и расширяетъ предѣлы родительской власти дальше ея обыкновенныхъ предѣловъ, подобно тому, какъ въ другихъ случаяхъ онъ нарушаетъ, съ той же цѣлью, другія начала семейнаго права (см. выше). Но именно вслѣдствіе этого противорѣчія между принципами церковнаго законодательства и общими началами права, неизбѣжны и противорѣчія между приговорами общихъ судовъ и взглядами духовно-гражданской администраціи на такія дѣла, какъ дѣло Кацмана. Противорѣчія эти исчезнутъ только тогда, когда общія начала права проникнутъ всецѣло въ область вѣроисповѣднаго законодательства.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, по нашему мнѣнію, что Кацманъ и послѣ оправдательнаго рѣшенія уголовнаго суда оффиціально все-таки продолжаетъ быть православнымъ. А если такъ, то мнѣніе „Суд. Вѣстника“ объ отобраніи у него имущественныхъ и личныхъ правъ, доступныхъ только христіанину, оказывается неправильнымъ, какъ основанное на предположеніи, что послѣ оправдательнаго рѣшенія суда Кацманъ становится оффиціально евреемъ.

Другая ошибка, сдѣланная „Суд. Вѣстн.“ въ его аргументаціи, заключается въ слѣдующемъ. Для того чтобъ лишить Кацмана несвойственныхъ ему правъ по состоянію и имуществу, говоритъ газета, необходимо признать его виновнымъ въ совершеніи какого нибудь преступленія; преступленіе это ищется и находится въ подлогѣ, послѣдствіемъ котораго было пріобрѣтеніе высшихъ правъ состоянія. Еврей, принявшій христіанство не по внутреннему убѣжденію и пріобрѣвшій потомъ права, недоступныя еврею, можетъ, если онъ останется вѣрнымъ іудейству, быть преслѣдуемъ, по мнѣнію юридической газеты, за подложное принятіе крещенія, съ цѣлью пріобрѣтенія высшихъ правъ состоянія. Но тутъ газета забываетъ еще слѣдующую бездѣлицу. Для состава каждаго преступленія необходима свобода воли и сознательное совершеніе преступнаго факта съ пониманіемъ всѣхъ его послѣдствій. Но, какъ мы видѣли выше, оффиціальными данными констатировано (напр. по дѣлу Ефремова), что въ ту эпоху, къ которой относится принятіе православія Кацманомъ, для крещенія еврейскихъ кантонистовъ употреблялись мѣры грубаго физическаго насилія. Стало быть, если въ крещеніи Кацмана и признать подлогъ со стороны послѣдняго, то это былъ подлогъ вынужденный, за который никакой уголовный судъ не обвинитъ. Съ другой стороны, даже при дѣйствіи закона 1862 года, свобода воли и сознательность при крещеніи малолѣтнихъ иновѣрцевъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ сомнительны. Трудно, даже невозможно поэтому допустить въ этихъ случаяхъ обвиненіе въ подлогѣ, преступленіи по преимуществу требующемъ, по самому характеру своему, присутствія злой воли, злого умысла и вообще сознательнаго совершенія преступнаго дѣянія. Развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что 14-ти лѣтній ребенокъ, принявшій христіанство по какому нибудь минутному увлеченію, напр. вслѣдствіе домашней ссоры, и потомъ раскаивающійся въ своемъ поступкѣ, совершилъ подлогъ съ цѣлью измѣнить свое общественное положеніе? Тутъ слѣдовательно, опять обнаруживается внутренній разладъ между началами уголовнаго правосудія и законами вѣроисповѣдными.

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію „Суд. Вѣстн.“, мы утверждаемъ, что иновѣрецъ, принявшій христіанство не по внутреннему убѣжденію и заявившій вѣрность своей прежней религіи, тѣмъ не менѣе остается навсегда, въ глазахъ закона, христіаниномъ и поэтому сохраняетъ всѣ тѣ имущественныя и личныя права, которыя не отняты у него обвинительнымъ приговоромъ суда за вѣроотступничество. Но нельзя не согласиться, что соображенія, приведшія юридическую газету къ противуположному взгляду, имѣютъ серьезное значеніе. Чрезвычайно странно, въ самомъ дѣлѣ, въ виду торжественнаго заявленія даннаго лица, что оно не переставало и не перестаетъ до сихъ поръ считать себя евреемъ, смотрѣть на это лицо какъ на христіанина и, такъ сказать, насильно держать его въ христіанствѣ, на томъ только основаніи, что въ дѣтствѣ надъ нимъ совершено было крещеніе, безъ всякаго участія его свободной и сознательной воли. Совершенная ненормальность такого явленія не можетъ не броситься въ глаза каждому, и вотъ что побуждаетъ „Суд. Вѣстн.“ утверждать, что оправдательный приговоръ суда по такому дѣлу равняется возстановленію обвиняемаго въ его прежній религіозный видъ, откуда проистекаетъ и необходимость отнятія тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя не свойственны преж-

нему религіозному состоянію обвиняемаго. Но хотя такое толкованіе и болѣе раціонально (разумѣется, только сравнительно), но оно не согласно съ духомъ и смысломъ нашихъ законовъ, какъ было указано выше. Корень же всѣхъ этихъ недоразумѣній, несообразностей и путаницы лежитъ, очевидно, не въ неясности или противорѣчіи внѣшнемъ нашихъ законовъ, а въ ненормальности основныхъ началъ вѣроисповѣднаго законодательства, главнымъ образомъ—нераціональности вліянія вѣроисповѣданія на соціальный и юридическій бытъ гражданъ. Не будь этого смѣшенія столь различныхъ элементовъ, какъ гражданская правоспособность и принадлежность къ той или другой религіи, не возникалъ бы трудный вопросъ о судьбѣ гражданскихъ правъ Кацмана, по оправданіи его судомъ; а не будь того разнорѣчія между требованіями уголовнаго и церковнаго права, относительно вмѣняемости недобровольнаго или несознательнаго крещенія, о которомъ было говорено выше, не было бы и того практически весьма неудобнаго противорѣчія между оправдательнымъ приговоромъ свѣтскаго суда, признающимъ за Кацманомъ право принадлежности къ іудейству, и требованіемъ церкви, чтобъ каждый, воспріявшій крещеніе, оставался навѣки христіаниномъ. Съ этой стороны соображенія, на которыя наводитъ дѣло Кацмана, примыкаютъ къ мыслямъ, высказаннымъ выше, по поводу правилъ о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ, съ чего мы начали анализъ Кацмановскаго дѣла. Упомянутыя правила вызваны были желаніемъ, во первыхъ, противодѣйствовать принятію христіанства съ корыстной цѣлью, явленію, вытекающему изъ постановленій нашего закона о вліяніи религіи на гражданскій бытъ ея послѣдователей, и во вторыхъ—поощрять иновѣрцевъ къ переходу, вмѣсто протестантизма, въ православіе. Дѣло Кацмана и возбуждаемые имъ практическіе вопросы снова показываютъ намъ неудобство и несправедливость тѣхъ явленій, которыя бываютъ необходимымъ послѣдствіемъ какъ перваго, такъ и втораго приведенныхъ здѣсь принциповъ нашего законодательства.

Послѣ этого отступленія, возвратимся къ изложенію уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени въ дѣйствующихъ законахъ слѣдовъ заботливости правительства объ измѣненіи религіознаго быта евреевъ. Если читатель припомнитъ, мы остановились на военной

службѣ по отношенію ея къ вѣроисповѣдному состоянію евреевъ. Слѣдующій затѣмъ разрядъ мѣръ этого рода относится къ организаціи народнаго образованія у евреевъ. При историческомъ обзорѣ законодательства прошлаго царствованія, мы указали уже на то, что при устройствѣ казенныхъ еврейскихъ училищъ имѣлось въ виду не распространеніе между евреями элементарнаго общечеловѣческаго образованія, которое могло бы содѣйствовать сближенію ихъ съ остальнымъ населеніемъ, и не сообщеніе еврейской массѣ полезныхъ практическихъ знаній, которыя могли бы измѣнить къ лучшему экономическій бытъ этой массы, а передача религіознаго образованія евреевъ въ руки оффиціальныхъ органовъ, очищеніе еврейскаго религіознаго быта. Училища эти существуютъ въ первоначальномъ ихъ видѣ до сихъ поръ, хотя и существуютъ они единственно въ силу инерціи, при всеобщемъ сознаніи ихъ негодности (при теперешней программѣ преподаванія), ибо духъ религіозной пропаганды, господствовавшій у насъ во время оно, значительно ослабѣлъ и отошелъ на задній планъ. Но какъ бы то ни было, училища въ прежнемъ ихъ видѣ продолжаютъ жить по настоящее время; поэтому все, что было сказано въ историческомъ обзорѣ относительно этого пункта имѣетъ примѣненіе и къ дѣйствующему законодательству. Любопытное проявленіе этого взгляда на образованіе евреевъ представляетъ ст. 1390 т. IX Св. Зак. „Вступившія въ (христіанскія) училища дѣти евреевъ, говорится въ этой статьѣ, не принуждаются къ перемѣнѣ ихъ вѣры и не обязаны посѣщать тѣхъ уроковъ, въ коихъ преподается ученіе христіанскому закону“. („Сборникъ“, стр. 97). Еслибъ законъ нашъ не соединялъ съ мѣрами къ развитію народнаго образованія и заботъ объ улучшеніи ихъ религіознаго быта, статья эта была бы совершенно излишней и не имѣла бы никакого raison d'être. Но, въ виду дѣйствительнаго характера существующихъ мѣръ по народному образованію евреевъ, статья эта, исключающая физическое принужденіе изъ числа мѣръ къ обращенію образованныхъ евреевъ, вполнѣ умѣстна, хотя она совершенно не гармонируетъ съ общимъ направленіемъ современнаго законодательства относительно религіозной терпимости и, собственно говоря, имѣетъ только историческое значеніе для правильнаго пониманія прежней судьбы еврейской религіи у насъ.

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, наиболѣе выдающіеся пункты въ тѣхъ правилахъ нашего законодательства, которыя стремятся къ непосредственному вліянію на измѣненіе религіознаго быта евреевъ, перейдемъ къ правиламъ, имѣющимъ своей задачей охраненіе христіанства отъ вреднаго вліянія іудейской вѣры. Правила эти составляютъ необходимое дополненіе тѣхъ, о которыхъ мы только что говорили. Само собою разумѣется, что законодательство, принимающее мѣры къ обращенію евреевъ въ христіанство, должно принимать еще болѣе рѣшительныя мѣры къ тому, чтобъ воспрепятствовать явленію противуположному. Съ сущностью правилъ этого послѣдняго рода мы ознакомились уже въ началѣ этой статьи; поэтому здѣсь укажемъ только на недоумѣнія, возбуждаемыя ближайшимъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ. Важнѣйшимъ по практическому своему значенію является здѣсь законъ о воспрещеніи евреямъ нанимать въ услуженіе христіанъ. Мы видѣли, что законъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не желанію охранять наймитовъ христіанъ отъ эксплоатаціи евреевъ, а единственно религіознымъ соображеніямъ. Это видно и изъ дѣйствующихъ правилъ по этому предмету, которыя представляются въ слѣдующемъ видѣ. Евреямъ запрещается держать у себя христіанъ для постоянныхъ домашнихъ услугъ, но дозволяется нанимать ихъ для работъ кратковременныхъ, напр. ремесленныхъ, для пособія по хлѣбопашеству, для работъ на фабрикахъ и заводахъ, для должностей приказчиковъ по дѣламъ торговымъ и по содержанію почтовыхъ станцій, для сидѣльцевъ въ питейныхъ домахъ, для работъ въ аптекахъ. Евреи-ремесленники могутъ держать подмастерьевъ-христіанъ, но учениковъ только въ томъ случаѣ, если получатъ разрѣшеніе управы и имѣютъ по крайней мѣрѣ одного подмастерья-христіанина. Этотъ послѣдній въ такомъ случаѣ долженъ имѣть особое попеченіе объ ученикахъ-христіанахъ, нанимаемыхъ евреемъ. Ремесленная управа даетъ подобное разрѣшеніе подъ собственной своей отвѣтсвенностью за обученіе учениковъ-христіанъ. На ремесленнаго голову возлагается особая обязанность наблюдать, чтобъ сказанные ученики отправляемы были по воскреснымъ днямъ въ церковь.

Женская прислуга изъ христіанъ, нанимаемая евреями для приготовленія пищи и бѣлья служителямъ изъ христіанъ или для работъ на фабрикахъ, не должна жить вмѣстѣ, въ однихъ домахъ съ евреями, но отдѣльно. Безъ этого условія наемъ женской прислуги изъ христіанъ евреямъ воспрещается.

Кромѣ того, въ уложеніи о наказаніяхъ 1857 г. существовала статья, опредѣлявшая наказанія за незаконный наемъ евреями христіанъ. Статья эта отмѣнена мнѣніемъ государственнаго совѣта 27 декабря 1865 г. на томъ основаніи, что она „представляется несогласной съ общимъ духомъ принимаемыхъ нынѣ мѣръ терпимости“.

Разсматривая совокупность этихъ постановленій нельзя не замѣтить слѣдующаго.

1) Основной мотивъ этого запрещенія есть чисто религіозный, опасеніе, что евреи совратятъ въ свою вѣру находящихся въ ихъ услуженіи христіанъ. Это видно изъ того, что мастера-евреи могутъ держать подмастерьевъ-христіанъ, какъ людей болѣе зрѣлаго возраста и съ сложившимися религіозными убѣжденіями, безъ всякаго стѣсненія, а учениковъ только съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. Ремесленный голова и подмастерье-христіанинъ должны имѣть наблюденіе за религіозной жизнью учениковъ христіанъ. Предполагается, что женщины, по своему легкомыслію, скорѣе могутъ поддаться еврейской пропагандѣ, чѣмъ мужчины, и потому, для огражденія ихъ, приняты болѣе энергическія мѣры. Такъ понималъ этотъ законъ, какъ мы видѣли, и государственный совѣтъ въ 1865 году. Но если и встрѣчаются въ исторіи отдѣльные случаи совращенія христіанъ въ еврейство, то вообще говоря, опасеніе религіозной пропаганды со стороны евреевъ, какъ мы замѣтили уже въ первой главѣ, основано на грубой ошибкѣ. Здѣсь не мѣсто доказывать ссылками на еврейскіе источники, въ какой мѣрѣ духъ прозелитизма чуждъ іудейству. Довольно будетъ сказать, что ни общественное положеніе евреевъ, ни религіозное ихъ ученіе рѣшительно не дозволяютъ имъ думать о распространеніи своей вѣры между христіанами. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что въ настоящее время евреи повсемѣстно держатъ христіанскую прислугу, а о случаяхъ вѣроотступничества послѣдней нигдѣ не слышно.

2) Любопытно то обстоятельство, что даже въ прежнее время, когда религіозный принципъ былъ еще такъ силенъ въ нашемъ

законодательствѣ, законъ о запрещеніи найма христіанъ евреями до того шелъ въ разрѣзъ съ экономическими потребностями и практическими условіями жизни всего населенія въ чертѣ осѣдлости евреевъ, что необходимо было каждый разъ дѣлать все новыя и новыя исключенія изъ общаго правила. Исключеній этихъ существуетъ въ настоящее время, какъ мы видѣли, не мало. Всѣ они вызваны, безъ сомнѣнія, необходимостью, во первыхъ, открыть рабочему населенію больше способовъ заработка, и во вторыхъ—поддержать полезные виды еврейской промышленности, для которой рабочій трудъ христіанскаго населенія былъ такъ или иначе необходимъ. При суровости прежнихъ законовъ относительно евреевъ, можно утвердительно сказать, что всѣ эти уступки въ пользу евреевъ были сдѣланы не изъ уваженія къ интересамъ этихъ послѣднихъ и во имя отвлеченной справедливости, а въ виду общественныхъ и финансовыхъ интересовъ христіанскаго населенія и казны. Дѣло въ томъ, что запрещеніе найма христіанъ евреями вредитъ не только евреямъ, такъ какъ многіе виды наемнаго рабочаго труда легко могутъ быть выполняемы евреями-же, сколько рабочему классу изъ христіанъ, у котораго отнимаетъ значительную массу заработковъ. Здѣсь, стало быть, законъ, основанный на религіозной нетерпимости, приходитъ въ столкновеніе съ требованіями здравой народно-хозяйственной политики. Въ этой борьбѣ двухъ противоположныхъ элементовъ, послѣдній (экономическій) нерѣдко одерживалъ побѣду надъ религіознымъ, и результатомъ этихъ побѣдъ каждый разъ являлась новая уступка, новое изъятіе изъ общаго запрещенія. Но давно замѣчено, что необходимость многочисленныхъ изъятій изъ общаго правила есть лучшее доказательство несостоятельности самого правила. Это весьма обыкновенный путь, которымъ правовое сознаніе общества переходитъ отъ обветшалыхъ юридическихъ нормъ къ болѣе справедливымъ началамъ.

3) Но этого мало. Разбираемый нами законъ противорѣчитъ нетолько экономическимъ требованіямъ дѣйствительной жизни, но и важнѣйшимъ видамъ правительственной политики относительно евреевъ. Заставляя евреевъ держать въ качествѣ домашней прислуги однихъ своихъ единовѣрцевъ, законъ даетъ могущественную и притомъ искусственную поддержку той самой обособленности, замкнутости и солидарности еврейской массы, которой онъ другими мѣрами старается противодѣйствовать и во имя которой на евреевъ сыплется столько обвиненій и юридическихъ ограниченій. Съ одной стороны, самое существованіе подобнаго закона должно утверждать евреевъ въ мнѣніи о своей отчужденности въ глазахъ правительства и христіанскаго общества. Съ другой стороны практическое примѣненіе этого закона еще болѣе заставляетъ евреевъ плотно примкнуть къ своимъ единовѣрцамъ въ домашней своей жизни, глубже уходитъ въ свои раковины. Таковы положительныя послѣдствія этого закона, но гораздо важнѣе еще отрицательное его вліяніе. Устраняя христіанъ изъ домашней жизни евреевъ, государство лишаетъ себя хотя и самыхъ скромныхъ, но тѣмъ не менѣе самыхъ дѣйствительныхъ союзниковъ въ дѣлѣ обрусенія еврейской массы. Кому неизвѣстно, какое огромное вліяніе оказываетъ на будущее міросозерцаніе, нравы и характеръ дѣтей домашняя прислуга? Мы не говоримъ уже о томъ, что единственное средство сдѣлать русскій языкъ роднымъ для подростающаго поколѣнія евреевъ заключается въ томъ, чтобъ поставить его въ близкія отношенія къ русскимъ людямъ съ ранняго дѣтства. Никакая школа не можетъ въ этомъ отношеніи сдѣлать такъ много, какъ христіанская прислуга. Съ этой точки зрѣнія не разъ уже было указываемо на несостоятельность разбираемаго закона, парализующаго мѣры правительства относительно самой существенной стороны еврейскаго вопроса — искорененія взаимной вражды и отчужденности между христіанскимъ населеніемъ. Такова ужь, повидимому, непреклонная логика вещей, что мѣры вытекающія изъ такого несостоятельнаго основанія, какъ религіозная нетерпимость, стремясь къ исключительному охраненію одного элемента общественной жизни, тѣмъ сямымъ наносятъ значительный ущербъ другимъ, болѣе реальнымъ интересамъ общества.

4) Серьезное недоумѣніе возникаетъ относительно того, имѣетъ-ли еще въ настоящее время обязательную силу законъ о запрещеніи найма евреями христіанъ для домашнихъ услугъ. Законодательныя правила по этому предмету, какъ они сложились въ прежнее царствованіе и вошли въ сводъ законовъ 1857 г., состояли изъ двухъ частей, взаимно дополняющихъ одна другую.

Гражданскій законъ установилъ самое запрещеніе и случаи изъ него изъятые, уголовный — наказаніе за несоблюденіе евреями этого запрещенія. Но въ 1865 г. уголовное наказаніе, какъ мы видѣли, отмѣнено, а правило гражданскаго закона осталось безъ измѣненія. Конечно, съ точки зрѣнія формально-юридической, тутъ нѣтъ еще явнаго противорѣчія. Есть немало случаевъ, гдѣ законъ признаетъ недѣйствительнымъ тотъ или другой договоръ, не установляя, однакожъ, никакихъ наказаній за совершеніе такихъ договоровъ; наказаніе заключается единственно въ томъ, что въ глазахъ суда договоръ не имѣетъ никакого значенія и потому ни одна изъ сторонъ не можетъ быть принуждаема къ выполненію его судебнымъ порядкомъ. Такъ законъ запрещаетъ нанимать и наниматься на срокъ болѣе 5-ти лѣтъ. Совершеніе такого договора не влечетъ за собой никакой уголовной отвѣтственности для сторонъ, но никакое присутственное мѣсто или должностное лицо не дастъ своей санкціи требованіямъ и правамъ, основаннымъ на такомъ договорѣ. Въ такомъ видѣ можно представить себѣ и теперешнее состояніе разбираемаго закона: уголовное наказаніе за наемъ евреями христіанъ отмѣнено, но гражданская недѣйствительность такихъ договоровъ осталась. Такое объясненіе, вполнѣ удовлетворительное для людей, которые въ законѣ видятъ не дальше „буквальнаго его смысла", не выдерживаетъ критики, при ближайшемъ анализѣ мысли и мотивовъ закона. Существуетъ основное правило юридической интерпретаціи, что всякій законъ долженъ быть понимаемъ и толкуемъ такимъ образомъ, чтобъ онъ имѣлъ внутренній, логическій смыслъ и соотвѣтствовалъ общему духу законовъ. Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, законъ о запрещеніи найма христіанъ евреями, мы находимъ, что уголовное и гражданское запрещеніе вытекали здѣсь изъ одного и того-же внутренняго основанія и обязаны своимъ происхожденіемъ однимъ и тѣмъ-же правительственнымъ распоряженіямъ. Но теперь уголовнаго запрещенія болѣе не существуетъ, вслѣдствіе того, что „оно не соотвѣтствуетъ принимаемымъ нынѣ мѣрамъ терпимости". Почему же, спрашивается, гражданское запрещеніе должно существовать и понынѣ; развѣ оно не вытекаетъ изъ того-же самаго основанія, что и уголовное? Развѣ есть какой-нибудь смыслъ въ томъ, чтобъ вычеркнуть одну половину закона, какъ не соотвѣтствующую общему духу законодательства и несправедливую, а другую его половину оставить въ прежнемъ видѣ? Это такого рода непослѣдовательность, которую можно допустить только въ виду какихъ-нибудь особенныхъ соображеній. Мы не вправѣ поэтому предположить здѣсь эту непослѣдовательность, пока не будетъ выяснено и доказано, что она дѣйствительно имѣлась въ виду законодателемъ по такимъ-то основаніямъ. Гораздо вѣроятнѣе, по нашему мнѣнію, предположить, что удержаніе въ гражданскихъ законахъ и послѣ 1865 года, запрещенія, о которомъ идетъ рѣчь, есть не болѣе какъ редакціонный недосмотръ, одинъ изъ тѣхъ, которые неибѣжны при громадномъ объемѣ нашего свода законовъ, дѣлающемъ весьма затруднительнымъ, при редактированіи одного тома, имѣть въ виду всѣ измѣненія, послѣдовавшія въ другихъ томахъ. Замѣчательнѣе всего, что именно такимъ образомъ взглянула прмтактика на законъ 1865 года. Общество поняло дѣло такимъ образомъ: запрещеніе найма христіанъ евреями, хотя-бъ оно повторялось нѣсколько разъ въ разныхъ томахъ свода, все-таки есть одно только запрещеніе, одинъ законъ, а не нѣсколько различныхъ законовъ; при этомъ центръ тяжести запрещенія лежалъ въ уголовномъ законѣ, опредѣлявшемъ наказанія за наемъ евреями христіанъ: было-бы поэтому нелогично предположить, что законъ, отмѣненный въ одномъ томѣ свода продолжаетъ дѣйствовать въ другомъ потому только, что въ послѣднемъ забыли отмѣтить о его отмѣнѣ. Такъ понятъ былъ законъ 1865 г. на практикѣ. Съ тѣхъ поръ евреи вездѣ безпрепятственно нанимаютъ христіанскую прислугу, и мы не знаемъ примѣровъ, чтобъ судъ признавалъ недѣйствительными подобнаго рода договоры. Это лучшее докатательство того, что законъ этотъ дѣйствительно не соотвѣтствуетъ мѣрамъ терпимости, принимаемымъ въ настоящее время, и что мы далеко переросли то недавно прошедшее время, когда законъ этотъ процвѣталъ во всей силѣ. Законъ, который, такимъ образомъ, отмѣненъ фактически, можно смѣло причислить къ недѣйствующимъ правиламъ. Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ указать здѣсь на аналогическіе примѣры, вопервыхъ, такихъ законовъ о евреяхъ, которые отмѣнены въ одномъ томѣ, но не вычеркнуты въ другомъ, и во вторыхъ такихъ законовъ, которые

хотя и остаются неприкосновенными въ сводѣ, но нигдѣ не исполняются на практикѣ. Подобно тому какъ общее запрещеніе найма евреями христіанской прислуги противорѣчитъ интересамъ страны и видамъ правительства относительно сближенія евреевъ съ остальнымъ населеніемъ, частные выводы изъ этого общаго правила сталкиваются съ специальными мѣрами для разумнаго разрѣшенія еврейскаго вопроса и тормозятъ эти послѣднія. Такъ, правительство, до недавняго времени, принимало дѣятельныя мѣры къ распространенію земледѣльческаго труда между евреями. Но понятно, что, при совершенной непривычности евреевъ къ земледѣлію, помощь христіанъ поселенцамъ-евреямъ на долгое время крайне необходима. Опасенія религіозной пропаганды со стороны евреевъ побудили, однакожъ администрацію установить въ этомъ отношеніи существенныя ограниченія. Такъ, мы видѣли уже въ первой главѣ, что еврейскія колоніи по закону должны быть непремѣнно отдѣльны отъ христіанскихъ селеній, и что правило это значительно повредило успѣху правительственныхъ мѣръ по водворенію сельско-хозяйственныхъ промысловъ между евреями: съ одной стороны правило это затрудняетъ евреямъ практическое, наглядное ознакомленіе съ хозяйственной жизнью земледѣльцевъ, съ другой — поддерживаетъ изолированность еврейской массы на новомъ поприщѣ, затрудняетъ сближеніе ея съ русскимъ сельскимъ населеніемъ, столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ. Еще сильнѣе дѣйствуетъ въ этомъ направленіи правило, въ силу котораго евреи, поселившіеся на казенныхъ земляхъ, обязаны обработывать ихъ сами, или при помощи своихъ единовѣрцевъ, но не могутъ нанимать работниковъ-христіанъ (Сборникъ, стр. 105). Законъ, стало быть, требуетъ, чтобъ еврей факторъ, лавочникъ и т. под., переселившись въ колонію, тотчасъ же и непосредственно сдѣлался земледѣльцемъ, какъ будто на него снизошло вдохновеніе свыше. Если онъ захочетъ нанять сосѣдняго крестьянина, чтобъ поучиться у него тяжелому и непривычному труду — законъ становится ему препятствіемъ, изъ опасенія, чтобъ работникъ не поддался религіозному ученію іудейства. Ясно, что это постановленіе наноситъ еще болѣе сильный ударъ земледѣльческому труду евреевъ, чѣмъ уединеніе ихъ колоній, потому что едва-ли возможно предположить сколько-нибудь успѣш-

ный ходъ сельскаго хозяйства евреевъ безъ всякаго участія работниковъ-христіанъ.

Послѣ запрещенія найма христіанъ для домашнихъ услугъ евреямъ, видное мѣсто, между правилами, клонящимися къ огражденію христіанъ отъ религіозной пропаганды евреевъ, занимаетъ законъ, выраженный въ ст. 85 уст. о предупр. и пресѣч. преступленій (Сборникъ, стр. 238). „Изъ уѣздовъ, въ коихъ находится жидовская ересь, высылать всѣхъ евреевъ безъ изключенія, и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять имъ тамъ пребыванія“. При обзорѣ законодательства прошлаго царствованія, мы видѣли, что правило это вырвано изъ цѣлаго ряда подобнаго рода мѣропріятій противъ жидовской ереси, предпринятыхъ въ эпоху полнаго господства религіознаго принципа во внутренней нашей политикѣ. Въ то время для евреевъ Россія, кромѣ западной и южной окраины, была совершенно недоступна; съ другой стороны начало административнаго усмотрѣнія было господствующее въ дѣятельности правительственной власти. Такимъ образомъ, тогда казалось естественнымъ предоставить начальству, „въ видѣ обыкновенной полицейской мѣры“, отдавать всѣхъ жидовствующихъ въ солдаты или ссылали ихъ въ Сибирь, а въ pendant къ этому всѣхъ евреевъ высылать изъ мѣстъ жидовской ереси полицейскимъ порядкомъ, какъ удаляется изъ зачумленныхъ мѣстъ все, могущее содѣйствовать усиленію эпидеміи. Но со времени изданія этого закона много воды утекло, многое измѣнилось у насъ до того, что стало неузнаваемымъ. Такъ, правительство признало, что нѣкоторыя категоріи евреевъ могутъ не только безъ вреда, но и съ пользой для страны быть допускаемы къ повсемѣстному жительству въ Имперіи. Образовался, вслѣдствіе этого, довольно многочисленный классъ евреевъ, имѣющихъ право не временнаго только пребыванія, но и постоянной осѣдлости во всей Россіи (ремесленники, купцы первой гильдіи, лица имѣющія извѣстную ученую степень). Съ другой стороны, власть распоряжаться личностью и имуществомъ гражданъ все болѣе и болѣе отходитъ, благодаря судебной реформѣ и другимъ преобразованіямъ, отъ полицейской власти къ судебной. Но разбираемый законъ остается въ сводѣ до сихъ поръ. Выходитъ, что въ настоящее время начальство можетъ выслать изъ мѣстности, гдѣ открылась жидовствующая

ересь, нетолько евреякупца и ремесленника, но и еврея-чиновника, такъ какъ право на высылку обусловливается единственно принадлежностью извѣстныхъ лицъ къ іудейской вѣрѣ. Нелѣпость подобнаго рода казуса очевидна. Разбираемый законъ имѣлъ въ виду такихъ евреевъ, которые внѣ черты ихъ осѣдлости могли жить только временно, а по прошествіи извѣстнаго, довольно краткаго срока должны были быть высылаемы полиціей. Слѣдовательно, законъ о томъ, что въ особенныхъ случаяхъ евреи могутъ быть высылаемы тѣмъ-же порядкомъ и до общаго срока, былъ совершенно согласенъ съ общимъ духомъ постановленій о пребываніи евреевъ во внутренней Россіи. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется дѣло, когда высылка угрожаетъ лицамъ, имѣющимъ право постоянной осѣдлости въ данной мѣстности. Случая этого законъ не предвидѣлъ и предвидѣть не могъ, по тогдашнему юридическому положенію евреевъ въ Россіи, а между тѣмъ, по буквальному смыслу закона, онъ можетъ быть примѣненъ и къ этимъ лицамъ. Конечно, можно почти навѣрное сказать, что практическое примѣненіе разбираемаго закона въ настоящее время не будетъ имѣть мѣста, подобно тому, какъ административнымъ порядкомъ смягчена теперь суровость постановленій относительно самихъ іудействующихъ. Но въ такомъ случаѣ, къ чему же удерживать въ сводѣ законъ практически непримѣнимый, превратившійся въ мертвую букву, вслѣдствіе коренныхъ измѣненій въ нашемъ законодательствѣ. Мы не будемъ говорить уже о томъ, что такое огульное изгнаніе всѣхъ евреевъ изъ мѣстности, зараженной жидовствующей ересью само по себѣ нарушаетъ основное требованіе справедливой уголовной юстиціи отвѣтственности каждаго только за свои личныя дѣйствія. Какъ бы достовѣрно ни было извѣстно, что такой-то еврей неспособенъ на религіозную пропаганду, начальство все-таки можетъ и должно, хоть-бы вопреки своему убѣжденію въ безопасности даннаго лица, выслать его изъ уѣзда. Наконецъ, нераціональность такого закона доказывается его неосуществимостью. Законъ говоритъ о высылкѣ евреевъ изъ того уѣзда, гдѣ находится ересь. Но въ предѣлахъ одного и того-же уѣзда могутъ быть гораздо большія разстоянія и затруднительныя сообщенія, чѣмъ между двумя смѣжными уѣздами. Такимъ образомъ возможно, что съ открытіемъ жидовской ереси въ од-

номъ концѣ уѣзда, начальство вышлетъ евреевъ изъ другого конца его, несмотря на то, что, по мѣстнымъ условіямъ, никакого сообщенія съ жидовствующей мѣстностью не имѣютъ, но оставитъ на мѣстѣ евреевъ, живущихъ близко къ еретикамъ, но въ другомъ уѣздѣ. Однимъ словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на ст. 85 уст. предупр. и пресѣч. прест., несостоятельность ея очевидна. Это одинъ изъ многихъ анахронизмовъ, удержавшихся неизвѣстно почему въ нашемъ законодательствѣ о евреяхъ, но совершенно противорѣчащихъ общему характеру началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь реформами настоящаго царствованія.

Обширность предмета и недостатокъ мѣста отнимаютъ у насъ возможность разсмотрѣть здѣсь другія стороны вопроса объ отношеніи нашего законодательства къ религіозному быту евреевъ; вмѣстѣ съ этимъ мы должны оставить до другого раза разборъ соціально-экономической и моральной стороны русскихъ законовъ о евреяхъ. Но взаключеніе скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ разсмотрѣнныхъ въ этой статьѣ законодательныхъ мѣръ, относительно религіознаго быта евреевъ. Читатель могъ замѣтить, что мы оставили въ сторонѣ разборъ основныхъ принциповъ, на которыхъ построено наше законодательство по этому предмету. Кромѣ щекотливости самого предмета, насъ побудила къ этому и общеизвѣстность тѣхъ полновѣсныхъ возраженій, которыя дѣлаются защитниками безусловной свободы совѣсти противъ неравноправности различныхъ вѣроисповѣданій, господствующей церкви и правительственнаго поощренія религіозной пропаганды. Есть вещи, которыя стоитъ только изложить для того, чтобъ понять ихъ смыслъ, опредѣлить ихъ настоящую цѣнность. Зато мы старались, при разборѣ наиболѣе выдающихся пунктовъ въ законодательствѣ о религіозномъ бытѣ евреевъ, указать на одну до сихъ поръ не изслѣдованную сторону, весьма важную для критической оцѣнки этого отдѣла русскаго права: на противорѣчія между требованіями конфессіональнаго законодательства и принципами всѣхъ другихъ отдѣловъ частнаго и публичнаго права. Въ различныхъ мѣстахъ настоящаго очерка мы показали, что наши вѣроисповѣдные законы, придавая переходу иновѣрца въ христі-

анство, и еще болѣе въ православіе, значеніе юридическаго акта, вліяющаго на гражданское положеніе обращеннаго, и всячески поощряя этотъ переходъ, приходятъ, вслѣдствіе этого, въ столкновеніе со всѣми почти раціональными принципами, признаваемыми самимъ же нашимъ законодательствомъ въ другихъ его отдѣлахъ. Такъ, вѣроисповѣдные законы сталкиваются даже съ свободой перехода иновѣрцевъ въ христіанство по убѣжденію—въ правилахъ о стѣсненіи перехода евреевъ въ протестантизмъ и запрещеніи принимать ихъ въ расколъ; съ основными началами семейнаго права—въ правилахъ о крещеніи малолѣтнихъ евреевъ и о преслѣдованіи субботниковъ; съ коренными началами уголовнаго права—въ вопросахъ, вытекающихъ изъ извѣстныхъ случаевъ вѣроотступничества; съ началами гражданскаго права—въ установленіи ранняго возраста религіознаго совершеннолѣтія; съ видами разумной политики по еврейскому вопросу — въ изолированіи еврейскихъ колоній, въ дурной организаціи народнаго образованія евреевъ, въ запрещеніи нанимать христіанъ для домашнихъ услугъ и многихъ другихъ. Такимъ образомъ, конфессіональное наше законодательство не можетъ уживаться въ мирѣ со всѣми другими правовыми элементами общественной жизни, раціональность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Этотъ выводъ, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ логическимъ аргументомъ противъ тѣхъ идей и задачъ, которыя лежатъ въ основаніи разсмотрѣнной группы законодательныхъ правилъ объ отношеніи государства къ іудаизму.

И. Оршанскій.

Гейдельбергъ.
5 іюня 1872 г.

МОРДХЕ КИЗОВИЧЪ.

РАЗСКАЗЪ М. Д. БРАНДШТЕТЕРА.

(Съ еврейскаго.)

I.

Раби-Шраге-Харифъ и его дочери.

Слышали ли вы, любезные читатели, когда нибудь имя раби Шраге-Харифа? [1]) Знаете ли что нибудь о его великой мудрости и глубокомысліи? Неужели никто?! Я жалѣю о васъ, потому что это доказываетъ, что вы никогда не были въ знаменитомъ городѣ N, а человѣкъ, не бывшій въ N, не видѣлъ на своемъ вѣку „града городовъ во Израилѣ“... N. выстроенъ на берегу рѣки Вислы, очень далеко отъ желѣзной дороги; даже телеграфныхъ столбовъ и проволокъ нигдѣ не видать во всей его окрестности. За то, вмѣсто шума и свиста локомотивовъ, жители слышатъ утромъ и вечеромъ стукъ шамеша [2]); вмѣсто телеграфныхъ проволокъ—на всѣхъ улицахъ N. красуются шнурки эйрува [3]). Раби

---

[1]) *Харифъ*—глубокій знатокъ талмуда.

[2]) *Шамешъ* — синагогальный служка. Посредствомъ стука онъ обыкновенно призываетъ евреевъ къ молитвѣ.

[3]) *Эйрувъ*—привязанныя къ столбамъ или выступамъ домовъ *веревки*, замыкающія собою улицы и площади. Это дѣлается съ цѣлью придать открытымъ улицамъ и площадямъ видъ загороженныхъ дворовъ, чтобъ можно было носить тамъ въ субботніе дни мелкія вещи, что въ совершенно открытыхъ мѣстахъ запрещено еврейскимъ закономъ.

Шраге же Харифъ состоитъ раввиномъ въ этой „матери городовъ Израиля“. Кто только вступилъ во „врата“ города N, свидѣтельствуетъ, что раби-Шраге знаменитъ „во всѣхъ концахъ свѣта“. Своею глубокой ученостью раби-Шраге-Харифъ объясняетъ самыя трудныя мѣста Тосфесъ [1]), въ разрѣшеніи которыхъ затрудняется „весь свѣтъ“; своею обильной мудростью онъ отгадываетъ самыя остроумныя задачи Магаршоэ [2]), которыя не были разрѣшены „со времени основанія земнаго шара“... И кромѣ всего этого, раби-Шраге свѣдущъ „во всѣхъ семи наукахъ [3])“. Но если ты думаешь, любезный читатель, что раби-Шраге обучался въ какомъ-либо университетѣ, напр. въ парижскомъ, вѣнскомъ, лейбцигскомъ или галлскомъ, — то жестоко ошибаешься... Раби-Шраге вѣдь совершенно „праведный человѣкъ“, и сохрани Богъ, чтобъ нога его вступила на порогъ подобныхъ заведеній,—а тѣмъ паче слушать тамъ лекціи... Нѣтъ, раби-Шраге почерпалъ всю свою мудрость изъ „чистыхъ источниковъ“, изъ источниковъ „талмуда и свода законовъ“. Съ ихъ помощью онъ изучилъ естественную исторію, строительное искусство, музыку и проч., и проч. Онъ изучилъ даже еврейскую грамматику, которая, какъ онъ достовѣрно зналъ, рѣшительно ни на что положительно не годится евреямъ; — но ему эта „наука“ была необходима, чтобъ знать, „чтó отвѣчать эпикурейцу“. Но всѣ вышесказанныя „науки“ служили раби-Шраге только приправой къ его „святому пилпулъ [4])“. Ахъ, какъ восхитительно сладки были его проповѣди, которыя онъ говорилъ въ синагогѣ два раза въ годъ: въ „великую субботу“, когда онъ обыкновенно объяснялъ законы „о каплѣ молока, упавшей на кусокъ мяса“, и въ „субботу раскаянія“, когда «весь народъ», слушая его мудрствованія о законахъ, относящихся къ „вспаханному сомнительному кладбищу“, горько плачетъ и исповѣдуется въ своихъ грѣхахъ съ разбитымъ сердцемъ и сокрушеннымъ духомъ. Городскіе жители до нынѣшняго дня не могутъ вспомнить безъ содраганія о проповѣди, произнесенной раби-Шраге двѣнадцать

---

[1]) [2]) *Тосфесъ* и *Магаршоэ* — извѣстные коментаріи къ Талмуду.

[3]) Извѣстно, что у древнихъ народовъ всѣ отрасли знанія распредѣлялись на „*семь* наукъ“.

[4]) *Пилпулъ* — разныя казуистическія тонкости въ объясненіи талмуда.

лѣтъ тому назадъ и трактовавшей о „накожной сыпи, мѣшающей обряду обрѣзанія“. Въ синагогѣ какъ мужчины, такъ и женщины громко рыдали и плакали горючими и обильнымъ слезами...

Богъ благословилъ раби-Шраге добрыми и красивыми дочерьми, числомъ 12; сыновей-же у него не было,—но большая его дочь Песеле, родившаяся у него восемьнадцать лѣтъ тому назадъ отъ первой его жены Малке, была для него „дороже, чѣмъ десять сыновей“. Если мы говорили „большая его дочь“, то это не значитъ, чтобъ Песеле была высока ростомъ... Далеко нѣтъ! Песеле, напротивъ, очень маленькая и очень худенькая фигурка, точь въ точь ея покойная мать, миръ праху ея, — но за то она велика „мудростью и славными дѣяніями“. Самъ отецъ ея, раби-Шраге, свидѣтельствуетъ, что родись она мальчикомъ, то непремѣнно возсѣдала-бы на „раввинскомъ креслѣ“ въ одномъ изъ „великихъ городовъ Израиля“. Но и теперь отецъ мало огорчается насчетъ ея: носъ у нея длинный и красный, зубы большіе и черные,—а это несомнѣнный признакъ, что Богъ благословитъ ее обильнымъ потомствомъ [1]), и она сдѣлается „матерью во Израилѣ“, всѣмъ на славу и украшеніе.

Меньшая же ея сестра, Эстеръ, была высокаго роста, хорошо сложена и очень умная дѣвушка. Отецъ любилъ ее, какъ свою душу, потому что Эстеръ была, какъ двѣ капли воды, похожа на свою покойную мать, вторую жену раби-Шраге, миръ праху ея. Эстеръ была полная, свѣжая и цвѣтущая дѣвушка, — ея носъ не красный, за то ея щеки цвѣтутъ какъ розы, а ея алыя губки полны прелести. Щедрая природа не вознаградила ее черными зубами, какъ Песеле, но за то она дала ей черные глаза, большіе и блестящіе, какъ звѣзды на небѣ.

II.

Мордхе Кизовичъ.

Въ домѣ раби-Шраге Харифа воспитывался юноша семнадцати лѣтъ, по имени Мордхе, но его товарищи и знакомые звали его

---

[1]) Въ Польшѣ между евреями красный носъ и черные зубы считаются вѣрнымъ признакомъ большого потомства.

обыкновенно Кизовичемъ, по названію деревни Кизовичъ, гдѣ онъ родился. Семилѣтняго возраста Мордхе привезли въ близъ лежащій городъ N; отецъ его раби-Нохумъ отдалъ его меламду реби-Бѣрлъ на обученіе „мишнѣ и геморѣ“ и вообще приготовить его къ поступленію въ бетъ-гамидрашъ [1]), гдѣ преподавалъ самъ раввинъ, или одинъ изъ его учениковъ. Раби-Нохумъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ и надѣялся, что сынъ его Мордхе современемъ займетъ меламедскую должность въ одной изъ еврейскихъ общинъ, наравнѣ съ раби-Береле,—но могъ ли онъ предполагать, что слава о его сынѣ скоро распространится во „всѣхъ закоулкахъ“ города N? Могъ ли онъ ожидать, что еще до тринадцатилѣтняго возраста Мордхе оставитъ своего меламда и будетъ причисленъ къ ученикамъ городскаго раввина, раби-Шраге?... Но чего не бываетъ на свѣтѣ?! Сидя въ своей корчмѣ въ Кизовичѣ и торгуя водкою, кожами, зайцами,—раби-Нохумъ нисколько не заботился о своемъ сынѣ, который усовершенствовался съ каждымъ днемъ и подымался все выше и выше, такъ что сдѣлался истымъ героемъ на „войнѣ ученія“... „Война ученія?“ удивится неопытный читатель,—„кто же это враги ученія и его противники?“—Да, ученіе Божіе не имѣетъ враговъ, но занимающіеся этимъ ученіемъ сражаются другъ съ другомъ; упорно сражаются они не съ цѣлью какого либо захвата, а для того, чтобы „узнать истинный смыслъ закона“, чтобы евреи знали настоящій путь, по которому они должны ходить и какъ имъ поступать въ основныхъ вопросахъ религіи, въ родѣ тѣхъ: когда можно употребить яйцо, которое курица клала въ праздничный день? Какую руку слѣдуетъ прежде умыть, вставая утромъ со сна—правую или лѣвую? и еще безчисленное множество подобныхъ „міровыхъ“ вопросовъ...

Мордхе между тѣмъ росъ да росъ. Видя, что въ немъ есть «прокъ», раби-Шраге принялъ его совсѣмъ въ свой домъ и полюбилъ его, какъ сына: кормилъ, поилъ, обучалъ его и предоставилъ своему любимцу все, что у него было въ домѣ. Даже дочери раби-Шраге обходились съ Мордхе дружески и ласково: онѣ чинили ему рубашки на субботній день, стелили ему постель и поправляли его скудное платье. Когда Мордхе возвращался съ поля битвы, т. е. изъ бетъ-гамидраша, дѣвушки всегда встрѣчали его съ радушіемъ, разсказывали ему сказки, сердечно смѣялись съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ. Такъ прошло пять лѣтъ. Въ продолженіи этого времени Мордхе „поднимался на высоты талмуда“, дѣлалъ громадные успѣхи во всѣхъ частяхъ Шульханъ-Оруха [1]), и его ставили въ образецъ всѣмъ юношамъ города,—потому что онъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ занимался исключительно книгами и рѣшительно ничего не зналъ изъ всего того, что дѣлается за стѣнами бетъ-гамидраша. Еслибъ Мордхе нѣсколько осмотрѣлся, то онъ могъ бы замѣтить, что Эстеръ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и съ душевной радостью смотритъ на его успѣхи въ талмудѣ; но онъ не обращалъ никакого вниманія ни на сердечную доброту Эстеръ, ни на красный носъ Песеле, потому что онъ одинаково любилъ всѣхъ дочерей раби-Шраге, какъ любятъ своихъ добрыхъ сестеръ.

Всѣмъ извѣстно, какую важную роль играетъ во всемірной исторіи случай. Еслибъ случай не представилъ нашему герою книги «Море Небухимъ» (Просвѣщающій заблужденныхъ), этого лучшаго сочиненія знаменитаго ученаго Маймонида,—я, безъ всякаго сомнѣнія, не могъ бы обогатить еврейскую литературу настоящимъ моимъ разсказомъ и не утруждалъ бы читателя чтеніемъ дальнѣйшихъ строкъ; но что дѣлать? Мордхе какъ-то попала въ руки книга «Морэ Небухимъ», и я вынужденъ продолжать нить моего разсказа.

Чтеніе этой книги понемногу открывало глаза нашему Мордхе. Онъ убѣдился, что, несмотря на то, что онъ „наполнилъ свое чрево талмудомъ и сводомъ законовъ“, умъ его совершенно пустъ; что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о какой-бы то ни было наукѣ. Но гдѣ пріобрѣсть знанія? Гдѣ находится источникъ просвѣщенія? У кого учиться? У меламда ли раби-Берель или у раввина раби-Шраге, который изучилъ всѣ „семь наукъ“ изъ талмуда

[1]) *Бетъ-гамидрашъ*—домъ ученія, т. е. училище,—но тамъ обыкновенно совершаются и молитвы.

[1]) Шульханъ-Орухъ—накрытый столъ. Подъ этимъ названіемъ издана книга, заключающая въ себѣ сводъ всѣхъ еврейскихъ законовъ и обрядовъ.

и его комментаріевъ? Всѣ эти вопросы не дали покоя Мордхе ни днемъ, ни ночью. Его положеніе стало для него невыносимымъ. Преподаваніе раби-Шраге уже не удовлетворяло его, а просвѣщеніе, къ которому онъ стремился, было далеко отъ него, и онъ не зналъ даже, гдѣ можетъ его пріобрѣсти. Мордхе искалъ между знакомыми человѣка, которому онъ бы могъ открыться во всемъ,— но онъ никого не нашелъ. Только встрѣтившись однажды съ добрымъ и задумчивымъ взглядомъ Эстеръ, Мордхе почему-то показалось, что она готова сочувствовать ему и принимать участіе во всѣхъ его предпріятіяхъ. Съ тѣхъ поръ, молодые люди, встрѣчаясь взорами, краснѣли, какъ маковъ цвѣтъ.

III.

Обрученіе.

Однажды ребъ Нохумъ пріѣхалъ въ городъ по своимъ торговымъ дѣламъ. Онъ, разумѣется, завернулъ и къ раввину, чтобы поблагодарить его за всѣ благодѣянія, которыя тотъ оказывалъ Мордхе, и чтобы поднести ему маленькій подарочекъ, состоявшій изъ масла, сыра, муки и картофеля, какъ привыкли вообще всѣ деревенскіе евреи, пріѣзжающіе въ городъ. Раби-Нохумъ засталъ раввина въ довольно большой комнатѣ за длиннымъ столомъ среди своихъ учениковъ. Послѣдніе сидѣли молча, но раби-Шраге глубокомысленно смотрѣлъ въ лежащую передъ нимъ книгу и бормоталъ въ полголоса: „удивительно! удивительно! Нашу Тору [1]) можно толковать на семьдесятъ ладовъ, каждый ладъ можно объяснять мильонами комментаріевъ, а я не могу найдти ни одного рѣшенія...“ Ученики съ удивленіемъ переглядывались между собою, а раби-Шраге, который не поднималъ глазъ съ книги, крѣпко закрылъ ихъ обѣими руками и остался въ неподвижномъ положеніи. Но вдругъ раби-Шраге будто очнулся, онъ сталъ качать голову на всѣ стороны, быстро погладилъ свою маленькую бородку, глаза у него засвѣтились и, вставъ со скамейки, радостно воскликнулъ:—я искалъ и обрѣлъ! Слава намъ! Никто не можетъ измѣрить мудрость Израиля!.. Вѣдь я знаю всѣ науки и открытія, которыя существуютъ на свѣтѣ со времени Адама: я знаю, что въ большихъ городахъ какіе-то люди выдумали, какъ можно ѣхать безъ лошадей и какъ можно посылать письма по телеграфу, но вѣрьте мнѣ, что всѣ эти открытія ничего не значатъ противъ одного словечка, противъ одной буквы нашего святаго талмуда!.. Приготовьтесь, дѣти, и вы услышите отъ меня „чудеса!“ Говоря такимъ образомъ, раби-Шраге схватилъ сидѣвшаго возлѣ него Мордхе и началъ трясти его, чтобъ тѣмъ возбудить его вниманіе къ „чудесамъ“, и съ крикомъ и шумомъ сталъ онъ объяснять трудное мѣсто талмуда. Ученики также орали безъ толку, вопросы и отвѣты сыпались со всѣхъ сторонъ, а Мордхе перекричалъ всѣхъ...

[1]) Ученіе.

Раби-Нохумъ восторженно смотрѣлъ на эту картину: „Спасибо вамъ, дорогой раввинъ, благоговѣйно проговорилъ онъ, когда „буря“ улеглась, — „спасибо вамъ, что вы взяли моего сына къ себѣ въ ученіе. Я все это вижу и не знаю, какъ нарадоваться. Но я вѣдь бѣднякъ и не знаю, чѣмъ отблагодарить нашего раввина за всѣ его благодѣянія...

— Раби-Нохумъ?—воскликнулъ раввинъ, протянувъ пришедшему руку, — да, да это самъ раби-Нохумъ... Шолемъ Алейхемъ [1]), раби-Нохумъ!..

— Алейхемъ Шолемъ!—отвѣтилъ ребъ-Нохумъ, съ благоговѣніемъ дотронувшись до кончиковъ пальцевъ раввина,—я Нохумъ изъ деревни Кизовичъ, отецъ Мордхе, которому вы такъ благодѣтельствуете...

— Знаю, знаю, перебилъ его раввинъ.—Ну, теперь можете отправиться въ бетъ-гамидрашъ, обратился онъ къ своимъ ученикамъ, повторите тамъ хорошенько, что вы услышали отъ меня, потому что я вамъ сегодня открылъ чудеса. А ты, Мордхе, иди отдохни, тебѣ что-то сегодня не здоровится, — а я тутъ кое о чемъ переговорю съ твоимъ отцомъ, котораго я давно уже не видѣлъ.

[1]) Миръ вамъ! обычное привѣтствіе евреевъ.

Ученики удалились по одиночкѣ, и Мордхе отправился съ ними.

— Садитесь вотъ здѣсь, обратился раби-Шраге къ ребъ-Нохуму, когда они остались вдвоемъ. Я имѣю переговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ. Богъ васъ наградилъ драгоцѣннымъ сыномъ, понятливымъ и свѣдущимъ въ нашей святой Торѣ, которую онъ изучаетъ днемъ и ночью. Вы очень хорошо знаете, что онъ сталъ такимъ, благодаря моимъ попеченіямъ; я насадилъ это молодое деревцо возлѣ „рѣкъ талмуда и сводовъ закона", и только по моимъ стараніямъ выросли на немъ такіе прекрасные плоды...

— Я это все очень хорошо знаю, хотя я только деревенскій человѣкъ... замѣтилъ ребъ-Нохумъ.

— Богъ отказалъ мнѣ въ сынѣ, продолжалъ раввинъ, но вмѣсто этого „въ моихъ сокровищахъ" есть украшеніе подъ именемъ Песеле, которая для меня дороже десяти умныхъ и добрыхъ сыновей. Если вы желаете, мой другъ, я выдамъ ее за вашего Мордхе; онъ будетъ моимъ зятемъ, онъ будетъ жить въ моемъ домѣ, я буду кормить его сколько мнѣ еще придется жить, а черезъ „сто двадцать лѣтъ" [1]) онъ будетъ наслѣдовать послѣ меня и „раввинское кресло". Слышите ли вы, раби-Нохумъ, что̀ я говорю?

— Слышу ли я?—воскликнулъ восторженно раби-Нохумъ,—я хватаю каждое ваше слово на лету,—но я не вѣрю своимъ ушамъ...

— Почему-же?

— Я, кажется, слышалъ изъ вашихъ устъ, что вы благоволите отдать вашу дочь за моего сына,—если это только не сонъ, то... то... Но нѣтъ, вы изволите смѣяться надо мною. Я, бѣдный деревенскій человѣкъ, безъ всякаго образованія, какъ же я могу осмѣлиться вѣрить, что сосватаюсь съ такимъ великимъ и уважаемымъ въ Израилѣ раввиномъ?..

— Вы это не во снѣ слышите, мой другъ, и сохрани меня Богъ смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было изъ евреевъ. Если на это будетъ воля Бога, то я вамъ скоро докажу, что говорю сущую правду: еще сегодня вечеромъ будемъ праздновать обрученіе нашихъ дѣтей...

И дѣйствительно, въ этотъ-же вечеръ отпраздновали обру-

[1]) Т. е. когда умру.

ченіе. Всѣ городскіе обыватели пришли принимать участіе въ радости ихъ знаменитаго раввина. Но кто можетъ разсказать о великой радости и чести, которую всѣ оказывали въ этотъ вечеръ раби-Нохуму? Онъ сидѣлъ на самомъ почетномъ мѣстѣ по правой рукѣ раввина и всѣ „богачи" города поочередно поздравляли его съ такимъ счастіемъ, — даже старшина общины, богачъ раби-Бейрахъ, слава о которомъ идетъ въ „далекія страны", даже онъ изволилъ лично бесѣдовать съ раби-Нохумомъ.

— Благо вамъ, раби-Нохумъ, говорилъ онъ, что вы удостоились такой великой чести сродниться съ „царемъ еврейскихъ ученыхъ".

— Да, я блаженъ, скромно отвѣтилъ раби-Нохумъ, что я удостоился сидѣть за однимъ столомъ съ такими „богачами" и имѣть честь бесѣдовать съ самимъ старшиной,—а я вѣдь бѣдный деревенскій человѣкъ. Я вовсе не заслуживаю тѣхъ великихъ благодѣяній, которыя Богъ мнѣ теперь оказываетъ.

— Тише, мои друзья и милостивые государи! воскликнулъ вдругъ раввинъ,—пусть водворится молчаніе, а я буду читать вамъ брачное условіе.

Шамешъ ударилъ ладонью о столъ и тѣмъ заставилъ всѣхъ бесѣдующихъ замолчать. Счастливый раби-Шраге сталъ читать изъ писаннаго листа бумаги „брачное условіе". Какъ только онъ дошелъ до слова: „избранный молодой человѣкъ Мордхе возьметъ на счастье и въ счастливый часъ „знаменитую дѣвицу" Песеле себѣ въ жены, по закону Моисея и Израиля", Мордхе поблѣднѣлъ, какъ смерть, и опустилъ голову. Но никто въ данную минуту и не думалъ о сердечныхъ страданіяхъ несчастнаго Мордхе; всѣ, напротивъ, считали его счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Какъ только раби-Шраге торжественно кончилъ послѣднее слово „условія", всѣ присутствующіе разомъ закричали: поздравляемъ съ большимъ счастіемъ! и каждый изъ гостей бросилъ о полъ что ни попало въ руки: горшки, тарелки, стаканы и разбилъ ихъ, по принятому у евреевъ обычаю, но никто изъ нихъ не догадался, что въ эту минуту разбились также два сердца: сердце Мордхе и Эстеръ.

IV.

Любовь.

Съ разсвѣтомъ всѣ въ домѣ раввина легли нѣсколько отдохнуть отъ трудовъ прошедшей ночи, — только одинъ Мордхе сидѣлъ въ своей комнаткѣ, и глубокіе вздохи такъ и рвались изъ его разбитой груди. — „Я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, бормоталъ онъ, несчастнѣе всѣхъ бѣдняковъ. Будто самъ адъ и дьяволы пошутили сегодня надо мной и разбили въ пухъ всѣ мои надежды. Песеле, на которую я смотрѣлъ, какъ на сестру и которую я ненавижу теперь всей душою, точно паука,—эта Песеле будетъ моей женой, а лучшіе свои годы я долженъ буду проводить по пустому въ домѣ раби-Шраге, который сдѣлается гробомъ всѣхъ моихъ надеждъ и стремленій.

„Но кто меня заставляетъ жениться на этой гадости и вѣчно прозябать въ этомъ скучномъ городишкѣ? продолжалъ онъ размышлять. Міръ широкъ и открытъ для меня: неужели не найдется въ немъ мѣста для такого несчастнаго, какъ я? Что меня удерживаетъ здѣсь? Почему мнѣ не разорвать узы, которые связываютъ меня съ семействомъ раби-Шраге? Что мнѣ здѣсь и кто?“...

Мордхе вдругъ замолчалъ. Неясныя мысли и чувства стали въ немъ бороться.—Эстеръ! вырвалось изъ его груди,—Эстеръ! вотъ кто привязываетъ тебя къ этому дому узами дружбы и любви...

„Любовь?!“—молодой человѣкъ покраснѣлъ отъ прилива крови, и дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.—„Любовь! Какъ, молодой человѣкъ, воспитанный на святой Торѣ, осмѣливается любить дѣвушку! Какъ я смогу показать свои глаза между товарищами? Вѣдь Гетцель, Пинхесъ, Борухъ, Нахманъ, Нафтоли — всѣ женились и имѣютъ уже дѣтей, — развѣ они прежде любили своихъ невѣстъ? Знаетъ ли кто нибудь изъ нихъ, что такое любовь? Только я такъ низко палъ, что дерзаю любить молодую дѣвушку... Нѣтъ, прочь отъ меня грѣшныя мысли! И я не буду никогда любить! Клянусь душою, что никогда, никогда не буду любить!“

Но любовь, по выраженію Соломона, вѣдь сильна, какъ смерть, и какъ послѣдняя не знаетъ она никакой пощады,—она и не пощадила молодаго человѣка, воспитаннаго на „святой Торѣ“ и, вопреки его клятвѣ, она разгоралась въ его сердцѣ и жгла его, какъ огонь.

— Нѣтъ, не буду любить! не попаду въ западню!—все еще боролся Мордхе съ своимъ чувствомъ,—сегодня еще я оставлю этотъ городъ и домъ раби-Шраге, чтобъ больше не возвратиться сюда. Я еще не знаю, куда отправиться и къ кому обратиться, но чтобы меня не удержали, я скажу раби-Шраге, что отправляюсь въ Пресбургъ, чтобы поступить въ ешиботъ [1]) тамошняго раввина. Мое рѣшеніе непоколебимо... Эстеръ! воскликнулъ онъ невольно, посмотрѣвъ въ окно. Видя, что солнце уже давно поднялось, Мордхе отворилъ дверь, чтобы выйти изъ комнаты. Но какъ онъ испугался, какъ онъ задрожалъ! Дѣвушка, о которой онъ думалъ до послѣдней минуты, стояла теперь передъ нимъ на порогѣ комнаты и своимъ мелодическимъ, пріятнымъ голосомъ спросила его:

— Ты меня звалъ, Мордхе?

— Я тебя звалъ?—переспросилъ Мордхе съ испугомъ,—когда?

— Мнѣ казалось, что это твой голосъ звалъ меня черезъ окно,— отвѣтила дѣвушка съ дрожащими губами,—должно быть я ошиблась, я и ухожу...

— Прощай!—хотѣлъ было сказать Мордхе; но противъ собственнаго желанія проговорилъ онъ другое: — да, я тебя звалъ Эстеръ... Я тебя не видѣлъ, но твой образъ вѣчно передъ моими глазами... Всѣ нервы моего сердца звали тебя сюда. Хочешь ли ты знать, Эстеръ, безчисленныя муки моего сердца? Хочешь ли принимать участіе въ моемъ великомъ горѣ? Зайди ко мнѣ въ комнату, и я открою передъ тобою все мое растерзанное сердце.

Горя сильной любовью, Мордхе увлекъ въ свою комнатку молодую дѣвушку и усадилъ ее возлѣ себя.

— Дорогая Эстеръ!—воскликнулъ онъ,—сжалься надо мною несчастнымъ и выслушай меня, прежде чѣмъ ухожу навсегда.

— На всегда?—дрожащимъ голосомъ проговорила Эстеръ.—Да, мое предчувствіе не обмануло меня, я все это предвидѣла. Я все знаю! Тебѣ надоѣлъ нашъ городокъ со всѣми его жителями. Тебѣ

---

[1]) Ешиботъ—школа, гдѣ изучаютъ талмудъ.

малъ домъ моего отца, ты стремишься къ чему нибудь высшему... Но что ты отъ меня хочешь, что я могу дѣлать для тебя?..

— О, какъ я радъ! — восторженно проговорилъ Мордхе. — Твои слова, Эстеръ, оживили мою душу. Ты уже знаешь всѣ мои мысли, передъ тобою открыто мое сердце... Это доказываетъ, что мы близки другъ другу, и теперь въ твоихъ рукахъ, исключительно въ твоихъ рукахъ, излечить меня отъ всѣхъ моихъ страданій... Я тебя люблю больше всего на свѣтѣ, и если ты отвѣтишь мнѣ тѣмъ же, то я буду самый счастливый человѣкъ въ мірѣ...

— Но что будетъ съ моей сестрою Песеле?—пробормотала, краснѣя, дѣвушка, и двѣ крупныя слезы скатились съ ея черныхъ глазъ на розовыя щеки.

— Она будетъ и моей сестрой!—отвѣтилъ Мордхе, утирая ея слезы,—а ты, моя голубка, будешь моей женой... Согласна ли ты?

Эстеръ ничего не отвѣтила.

— Видно, Богъ не хочетъ союза между мною и Песеле, какъ же я могу сдѣлать такое преступленіе, чтобы убить двѣ жизни въ одинъ день?.. Дай мнѣ твою руку, милая и дорогая моя, и, не дождавшись ея позволенія, Мордхе взялъ ея маленькую ручку и, прижавъ ее къ волновавшейся груди своей, проговорилъ: — никого изъ постороннихъ тутъ нѣтъ, но Богъ будетъ нашимъ живымъ свидѣтелемъ, что никогда не перестану любить тебя, пока живетъ во мнѣ душа моя.

— И пока моя душа живетъ во мнѣ я буду твоею!—проговорила Эстеръ и слезы счастья ручьемъ брызнули изъ ея глазъ.—Я буду жить только для тебя, мой дорогой Мордхе, какъ я жила для тебя съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла тебя.

Влюбленные понемногу успокоились и долго еще тихо говорили и совѣтовались между собою. О чемъ они говорили и совѣтовались—мы не знаемъ, только когда Эстеръ удалилась изъ комнаты Мордхе, она проговорила:—хорошо, мой милый, я буду ждать и ждать, хотя бы до послѣднихъ дней моей жизни...

Мордхе не далъ ей кончить фразу и закрылъ ея уста поцалуями.

— Не пройдетъ много лѣтъ, задыхаясь говорилъ онъ, и ты будешь моей законной женой передъ всѣми.

Въ этотъ самый день Мордхе оставилъ N и отправился будто въ Пресбургъ въ знаменитый ешиботъ знаменитаго раввина раби-Х. Многіе городскіе жители проводили его, — а раби-Шраге былъ весьма радъ, что Мордхе такъ скроменъ и не хочетъ жить подъ одной крышей съ нарѣченной невѣстой...

V.

Письмо.

Въ одно холодное зимнее утро, раби-Шраге сидѣлъ у теплой печки и смотрѣлъ въ лежащую передъ нимъ открытую книгу. Но по его лицу видно было, что мысли его далеки отъ книги; вздохи, которые онъ испускалъ по временамъ, свидѣтельствовали, что душевный миръ далекъ отъ него и что его безпокоитъ не малая забота. И дѣйствительно, горе его было очень велико. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ Мордхе уѣхалъ, а отъ него не было ни одного письма; Эстеръ, которая давно уже „достигла зрѣлости“, все болѣетъ и груститъ и слышать не хочетъ о партіи, пока не выздоровѣетъ окончательно. По наружности она кажется совершенно здоровою и цвѣтетъ какъ роза,—но она говоритъ, что сердце ея болитъ, что душа все груститъ. Всѣ еврейскія женщины города N утверждаютъ, что о подобной болѣзни не слышно было со времени существованія человѣческаго рода. Даже всѣ члены „братства посѣщенія больныхъ“, которые, какъ извѣстно, имѣютъ большія свѣдѣнія въ медицинѣ, положительно говорили, что противъ такой болѣзни нѣтъ никакого лекарства въ цѣломъ свѣтѣ.

Больная Эстеръ сидѣла возлѣ огня и шила рубашки для младшихъ сестеръ, игравшихъ тутъ же около нея; Песеле смотрѣла черезъ окно на интересное зрѣлище, какъ снѣгъ покрывалъ черныя крыши домовъ города N. Она не успѣла еще достаточно налюбоваться на это зрѣлище, какъ вдругъ она вздрогнула и воскликнула:

— Батюшка! какой-то „панъ“ идетъ къ намъ и я сама слышала, какъ онъ спрашивалъ: гдѣ живетъ раввинъ?

— Не бойся, моя дочь!—отвѣтилъ раби-Шраге.—Ты вѣроятно ошиблась, что̀ общаго между паномъ и мною? развѣ...

Но раби-Шраге не успѣлъ еще окончить свою фразу, какъ

мнимый панъ показался въ дверяхъ и, вынувъ письмо изъ сумки, подалъ его раввину.

— Что это такое?—съ испугомъ спросилъ раби-Шраге.

— Вы видите, что письмо... отвѣтилъ панъ,—это я вамъ принесъ съ почты. Я почтальонъ.

— Почтальонъ? А, понимаю, понимаю.—Но не знаете ли откуда это письмо? а?

— Вѣдь письмо въ вашихъ рукахъ,—замѣтилъ почтальонъ съ улыбкой,—откройте его и сами увидите.

— Да, да, милостивый государь,—проговорилъ раввинъ заискивающимъ голосомъ,—вы очень умны и разсудительны; я совсѣмъ забылъ, что письмо адресовано ко мнѣ... Извините, пожалуйста... Неугодно ли вамъ маленькое вознагражденіе за вашу любезность?.. говоря это, раби-Шраге вынулъ изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ монетъ и подалъ ихъ почтальону; послѣдній соблаговолилъ принять „вознагражденіе“ съ удовольствіемъ.

— Вотъ глупый раввинъ!—воскликнулъ „панъ“ уходя. — Онъ глупъ, но онъ добръ. Было бы не дурно, еслибъ всѣ N—скіе евреи были такіе дураки..

А раби-Шраге между тѣмъ дрожащими руками открылъ письмо и сталъ читать:

„Миръ и спасеніе моему благодѣтелю, наставнику и покровителю, раввину — великому-свѣтилу, Синаю и передвигающему горами, харифу и многосвѣдущему, слава его имени, раби-Шраге, раввину и главѣ бетъ-дина [1]) святаго города N. и окружностей...

„Господинъ мой! Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ ликъ многоуважаемаго ученаго до настоящаго дня, я все шатаюсь по землѣ и не нашелъ еще покоя для моей души, жаждущей слова Божьяго, и для моихъ ногъ, уставшихъ отъ трудной дороги. Я прибылъ въ городъ Пресбургъ, я полагалъ, что здѣсь найду покой, покой мудрыхъ и богобоязненныхъ; но рука Божія коснулась меня и отбросила далеко, далеко отъ возлюбленнаго мною города, куда я такъ долго стремился. Увы! горе мнѣ, если выскажусь, и горе мнѣ, если буду молчать, и огонь будетъ тайно горѣть во мнѣ,

[1]) Еврейскій судъ.

пока не умру и положатъ меня въ гробъ. Должно быть, свирѣпые ангелы позавидовали моему блаженству и счастію и выгнали меня изъ вашего дома на всегда. Но я не могу больше удержаться! Выскажусь, и пусть будетъ что будетъ; можетъ быть, мнѣ легче станетъ. Я выльню передъ вами, мой господинъ, учитель и наставникъ, все мое горе горькое, — можетъ быть, вы сжалитесь надо мною, можетъ быть, вы найдете какой нибудь способъ спасти меня отъ тиранской руки, которая преслѣдуетъ меня. Въ день отъѣзда моего изъ N., я передъ вечеромъ прибылъ въ городъ В. Страшно усталый, я завернулъ къ моему дядѣ, рѣзнику, и тамъ ночевалъ. Около полуночи, какъ только я успѣлъ закрыть глаза, передо мною, какъ будто изъ подъ земли, выросла маленькая женщина, очень худощавая и съ худымъ лицомъ. „Кто ты?“ спросилъ я въ испугѣ, „и что тебѣ отъ меня надо, страшная женщина?“— „Я раввинша Малке, первая жена раби-Шраге, которая умерла восемнадцать лѣтъ тому назадъ“, отвѣтила маленькая женщина, „и если ты хочешь жить, то возвратись скоро въ N. и разорви „брачное условіе“, которое ты заключилъ съ моей единственной дочерью Песеле“.—„Но какой недостатокъ ты нашла во мнѣ, моя добрая и дорогая мать?“ умолялъ я ее,—„Никакого недостатка я не нахожу въ тебѣ, отвѣтила она, но дочь раввинши Малке не можетъ быть женой сына деревенскаго Нохума“.— „Выслушайте меня, уважаемая раввинша, обратился я къ ней, я теперь семнадцати лѣтъ, а вы говорили, что умерли восемнадцать лѣтъ тому назадъ, такъ вы вѣроятно слышали тамъ на небесахъ, кого мнѣ назначили, сорокъ дней до моего рожденія, въ жены [1]). Если вы не хотите, чтобъ я женился на вашей дочери, то скажите же мнѣ, кого мнѣ тамъ опредѣлили въ жены?“— „Дочь раввина раби-Шраге! гнѣвно воскликнула женщина.—Дочь раввина, раби-Шраге будетъ женою Мордхе, сына Нохума! провозглашалъ небесный голосъ сорокъ дней до твоего рожденія,— но я все таки не хочу, чтобъ моя дочь была твоей женой, и если не хочешь нарушить заключенное условіе, предупреждаю тебя,

[1]) У евреевъ существуетъ повѣріе, что сорокъ дней до рожденія человѣка, небесный голосъ возглашаетъ, кто долженъ жениться на комъ...

что буду тебя преслѣдовать всю твою жизнь и пока тебѣ жизнь не надоѣстъ, я не дамъ тебѣ покоя".

„И дѣйствительно эта страшная женщина не даетъ мнѣ покоя! Съ того вечера до настоящаго дня она слѣдитъ за мной, и я не знаю, куда убѣжать отъ нея: каждую ночь она является ко мнѣ и мучаетъ, такъ что мнѣ на самомъ дѣлѣ жизнь стала невыносимой, какъ она мнѣ тогда говорила.

„Итакъ, мой господинъ, наставникъ и учитель! Сжальтесь надъ моей молодостью, дайте мнѣ совѣтъ, вѣдь вы мудры, какъ ангелъ Божій, и извѣстите меня, могу ли я еще имѣть надежду возвратиться въ вашъ домъ, или я долженъ на самомъ дѣлѣ шататься во всю мою жизнь и умереть гдѣ нибудь вдалекѣ?

„Послѣ долгихъ и утомительныхъ странствованій, я прибылъ сегодня въ Бреславль. Дой Богъ, чтобъ я могъ остаться въ этомъ городѣ, потому что тутъ есть знаменитая коллегія, гдѣ бы я могъ многому научиться. У меня тутъ нѣтъ никакихъ друзей и знакомыхъ, и я пока нахожусь въ домѣ великаго раввина, который сжалился надо мной и пригласилъ меня къ себѣ. Если вы будете такъ добры и захотите мнѣ писать, то пишите на его адресъ. Затѣмъ остаюсь вашимъ измученнымъ, ризбитымъ слугою, ожидающимъ съ удрученнымъ сердцемъ вашего отвѣта".

Мордхе, сынъ Нохума изъ деревни Кизовичъ".

— Что мнѣ сказать, что мнѣ совѣтовать?—проговорилъ раввинъ, прочитавъ все письмо. Это Богъ меня наказываетъ за мои грѣхи, чѣмъ же виноватъ Мордхе, чтобы я убилъ его молодость и накликалъ на него смерть? Но могу ли я нарушить теперь условіе, когда Песеле уже минуло двадцать четыре года? А если я не нарушу условія, развѣ возьметъ ее Мордхе? Допуститъ ли это моя бывшая жена Малке, миръ праху ея? Ахъ, мое горе велико, и кто меня вывезетъ изъ этого моря страданія?

Но раби-Шраге въ своемъ отчаяніи не зналъ, что Богъ пошлетъ ему спасителя въ лицѣ Элиэзера Шадхена [1]).

[1]) Шадхенъ — сватъ.

VI.

Перстъ Божій.

Увидѣвъ Элиэзера Шадхена, Эстеръ испугалась и поблѣднѣла, какъ смерть, потому что она очень хорошо знала, о чемъ онъ хочетъ говорить съ ея отцомъ. Чтобы не быть вынужденной слышать его милый разговоръ, она быстро встала съ своего мѣста и спѣшила выйти изъ комнаты. Раввинъ въ своей заботѣ также не обратилъ вниманія на уважаемаго гостя, а ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ; казалось, что онъ совсѣмъ забылъ о существованіи цѣлаго міра. Но хитрый шадхенъ, давно привыкшій къ подобнымъ сценамъ, также не обратилъ вниманія на озабоченное лицо раввина и на его сильное горе и началъ свою рѣчь съ подобострастной улыбкой:

— Теперь нашъ раввинъ будетъ уже благодарить меня... я нашелъ для него такого жениха, который не оцѣненъ никакимъ золотомъ. Прелестный и пріятный молодой человѣкъ, ученый и изъ хорошей фамиліи, и денегъ то у его „богача" отца цѣлая куча, и какъ онъ уважаетъ и цѣнитъ нашего раввина и его дочь Эстеръ!

Раби-Шраге ничего не замѣтилъ, но шадхенъ продолжалъ:

— Это ребъ-Перецъ-Мейеръ изъ Наровы. Знаете ли вы раби-Перецъ-Мейера? Но кто не знаетъ этого „богача"? Развѣ есть на цѣломъ свѣтѣ еще такой человѣкъ? Развѣ есть границы его благотворительности? Развѣ можно исчислить его богатства? Клянусь вамъ моей жизнью, что за часть дома, который онъ имѣетъ въ Наровѣ, имъ заплочено болѣе шести сотъ рублей, а въ этомъ году онъ заплатилъ еще за одну часть дома двѣсти рублей—и послѣ всего этого онъ хочетъ отсчитать своему сыну пять сотъ рублей наличными деньгами, пять сотъ рублей! слышите ли вы, г. раввинъ?

— Но оставьте меня, пожалуйста, въ настоящую минуту,—просилъ его раввинъ. — Ваши слова еще больше раздражаютъ меня. Вы говорите о моей младшей дочери въ то время, когда я еще не засваталъ старшую...

— Старшую, Песеле! А гдѣ ея женихъ, Мордхе? — удивился шадхенъ.

— Мордхе! да что говорить о немъ!—махнулъ рукой раввинъ.—Мордхе вѣчно странствуетъ. Шесть дней тому назадъ онъ былъ въ Бреславлѣ и кто знаетъ, гдѣ онъ теперь,—а вы еще растравляете мои раны. Вотъ вамъ его письмо, читайте и вы убѣдитесь, что никакое горе не можетъ сравниться съ моимъ.

Шадхенъ покачалъ головой и немало удивился.

— Вотъ какія новости я слышу!—проговорилъ онъ, надѣвая очки на свой толстый носъ, — Мордхе совсѣмъ странствуетъ... Вотъ новости! Но не отчаявайтесь, уважаемый раввинъ! Богъ можетъ всему помочь. Можетъ быть, чрезъ меня Онъ и ниспошлетъ вамъ утѣшеніе... Вѣдь не даромъ же я шадхенъ... прибавилъ онъ, принявъ изъ руки раби-Шраге письмо.

— Да, это перстъ Божій!—воскликнулъ вдругъ шадхенъ, прочитавъ письмо, — это перстъ Божій! повторилъ онъ.—Я никогда не божился, но теперь клянусь, что это перстъ Божій. Покойная равинша, миръ праху ея, слышала небесный голосъ, что дочь раби-Шраге будетъ женою Мордхе, сына Нохума,—но развѣ одна Песеле дочь раби-Шраге? Вѣдь и Эстеръ его дочь? а? Что же теперь долженъ дѣлать шадхенъ Элiэзеръ? а? Шадхенъ Элiэзеръ долженъ рѣшить такимъ образомъ, — прибавилъ онъ, погладивъ нѣсколько разъ свою длинную бороду:—Мордхе пусть возьметъ Эстеръ, а Песеле пусть выйдетъ замужъ за сына Перецъ-Мейера изъ Наровы... Слышитъ ли, раввинъ, мой совѣтъ?

— Вашъ совѣтъ мнѣ нравится,—замѣтилъ раби-Шраге, повеселѣвъ,—но захочетъ ли ребъ-Перецъ-Мейеръ? Вѣдь Песеле теперь двадцать четыре года!

— Захочетъ ли онъ?—воскликнулъ радостно шадхенъ. — Онъ ее схватитъ обѣими руками, еслибъ ей было даже тридцать лѣтъ... Вѣдь наши мудрецы сказали: что чѣмъ больше наши ученые старѣютъ, тѣмъ больше они умнѣютъ; и если это сказано про самыхъ учоныхъ, то что ужъ говорить о дщеряхъ ихъ?..

Раби-Шраге разсмѣялся, услышавъ этотъ логическій выводъ шадхена.

— Я не сомнѣваюсь, говорилъ онъ, что сынъ раби-Перецъ-

Мейера—„сынъ ученія" и набожный молодой человѣкъ, не такъ-ли ребъ-Элiэзеръ?

Шадхенъ нѣсколько смутился, но затѣмъ проговорилъ:

— Сынъ ребъ-Перецъ-Мейера — это сынъ „великаго богача", и клянусь душою, что въ немъ нѣтъ никакого недостатка. Но въ настоящее время всѣ богачи имѣютъ много враговъ, а послѣдніе выдумали, что нашъ женихъ имѣетъ горбъ и къ тому еще слѣпъ на одинъ глазъ; но это ложь! Правда, что одно плечо у него выше другаго, а въ правомъ глазу у него есть бѣльмо,—но кромѣ этого, клянусь душой, рѣшительно ничего предосудительнаго въ немъ нѣтъ... Клянусь душою, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, и дай Богъ, чтобъ весь избранный народъ былъ похожъ на него.

— Но я васъ спрашивалъ: знаетъ ли онъ талмудъ и благочестивъ ли онъ? — приставалъ раввинъ.

— Клянусь вамъ честью, что я не хочу, да и не могу врать—отвѣтилъ шадхенъ,—я уже разъ вамъ говорилъ, что сынъ ребъ-Перецъ-Мейера — удивительный молодой человѣкъ. Онъ еще не „харифъ" и не „гоэнъ" [1]), но онъ „способный сосудъ, который можетъ вмѣстить въ себѣ "все". Если онъ будетъ жить въ домѣ раввина годъ или два, то я увѣренъ, что онъ будетъ въ состояніи „указывать законъ" въ Израилѣ.

— Пусть будетъ по вашему,—но что я буду дѣлать съ Эстеръ? Вѣдь она совсѣмъ не хочетъ выйти замужъ, увѣряя, что невылечимо больна...

— То-то я говорилъ, что это „перстъ Божій!"—воскликнулъ шадхенъ. — Она была больна, потому что она не должна была выйдти за человѣка, не назначеннаго для нея на небѣ,—но Мордхе вѣдь ея „суженный", и я увѣренъ, что она выздоровѣетъ, какъ только сдѣлается его женою...

Пророчество Элеiэзеръ-шадхена сбылось. „Богачъ" ребъ-Перецъ-Мейеръ „схватилъ Песеле обѣими руками" и обвѣнчалъ ее съ своимъ сыномъ, у котораго одно только плечо выше другаго и одинъ только правый глазъ съ бѣльмомъ и который „черезъ годъ или два будетъ указателемъ закона во Израилѣ". Раввинша Малке, миръ праху ея, спокойно лежала въ своемъ гробу и не трево-

---

[1]) *Гаонъ*—равносильно „генію".

жила больше во снѣ Мордхе; даже сердце Эстеръ, которое было разбито вмѣстѣ съ горшками, тарелками и стаканами лѣтъ шесть тому назадъ, выздоровѣло теперь, какъ только Кальменъ, мужъ Песеле, разбилъ своей ногою стаканъ подъ балдахиномъ во время вѣнчанія... Да, это былъ дѣйствительно перстъ Божій!

VII.

Раввинъ города Б.

Экипажъ, запряженный двумя лошадьми, катился по дворянской улицѣ города Б. Остановившись возлѣ большаго, красиваго дома, кучеръ слѣзъ и позвонилъ въ звонокъ. На лѣстницѣ показались лакеи съ разными чемоданами, которые укладывали въ экипажъ. Пока прислуга была занята приготовленіемъ къ отъѣзду, раввинъ (это была его квартира) задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету. Въ его памяти воскрешали картины и образы прошлаго, а мысли его, въ тоже время, были заняты представленіями о будущемъ... „Черезъ нѣсколько дней—думалъ онъ—я буду у гавани моихъ стремленій и надеждъ... Могъ ли я мечтать объ этомъ восемь лѣтъ тому назадъ? Кто могъ бы предвидѣть, въ то время, когда я удалился пѣшкомъ изъ пустыннаго городка, съ котомкой на плечахъ и съ палкой въ рукѣ, что я возвращусь туда съ докторскимъ и раввинскимъ дипломами и что мнѣ удастся спасти оттуда драгоцѣнный алмазъ, милую дѣвушку, которая съ минуты на минуту ждетъ теперь моего пріѣзда?.. Мой Богъ великъ! воскликнулъ онъ, и на глазахъ его показались слезы благодарности, —безъ всякаго образованія и знанія оставилъ я Польшу, а тепрь, благодаря Богу, меня выбрали проповѣдникомъ въ такомъ большомъ и просвѣщенномъ городѣ.

Чтобъ читатели могли понять мысли и слова этого раввина, я долженъ разсказать вкратцѣ о похожденіяхъ Мордхе съ того дня, какъ онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ любимой имъ дѣвушкой Эстеръ и клялся ей въ вѣчной любви. Посовѣтовавшись съ Эстеръ, Мордхе рѣшилъ, что онъ долженъ отправиться въ Германію, чтобы изучить тамъ какую нибудь науку, дающую обезпеченный кусокъ хлѣба. Любя еврейство и еврейскую науку, которую

онъ сталъ изучать еще съ пятилѣтняго возраста, Мордхе нашелъ цѣлесообразнымъ отправиться въ Бреславль и поступить въ еврейскую семинарію. Въ Бреславлѣ же онъ кончилъ курсъ наукъ въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи. Любовь къ Эстеръ научила Мордхе пробиться кое-какъ въ житейскомъ морѣ и разорвать узы, которые противъ его воли связали его съ Песеле; эта же любовь научила его написать знакомое намъ письмо, которое такъ одурачило раби-Шраге, „знающаго всѣ семь наукъ", и вслѣдствіе котораго Песеле вышла замужъ за Кальмена, сына „богача" раби-Перецъ-Мейера. Раби-Шраге съ своей стороны извѣстилъ Мордхе письмомъ, что покойная жена его Малке, миръ праху ея, вѣрно слышала небесный голосъ, провозгласившій, что дочь раби-Шраге назначена для Мордхе сына Нохума,—но дочь эта не Песеле, а младшая дочь, Эстеръ, которую родила ему вторая жена Рахель, блаженной памяти... „И вотъ тебѣ самое убѣдительное доказательство, — писалъ между прочимъ, ребъ-Шраге—Эстеръ, которая заболѣла въ день твоего обрученія съ Песеле такой опасной болѣзнью, что „всѣ знаменитые врачи" отчаявались въ ея выздоровленіи, теперь вдругъ выздоровѣла, какъ только надѣли вѣнчальное кольцо на палецъ ея сестры Песеле.— Поэтому, мой сынъ,—кончилъ раби-Шраге свое посланіе,—пріѣзжай скорѣе къ намъ и обвѣнчайся съ Эстеръ по закону Моисея и Израиля. Ты не печалься о Песеле,—потому что „человѣкъ полагаетъ, а Богъ располагаетъ"—сказалъ царь Давидъ, и кто можетъ пойти противъ его воли? Итакъ, утѣшься, мой сынъ, и знай, что Эстеръ ничѣмъ не стоитъ ниже Песеле; она также скромная и добродѣтельная дѣвушка и она будетъ славной женой и „короной своего мужа", какъ наши праматери, отъ которыхъ происходитъ Израиль".

Мордхе смѣялся про себя, читая это письмо, и онъ спѣшилъ отвѣтить раби-Шраге, что онъ не осмѣливается жаловаться на Провидѣніе и ослушаться его приказанія, а потому „готовъ" жениться на его младшей дочери, но прежде, чѣмъ исполнить это обѣщаніе, онъ долженъ еще годъ или два учиться у „Рошъ-іешиба" [1]), чтобъ получить раввинскій дипломъ. И дѣйствительно,

[1]) Глава іешибота, въ тоже время и первый преподаватель.

еще два года пробылъ Мордхе въ раввинской семинаріи и въ это время онъ себѣ пріобрѣлъ имя между нѣмецкими учеными своими печатными трудами, а жители города Б., услышавъ о его славѣ, призвали его къ себѣ въ качествѣ раввина.

Читатели давно уже догадались, что молодой раввинъ, живущій на дворянской улицѣ города Б., никто иной, какъ нашъ Мордхе, сынъ Нохума изъ деревни Кизовичъ.

Лакей тихо отворилъ дверь кабинета и доложилъ, что все готово и что пора ѣхать.

— Да, пора!—проговорилъ раввинъ, посмотрѣвъ на свои часы. Онъ вышелъ и сѣлъ въ экипажъ. — На желѣзную дорогу! приказалъ онъ.

VIII.

Свадьба.

Городъ N. ликуетъ и веселится! Мордхе, возвратившись изъ „чужеземныхъ странъ“, женился въ добрый часъ на раввинской дочери Эстеръ по всѣмъ правиламъ Моисеева закона. Сначала городскіе жители не мало были удивлены и шушукались между собою, что ихъ раввинъ выдаетъ свою дочь за какого-то „пана“,— но услышавъ проповѣдь, которую произнесъ этотъ „панъ“ въ ихъ синагогѣ, всѣ убѣдились, что онъ дѣйствительно „раввинъ“ и „очень великій раввинъ“, „раввинъ, подобно которому не было еще въ Израилѣ, съ того времени, какъ существуетъ народъ израильскій; онъ ученѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, а можетъ быть даже и ученѣе своего тестя, самого раби-Шраге“. И этотъ замѣчательный человѣкъ — Мордхе сынъ Нохума! Мордхе, котораго всѣ N—скіе евреи знали съ семилѣтняго возраста!.. Можно ли удивляться, что весь городъ ликуетъ на свадьбѣ Мордхе?

А отецъ его, раби-Нохумъ? Мое слабое перо отказывается описать его восторгъ и душевное умиленіе, когда онъ видѣлъ своего сына и молодую невѣсту, выступавшихъ изъ подъ балдахина, а старая кухарка Двойре несла передъ ними большой калачъ и граціозно прыгала и танцовала по грязи. Радостныя слезы такъ и лились изъ его глазъ, когда онъ танцовалъ съ своимъ

„сватомъ“ раби-Шраге, и тѣмъ болѣе, когда онъ услышалъ изъ устъ раби-Хаимъ-Авраамъ бадхена [1]) хвалебные вирши своему сыну.

И о чемъ прикажите еще разсказывать? Разсказать ли мнѣ о меламдѣ ребъ-Берль, который одѣлся медвѣдемъ и босый прыгалъ по всѣмъ улицамъ города? Разсказать ли мнѣ о ребъ-Элізеръ-шадхенѣ, который, для увеселенія жениха и невѣсты, залпомъ выпилъ десять рюмокъ водки? Упомянуть ли о красотѣ мѣднаго подсвѣчника, который старшина раби-Бейрехъ, подарилъ раввину Мордхе, какъ „свадебный подарокъ“. Распространиться ли мнѣ о замѣчательной рыбѣ, которую привезъ съ собою раби-Нохумъ и про которую всѣ приглашенные утверждали, что она имѣетъ „райскій вкусъ?“ Передать ли мнѣ объ удивительныхъ мелодіяхъ, которыя пѣлъ знаменитый канторъ ребъ-Лемехъ во время произношенія „семи благословеній“ [2]). Разсказать ли о Песеле и ея мужѣ Кальменѣ, которые... Но нѣтъ! Я лучше ничего не разскажу объ этихъ предметахъ и подобныхъ имъ, которымъ и числа нѣтъ... Скажу только, что человѣкъ, не присутствовавшій на свадьбѣ Мордхе и Эстеръ, не видѣлъ на своемъ вѣку истиннаго веселья.

Черезъ семь дней раввинъ Мордхе, который теперь называется: Докторъ Маркусъ Кизовичъ, уѣхалъ съ своей молодой женой въ Германію, на новое свое мѣсто жительства. Въ этотъ самый день, въ „памятной книгѣ еврейской общины“ города N записано было о всѣхъ чудесахъ, которыя они видѣли собственными глазами: во первыхъ, что покойная раввинша Малке преслѣдовала Мордхе во снѣ и на яву и недавала ему покоя, пока онъ не разрушилъ брачнаго условія, заключеннаго между нимъ и ея дочерью Песеле; во вторыхъ, что Эстеръ выздоровѣла отъ „страшной и тяжкой болѣзни“, въ ту самую минуту, когда ея „суженный“ разорвалъ свой союзъ съ ея сестрой; въ третьихъ, что Мордхе, въ вознагражденіе за это, достигъ высокой степени и сдѣлался рав-

[1]) *Бадхенъ*—свадебный шутъ.

[2]) На свадебномъ пиру у евреевъ произносятся семь благословеній.

виномъ въ другой „матери городовъ Израиля" и проч. и проч. „И все это, гласитъ памятная книга, писано и подписано по приказанію раввина и старшинъ общины, чтобъ знало далекое потомство, какъ велики и истинны слова нашихъ мудрецовъ, блаженной памяти: „Сорокъ дней до рожденія ребенка небесный голосъ провозглашаетъ: дочь такого-то предназначена такому-то". Счастливъ народъ, у котораго подобное совершается!.."

ПРОЗЕЛИТИЗМЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ІУДЕЙСТВА.

I.

Въ эпоху, когда религіозное чувство въ западной Европѣ, подъ вліяніемъ матерьялистическаго ученія французскихъ энциклопедистовъ и подъ ударами всеразъѣдающаго сарказма Фернейскаго мудреца, было глубоко потрясено въ своемъ основаніи, и всякая вѣра пошатнулась до того, что вѣровать во что бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ Бога, считалось даже чѣмъ то въ родѣ mauvais genre'а, — неприличнымъ и неопровержимымъ признакомъ необразованности и дурнаго тона; когда всѣ преданія, въ которыхъ культурные народы такъ долго искали и находили утѣшеніе и успокоеніе, одно за другимъ разбивались въ пухъ и прахъ, были лишены исторической достовѣрности и превратились въ ребяческую сказку, не имѣющую ни внутренняго смысла, ни внѣшней красоты формъ миѳологическихъ сказаній древнихъ Грековъ и Римлянъ,—въ эту самую эпоху—для спасенія образованнаго міра отъ язычества скептиковъ, появился—кто-бы могъ это подумать? — еврей, совершенно простой еврей, не имѣвшій никакихъ притязатій на аристократическое происхожденіе, уродливый, невзрачный, съ двумя горбами. Это былъ сынъ переписчика Торы (закона Моисея) Моисей изъ города Дессау, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Мендельсона. Словомъ глубокаго убѣжденія, съ теплымъ чувствомъ вѣры, съ краснорѣчіемъ древнихъ философовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сократовской простотой и безыскусственностью заговорилъ онъ о „Безсмертіи души", о высокомъ назначеніи человѣка, о его нравственномъ призваніи и обязанностяхъ, — и міръ съ едва понятнымъ въ наше время увлеченіемъ внималъ еврейскому

мудрецу, возвратившему ему потерянную вѣру. Богословы и философы, художники и поэты (Гердеръ, Глеймъ, молодой Гёте), государственные люди и монархи, женщины и мужщины читали и зачитывались его „Федономъ", который въ два года имѣлъ три изданія и вскорѣ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки, не исключая и русскаго. Спустя лѣтъ тридцать книга эта считалась уже устарѣвшей—и не безъ причины,—въ это время люди жили быстро, едва-ли не быстрѣе нашего, — но въ минуту своего появленія она произвела глубокое впечатлѣніе. Для характеристики того времени слѣдуетъ упомянуть, что даже многія, т. н. высокопоставленныя особы,—Герцогъ Брауншвейгскій, Князь Липпе-Шаумбергскій и другіе, — считали за особенную честь называться друзьями новаго еврейскаго Сократа. Въ тридцать лѣтъ, послѣдовавшихъ за первымъ изданіемъ Федона, человѣчество пережило многое; не удивительно поэтому, что слава Мендельсона померкла. Но онъ сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ великій долгъ, пробудивъ въ сердцахъ людей вѣру въ ихъ высокое призваніе, произнесъ строгій, нелицемѣрный приговоръ надъ обуявшими ихъ страстями, краснорѣчиво доказавъ, что земною, чисто матерьяльною, животною жизнью существованіе человѣка не ограничивается, что правило: „жить пока живется, а по насъ хоть трава не рости," — унижаетъ человѣка, низводитъ его на степень животнаго и въ концѣ концовъ приводитъ къ рабскому подчиненію „младшихъ братій" горсти погрязшихъ въ грѣхахъ старшихъ.

Какова бы однакожъ ни была послѣдующая судьба „Федона" (habent sua fata libelli), для насъ важенъ тотъ въ высшей степени странный фактъ, который, не будь онъ написанъ неизгладимыми чертами на страницахъ исторіи, показался бы намъ невозможнымъ, неимовѣрнымъ. Еврей Мендельсонъ, силою ума и краснорѣчія возбудилъ въ христіанахъ, превратившихся въ невѣрующихъ язычниковъ, эпикурейцевъ, вѣру въ личнаго Бога, въ безсмертіе души, въ высокое назначеніе человѣка на землѣ, вызвалъ въ ихъ сердцахъ освѣжающую бурю и усмирилъ ее надеждою на свѣтлое будущее—и, какъ-будто въ награду за этотъ подвигъ, христіанскій пасторъ Лафатеръ предложилъ ему—что-бы вы думали?—ни больше и ни меньше, какъ перейти въ среду тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ недавно еще спасъ отъ безвѣрія, пригласилъ его оставить свою глубокую вѣру, давшую ему силу на спасеніе другихъ, и броситься въ объятія лютеранской церкви, которой онъ же возвратилъ ея заблудившихся сыновей — подъ тѣмъ предлогомъ, что „такъ говорить, такъ мыслить, такъ чувствовать можетъ только человѣкъ, проникнутый христіанской истиной!"

Фактъ этотъ самъ по себѣ слишкомъ знаменателенъ, чтобы равнодушно обойти его. Но еще знаменательнѣе отвѣтъ Мендельсона, который мы приведемъ здѣсь потому, что онъ можетъ пролить надлежащій свѣтъ на занимающій насъ вопросъ: какъ относились и относятся евреи и іудейство къ прозелитизму? Et ab uno discite omnes.

Въ посланіи къ Лафатеру (1769 г.), Мендельсонъ, въ выраженіяхъ, не допускавшихъ никакой придирки даже въ то время, высказалъ ему открыто кучу горькихъ истинъ, которыя заставили Цюрихскаго пастора принести публичное покаяніе въ своемъ легкомысленномъ поступкѣ. „Съ юныхъ лѣтъ, писалъ Мендельсонъ, привыкъ я вдумываться и взвѣшивать на вѣсахъ разума основныя начала іудейства. Свѣтская мудрость и стремленіе къ т. н. изящнымъ наукамъ, была для меня не цѣлью, а средствомъ къ уразумѣнію значенія іудейства. О выгодѣ здѣсь и думать нельзя было, и если бы я, послѣ долгаго размышленія, пришелъ къ заключенію, что іудейство отжило свое время, то—что-же могло бы удержать меня прикованнымъ къ этой строгой съ виду, всѣми преслѣдуемой религіи? Конечно, не страхъ передъ моими единовѣрцами! Ихъ свѣтская власть слишкомъ ничтожна, чтобы они могли вредить кому-либо..." „Не могу отрицать, что я въ религіи нашелъ много человѣческихъ прибавленій и злоупотребленій—какія всякая религія съ теченіемъ времени воспринимаетъ въ себя. Но въ сущности моей религіи я вполнѣ убѣжденъ..." „Дурное мнѣніе, которое люди имѣютъ о евреяхъ, я всегда стремился опровергать добродѣтельною жизнью, а не полемическими сочиненіями. Моя религія, моя философія, мое гражданское положеніе заключаютъ въ себѣ самыя важныя причины, по которымъ я долженъ избѣгать религіозныхъ преній и въ моихъ литературныхъ трудахъ говорить только объ истинахъ, которыя должны быть одинаково важны для всѣхъ религій..." „Но какъ я ни убѣжденъ въ истинности іудейства, я никогда не считалъ себя вправѣ подвергать критикѣ другія вѣ-

рованія и скорбѣть о томъ, что другіе не вѣруютъ по моему образцу, потому что іудейство обязательно только для евреевъ. Оно такъ мало думаетъ о прозелитизмѣ, что раввины, на оборотъ, предписываютъ удерживать каждаго, кто желаетъ обратиться въ эту религію, различнаго рода предостереженіями...“ „Религія отцовъ моихъ не требуетъ и не допускаетъ распространенія; мы не должны посылать миссіонеровъ въ Индію или Гренландію—проповѣдывать отдаленнымъ народамъ нашу религію. Живи между моими современниками Солонъ или Конфуцій, я бы могъ, по правиламъ моей религіи, любить великаго человѣка, удивляться ему, и никогда не пришла бы мнѣ въ голову смѣшная мысль обратить Конфуція или Солона въ мою религію. Я считаю между своими друзьями много хорошихъ людей, не принадлежащихъ къ числу моихъ единовѣрцевъ; мы искренно любимъ другъ друга, и никогда сердце мое не нашептывало мнѣ тайно: „Какъ жаль бѣдной, прекрасной души!“ Мнѣ иной разъ можетъ казаться, что вотъ я подмѣтилъ въ моихъ согражданахъ національные предразсудки или ошибочныя религіозныя воззрѣнія, но я все-таки чувствую себя обязаннымъ молчать, если эти заблужденія не наносятъ непосредственнаго вреда ни естественной религіи, ни естественному закону человѣчности и даже, наоборотъ, случайно находятся въ связи со всѣмъ тѣмъ, что содѣйствуютъ добру. Правда, нравственность нашихъ поступковъ не заслуживаетъ этого названія, если она основана на заблужденіи. Но покамѣсть истина не вошла въ сознаніе людей, покамѣсть она не стала достояніемъ массъ и не можетъ еще дѣйствовать на народъ съ такою же силой, какъ вкоренившійся предразсудокъ,—до тѣхъ поръ этотъ самый предразсудокъ долженъ быть для каждаго друга добродѣтели едва-ли не святыней.“

Такъ говорилъ Мендельсонъ въ отвѣтъ на предложеніе—измѣнить вѣрѣ отцовъ. Былъ ли вызовъ Лафатера только случайнымъ явленіемъ, не имѣвшимъ никакихъ корней въ религіозномъ его міровоззрѣніи и исшедшимъ изъ личнаго его направленія? Былъ ли отвѣтъ Мендельсона, на оборотъ, только индивидуальнымъ воззрѣніемъ философа и мудреца, воспитаннымъ въ немъ не общимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ всѣхъ его единовѣрцевъ, а только частнымъ духовнымъ направленіемъ, проявившимся въ немъ въ видѣ

реакціи противъ унаслѣдованныхъ понятій? Отвѣтъ на эти вопросы читатель найдетъ на слѣдующихъ страницахъ. Покамѣстъ достаточно сказать, что хотя Лафатеръ и долженъ былъ публично сознаться въ своемъ легкомысленномъ и не обдуманномъ поступкѣ, однакожъ въ душѣ далеко не порицалъ самого себя и частнымъ образомъ сообщилъ Мендельсону, что, „если бы ему, Лафатеру, удалось просидѣть одинадцать дней въ посту и молитвѣ, то онъ непремѣнно обратилъ бы Мендельсона въ христіанство!!..“

Фактъ этотъ не единственный въ жизни Мендельсона. Громовое фіаско Лафатера не удержало добродушныхъ протестантовъ отъ желанія, во что бы то ни стало, спасти душу Мендельсона. Они не могли допустить мысль, что благородный, славный, честный, добродѣтельный Мендельсонъ, при всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, все таки вѣренъ іудейству—тому іудейству, которое имъ знакомо было изъ многихъ сочиненій еврейскихъ отступниковъ, въ родѣ Пфефферкорна и Эйзенменгера. Поводъ къ новымъ попыткамъ обратить Мендельсона въ христіанство подало его новое сочиненіе „Спасеніе Евреевъ“, написанное въ опроверженіе сочиненія Дома, требовавшаго для еврейскихъ общинъ права наказанія и исключенія непослушныхъ членовъ [1]).

Въ этомъ сочиненіи Мендельсонъ яснѣе развиваетъ свое мнѣніе „о правахъ церкви, ея власти и силѣ“. „Я долженъ признаться, говоритъ онъ, что никакъ не могу составить себѣ ясное понятіе объ этихъ выраженіяхъ. Я не знаю никакихъ личныхъ или вещныхъ правъ, связанныхъ съ мнѣніями извѣстнаго ученія и на нихъ опирающихся, такихъ правъ, которыя люди пріобрѣтаютъ, если они, въ виду вѣчныхъ истинъ, соглашаются съ извѣстными правилами, и которыхъ они лишаются, если они не могутъ или не желаютъ согласиться съ ними. Еще менѣе того понимаю я власти и правъ надъ мнѣніями, которыя будто бы раздаются религіей и принадлежатъ церкви. Истинная божественная религія не присвоиваетъ себѣ никакой власти надъ мнѣніями и сужденіями; она не беретъ и не даетъ никакихъ притязаній на земныя блага, никакого права на

[1]) „О гражданскомъ улучшеніи быта евреевъ“. Домъ, 1781 г. Одно изъ лучшихъ сочиненій по этому предмету.

пользованіе, владѣніе и присвоеніе чего либо, не знаетъ никакой другой силы, кромѣ силы привлекать и убѣждать умозаключеніями и сдѣлать людей счастливыми, посредствомъ убѣжденій. Истинная божественная религія не нуждается ни въ рукѣ, ни въ пальцѣ, она „духъ и сердце...“—„Никакой положительный законъ, основанный на явномъ или предполагаемомъ общественномъ договорѣ, не имѣетъ права обязывать человѣка имѣть одно какое либо извѣстное мнѣніе, или отвлекать его отъ того, которое онъ уже имѣетъ“. „Такъ какъ мнѣнія не непосредственно зависятъ отъ нашей воли, то мы сами не имѣемъ никакого другого права, кромѣ права—изслѣдовать ихъ, подвергать ихъ строгой критикѣ разума и безъ ихъ согласія—воздержаться отъ приговора надъ ними“. „Но это право нераздѣльно съ личностью и по природѣ вещей не можетъ быть отчуждаемо или перенесено на другихъ, какъ наше право утолять свой голодъ или право дышать“... „Я не понимаю, какимъ образомъ такой остроумный писатель, какъ Домъ, могъ сказать: „Какъ всякая церковная община, и еврейская должна имѣть право исключенія извѣстныхъ членовъ изъ своей среды на опредѣленное время или навсегда, а въ случаѣ сопротивленія приговоръ раввиновъ долженъ быть поддерживаемъ правительственной властью“. Всякая община, кажется мнѣ, можетъ имѣть право исключенія, — только не церковная, потому что такое право прямо противоположно ея цѣли. Цѣль церковной общины—общее назиданіе, участіе въ сердечныхъ изліяніяхъ, въ которыхъ мы выражаемъ нашу благодарность за благодѣянія Бога и нашу сыновнюю вѣру въ Его всеблагость. Какое право мы имѣемъ отказать диссиденту, человѣку другого образа мыслей, человѣку даже заблуждающемуся или даже отступнику—въ доступѣ, въ свободѣ принимать участіе въ этихъ назидательныхъ дѣяніяхъ? Противъ безпорядковъ и нарушеній благочинія дѣйствуютъ законы и полиція; но въ тихомъ и спокойномъ участіи нельзя отказать даже и преступнику, если мы не хотимъ закрыть передъ нимъ двери къ возврату. Богослужебный домъ разума не долженъ имѣть запирающихся дверей. Внутри ему нечего скрывать, а извнѣ — не передъ кѣмъ закрывать свои двери“... „Люди, повидимому, согласились считать внѣшнюю форму богослуженія, церковь, юридическимъ лицемъ, имѣющимъ свои собственныя права и обязанно-

сти, и предоставили ей большую или меньшую власть защищать свои права и заставлять уважать ихъ посредствомъ внѣшняго принужденія. Никто не находитъ противнымъ здравому смыслу называть въ каждомъ государствѣ одну какую либо изъ этихъ юридическихъ лицъ господствующей церковью, которая поступаетъ съ своими сестрами по своему благоусмотрѣнію: то пользуется предоставленной ей властью, чтобы угнетать ихъ, то настолько великодушна, что терпитъ ихъ и удѣляетъ какой нибудь изъ нихъ столько изъ своихъ собственныхъ привилегій, притязаній и силы, сколько ей заблагоразсудится. И такъ какъ право подвергать отлученію и исключенію было всегда первымъ правомъ, которое господствующая церковь дарила терпимой церкви, то Домъ требуетъ и для еврейской религіи того же права. Покамѣстъ всѣ другія церковныя общины имѣютъ это право исключенія, Домъ считаетъ такого рода ограниченіе въ правахъ еврейской общины непослѣдовательнымъ. Но если выраженія „богослужебныя права на земныя вещи“, „богослужебная власть“, „богослужебное право принужденія“ — слова безъ смысла, а „исключеніе“ вообще не можетъ быть названо „богослужебнымъ“ (что мнѣ кажется несомнѣннымъ), то пусть уже лучше останемся непослѣдовательными, чѣмъ увеличивать число злоупотребленій“.

„Я нахожу, что мудрые предки наши не изъявляли притязанія на право исключенія изъ богослужебныхъ дѣйствій. Когда царь Соломонъ окончилъ зданіе храма, онъ включилъ въ свою торжественную молитву и иностранцевъ, стало-быть, — въ его время—язычниковъ; онъ простеръ руки свои къ небу и сказалъ: „Когда и чужестранецъ, не принадлежащій къ дому народа Твоего Израиля, придетъ изъ чужой страны ради имени Твоего, для молитвы въ этомъ домѣ, то внемли ему въ Твоихъ небесахъ, исполни все, о чемъ будетъ просить Тебя чужестранецъ, для того, чтобы всѣ народы земли признали Твое имя, чтобы боялись Тебя, какъ Твой народъ Израиль“. (Книга Царствъ гл. 8). Точно также и раввины наши предписывали принимать добровольныя жертвы и приношенія отъ язычниковъ; что же касается самихъ евреевъ, то даже преступникамъ, пока они несовершенно отступились отъ религіи, нельзя отказать въ принятіи отъ нихъ жертвъ, для того, чтобы они имѣли случай и поводъ къ исправ-

ленію (Трактатъ Хулинъ, листъ 5, стр. 1). Такъ думали наши предки въ то время, когда они дѣйствительно имѣли возможность, силу и власть быть исключительными въ богослужебномъ отношеніи,—а мы, осмѣлимся ли мы исключать диссидентовъ изъ нашихъ едва терпимыхъ церковныхъ собраній?".

Эти мнѣнія могутъ показаться намъ, людямъ второй половины XIX вѣка, старыми, всѣмъ извѣстными, не подлежащими никакому сомнѣнію, хотя они и въ наше время далеко еще не всѣми и не повсюду признаются несомнѣнными. Но современниковъ Мендельсона они поразили своею новизной, смѣлостью и логичностью. Въ тоже время имъ казалось, что и высказывать такія мысли въ такой убѣдительной формѣ могъ только человѣкъ, самъ освободившійся отъ предразсудковъ,—и отсюда уже не далеко было до предположенія, что такъ не можетъ говорить еврей, оставшійся вѣрнымъ своимъ религіознымъ мнѣніямъ, и что Мендельсонъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ къ іудейству:

Nathan! Nathan!
Ihr seyd ein Christ! — Bei Gott, Ihr seyd ein Christ,
Ein bess'rer Christ war nie —

восклицаетъ послушникъ въ „Натанѣ" Лессинга, — потому что даже честные люди въ своей добродушной близорукости готовы предполагать добродѣтель только въ тѣхъ, которые раздѣляютъ одинаковыя съ ними религіозныя убѣжденія, и рѣдко возвышаются до высоты мысли Натана—Мендельсона, чтобы сказать:

Wohl uns! Denn wass mich euch zum Christen macht,
Das macht euch mir zum Juden!

Этотъ отвѣтъ данъ Мендельсономъ анонимному почитателю его изъ христіанъ, который, послѣ появленія „Спасенія Евреевъ", въ статьѣ: „Forschungen nach Licht und Wahrheit" старался убѣдить его, что онъ, наконецъ, „сбросилъ маску, присталъ къ религіи любви и обратился спиною къ унаслѣдованной имъ религіи, которая знаетъ только проклятія и наказанія". Дѣйствительно, ученымъ тогдашняго времени казалось страннымъ, что еврей отвергаетъ права церкви и власть ея надъ мнѣніями своихъ членовъ, тогда какъ Талмудъ, по ихъ предположенію, есть ничто иное, какъ памятникъ давленія, производившагося духовенствомъ на человѣческую совѣсть; что еврей говоритъ о свободѣ мыслей

и вѣроисповѣданія, тогда какъ, по вкоренившимся предубѣжденіямъ, іудейство дало первый примѣръ религіозной нетерпимости. „Разумъ, можетъ быть, и говоритъ, что всякое церковное право и власть духовнаго суда, которыми вынуждаются или ограничиваются мнѣнія—вещь, лишенная смысла; что невозможно выдумать такой случай, который могъ бы послужить основаніемъ или поводомъ къ возникновенію такого закона, и что искуство не можетъ создать, чего нѣтъ, хотя бы въ зародышѣ, въ самой природѣ,—но насколько ваши мысли объ этомъ предметѣ согласны съ разумомъ, настолько же онѣ прямо противорѣчатъ вѣрѣ отцовъ вашихъ, въ тѣсномъ смыслѣ, и правиламъ церкви, принятымъ не одними толкователями, но ясно выраженнымъ въ книгахъ Моисея. Здравый смыслъ не допускаетъ богослуженія безъ убѣжденія, и всякое вынужденное богослужебное дѣяніе перестаетъ eo ipso быть богослужебнымъ. Соблюденіе божескихъ заповѣдей изъ страха наказанія, за нарушеніе ихъ назначеннаго, ничтожно, какъ рабское поклоненіе, которое не можетъ быть угоднымъ Богу. А между тѣмъ несомнѣнно, что Моисей налагаетъ принужденіе и назначаетъ наказаніе за несоблюденіе богослужебныхъ обязанностей. Его статутное церковное право предписываетъ нарушителя субботы, хулителя божескаго имени и другихъ отступниковъ побивать камнями... Вся церковная система Моисея служила не только поученіемъ и наставленіемъ въ обязанностяхъ, но была связана съ самымъ строгимъ церковнымъ правомъ. Рука церкви была вооружена мечомъ проклятія. „Да будетъ проклятъ тотъ, говоритъ Моисей, кто не соблюдаетъ всѣхъ словъ закона сего" и т. д. И это проклятіе было передано въ руки первыхъ служителей церкви. Вооруженное церковное право всегда останется однимъ изъ главныхъ краеугольныхъ камней еврейской религіи и главнымъ пунктомъ въ системѣ вѣры вашихъ отцовъ. Какимъ же образомъ можете вы, мой дорогой Мендельсонъ, оставаться вѣрнымъ религіи вашихъ отцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, устраненіемъ ея краеугольныхъ камней, поколебать все ея зданіе, если вы оспариваете данное черезъ Моисея и основанное на божественномъ откровеніи церковное право?" „Или, можетъ быть, сдѣланный вами теперь замѣчательный шагъ—есть шагъ къ осуществленію выраженнаго относительно вашей личности желанія Лафатера? Вы, безспорно, послѣ

этого повода, ближе разсмотрѣли христіанство и съ безпристрастіемъ неподкупнаго судьи взвѣсили цѣну христіанской религіозной системы, являющейся въ разнообразныхъ видахъ и измѣненіяхъ. Быть можетъ, вы теперь стали ближе къ религіи христіанъ, такъ какъ вы разорвали желѣзныя оковы рабства, налагаемыя церковью, и сами теперь проповѣдуете систему свободы разумнѣйшаго богослуженія, которое носитъ на себѣ печать христіанскаго богопочитанія, освободившаго насъ отъ принужденія и тягостныхъ обрядовъ и позволившаго намъ не связывать истиннаго богослуженія ни съ Самаріей, ни съ Іерусалимомъ, но находятъ сущность вѣры въ томъ, что, по словамъ нашего учителя, истинные вѣрующіе вѣруютъ въ Бога духомъ и во истинѣ".

Въ этихъ словахъ автора „Стремленія къ свѣту и истинѣ" съ замѣчательной ясностью изложенъ общепринятый взглядъ на іудейство, какъ на ученіе безотрадное, мрачное, знающее только проклятія и предлагающее своимъ послѣдователямъ оковы, вмѣсто утѣшенія, наказанія, вмѣсто надеждъ, знающее только грознаго мстительнаго Іегову, взыскивающаго на третьемъ и четвертомъ поколѣніи за грѣхи отцовъ. Возраженія анонимнаго писателя, были до того мѣтки—въ смыслѣ общепринятаго мнѣнія о іудействѣ,—что человѣка, менѣе знакомаго съ его духомъ, эти доказательства и доводы могли бы поставить въ тупикъ. Но Мендельсонъ не только хорошо изучилъ духъ іудейства, но былъ самъ проникнутъ имъ; вся его философія и свѣтская мудрость, которыя такъ нравились, увлекали и очаровывали его современниковъ, были, по его собственнымъ словамъ, ни что иное, какъ эманація духа іудейства. Исходя изъ общепринятаго понятія о іудействѣ, которое заставляло христіанъ предполагать, что оно не можетъ создать такихъ характеровъ и свободныхъ мыслителей, какъ Мендельсонъ, анонимный писатель естественно долженъ былъ противопоставить расшатавшемуся въ своемъ основаніи іудейству—свѣжее и крѣпкое христіанство. Но тутъ авторъ анонимнаго письма незамѣтнымъ образомъ впалъ въ ошибку, которой Мендельсонъ не могъ не увидѣть. „Если правда, говоритъ Мендельсонъ въ своемъ сочиненіи: „Іерусалимъ",—если правда что краеугольные камни моего дома расшатались и все зданіе грозитъ разрушеніемъ, то благоразумно ли съ моей стороны перенести мое имущество изъ нижняго

этажа въ верхній? Развѣ тамъ я безопаснѣе? Христіанство, какъ вамъ извѣстно, основано на іудействѣ и, въ такомъ случаѣ, по необходимости, если это послѣднее падетъ, оно должно пасть вмѣстѣ съ нимъ. Вы говорите, что мои выводы подкапываютъ основаніе іудейства, и предлагаете мнѣ безопасное мѣсто въ вашемъ верхнемъ этажѣ,—не долженъ ли я думать, что вы смѣетесь надо мною? Нѣтъ сомнѣнія, что христіанинъ, который серьезно ищетъ свѣта и правды, не станетъ, при кажущемся противорѣчіи между правдой и правдой, между разумомъ и писаніемъ, вызывать еврея на бой, но дружно будетъ съ нимъ искать, гдѣ и въ чемъ кроется это противорѣчіе. Здѣсь опасность грозитъ ихъ общему дѣлу. Ихъ споръ между собою они должны отложить въ сторону и прежде всего они должны общими силами устранить опасность и стараться открыть ошибку разума, или доказать, что ихъ испугало только кажущееся противорѣчіе".

„Я дѣйствительно не признаю никакихъ другихъ вѣчныхъ истинъ, кромѣ тѣхъ, которыя не только доступны человѣческому разуму, но и открыты посредствомъ человѣческихъ усилій и могутъ быть доказаны. Іудейство ничего не знаетъ о религіи откровенія въ принятомъ смыслѣ. Евреи имѣютъ божественное законодательство, законы, заповѣди, приказанія, правила жизни. Только такія правила и предписанія открыты Моисею путемъ чудеснымъ и сверхъ-естественнымъ; но не научныя мнѣнія, не истины для спасенія души, не общія правила разума. Эти послѣднія Богъ открываетъ намъ, какъ и всѣмъ людямъ, постоянно посредствомъ природы и дѣла, но никогда посредствомъ знаковъ письменныхъ и слова". „Откровенная религія совсѣмъ не то, что откровенное законодательство. Голосъ, который въ тотъ великій день возвѣстилъ на Синаѣ заповѣди, не говорилъ: „Я вѣчный твой Богъ, я существо необходимое, самостоятельное, всемогущее и всезнающее, которое воздаетъ въ будущей жизни человѣку по его дѣламъ". Это — общечеловѣческая религія, не іудейство; и здѣсь не должна, въ сущности не могла быть открыта общечеловѣческая религія. Кого могли бы убѣдить въ этихъ вѣчныхъ душеспасительныхъ истинахъ громовой голосъ и трубный звукъ? Безъ сомнѣнія,—не безмысленнаго животнаго,—человѣка, котораго собственное мышленіе еще не привело къ идеѣ о существованіи

невидимаго существа, управляющаго видимымъ міромъ. Такому человѣку чудесный голосъ не внушилъ бы понятія, стало быть, не могъ бы убѣдить его. Еще того менѣе могъ бы онъ убѣдить софиста, уши котораго заложены столькими сомнѣніями и мелочными придирками, что онъ не можетъ внять голосу здраваго человѣческаго разсудка. Разумный человѣкъ требуетъ разумныхъ основаній, а не чудесъ. И если даже учитель религіи вызоветъ изъ земли всѣ существа, которыя когда либо жили на ней, чтобы этимъ чудомъ подтвердить хотя бы одну вѣчную истину,—то и тогда благоразумный скептикъ скажетъ: „Учитель воскресилъ много мертвецовъ; но о вѣчной истинѣ я теперь столько же знаю, сколько прежде. Теперь я вижу, что можно творить необыкновенныя вещи, но какъ все это еще далеко отъ безконечно возвышенной идеи единаго, вѣчнаго божества, которое управляетъ всею вселенной по своей неограниченной волѣ, прозрѣваетъ самыя тайныя мысли людей и воздаетъ имъ по ихъ дѣламъ, если не здѣсь, то въ неизвѣстной будущности?“ — Кто не успѣлъ еще усвоить себѣ эти идеи, кто еще не былъ проникнутъ этими, необходимыми для человѣческаго счастья, истинами и неподготовленный пришелъ къ священной горѣ, того величественные, чудесные аксессуары могли только оглушить, ошеломить, но не научить лучшему или убѣдить въ чемъ либо. Но эти истины были народу извѣстны уже; онѣ были разъяснены и доказаны несомнѣннымъ образомъ человѣческими доказательствами, и когда всѣ уже были убѣждены въ нихъ, божественный голосъ произнесъ: „Я Господь, Твой Богъ, который вывелъ тебя изъ страны Мицраимъ, освободилъ отъ рабства“ и т. д.; — словомъ, предметомъ откровенія была не религіозная истина, но историческая, которая должна была послужить основой законодательства народа. Чудеса и необыкновенныя дѣйствія не могутъ служить доказательствами за или противъ вѣчныхъ истинъ. Само Писаніе предписываетъ намъ не слушаться пророка, который совѣтуетъ или учитъ предметамъ, противнымъ извѣстнымъ уже истинамъ, если онъ даже подкрѣпляетъ свое посланіе чудесами; мало того, Писаніе предписываетъ даже убивать чудотворца, если онъ проповѣдуетъ идолопоклонство... Вообще іудейство вовсе не предписываетъ вѣры и только требуетъ знанія и сознанія, оно воодушевляетъ къ изученію закона.“ „Между всѣми повелѣніями и предписаніями Моисеева закона ни одно не гласитъ: Ты долженъ вѣрить или не вѣрить, но всѣ гласятъ: ты долженъ или не долженъ дѣлать. Вѣра не подчиняется приказаніямъ, потому что она не принимаетъ никакихъ другихъ велѣній, кромѣ тѣхъ, которыя сообщаются ей путемъ убѣжденія... Если вы хотите знать квинтэссенцію всѣхъ законовъ и предписаній іудейства, то послушайте, какъ опредѣлилъ ее великій народный учитель Гилель Старшій, жившій до разрушенія втораго храма. Язычникъ обратился къ нему со словами: „Равви! Научи меня всему закону, пока я буду стоять на одной ногѣ!“ Шамай, къ которому онъ прежде обратился съ этимъ предложеніемъ, прогналъ его съ презрѣніемъ; но Гилель, знаменитый своей непоколебимой ласковостью и спокойствіемъ, отвѣчалъ ему: „Сынъ мой! Люби ближняго какъ самого себя—вотъ весь законъ; все остальное есть ни что иное какъ толкованіе; теперь иди—учись!“ Обрядовой законъ, данный Моисеемъ, долженъ былъ противодѣйствовать склонности человѣка превращать внѣшнія формы въ сущность, наталкивая человѣка на мысль и заставляя его ежеминутно вдумываться въ значеніе и смыслъ предписанія...“ „Главная основа еврейской конституціи состояла въ правилѣ: людей слѣдуетъ понуждать къ дѣяніямъ, чтобы этимъ самымъ давать имъ поводъ къ размышленію“.—„Поэтому, всякое предписанное дѣйствіе, всякій обычай, всякій обрядъ имѣли свой особенный чистый смыслъ, находились въ тѣсной связи съ спекулятивнымъ разумѣніемъ религіи и нравственнаго ученія и должны были служить для мыслителя поводомъ къ размышленію о священныхъ предметахъ, или къ желанію поучаться у мудрыхъ людей“. „Въ Богомъ данной конституціи—государство и религія были одно и тоже. Отношенія человѣка къ обществу и отношенія его къ Богу совершенно совпадаютъ и никогда не могли придти въ столкновеніе. Гражданскія учрежденія имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозное значеніе, гражданская служба была вмѣстѣ съ тѣмъ служеніемъ Богу—потому что Богъ, создатель и хранитель, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и царь народа. Всякое согрѣшеніе, т. е. всякое противозаконное дѣйствіе есть неуваженіе къ Богу, какъ къ законодателю. Кто произноситъ хулу противъ Бога, тотъ совершаетъ государственное преступленіе, кто дерзновенно нарушаетъ святость субботы,

тотъ нарушаетъ основной законъ гражданскаго общества. Не невѣріе, не ложное ученіе и заблужденіе, только умышленное преступленіе противъ основныхъ законовъ государства и гражданскаго строя облагалось наказаніями. Но хотя всякое предписаніе исходило отъ Бога, однако же не всякое нарушеніе обложено наказаніемъ, такъ нарушенія законовъ и обрядовъ, не относящихся къ политическому устройству государства, не влекло за собою никакого наказанія въ семъ мірѣ, а въ загробной жизни (о которой впрочемъ Библія никогда не упоминаетъ)"... „Съ разрушеніемъ втораго храма, по постановленію раввиновъ, всѣ тѣлесныя наказанія были отмѣнены: гражданскіе узы націи были разорваны и религіозныя нарушенія перестали быть государственными, а религія, какъ религія, не знаетъ наказаній". „Но тѣмъ неменѣе исполненіе закона для всякаго еврея есть нравственная обязанность, и ничто не можетъ освободить его отъ этой обязанности, такъ же, какъ ничто не можетъ освободить его отъ обязанности мыслить". „Даже принявшій христіанство не можетъ освободить себя отъ закона, потому что самъ Іисусъ изъ Назарета никогда не говорилъ, что Онъ пришелъ освободить домъ Іакова отъ закона; наоборотъ, онъ предписывалъ исполненіе его, и что еще важнѣе, самъ исполнялъ его. Онъ соблюдалъ не только законы Моисея, но и предписанія раввиновъ. „Кто не рожденъ въ законѣ, тотъ не долженъ связываться закономъ, но кто рожденъ въ законѣ, тотъ долженъ жить по закону и умереть по закону" — вотъ евангелическое правило, оно же вмѣстѣ съ тѣмъ основное правило іудейства, и если послѣдователи Іисуса позволяли себѣ впослѣдствіи освобождать и евреевъ отъ закона, то это безъ сомнѣнія совершалось не на основаніи его авторитета". „А вы, дорогіе братья и ближніе, кончаетъ Мендельсонъ свое разсужденіе, вы, которые исповѣдуете ученіе Іисуса, — можете ли вы порицать насъ за то, что мы исполняемъ законы, которые исполнялъ и подтвердилъ самъ основатель вашей религіи?

Имѣлъ ли Мендельсонъ право такъ говорить? Дѣйствительно ли все, что онъ сказалъ о настоящемъ предметѣ, не только согласовалось съ духомъ іудейства, но прямо истекало изъ него? Или можетъ быть философское образованіе, свѣтъ новѣйшей мудрости, такъ постепенно измѣняли его унаслѣдованныя понятія, что онъ самъ, незамѣтно для себя, превратился въ другаго человѣка, и если не былъ христіаниномъ, то не былъ и евреемъ? Словомъ, давала ли ему исторія, общая и еврейская, право и основаніе отвергать отъ имени іудейства власть церкви надъ человѣческой совѣстью, или эти право и основаніе онъ черпалъ изъ своей свѣтской мудрости, которая, можетъ быть, находилась въ противорѣчіи съ іудействомъ? Отвѣтъ на это читатель найдетъ ниже.

II.

Исторія евреевъ, духъ ихъ законодательства, ихъ собственный характеръ до того были искажены въ изображеніяхъ недобросовѣстныхъ или просто ограниченныхъ и необразованныхъ историковъ и ученыхъ, что многимъ, даже безпристрастнымъ читателямъ покажется страннымъ, если мы скажемъ, что великія блага цивилизаціи — свобода совѣсти и равенство людей передъ закономъ, не смотря на ихъ происхожденіе и вѣроисповѣданіе — которыя такъ дорого обошлись человѣчеству, были не только знакомы еще древнимъ евреямъ, какъ теоретическіе принципы, но составляли краеугольный камень ихъ нравственнаго и политическаго существованія, что эти начала всегда жили какъ въ ихъ законодательствѣ, такъ и въ ихъ народномъ сознаніи, и никогда не покидали ихъ во время долгаго и печальнаго странствованія. „Палестина всегда представлялась мнѣ какъ уголокъ Европы въ Азіи", говоритъ Гейне, и конечно — прибавимъ мы — не той Европы, которая зажигала костры для еретиковъ, но той, знаменемъ которой была свобода совѣсти и убѣжденій. Изъ всѣхъ народовъ міра, являющихся въ исторіи представителями религіозной идеи, одни евреи не знаютъ прозелитизма. Ихъ исторія не знаетъ примѣровъ поголовнаго совращенія другихъ племенъ въ свою религію, и страницы ея не запятнаны разсказами о религіозныхъ войнахъ[1]). Такое рѣдкое явленіе давно уже обратило на себя

[1]) Единственное исключеніе изъ этого общаго правила представляетъ принужденіе идумеевъ принять еврейство во время господства Маккавеевъ — принужденіе, которое вскорѣ отомстило за себя, приведши къ истребленію семейства

вниманіе мыслителей и историковъ, которые старались объяснить этотъ фактъ, каждый по своему. Одни приписываютъ его ихъ племенной гордости, другіе ихъ исключительности и партикуляризму, третьи, наконецъ, объясняютъ этотъ фактъ ихъ незавиднымъ положеніемъ между другими народами. Евреи были вездѣ и повсюду преслѣдуемы, — гдѣ же имъ было думать еще о распространеніи своихъ религіозныхъ идей, тѣмъ болѣе, что такое распространеніе всегда связано было съ большою опасностью для ихъ жизни и имущества?

Сила вкоренившихся предразсудковъ до того могущественна, что даже тѣ, противъ которыхъ они направлены, исподволь начинаютъ признавать ихъ и съ теченіемъ времени считаютъ ихъ неопровержимыми истинами. Въ числѣ другихъ обвиненій противъ евреевъ, обвиненіе въ замкнутости и исключительности играетъ весьма важную роль въ ихъ судьбѣ, и въ то время, какъ цѣлый рядъ другихъ обвиненій падаетъ мало по малу самъ собою отъ дѣйствія науки и цивилизаціи — обвиненіе въ замкнутости продолжаетъ высказываться не только невѣжественными христіанскими, но подчасъ и иными еврейскими quasi-учеными. А между тѣмъ вся исторія, все законодательство евреевъ доказываютъ совершенно противное. Нѣтъ народа общительнѣе евреевъ, способнаго такъ скоро усвоивать себѣ нравы, обычаи, языкъ и даже литературу другихъ народовъ. Какъ только евреи въ какой либо странѣ получаютъ человѣческія права, они тотчасъ вступаютъ въ историческую колею ея и вмѣстѣ съ господствующимъ народомъ, такъ сказать, дѣлаютъ ея исторію, переживаютъ ея судьбы, участвуютъ въ ея торжествахъ и раздѣляютъ ея бѣдствія. Нѣтъ народа, у котораго существовало бы менѣе таинственныхъ обрядовъ, чѣмъ у евреевъ. Нѣтъ почти области доступнѣе для изслѣдованія, чѣмъ жизнь, характеръ и свойства евреевъ: ихъ священныя книги приняты всѣми христіанскими народами, ихъ разговорный языкъ—по большей части языкъ тѣхъ народовъ, между которыми они живутъ, или

Маккавеевъ и къ восшествію на престолъ Ирода. Талмудъ указываетъ на этотъ фактъ, какъ на кару Божію за нарушеніе одного изъ основныхъ законовъ человѣчества и доходитъ до того, что приписываетъ ему разрушеніе храма и уничтоженіе еврейской самостоятельности.

жили прежде, языкъ ихъ литературы преподается во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, ихъ исторія открыта для всѣхъ, ихъ школы и храмы никогда не запираются ни передъ кѣмъ, и желающему стоитъ только вступить въ нихъ, чтобы имѣть возможность изучать ихъ въ этой сферѣ. Даже ихъ домашняя жизнь доступна всякому, кто приходитъ къ нимъ не въ качествѣ грознаго исполнителя тягостнаго закона или любопытнаго соглядатая и злобнаго насмѣшника, а въ качествѣ друга и добраго знакомаго. Но такихъ охотниковъ нѣтъ. И вотъ являются такія личности, какъ Пфеферкорны, Ицыкзоны, Брафманы, которыя, эксплуатируя общее невѣжество, открываютъ христіанскому міру небывалыя тайны еврейской жизни, на основаніи которыхъ строится цѣлая система обвиненій въ небывалыхъ порокахъ [1]).

Іудейство никогда не было избѣгающимъ свѣта сектаторскимъ ученіемъ, послѣдователи котораго отправляютъ свои религіозные обряды въ подпольяхъ: на оборотъ, евреи, вмѣстѣ съ другими гражданскими правами, всегда добивались права исповѣдывать свою религію открыто, передъ цѣлымъ свѣтомъ, права не скрывать передъ людьми ни одной іоты изъ своихъ законовъ, обрядовъ и вѣрованій, но имъ отказывали въ этомъ правѣ, отказывали въ самомъ естественномъ средствѣ защиты противъ обвиненія въ замкнутости, въ скрытности, въ таинственности, и отказывали, какъ будто только для того, чтобы имѣть поводъ продолжать обвинять ихъ въ этихъ порокахъ. Какъ только евреи гдѣ либо освобождаются отъ этого роковаго проклятія, тяготѣющаго надъ ними, падаетъ сама собою стѣна, отдѣлявшая ихъ отъ другихъ народовъ. Даже отличіе въ пищѣ, которое приводится обвинителями евреевъ для подтвержденія ихъ обособленности, не въ состояніи удерживать ихъ отъ

[1]) Кто напр. осмѣлится въ наше время написать книгу „о тайныхъ еврейскихъ общинъ“ во Франціи, Англіи, Америкѣ, или Германіи, обнародовать вымышленные протоколы засѣданій представителей еврейскихъ общинъ и на ихъ основаніи доказывать, что евреи — чужеядное растеніе въ эдемѣ Европы, не рискуя воздвигнуть противъ себя общественное мнѣніе и прослыть пошлымъ мистификаторомъ и презрѣннымъ клеветникомъ? Это возможно еще только въ нашемъ отечествѣ, гдѣ евреи, ихъ жизнь, ихъ исторія, языкъ и литература есть еще terra incognita даже для большинства образованныхъ людей.

дружескихъ, братски тѣсныхъ сношеній съ послѣдователями другихъ исповѣданій. Мало того, евреи не рѣдко вступаютъ въ брачный союзъ съ христіанами тамъ, гдѣ это дозволено государственнымъ закономъ [1]).

Изъ сказаннаго для читателя ясно будетъ, что отсутствіе совратительныхъ стремленій у евреевъ лежитъ не въ ихъ замкнутости, потому что этой самой замкнутости вовсе нѣтъ между евреями. Еще менѣе того можно приписывать его племенной гордости, или гоненіямъ, которымъ евреи подвергались, и угрозамъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ нѣкоторыхъ законодательствахъ европейскихъ государствъ. Всякій народъ, не потерявшій сознанія своей національности, считаетъ себя выше и лучше другихъ. Но это чувство собственнаго превосходства не помѣшало же европейскимъ народамъ быть главными орудіями въ рукахъ духовенства для распространенія религіозныхъ идей, и если бы евреи въ своей религіи, вошедшей въ ихъ плоть и кровь, встрѣтили малѣйшее поощреніе къ прозелитизму, то племенная гордость только поддерживала бы въ нихъ страсть къ размноженію прозелитовъ. Что же касается до наказаній, назначаемыхъ закономъ за совращеніе, то они всегда и вездѣ

[1]) Еврейскій парламентъ, созванный въ 1806 г. Наполеономъ I, на вопросъ: можетъ ли еврей сочетаться бракомъ съ не-еврейкой? отвѣчалъ утвердительно. Въ мотивахъ къ этому отвѣту сказано, что съ библейской точки зрѣнія бракъ запрещался только съ языческими народами Ханаана и что на этомъ основаніи талмудъ допускаетъ смѣшанные браки съ не язычниками, къ числу которыхъ принадлежатъ европейскіе народы. „Раввины, конечно, отнеслись бы не сочувственно къ подобнымъ бракамъ, — наивно и искренно говорится дальше въ протоколѣ парламента, потому что къ такому браку трудно было бы примѣненіе установившагося церемоніала, но вѣдь и католическое духовенство порицаетъ подобные браки и отказывается давать имъ свое благословеніе, между тѣмъ какъ евреи, у которыхъ нѣтъ духовенства въ собственномъ смыслѣ этого слова, могутъ легко обойтись безъ соучастія раввина въ совершеніи брака; во всякомъ случаѣ еврей или еврейка, вступившіе въ смѣшанный бракъ продолжаютъ считаться членами религіозной общины, даже самими раввинами“. Такъ говорили въ 1806 году люди, которыхъ обвиняли въ томъ же, въ чемъ нынѣ у насъ въ Россіи продолжаютъ еще обвинять евреевъ: въ замкнутости и въ обособленности. А эти люди, надобно замѣтить, вовсе не принадлежали къ числу такъ называемыхъ послѣдователей Мендельсоновой школы; наоборотъ, большую часть изъ нихъ мало-мальски образованные русскіе евреи назвали бы теперь фанатиками.

оказывались слишкомъ слабымъ средствомъ, чтобы запугать фанатиковъ.

Главною и единственною причиною отсутствія духа прозелитизма у евреевъ заключалось въ томъ, что у нихъ представителемъ религіи не была какая либо особая корпорація, какое либо особое учрежденіе, но законъ, равно всѣмъ доступный и одинаковый для всѣхъ. Религіозная идея, лежавшая въ основаніи еврейскаго царства, зависѣла отъ добровольнаго сознанія индивидовъ, составлявшихъ народъ, и въ силу этого добровольнаго сознанія, она сдѣлала изъ всего царства единую общину, сплоченную внутреннею связью, духовнымъ союзомъ, но она не поглотила всѣхъ умственныхъ силъ народа, не потопила ихъ въ массѣ церковныхъ учрежденій и не задушила индивидуальности въ объятіяхъ единой синагоги. Все государство было внѣшней формой ея существованія. „Вы всѣ для меня народъ священниковъ“, говоритъ Моисей своему народу, и поэтому онъ даже духовенству не далъ никакой власти надъ душею гражданъ. Религія была основой государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ общественнаго благоденствія, потому что она учила нравственнымъ началамъ, необходимымъ для существованія общества и государства; она не знала особенной, отдѣльной отъ народа и выше его стоявшей власти надъ умомъ и совѣстью индивидовъ. Нарушившій законъ наказывался не какимъ либо учрежденіемъ, но самимъ закономъ — и исторія евреевъ, за малыми исключеніями, не знаетъ вовсе примѣровъ преслѣдованія за свободномысліе, за иррелигіозныя тенденціи, потому что „все зависитъ отъ Бога, говоритъ талмудъ, за исключеніемъ „богобоязненности“, которая предоставлена волѣ человѣка“. Вотъ почему идея единобожія, въ продолженіи такого долгаго періода времени, могла оставаться въ тѣсныхъ границахъ небольшого клочка земли; вотъ почему еврейскій народъ не имѣлъ ни надобности, ни возможности думать о распространеніи своей власти посредствомъ религіи на другія національности. Не то мы видимъ въ исторіи новаго государства. Когда древній міръ распался въ своихъ основаніяхъ, когда онъ, подъ вліяніемъ всемогущаго Рима, сталъ неодушевленной массой всякихъ безобразій, тогда тотъ же самый Римъ, испорченный, развратившійся до мозговъ костей, ухватился за но-

вую идею, занесенную въ стѣны его бѣдными израильтянами, и самъ не разжевавъ ее хорошенько, окрасившись ею только извнѣ, измѣнилъ ее на свой ладъ и, придавъ ей своеобразную форму, принудилъ міръ, какъ и онъ неподготовленный къ ея пониманію, принять ее въ этомъ обновленномъ видѣ. Для распространенія своего господства римскіе епископы не только не останавливались ни передъ какими средствами, но даже смѣло нарушали основныя начала своего собственнаго вѣроученія. Не смотря на основной принципъ евангелическаго ученія: „отдавать Кесарево Кесарю, а Божіе Богу", такъ ясно отдѣлившій область религіи отъ области государства, не смотря на гоненія, которымъ христіанская церковь подвергалась въ Римѣ,—еще въ самомъ началѣ, при императорахъ, стало очевидно, что христіанская община должна вытѣснить императорскую власть и стать на ея мѣсто. Церковь сразу поставила себя выше государства и подчинила его себѣ прежде, чѣмъ оно успѣло окрѣпнуть и уразумѣть свое собственное назначеніе и цѣль. Уже тогда католическое духовенство имѣло вполнѣ ясно очерченный и выработанный идеалъ государственнаго строя, со всемогущимъ папой во главѣ, потрясающимъ міръ вѣчно готовыми къ его услугамъ небесными громами и безконтрольно управляющимъ земными. Духовенству казалось, что осуществить этотъ идеалъ дѣло нетрудное, и успѣло увѣрить человѣчество, что этотъ идеалъ освященъ самимъ Богомъ, предназначенъ для всего міра и предусмотрѣнъ въ священныхъ книгахъ евреевъ, ставшихъ принадлежностью всего христіанскаго міра. И вотъ папы взялись устраивать царство Бога на землѣ и осуществить задачу, неисполненную еврейскимъ народомъ. Тогда-то подъ вліяніемъ церкви, во имя религіи любви, за распространеніе власти папъ зажглись костры, полились рѣки крови, обагрявшія не только Западную Европу, но и безплодныя равнины Гата и Ашкелона. Невѣжественный міръ былъ обманутъ: ему подсунули подложный идеалъ государства, и онъ даже не замѣтилъ разницы между идеалами католическаго папства и библіи, выразившейся съ одной стороны въ лишеніи духовенства имущественныхъ правъ и всякой власти въ государствѣ, что обусловливало возможность прогресса и умственнаго развитія народа, — а съ другой въ безпримѣрномъ въ исторіи, возведенномъ въ принципъ, захватѣ всей власти, всей

мірской собственности, всѣхъ богатствъ міра сего и присвоеніи ихъ католическимъ духовенствомъ въ идеальномъ государствѣ папъ, что довело до невозможности прогресса и умственнаго развитія народовъ... Мало по малу начинало возникать сознаніе, что хорошая цѣль не достигается дурными средствами, что Богъ никогда не заповѣдалъ своимъ избранникамъ проповѣдывать Его царство съ мечемъ и огнемъ въ рукахъ, что Богъ предоставилъ землю людямъ, что, наконецъ, государство имѣетъ свои собственную цѣль, къ которой оно должно стремиться. Ближайшее знакомство съ исторіей показало, что католическое духовенство вовсе не заботилось о царствѣ Божіемъ, но о своихъ собственныхъ выгодахъ, и что система нравственныхъ захватовъ и умственнаго насилія была противна духу и принципамъ того самаго царства, которое церковь выставляла какъ первообразъ своего идеала.

Тѣмъ не менѣе вліяніе и господство церкви и папъ еще не совсѣмъ вытѣснены изъ государства; человѣческая совѣсть еще не вездѣ ограждена отъ давленія и представляетъ широкое поприще, на которомъ духовенство можетъ свободно производить свои опыты и упражненія. Государство еще до сихъ поръ не осмѣливается вполнѣ отказаться отъ роли меча въ рукахъ церкви,—доказательство тому — опять тѣ же евреи, которые какъ будто на то и назначены судьбою, чтобы служить угрожающимъ примѣромъ всѣмъ шаловливымъ дѣтямъ. Почему евреи не пользуются всѣми гражданскими правами во многихъ государствахъ? Потому ли что ихъ племенныя особенности ставятъ ихъ въ такое положеніе, что государство должно ограничивать ихъ свободную дѣятельность? Но вѣдь эти племенныя особенности не измѣняются съ перемѣною религіи, а между тѣмъ и у насъ еврей, съ перемѣною религіи, становится полноправнымъ гражданиномъ. Стало быть не племенныя особенности, каковы бы они ни были, играютъ здѣсь роль, но именно—религія, что уже положительно не совмѣстно съ принципомъ религіозной терпимости и рѣшительно противно свободѣ совѣсти. Все это, конечно, не частное явленіе, но слѣдствіе системы, опутывающей громадною сѣтью цѣлыя государства, цѣлые народы, цѣлыя племена. И между тѣмъ какъ духъ времени все болѣе и болѣе проникается полной свободой мысли и вѣрованій, церковь, поддержи-

ваемая матерьяльной силой государства, продолжаетъ исподволь увеличивать число своихъ приверженцевъ, привлекая ихъ къ себѣ не при помощи прямаго насилія, но косвеннаго — при помощи пропаганды и прозелитизма.

Нѣтъ сомнѣнія, что истинные миссіонеры, распространяя здравыя понятія нравственности и гуманизма тамъ, гдѣ эти понятія вовсе не существовали, или если существовали, то подъ такой формой, которая уничтожала самую ихъ сущность, оказываютъ человѣчеству неоцѣнимую услугу. Первые миссіонеры были вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми учителями общественной нравственности, первыми пахарями цивилизаціи. Но люди, на долю которыхъ выпадала эта важная задача, весьма рѣдко стоятъ на высотѣ современнаго имъ образованія; по большей части они принадлежали къ числу ярыхъ фанатиковъ, для которыхъ общечеловѣческое образованіе и цивилизація стояли не только на второмъ планѣ, но часто мѣшали имъ, и они тщательно заботились о томъ, чтобы новообращенные не вкусили отъ этого запрещеннаго плода. Случалось не рѣдко, что эти же самые распространители религіозныхъ идей, гдѣ это годилось для ихъ цѣлей и видовъ, являлись защитниками невѣжества и всякаго рода гнусныхъ пороковъ и иногда даже подстрекали къ преступленіямъ. Такъ дѣйствовали всегда и повсюду іезуиты—эти столбы католичества; такъ дѣйствовали подчасъ и сами папы, которые, заботясь о распространеніи католицизма, вмѣстѣ съ тѣмъ неоднократно освящали своими буллами рабство, торговлю неграми—противныя основнымъ принципамъ христіанства.

Пріобрѣтенія въ области матеріальной, распадаясь на такъ называемыя законныя и противозаконныя, имѣютъ достаточно ясно очерченныя, тѣмъ же закономъ опредѣленныя границы, и кто переступаетъ эту демаркаціонную линію подпадаетъ наказанію, закономъ налагаемому. Любостяженія въ сферѣ умственной не такъ легко даются разграниченію, не смотря на то, что съ перваго раза кажется вовсе нетруднымъ провести демаркаціонную линію между идеями полезными и вредными обществу. Исторія христіанства представляетъ тому разительные примѣры: извѣстно, что первые послѣдователи христіанства въ Римѣ подвергались преслѣдованіямъ и истязаніямъ за то, что они будто бы распространяли безнравственныя и вредныя обществу и государству идеи.

Кто опредѣлялъ тогда полезность или вредность этихъ идей? Конечно не разумъ, а грубая сила и невѣжество. И хотя одно уже это обстоятельство могло служить предостереженіемъ на будущее время для представителей христіанства, однакожъ, исторія представляетъ поразительный фактъ, что какъ только христіанство стало господствующимъ, границы полезности и вредности идей опредѣлялись такимъ же точно образомъ, т. е. при помощи грубой силы, невѣжества и насилія, во имя священнѣйшаго принципа всякой нравственности, во имя человѣколюбія и изъ желанія спасти душу ближняго отъ адскихъ мукъ. Такая растяжимость этого великаго принципа имѣла достаточно извѣстныя гибельныя послѣдствія. Наука и цивилизація древняго міра были изгнаны и человѣчество сдѣлало гигантскій шагъ назадъ. Но сила близорука и не вѣковѣчна, ея власть временная и приговоръ ея неокончательный; то, что она сегодня рѣшаетъ, завтра возникаетъ снова грознымъ неразрѣшеннымъ вопросомъ, и въ концѣ концовъ побѣда все-таки остается не за силою, а за разумомъ. Съ первыхъ дней владычества католическаго духовенства произнесенъ былъ неумолимый приговоръ надъ наукой и познаніями, надъ умомъ и свѣтомъ, надъ прогрессомъ мысли и пытливостью человѣческаго ума. Но этотъ приговоръ, написанный силою, былъ написанъ на пескѣ и вѣтеръ развѣялъ его [1]).

Провидѣнію угодно было, чтобы изъ дурнаго посѣва взошла благотворная жатва, чтобы нескончаемыя религіозныя войны привели къ

[1]) Омаръ приказалъ сжечь александрійскую библіотеку, говоря, что она безполезна—если все, что есть въ этихъ книгахъ, находится и въ Коранѣ, и вредна, если онѣ учатъ другому. Въ этомъ отношеніи онъ поступилъ ни чуть не хуже и не лучше католическаго духовенства, которое гораздо раньше его объявило, что „священныя книги уже содержатъ въ себѣ все, что необходимо и полезно знать людямъ“ и вслѣдствіе этого „вопросы геометріи, географіи, хронологіи, исторіи и всякой другой отрасли знанія были подвергнуты на рѣшеніе суду церкви“ (См. Дрэпера: Исторію умственнаго развитія Европы, т. I, стр. 259). Лактанцій Фирміанъ, одинъ изъ представителей той категоріи людей, которые всегда являются литературными защитниками господствующей системы, называлъ всякую науку и философію пустою и ложною, и ученіе о шарообразности земли—еретическимъ. Св. Августинъ

результату, противоположному той цѣли, за достиженіе которой они велись—къ свободѣ мысли и совѣсти. Можно только удивляться неисчерпаемой силѣ человѣческаго ума, который въ эту мрачную эпоху не только не одичалъ окончательно, но даже, въ то самое время, когда надъ нимъ висѣли на волоскѣ оба меча, — мечъ церкви и мечъ государства — встрѣчались люди, которые смѣло возвышали голосъ противъ господствующей системы, или въ тиши келій и кабинетовъ подготовляли рѣшеніе религіозныхъ вопросовъ въ смыслѣ полной религіозной свободы. Наука и цивилизація, т. е. истина и право мало по малу вынимали изъ рукъ церкви оружіе, которое она употребляла противъ нихъ и освобождали государство отъ ея всепоглощающаго господства, указавъ каждому изъ этихъ факторовъ исторіи ихъ опредѣленныя границы.

Но остановимся снова на взглядѣ съ іудейства на прозелитизмъ и на отношенія его къ иновѣрцамъ.

III.

Уже Мендельсонъ замѣтилъ, что одно изъ основныхъ началъ закона Моисея заключается въ томъ, что онъ исключительно данъ дому Израиля, что онъ обязателенъ только для него. „Васъ избралъ я своимъ народомъ, говоритъ Богъ устами Моисея, вамъ Я далъ мой законъ, мое ученіе, чтобы вы жили по нимъ,“—что же касается другихъ народовъ, то для нихъ онъ необязателенъ. Но отъ такаго дальновиднаго законодателя, какъ Моисей, не могло укрыться, что съ теченіемъ времени, когда народъ достигнетъ цвѣтущаго состоянія, онъ, по примѣру другихъ завоевательныхъ народовъ, легко можетъ увлечься до того, что, забывъ свое собственное, такъ сказать, демократическое происхожденіе, станетъ угнетать инородцевъ, посреди него живущихъ, и потому оказалось

утверждалъ, что существованіе людей на противоположной сторонѣ земли ложно, потому что писаніе не упоминаетъ о нихъ, говоря о потомкахъ Адама. Но не смотря на всю силу установившихся понятій, поддерживавшихся римскою церковью, сынъ ткача, генуезецъ Колумбъ, проникнутый идеями арабскихъ и еврейскихъ ученыхъ, доказалъ міру, какъ мало довѣрія заслуживаютъ идеи, охраняемыя этою силою.

необходимымъ поставить ихъ подъ защиту особенныхъ законоположеній. (Необходимо замѣтить, что иностранецъ библіи есть въ одно и тоже время и инородецъ и иновѣрецъ, т. е. язычникъ, непризнающій единаго Бога; онъ не принадлежитъ къ еврейскому племени и историческія судьбы и памятники израильтянъ не имѣютъ для него никакого значенія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что большая часть религіозно политическихъ постановленій, которыя имѣютъ только историческое значеніе и служатъ эмблемою союза народа съ Іеговой не могутъ имѣть никакой обязательной силы для инородца.)

Вступая въ Палестину, Израильтяне застали народы, которые находились уже не въ томъ первобытномъ идилическомъ состояніи, которое составляетъ предметъ воспѣваній поэтовъ, но въ состояніи гораздо худшемъ, чѣмъ дикіе народы нынѣшней Новой Зеландіи. Библія говоритъ о нихъ, что „земля по великимъ ихъ преступленіямъ, стала нечистой и в ы к и н у л а и х ъ“ (Левитъ, 18). Сверхъ того въ глазахъ Моисея и всего Израильскаго народа эти туземныя племена считались несправедливо захватившими наслѣдіе, по праву принадлежавшее потомкамъ Авраама, Исаака и Іакова. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Моисей рѣшился вытѣснить ихъ совершенно изъ Палестины, потому что только при полномъ истребленіи всѣхъ памятниковъ испорченной, выродившейся цивилизаціи туземцевъ возможно было устройство на новыхъ основаніяхъ идеальнаго государства Израильскаго [1]). Но Моисей предвидѣлъ, что практическое исполненіе этой мысли встрѣтитъ большія затрудненія. Уже самъ онъ, какъ мы видимъ изъ его поступковъ съ Аморитянскимъ Царемъ Сихономъ, отступилъ отъ первоначальнаго плана. Прежде чѣмъ вступить съ нимъ въ войну, онъ предложилъ ему миръ на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ (Числа, 21) и только послѣ отказа Сихона, принужденъ былъ объявить ему войну. Согласно съ этимъ онъ повелѣлъ Израильтянамъ не прибѣгать къ силѣ оружія, не попытавшись впередъ войти въ

[1]) „Вытѣсните всѣхъ жителей той земли передъ собою, истребите всѣ ихъ художества и всѣ ихъ кумиры, и всѣ ихъ алтари уничтожьте и наслѣдуйте эту землю и живите въ ней, ибо вамъ я назначилъ ее въ наслѣдіе“. Числа 33.

мирное соглашеніе съ народами и племенами, которыя занимают ихъ родовое наслѣдіе и только послѣ отказа ихъ—истреблять ихъ, щадя только женщинъ и дѣтей.

На самомъ дѣлѣ исторія поселенія евреевъ въ Палестинѣ показываетъ, что нѣкоторыя изъ первобытныхъ племенъ остались въ Палестинѣ и послѣ завоеванія ея евреями. (Судіи, 21—35). Еще въ царствованіе Давида Ебуситы жили въ Іерусалимѣ, Канааниты—въ равнинѣ Изреэль, посреди Манасина колѣна, Аморитяне—посреди колѣна Данова, и мн. др. Съ теченіемъ времени къ этимъ туземцамъ присоединились иностранцы, пріѣзжіе, переселившіеся въ Палестину изъ другихъ странъ, не принадлежавшихъ къ числу „семи ханаанитскихъ народовъ“, и такимъ образомъ образовались двѣ категоріи иновѣрцевъ, которыя въ библіи разумѣются подъ названіями „Т о ш а б ъ“, коренной житель, туземецъ, и „Г е р ъ“—пришлецъ. Обѣ эти категоріи составляли весьма многочисленный классъ жителей Палестины, который стоялъ подъ особою защитою законовъ Моисеевыхъ и обычаевъ, образовавшихся историческимъ путемъ. Изъ нѣкоторыхъ постановленій Моисея, строго предписывающихъ Израильтянамъ удаленіе отъ туземцевъ - идолопоклонниковъ вслѣдствіе крайней испорченности ихъ нравовъ, слѣдуетъ заключить, что туземцы, оставшіеся жить посреди еврев, приняли на себя извѣстныя обязанности, относящіяся къ охраненію общечеловѣческой нравственности. Въ самой библіи есть намеки на эти обязанности, а въ побиблейской литературѣ онѣ были сведены на с е м ь принциповъ, называемыхъ „семью заповѣдями Нахидовъ“ и заключающихся въ слѣдующемъ:

1) Учрежденіе судовъ для охраненія правоваго порядка. Имъ не предписывалось руководствоваться одними извѣстными законами, не навязывались судьи, — но они должны были быть у нихъ. Требовалось только, чтобы были законы, чтобы община управлялось ими, а не дикимъ произволомъ предводителя войска.

2) Не поклоняться идоламъ. Изъ нѣкоторыхъ намековъ библіи слѣдуетъ заключить, что идолопоклонство во времена Моисея сопровождалось людоѣдствомъ, приношеніемъ въ жертву дѣтей (Молохъ), крайнимъ распутствомъ, содомскимъ грѣхомъ — кровосмѣсительствомъ (Баалъ-Пеоръ) и т. п. противоестественными пороками, которые не могутъ быть терпимы въ какомъ бы то ни

было обществѣ людей, стоящихъ даже на самой низкой степени цивилизаціи.

3) Не хулить Верховное существо. Имъ не предписывалось признаніе единаго Бога, Бога Израиля, безтѣлеснаго существа, вѣчно сущаго, отъ нихъ не требовалось положительнаго признанія существованія Бога въ какой либо формѣ, а только требовалось, чтобы они, изъ привязанности къ своимъ пожирающимъ людей идоламъ, не богохульствовали, т. е. не совершали такихъ дѣйствій, которыя оскорбляютъ религіозное чувство ихъ еврейскихъ сограждан.

4) Не жить въ кровосмѣсительствѣ Моисей, какъ предусмотрительный законодатель, заботился о гигіенѣ народа, о его постоянномъ увеличеніи и благоденствіи. Между тѣмъ извѣстно, что кровосмѣшеніе разслабляетъ народъ, развращаетъ его нравственно и физически и приводитъ къ неминуемой гибели. Увеличеніе рода человѣческаго составляетъ естественную основу всякаго общежитія и оно принято библіей какъ естественное велѣніе, какъ заповѣдь природы человѣческой, нарушать которую никто не можетъ безнаказанно.

5) Не присвоивать себѣ противузаконнымъ образомъ чужой собственности. Право собственности въ своей основной формѣ есть главный рычагъ общежитія и безъ него не мыслима гражданская жизнь. [1])

6) Не питаться мясомъ отрѣзаннымъ отъ живаго животнаго. Человѣческая природа въ высшей степени впечатлительна

[1]) Впрочемъ право собственности у евреевъ, вслѣдствіе института юбилейнаго года и погашающей давности, не могло принять тѣ громадные размѣры, которые оно приняло въ Римѣ и, подъ вліяніемъ Римскаго права—въ остальной Европѣ. Вотъ почему нарушенія права собственности не получили въ еврейскомъ правѣ того уголовнаго характера, который они получили въ позднѣйшее время: они во всякомъ видѣ считались гражданскими правонарушеніями и влекли за собою гражданскія послѣдствія. По возвращеніи евреевъ изъ Вавилонскаго плѣненія учрежденіе Прозбула или „заявленія передъ судомъ“, ослабило нѣсколько институтъ погашающей давности, но не отмѣнило его окончательно, такъ что между евреями никогда не появлялась необходимость въ т. н. novae tabulae для ослабленія власти заимодавцевъ надъ должниками.

и воспрiимчива. Жестокость въ отношенiи къ животнымъ приводитъ къ жестокости въ отношенiи къ ближнимъ. Библiя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заботится и о домашнихъ животныхъ; такъ въ субботу „волъ и оселъ“ еврея должны отдыхать.

7) Не проливать человѣческой крови.

Легко видѣть, что эти семь заповѣдей Ноахидовъ не принадлежатъ исключительно какому нибудь одному законодательству: они представляютъ человѣческiя понятiя, основы всякаго общежитiя и человѣчности. Они ни что иное какъ praecepta juris, [2]) правила честности, человѣчности, и совпадаютъ въ нѣкоторомъ отношенiи съ praecepta juris римлянъ. Вѣроятнѣе всего, что и исполненiе этихъ семи заповѣдей не требовалось отъ нихъ и талмудъ сокращаетъ ихъ на три главныя:

1) Явное поклоненiе идоламъ, сопряженное съ противоестественными пороками;

2) Кровопролитiе или убiйство — и

3) Кровосмѣсительство.

И эти правила, какъ вышеприведенныя семь заповѣдей, излагаются не въ видѣ положительнаго закона, но отрицательно. Такъ, отъ не-евреевъ, для того, чтобы они могли пользоваться человѣческими правами, не требовалось, чтобы они исполняли всѣ правила, вытекающiя изъ основнаго принципа вѣры въ существованiе единоличнаго Бога, человѣколюбiя или высшей чистоты нравовъ, а требовалось только, чтобы они не впадали въ тѣ пороки, которые считаются явнымъ ихъ нарушенiемъ.

Отсюда видно, что всѣ жестокiя мѣры Моисея были направлены только противъ канаанитовъ, которые по своимъ противоестественнымъ порокамъ не могли состоять членами какого либо человѣческаго общества. Что же касается тѣхъ, которые согласились соблюдать приведенныя правила, то они, въ большей части случаевъ, считались равноправными израильтянамъ, съ тою только разницей, что послѣднiе обязаны были соблюдать множество законовъ, которые были необязательны для инородцевъ. Къ нѣко-

[1]) Heinecius, Elem. juris naturae et gentium 1 §, 16, называетъ эти семь заповѣдей Ноахидовъ велѣнiями разума, которыя не открыты Богомъ въ видѣ положительнаго закона, но внушены людямъ по ихъ природѣ.

торымъ народностямъ Моисей относится особенно строго; таковы: Амалекиты, Эдумеяне, Амонитяне и Моабитяне. Эти племена, во время странствiя евреевъ по Сирiйской степи, обошлись съ ними съ величайшею жестокостью. Не смотря на то, Моисей не дозволилъ евреямъ вступать съ ними въ войну, говоря, что „земля ихъ дана Богомъ потомкамъ Лота“. Только въ наказанiе за жестокое ихъ обращенiе съ евреями, Моисей повелѣлъ „не принимать ихъ до десятаго поколѣнiя въ израильскую общину“. Совершенно иначе относились израильтяне къ другимъ канаанитскимъ народамъ и къ народамъ, жившимъ внѣ Палестины и приходившимъ въ столкновенiе съ евреями.

Выше мы сказали, что библiя различаетъ главнымъ образомъ двѣ категорiи инородцевъ: 1) Тошабимъ—коренныхъ туземцевъ, оставшихся въ самой Палестинѣ и 2) Геримъ — чужеземцевъ-пришельцевъ, поселившихся въ Палестинѣ и прибывшихъ изъ дальныхъ странъ. Разсмотримъ здѣсь положенiе этихъ лицъ и отношенiя ихъ къ Израильтянамъ.

I. Тошабимъ. Исторiя древняго мiра, разказывающая намъ по большей части исторiю побѣдителей, рисуетъ положенiе побѣжденныхъ самыми мрачными красками. Рабство, какъ извѣстно, играло весьма важную роль въ древнемъ мiрѣ и ни одинъ культурный народъ не былъ свободенъ отъ этого позорнаго пятна. Побѣжденные туземцы, ближайшiе сосѣди, искавшiе защиты и покровительства побѣдителей, вслѣдствiе сознанiя своей слабости и невозможности бороться съ ними, даже далекiе иноземцы (перегрины) обыкновенно не пользовались никакими политическими правами, или пользовались только нѣкоторыми, состоя подъ покровительствомъ аристократическаго семейства (gens). И у древнихъ евреевъ существовало нѣчто въ родѣ клiентства, но оно далеко не было похоже на греко-римское и было основано на началахъ гуманности. Законодатель, повидимому, боролся между требованiями времени и между велѣнiями человѣколюбiя и только рѣдко уступалъ первымъ, въ надеждѣ, что съ теченiемъ времени эти уступки совершенно будутъ вытѣснены обычаемъ и развитiемъ. Институтъ рабства не могъ получить между израильтянами того развитiя, которое оно получило въ греко-римскомъ мiрѣ уже потому, что основной прин-

ципъ еврейскаго законодательства есть уваженіе къ человѣческой личности. Оно не знаетъ римской классификаціи людей на свободныхъ гражданъ и на рабовъ[1]). Всѣ еврейскіе граждане были по закону, по принципу, свободные люди: „они мои рабы и рабами другихъ быть не могутъ", говоритъ Богъ (Левитъ, 25, 55). Но не смотря на строгость этого принципа, допускались случаи временной подчиненности одной личности другой, которая имѣла нѣкоторое сходство съ рабствомъ. Такъ воръ, пойманный съ поличнымъ, въ случаѣ бѣдности и несостоятельности уплатить штрафъ, продавался—но не иначе какъ по рѣшенію суда—для выслуги и уплаты должной суммы, на извѣстный срокъ (Исходъ 22, 2). Отецъ имѣлъ право уступать свою малолѣтнюю дочь въ служанки, но хозяинъ ея не имѣлъ права переуступать ее чужому и обязанъ былъ или самъ жениться на ней, или женить на ней своего сына (Исходъ 21, 7). Здѣсь мы видимъ съ одной стороны уступку законодателя требованію времени и тогдашнему взгляду общества на женщину, а съ другой—такого рода условіе, которое само собою парализовало эту уступку и вполнѣ возстановляло достоинство оскорбленной человѣческой личности. Во всякомъ случаѣ и такого рода подчиненіе одной личности другой не могло продолжаться болѣе шести лѣтъ; на седьмой годъ рабъ освобождался по закону. Во время служенія хозяинъ обязанъ былъ обходиться съ нимъ „какъ съ наемникомъ". Въ случаѣ нанесенія ему раны или увѣчья хозяиномъ, онъ пріобрѣталъ свободу и могъ требовать отъ хозяина вознагражденія, какъ свободный человѣкъ. Пріобрѣтаемое имъ на сторонѣ имущество принадлежало ему, а не хозяину. Дѣти, прижитыя имъ даже во время служенія, но отъ свободной женщины, считались свободными.

Нѣсколько ярче выступаетъ уступчивость законодателя требованіямъ времени въ отношенія къ свободѣ личности канаанита.

Общее положеніе разныхъ канаанитскихъ племенъ въ цвѣтущее время еврейскаго царства было разное. Такъ Евуситы и Хитяне, какъ можно заключить изъ разсказа (Сам. II, 24, 20 и слѣд.) о Евуситѣ Аравнѣ, пользовались всѣми правами полноправныхъ

[1]) Omnes homines aut libri sunt aut servi. Gajus Jnst. 189.

гражданъ. Хитянинъ Уріа былъ изъ числа полководцевъ царя Давида и былъ даже женатъ на внучкѣ Ахитофеля, Батъ-Зебѣ, на которой впослѣдствіи женился Давидъ. Гатянинъ Итай считался другомъ и совѣтникомъ царя Давида и т. под. Иное было положеніе другихъ канаанитскихъ племенъ, съ которыми израильтянамъ пришлось вести борьбу при самомъ вступленіи въ Палестину. Они, какъ можно заключить изъ разсказа о Гибеонитахъ, (Іисусъ Навинъ, 9) занимали положеніе, нѣсколько сходное съ положеніемъ кліентовъ въ Римѣ. Гибеониты составляли, повидимому, самый низшій классъ кліентовъ — вѣроятно вслѣдствіе своей хитрости и трусости. Но и они не находились въ зависимости отъ какого нибудь патрона, рода, или семейства, какъ римскіе кліенты, а считались служителями алтаря, вслѣдствіе чего они и получили названіе Нетинимъ (т. е. отданные). Во всемъ остальномъ они считались лицами свободными и неприкосновенными и пережили разрушеніе перваго храма. По возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣненія они жили въ Іерусалимѣ, (Нехеміи 3, 26, Эздра 2, 28). Такъ какъ библія не упоминаетъ ни о какихъ другихъ племенахъ, которыя находились бы въ такомъ же положеніи, то отсюда слѣдуетъ заключить, что причиною ихъ исключительнаго положенія послужили, какъ мы сказали выше, особыя историческія событія. Впрочемъ и они съ теченіемъ времени по всей вѣроятности были уравнены въ правахъ со всѣми израильтянами, какъ слѣдуетъ заключить изъ разсказа (тамъ же) объ участіи ихъ въ востановленіи разрушенной Навуходносоромъ столицы наравнѣ со всѣми лучшими родами.

Какъ гражданинъ-израильтянинъ, такъ и туземецъ-канаанитъ могъ переходить изъ состоянія свободнаго гражданства въ состояніе рабства по тѣмъ же причинамъ, какъ и израильтянинъ: или вслѣдствіе добровольной продажи, или по рѣшенію суда. Плѣнъ, какъ способъ пріобрѣтенія рабовъ, существовалъ по всей вѣроятности не долго. Библія предусматриваетъ только плѣнъ рабыни и предписываетъ побѣдителю, послѣ совершенія ею извѣстнаго обряда — жениться на ней. „И будетъ, если ты не пожелаешь ее, то отпусти ее на волю; продавать же ее за деньги ты не можешь; не злоупотребляй ею послѣ того, какъ ты удручалъ ее". (Второзак. 20, 10 и слѣд.). Но между тѣмъ какъ законъ такъ гуманно

относится къ рабынѣ-чужестранкѣ—ставя ее наравнѣ съ рабыней израильтянкой, положеніе раба было гораздо хуже положенія раба еврея. Хозяинъ имѣлъ право наказывать его, но въ случаѣ нанесенія ему увѣчья, онъ безъ дальнѣйшаго разбирательства отпускался на волю (Исходъ, 21, 26, 27). За умышленное убіеніе его хозяинъ подлежалъ равному наказанію, какъ за убійство свободнаго человѣка (тамъ же). Жестокое обращеніе съ нимъ было положительно запрещено закономъ, ибо „евреи обязаны помнить, что сами они были рабами въ Египтѣ и потому знаютъ, каково на душѣ рабу". Раба, убѣжавшаго отъ хозяина, запрещалось выдавать: „Не выдавай раба, если онъ спасается къ тебѣ отъ господина своего". По праздникамъ и субботамъ, отъ соблюденія которыхъ онъ, какъ иновѣрецъ, былъ свободенъ, хозяинъ не могъ заставлять его работать. Но имущество его, пріобрѣтенное имъ даже на сторонѣ, считалось собственностью хозяина. Для него не установленъ шестилѣтній срокъ служенія и онъ переходилъ со всѣмъ имуществомъ хозяина къ его наслѣдникамъ. Только съ наступленіемъ юбилейнаго года онъ и его потомки освобождались отъ рабства [1]). Хозяину также предоставлялось право освобождать его добровольно, и сверхъ того нѣкоторыя дѣйствія его могли имѣть послѣдствіемъ освобожденіе раба, хотя бы хозяинъ и не выразилъ прямо, что онъ отпускаетъ его на волю; такъ напр., если онъ позволялъ ему жениться на свободной женщинѣ, то этимъ самымъ какъ бы заявлялъ, что отпустилъ его на волю.

Въ свободномъ состояніи онъ, какъ уже выше было замѣчено, пользовался всѣми гражданскими и политическими правами, что доказывается тѣмъ, что даже въ самое цвѣтущее время израильскаго царства Хитяне, Гитяне, Ебуситы, и др. были полководцами, владѣли недвижимою собственностію и, по всему видимому, имѣли право вступать въ бракъ съ израильтянами (Батъ-Зеба — жена Уріи Хитянина). Отъ соблюденія законовъ, относящихся къ религіи, онъ былъ вполнѣ свободенъ: онъ могъ употреблять пищу,

[1]) „Рабовъ и рабынь, которыя будутъ у васъ, у сосѣднихъ народовъ покупайте ихъ, а также изъ дѣтей туземцевъ, живущихъ посреди васъ, отъ нихъ покупайте, отъ ихъ семействъ, въ вашей землѣ прижитыхъ, и да будутъ они у васъ *во владѣніи* навѣкъ (т. е. до юбилейнаго года)." Левитъ 25, 44, 45.

которая запрещалась евреямъ, не обязанъ былъ соблюдать святости субботы и другихъ праздниковъ. Въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніи онъ находился подъ защитою общихъ законовъ. Вообще въ библіи нѣтъ никакихъ указаній, ограничивающихъ его личныя права.

II. Вторую категорію составляли инородцы—чужеземцы, переселявшіеся въ Палестину по какимъ бы то ни было причинамъ. Библія называетъ ихъ **герами**. Это люди, отказавшіеся навсегда или на продолжительное время отъ своей родины, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, и избравшіе Палестину своимъ вторымъ отечествомъ. Въ цвѣтущее время царства израильскаго этотъ классъ былъ довольно многочисленный. Изъ отношеній Тирскаго царя Хирама къ Соломону видно, что сосѣдніе народы находились въ близкихъ сношнніяхъ съ евреями. Частыя войны увеличивали постепенно этотъ классъ, и законъ Моисеевъ, предполагая ихъ живущими посреди евреевъ, относится къ нимъ съ особенною заботливостью. Впрочемъ и во времена Моисея посреди евреевъ уже были такіе **геры**; нѣтъ сомнѣнія, что въ возстаніи израильтянъ противъ тягостной власти Фараоновъ участвовали и другія національности, которыя находились въ такомъ же положеніи какъ и евреи, такъ что они уже изъ Египта вышли съ цѣлымъ контингентомъ чужеродцевъ. Этимъ и объясняются частыя повторенія постановленій о нихъ.

Общее правило относительно всѣхъ чужеземцевъ заключается въ часто повторяемомъ Моисеемъ принципѣ: „Любите чужеземца, ибо сами вы были чужеземцами въ странѣ Египетской" [1]). Это основное правило есть повтореніе и распространеніе на иновѣрцевъ гуманнаго принципа, составляющаго основу Моисеева законодательства и выраженнаго въ словахъ: люби ближняго какъ са-

[1]) „Не обманывайте чужеземца въ землѣ вашей живущаго,—да будетъ онъ для васъ какъ гражданинъ изъ васъ. Люби его какъ самого себя, ибо сами вы были чужеземцами въ землѣ Египетской (Левитъ, 19,34). „Не притѣсняй чужеземца, ибо сами вы были чужеземцами въ землѣ Египетской"... „Не обманывай чужеземца и не притѣсняй его" (Исходъ, 22, 20 и 23, 9). „Богъ любитъ чужеземца, даетъ ему одежду и хлѣбъ; любите чужеземцевъ, ибо вы сами были чужеземцами въ землѣ Египетской (Второзак. 10, 18, 19).

мого себя. Такой иновѣрецъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ равноправенъ гражданину-израильтянину: „какъ гражданинъ изъ васъ да будетъ онъ для васъ“, говоритъ Моисей. Никакихъ исключеній въ отношеніи личныхъ и имущественныхъ правъ его не допускалось: „Не крадите, не отрицайте правды, и не лгите каждый изъ васъ по отношенію къ подобнымъ вамъ людямъ. (Левитъ 19, 11). „Съ женой человѣка по подобію твоему созданному, не твори блуда, да не осквернишь ее (тамъ же 18, 20); и не удерживай платы за трудъ бѣднаго наемника, все равно изъ братьевъ ли онъ твоихъ, или изъ иностранцевъ въ землѣ твоей живущихъ,— въ тотъ же день отдай ему плату“. (Второзак. 24, 15). На судѣ онъ не только пользовался одинаковыми правами съ другими гражданами, но имѣлъ еще нѣкоторыя преимущества: библія приравниваетъ его къ сиротѣ, котораго самъ судъ долженъ защищать: „Не криви суда иностранца и сироты“. (Второзак. 24, 17). „Одинъ и тотъ же судъ долженъ быть у васъ—какъ для иностранца, такъ и для гражданина. (Лев. 24, 22). Какъ израильтянинъ и тошабъ, геръ имѣли равныя права въ отношеніи къ городамъ убѣжища, въ случаѣ непредумышленнаго убійства. Въ бѣдности онъ имѣлъ право на общественную помощь, наравнѣ съ израильтяниномъ и инородцемъ-туземцемъ (тошабъ): „когда обѣднѣетъ твой братъ, и рука его ослабнетъ при тебѣ, то поддержи его, все равно иноземецъ ли онъ или туземецъ, и да живетъ онъ съ тобою; не бери съ него роста и лихвы: не давай ему денегъ или пищи въ ростъ и лихву“. (Лев. 25, 35). Справедливо предполагая, что иностранецъ скорѣе можетъ впасть въ нужду, чѣмъ мѣстный житель, библія заботится о его положеніи и принимаетъ мѣры противъ его обѣднѣнія. Такъ какъ земля считалась собственностью Бога и роздана была колѣнамъ израильскимъ въ общинный надѣлъ, то само собою предполагалось, что иностранцу трудно будетъ достигнуть такого благосостоянія, чтобы имѣть возможность пріобрѣтать недвижимую собственность. Кромѣ того институтъ юбилейнаго года, въ который вся отчужденная израильтяниномъ недвижимая собственность возвращалась въ тотъ родъ, которому она была первоначально предназначена—ослаблялъ право собственности иноземцевъ. Вотъ почему библія и предписываетъ отъ каждой жатвы удѣлять извѣстную часть хлѣба иностранцамъ [1]). Въ этомъ отношеніи они не только были сравнены съ левитами, но имъ предоставлялось гораздо больше правъ. Извѣстно, что левиты, какъ лица духовныя, не получили никакого надѣла и не могли владѣть землею, между тѣмъ какъ иностранецъ, а также и туземецъ изъ числа побѣжденныхъ народовъ, могъ по закону пріобрѣтать себѣ недвижимую собственность, хотя онъ ни по вѣрѣ, ни по происхожденію не могъ считаться членомъ дома Іакова. Какъ геръ, такъ и тошабъ, могли даже пріобрѣтать рабовъ евреевъ на законномъ основаніи, причемъ они пользовались такими же правами, какими пользовался рабовладѣлецъ-еврей [2]).

Что же касается религіозныхъ обязанностей чужеземца, то онъ въ извѣстныхъ случаяхъ отличается отъ кореннаго туземца (тошаба). Въ то время какъ послѣдній не только совершенно свободенъ отъ соблюденія какихъ бы то ни было религіозныхъ постановленій, но въ большей части случаевъ онъ даже не допускался къ совершенію обрядовъ, (напр. пасхальныхъ)—пришлому чужеземцу предоставлялось право, въ случаѣ его желанія, примкнуть къ дому израилеву. Но такъ какъ подобнаго рода позволеніе могло грозить опасностью свободѣ совѣсти иновѣрца, то постановленія библіи относительно этого предмета отличаются большою осторожностью; по всему видимому законодатель старался не давать никакого повода думать, что онъ желаетъ привлеченія иновѣрцевъ къ закону, и въ то же время не хотѣлъ отнять у язычниковъ возможность, въ случаѣ ихъ добровольнаго пожеланія, присоединиться къ дому Іакова. Касаясь этого предмета, библія

---

[1]) „Пожиная жатву земли вашей, не снимай хлѣба съ окраинъ поля твоего и не подбирай упавшихъ колосьевъ: бѣдному и чужестранцу предоставь ихъ“. (Левитъ 19, 10 и 23, 22). „Когда станешь жать твою жатву и забудешь снопъ въ полѣ—не возвращайся убрать его,—иностранцу, сиротѣ и вдовѣ оставь его. Когда трясешь твое масличное дерево, не срывай всѣхъ плодовъ съ вѣтвей,—оставь ихъ чужестранцу, сиротѣ и вдовѣ“. (Второзак. 24, 19, 20). „Въ исходѣ каждаго трехлѣтія вывози десятую долю всего собраннаго тобою въ тотъ годъ хлѣба и оставь его у воротъ твоихъ, и придетъ левитъ, не имѣющій у тебя удѣла, и чужестранецъ и сирота и вдова—и да ѣдятъ они и насытятся“. (Второзак. 14, 29).

[2]) Когда обрящетъ рука чужеземца или туземца (тошаба), а братъ твой обнищавъ продастъ себя чужеземцу или туземцу въ рабство...“ (Лев. 25, 47).

говоритъ не о вѣрѣ, но о фактахъ совершившихся, или совершающихся, и только при наличности извѣстнаго факта указываетъ на его необходимыя законныя послѣдствія. „Когда чужеземецъ будетъ проживать съ вами, говорится въ библіи, и сдѣлаетъ пасху Господу, то да сдѣлаетъ онъ ее по закону о пасхѣ и по обряду ея". (Числа 9, 14). „Когда будетъ жить у тебя чужестранецъ и сдѣлаетъ пасху, да будутъ прежде обрѣзаны всѣ члены его дома мужскаго пола и тогда онъ можетъ приступить сдѣлать ее, какъ всякій гражданинъ земли, но необрѣзанный не можетъ ѣсть отъ нея". (Исходъ 12, 48). Здѣсь законодатель говоритъ о человѣкѣ, который на дѣлѣ доказалъ свое желаніе совершить обрядъ, установленный въ память важнѣйшаго историческаго событія, обрядъ, въ которомъ сверхъ того выражается союзъ между Іеговой и народомъ израильскимъ. Воспрети ему законодатель исполненіе его желанія присоединиться къ дому Іакова, онъ могъ бы навлечь на себя обвиненіе въ гордой замкнутости, въ презрѣніи къ другимъ людямъ; поэтому онъ предоставляетъ ему альтернативу, или отказаться отъ совершенія этого важнаго обряда, или сдѣлать шагъ, который не оставилъ бы никакого сомнѣнія въ его добровольномъ желаніи примкнуть къ дому Іакова. Никакого вознагражденія не назначаетъ ему законодатель, никакихъ особенныхъ правъ не присвоиваетъ онъ ему,—за исключеніемъ права исполнять другія тяжкія обязанности, ибо какъ только онъ уже окончательно вступилъ въ религіозную среду евреевъ, ему воспрещается употреблять прежнюю пищу, предписывается строгое соблюденіе субботы и другихъ праздниковъ, подъ страхомъ навлеченія на себя гнѣва Іеговы. Само собою разумѣется, что такая награда въ перспективѣ не могла привлекать многихъ, и мы дѣйствительно находимъ, что иностранцы, жившіе между евреями, предпочитали оставаться вѣрными своему исповѣданію и должны были подчиняться только тѣмъ условіямъ политической жизни, которыя составляютъ основу всякаго гражданскаго общества [1]).

[1]) Даже въ самое цвѣтущее время израильскаго царства—во времена царей Давида и Соломона, геры пользовались полной свободой совѣсти. По извѣстіямъ

Живой примѣръ того, какъ древніе евреи обходились съ иностранцами, представляютъ Кениты. По преданію они были потомками Іитро, тестя Моисея, который вмѣстѣ съ нимъ совершилъ странствіе по пустынѣ. Они занимали въ Палестинѣ особенную область, которая отъ нихъ получила свое названіе—Край кенитовъ (Судьи 1, 16. Самуилъ I, 30, 29, 10) и повсему видимому управлялись совершенно самостоятельно, въ полной независимости отъ Израильскаго царства. Говоря о нихъ, библія постоянно относится къ нимъ съ особенною любовью. Еще Билеамъ, во времена Моисея, узрѣвъ Кенитовъ, воскликнулъ: „Незыблемо сидишь ты, Кени, въ скалѣ гнѣздо твое" (Числа, 24, 21). Привязанность ихъ къ Израильтянамъ не ослабѣвала во все продолженіе ихъ существованія, не смотря на то, что они жили отдѣльно отъ нихъ и находились также въ дружественныхъ отношеніяхъ съ другими племенами, постоянно воевавшими съ евреями. Въ періодъ Судей, женщина изъ племени Кенитовъ, Іаэль, убила Моабитскаго полководца Сисру (Судьи, 4, 11). Когда Саулъ собрался войною на давнишняго врага Израильтянъ, Амалекитянъ, въ близости которыхъ жили Кениты, онъ изъ предосторожности присовѣтывалъ имъ удалиться, чтобы не пострадать отъ послѣдствій войны. Изъ разсказа Іереміи (35 ш.) видно, что Кениты и потомки ихъ Рехабиты были номады по завѣту предковъ, считая себя чужестранцами въ землѣ Израильской. „При нашествіи Навуходоносора, Царя Вавилонскаго, разсказываютъ они пророку Іереміи, мы подумали и рѣшили переселиться въ Іеруса-

Паралип. (I, 22 и II, 16) видно, что ихъ было въ Палестинѣ очень много. Какъ видно изъ этихъ извѣстій, въ царствованіе Соломона положеніе инородцевъ одно время было незавидное. „И сосчиталъ Соломонъ всѣхъ людей чужеземцевъ, живущихъ въ землѣ израильской, послѣ того какъ сосчиталъ ихъ уже разъ Давидъ, отецъ его, и нашлось ихъ 153,600 человѣкъ. И сдѣлалъ онъ изъ нихъ 70,000 человѣкъ рабочими для переноски тяжестей, а 80,000 землекопами въ горахъ, а 3,600 мастерами наблюдателями за работою народа". Но работа эта, какъ извѣстно, продолжалась только короткое время—до построенія храма; сверхъ того Соломонъ не могъ сдѣлать для иностранцевъ исключенія, когда онъ и на израильтянъ (Кн. Царей 5, 27—28) „возложилъ дань и дань эта была—30,000 чел., которыхъ онъ послалъ на работу въ Ливанонъ". Недаромъ по смерти Соломона евреи громко жаловались на него Рабеаму: „отецъ твой, говорили они, наложилъ на насъ тягостное иго—а ты облегчи его" (Кн. Царей 12, 4).

лимъ изъ страха передъ войскомъ халдейскимъ и передъ войскомъ Арамитянъ." Разумѣется, что ихъ постигла участь Іерусалима.

Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ перечисленныхъ постоянныхъ жителей изъ инородцевъ, въ Палестинѣ жили пріѣзжіе изъ другихъ странъ, гости, купцы, пріѣзжавшіе для комерческихъ цѣлей, ибо хотя Палестина и не была страною промышленности и торговли, но подвижные Карѳагеняне и Тиряне находились съ Израильтянами въ постоянныхъ дружественныхъ сношеніяхъ. Къ такимъ иностранцамъ законодательство Моисея относится индифферентно, они стояли подъ защитою между-народнаго права или, какъ тогда говорилось, подъ защитою права гостепріимства. Въ обхожденіи съ такими иностранцами, временно пріѣзжавшими въ Палестину, главную роль играла взаимность отношеній обоихъ народовъ. Какъ временной житель, иностранный купецъ, по всей вѣроятности не пользовался политическими правами, хотя въ библіи нѣтъ ограниченія такого рода, за исключеніемъ права быть избраннымъ царемъ, которое впрочемъ относится ко всѣмъ категоріямъ инородцевъ. [1]) Чтоже касается ихъ гражданскихъ отношеній къ израильтянамъ, то въ виду того, что такіе иностранцы пріѣзжали для комерческихъ цѣлей, законодатель разрѣшаетъ брать отъ нихъ проценты—единственное исключеніе для этого особеннаго случая.

Таково вообще было положеніе инородцевъ по закону Моисея. Изъ приведенныхъ постановленій легко видѣть, что прозелитизму не могло быть мѣста въ древней Палестинѣ. Послѣдующая исторія еврейскаго царства, во все время существованія перваго храма, не представляетъ никакихъ фактовъ, изъ которыхъ можно было бы заключить о томъ, чтобы въ этомъ отношеніи евреи отступали когда либо отъ предначертаннаго ихъ великимъ законодателемъ пути.

IV.

Но законодательство народа, какъ бы оно ни было или совершенно, или дурно, подчиняется тѣмъ же судьбамъ, тѣмъ же переворотамъ, какъ и самъ народъ, являющійся его носителемъ и представителемъ его идей. Взаимодѣйствіе между ними постоянное и непрерывное, и какъ народъ не можетъ, по историческимъ законамъ, остановиться на одной какой либо степени своего развитія, точно также и его законодательство измѣняется согласно времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Библейскіе законы стали подвергаться толкованію, явилось стремленіе устранить кажущіяся противорѣчія, объяснять мотивы и причины многихъ предписаній и сопоставлять однородныя положенія, изъ которыхъ дѣлались заключенія и выводы для примѣненія въ данную минуту или для объясненія историческихъ моментовъ. Разнохарактерность этихъ выводовъ, безъ системы изложенныхъ въ энциклопедически составленномъ „талмудѣ", объясняется тѣмъ, что какъ сводъ мнѣній глоссаторовъ, жившихъ въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, талмудъ въ сущности не представляетъ окончательныхъ результатовъ, а самый процессъ мышленія, возбужденный какимъ нибудь кажущимся противорѣчіемъ въ разныхъ лицахъ, и пренія, вызванныя этимъ процессомъ въ школахъ.

Это явленіе въ сущности не новое въ еврейской литературѣ—на самой библіи отразилось вліяніе времени и замѣтны слѣды историческихъ обстоятельствъ: такъ напр. различіе языка, переходъ отъ еврейскаго къ арамейскому (Даніилъ, Эздра, Негемія) въ періодъ Вавилонскаго плѣненія, отражаетъ въ одно и тоже время вліяніе обстоятельствъ и легкость усвоенія народомъ обычаевъ среды. Самое разительное доказательство—книга Экклезіаста. Міровоззрѣніе его скорѣе напоминаетъ фаталистовъ кинической школы, чѣмъ глубоко-религіознаго еврейскаго мудреца, доказываетъ и вліяніе греческой философіи на людей мыслящихъ времени втораго храма — времени, къ которому относится также и начало Мишны. Трудно опредѣлить къ чему привело бы это матерьялистическое направленіе, если бы на еврейскій народъ не обрушилось бѣдствіе втораго плѣненія и окончательнаго разрушенія еврейской самостоятельности. Съ этихъ поръ мы видимъ, что еврейскій умъ все болѣе и болѣе удаляется съ поприща дѣйствительной жизни и заживо хоронитъ себя въ историческія воспоминанія о прошломъ величіи, собирая остатки и строя изъ нихъ громадное зданіе, плодомъ котораго и явился „широкій какъ оке-

[1]) „Изъ среды твоихъ братьевъ выбирай Царя, ты не можешь избрать надъ собою царемъ чужаго мужа, который не изъ твоихъ братьевъ." (Второзак. 17, 15.)

анъ" талмудъ. По тому, что̀ евреямъ съ этого времени приходилось перетерпѣвать, можно было бы a priori сказать, что въ этомъ памятникѣ народныхъ бѣдствій должно отразиться все накипѣвшее на сердцѣ народа горе, что здѣсь долженъ отразиться весь справедливый гнѣвъ на судьбу и людей. Въ дѣйствительности же мы находимъ далеко не то: хотя иногда и встрѣчаются разбросанныя единичныя мнѣнія, выдавленныя горемъ, носящія на себѣ отпечатокъ временнаго духовнаго и физическаго гнета, но эти мнѣнія не находятъ себѣ отголоска въ общемъ духѣ талмудическаго ученія. Человѣколюбіе безъ различія вѣры и происхожденія доставляетъ краеугольный камень этого ученія. Изрѣченіе Гиллеля, главы школы, положившей основаніе талмуду, уже извѣстно. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ законоучителей, раби Акиба, жившій по разрушеніи втораго храма, во времена самого тяжелаго господства Римлянъ, герой возстанія Баръ-Кохбы, объясняя передъ своими учениками текстъ библіи: „Люби ближняго какъ самого себя"—назвалъ его „фундаментальнымъ принципомъ всего закона". Согласно съ этимъ фундаментальнымъ правиломъ, талмудъ ставитъ гораздо выше исполненіе обязанностей въ отношеніи къ людямъ, чѣмъ исполненіе обязанностей въ отношеніи къ небу [1]). Руководимые этимъ началомъ, талмудисты во многомъ смягчили строгость буквальнаго смысла нѣкоторыхъ постановленій библіи. Такъ напр. законъ тальона, выраженный въ началѣ: „око за око, зубъ за зубъ", талмудисты [2]) объясняли въ переносномъ смыслѣ: „за око—такое вознагражденіе, которое должно считаться удовлетворительнымъ для пострадавшаго" [3]). Такимъ же образомъ они посредствомъ интерпретаціи старались развивать и распространять нравственный законъ о

[1]) Баба-Батра 88. Майманидъ, „о кражѣ, гл. 6". „За преступленія въ отношеніи къ человѣку наказаніе строже, чѣмъ за преступленіе въ отношеніи къ Богу". См. замѣчаніе „Рошъ" къ Кидуш. 40 л. Богъ желаетъ, чтобы человѣкъ исполнялъ лучше *человѣческія* обязанности, чѣмъ религіозныя (См. его ком. къ Мишнѣ „Пеа", гл. I, ст. 1).

[2]) Баба-Кама, л. 83.

[3]) Точно также поступали римскіе преторы съ подобными же постановленіями XII таблицъ. Aulus Gaellius, Noctae Att. XX, 1: si membrum rupsit nicum eo pacit, talio esto. Gajus, Inst. III § 223.

равенствѣ всѣхъ людей. Въ библіи сказано: „законы, которые человѣкъ долженъ исполнять и да живетъ онъ"—„въ этомъ текстѣ, продолжаетъ талмудъ, не говорится исключительно о евреяхъ, ибо сказано просто „человѣкъ"—отсюда мы должны заключить, что всякій человѣкъ, даже язычникъ, исполняющій естественный законъ (семь заповѣдей Ноахидовъ) равноправенъ первосвященнику". (Сангедринъ, л. 59). Не только въ земной жизни они удѣляли всѣмъ людямъ безъ исключенія равныя права, но и въ жизни загробной—что̀ въ высшей степени важно въ сравненіи съ ученіемъ представителей другихъ церквей. „Праведники всѣхъ мірскихъ, даже языческихъ народовъ наслѣдуютъ царство небесное". (Сангедринъ л. 99). „Клянусь небомъ и землей, говоритъ законоучитель (Тана-дебе-Элія), что святой духъ равно нисходитъ на еврея и на язычника, на раба и рабыню — смотря по ихъ заслугамъ". „Что касается народовъ міра (т. е. не-евреевъ), пишетъ Маймонидъ къ Хасдаи Леви,—то знай, что Богу угодно не исполненіе закона (Моисеева), но доброе сердце, и по нашему закону всѣ люди безъ исключенія наслѣдуютъ царство небесное".

Таковы общіе принципы талмуда, которыми необходимо руководствоваться при опредѣленіи его отношеній къ иновѣрцамъ вообще и его взгляда на прозелитизмъ въ особенности.

Выше мы видѣли, что библія гораздо строже относится къ кореннымъ туземцамъ Палестины, чѣмъ къ народамъ, жившимъ внѣ ея предѣловъ. Тотъ же взглядъ и почти тѣ же отношенія мы встрѣчаемъ и въ талмудѣ. Если Моисей повелѣлъ истребить семь народовъ изъ боязни, что они совратятъ евреевъ съ законнаго пути, то талмудисты съ тѣмъ большимъ основаніемъ должны были отнестись строго къ тѣмъ, которые, изгнавъ евреевъ изъ ихъ родины, разрушили ихъ царство и сами овладѣли имъ и хозяйничали въ Палестинѣ, какъ въ заеваеванной странѣ. Близкіе къ той эпохѣ, когда евреи были еще народомъ самостоятельнымъ, они не могли забыть, что народы, владычествовавшіе поперемѣнно въ Палестинѣ, стояли въ умственномъ и нравственномъ отношеніи гораздо ниже евреевъ. Вотъ почему талмудисты иногда съ чрезвычайной строгостью относятся къ тѣмъ идолопоклонникамъ, которые въ ихъ времена жили въ Палестинѣ, и къ присоединившимся къ

нимъ туземнымъ инородцамъ, которые во времена народныхъ бѣдствій играли постоянно роль переметчиковъ и доносчиковъ. Къ тому же присоединилось еще то обстоятельство, что когда Палестина, по разрушеніи втораго храма, лишилась своего прежняго народнаго правительства, и завоеванная и опустошенная, окончательно превратилась въ римскую провинцію, она управлялась не еврейскими и даже не римскими законами, а произволомъ намѣстниковъ, которые, конечно, не имѣли вовсе въ виду блага жителей, вслѣдствіе чего разбои и грабежи приняли самые страшные размѣры [1]). Въ эту эпоху усилились въ особенности переметчики, которыхъ талмудъ называетъ то „народомъ земли“ (амъ-гаорецъ), т. е. туземцами, то „идіотами“, то „кусимъ“ [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, заставляло талмудистовъ смотрѣть на этихъ людей какъ на личныхъ враговъ, отъ которыхъ невозможно ждать ни пощады, ни милосердія [3]), ни согласныхъ съ законами и нравственностью поступковъ, а посему иной законоучитель разрѣшалъ принимать противъ нихъ такія мѣры, которыхъ впрочемъ и самъ талмудъ не одобряетъ [4]). Хотя въ тѣ времена, къ которымъ отно-

[1]) Разбои и грабежи, усилившіеся въ эту эпоху въ Іудеѣ, вынудили великій синедріонъ установить особый законъ о пріобрѣтеніи недвижимой собственности у Сикаріевъ (названіе, усвоенное разбойникамъ вслѣдствіе того, что они употребляли короткіе кинжалы — sica). „Не было закона о сикаріяхъ до войны (съ римлянами) говоритъ Мишна (Гитинъ, 55), со времени же войны примѣняется этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: кто покупаетъ у сикарія, если даже онъ потомъ и хозяину уплатилъ—покупка не имѣетъ силы“. Причина этого закона ясно указана въ Іерушалми: „ибо въ началѣ римляне повелѣли истребить евреевъ и уничтожить Іудею, а поработивъ ее, отняли и распродали всѣ поля чужимъ“. Впрочемъ по окончаніи войны установлено общее правило: „Законъ государства есть законъ“, т. е. обязателенъ и для евреевъ (Б. Кама 113), такъ что даже уклоненіе отъ установленнаго закономъ налога съ евреевъ, какъ подданныхъ, воспрещается и считается преступленіемъ.

[2]) Нѣтъ сомнѣнія, что эти разныя названія означаютъ одни и тѣ же личности. „Кусимъ, говоритъ талмудъ въ одномъ мѣстѣ, это тѣ, которые изъ страха, внушеннаго имъ напавшими на нихъ дикими звѣрями, приняли для виду іудейство“, но какъ только эпидемія прекратилась, они возвратились къ своимъ идоламъ. Впрочемъ о Кусахъ въ самомъ талмудѣ существуетъ различіе мнѣній.

[3]) „Они не способны къ милосердію“... „навлекаютъ на себя подозрѣніе въ развратѣ, въ кровосмѣсительствѣ“.

[4]) Много разъ уже приводили, какъ доказательство противъ талмуда, выраже-

сится составленіе талмуда не было уже и слѣдовъ народовъ, противъ которыхъ предостерегалъ израильтянъ Моисей [1]), но талмудъ, въ качествѣ комментарія библіи, не могъ обойти молчаніемъ постановленій его относительно канаанитовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сей часъ видѣли, мѣсто канаанитовъ заступили народы, которые были ничуть не лучше ихъ. Какъ патріоты, талмудисты не могли простить имъ, что они завладѣли ихъ родиной, и такъ какъ они были безсильны и не могли изгнать ихъ, чтобы снова овладѣть Палестиной, то, вѣрные своему принципу, они не могли отказаться отъ мысли, что „все, чѣмъ владѣютъ эти народы—все ихъ имущество, все ихъ достояніе—по праву принадлежитъ не имъ, а пріобрѣтено ими посредствомъ грабежа“, и имущество ихъ поэтому должно считаться res nullius. Совершенно иначе относятся талмудисты къ народамъ, живущимъ внѣ Палестины. Прежде всего талмудъ объявляетъ, какъ общее правило, что „народы внѣ Палестины не идолопоклонники“ [2]), не канааниты по смыслу Моисеевыхъ постановленій, а слѣдовательно исполняютъ всѣ семь заповѣдей Ноахидовъ, имѣютъ законы, которыми упра-

ніе раби Іоханана, что „человѣка земли“ (терминъ, который на ново-еврейскомъ языкѣ означаетъ *невѣжу*) „можно разорвать какъ рыбу“. Еврейскіе писатели (И. Б. Левинсонъ и др.) старались объяснить это выраженіе болѣе или менѣе удачно, но въ сущности оно вовсе не требуетъ остроумныхъ толкованій: раби Акиба говоритъ о самомъ себѣ, что когда онъ былъ „человѣкомъ земли“ онъ самъ искалъ случая „съѣсть живьемъ“ какого нибудь „ученаго“. Все это легко объясняется политическимъ антагонизмомъ, своекорыстно вызваннымъ римлянами между патріотами, къ которымъ принадлежали ученые, и между „людьми земли“, къ которымъ принадлежали отчасти и подонки еврейскихъ общинъ.

[1]) *Іадаимъ IV*. Язычникъ изъ племени Аммонитянъ обратился къ синедріону въ Ямнѣ съ вопросомъ: можетъ ли онъ по закону вступить въ еврейскую общину по принятіи іудейства? Рабанъ Гамаліель, патріархъ и предсѣдатель Синедріона, хотѣлъ было отказать ему, на томъ основаніи, что по буквальному смыслу закона Аммонитяне и Моабитяне не могутъ быть приняты въ еврейскую общину даже до десятаго колѣна. Но раби Іешуа и другіе законоучители воспротивились этому запрещенію, доказавъ, что приведенный законъ не примѣнимъ больше, такъ какъ ни Аммонитянъ, ни Моабитянъ уже нѣтъ, ибо во время переселеній и нашествій разныхъ племенъ (Вавилонянъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ и др.) прежніе туземцы смѣшались съ завоевателями и совершенно изчезли.

[2]) Хулинъ, 13.

вляются, грабежъ у нихъ не обыкновенный, то есть не узаконенный и дозволенный способъ пріобрѣтенія, но преслѣдуется законами, а посему они владѣютъ своимъ имуществомъ на законномъ основаніи; они не „подозрѣваются" въ кровосмѣсительствѣ, а посему ихъ дѣти — законорожденныя, и дѣти ихъ отъ еврейки тоже законнорожденные; они признаютъ существованіе верховнаго существа, и хотя въ управленіи міромъ допускаютъ участіе другихъ боговъ, демоновъ, или силъ,—но такое „совокупленіе" (шитуфъ) не составляетъ для нихъ преступленія, а посему они во всемъ равны евреямъ, и на нихъ должны распространяться всѣ законы, относящіеся къ нормированію отношеній евреевъ между собою. Такимъ образомъ талмудъ считаетъ ихъ—фиктивно—тошабимъ, и производитъ на основаніи этой фикціи новое раздѣленіе инородцевъ на категоріи, которыя хотя и имѣютъ сходство съ библейскими категоріями по названіямъ, но не совпадаютъ во всѣхъ отношеніяхъ. Эти категоріи суть:

I. Инородные жители Палестины, къ которымъ принадлежатъ, кромѣ идолопоклонниковъ, классъ людей, вслѣдствіе разныхъ причинъ, принявшихъ для вида нѣкоторые еврейскіе законы, а также и евреи по происхожденію, которые отступились не только отъ еврейскаго закона, но стали въ рядахъ враговъ Палестины и дѣйствуютъ съ ними за одно противъ своихъ единовѣрцевъ и противъ своей собственной родины. Объ этой категоріи мы уже говорили выше и указали, что талмудъ относится къ ихъ имуществу съ безпощадной строгостью.

II. Такъ называемые Гере-Тошабъ, или по другому наименованію, тоже заимствованному изъ библіи — Гере-Шааръ (proselyti portae). Эта категорія съ ея подраздѣленіями обнимаетъ въ сущности все человѣчество и наименованіе ихъ не должно вводить насъ въ заблужденіе, ибо хотя талмудъ, на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій, и говоритъ, что эти proselyti portae разумѣлись Моисеемъ подъ выраженіемъ: „чужестранцы, которые у твоихъ воротъ,"—но очевидно, что во времена талмуда это названіе не могло быть принято въ его буквальномъ смыслѣ, ибо именно тѣ лица, которыхъ талмудистъ могъ-бы понимать подъ этимъ названіемъ, были для него предметомъ ужаса и ненависти и принадлежали къ первой категоріи. Только по привязанности къ би-

блейской терминологіи талмудисты продолжаютъ употреблять это библейское наименованіе, но въ ихъ устахъ оно обозначаетъ — всѣхъ людей, не вошедшихъ въ первую категорію, а посему и имѣющихъ на своей сторонѣ достовѣрность юридическаго предположенія, что они соблюдаютъ заповѣди Ноахидовъ [1]).

Какъ общее правило въ отношеніи къ этой категоріи талмудъ постановляетъ, что не только явное нарушеніе правъ лицъ, подходящихъ подъ нее, но и всякій дурной помыселъ противъ нихъ положительно воспрещенъ и даже въ житейскихъ мелочахъ воспрещается скрытіе отъ него истины, или ложь. Изъ положительныхъ обязанностей важна въ особенности обязанность еврея кормить бѣдныхъ иновѣрцевъ. „Намъ заповѣдано, говоритъ р. Моисей бенъ-Нахманъ, кормить иновѣрца, спасать его отъ бѣдствія; когда онъ тонетъ, или когда на него обрушилось что-нибудь, мы обязаны напрягать всѣ наши усилія, чтобы спасти его; если онъ боленъ, мы обязаны лечить его и ради него должны даже нарушать святость субботы (т. е. исполнять для него всякаго рода трудныя работы: рубить дрова, топить печку и т. п.), какъ сказано въ писаніи: „когда обѣднѣетъ братъ твой и рука его ослабнетъ, то поддерживай его, все равно живетъ-ли онъ онъ съ тобою или онъ инородецъ." „Евреи обязаны содержать бѣдныхъ язычниковъ наравнѣ съ бѣдными евреями: они обязаны посѣщать и заботиться объ ихъ больныхъ, такъ же какъ и о больными изъ евреевъ и хоронить ихъ мертвецовъ на кладбищахъ евреевъ..." „Когда у язычника умираетъ кто-нибудь, евреи обязаны утѣшать его и оплакивать съ нимъ его мертвеца".. и т. п.

Изъ другихъ разнорѣчивыхъ положеній, встрѣчаемыхъ въ талмудѣ относительно иновѣрцевъ, слѣдуетъ вывести, что нѣкоторые талмудисты въ позднѣйшее время иногда позволяли себѣ дѣлать подраздѣленія въ этой категоріи иновѣрцевъ, какъ это уже видно изъ приведенной выше (въ примѣч.) ссылки. Тщательная, слишкомъ буквальная интерпретація иногда вводила противныя духу

[1]) „Кто такой Геръ-Тошабъ? р. Меиръ говоритъ, всякій кто отказался отъ идолопоклонства; мудрецы говорятъ: тотъ, кто исполняетъ всѣ заповѣди Ноахидовъ; другіе говорятъ, кто исполняетъ всѣ законы, кромѣ законовъ о чистой и нечистой пищѣ". (Мнѣніе послѣднихъ не имѣетъ силы). Абода-Зара, 64 и др.

библіи и талмуда вставки. Таковы, напр. положенія относительно рабовъ-канаанитовъ, которыя хотя во времена талмуда уже не имѣли никакого практическаго примѣненія, (ибо рабство, какъ извѣстно, прекратилось вмѣстѣ съ институтомъ юбилейнаго года), но вводило вредную путаницу понятій. Иной разъ повидимому приходится думать, что позднѣйшие талмудисты желали съузить понятія о геръ-тошабѣ, распространяя законы о немъ только на рабовъ [1]). Но это только кажущееся противорѣчіе: въ сущности вникая въ смыслъ интерпретраціи, легко убѣдиться, что это расширеніе человѣколюбивыхъ положеній и на раба, ставя его, такимъ образомъ, наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ вообще. [2])

III. Третью категорію образуютъ лица, появленіе которыхъ было вызвано скорѣе историческими событіями, чѣмъ какими либо законоположеніями. Мы говоримъ о такъ называемыхъ Гере-цедекъ, proselyti justitiae, праведныхъ, искреннихъ прозелитовъ. Первое извѣстіе о томъ, что иновѣрцы принимали еврейскую религію, мы встрѣчаемъ въ книги Эсѳири,—источникѣ апокриѳическомъ. Тамъ разсказывается, что послѣ паденія Амана и вслѣдствіе торжества евреевъ въ Персіи, многіе изъ иновѣрцевъ приняли для виду еврейскую религію. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ прежнія времена встрѣчались люди, которые добровольно вступали въ общину Израильскую (Руѳь), а въ эпоху римскаго господства обращенія въ іудейство стали частымъ явленіемъ, какъ можно заключить изъ строгихъ законовъ императоровъ противъ прозелитовъ. Тацитъ, неособенно дружелюбно относящійся къ евреямъ, удивляется, что могутъ находиться такіе дурные люди, которые принимаютъ эту „мрачную“ религію, которая учитъ „презирать боговъ, отказываться отъ родины, воздерживаться отъ разврата и жертвовать собою для общаго блага“ [1]). Ювеналъ ѣдко и остроумно осмѣиваетъ тѣхъ, которые „празднуютъ субботу и учатъ дѣтей своихъ боготворять невѣдомаго бога за облаками“ [2]). Упадокъ древней республиканстой свободы и испорченность нравовъ побуждали болѣе глубокія натуры искать исхода для своихъ идеальныхъ стремленій въ незнакомыхъ религіяхъ побѣжденныхъ народовъ, которыя привлекали ихъ своею таинственностью и сулили особенныя прелести въ обновленной жизни. Сверхъ того, нападки греческихъ писателей (Апіона и др.) заставило еврейскихъ ученыхъ выступить на защиту своихъ единовѣрцевъ (Филонъ Александрійскій), при чемъ они должны были коснуться обычаевъ идолопоклонниковъ и выставлять наружу всю ихъ глупость, безнравственность и извращенность языческой формы религіи. Люди, болѣе или менѣе нравственные, не могли не убѣдиться, что Олимпъ ничто иное какъ сбродъ безнравственныхъ идеаловъ, созданныхъ воображеніемъ людей, едва вышедшихъ изъ дикаго состоянія. Еврейскіе плѣнники, которые по разрушеніи Іерусалима были разсѣяны, распроданы или розданы въ рабство, своею покорною, нравственною и честною жизнію, вынуждали удивленіе и уваженіе къ себѣ развращенныхъ до мозговъ костей господъ своихъ, которые невольно увлекались религіею, дающей человѣку столько нравственной силы. Въ особенности женщины, чувство стыдливости которыхъ должно было страдать отъ безнравственныхъ миѳологическихъ разсказовъ, увлекались простыми, величественными и торжественными разсказами библіи.

Вслѣдствіе частаго повторенія подобныхъ фактовъ оказалась необходимость установить особыя правила на этотъ случай. Въ самой библіи, какъ мы уже видѣли выше, предполагалась возможность подобныхъ явленій. Но какъ библія обходитъ этотъ вопросъ

[1]) Керитотъ; 9, а. „Какъ Геръ-Тошабъ такъ и рабъ и рабыня могутъ заниматься въ субботу своими работами, для себя — все равно, что еврей въ обыкновенный день“.

[2]) Вотъ примѣръ подобной интерпретаціи: „Да—живетъ онъ у тебя“. т. е. ты не смѣешь указать ему мѣсто, онъ имѣетъ право выбирать себѣ мѣстожительство гдѣ пожелаетъ; „въ твоей средѣ“, т е. не только въ деревнѣ (или не только въ пограничныхъ городахъ); „въ мѣстѣ, которое онъ изберетъ“, т. е. гдѣ онъ найдетъ себѣ средства къ жизни; „гдѣ онъ найдетъ удобнымъ“ — т. е. помогай ему переходить изъ дурнаго жилища въ хорошее; „ты не можешь угнетать его“, — ты не можешь позволять себѣ противъ него насмѣшки или грубости; „въ одномъ изъ твоихъ городовъ — „*за исключеніемъ Іерусалима*“ — Эти последнія слова, безъ сомнѣнія, позднѣйшее прибавленіе...

[1]) ...Pessimus quisque spretis religionibus patriis tributa et stipes illuc (евреямъ) gerebant; unde auctae Judaeorum res, et quia apud ipsos fides obsti nata, misericordia in promptu, sed adversus omnes alios hostile odium... alienarum concubitu abstinent... et moriendi contemptus. Тацитъ, Ист. Кн. V, гл. V.

[2]) Ювеналъ, Сатира XIV, ст. 96—106.

съ большою осторожностью, точно также и талмудъ неохотно допускаетъ увеличеніе числа прозелитовъ. Это мотивируется тѣмъ, что такъ какъ съ одной стороны еврейская религія требуетъ строгаго и точнаго исполненія множества предписаній по большой части слишкомъ тягостныхъ, а съ другой стороны — честный человѣкъ, какого-бы онъ ни былъ исповѣданія, по ученію талмудистовъ, наслѣдуетъ царство небесное, то его желаніе обратиться въ іудейство слѣдуетъ объяснить какими либо корыстными побужденіями. И посему тотъ, кто обращается въ іудейство, имѣя какія либо заднія мысли, не можетъ считаться обращеннымъ. Въ царствованіе Маккавеевъ, когда цари этого дома достигли высокой власти, силы и могущества, въ царскія палаты стекались изъ разныхъ странъ многія авантюристы и, такъ называемые, царскіе совѣтники и служители, которые для того, чтобы доказать свою преданность государю, принимали іудейство. Но талмудисты не могли и не хотѣли признать ихъ истинными прозелитами и въ насмѣшку называли ихъ „прозелитами царскаго стола". Точно также смотрѣли они на иновѣрцевъ, принимавшихъ еврейскую вѣру „ради женщины" (лешумъ ишусъ), или для какихъ нибудь другихъ цѣлей. „Тягостны для евреевъ новообращенные, какъ нарывы", говоритъ талмудъ (Іебамотъ, 47), ибо кто поручится, что они искренно вѣрующіе? Не имѣетъ ли онъ какія нибудь заднія мысли и не превратится ли онъ изъ друга, съ личиной котораго онъ приходитъ къ намъ, въ домашняго врага? Кто поручится за него, что у него хватитъ энергіи и воли, чтобы исполнять мелкія и тягостныя предписанія, которыя для человѣка, привыкшаго къ свободѣ нравовъ, къ разнузданности страстей, тѣмъ тягостнѣе, что среда, въ которой онъ возросъ, не могла внушить ему необходимости строгаго контроля за всѣми своими помыслами? Богобоязненность (іиратъ-шамаимъ) не имѣетъ другого контроля, кромѣ собственной совѣсти человѣческой, и нѣтъ внѣшней власти, которая имѣла бы право слѣдить за исполненіемъ религіозныхъ предписаній. А между тѣмъ отвѣтственность за новообращеннаго падаетъ на все общество: его дурной примѣръ можетъ увлечь другихъ, которые легко перенимаютъ чужіе нравы [1]), и повести

[1]) „Обращенные не легко отстаютъ отъ своихъ языческихъ обычаевъ и продолжаютъ жить по прежнему, и евреи, посреди которыхъ они живутъ, перенимаютъ ихъ нравы". (См. Раши, тамъ же).

такимъ образомъ къ нарушенію законовъ, установленныхъ для охраненія общественной и частной нравственности".

Но по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ Св. Писаніе не хотѣло совершенно закрыть иновѣрцамъ доступъ къ іудейству, и талмудисты не лишаютъ ихъ возможности примкнуть къ евреямъ. Удостовѣрившись въ искренности желающаго обратиться, талмудъ предписываетъ увѣщевать его и предлагать ему разные вопросы, съ цѣлью отклонить его отъ его намѣренія и испытать его искренность. „Съ какой стати ты хочешь обратиться въ эту вѣру? спрашиваютъ его, развѣ ты не знаешь, что евреевъ въ наше время преслѣдуютъ, гонятъ изъ страны въ страну, что несчастья и бѣдствія постигаютъ ихъ и что, принимая ихъ вѣру, ты рискуешь подвергнуться той же участи? Возвратись въ свой домъ, къ своему роду и племени, къ тѣмъ почестямъ, которыхъ ты можешь достигнуть въ ихъ средѣ, — ибо у насъ нѣтъ ни почестей, ни славы, ни другихъ земныхъ благъ..." Когда-же онъ и послѣ увѣщаній настаиваетъ на исполненіи своего желанія, фактически доказывая свою искренность, ему сообщаютъ основные законы о единствѣ Бога, о воспрещеніи поклоняться идоламъ и другія заповѣди, предваряя его, что нарушеніе ихъ влечетъ за собою тяжкое наказаніе въ загробной жизни, за исполненіе же ихъ — нѣтъ другой награды, кромѣ той, на которую онъ могъ разсчитывать и оставаясь при своей прежней религіи — царство небесное. Затѣмъ ему снова напоминаютъ — что впрочемъ дѣлаютъ при каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи — что онъ можетъ вернуться къ своему прежнему образу жизни и религіи и что если онъ побужденъ къ своему поступку ожиданіемъ какихъ либо выгодъ, матеріальныхъ или нравственныхъ, то ему вовсе не слѣдуетъ довершить его, ибо матеріальныя выгоды — суета сустъ, и въ новой средѣ, въ которую онъ вступаетъ, ихъ негдѣ отыскивать, а высшее нравственное благо состоитъ единственно въ сознаніи, доставляемомъ добродѣтельной жизнію, и не зависитъ отъ образа вѣрованій. Если онъ и послѣ этого настаиваетъ на исполненіи своего желанія, его подвергаютъ обряду обрѣзанія и омовенія. Все это

должно совершаться днемъ и не иначе, какъ гласно и публично, по крайней мѣрѣ въ присутствіи трехъ людей, честность и чистота мыслей которыхъ извѣстны и не подлежатъ сомнѣнію. Таковъ взглядъ талмуда на прозелитизмъ, и хотя нельзя отрицать, что всѣ эти предписанія, исполненіе которыхъ сопряжено съ торжественной обрядностью, носятъ на себѣ отпечатокъ схоластической щепетильности, но не трудно видѣть, что они внушены отвращеніемъ къ пропагандѣ и глубокимъ убѣжденіемъ, что всеблагость божія равно распространяется на всѣхъ людей, какого бы они ни были происхожденія и образа вѣрованія. Считая однихъ евреевъ обязанными исполнять законъ потому, что онъ имъ данъ, талмудисты хотя и выдѣляли евреевъ изъ общей массы всѣхъ другихъ народовъ, но смотрѣли на исполненіе закона, не какъ на привилегію въ глазахъ Бога, не какъ на право, но какъ на обязанность, возложенную всемудростью провидѣнія на однихъ евреевъ. Руководствуясь основнымъ правиломъ, что „богобоязненность зависитъ отъ воли человѣка", они даже къ отступникамъ въ своей собственной средѣ не относились съ инквизиторской жестокостью, но съ безпристрастіемъ, граничившимъ съ индиферентизмомъ. Знаменитый законоучитель-отступникъ Элиша бенъ-Абуія совершенно открыто и безпрепятственно нарушалъ важнѣйшие религіозные законы, и бывшій ученикъ его, р. Меиръ, глава школы, продолжалъ попрежнему отдавать ему должную наставнику честь. Точно также они относились къ первымъ христіанамъ изъ евреевъ, которые, какъ извѣстно, и сами себя первоначально считали „еврейскою сектой", а не представителями новой религіи.

Д. Слонимскій.

С.-Петербургъ.

ГЕРЪ ЦЕДЕКЪ.

БЫЛЬ XVIII ВѢКА.

Помѣщаемый ниже, въ видѣ приложенія къ предыдущей статьѣ, разсказъ о графѣ Потоцкомъ, который въ прошломъ столѣтіи перешелъ въ іудейство, мы заимствуемъ у извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго (Wilno od początkow jego do roku 1750, т. III; Вильно 1841 г.), который перевелъ его съ еврейскаго.

Вотъ что Крашевскій говоритъ объ этомъ разсказѣ: „Въ Вильно высоко чтутъ память такъ называемаго Абрагама Абрагамовича, который, происходя изъ высокаго рода христіанъ католиковъ, принялъ еврейскую вѣру въ Амстердамѣ и возвратившись въ „Край", былъ сожженъ не подалеку отъ Замка: пепелъ его похороненъ за еврейскимъ кладбищемъ (ибо скончавшихся необыкновенной смертью евреи не хоронятъ на самомъ кладбищѣ), гдѣ на могилѣ его ростетъ дерево. Тризну его празднуютъ во второй день Пятидесятницы въ Виленской синагогѣ. Услыхавъ разсказъ о его жизни, узнавъ о существованіи рукописи, въ которой изложена вся эта исторія, мы постарались пріобрѣсть оригиналъ, что стоило намъ не малыхъ трудовъ, и помѣщаемъ здѣсь переводъ во всей оргинальности и наивности его формы и языка". Въ примѣчаніи къ тексту Крашевскій прибавляетъ: „Оригинальную рукопись пріобрѣлъ я на вѣсъ золота, а можетъ быть и того дороже, и долженъ былъ обѣщаться, что не „выдамъ" отъ кого ее имѣю; я перевелъ разсказъ съ помощью г. Александра Элленбогена. Нѣсколько мѣстъ я вынужденъ былъ опустить. [1]) Разсказъ написанъ на чистомъ еврейскомъ языкѣ."

---

[1]) Въ текстѣ эти выпущенныя мѣста обозначены точками, они касались по всему видимому папы и его дѣйствій, и вѣроятно шокировали чувства католика Крашевскаго.

Въ 479 году шестой тысячи (по с. м.; 1719 г. обык. лѣтосчисленія) жилъ великій панъ въ землѣ Польской и имѣлъ мудраго сына. Мальчикъ выросъ, и отецъ его любилъ и послалъ въ королевскій городъ Парижъ, городъ короля французскаго, полный мудрецовъ и писателей, гдѣ для каждой мудрости есть особенная школа, въ которой учатся молодые люди. Въ тоже время жилъ въ землѣ Жмудской другой панъ, не изъ важныхъ, по имени Заремба. И родился у него сынъ, и мальчикъ выросъ и сдѣлался великимъ мудрецомъ, любознательнымъ ко всему, что глаза его увидали. И послалъ его отецъ въ столицу, въ Вильну, учиться, и юноша скоро изучилъ всѣ науки и зналъ ихъ въ десять разъ лучше всѣхъ своихъ сверстниковъ, и добрая слава его распространилась между всѣми панами, и дали они юношѣ много денегъ и послали его въ городъ Парижъ, столицу земли французовъ, учиться тамъ въ академіи. Прибылъ юноша въ Парижъ, и приняли его съ большими почестями и сталъ онъ товарищемъ сына великаго пана Польскаго, по фамиліи Пот(оцкій).

Однажды товарищи отправились погулять по городу, осмотрѣть его зданія и дворцы; и захотѣлось имъ пить. Вошли они въ винный домъ и сѣли тамъ пить. Тутъ они увидѣли не вдалекѣ, въ саду небольшой шатеръ, а въ немъ—стараго нѣмецкаго еврея, сидѣвшаго и читавшаго какую-то книгу. И пошли товарищи въ шатеръ посмотрѣть, что изучаетъ онъ такъ прилежно; посмотрѣли въ книгу и не знали, что въ ней было написано. И спросилъ сынъ пана своего товарища мудреца, не умѣетъ ли онъ читать эту книгу. И отвѣчалъ Заремба: Не знаю, никогда я не слыхалъ объ этомъ языкѣ до настоящаго дня. Стали товарищи распрашивать старца: что въ этой книгѣ, что это за письмена, и что за языкъ книги, которую онъ читалъ?

И отвѣтилъ имъ старецъ:

— Языкъ этотъ—языкъ священный, языкъ еврейскій.

И попросили они его разсказать имъ, что написано въ книгѣ. И онъ передалъ имъ съ толковымъ объясненіемъ нѣсколько словъ. И показались въ ихъ глазахъ эти слова хорошими. И спросили они его, все ли правда, что написано въ этой книгѣ? И старецъ отвѣчалъ:

— Это все истинно-вѣрно.

И сказали они ему: Почему же нашъ раввинъ не учитъ насъ по этой книгѣ?

И отвѣчалъ имъ старецъ:

— Намъ дана отъ христіанъ различная вѣра.

И было его мыслью укрѣпить въ нихъ ихъ вѣру, и сказалъ онъ имъ, что всѣ папы укрѣпляютъ свою вѣру, и потому объявили великое проклятіе, чтобы никто изъ вашего народа не училъ своего сына по этой книгѣ. Вотъ почему вашъ раввинъ не учитъ васъ по этой книгѣ. Но товарищи стали сильно умолять того старца, чтобы онъ поучилъ ихъ, а сынъ магната обѣщался даже хорошо заплатить ему, и старецъ согласился наконецъ поучить ихъ и назначилъ имъ по часу три раза въ недѣлю.

Въ полгода выучили они все Пятикнижіе, и вошли въ ихъ сердца слова закона, и стали точно другіе люди и начали изучать Ветхій Завѣтъ въ особенной комнатѣ. И изъ за этихъ занятій не соблюдали они времени ученія въ Академіи и не ходили въ ихъ домъ молитвы.

И призвалъ молодыхъ людей раввинъ ихъ и сталъ увѣщевать и упрекать ихъ, на что магнатъ отвѣтилъ своему раввину сильными словами.

Однажды оба товарища пошли прогуляться въ полѣ (за городомъ); слуги ихъ шли за ними; и усѣлись оба въ отдаленномъ мѣстѣ, и сказалъ сынъ магната своему товарищу:

— Братецъ, хочу открыть тебѣ всѣ тайны сердца моего, не открывай же ихъ никому.

И отвѣтилъ Заремба:

— Сохрани меня Богъ, чтобы я такое дѣло сдѣлалъ.

И сказалъ магнатъ:

— Далъ я себѣ слово въ душѣ—убѣжать отсюда въ Амстердамъ и принять тамъ вѣру евреевъ.

И отвѣчалъ ему его товарищъ: Какъ ты, такъ и я. И я такъ сдѣлаю, когда получу деньги на дорожные расходы.

И поклялись они оба и условились между собою и сказали: Богъ да будетъ свидѣтелемъ между нами. И встали они и возвратились въ городъ, и еще долго совѣщались между собою, и, наконецъ, порѣшили, чтобы сынъ магната отправился въ городъ Римъ, ибо они еще не были увѣрены (еще скакали на двухъ

дорогахъ), вѣра ли евреевъ истинная, чтобы по ней жить, или богопочитаніе папское правдивѣе, чтобы въ немъ пребывать; тамъ-то въ Римѣ онъ долженъ былъ узнать истину, есть ли правда въ Римскомъ богослуженіи. И написалъ онъ письмо къ своему отцу — магнату, прося его выслать деньги, ибо желаетъ ѣхать въ городъ Римъ. И поѣхалъ онъ и прибылъ въ городъ, въ Римъ, и Папа принялъ его съ великими почестями, и сталъ онъ учиться въ Академіи Папы, и что недѣлю задавалъ пиръ для всѣхъ господъ магнатовъ папскихъ и для всѣхъ господъ слугъ Папы и раздавалъ имъ богатые подарки. А былъ у него одинъ пріятель, приближенный папскій; и спросилъ онъ однажды сего слугу папскаго: Разскажи мнѣ, на милость, что либо объ обычаяхъ Папы и его святости и священнодѣйствіи и какъ восходитъ онъ на небо? И отвѣчалъ ему слуга папскій: „за добрый подарокъ я разскажу тебѣ все отчетливо, — что все это неправда и что папа не восходитъ вовсе на небо, и въ день святой (день скорби, что они называютъ постомъ), когда люди говорятъ, будто онъ сидитъ въ глубочайшемъ спокойствіи, погруженный въ думу и затѣмъ восходитъ на небо — все это вовсе не такъ“... „Такъ-то онъ поступаетъ во все время поста“. И принялъ сынъ магната къ сердцу эту рѣчь и сказалъ себѣ: Теперь наступилъ часъ выдти мнѣ изъ мрака и обратиться къ Богу — да будетъ имя Его благословенно, что привелъ меня на путь истины. И убѣжалъ онъ изъ Рима и прибылъ къ берегу морскому и сѣлъ на корабль. Пріѣхавъ въ Амстердамъ, онъ перешелъ въ еврейскую вѣру. И сидѣлъ онъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, а его товарищъ и другъ не имѣлъ о немъ, о сынѣ магната, никакой вѣсти, ибо писать онъ не могъ, чтобы не открылась ихъ тайна. Такимъ образомъ Заремба остался въ Парижѣ, пока кончилъ ученіе, и тогда возвратился въ край Литовскій и проѣздомъ посѣтилъ городъ гетмана Тышкѣвича, который былъ однимъ изъ пріятелей отца его и ему прежде далъ деньги на пребываніе въ Парижѣ. Пріѣхалъ онъ въ замокъ гетмана, чтобы переночевать тамъ, и Тышкѣвичъ принялъ его съ великими почестями и задержалъ его около мѣсяца, а потомъ мудрый Заремба пожелалъ уѣхать. И сказалъ ему гетманъ Тышкѣвичъ: Открою тебѣ тайну души моей — хочу выдать за тебя единственную дочь мою, ибо полюбилъ я тебя очень. И юноша дважды поклонился ему и сказалъ:

— Чѣмъ такую милость заслужилъ я въ твоихъ глазахъ? Отецъ мой, ты знаешь, изъ рода бѣднаго и худаго, а ты—мой великій государь и панъ!

И сказалъ ему гетманъ:

— Если малъ ты въ твоихъ глазахъ, то великъ въ моихъ.

И послалъ гетманъ письмо къ отцу, юноши; и прибылъ его отецъ къ гетману, который задалъ большой пиръ, и юноша взялъ на доброе счастье въ жены дочку гетмана и сталъ великъ между всѣми панами. И всѣ дѣла края зависѣли отъ его воли.

Прошло нѣсколько времени, и жена его забеременила и родила ему сына. И тесть его задалъ большой пиръ для всѣхъ пановъ Литвы черезъ мѣсяцъ, и изъ-за великаго спокойствія и счастія забылъ онъ условіе и клятву, которую далъ товарищу своему, сыну магната.

Въ эти дни прибыли съ почты письма изъ земли польской, что сгинулъ сынъ магната великаго, Потоцкаго, который поѣхалъ въ городъ Римъ, и невѣдомо, гдѣ онъ. Услыхавъ это, товарищъ его сильно огорчился и сталъ упрекать себя, что забылъ долгъ клятвы, учиненной между ними, ибо догадался онъ, что другъ его вѣрно убѣжалъ въ Амстердамъ, чтобы перейти въ вѣру еврейскую; и было ему горестно разлучиться съ женою и величіемъ; но было также горестно измѣнить клятвѣ, ибо стало ему понятно, что сынъ магната узналъ доподлинно папское богопочитаніе. И очень печалился онъ оттого въ своемъ сердцѣ, и лице его измѣнилось отъ великой скорби. И понялъ тесть его, что онъ въ великомъ горѣ и заботахъ. И спросилъ онъ его: что съ нимъ такое? Отвѣчалъ онъ, что нездоровъ и просилъ тестя позволить ему ѣхать къ отцу. Тесть вышелъ и приказалъ дать ему карету и коней, и поѣхалъ онъ, и его жена, и его сынъ къ отцу и пробылъ тамъ съ мѣсяцъ въ печали, и написалъ письмо къ своему тестю, что желаетъ ѣхать въ Кенигсбергъ, чтобы разсѣяться. И прислалъ ему тесть много денегъ и поѣхалъ онъ, и жена его, и сынъ его и прибыли они въ Кенигсбергъ и пробыли тамъ съ годъ. И понравились имъ нравы людей прусскихъ, что ихъ сельскія жилища красивѣе жилищъ литовскихъ, и сельскій житель тамъ живетъ въ лучшемъ домѣ, чѣмъ на Литвѣ панъ. И сказалъ онъ своей женѣ: напишемъ письмо къ твоему отцу, чтобы прислалъ намъ деньги и купимъ

здѣсь себѣ имѣнье. Понравилась эта рѣчь женѣ, и она написала своему отцу, который дѣйствительно выслалъ имъ много денегъ. А когда деньги были получены, Заремба объявилъ женѣ, что хочетъ ѣхать въ землю Голландскую, и есть корабль, который отправляется въ Голландію. И сказала она ему: поѣду и я съ тобой, и взглянемъ на прелести страны. И сѣли они на корабль и прибыли въ Амстердамъ, гдѣ и наняли прекрасное жилище. Утромъ втораго дня пошелъ тотъ господинъ Заремба къ раввину города и объявилъ ему, что желаетъ перейти въ вѣру еврейскую. И отвели ему особенную избу и обрѣзали его и сына его, которому было лѣтъ пять, когда его обрѣзали. А жена его выглядывала, когда уже мужъ придетъ, а онъ цѣлый день не возвращался. Вечеромъ пошла она съ слугою отыскивать мужа и сына. А онъ послалъ ей на встрѣчу сказать, чтобы не искала, ибо перешелъ онъ въ вѣру еврейскую. Какъ услышала она это, такъ и упала на землю безъ чувствъ. И поставили ее люди на ноги и спросили ее: Что съ тобою? А она кричала громкимъ голосомъ: Мой мужъ сталъ евреемъ! И посмѣялись надъ нею люди и сказали ей: Здѣсь вольно каждому поступать какъ ему угодно. И пошла она и пришла въ избу, гдѣ находился ея мужъ. И закричалъ онъ ей громко, чтобы не подходила къ нему: Ибо я жидъ, человѣкъ низкій, а ты великая боярыня, дочь гетманская. Заплакала она и стала умолять его и сказала: приму же и я еврейскую вѣру. А мужъ ей сказалъ: хорошо, если хочешь перейти въ еврейскую вѣру, то ты должна поучиться еврейскому закону, и ты увидишь, что есть много тягостныхъ заповѣдей, не такъ какъ въ вѣрѣ другихъ, которымъ все вольно. Когда же научишься всему, узнаешь все и тогда все таки пожелаешь перейти въ вѣру еврейскую, то тебя примутъ съ любовью. И понравилась эта рѣчь женѣ его и пошла она къ своей хозяйкѣ, и попросила ее послать за женщиной, которая могла бы наставить ее въ вѣрѣ еврейской. А какъ кончились дни ученья и она хорошо научилась, она пошла къ мужу и послала за судьей. И онъ объявилъ ей строгость заповѣдей, какая кара ждетъ за ихъ нарушеніе и какая награда за ихъ исполненіе; затѣмъ приказалъ онъ женщинамъ окунуть ее въ воду. И стала она еврейкой. Затѣмъ она послала къ своему мужу и съ радостью объявила: Вотъ теперь какъ ты—такъ и я. И сказалъ ей мужъ: Хорошо ты сдѣлала, что

приняла эту вѣру, но скажу тебѣ, что желаніе мое жениться на женщинѣ изъ евреевъ, а ты—ты выйди замужъ за еврея, ибо вмѣстѣ съ тобою мы не будемъ знать хорошо, какъ совершать обряды— потому возьму я еврейку и будетъ она наставлять меня въ законѣ, а тебя будетъ наставлять твой мужъ-еврей, за котораго ты пойдешь.

И отвѣтила она ему:

— Разскажу я тебѣ исторію, которую читала я въ хроникахъ: Шли двое въ лѣсу и заблудились, и шли они нѣсколько дней въ большомъ страхѣ, не находя дороги. Но вдругъ совершилось съ ними чудо, и они попали на прямую дорогу. Но какъ только вышли они на дорогу, одинъ говоритъ другому: Теперь разойдемся мужъ отъ мужа, — я одесную пойду одинъ, а ты ступай одинъ ошую. Тогда товарищъ ему отвѣтилъ: Гдѣ же справедливость? Когда блуждали мы—мы шли вмѣстѣ, а какъ теперь мы вышли на прямую дорогу, ты отъ меня желаешь отдѣлиться. Теперь-то намъ вмѣстѣ и идти надлежитъ и радоваться чуду, которое Богъ сотворилъ намъ. И ты такъ поступить желаешь. Когда мы блуждали въ дебряхъ незнанія, ты былъ моимъ мужемъ, теперь какъ нашли мы истинный путь, ты отъ меня отдѣлиться желаешь. Это несправедливо. Наоборотъ, будемъ вмѣстѣ и будемъ радоваться чуду, совершившемуся съ нами по милости Бога.

И усмотрѣлъ мужъ доброту сердца ея и взялъ ее въ жены и жилъ въ Амстердамѣ долгое время, и потомъ отправился въ зелмю израильскую (Палестину).

А Геръ-Цедекъ, между тѣмъ, поѣхалъ сперва изъ Амстердама въ Нѣмецкую землю. Но не могъ стерпѣть онъ обряды тамошніе и онъ отправился изъ Нѣмецкой земли въ землю Русскую, а изъ Русской въ Литву и пріѣхалъ въ городъ Илію и жилъ тамъ съ нѣсколько недѣль. Однажды въ синагогѣ онъ увидѣлъ какого-то мальчика, сына портнаго, который скакалъ шумно въ школѣ и кричалъ громко и шалилъ. И покричалъ на него скромный Геръ-Цедекъ, чтобы не шалилъ, а мальчикъ отвѣтилъ ему гордо, съ большою дерзостью. И сказалъ Геръ-Цедекъ: вижу я по всему что онъ не выростетъ въ вѣрѣ израильской и измѣнитъ ей, ибо дерзость его велика. Услышавъ это, отецъ мальчика разсердился сильно, за то, что сказалъ онъ про его сына: онъ измѣнитъ своей вѣрѣ. И пошелъ онъ къ панамъ и донесъ имъ, что „тутъ живетъ

Геръ-Цедекъ". Тотчасъ послали они слугъ и привезли его на дворъ, и заковали въ кандалы желѣзные и отправили въ столицу, въ Вильну. И узнали его великіе паны, что онъ сынъ магната польскаго Потоцкаго и упали они предъ его лицомъ и сказали ему:

— Откуда тебѣ такая глупость?

А онъ не слушалъ словъ ихъ, не отвѣчалъ имъ ничего, и сильно ихъ разгнѣвило его молчаніе, и сказали они ему: Надъ кѣмъ ты смѣешься, съ кѣмъ ты шутишь, вѣдь тутъ идетъ о твоей жизни?

И отвѣчалъ онъ имъ:

— Глупы вы—и все,—какъ мнѣ отвѣтствовать вамъ: вѣдь не назвали вы меня моимъ именемъ, ибо я еврей, и имя мое Абрагамъ, а вы назвали меня Потоцкій, а это имя не-еврея, и сочли вы меня не-евреемъ, и потому не отвѣчалъ я вамъ.

И посадили они его въ темницу, и прислалъ ему епископъ крестъ золотой и самъ пришелъ къ нему и сказалъ:

— Окажи мнѣ надлежащую честь!

И отвѣчалъ онъ:

— Было бы справедливо, чтобы оказалъ я вамъ честь и снялъ передъ вами шапку, ибо вы великій панъ, а я еврей, человѣкъ мизерный, худородный, презираемый, изгнанникъ бѣдный; но вы держите крестъ — и шапки передъ вами снимать не могу.

И очень это разсердило ихъ, и ушли они отъ него въ гнѣвѣ и послали къ нему красивую женщину, чтобы уговорила она его. Но не послушалъ онъ ихъ рѣчей и просидѣлъ въ темницѣ больше года, и завелись черви во внутренностяхъ его. И сказалъ онъ: ѣшьте тѣло мое, ибо тѣло мое питалось нечистымъ мясомъ.

А втораго дня праздника Швуесъ (пятидесятницы) вышелъ приговоръ, чтобъ сжечь его; сильно просили его передъ сожженіемъ, чтобы возвратился онъ въ ихъ вѣру, а онъ надъ ними смѣялся. Тогда приказали они палачу вырѣзать ему языкъ и вырвать его изъ затылка. Когда же мучили его онъ громко и радостно превозносилъ Бога, говоря: Будь благословенъ ты Боже, что освящаешь свое имя всенародно!

А на евреевъ палъ въ тотъ день великій страхъ и темнота великая, и никто не выходилъ за дверь дома своего. Только одинъ вышелъ, а имя его рабби Лейзеръ Зискесъ — блаженной памяти—ибо не было у него знака бороды, и пошелъ онъ на мѣсто

сожженія и сталъ между другими. И удалось ему помощью подкупа, что далъ онъ помощнику палача, который принесъ ему немного пепла отъ тѣла набожнаго и чистаго, а все уничтожено было пламенемъ. И досталъ онъ немного крови отъ тѣла его. Одна женщина разсмѣялась и открыла свои губы, когда палачъ вырѣзывалъ ему языкъ и покривилъ его уста, и та женщина онѣмѣла, а Сафьяники, что дали дрова на его сожженіе,—у тѣхъ сгорѣли дома ихъ до тла. Такъ да погибнутъ всѣ враги Твои за кровь слуги Твоего. На другой день пришло письмо, чтобы не убивать его но было уже поздно.

И жилъ въ тѣ дни на Руси человѣкъ, который повѣствовалъ, что былъ Геръ-Цедекъ въ городѣ Вильнѣ, и принялъ тамъ мученичество всенародно...

ВЫСШЕЕ БЕРЛИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕВРЕИ *).

Статья К. Гильбранда.

Русскіе евреи переживаютъ, въ настоящее время, трудную критическую эпоху полнаго перестроя нравственнаго и общественнаго быта. Съ одной стороны правительство и само русское общество, подъ вліяніемъ культурныхъ идей XIX вѣка, мало по малу освобождается отъ традиціонныхъ предразсудковъ прежняго времени, по отношенію къ евреямъ, и лучшая часть образованнаго русскаго общества желаетъ видѣть въ нихъ равныхъ себѣ гражданъ. Съ другой-же стороны въ средѣ самихъ евреевъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, видимо все сильнѣе и сильнѣе проявляется потребность выйти изъ средневѣковой насильно навязанной имъ замкнутости и стать на современную почву общеевропейской культуры. Въ этомъ отношеніи имъ остается только слѣдовать примѣру своихъ единовѣрцевъ на западѣ, гдѣ евреи давно успѣли занять самое видное мѣсто по всѣмъ отраслямъ какъ умственной такъ и гражданской дѣятельности современнаго общества. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что и въ западной Европѣ, особенно въ Германіи, еще въ началѣ нашего столѣтія положеніе евреевъ было не лучше, чѣмъ въ наше время въ Россіи. На долю русскихъ евреевъ пришлось опоздать на поприщѣ историческаго развитія слишкомъ полувѣкомъ противъ своихъ единовѣрцевъ въ Германіи; русскимъ евреямъ приходится теперь продѣлать почти буквально тотъ самый процессъ самопересозданія, который такъ блистательно совершенъ нѣмецкими евреями въ концѣ прошлаго и началѣ нашего столѣтія. Немало интереса поэтому представляетъ намъ прослѣдить этотъ описываемый ниже, поучительный въ высшей степени, переходной періодъ у нѣмецкихъ евреевъ, въ которомъ слава перваго почина и послѣдующей неутомимой дѣятельности принадле-

---

*) Изъ „Revue des deux mondes“.

житъ блистательному тріумвирату Фридраха II, Моисея Мендельсона и Лессинга, имена которыхъ останутся вѣчно незабвенными въ исторіи эманципаціи какъ нѣмецкихъ евреевъ такъ и самихъ нѣмцевъ. Если русскимъ евреямъ не посчастливилось еще произвести своего Мендельсона, равно какъ и русскимъ своего Лессинга, то на сторонѣ ихъ по крайней мѣрѣ то, правда не совсѣмъ завидное, преимущество, что имъ приходится продѣлать процессъ регенерацiи именно слишкомъ полувѣкомъ позже своихъ, и слѣдовательно уже по готовымъ примѣрамъ и образцамъ ихъ нѣмецкихъ соплеменниковъ. Должно поэтому надѣяться, что какъ правительство, такъ и сами евреи воспользуются опытомъ, представляемымъ европейскими государствами и достигнутъ гражданскаго и соціальнаго преобразованія русскихъ евреевъ въ гораздо болѣе короткій срокъ, и не повторяя тѣхъ ошибокъ и задовъ, которые замедлили это дѣло въ западной Европѣ.

I.

Примѣръ и политика великаго Фридриха дали въ его время возможность развиться и выступить, кромѣ французскаго, который какъ извѣстно, получилъ тогда весьма сильное вліяніе, еще и другому соціальному элементу. Подъ терпимымъ и покровительствовавшимъ имъ правительствомъ, и евреи, наконецъ, осмѣлились оставить свое нравственное гетто. Они пріобрѣли во время войны большія богатства и, когда наступилъ миръ, стали образовать собою домá. Они въ скоромъ времени усвоили себѣ французскую цивилизацію, которая была тогда въ модѣ и къ которой ихъ влекло тайное сродство. Если добродѣтели, свойственныя только свободнымъ племенамъ, если французскія качества par excellence—храбрость, гордость, рыцарскій духъ—и недоставали потомку угнетенной расы, за то онъ обладалъ другими достоинствами, которыя дали ему возможность усвоить себѣ французскую культуру быстрѣе чѣмъ нѣмцы. Прежде всего евреи обладали и обладаютъ тѣмъ, что собственно называется умомъ — esprit, Geist — именно остроуміемъ, вкусомъ, цѣнящимъ хорошія и хорошо высказанныя вещи, ироническимъ тономъ и быстрою способностью уловить все смѣшное, а также здравымъ смысломъ и извѣстнымъ практическимъ, даже въ ежедневную жизнь перенесеннымъ раціонализмомъ, наводящимъ отчаяніе на мечтательныя натуры, которыя, не будучи въ состояніи понять его, тотчасъ его осуждаютъ. Проницательный умъ и ин-

теллигенція, враждебно относящіеся какъ къ оттѣнкамъ, избѣгающимъ анализа, такъ и къ чувствамъ, не имѣющимъ опредѣленнаго характера, съ одинаковою силой обнаруживаются впрочемъ какъ въ жизни, такъ и въ умственныхъ произведеніяхъ евреевъ. Разумность, на которой основана большая часть еврейскихъ браковъ, семейное чувство, которое за тѣмъ освящаютъ эти разумные выборы,—нѣжная привязанность родителей къ своимъ дѣтямъ, уваженіе и любовь дѣтей къ родителямъ—одинаково свойственны какъ евреямъ, такъ и французамъ. Благородная привычка помогать другъ другу, чуждая германскимъ расамъ, предоставляющимъ отдѣльной личности самой выпутаться изъ бѣды и завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, разсудительность и склонность къ сбереженіямъ, стремленіе играть роль, умѣнье хорошо говорить и тысячи другихъ качествъ ни у кого не развито въ такой сильной степени, какъ у французовъ и евреевъ. Это никакъ нельзя считать дѣломъ случая, что Генрихъ Гейне и Мейерберъ такъ скоро акклиматизировались по сей сторонѣ Рейна и что въ Германіи на нихъ смотрѣли, какъ на умственныхъ представителей Франціи.

Берлинскіе евреи, болѣе богатые и не чуждые современнаго умственаго образованія, первые сдѣлали попытку сблизиться съ обществомъ, и встрѣтивъ въ среднемъ классѣ много предразсудковъ, которые не раздѣлялись болѣе философствующей аристократіей, подобно евреямъ воспитанной на идеяхъ французскихъ энциклопедистовъ, они устремили свои взоры на высшее дворянство, которое и не заставило долго просить себя. Молодые люди, которые въ родительскомъ домѣ находили лишь натянутое, чопорное обращеніе и скуку, составляющую необходимый атрибутъ жизни богатыхъ, но умственно неразвитыхъ женщинъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣютъ замаскировать эту пустоту легкимъ кокетствомъ—эти молодые люди охотно искали убѣжища у красивыхъ и любезныхъ евреекъ, которымъ богатые родители старались дать возможно лучшее воспитаніе и превосходное образованіе. Тутъ находили они все, что могло ихъ плѣнять: неизвѣстную въ протестантскихъ домахъ роскошь, блескъ, природный умъ и въ особенности большую свободу, такъ какъ хозяева не особенно скупились снисходительностью къ тѣмъ, которые умѣли забывать ихъ происхожденіе. Аристократія того времени — какъ прусская такъ и француз-

ская—были впрочемъ вполнѣ воодушевлены и очарованы либеральными идеями, носившимися тогда въ воздухѣ. Эти-то господа высокаго происхожденія и не думали избѣгать еврейскихъ салоновъ, гдѣ находили не только молодыхъ и красивыхъ женщинъ съ современнымъ образованіемъ, но и совершенное отсутствіе всякихъ предразсудковъ, нерѣдко столь тягостныхъ въ, такъ называемомъ, высшемъ обществѣ. При томъ-же дворянство, если у него и оставались еще кое-какіе предразсудки, чувствовало себя слишкомъ далекимъ отъ этого новаго міра, чтобы опасаться его прикосновенія, какъ это могло бы имѣть мѣсто у буржуазіи. Такимъ образомъ всѣ бывшія въ Берлинѣ выдающіяся личности мало по малу вовлекались въ этотъ кругъ: сперва дипломаты, которые разбили ледъ, затѣмъ прусское дворянство, наконецъ и само королевское семейство—двумя самыми блестящими своими членами.

Если буржуазія держалась въ отдаленіи отъ этого, пропитаннаго новыми идеями, общества, то этого отнюдь нельзя сказат писателяхъ и ученыхъ. Хотя прусская столица не имѣла еще тогда своего университета, но въ ней засѣдала уже знаменитая академія. Съ тѣхъ поръ какъ Лессингъ вмѣстѣ съ Моисеемъ Мендельсономъ обнародовали тамъ извѣстныя „Письма о литературѣ“ (1757 г.), писатели всей Германіи устремились въ Берлинъ и принесли съ собою всѣ тѣ воззрѣнія—называть-ли ихъ: идеальными или свободными—которыми проникнутъ классическій періодъ нѣмецкой литературы и которыя не придаютъ значенія вседневной марали, потому что смѣло ставятъ инстинктъ и геній выше соціальныхъ формъ и законовъ. Писатели большею частью бѣдные, на столько же, какъ и члены аристократіи и по тѣмъ же мотивамъ высоко цѣнили эту нейтральную почву, гдѣ они могли забыть свои res angusta domi, не имѣя надобности искупать ихъ грустными удовольствіями душной пивной. Богатый христіанскій купецъ—такихъ впрочемъ было немного — по нѣмецкому обычаю все еще удовлетворялся простотой мѣщанской жизни; образованнаго средняго класса тогда еще вовсе не существовало, или онъ начиналъ лишь возникать; чиновникъ умиралъ съ голоду или превращался въ настоящую рабочую машину, если только не принадлежалъ къ высшему дворянству, и въ такомъ случаѣ онъ жилъ строго отдѣльно отъ своихъ мѣщанскихъ товарищей. Одинъ только Николаи, другъ Мендельсона и Лессинга,

превратившійся изъ книгопродавца въ автора и обладавшій значительнымъ состояніемъ, принималъ иногда у себя ученыхъ, но если бы онъ даже захотѣлъ, то ему-бы никакъ не удалось собрать около себя образованныхъ дилетантовъ-аристократовъ. При дворѣ, до 1786 года, было крайне скучно. Фридрихъ II никуда не показывался и жилъ исключительно въ своемъ любимомъ Сансуси, а королева жила отдѣльно въ Шенгаузенѣ. Обстоятельства, по крайней мѣрѣ въ глазахъ публики, мало измѣнились и по вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма II. Племянникъ короля-философа заперся въ своемъ „потсдамскомъ сералѣ," окруженный своими метрессами, своими розенкрейцерами, своими бездарными и невѣжественными піетистами и клевретами, нисколько не заботясь объ обществѣ своего добраго города. Нравственное усыпленіе новаго двора не осталось впрочемъ безъ вліянія на прусское дворянство, на которое уже подѣйствовалъ было примѣръ религіознаго индеферентизма дяди. Такимъ образомъ въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія образовался совершенно особый берлинскій духъ, сложившійся изъ іудейства, просвѣщенія („lumière"), какъ говорили наши дѣды, и нѣкотораго французскаго атеизма. „Нужно было духа XVIII столѣтія", сказалъ Варнгагенъ, „правленія Фридриха II, берлинской почвы, появленія Моисея Мендельсона и Лессинга, необходимо было все это, чтобы воспроизвести такіе цвѣты".

Первый толчекъ къ сліянію всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ дѣйствительно былъ данъ Моисеемъ Мендельсономъ, характеръ котораго представлялъ не мало особенностей для типа религіозной терпимости XVIII столѣтія — для Лессингова „Натана мудраго".

Этотъ популярный философъ, который, своей жизнью и знаменитыми твореніями, такъ блистательно совершилъ эманципацію своихъ единовѣрцевъ, эманципировавши въ тоже время и нѣмцевъ, началъ свою дѣятельность съ немалыми затрудненіями. Болѣзненный, уродливаго сложенія, бѣдный, очутился онъ въ Берлинѣ четырнадцати лѣтъ отъ роду (1743 г.), съ цѣлью учиться тамъ у возлюбленнаго учителя, раввина Фрѣнкеля. Только съ большимъ трудомъ пробивался нашъ юноша, занимаясь перепискою талмудическихъ коментаріевъ, и нерѣдко онъ вынужденъ былъ отмѣтить на своемъ хлѣбѣ черту, на которой необходимо было ему остановиться

въ скудной трапезѣ, чтобы обезпечить себѣ остатокъ хлѣба на другой день. Прибавьте къ этому національную исключительность евреевъ, которая въ эту эпоху была сильнѣе, чѣмъ у христіанъ, что еще въ 1756 г., не долго послѣ прибытія Мендельсона въ Берлинъ, еврейское общество выслало изъ города мальчика, исполнившаго порученіе христіанина—снести нѣмецкую книгу изъ одной улицы въ другую, — надо вспомнить все это, чтобы понять, сколько энергіи, храбрости духа и настойчивости нужно было Мендельсону, чтобы мужественно пройти весь путь неодолимыхъ препятствій и добиться предположенной цѣли. Мы не станемъ разбирать здѣсь ни его литературной дѣятельности, ни его великаго значенія въ новѣйшей исторіи евреевъ. Мирабо изложилъ это обстоятельно въ великолѣпной статьѣ: Moise Mendelsohn et la réforme des Juifs. О знаменитой книгѣ нашего популярнаго философа, Іерусалимъ, содержащей первую программу отдѣленія церкви отъ государства, Кантъ въ свое время сказалъ, что „она первая провозглашаетъ великую реформу, которая можетъ осуществиться только постепенно, но впослѣдствіи должна обнять всѣ религіи. Въ настоящемъ случаѣ насъ интересуетъ болѣе его личная жизнь и дѣятельность, нежели литературное значеніе. По милости одного богатаго еврея, котораго уваженіе и преданность онъ заслужилъ какъ учитель его дѣтей, и который притянулъ потомъ Мендельсона къ участію въ выгодныхъ дѣлахъ, нашъ ученый успѣлъ составить себѣ совершенно обезпеченное положеніе. Онъ женился и былъ осчасливленъ милымъ семействомъ, которое безконечно любило его. Но его положеніе въ то время (около 1760 г.) было еще далеко отъ того, какимъ оно сдѣлалось двадцать пять лѣтъ спустя. Послѣ долгаго основательнаго изученія и сличенія всѣхъ религій, онъ рѣшилъ, наконецъ, свой выборъ въ пользу іудаизма, какъ религіи съ наименьшими, по его мнѣнію, несовершенствами, въ которой онъ и воспиталъ дѣтей своихъ. Не мало пришлось имъ страдать въ свое время отъ народныхъ предразсудковъ, которые были тогда сильнѣе воли великаго короля, желавшаго, чтобы „въ его государствѣ всякій могъ бы достичь блаженства на свой манеръ".

„Въ этой, такъ называемой, странѣ вѣротерпимости" — писалъ тогда Мендельсонъ —„я подвергался такимъ стѣсненіямъ, вслѣдствіе общей нетерпимости,

что изъ любви къ своимъ дѣтямъ я вынужденъ былъ держать себя по цѣлымъ днямъ, точно въ заключеніи, на фабрикѣ шелковыхъ издѣлій. Только по временамъ я позволялъ себѣ иногда дѣлать вечернюю прогулку въ сопровожденіи моего семейства.—„Папа, закричалъ разъ невинный ребенокъ, изъ за чего собственно буянятъ такъ эти мальчишки? изъ за чего бросаютъ они камнями? что мы имъ такого сдѣлали? — да, дорогой папа, сказалъ другой ребенокъ, они насъ постоянно преслѣдуютъ по улицамъ, крича безпрерывно: жидъ, жидъ! Неужели это въ самомъ дѣлѣ такъ стыдно быть евреемъ?—„Увы, я только опускалъ глаза, думая про себя: люди, люди! до чего вы довели себя!"

Въ его скромномъ, но гостепріимномъ домикѣ, нашъ практическій философъ соединялъ тогда чуднымъ образомъ строгія патріархальныя традиція мозаизма съ духомъ эманципаціи того вѣка. Суббота соблюдалась у него во всей строгости; жена его носила еще бархатный головной уборъ, котораго назначеніе было закрывать волосы еврейской замужней женщины. Свою дочку Доротею онъ выдалъ замужъ, по еврейскому обычаю, въ 16 лѣтъ, даже не спросясь ея согласія. Онъ конечно тогда не воображалъ, чтобы эта Доротея, точно также какъ и сестра ея Генріета, обѣ одаренныя весьма хорошими способностями, но экзальтированныя мечтательницы, могли когда либо жестоко измѣнить его принципамъ воспитанія, сдѣлавшись набожными и ревностными католичками. Домъ Мендельсона, не смотря на его простоту и строгость нравовъ, не былъ однако закрытъ для друзей свѣта, и авторъ Sebaldus Nothanker, тотъ самый, котораго Гёте обезсмертилъ въ своей Вальпургьевой ночи, подъ именемъ Проктофантасмиста, словомъ, извѣстный тогда Николаи, интимный другъ Моисея Мендельсона, былъ далеко не первый и не послѣдній изъ христіанъ, посѣщавшихъ его. Между тѣмъ какъ на поприщѣ литературномъ Мендельсонъ придалъ французскому и англійскому деизму свой особый нѣмецкій отпечатокъ, онъ въ то же время въ общественной жизни служилъ центромъ тогдашняго движенія на поприщѣ общедоступной философіи.—Благодаря этому, онъ естественно возбуждалъ неудовольствіе своихъ единовѣрцевъ-старовѣровъ, которые деспотически, съ важностью владыкъ, заправляли своими семействами и обществомъ и съ одинаковою энергіею порицали новыя идеи, какъ и туалетъ, театръ и всякія другія свѣтскія удовольствія. Если бы ихъ послушать, то приходилось бы запретить еврейскимъ дѣвушкамъ всякое прикосновеніе съ христіанами, которые могли

только подорвать въ нихъ семейное чувство, такъ крѣпко сохранившееся въ еврейской націи.

Понятно, что подобное воззрѣніе пришлось плохо по вкусу молодымъ женщинамъ 1770 года, которыя успѣли уже понять направленіе Мендельсона, получивши болѣе свободное и согласное съ духомъ того времени воспитаніе. Онѣ пристрастились къ чтенію, и англійскіе романы составляли ихъ лучшее наслажденіе. Ихъ учили по-французски конечно потому, что родители находили это полезнымъ средствомъ, чтобы лучше выдать ихъ замужъ; но затѣмъ это ужъ было ихъ дѣло пользоваться этимъ языкомъ,—и съ кѣмъ же оставалось болѣе говорить по французски, если не съ молодыми аристократами, которые пріѣзжали изъ Парижа? Конечно трудно представить себѣ что-либо непріятнѣе, чѣмъ бесѣда между молодыми людьми въ то время, когда родители не понимаютъ языка, на которомъ говорятъ. Не даромъ писалъ тогда (Августъ 1798 г.) Шлейермахеръ своей сестрѣ: „всѣ молодые аристократы и ученые, которые желаютъ пользоваться хорошимъ обществомъ безъ особыхъ стѣсненій, стараются быть представленными въ лучшихъ еврейскихъ домахъ, гдѣ весьма любезно принимаютъ всѣхъ людей съ талантомъ".

Среди тогдашнихъ еврейскихъ салоновъ преимущественно отличался роскошью и блескомъ домъ банкира Когена. — Тутъ играли иногда французскую комедію, и преимущественно M-me de Genlis пріобрѣла себѣ тамъ настоящую репутацію актрисы. „Что удивительнаго! сказала она разъ окружавшимъ, которые удивлялись ея необыкновенному искусству — я играю комедію всю мою жизнь". Домъ совѣтника Ефраима былъ въ особенномъ почетѣ у аристократовъ-офицеровъ и литераторовъ, которые особенно охотно тамъ встрѣчались. Одному изъ литераторовъ, съ подкладкою мистика-шарлатана и авантюриста, Лейшенрингу, — патеру Брею Гёте [1]), Франку Ахимъ-фонъ-Арнима,—даже до того понравилось въ этомъ домѣ, что онъ чуть было уже не женил-

[1]) Кромѣ этого сатирическаго эскиза Гёте оставилъ въ своихъ мемуарахъ, книга XIII, менѣе фантастическій портретъ этого замѣчательнаго мужа съ тайной шкатулкой. Мы узнаемъ тамъ, что въ этой знаменитой шкатулкѣ содержались еще интимныя письма Юлія Бондета, друга Жанъ-Жака Руссо.

ся на молодой дочери старика еврея. Свадьба однако не состоялась, и Лейшенрингъ оставилъ Берлинъ, чтобы явиться въ Парижъ смотрѣть первую вспышку революціи. Туда послѣдовала и близко наблюдала за нимъ M-lle фонъ-Билефельдъ, другая жертва этого нѣмецкаго Каліостро. Разсказываютъ, что она нелѣпыми порывами то любви, то ненависти готовила ему и себѣ самый кромешный адъ въ этомъ большомъ городѣ. Что до красивой Адели Когенъ, которая спаслась отъ Лейшенринга, то она скоро послѣ того вышла замужъ за важнаго прусскаго аристократа. Впрочемъ она была далеко не единственная изъ евреекъ, сдѣлавшихъ блистательныя партіи. Банкиръ Майеръ, котораго домъ соперничалъ въ богатствѣ и удовольствіяхъ съ домами Ефраима и Когена, имѣлъ двухъ дочерей, которыхъ судьба должна была затемнить блескъ ихъ маленькой подруги; онѣ призваны были задавать тонъ въ высшемъ обществѣ двухъ нѣмецкихъ столицъ, сначала въ Берлинѣ, а потомъ въ Вѣнѣ. Красивыя, любезныя, увлекательныя, онѣ обѣ имѣли много обажателей уже съ первой молодости. Лессингъ и Гердеръ, говорятъ, добивались милости красивой Сары, (род. въ 1760 г.); Гёте находилъ ее прелестной, и не смотря на то, что ей, если вѣрить злымъ языкамъ, недоставало нѣсколько ума, онъ велъ даже съ ней весьма прилежную переписку. Г-жа де-Жанлисъ, которая давала уроки французскаго языка въ Берлинѣ,—такъ какъ маркиза де-Силлери, не умѣвшая пользоваться своими сценическими талантами, благородно рѣшилась на эту тяжелую работу, — г-жа де-Жанлисъ обожала Сару, и даже старый князь Линьи, этотъ совершеннѣйшій типъ философа-аристократа XVIII вѣка, окончательно былъ влюбленъ въ эту дѣвушку. Проживши, впрочемъ въ продолженіе весьма короткаго времени, въ печальномъ замужествѣ по расчету, прекрасная Сара обратилась въ христіанство, перешла потомъ опять въ еврейство и кончила тѣмъ, что вышла замужъ за остзейскаго барона. Домъ баронесы фонъ-Гротгюссъ сдѣлался самымъ блестательнымъ въ Берлинѣ. Добрая, прелестная, несмотря на нѣкоторую суетность, которая доходила до глупости, и на кокетство, правда невинное, но весьма выразительное, она служила предметомъ болѣе удивленія, чѣмъ любви. Она имѣла впрочемъ и друзей,—ибо чего только не простятъ красивой женщинѣ, плѣнительной, богатой, добродушной, когда она, кромѣ того, желаетъ нравиться? Рахиль, которая не умѣла выносить личностей, не заслужившихъ ея уваженія, осталась ей постоянно преданной, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла вѣрно цѣнить ее. Такъ Рахиль ставитъ Сару во главѣ знаменитаго списка „четырехъ личностей наиболѣе суетныхъ, какихъ она когда либо видала“. Другими личностями были докторъ Бемъ, маіоръ Гальтьери, одинъ изъ милѣйшихъ скептиковъ, и французсій эмигрантъ графъ Тили, который игралъ весьма видную роль въ салонахъ Берлина и которому, подобно Гальтери, суждено было кончить трагически. Самолюбіе г-жи фонъ-Гротгюссъ имѣло въ себѣ нѣчто наивное; „она сама воображала себя необыкновенной, разсказываетъ Рахиль, и любовалась сама собой. Она препаивно считала за собою всѣ преимущества и въ одномъ этомъ сознаніи чувствовала себя уже счастливой. Ничто ее такъ не огорчало, какъ если она замѣчала, что кто либо оцѣниваетъ ее не такъ, какъ она сама себя цѣнитъ. Но такъ какъ это не мѣшало хорошему мнѣнію, которое она имѣла о себѣ самой и не растраивало пріятнаго заблужденія, позади котораго она пряталась, то она видѣла въ этомъ только дерзость, которую надо устранить, какъ всякій другой безпорядокъ, который является въ обществѣ, но не касающійся ея лично“.

Еще красивѣе и привлекательнѣе г-жи Гротгюссъ была ея младшая сестра Марьяна, которая, повидимому, выигрывала умомъ, что она теряла предъ старшей сестрой въ добродушіи и наивномъ кокетствѣ. Красоты менѣе образцовой, она отличалась бо́льшею свободою и непринужденностью въ манерахъ, чѣмъ Сара. Въ сущности съ такими же претензіями, какъ и г-жа Гротгюссъ, она гораздо менѣе ихъ обнаруживала, именно потому, что была гораздо умнѣе. Холодная и расчетливая, она умѣла пользоваться настоящимъ не по легкому увлеченію минуты, но съ обдуманностью, довольная всякимъ возможнымъ наслажденіемъ и не особенно заботясь о будущемъ. „Après moi le deluge“—говаривала она, и „ея прекрасныя уста, ея игривый умъ, какъ говоритъ Варенгагенъ, придавали этому жесткому выраженію такую прелесть, которая невольно заставляла васъ подписать его“. Люди менѣе проницательные, какъ Генріета Герцъ, принимали все это за невинное легкомысліе; но Варенгагенъ и Рахиль понимали ее го-

раздо глубже и нисколько не увлекались ни ея прелестью, ни ея живостью. Въ сущности она обладала рѣшительнымъ и упорнымъ характеромъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось ея интересовъ. Уже въ пятнадцать лѣтъ она, безъ вѣдома родителей, приняла христіанство для того только, чтобы облегчить себѣ входъ въ большой, аристократическій свѣтъ, куда она горѣла нетерпѣніемъ попасть. Но этотъ именно наивный эгоизмъ, какъ это не рѣдко бываетъ у молодой, необыкновенной красоты женщины, дѣйствовалъ весьма увлекательно на мущинъ. Гете, который познакомился съ нею на 50 году своей жизни (1797 годъ), находилъ ее необыкновенно увлекательною и вовсе не скрывалъ живой къ ней привязанности. 13 лѣтъ спустя, на водахъ въ Теплицѣ, фонъ-Гентцъ жалуется еще на поэта, что глаза его не видятъ кругомъ ничего, кромѣ прекрасной Марьяны, единственной личности, съ которою онъ крайне охотно проводитъ время".

Надо замѣтить, что Гете всегда очень привязывался къ красивымъ женщинамъ à la française, которыхъ здравый смыслъ и развязность возмущали всегда его соотечественниковъ филистеровъ, видѣвшихъ въ граціозномъ кокетствѣ отсутствіе всякой поэзіи и недостатокъ женственной застѣнчивости. Между тѣмъ иностранцы и люди большаго свѣта разсуждали объ этомъ иначе. Всѣ дипломаты въ Берлинѣ видимо соперничали между собою въ стараніи нравиться прекрасной Марьянѣ: посланникъ саксонскій, графъ Геслеръ, окончательно влюбился въ нее, и не будь его несокрушимаго предубѣжденія противъ жидовства, онъ непремѣнно обвѣнчался бы съ нею. Графъ Кристьянъ фонъ-Бернсторфъ, въ то время аташе при датскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, а потомъ прусскій министръ, былъ влюбленъ въ нее до сумашествія. Нужно было рѣшительнаго сопротивленія со стороны его отца, чтобы заставить его отказаться отъ брака съ нею, и едва только старикъ закрылъ глаза, какъ влюбленный наслѣдникъ поспѣшилъ предложить свою руку прекрасной Марьянѣ... Но увы, слишкомъ поздно! Онъ явился въ день ея свадьбы съ другимъ дипломатомъ, болѣе пожилымъ, именно съ принцемъ Рейсомъ изъ владѣтельнаго дома Рейсъ, который былъ тогда австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ. Въ сущности она была обѣщана ему, а по увѣреніямъ другихъ, даже тайно обвѣнчана съ нимъ уже

нѣсколько лѣтъ раньше. Принцъ, впрочемъ, не долго жилъ, и въ 1799 году его вдова по морганическому браку, мадамъ фонъ-Ейбенбергъ—имя, которое носила она по браку съ Рейсомъ—оставила Берлинъ, чтобы устроиться въ Вѣнѣ; впрочемъ, она часто пріѣзжала въ свой родной городъ. Въ обѣихъ столицахъ она завела связь съ высшими придворными дамами, — съ княжнами курляндскими и семействами Линьи и Клари наша милая еврейка состояла на совершенно фамильярной ногѣ. Ея оживленный, увлекательный разговоръ былъ въ высокомъ уваженіи, и особенно восхищались ея портретами à la Cèlimène, которыя она не задумывалась чертить къ великому ужасу ея друзей. Говорятъ, что силуэтка, нарисованная ею съ себя самой по особому желанію г-жи Сталь, далеко не была послѣднею шалостью ея пера. Насколько силуэтка эта походила на оригиналъ, въ этомъ мы можемъ только сослаться на Варнгагена, который узналъ ее послѣ іенскаго дѣла, когда ей было уже около сорока лѣтъ, и выражается о ней, что и „скука ея была занимательна, а ея эгоизмъ привлекателенъ!"

Не смотря на всѣ настоянія ея литературныхъ друзей и на примѣръ ея старшей сестры, которая сочиняла много разсказовъ, драмъ, статей о нравственности, даже о политикѣ, большею частью по-французски, она никогда ни за что не рѣшилась сдѣлаться писательницею. Сестры эти впрочемъ не навсегда оставались въ блистательномъ положеніи, въ какомъ мы видали ихъ сейчасъ. Г-жа фонъ-Гротгюссъ съумѣла еще обезпечить себѣ приличное скромное существованіе, послѣ того какъ война окончательно разорила ея мужа. Между тѣмъ вдова принца Рейса, жившая всегда только настоящимъ, была застигнута въ расплохъ совершенною потерею своего состоянія послѣ сраженія при Аустерлицѣ. Воспитанная въ роскоши и привыкшая къ большому свѣту, наша милая вдова должна была предъ ранней своей смертью (1814), испытать всю горечь бѣдности и общаго отчужденія отъ нея всѣхъ прежнихъ ея друзей. Жалѣла ли тогда наша милая эгоистка о томъ, что не съумѣла обезпечить себя во время?

Почти въ одно и тоже время съ г-жею фонъ-Гротгюссъ и г-жею фонъ-Ейбенбергъ, другія двѣ еврейки, дочери богатаго Ицига въ Берлинѣ, оставили скучные берега Шпре, чтобы переселиться на

берега Дуная, послѣ того какъ онѣ нашли хорошія партіи и вышли замужъ за лицъ высшей аристократіи. Тутъ-то и видны богатые плоды широкой гражданственности духа вѣротерпимости Фридриха II: смѣшанный бракъ, прежде вовсе неслыханный въ Берлинѣ, сталъ въ концѣ прошлаго вѣка явленіемъ довольно общимъ, особенно среди прусской аристократіи, тогда гораздо болѣе свободной отъ предразсудковъ, чѣмъ бюргерство. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣлъ значительно измѣнилось, и въ настоящее время, именно средній классъ, глубже проникнутый современными идеями вѣротерпимости и свободы совѣсти, вполнѣ освободился отъ религіозныхъ предубѣжденій, тогда какъ аристократія, по несчастью своротившая съ благороднаго пути, по которому шла она въ 1806—1815 г., окончательно вернулась къ средневѣковымъ предразсудкамъ касты и рассы. Подчеркиваю эти слова, желая именно сказать, что всѣ подобнаго рода предразсудки основаны исключительно на враждѣ рассы и касты; религіозная нетерпимость играетъ здѣсь весьма незначительную роль. Прусскій юнкеръ смотритъ на еврея, кто бы онъ ни былъ, какъ на выскочку, а буржуа смотритъ на него какъ на иностранца. Нѣтъ въ мірѣ ничего упорнѣе вражды національности. По этому-то весьма естественно, что обращеніе нисколько не можетъ помочь дѣлу. Конечно, предразсудокъ этотъ далеко не исчезъ еще совсѣмъ, но онъ видимо исчезаетъ постепенно, и смѣшанный бракъ, рѣдкій теперь во Франціи, становится ежедневнымъ явленіемъ въ Германіи. Не надо поэтому забывать, что не допущенія въ салоны высшаго общества и не открытый путь къ высшимъ государственнымъ почетамъ уничтожаютъ невидимыя преграды между различными рассами и кастами—это достигается преимущественно бракомъ. Римскій плебей былъ вполнѣ правъ, если не считалъ себя совершенно равнымъ съ патриціемъ до тѣхъ поръ, пока не достигнулъ послѣдняго пріобрѣтенія—Connubium!

Возвращаясь къ нашему берлинскому обществу въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, мы должны замѣтить, что тогда еврейскія дѣвушки не встрѣчали, повидимому, большаго затрудненія для вступленія въ брачный союзъ съ прусскою аристократіею. По крайней мѣрѣ старикъ Ицигъ, который при первомъ своемъ появленіи въ Берлинѣ былъ бѣднымъ, простымъ закладчикомъ, безъ затрудненій успѣлъ выгодно пристроить въ высшемъ свѣтѣ 12 дѣтей,

которыя всѣ получили блистательное и солидное воспитаніе. Его младшая дочь Цецилія, впослѣдствіи баронесса фонъ-Ескелесъ, отступила немного на второй планъ, по милости своей старшей сестры, прекрасной Фанни фонъ-Арнштейнъ, которая въ свою очередь чувствовала себя одно время забытою, по милости г-жи фонъ-Эбенбергъ, которой она страшно завидовала. Но скоро наступила буря, и высокая прекрасная Фанни восторжествовала надъ плѣнительной и беззаботной своей соперницей. Говоря легко и изящно на всѣхъ новыхъ языкахъ, живая, умная, проникнутая свободою мыслей, аклиматизированною Лессингомъ и Фридрихомъ II, она сдѣлала изъ своего салона въ Вѣнѣ, говоря словами Варигагена, миссіонерскую станцію для распространенія берлинскихъ либеральныхъ идей. Князь Карлъ Лихтенштейнъ, познакомившись съ прекрасною берлинкою, поспѣшилъ предложить ей свою руку, титулъ и свое громадное состояніе, — баронесса фонъ-Арнштейнъ была тогда только что овдовѣвши. Она отвергла это предложеніе, которое сопровождено было непремѣннымъ желаніемъ, чтобы она приняла христіанство. Но по несчастью дѣло этимъ не кончилось, и любовь владѣтельнаго князя повела за собою страшную катастрофу. Свѣтскій монахъ баронъ фонъ-Вейхсъ, который соперничалъ съ княземъ, вызвалъ его на дуэль и убилъ его. Столица Австріи выказала при этомъ случаѣ всю свою симпатію и уваженіе къ невинной личности, которая невольно сдѣлалась причиною несчастія. Что до нея самой, то она надолго сохранила память этой любви, которой она не рѣшилась пожертвовать религіею своихъ отцовъ. Съ тѣхъ поръ, въ годовщину смерти князя, она каждый разъ запиралась въ уединеніи и молилась цѣлый день. Съ того дня она посвятила себя единственно своей дочери и благотворительности; въ такомъ положеніи мы найдемъ ее еще въ 1813 году. Берлинъ,—пока мы находимся еще въ XVIII столѣтіи,—между тѣмъ утѣшился послѣ потери баронессы въ салонахъ ея старшей сестры, г-жи Сары Леви (рожд. въ 1763 году), которая, по смерти своего отца Ицига, до іенской эпохи, продолжала держать открытый домъ, посѣщаемый аристократіей и даровитыми умами. Надо, однако, замѣтить, что это былъ домъ болѣе французскій, нежели нѣмецкій; говорили тамъ только языкомъ Вольтера, воспитаніе велось подъ руководствомъ французскаго учителя;

входжіе были большею частью французы. Одно время Мирабо бывалъ тамъ весьма часто, потомъ постоянно посѣщали этотъ домъ графъ де-Тилли и другіе эмигранты, Г-жи Жанлисъ и Сталь являлись туда довольно часто. Возвращаясь опять къ міру нѣмецкому, мы, прежде чѣмъ обра титься къ Рахили Левинъ, которая блистала какъ солнце Берлина, завернемъ еще въ одинъ еврейскій домъ, болѣе скромный, чѣмъ роскошные дворцы Ициговъ, Ефраимовъ, Когеновъ и Майеровъ, но гдѣ, вмѣсто наслѣдственной аристократіи, мы найдемъ людей, блистательно отмѣченныхъ въ исторіи развитія нѣмецкаго духа. Рахиль умѣла все соединить и примирить: у нее мы встрѣчаемъ военныхъ и дипломатовъ, артистовъ и ученыхъ; она мало заботилась о чинѣ, званіи, свѣтскомъ положеніи своихъ гостей и друзей; она цѣнила лишь оригинальность и таланты. Все остальное ей было ни почемъ. Въ ея-то домѣ и будетъ намъ всего удобнѣе прослѣдить всѣ интересныя личности, составлявшія собою высшее общество Берлина 1789—1815. Но чтобы видѣть всѣхъ мыслителей и поэтовъ того времени во всей ихъ наготѣ, мы посмотримъ ихъ лучше у ея единовѣрки и соперницы Генріеты Герцъ. Тамъ-то мы встрѣтимъ Вильельма Гумбольда, Шлейермахера, Жанъ-Поля и молодаго Людвига Берне, впослѣдствіи также и Шамиссо, которые всѣ окружали прекраснаго и холоднаго идола, — Генріету Герцъ, обыкновенно называемою тогда нѣмецкою Рекамье.

II.

Генріетъ Герцъ (род. въ Берлинѣ 1754 г.) воспитана была въ самыхъ строгихъ преданіяхъ мозаизма. Отецъ ея, докторъ де-Лемосъ, по происхожденію — португалецъ, женился на французской еврейкѣ, и бракъ этотъ представлялъ собою образецъ семейнаго счастія, что впрочемъ далеко не рѣдко между евреями. Оба супруга, соперничая въ религіозной строгости нравовъ, отличались еще всѣми патріархальными добродѣтелями, и ихъ взаимная, искренняя и глубокая нѣжность получала по этому какой-то особенный строгій оттѣнокъ. Этотъ пуританизмъ не исключалъ однако внѣшнихъ формъ общежитія, равно и умственной культуры, въ родѣ той, которою отличалось семейство Мендельсона. Согласно принятому обычаю у португальскихъ евреевъ аристократическаго происхожденія, въ семействѣ де-Лемосъ обращали особенное вниманіе на изученіе иностранныхъ языковъ, и впослѣдствіи лингвистика не мало послужила на пользу и славу Генріеты. Въ то-же время старикъ французъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ въ то время благодаря галломаніи Фридриха II, было такое обиліе въ Берлинѣ, обучалъ ее также танцамъ для того, чтобы ничего недоставало въ общежитейскихъ способностяхъ Генріеты. Правда, ей былъ запрещенъ театръ любителей, которымъ очень занимались тогда въ домахъ Когена и Ицига, но тѣмъ не менѣе ей предоставлена была полная свобода читать всевозможныя комедіи, и само собою разумѣется, что она въ это время перечитывала всевозможные романы, какіе только можно было тогда достать, особенно романы, такъ называемые, чувствительные, которые такъ сильно были въ модѣ въ эту эпоху. Еще съ ранней юности необыкновенная красота Генріеты обращала на себя общее вниманіе, и еще въ поздней старости она съ особенной любовью вспоминала себя какъ ребенкомъ ее обласкали разъ королевскія принцессы, сестры Фридриха; это было въ праздникъ кущей, на церемоніи котораго дворъ захотѣлъ полюбоваться, гдѣ Генріета явилась въ прекрасномъ бѣломъ костюмѣ поистинѣ очаровательною. Часто вспоминая объ этомъ случаѣ, она всякій разъ не забывала о тѣхъ комплиментахъ, которыми осыпали ее тогда офицеры королевской гвардіи.

Двѣнадцати съ половиною лѣтъ она уже была обручена съ докторомъ Маркусомъ Герцемъ: желалъ ли этимъ отецъ, который отлично зналъ своего собрата Герца, обезпечить счастіе своей дочери, или же произошло это при посредствѣ шадхена (свата), какъ то всегда бываетъ въ еврейскомъ быту, но свадьба воспослѣдовала гораздо позже, противно общему обычаю евреевъ, устраивать свадьбу скоро послѣ обрученія. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Генріета была уже замужемъ. Ея портретъ того времени, въ видѣ Евы, писанный Доротеей Тербушъ, представляетъ ее очаровательною. Знаменитый Шадовъ, частый посѣтитель ея салона и другъ ея, оставилъ замѣчательный бюстъ, изображающій ее двадцатилѣтъ отъ роду, и у меня передъ глазами великолѣпная гравюра портрета ея, которую сдѣлалъ знаменитый Антонъ Графъ въ 1794 году, въ періодъ ея лучшей красоты, когда ей было 30 лѣтъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ лице болѣе совершенной

красоты. Голова небольшая, какъ въ античныхъ статуяхъ, получаетъ нѣсколько большій размѣръ, благодаря пышнымъ и богатымъ волосамъ, собраннымъ, согласно модѣ того времени, простою ленточкой нѣсколько выше круглаго, чистаго лба, который, пожалуй, могъ бы быть нѣсколько шире. Лице овальное, ротъ необыкновенно маленькій, полныя, красиво очерченныя губы, носъ чисто греческій, и все это освѣщается большими, глубокими, и свѣтящимися глазами. Косынка à la Marie Antoinette даетъ возможность видѣть богатую грудь и граціозно выставляетъ круглую, открытую шею. Все это, въ связи съ высокимъ ея ростомъ, (она по росту могла равняться съ королевой Луизой), придавало ея фигурѣ особенно величественное выраженіе, благодаря которому она и была извѣстна въ Берлинѣ подъ именемъ трагической музы. Но въ то же время этотъ величественный видъ не былъ на столько силенъ, чтобы мѣшать увлекаться прекрасной черкешенкой, какъ ее еще иначе называли въ Берлинѣ, благодаря ея бѣлизнѣ. Начиная съ Вильгельма Гумбольдта, который былъ шестью годами моложе ея и любилъ ее на свой манеръ, т. е. чувствительностью нѣсколько принужденной, до друга ея 33-хъ лѣтъ отъ роду, который просилъ руки ея въ то время, когда она была двадцатью годами старше (въ 1817 г.), поклонники ея никогда не переводились. Въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ красивый Шарль-Ла-Рошъ, сынъ подруги Виланда и дядя Бетины,—романтическій пасторъ Шлейермахеръ,—Людвигъ Бёрне, тогда еще юноша, и многіе другіе; но повидимому она умѣла съ удивительнымъ благоразуміемъ держать ихъ всѣхъ въ предѣлахъ платонической дружбы, не отказывая имъ въ близкой интимности.

Докторъ Маркусъ Герцъ, который былъ вдвое старше жены, повидимому не очень занимался любовными огнями, которыя тлѣвали вокругъ жены, никогда впрочемъ не воспламенившись. Преданный ученикъ Канта, онъ самъ писалъ очень хорошія философскія статьи, и обладая проницательнымъ, яснымъ и позитивнымъ умомъ, онъ былъ какъ чужой въ кружкѣ романтиковъ, окружавшихъ его молодую супругу. По литературѣ онъ былъ большой поклонникъ Мендельсона и Лессинга; подобно послѣднему, онъ очень шокировался Вертеромъ и еще больше мечтательною чувственностью, которую порождалъ этотъ романъ. Само собою понятно, что

преднамѣренные эксцессы, холодный энтузіазмъ и мистическій сенсуализмъ школы Фридриха Шлегеля не находили пощады у этого строгаго мыслителя. Но повидимому онъ ограничивался тѣмъ, что улыбался на всѣ эксцентричности основанной Генріетой лиги добродѣтели, предшествовавшей дальнѣйшимъ сумасбродствамъ романтизма. Главную роль въ этомъ кружкѣ игралъ Вильгельмъ Гумболдтъ. Не стану цитировать всѣхъ другихъ членовъ кружка, между которыми одни были уже пожилые, другіе высоко поставленные, а третьи весьма близкіе къ знаменитости, кружка, въ которомъ нѣжно говорили другъ другу „ты“, писали длинныя письма еврейскими буквами, занимались какимо-то „нравственнымъ развитіемъ“, „счастіемъ нѣжной преданности“, — но безъ обязанности, потому что „дружба не знаетъ обязанностей“—и гдѣ устранены были „всѣ границы общежитейскаго приличія“. Рахиль открыто отказалась отъ участія въ этомъ дѣтскомъ франмассонствѣ. Какъ молода она ни была въ то время, она видѣла уже всю пустоту, которая скрывалась подъ этой сладостной фразеологіей. Лигисты долго еще вспоминали о томъ, какъ они важно облечены были молодою еще дѣвушкою шестнадцати лѣтъ. Надо читать приторныя письма Гумбольдта къ Генріетѣ, чтобы увидѣть всю бѣдность идеальныхъ мечтаній того кружка. Это по методѣ и по опыту почти тотъ-же курсъ нравственности, которую онъ преподалъ 40 лѣтъ позже Шарлотѣ Дидъ. Будущая супруга Вильгельма Гумбольдта также попала въ этотъ кружокъ и встрѣтила тамъ другой идолъ — одни говорятъ даже секретно обрученную—своего будущаго супруга, Терезу Гейне. Послѣдняя скоро оставила лигу и молодаго барона, и обвѣнчалась съ Георгомъ Форстеромъ, знаменитымъ путешественникомъ, который былъ потомъ Майнцкимъ депутатомъ въ народномъ собраніи и палъ жертвою террора. Молодыя еще дѣвочки Сара и Маріяна Майеръ, сестра г-жи Герцъ — Брена-де-Лемосъ, Генріета и Доротея Мендельсонъ, умныя и милыя дочери философа, отважная амазонка Іенская Софія Шубартъ, которая дала увести себя отъ мужа Клеману Брентану, брату Бетины,—однимъ словомъ всѣ женскія знаменитости Берлина повидимому принадлежали къ этому странному обществу, надъ которымъ Маркусъ Герцъ, какъ раціоналистъ, отъ всего сердца посмѣивался среди своихъ друзей, которые всѣ болѣе

или менѣе подходили къ старой, нѣсколько Вольтеровской школѣ Лессинга и Виланда.

Сильный контрастъ между упомянутыми двумя лагерями только еще увеличивалъ притягательную силу салона Генріеты Герцъ, которой красота была одной изъ важнѣйшихъ достопримѣчательностей Берлина. Мирабо, проводившій тогда нѣкоторое время въ прусской столицѣ, также не преминулъ явиться въ этотъ замѣчательный салонъ, и г-жа Герцъ, которая говорила сама отлично по французски, тѣмъ лучше умѣла оцѣнить прелести языка Мирабо. „Когда говоритъ Мирабо, — пишетъ она въ своихъ мемуарахъ, набросивъ отталкивающій портретъ его некрасивой наружности,— все забываешь; никогда не встрѣчала я столько прелестей языка среди увлеченія, а онъ увлекался весьма легко". Весьма понятно, впрочемъ, что Мирабо легко увлекался въ присутствіи прелестной еврейки. Если вѣрить ея современникамъ, она даже охотно увеличивала силу своей необыкновенной красоты легкимъ оттѣнкомъ кокетства, которое не могло остаться незамѣченнымъ Мирабо, далеко не новичкомъ въ тонкомъ искусствѣ обхожденія съ женщинами. Она, впрочемъ, сама сознается въ этомъ въ своей исповѣди. Правда, въ этомъ кружкѣ анатомовъ нравственности дѣлались странныя различенія и классификаціи между „кокетствомъ либеральнымъ и нелиберальнымъ, тѣмъ, которое предназначаетъ себѣ цѣлью плѣнять мущину всецѣло, и тѣмъ, которое удовлетворяется возбужденіемъ только его чувствъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Шлейермахеръ, для котораго первая категорія кокетства является не какъ недостатокъ, но какъ „существенное качество женской природы". Въ этомъ смыслѣ онъ внушалъ Генріетѣ, что кокетство это защищаетъ женщину отъ „униженія—оставаться лицемъ недѣйствительнымъ въ любви съ перваго ея начала." Она сама въ своемъ признаніи банально замѣчаетъ, что каждая женщина можетъ всегда держать человѣка на извѣстномъ разстояніи, даже послѣ того, какъ она разъ приблизила его.

Къ концу XVIII вѣка салонъ Генріеты Герцъ нѣсколько измѣнилъ свой видъ. Лига добродѣтели уступила мѣсто кружку чтенія, въ которомъ участвовала также Рахиль, и который просуществовалъ до смерти Маркуса Герца (январь 1803 г.). Это было то прекрасное время, когда каждая Лейпцигская ярмарка

представляла новую драму Шиллера или томъ Гете, не считая уже звѣздъ второй величины, которыя тягались за этими свѣтилами. Въ салонѣ г-жи Герцъ собирались тогда и читали въ слухъ всѣ эти новости, а драмы даже съ розданными въ кружкѣ ролями. Генріета читала превосходно, и весьма понятно, что ее любили слушать. Мало по малу въ этотъ кружекъ сталъ входить аристократическій элементъ. Графъ Бернсторфъ, котораго мы уже знаемъ какъ несчастнаго любовника Маріянны Мейеръ, Фр. фонъ-Гентцъ, остроумный военный совѣтникъ, наканунѣ его политической дѣятельности, тогда еще энтузіастъ революціи, но уже на пути къ обращенію, графъ де-Дона-Шлобитенъ, воспитанникъ и другъ Шлейермахера, впослѣдствіи государственный министръ, который скоро послѣ смерти Маркуса Герца, предложилъ свою руку прекрасной Генріетѣ, но получилъ отказъ; Густавъ фонъ-Бринкманъ, шведскій баронъ, большой другъ Фрица Якоби и Рахили; Ансиллонъ, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ; онѣмеченный французъ Адальбертъ де Шамисо, который называлъ Генріету своей „повелительницей", и тысяча другихъ знаменитостей тѣснились въ этомъ скромномъ салонѣ, куда притягивало ихъ очаровательное совершенство хозяйки, которая безъ большаго превосходства ума обладала тѣмъ рѣдкимъ искусствомъ, необучаемымъ и неизучаемымъ, извѣстнымъ подъ названіемъ искусства принимать свѣтъ. Безъ сомнѣнія Генріета обладала игривымъ умомъ; она вычитала больше, чѣмъ читаютъ вообще женщины самыя образованныя, она говорила на всѣхъ новѣйшихъ языкахъ съ необыкновеннымъ изяществомъ, — она даже впослѣдствіе изучала санскритъ, турецкій языкъ и, увы, даже малайскій. Она писала даже повѣсти, но судя по ея письмамъ и мемуарамъ, въ ней не было ни необыкновеннаго ума, ни сильнаго характера. Варнгагенъ называетъ ее сочувственницей (Anempfinderin), слово, изобрѣтенное Гете въ его „Вильгельмѣ Мейстерѣ", т. е. личность несамопроизвольная въ чувствахъ и взглядахъ, личность, которая легко поглощаетъ мысли и чувства извнѣ, усвоиваетъ ихъ и выноситъ ихъ въ свѣтъ такъ увлекательно, что ослѣпляетъ многихъ. „Во всю жизнь она приходила въ соприкосновеніе съ величайшими личности того времени, говоритъ тотъ же самый наблюдатель, но она всегда умѣла усвоить себѣ только менѣе существенное: внѣшнее знакомство. Послѣднее, правда, она умѣла

сохранять съ рѣдкимъ постоянствомъ во всѣхъ ея сношеніяхъ." Какъ женщина красивая, умная и щедрая, она видимо произво- дила свое могущественное вліяніе па молодежь, но лишенная ори- гинальности ума и характера, она не могла имѣть того-же вліянія на окружавшихъ ее выдающихся личностей той эпохи. Тонъ, въ которомъ друзья ея, даже Шлейермахеръ и Доротея Шлегель, говорятъ о ней впослѣдствіи, на старости лѣтъ, показываетъ, что иллюзія не продолжалась безконечно.

Весьма понятно, что пріѣзжавшіе въ Берлинъ иностранцы ста- рались попасть въ салонъ „прекрасной Генріеты", которая не от- казывала въ пріемѣ всѣмъ многочисленнымъ оригинальностямъ того времени. Другъ г-жи Сталь, своеобразный поэтъ Лютера, Заха- рія Вернеръ, мечтатель и гуляка въ одно и тоже время, часто являлся къ ней во время своего пребыванія въ Берлинѣ. „Его длин- ныя брови, блестящіе глаза, грубыя черты, длинные волосы въ безпорядкѣ и темный цвѣтъ кожи" отмѣчали его для всѣхъ любо- пытныхъ. Рядомъ съ будущимъ мистикомъ, являлся также разстри- женный капуцинъ Феслеръ, авторъ Марка Аврелія, попере- мѣнно монахъ и спинозистъ, учитель и франмасонъ, преподава- тель польскаго языка и нѣмецкій драматургъ, сочинитель различ- чемъ, на ныхъ романовъ въ дѣйствительности, которые были извѣстны всему міру, обращенный въ протестантизмъ. женатый, разведенный, потомъ опять женатый, основатель ордена евержетовъ и, наконецъ, любимецъ любимца Бишофсвердера. Даже Жанъ-Поль и Шиллеръ, во время ихъ пребыванія въ прусской столицѣ, охотно посѣщали домъ г-жи Герцъ, гдѣ они безошибочно расчитывали встрѣтить весь Берлинъ. Жанъ- Поль, который наивно позволялъ себѣ жить у Софіи Бернардъ, покро- вительницы поэтовъ, женщины умной и чувствительной, хотя не- красивой, Жанъ-Поль, который былъ любимцемъ всѣхъ дамъ Бер- лина, основалъ по вечерамъ свою главную квартиру у г-жи Герцъ.

Трудно представить себѣ энтузіазмъ Берлинскихъ женщинъ къ этому сантиментальному романисту, который теперь такъ мало чи- тается. Онъ былъ уже, впрочемъ, избалованъ въ Веймарѣ, откуда только что прибылъ въ Берлинъ. За исключеніемъ Гете и Шил- лера которыхъ классическій вкусъ не могъ никакъ примириться съ разнузданной формой Титана и Гесперуса, всѣ другіе, даже Гердеръ и Виландъ, сдѣлали изъ этого романиста предметъ

настоящаго поклоненія. Трое самыхъ красивыхъ и даровитыхъ женщинъ изъ Тюрингіи буквально бросались въ его объятія и от- чаянно соперничали въ чести быть его Титанидой. Къ этому числу отчаянныхъ поклонницъ Ж. Поля надо отнести также Шар- лоту фонъ-Кальбъ, только что излечившуюся отъ сильной страсти къ Шиллеру и отъ мучительной боли видѣть его женатымъ на дѣвицѣ фонъ-Ленгефельдъ; затѣмъ г-жа фонъ-Крюднеръ, тогда весьма еще далекую отъ той святости и покаянія, въ какомъ мы ее видимъ по- томъ въ Парижѣ скорбящею о прежнихъ грѣхахъ своихъ; нако- нецъ, Емилію фонъ-Берлепшъ, молодую, умную и красивую вдовушку которой поэтическіе, сантиментальные порывы до того плѣнили на- шего мечтателя, что заставили его, образцоваго сына, забыть свою мать, умиравшую въ это самое время. У экзальтированнаго Ж. Поля, совсѣмъ было даже голова закружилась при выходѣ изъ ея комнаты, послѣ перваго вкушенія ея нѣжностей. „Здѣсь, писалъ онъ, все революціонерно, и званіе супруги не имѣетъ никакого зна- ченія... Есть нравы въ этомъ обществѣ, которые не могу изобра- зить иначе какъ живымъ словомъ. Очевидно, революція болѣе важ- ная и болѣе интеллектуальная, но такая-же сокрушительная, какъ и Парижская, бьется въ сердцѣ нашего міра." Не смотря, впро- чемъ, на его презрѣніе къ титулу супруга, ему суждено было потерпѣть неудачу, когда онъ вздумалъ жениться въ лѣсахъ Тю- рингіи. Это была молодая дѣвушка при дворѣ Гильдбургаузена, кото- рая отказалась дать свою благородную руку романисту — плебею Между тѣмъ въ Берлинѣ оваціи женщинъ продолжались самымъ блистательнымъ образомъ. Экипажи высокопоставленныхъ дамъ безпрерывно останавливались у подъѣзда Ж. Поля, образуя длинный хвостъ. Счастливы были тѣ, которымъ удавалось приблизиться къ нашему великому романисту, принимавшаго всѣхъ этихъ графинь и баронессъ въ халатѣ и туфляхъ, счастливы были особенно тѣ, кото- рымъ удавалось получить память отъ поэта, хотя-бы она заклю- чалась въ нѣсколькихъ волосахъ отъ его любимой собаченки, ко- торую носили онѣ потомъ на груди въ драгоцѣнномъ медальонѣ! Онъ вскружилъ было голову даже даровитой графинѣ фонъ-Шлабрен- дорфъ, пріятельницѣ Рахили. Сестра королевы, принцесса Людвига, даже сама королева, которая приглашала поэта въ Потсдамъ и са- ма водила его по Сансуси, не чужды были всеобщаго опьяненія.

Молодой король, выведенный разъ изъ терпѣнія, вскрикнулъ въ своемъ отрывистомъ стилѣ: „Слишкомъ много шума вокругъ этого Жанъ-Поля! О великомъ государственномъ человѣкѣ или герое совсѣмъ уже и говорить не приходится. Женщины никогда не знаютъ мѣры!" Онъ поэтому и отказалъ въ пенсіонѣ, который просили для автора Титана. Тѣмъ не менѣе, Ж. Поль былъ весьма доволенъ своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ восторгался смѣсью классовъ, неизвѣстной еще въ остальной Германіи, и гдѣ онъ едва успѣлъ спастись отъ обращенія въ новую религію романтизма. Хорошая память, которую онъ надолго сохранилъ о прусской столицѣ, безъ сомнѣнія объясняется громаднымъ его успѣхомъ въ обществѣ свѣтскихъ женщинъ.

„Онѣ были ему очень признательны, тонко замѣчаетъ Генріета Герцъ за то, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ исключительно ими занимался и старался проникнуть въ самыя тайныя складки ихъ души. Преимущественно дамы... большаго свѣта были ему очень обязаны за то, что онъ представилъ ихъ болѣе идеальными и развитыми, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Это произошло оттого, что онъ описывалъ ихъ прежде, чѣмъ успѣлъ ихъ узнать, и могъ такимъ образомъ дать свободную волю своей богатой и благоволительной фантазіи. Тѣ, которыхъ онъ узналъ впослѣдствіи, дѣлали конечно все, что могли для того, чтобы удержать его въ заблужденіи и казаться возможно болѣе идеальными. Такъ и произошло, что онъ настоящимъ образомъ никогда не узналъ женщинъ большаго свѣта, даромъ что впослѣдствіи онъ видѣлъ ихъ такъ много; тѣхъ, которыхъ зналъ ближе, онъ судилъ всегда невѣрно... Послѣднія показывались ему такъ, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, вовсе не стараясь показывать ему только лучшія свои стороны. Вслѣдствіе этого сужденіе его о женщинахъ, которыя не хотѣли казаться иначе, чѣмъ были въ дѣйствительности, весьма помрачено, и я нахожусь въ числѣ ихъ."

Въ этомъ замѣчаніи очевидно просвѣчиваетъ немного женская досада, и эта досада дѣлаетъ ее проницательною. Ж. Поль дѣйствительно мало говорилъ о прекрасной, еще менѣе о чувствительной Генріетѣ, но болѣе о „знаменитомъ Герцѣ и его высоко-ученой супругѣ." Женщина, желавшая прослыть ученою, тѣмъ не менѣе надѣялась быть замѣченной и по красотѣ. Если Жанъ-Поль не курилъ достаточно фиміама у ногъ г-жи Герцъ, за то другая знаменитость того времени, величайшій доктринеръ романтизма, Шлейермахеръ, не скупился въ сочувствіи и уваженіи къ прелестной львицѣ Берлина. Это былъ графъ Александръ де Дона-Шлобитенъ, воспитанникъ

Шлейермахера, который въ 1794 г. въ первый разъ представилъ своего учителя, тогда 26 лѣтъ, доктору Марскусу и г-жѣ Генріетѣ Герцъ. Два года спустя Шлейермахеръ вернулся въ Берлинъ, чтобы устроиться тамъ въ качествѣ проповѣдника при Шарите, и вотъ съ тѣхъ-то поръ началась интимная дружба, которая прекратилась только съ отъѣздомъ чувствительнаго пастора изъ Берлина. Никто, естественно, не хотѣлъ вѣрить въ совершенный платонизмъ связи между переводчикомъ Платона и прекрасной еврейкой, но оба они всегда горячо защищались противъ всѣхъ подозрѣній, которыя, повидимому, оказываются дѣйствительно неосновательными для тѣхъ, кто внимательно прочитывалъ кореспонденцію Шлейермахера съ Генріетой и его собственной сестрою. Послѣдняя болѣе брата оставалась вѣрной ихъ набожнымъ преданіямъ семейства, равно и религіозному воспитанію, которыя они получили у Моравскихъ братьевъ. Она естественно безпокоилась насчетъ благополучія своего брата въ Новомъ Вавилонѣ и особенно вслѣдствіе его интимности съ еврейкой. Вотъ что онъ писалъ ей:

„Я живу большею частью у г-жи Герцъ. Она лѣтомъ живетъ въ прелестномъ домикѣ въ *Тиргартенѣ*, гдѣ у нея бываетъ очень мало народа и гдѣ, слѣдовательно, я могу отлично пользоваться ея обществомъ. По крайней мѣрѣ одинъ цѣлый день въ недѣлю я провожу у нея. Съ весьма немногими я могъ бы проводить такъ время, но у нея день проходитъ для меня такимъ пріятнымъ образомъ, дѣля время между занятіемъ и развлеченіемъ. Она учитъ меня по итальянски; мы читаемъ вмѣстѣ Шекспира, занимаемся физикой, я съ своей стороны сообщаю ей мои свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, мы читаемъ иногда понѣскольку страницъ хорошей нѣмецкой книги, часто, въ лучшіе часы дня, мы прогуливаемся, бесѣдуя по душѣ и о предметахъ самыхъ важныхъ. Такъ-то проходило у насъ время съ первыхъ дней весны, и никто не нарушалъ нашего покоя. Герцъ любитъ и уважаетъ меня, какъ мы ни различаемся другъ отъ друга."

Сестра Шлейермахера, какъ мы уже сказали, сильно безпокоилась насчетъ этой связи, и онъ долженъ былъ употреблять всякія усилія, чтобы разувѣрить ее.

„Ты, конечно, повѣришь мнѣ на слово, что въ моихъ сношеніяхъ съ женщинами нѣтъ ничего такого, что можно было бы истолковать въ дурную сторону. Во всемъ, что я тебѣ уже говорилъ на этотъ счетъ, ты не могла замѣтить и слѣда страсти, и я увѣряю тебя, что я весьма далекъ отъ подобныхъ вещей. Время, которое я провожу съ ними, далеко не посвящено одному удовольствію, напротивъ того, оно прямо служитъ обогащенію моихъ познаній, развитію моего

ума, и въсвою очередь, надѣюсь, я могу быть имъ полезенъ въ томъ же смыслѣ. Обстоятельство, что г-жа Герцъ—еврейка, повидимому, сначала не произвело на тебя неблагопріятнаго впечатлѣнія, и я считалъ тебя увѣренною въ томъ, что въ дѣлѣ дружбы, когда удалось найти душу, сформированную по образцу нашей, можно и должно абстрагироватся отъ внѣшнихъ обстоятельствъ".

Ничто лучше и вѣрнѣе не можетъ изобразить ту эпоху, нѣмецкій характеръ и личность Шлейермахера, какъ эти безконечныя похвалы, эта смѣсь наивности и педантства, чувства и резонерства, свободы и сдержанности. Однако-жъ эти увѣренія не могли совершенно успокоить сестру его, и молодой пасторъ вынужденъ былъ при каждомъ случаѣ вновь повторять свои увѣренія.

„Странно, пишетъ онъ снова, что не видѣвши насъ вмѣстѣ, ты не можешь себѣ представить настоящимъ образомъ мои отношенія къ г-жѣ Герцъ. Это дружба самая интимная и искренняя, въ которой нѣтъ и отдаленной мысли о мужчинѣ и женщинѣ. Неужели это такъ трудно себѣ представить? Почему ничего подобнаго не примѣшалось и не примѣшается къ нашей дружбѣ — это другой вопросъ, который опять таки вовсе не такъ трудно разрѣшить. Она никогда не производила на меня такого дѣйствія, которое сколько нибудь могло бы нарушить покой моей души. Кто только немного умѣетъ читать по выраженію фигуры, тотъ тотчасъ узнаетъ въ ней чувство безстрастное, и если бы я даже хотѣлъ подчиниться вліянію ея внѣшности, она для меня не представляетъ ничего привлекательнаго, хотя лице ея безспорно весьма красиво. Ея величественная и колоссальная фигура представляетъ такой громадный контрастъ съ моей, что представляя себѣ даже, что мы были бы оба совершенно свободны, что любили бы другъ друга и желали бы соединиться бракомъ, я всегда находилъ бы это смѣшнымъ абсурдомъ, которымъ я могъ бы пренебречь только въ силу причинъ первостепенныхъ и особенно важныхъ."

Въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ контрастъ болѣе выдающійся, чѣмъ тотъ, который представлялся между „трагической музой" и „маленькимъ Шлейермахеромъ", у котораго красивая и тонкая голова покоилась на маленькомъ, нѣсколько уродливомъ корпусѣ. Берлинская публика, весьма склонная къ насмѣшкамъ, довольно осмѣивала пастора при выходѣ его отъ г-жи Герцъ вечеромъ, съ маленькимъ фонаремъ, привязаннымъ къ пуговицѣ его одежды, или когда „ювель"—такъ Фр. Шлегель и г-жа Герцъ называли своего друга—ходилъ подъ руку съ величественной Мельпоменой. По рукамъ ходила даже каррикатура, на которой „прекрасная черкешенка" изображена была носящею на рукахъ маленькаго Шлейермахера въ видѣ маленькаго зонтика. Впрочемъ, не одна сестра Шарлота безпокоилась насчетъ этой связи. Духовныя власти считали своимъ долгомъ предостеречь молодаго пастора. Ему совѣтывали даже оставить Берлинъ на нѣкоторое время. „Довольно того, говорили они, что не мѣшали посѣщенію еврейскихъ домовъ вообще: родители его начальника (епископъ Закъ) сами были весьма дружны съ Мендельсономъ, но такого рода интимность уже не могла нравиться епископу. Если станетъ извѣстно, что молодой проповѣдникъ такъ зажился въ еврейскомъ обществѣ, то это отзовется весьма дурно въ публикѣ". Однако Шлейермахеръ легко побѣдилъ всѣ эти безпокойства, но гораздо труднѣе ему было увѣрить двухъ домашнихъ друзей, Фр. Шлегеля и Доротею Фейтъ, дочь Мендельсона, что въ его отношеніяхъ съ Генріетой не было ничего болѣе, кромѣ дружбы. Фридрихъ и Доротея дѣйствительно были слишкомъ близки между собою, чтобы не подозрѣвать подобной-же связи въ другой парѣ. Шлейермахеръ часто жалуется предъ Генріетой на „совершенную непонятливость Шлегеля" въ этомъ дѣлѣ.

„Однажды, разсказываетъ онъ, я замѣтилъ, что Шлегель и г-жа Фейтъ безпокоятся о томъ, чтобы я не обманывалъ самого себя, чтобы въ основаніи моей дружбѣ къ г-жѣ Герцъ не скрывалось страсти, которую я, рано или поздно, долженъ открыть и которая должна меня сдѣлать несчастнымъ. Въ концѣ концовъ это мнѣ показалось уже слишкомъ страннымъ и впродолженіи нѣсколькихъ часовъ я хохоталъ надъ этимъ, какъ ребенокъ Если люди изъ простонародія относительно своего собрата разсуждаютъ, что мужчина и женщина не могутъ быть интимны, не сдѣлавшись влюбленными, то это очень понятно, но наши друзья относительно насъ! Это мнѣ показалось такъ странно, что я не хотѣлъ даже входить въ объясненіе, увѣряя только Шлегеля простымъ словомъ, что наши отношенія далеки отъ этого и никогда до этого не дойдутъ. Но бѣдная г-жа Герцъ впродолженіе нѣскольких дней была очень огорчена этимъ недоразумѣніемъ. Благодаря Бога, теперь снова все улажено, и мы опять живемъ счастливо обычнымъ порядкомъ, ничѣмъ не безпокоясь."

Наши друзья не ограничились впрочемъ тѣмъ, что устраняли обвиненія другихъ, они старались также и въ нѣжной бесѣдѣ на ты, объяснить самимъ себѣ, почему они не могутъ любить другъ друга настоящею любовью. „Мы связаны между собою, говорила Генріета, дружбой самой чистой, самой вѣрной, самой преданной, но никогда я не могу и не должна тебѣ принадлежать какъ, жена!"—„Ты сказала великое слово, отвѣчаетъ ей Шлейермахеръ

ибо что стали-бы мы дѣлать, если-бы явился настоящій мужъ для тебя или настоящая жена для меня?“ Въ настоящее время обыкновенно понятія не имѣютъ о той искусственности, съ какой тогдашнее поколѣніе занималось анализомъ чувства. Безподобны тѣ дружескія письма, гдѣ оба увѣряютъ другъ друга, что они обоюдно развиваются и совершенствуются. Они разбирали другъ друга какъ научный предметъ, и подобныя психологическія тонкости составляютъ въ продолженіи слишкомъ 30-ти лѣтъ содержаніе всѣхъ безконечныхъ переписокъ той эпохи. „Не станемъ думать ни о пространствѣ, ни о времени, подумаемъ лучше о себѣ и о томъ, что намъ всего дороже, о мірѣ внутреннемъ, единственно вѣрномъ“, пишетъ Шлейермахеръ къ Генріетѣ, обличая такимъ образомъ страшную тайну того поколѣнія, которое такъ жестоко ошибалось, считая ни во что міръ реальный, положительныя обязанности, общественную дѣятельность, и которое съ гордостью смотрѣло на людей дѣла, неумѣвшихъ подняться до эфирной высоты нѣжняго чувства и неумѣвшихъ до того утончать свою душу, чтобы понять такія тонкости. „Еще одно слово о твоей сантиментальности“, пишетъ Шлейермахеръ въ другой разъ, посылая Генріетѣ десять страницъ о тонкомъ, великомъ, истинномъ, благородномъ и т. д. Слезы, увѣренія дружбы и чувственность всякаго рода чередуются съ какой-то патологіей души; все это большею частью на какомъ-то томительномъ и скучномъ языкѣ, который напоминаетъ Клопштока и его собратій. Языкъ этотъ, говорила впослѣдствіи Генріета Герцъ, служилъ только формою чувства. Каждая эпоха имѣетъ „свою монету языка; монета прежняго времени была пестрѣе и блистательнѣе настоящей, она больше не идетъ, но золото, изъ котораго она была чеканена, остается чистымъ и настоящимъ.“ Очень можетъ быть, но надо прибавить, что это была монета, которую пора было расплавить.

Однако эта невинная дружба и тонкія разсужденія повидимому не удовлетворяли вполнѣ Шлейермахера. Онъ познакомился потомъ съ молодою женщиною Елеонорою фонъ-Груновъ, которая уже впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ жила въ несчастномъ бракѣ и безъ дѣтей. Она не любила своего мужа, и это было-бы достаточной причиной для Шлейермахера, чтобы посовѣтывать ей разводъ, еслибы даже не надѣялся жениться на ней послѣ развода. Ея бракъ въ его

глазахъ вовсе не былъ настоящимъ бракомъ, потому что ему недоставало „внутренняго и существеннаго условія настоящаго брака.“ Поэтому нравственный долгъ человѣка распутать подобную связь, ложную въ принципѣ, хотя-бы даже гражданскія учрежденія и допускали ее. Что до него лично, то онъ пытался избѣгать предмета его страсти и впродолженіи почти 2-хъ лѣтъ уединился въ Столпѣ, въ окрестностяхъ Берлина, откуда онъ однако не переставалъ переписываться весьма прилежно съ Леонорой. Послѣдняя рѣшилась, наконецъ, остаться при своемъ мужѣ, что́ показалось Шлейермахеру необыкновенной слабостью характера, и въ началѣ 1805 г. связь эта, надѣлавшая много шума въ Берлинѣ, была окончательно прервана. Шлейермахеръ былъ этимъ сильно огорченъ. Письмо, написанное имъ тогда къ Генріетѣ, проникнуто настоящею горечью. Къ самой Елеонорѣ онъ писалъ менѣе простымъ тономъ. „Мой духъ въ чахоткѣ, я видимо погибаю со дня на день, почему не могу я умереть съ спокойнымъ сознаніемъ моей скорой кончины? Это пожалуй не трусость, но во всякомъ случаѣ это слабость не лучшаго сорта: слабый лучъ надежды, который иногда является мнѣ издали, и я готовъ бы переносить еще долго эту проклятую жизнь, для того только, чтобы имѣть возможность жить одинъ день съ Леонорой, хотя-бы въ далекомъ будущемъ“. Однако онъ утѣшился впослѣдствіи, и 14 л. спустя, въ 1819 году, встрѣтивъ однажды случайно г-жу фонъ-Груновъ въ салонѣ, онъ протянулъ ей руку со словами: „Дорогая Елеонора, Богъ однако хорошо устроилъ наши дѣла.“

Его дѣла, конечно, ибо онъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разрыва съ Елеонорой, женился на очаровательной Генріетѣ де Виллихъ, молодой вдовушкѣ 18-ти лѣтъ, съ первымъ мужемъ которой онъ былъ очень друженъ. Бракъ этотъ былъ весьма счастливъ, и судя по письмамъ обѣихъ Генріетъ, вторая, вовсе не выдававшая себя за музу, обладала безконечно большими дѣйствительными прелестями, женскою граціей, нравственнымъ достоинствомъ и особенно, болѣе первой, здравымъ и самостоятельнымъ умомъ. Шлейермахеръ почувствовалъ это впослѣдствіи, и тогда онъ, по словамъ Варнагена, охотно насмѣхался надъ той самой, которою нѣсколько лѣтъ прежде такъ плѣнялся и который говорилъ: „Если бы когда либо я могъ жениться на г-жѣ Герцъ, то это

во всякомъ случаѣ былъ бы бракъ капитальный, — и связь эта едва ли не была бы особенно крѣпка. Часто я съ особеннымъ, такъ сказать грустнымъ удовольствіемъ разбираю между своими знакомыми, разсуждая какіе между ними мужчины и женщины всего лучше соотвѣтствовали бы другъ другу, потому что не рѣдко намъ случается встрѣтить три-четыре пары, и невольно думаешь, какіе бы это были великолѣпные браки, если бы можно было имъ между собою помѣняться". Слова эти, весьма замѣчательныя въ устахъ протестантскаго попа, очевидно были вызваны у него несчастными браками, которыхъ было такъ много въ кругу его знакомыхъ, благоъаря сантиментальной экзальтаціи, которую вносили тогда въ бракъ.

III.

Самый краснорѣчивый примѣръ несчастнаго брака Шлейермахеръ и Генріета Герцъ имѣли каждый день передъ глазами въ старшей дочери Моисея Мендельсона, Доротеѣ Фейтъ, которая тѣсно связалась съ Фр. Шлегелемъ прежде, чѣмъ могла выйдти за него замужъ. Въ первый разъ Шлейермахеръ увидѣлъ вожака романтической школы у г-жи Герцъ, и въ скоромъ времени молодые люди крѣпко подружились между собою. Фр. Шлегель былъ главнымъ лицемъ въ этомъ кружкѣ, хотя Шлейермахеръ былъ четырьмя годами старше его. Шлейермахеръ развился довольно поздно. Скептикъ и мистикъ въ одно и тоже время, онъ былъ нѣсколько подавленъ въ первой молодости строгостью своего отца и Моравскихъ братій, у которыхъ онъ учился. Это былъ умъ необыкновенно тонкій, проницательный и живой; онъ хорошо говорилъ и много работалъ. Недоставало ему развѣ лишь оригинальности. Повидимому онъ не имѣлъ достаточно довѣрія къ самому себѣ, и безъ г-жи Герцъ и Фр. Шлегеля, весьма возможно, онъ не сталъ-бы вовсе писать. Извѣстно, что первое и лучшее свое сочиненіе: „Разговоры о религіи (1798 г.) — онъ написалъ только по внушенію его друзей. Извѣстны всѣмъ новые принципы, которые Фридрихъ Шлегель хотѣлъ ввести въ литературу. Это желаніе установить личный капризъ въ долгъ, онъ старался пустить въ ходъ въ жизни, какъ и въ поэзіи, подъ предлогомъ — „жить поэзіей и поэтизировать жизнь." Онъ скоро обратилъ

Шлейермахера, котораго подвижной умъ не нашелъ было себѣ еще настоящаго пути, и въ этотъ переходный періодъ (1796—1804 года) легко подчинялся вліянію. Шлейермахеръ сдѣлался теоретикомъ школы, религію онъ сводилъ на „чувство безконечнаго и идею вѣчности;" онъ проповѣдывалъ „освященіе личности, поклоненіе оригинальности и превращеніе жизни въ искусство и поэзію." Съ первой встрѣчи этихъ двухъ апостоловъ, которые впослѣдствіи должны были такъ сильно удалиться другъ отъ друга, Шлейермахеръ радовался, что нашелъ возвышенный умъ Шлегеля, которымъ онъ былъ буквально ослѣпленъ.

„Это молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, писалъ Шлейермахеръ своей сестрѣ въ 1799 году, необыкновенно обширныхъ познаній, такъ что становится непонятнымъ, какъ человѣкъ такихъ раннихъ лѣтъ могъ столько научиться. Его умъ оригиналенъ и превосходитъ все, что тутъ есть умнаго и талантливаго. Непринужденность и свобода его манеръ, молодость рядомъ съ такимъ умственнымъ превосходствомъ дѣлаютъ его необыкновенно замѣчательнымъ. Онъ всюду хорошо принятъ, столько по пріятности его характера, сколько и по уму. Для меня онъ болѣе нежели пріятный товарищъ, онъ мнѣ во многомъ существенно полезенъ. Здѣсь, правда, я никогда не былъ безъ ученыхъ друзей, и по всякой отрасли наукъ, меня интересующей, я всегда имѣлъ съ кѣмъ говорить, но чего мнѣ недоставало, это человѣка, которому я могъ бы повѣрять мои философскія идеи и который входилъ-бы въ мои самыя глубокія отвлеченности. Этотъ-то большой недостатокъ Фридрихъ пополняетъ самымъ роскошнымъ образомъ. Въ его грудь я могу не только излить все уже выработанное мною, но благодаря неисчерпаемому источнику новыхъ мыслей, которыя постоянно мелькаютъ въ его умѣ, много дремавшихъ еще во мнѣ идей пробудилось къ жизни. Коротко сказать, для моего философскаго и литературнаго существованія съ этой тѣсной дружбой начинается новый періодъ. Я говорю тѣсной, потому что, какъ-бы я ни уважалъ съ давнихъ поръ его философію и способности, но по особенности моего характера, я не въ состояніи вводить человѣка во внутренній мой умственный міръ, пока я не убѣжденъ вполнѣ въ честности и чистотѣ его души. Я не могу философствовать съ человѣкомъ, котораго нравственныя убѣжденія мнѣ не по душѣ."

Въ скоромъ времени оба друга зажили вмѣстѣ, и Шлейермахеръ разсказываетъ съ увлеченіемъ объ ихъ образѣ жизни, который вели они, работая толкуя, прогуливаясь и мечтая. Шлейермахеръ долго оставался въ обаяніи этой дружбы.

„Однако, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ объ Шлегелѣ, ему недостаетъ отчасти чувства деликатности. Подобно тому, какъ предпочитаетъ онъ книги съ крупными буквами, онъ точно также любитъ встрѣчать людей съ крупными и сильными

чертами. Одно пріятное и красивое не плѣняетъ его, потому что, по аналогіи съ своимъ собственнымъ умомъ, онъ убѣжденъ, что все некрупное въ тоже время и слабо. Хотя этотъ странный недостатокъ нисколько не умаляетъ моей любви къ нему, но онъ дѣлаетъ ему невозможнымъ открывать и вполнѣ понять извѣстныя стороны моей души. Онъ останется всегда выше меня, но я всегда буду понимать его лучше, чѣмъ онъ меня.“

„Мнѣ недостаетъ мягкости, любезности, которыми пріобрѣтается привязанность“ писалъ однажды Фридрихъ самъ своему брату, и повидимому его внѣшность дѣйствительно была такого свойства. Онъ вызывалъ больше вниманія, чѣмъ симпатію.

„Фигура, говоритъ Шлейермахеръ, которая, не будучи ни элегантной, ни грубой, выражаетъ силу и здоровье, весьма характеристичная голова, блѣдное лицо, черные, коротко остриженные волосы, безъ прически, костюмъ безъ щегольства, но со вкусомъ и „gentlemanlike“ (аристократически), вотъ все, что могу сказать о внѣшности моей настоящей половины.“

Само собою разумѣется, что эта половина должна была принять участіе въ интимномъ кружкѣ, собиравшемся у Генріеты Герцъ. Если Фридрихъ не пришелся совсѣмъ по вкусу хозяйкѣ дома, которой нравъ, „покойный и мирный“, немного раздражалъ сильную и могучую чувственность молодаго апостола новаго евангелія, онъ имѣлъ за то счастіе произвести сильное впечатлѣніе на интимную подругу Генріеты, на экзалтированную и несчастную Доротею Фейтъ. Доротея получила отъ отца своего, Моисея Мендельсона, самое заботливое воспитаніе. Одаренная необыкновенными способностями она скоро, путемъ собственной критики, сама выработала себѣ извѣстныя взгляды на людей и все окружающее. [1]) Отецъ ея, согласно нѣмецкому обычаю, предоставлялъ ей полную свободу въ выборѣ книгъ для чтенія, и она бросилась преимущественно на чувствительные романы того времени, которые были тогда такъ сильно въ модѣ. Воображеніе ея, уже отъ природы живое, еще болѣе воспламенилось, и она скоро стала смотрѣть на себѣ, какъ на героиню сантиментальнаго романа, какую-нибудь Юлію или Кларису. Но въ это самое время Мендельсонъ, не спросясь ея согла-

[1]) Неоконченный романъ Даротеи—„Флорентинъ“ стоитъ гораздо выше всѣхъ драмъ и романовъ Шлегеля.

сія, выдалъ ее замужъ едва 16-ти лѣтъ отъ роду, за банкира-еврея, который обладалъ всевозможными качествами, за исключеніемъ способности быть героемъ романа. Фейтъ въ самомъ дѣлѣ не былъ ни слишкомъ молодъ, ни красивъ, ни блистательнаго ума. Его нравственныя и умственныя достоинства были такого свойства, что раскрывались только постепенно, и никакъ не были въ состояніи поразить молодую романтическую дѣвушку. Съ перваго дня супружеской жизни, Доротея смотрѣла на мужа, скорѣе какъ на отечески нѣжнаго друга, чѣмъ какъ на любимаго супруга. Она считала себя „непонятою;“ она чувствовала какую-то ненаполнимую пустоту, отъ которой она страдала несказанно. Не смотря на то, жизнь супруговъ шла спокойно и мирно, по крайной мѣрѣ на видъ, до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтилась съ молодымъ 25 лѣтнимъ Фридрихомъ Шлегелемъ, уже пользовавшимся знаменитостью и только что бросившимъ перчатку тогдашнимъ властителямъ нѣмецкой литературы — Шиллеру и Гете [1]). Этотъ геройскій поступокъ окружилъ молодаго романтика въ нѣкоторомъ родѣ ореоломъ, и благодаря его парадоксальнымъ и смѣлымъ теоріямъ, онъ вскорѣ получилъ важное значеніе. Доротея, которая была семью годами старше его, окончательно поддалась ему. Симпатія перваго момента скоро обратилась въ дружбу, которая въ свою очередь скоро перешла въ интимность. „Она, писалъ онъ въ 1796 г. къ своему брату, прелестная женщина, весьма основательная. Она очень проста, безыскуственна и ни чѣмъ въ мірѣ болѣе не интересуется, какъ только любовью, музыкой и философіей. Въ ея объятіяхъ я снова возвратился къ моей юности, и не могу себѣ представить жизни безъ нея.“ Доротея скоро оставила супружескій домъ, чтобы жить съ Шлегелемъ и, какъ увѣряютъ, Генріетта Герцъ не мало способствовала этому шагу. Докторъ Герцъ попытался было запретить своей женѣ преступный домъ двухъ любовниковъ, но Генріета мужественно бравировала общественное мнѣніе и не слушалась приказаній мужа, утверждая, что виновные живутъ „въ отдѣльныхъ

[1]) Этотъ вызовъ былъ брошенъ имъ въ двухъ статьяхъ, появившихся въ 1796 г. въ жур. Deutschland, издававшемся Рейхардтомъ; одна статья была направлена противъ Шлоссера, шурина Гете, подъ наз. новый Орфей, другая имѣла своимъ предметомъ Шиллеровскій Альманахъ Музъ.

комнатахъ." Общественное мнѣніе, точно также какъ и законъ, допускало разводъ, но возмущалось скандалезностью этого поступка. Въ этомъ смыслѣ общественное мнѣніе въ Германіи не измѣнилось до сихъ поръ, и теперь еще легко прощаетъ и допускаетъ разводъ, но строго преслѣдуетъ тайныя связи. Общество естественно завопило; снисходительнѣе были друзья. Шлейермахеръ, не смотря на свое положеніе, какъ пастора, нисколько не шокировался этой связью. Для него бракъ Фейта и Доротеи былъ „профанаціею брака." Онъ находилъ даже возмутительнымъ требованіе Фейта оставить у себя одно изъ дѣтей, которыя по его мнѣнію „имѣютъ крайнюю нужду въ заботахъ матери и разумномъ воспитаніи Доротеи."

Оба любовника кончили наконецъ тѣмъ, что оставили Берлинъ и поселились въ Іенѣ, вблизи Августа Вильгельма Шлегеля, который женился между тѣмъ на прекрасной и очаровательной дочери Михаэлиса. Шлейермахеръ зналъ хорошо, что женатый Шлегель живетъ неособенно мирно въ своемъ семействѣ и потому онъ очень опасался, что его друзья не найдутъ у старшаго брата покойнаго пристанища. Онъ дѣйствительно не ошибся: едва бѣглая пара очутилась въ Іенѣ, какъ Августъ Вильгельмъ Шлегель развелся съ женой, чтобы дать ей возможность выйдти замужъ за знаменитаго Шеллинга. Фридрихъ и Доротея вынуждены были поэтому искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ.

„Вотъ, говорилъ Шлейермахеръ, несчастная путаница, имѣющая свой источникъ въ противорѣчіи между нашими законами и нашими нравами, отъ котораго страдаютъ часто люди самые добродѣтельные.. Это весьма несчастная исторія, и я отъ глубины души жалѣю моихъ друзей, которые должны переносить столько непріятностей и горя, за то только, что дѣйствуютъ проще и честнѣе, чѣмъ всѣ другіе въ подобныхъ случаяхъ."

Самъ строжайшій Фихте, это олицетвореніе категорическаго императива Канта, который находился тогда въ Берлинѣ, благодаря тому, что пожертвовалъ своимъ положеніемъ въ Іенѣ свободѣ и своимъ мнѣніямъ, этотъ Фихте писалъ тогда своей женѣ, находившейся въ Іенѣ, рекомендуя ей Доротею:

„Я настоятельно долженъ рекомендовать тебѣ госпожу Фейтъ, какъ по долгу къ тебѣ, такъ и къ ней. Похвала еврейкѣ можетъ показаться странною въ моихъ устахъ, но эта женщина разрушила прежнее мое предубѣжденіе, что ничего

порядочнаго не можетъ выйти изъ этого народа. Она обладаетъ громаднымъ умомъ и знаніями безъ всякаго внѣшняго блеска. Въ тоже время она свободна отъ всякихъ претензій и отличается необыкновенною добротой сердца. Къ ней привязываешься только мало по малу, но затѣмъ нельзя не полюбить ее отъ всей души. Надѣюсь, что будете друзьями. Она не замужемъ за Фр. Шлегелемъ и вѣроятно никогда не будетъ его женой, такъ какъ этому препятствуютъ важныя обстоятельства, но она обходится съ нимъ съ необыкновенною нѣжностью, и я нахожу этотъ выборъ большимъ счастіемъ для Шлегеля, который остался все тѣмъ же. Безъ сомнѣнія вамъ трудно будетъ понять отношенія этихъ двухъ людей, по подумайте хорошенько, что она ничего тутъ не можетъ сдѣлать. Шлегель никакимъ образомъ не можетъ на ней жениться, развѣ въ томъ случаѣ, если она сама согласится принять христіанство. Не говоря уже о томъ, что этотъ актъ долженъ быть крайне ненавистенъ для порядочнаго человѣка, питающаго въ душѣ вѣру всѣхъ честныхъ людей, вообще у нея еще въ живыхъ мать и родные, которымъ она этимъ поступкомъ вонзила бы кинжалъ въ грудь."

Однако трудности эти были впослѣдствіи устранены. Фейтъ велъ себя въ отношеніи Доротеи самымъ благороднымъ образомъ. Онъ не только согласился на разводъ, но позволилъ ей также оставить у себя дѣтей, назначилъ ей пенсіонъ, помогалъ ей въ бѣдности, въ которой она очутилась скоро послѣ связи съ Шлегелемъ, и до 1811 года, во время ихъ пребыванія въ Вѣнѣ, внимательно ухаживалъ за матерью его дѣтей, которыя вышли весьма замѣчательные люди и остались очень привязанными къ Доротеѣ. Вдова Моисея Мендельсона между тѣмъ давно послѣдовала за своимъ мужемъ въ могилу, и ничто больше не мѣшало законному бракосочетанію обоихъ любовниковъ. Мы не станемъ однако слѣдовать за ними въ Іену, Веймаръ, Дрезденъ, Парижъ, Кельнъ, Базель и Вѣну, мы не станемъ расписывать исторіи ихъ несчастій, ихъ постоянства и обращенія въ новую вѣру. Намъ придется еще встрѣчать ихъ въ нашемъ разсказѣ не разъ: Фридриха, вносящаго въ новую религію свои цыганскія и эпикурейскія привычки, а Доротею — съ ея жаромъ, искренностью, экзальтаціею. Въ эпоху, на которой мы остановились (въ 1799 г.), они поддерживаютъ свое скучное и лѣнивое существованіе (по выраженію Фихте) въ Берлинѣ, гдѣ они скандализировали литературный міръ точно также, какъ прежде скандализировали міръ буржуазный. Здѣсь конечно не у мѣста представить полную критику системъ и сочиненій того времени. Мы ограничиваемся по возможности изученіемъ тогдашняго общества, которое находилось въ переходномъ періодѣ; но тѣмъ не менѣе

мы должны остановиться нѣсколько на странномъ литературномъ эпизодѣ, который возбудилъ всю Германію въ 1798 г., на оригинальномъ твореніи, которое, въ качествѣ программы новой поэтической школы, имѣло назначеніе произвести переворотъ въ жизни и литературѣ и, какъ выражался Шлегель, организовать „оппозицію противъ положительнаго закона и общепринятой порядочности.“

Люцинда—таково заглавіе оригинальнаго романа, въ которомъ Шлегель заявилъ свой новый завѣтъ—не представляетъ ничего другаго, кромѣ длиннаго, скучнаго и не поэтичнаго диѳирамба въ честь чувственности, каприза и правъ личности. Авторъ называетъ свое сочиненіе „апологіею природы и невинности въ формѣ поэмы цинико-сафической“. Нѣмцы вообще имѣютъ странную потребность оправдывать предъ разумомъ всѣ свои дѣйствія при помощи какой нибудь системы. Госпожа Сталь весьма справедливо удивляется обилію мыслей и взглядовъ, которыя она встрѣчала въ Германіи. Благодаря сильной природной наклонности, получившей еще больше развитія отъ долгой привычки къ діалектекѣ, нѣмецъ дошелъ до нѣкотораго рода артистичности въ обращеніи съ отвлеченными мыслями. Эта ловкая гимнастика сильно импонировала иностранцамъ, непрывычнымъ давать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, подыскивать имъ принципы, составлять системы. Эта привычка къ объобщеніямъ и абстракціямъ не мало повредила однако ихъ теоретической способности, которая была такимъ образомъ почти парализована. И теперь еще мало находимъ у нѣмцевъ романистовъ, которые умѣли бы занимать своихъ читателей, какъ это удается сотнямъ англійскихъ и французскихъ писателей; рѣдко найти живописца нѣмца, который занимался бы чѣмъ другимъ, кромѣ символизированія. Между тѣмъ манія создавать теоріи никогда еще не достигала того развитія какъ 60-тъ лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что Фр. Шлегель попытался привести въ систему не только страсть, но и любовный капризъ. Еще менѣе можно удивляться тому, что, возведши свою страсть на высоту принципа, онъ лишился единственной вещи, которая могла извинить его — наивности. Въ этомъ безъ сомнѣнія есть нѣчто лучшее наивно-грубой страсти, нѣчто такое, что объясняется сущностью нѣмецкой натуры и свойственнымъ ей идеализмомъ. Съ того момента, какъ чувственность получаетъ эстетическую сторону, выражаясь языкомъ нѣмецкихъ философовъ, она пріобрѣтаетъ возможность облагораживаться до нѣкоторой степени, по крайней мѣрѣ не погрязнуть совсѣмъ. Всякій народъ вноситъ въ любовь, какъ и въ поэзію и въ жизнь, господствующую сторону его природы: французъ—умъ и веселіе, англичанинъ—чувство долга и важность, итальянецъ—страсть и сильную ревность. Нѣмецкій сенсуализмъ, даже сенсуализмъ Шлегеля, также не былъ чуждъ сантиментальности. Любовь нѣмца серьезна, обдумана и не безъ нѣкоторой дозы энтузіазма. Разъ, человѣкъ вообразилъ себя въ идеальномъ мірѣ, хотя бы и по ошибкѣ, сама реальность, въ которой онъ живетъ, получаетъ нѣкоторый идеальный оттѣнокъ, но, понятно, что даже этотъ оттѣнокъ идеальности совершенно стушевываться у тѣхъ, которые ищутъ одной только страсти и одного удовольствія „безъ прикрасъ“. Отъ этого-то мы видимъ всегда въ нѣмецкой любви что-то неприличное, которое шокируетъ иностранца. Удовольствіе и страсть скрываются всегда въ сознаніи беззаконности; сантиментальность, напротивъ, любитъ показываться, выставляться, гордясь своимъ идеальнымъ благородствомъ.

Но тутъ отсутствіе приличія перешло всѣ границы. Сама Доротея жаловалась на это. Уже за годъ до этого ея нескромный любовникъ безъ нужды оскорбилъ ея чувство приличія статьею о женскомъ идеалѣ и о **Діотимѣ**, такъ какъ онъ также хотѣлъ имѣть свою Діотиму, какъ Гемстергюйсъ и Гельдерлинъ. На этотъ же разъ онъ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ въ своей первой аттакѣ противъ „ложнаго приличія,..... дочери лицемѣрнаго страха и подруги испорченнаго ума и дурныхъ нравовъ“. Доротея не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ боли. „Часто, говорила она Шлейермахеру, меня бросаетъ въ холодъ и жаръ, когда я вижу, что онъ выворачиваетъ всю мою внутренность. Я краснѣю, видя, какъ все самое интимное, таинственное, священное, выставляется для потѣхи всѣхъ любопытныхъ, всѣхъ непріятелей!“ Дѣйствительно, Люцинда превзошла въ резонерскомъ сенсуализмѣ все, что Германія произвела до тѣхъ поръ въ этомъ родѣ. Даже Гейнзе и Е. Вагнеръ, кажутся еще скромными въ сравненіи съ этимъ любовнымъ евангеліемъ, которое запросто прославляетъ чувственность, подъ предло-

гомъ преслѣдованія предубѣжденія. Если бы романистъ хоть умѣлъ заинтересовать читателя: — но вы чувствуете, что онъ искуственно себя согрѣваетъ, что у самого автора нѣтъ больше чувства, чѣмъ у героя. „Даже видимое стараніе быть безнравственнымъ не удается ему, весьма вѣрно замѣчаетъ новѣйшій историкъ; это ни болѣе, ни менѣе какъ афектированное легкомысліе педанта“. Дѣйствительно нельзя себѣ представить ничего болѣе натянутаго, какъ эти лирическія изліянія въ честь природы, любви, праздности, непостоянства, съ претензіями на религіозное вдохновеніе. Всѣ эти парадоксы изобрѣтены даже не съ цѣлью оправдать страсть; но составляютъ только результатъ напыщенности, изобличающей полнѣйшую бездарность.

„О! завидная свобода отъ предразсудковъ! восклицаетъ герой, обращаясь къ своей героинѣ. Ты также отбрось этотъ остатокъ ложной стыдливости, какъ я отбросилъ кругомъ насъ въ анархическомъ безпорядкѣ твои стѣснительныя платья!.. Всѣ тайны женскаго сумасшествія и мужскаго восторга; казалось, плавали и прыгали кругомъ насъ... Мы обнимались также страстно, какъ и религіозно. Я умолялъ тебя дать волю своему бѣшенству и просилъ тебя остаться ненасытной. И однако въ тоже время, я подслушивалъ все съ холоднымъ разсудкомъ... Намъ достаточно одной смѣлой комбинаціи, чтобы подняться выше всѣхъ предразсудковъ цивилизаціи и общественныхъ нравовъ и разомъ очутиться въ невинности и на лонѣ природы... О, праздность, ты, которая есть жизненный воздухъ невинности и энтузіазма! Тобою-то дышатъ счастливцы, и счастливъ тотъ, кто обладаетъ тобою. О священное сокровище! Единственный остатокъ Божьяго подобія, которое осталось у насъ послѣ рая!... Подъ всѣми небесами это право праздности только и отличаетъ великихъ людей отъ простонародія, оно есть настоящій принципъ благородства!.. Пришло время, внутренняя сущность божества можетъ открыться; всѣ тайны могутъ раскрываться, и всякій страхъ исчезнетъ. Вразумись и повѣщай, что одна природа достойна уваженія и одно здоровье дорого.“

Право, не безъ колебанія рѣшаемся мы цитировать подобныя эксцентричности; однако они далеко не такъ оскорбляютъ чувства, какъ извѣстная „диѳирамбическая фантазія о наилучшемъ изъ всѣхъ положеній“, или „признанія неопытнаго“, „годы обученія мужественности“. И замѣтьте: эти прекрасныя теоріи развиты въ стихахъ, столь же тяжелыхъ по формѣ, какъ и по мысли, такъ какъ муза никогда не улыбалась Фридриху.

„Смѣло и весело поклянемся, обнимаясь, вѣчная невѣрность!—Вездѣ, куда только прелести насъ привлекаютъ, насладимся ими!—И чтобы основательно исчерпать всѣ

желанія нашей маленькой души,—будемте искать легкихъ удовольствій въ прелестной перемѣнѣ! — И когда злая серьезность станетъ нарушать наши игры,—проклянемъ тогда длинное блѣдное однообразіе... Такимъ образомъ мы будемъ поживать все свободнѣе и свободнѣе, пока сдѣлавшись божественно легкими мы станемъ летать въ воздухѣ!“

Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ видѣть педанта, корчащаго Ловеласа, или поэтическую немочь, пытающуюся изображать страсти; это именно мы и видимъ въ Шлегелѣ, который, болѣе чѣмъ кто либо другой въ этой эпохѣ, страдалъ этимъ недостаткомъ. Варнгагенъ и на этотъ разъ, какъ и всегда, мѣтко охарактеризовалъ направленіе новой школы и ея главы. „Оно, сказалъ онъ, выражается въ несоразмѣрности между слишкомъ сильною чувственностью и недостаточной силой творчества“. „Это была натура, состоявшая вся изъ противорѣчій, говоритъ онъ о Шлегелѣ, изъ странностей и неправильностей всякаго рода, въ которой черти, геніи и привидѣнія сплетались и путались въ безконечномъ безпорядкѣ.“ Конечно, лучше этого ничего нельзя сказать; но что бы ни думали объ этомъ вѣчномъ богемѣ, положительно извѣстно, что всегда предпочтутъ *Опасныя связи* мнимо поэтическимъ изліяніямъ его раздраженной немочи. Повидимому, вообще неохотно признаются въ томъ, что читали эти сочиненія и еще менѣе въ томъ, что читали ихъ съ удовольствіемъ. Что сказать послѣ этого о Шлейермахерѣ и его друзьяхъ, которые писали еще комментаріи на эту белиберду, потому что извѣстно, что *Леонора* въ *интимныхъ письмахъ* о *Люциндѣ* была ни кто иная, какъ Леонора Грюновъ, и весьма вѣроятно также, что *Каролина* была только подставное имя Генріеты Герцъ, которая девять лѣтъ спустя заявляла особыя претензіи на эти письма, хвастая предъ Варнгагеномъ, что она собственно внушила ихъ автору? Нѣтъ ничего любопытнѣе переписки трехъ свѣтскихъ женщинъ съ евангелическимъ проповѣдникомъ, который предлагаетъ выслать „въ Англію всѣхъ жеманныхъ и стыдливыхъ“, между тѣмъ какъ одна изъ подругъ отвѣчаетъ ему, что эта угроза на ее счетъ безполезна, потому что она вполнѣ раздѣляетъ его образъ мыслей насчетъ стыдливости. Она это доказываетъ нѣсколько строкъ дальше, гдѣ она находитъ „въ высшей степени глупымъ, что въ большой части романовъ придаютъ такъ много цѣны сохраненію невинности до

свадьбы." Вотъ въ какомъ тонѣ всѣ четыре кореспондента истолковываютъ „важное, достойное и добродѣтельное произведеніе", подъ названіемъ Люцинда.

Доктрины эти не были-бы вовсе опасны, еслибы онѣ были одиночны, если-бы онѣ не производили вліянія на самую жизнь; но не рѣдко семейное счастіе сильно страдало отъ этихъ теорій, которыя весьма часто болѣе самой страсти и истинной привязанности служили поводомъ къ семейнымъ раздорамъ. Шлейермахеръ предложилъ „производить размѣнъ," чтобы лучше устраивать семейное счастіе; Фр. Шлегель шелъ гораздо дальше. „Почти всѣ браки суть ни что иное какъ конкубинатъ, говорилъ онъ прямо; это браки лѣвой руки или вѣрнѣе временныя попытки настоящаго брака", и онъ предлагалъ „квадратуру круга" въ формѣ грубаго вопроса: чтобы можно было сказать противъ „брака въ четверомъ?" Нѣмецкое общество не послѣдовало за нимъ такъ далеко; но нельзя также отрицать, что семейныя узы сильно были потрясены многочисленными разводами, которые чаще развязывали даже такіе браки, гдѣ недоразумѣніе ограничивалось глупыми, пустыми капризами или мгновенными вспышками, которые легко бы улеглись современемъ. Впрочемъ, разсуждая объ этой эпохѣ, нельзя прилагать къ нѣмцамъ и протестантамъ ту же мѣрку, которая приложима къ другой націи. Къ тому-же время, о которомъ мы говоримъ, было эпохой глубокаго кризиса, какъ политическаго, такъ и нравственнаго, для всей Германіи.

IV.

Отсутствіе Фр. Шлегеля стало очень замѣтнымъ, если не въ Берлинскомъ обществѣ вообще, то во всякомъ случаѣ въ кружкѣ Генріеты Герцъ и Шлейермахера. Это было впрочемъ весьма благодѣтельно для послѣдняго, который во всемъ слишкомъ подчинялся вліянію Фридриха. Только съ этого момента Шлейермахеръ сталъ на собственныя ноги; снова оживились въ немъ впечатлѣнія его первоначальнаго религіознаго воспитанія; протестантскій фондъ его натуры пробудился, и изъ мистическаго сенсуализма, что было для него только ролью, онъ окончательно обратился въ діалектическаго раціоналиста, болѣе соотвѣтствовавшаго его природѣ. Другъ его Фридрихъ никогда не могъ простить ему это превращеніе, эту „невѣрность". Онъ смотрѣлъ на него, какъ на апостата, утверждалъ, что всегда предчувствовалъ эту протестантскую нетерпимость, которую Шлейермахеръ заявлялъ теперь относительно „католицизма и артиста, замѣнившаго у автора Люцинды религію плоти". Онъ шелъ даже такъ далеко, что обвинялъ его въ гугенотской жестокости, объявляя его способнымъ поступать съ христіанствующими романтиками, какъ Кальвинъ поступилъ съ Серве. „Безъ сомнѣнія, прибавлялъ онъ, я не беру эти слова въ буквальномъ смыслѣ; Шлейермахеръ, конечно, никогда неспособенъ воздвигать костры, сожигать людей, но онъ никогда не откажетъ въ своемъ согласіи,—я очень хорошо знаю моего маленькаго друга—слегка поджарить человѣка, который нераздѣляетъ его образа мыслей, чтобы заставить его обратиться на путь истины. Очевидно, что самъ Шлегель становится тутъ нетерпимымъ. Онъ не переносилъ никогда противорѣчій, а между тѣмъ извѣстныя привычки Шлейермахера, которыя Варнгагенъ называлъ діалектическимъ перцемъ, давали ему возможность глумиться надъ этою безобидной личностью, которой онъ никогда не понималъ. Шлейермахеръ, если и обижалъ кого, то безъ умысла, и онъ всегда спѣшилъ залечить раны противника, какъ только ихъ открывалъ. Варнгагенъ справедливо сравниваетъ его съ страстнымъ шахматнымъ игрокомъ, который во время игры забываетъ своего противника, какъ и ставку. Можно еще прибавить, что съ той минуты, какъ страстный игрокъ оставилъ шахматы, онъ становился лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ своего противника. И въ этомъ случаѣ онъ отмалчивался на всѣ обвиненія Фр. Шлегеля, часто изъ миролюбія, но чаще изъ уваженія къ его прежней дружбѣ, которая въ его глазахъ имѣла священный характеръ. Извѣстно, что онъ впослѣдствіи сдѣлался не только первымъ евангелическимъ ораторомъ Германіи — его называли нѣмецкимъ Массильономъ—но даже однимъ изъ первыхъ столбовъ либеральнаго протестантизма Пруссіи.

По отъѣздѣ Шлегеля съ Доротеей, которая стала для безпечнаго критика матерью и сестрою, равно какъ и преданной женой, постоянно его обожавшей и вдохновлявшей, случилось скоро новое важное обстоятельство, глубоко сокрушившее кру-

жокъ Генріеты Герцъ. Въ январѣ 1803 г. умеръ докторъ Маркусъ Герцъ. Бракъ этотъ не былъ идеальнымъ, согласно требованіямъ мечтателей того времени, но только благодаря личному характеру Генріеты Герцъ, она не чувствовала себя такъ несчастной, какъ Доротея Фейтъ. Ея здравый смыслъ, спокойный характеръ, уваженіе къ приличію, не позволяли ей выставлять себя жертвою. Это былъ бракъ въ нѣкоторомъ родѣ французскій, заключенный не изъ спекуляціи, но по разумному соображенію, безъ страсти, поддерживаемый дружбой и взаимнымъ уваженіемъ, и постепенно закрѣплялся скорѣе общими интересами и привычками, чѣмъ душевнымъ сочувствіемъ. Бракъ этотъ казался поэтому Шлейермахеру всегда загадочнымъ. „Отношенія Герца къ тебѣ и къ твоей жизни, писалъ онъ къ Генріетѣ на другой день послѣ смерти Маркуса, были слишкомъ сложныя и удивительнымъ образомъ сплетенныя". Впослѣдствіи, сдѣлавшись уже христіанкой, она высказалась на счетъ этого брака въ слѣдующихъ строкахъ, видимо съ притензіею на идеализмъ, который вовсе къ ней не шелъ, потому что лишенъ былъ той наивности, которая высказывалась у Доротеи Фейтъ или у Рахили:

„Мой бракъ могутъ назвать счастливой связью, но не счастливымъ бракомъ. Нашъ бракъ вовсе не былъ для Маркуса центромъ его существованія. Наконецъ, онъ остался безъ потомства. Еслибы я удостоилась этого счастія, я знаю, что была бы хорошей матерью, какъ была хорошей женой, такъ какъ могу о себѣ засвидѣтельствовать, что я сдѣлала мужа настолько счастливымъ, на сколько женщина способна это сдѣлать."

Берне, тогда 18-ти лѣтъ отъ роду, находившійся въ пансіонѣ Маркуса Герца, своего единовѣрца—нѣмецкіе евреи въ то время, болѣе, чѣмъ теперь, составляли большое фрамасонское общество—Бёрне подтверждалъ въ своихъ письмахъ справедливость приведенныхъ словъ Генріеты. Въ этихъ письмахъ Бёрне (1802—1807 г.) уже обнаруживается тотъ критическій умъ, тотъ горькій смѣхъ, тотъ духъ отрицанія и вообще всѣ тѣ достоинства, которыми онъ заслужилъ такую громадную репутацію полемиста. Первыя письма Берне писаны въ Берлинѣ въ домѣ Генріеты, и въ нихъ уже высказывается безумная страсть юноши къ прекрасной Hofräthin, которая была 20-тью годами старше его. Страсть эта была дѣйствительная, реальная, два раза онъ пробовалъ отравиться съ отчаянія, и Генріета, наконецъ, вынуждена была отправить его полечиться. Но лучше-бы она сдѣлала, еслибы не поддерживала этой сумашедшей страсти въ самомъ ея началѣ. Въ Галле, куда онъ отправился для изученія медицины и гдѣ онъ писалъ большую часть своихъ корреспонденцій и дневника, онъ встрѣтился скоро съ Шлейермахеромъ, который былъ призванъ туда профессоромъ богословія. Новый профессоръ, впрочемъ, былъ не особенно доволенъ молодымъ студентомъ, котораго такъ горячо рекомендовала ему его дорогая Генріета; но и молодой студентъ мало заботился о своемъ скучномъ менторѣ.

Домъ Генріеты пустѣлъ все болѣе и болѣе, и по несчастію въ немъ поселилась бѣдность въ то самое время, какъ друзья оставляли его. Маркусъ Герцъ, который имѣлъ огромное состояніе, не оставилъ почти ничего; Генріета принуждена была жить на счетъ своихъ познаній. Графъ фонъ-Дона-Шлобитенъ, старый ученикъ Шлейермахера, предложилъ вдовѣ Герца свою руку и свое большое состояніе, но она отказала ему, вѣроятно потому, что не рѣшалась огорчить свою старую мать принятіемъ христіанства, безъ чего этотъ бракъ не могъ-бы состояться. Она стала давать уроки французскаго, итальянскаго и англійскаго языковъ, и въ это время познакомилась съ матерью г-жи фонъ-Дино, съ прекрасной и благородной герцогиней Курляндской, которая стала для нея настоящимъ другомъ. Герцогинѣ представилъ ее остроумный и любезный принцъ Людвигъ Фердинандъ, кузенъ короля. „Посмотрите на эту женщину, говорилъ онъ герцогинѣ, она никогда не была такъ любима, какъ она заслуживала." Тотъ-же принцъ Людвигъ представилъ Генріету королевѣ, когда вопросъ шелъ о томъ, чтобы отыскать гувернантку для принцессы Шарлоты (впослѣдствіи Россійской Императрицы, супруги императора Николая). Вдова Герцъ отклонила и это блистательное положеніе, все по той-же причинѣ, чтобы не быть вынужденною перемѣнить свою вѣру и тѣмъ огорчить свою старую мать, которая глубоко была привязана къ религіи Моисея. Впослѣдствіи мы однако видимъ, что Генріета все-таки приняла христіанство и совершенно неожиданно, при условіяхъ самыхъ оригинальныхъ.

Герцогиня Курляндская, у которой Генріета продолжала ви-

дѣть большой свѣтъ, аристократическій и литературный, который не подъ силу ей было принимать у себя, была одна изъ первыхъ важныхъ христіанскихъ дамъ въ Берлинѣ, которая протестовала противъ различія классовъ и рѣшилась соперничать съ богатыми еврейками въ правѣ принимать и покровительствовать таланты. Ея примѣръ скоро нашелъ послѣдователей, и прусская аристократія стала считать себѣ за честь заниматься умственнымъ развитіемъ съ такимъ-же рвеніемъ, какъ она прежде занималась геральдикой. Въ салонѣ герцогини Курляндской собирались всѣ классы общества, съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго религіознаго различія. Евреи и христіане, ученые и аристократы, важныя дамы и актрисы,—все это столпилось и смѣшивалось вмѣстѣ, ибо герцогиня особенно старалась размѣщать своихъ гостей за дюжиной отдѣльныхъ маленькихъ столиковъ, за которые ловкая хозяйка всегда умѣла подсаживать важныхъ дамъ въ обществѣ мѣщанокъ. Примѣръ этотъ былъ заразителенъ и давалъ блистательные результаты для взаимнаго сближенія классовъ. Сліяніе это было дѣйствительное, и лучшимъ доказательствомъ тому служатъ безчисленные смѣшанные браки, которые во всякое другое время, раньше или позже, произвели-бы общій скандалъ. Въ ея-то домѣ можно было встрѣтить Рахиль и принца Людвига Фердинанда, г-жу де Сталь и Августа Вильгельма Шлегела, занявшаго мѣсто своего брата въ Берлинѣ, князя Радзивилла и сестру принца Людвига Фердинанда, знаменитаго историка Іоганна Миллера, г-жу де Жанлисъ и графа де Тилли, друга Мирабо, живописца Генелли и, юмориста Гвалтери, Фридриха Генца, могущественнѣйшаго изъ публицистовъ, которыхъ Германія когда либо имѣла, и дипломата-философа Вильгельма Гумбольдта—словомъ все, что было въ Берлинѣ замѣчательнаго по уму и таланту.

Самымъ блистательнымъ однако явленіемъ въ этомъ прелестномъ салонѣ осталась сама герцогиня, всегда прелестная и милая. Еще съ ранней юности,—она родилась въ томъ-же году какъ и Генріета, въ 1760, 11-ть лѣтъ раньше Рахили—прекрасная Доротея поражала всѣхъ своимъ здравымъ смысломъ, веселымъ нравомъ и привлекательною и окружностью, тремя качествами, которыя развились во всемъ блескѣ, когда она заняла высокое положеніе, для котораго она повидимому была создана. Герцогъ Курляндскій, овдовѣвшій

уже два раза, женился въ третій разъ на графинѣ Медемъ, съ которою онъ былъ счастливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она-то, рожденная царствовать, какъ говоритъ одинъ ея современникъ, возстановила порядокъ въ дурно управляемомъ имѣніи своего супруга, который сильною и нѣжною рукою реорганизовалъ дѣла независимаго тогда еще герцогства Курляндскаго. Доротея съ тѣхъ поръ жила поперемѣнно то въ Берлинѣ, то въ Вѣнѣ, гдѣ она сдѣлалась провидѣніемъ для бѣдныхъ и идоломъ аристократическаго общества. При ней могли видѣть часто ея старшую сестру Элоизу фонъ Реккэ, которая представляла совершенный контрастъ съ младшей сестрой. Необыкновенной красоты, съ живымъ воображеніемъ, сантиментальная и религіозная Элоиза вышла замужъ 15-ти лѣтъ, развелась въ 22 и продолжала жить въ самыхъ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ съ своимъ мужемъ. Она потеряла свое состояніе и вынуждена была прибѣгнуть къ гостепріимству своей сестры, въ то время, когда сочиненіе ея о Каліостро привлекло вниманіе Екатерины II, которая назначила ей пансіонъ, въ награду за смѣлость и за услугу, оказанную ею „разуму."

Элоиза, которая доставила также Шиллеру много подробностей для его Духовидца, дѣйствительно была въ очень близкихъ сношеніяхъ съ Каліостро, который основалъ въ Курляндіи „дамскую ложу." Она совершенно было оглупѣла, она сдѣлалась даже главнымъ членомъ его ложи, и между тѣмъ какъ молодая Доротея убѣгала отъ скучныхъ разсказовъ чудодѣя, экзальтированная Элоиза съ жадностью глотала каждое его слово. Она однако въ скоромъ времени открыла мошенничество этого фокусника и была этимъ взбѣшена. Въ Берлинѣ Николаи предпринялъ вылечить ее вполнѣ отъ мистицизма, въ чемъ онъ совершенно успѣлъ. Ея книга о Каліостро есть результатъ этого раціональнаго излеченія. Благодаря Николаи, она разсорилась съ двумя своими благородными и мистическими соотечественницами, княгинею Голицыной, Діотимой Гемстергюйса, которая занималась тогда въ Вестфаліи ремесломъ апостола въ юбкѣ, и молодою г-жею Крюднеръ, авторомъ Валерія и титанидой Жанъ Поля, также какъ Элоиза, разведенной съ своимъ мужемъ. Послѣдняя привязала себѣ тогда Тидге, автора Уранія, который слѣдовалъ за ней въ долгомъ путешествіи по Италіи, вмѣстѣ увлекаясь туманною поэзіею и свѣтомъ луны, и который для

большаго разнообразія ухаживалъ менѣе туманно за горничною своей музы.

Какъ видно, фантазія была единственною властительницею, признаваемою этимъ страннымъ обществомъ, задавшимся мыслью водворить соціальную терпимость. Придворный міръ, и въ особенности буржуазный, могли нѣсколько отличаться по своимъ нравамъ, но принципы, руководствовавшіе ими,—если вообще можно говорить о принципахъ переходной эпохи и общества, предавшагося полной свободѣ нравовъ и отказавшагося отъ всякихъ предразсудковъ—были одни и тѣ же. Предразсудки происхожденія, религіи, и общественнаго приличія, все это, казалось, дѣйствительно исчезло; но всѣ эти предразсудки должны были снова возродиться, потому что никакое общество не можетъ жить безъ предразсудковъ. Я уже сказалъ, что въ періодъ времени отъ 1789 г. до 1815 г. Германія, какъ и Франція, переживала критическую эпоху, какъ въ политическомъ и національномъ, такъ въ литературномъ и философскомъ отношеніяхъ; мало того, этотъ періодъ представляетъ также и нравственный кризисъ. Германія совершенно какъ бы разшаталась въ своихъ основахъ. Старое общество находилось въ полномъ разложеніи. Безвѣрный, но въ тоже время лицемѣрный, король попиралъ ногами всѣ традиціи Бранденбургскаго дома, который одинъ старался сопротивляться опасному примѣру Людвика XIV и Людвика XV, которымъ такъ рабски и такъ съумасбродно подражали всѣ другіе германскіе потентаты. Даже о положительной религіи не было болѣе помину, ни среди высшихъ классовъ, которые вмѣстѣ съ Фридрихомъ II воспитывались въ школѣ энциклопедистовъ, ни вообще среди образованныхъ классовъ, въ которыхъ сначала піетизмъ и религія чувства, а затѣмъ раціонализмъ уничтожили послѣдніе слѣды прежняго правовѣрія. Новая религія должна была возродиться; но въ то время, о которомъ я говорю, она еще не существовала. Воздушныя системы, проходящіе принципы, импровизированные догматы замѣнили недостающую и руководящую нить но они не указывали путь, а скорѣе сводили съ него обезумѣвшее поколѣніе, которое ощупью шло посреди развалинъ. Нужно было много времени для того, чтобы изъ суммы новыхъ доктринъ былъ созданъ новый соціальный и религіозный кодексъ Германіи, основаніе которому положилъ Кантъ, который затѣмъ былъ доведенъ до конца Гете и Шиллеромъ. Но разъ установленный, онъ оказался достаточно прочнымъ, чтобы противостать всѣмъ испытаніямъ. Это стало уже очевиднымъ въ 1813 году. Люди, пересоздавшіе и освободившіе впослѣдствіи Германію, за малымъ исключеніемъ, сгруппировались всѣ у подножія кенигсбергскаго мудреца. Будучи еще молоды, они повторяли восторженныя пѣсни Шиллера и ихъ credo гуманизма и терпимости, поставившее на мѣсто религіи буквы—религію сердца, а на мѣсто морали условной—мораль сознательную, это credo осталось до сихъ поръ кореннымъ убѣжденіемъ громаднаго большинства нѣмцевъ.

Что же касается спеціально брака, то и въ этомъ отношеніи Германія, повидимому, вступила на путь справедливости. Она строже прежняго стала относиться къ разрыву брачныхъ узъ, хотя и не отвергала развода. Это было бы для нея невозможно. Германская раса видитъ въ бракѣ скорѣе привязанность, которая должна повести къ союзу, чѣмъ союзъ, результатомъ котораго должна быть привязанность. И вначалѣ нынѣшняго столѣтія разводъ допускался только въ дворянскихъ кругахъ и въ еврейскихъ семействахъ. Тамъ контрастъ между новыми принципами и унаслѣдованными нравами сдѣлали разводъ необходимымъ. Родители женили своихъ дѣтей „по-французски", какъ говорятъ въ Германіи, т. е. обращая больше вниманія на разсчетъ и общественное положеніе, чѣмъ на личныя симпатіи; но они, при этомъ забывали застраховать ихъ отъ нѣмецкаго направленія, которое допускаетъ только бракъ по любви. На старости лѣтъ Генріетта Герцъ горячо протестовала противъ обвиненія въ безнравственности, въ которой такъ часто упрекали эпоху ея молодости. По ея словамъ множество разрывовъ этой эпохи ни чуть не доказываетъ, что люди тогда не признавали святости брака:

«Истиннымъ бракомъ, говоритъ она, считали только тотъ, въ которомъ умъ и сердце супруговъ находили полное удовлетвореніе. Какъ только эта нравственная связь исчезала, супружескія сношенія считались профанаціей святости брака или просто наложничествомъ. Необходимымъ послѣдствіемъ такого образа мысли было то, что разрывъ такой чисто внѣшней связи считался благодѣяніемъ и даже большею необходимостью для обоихъ супруговъ. Только разрывомъ союза, ставшаго безнравственнымъ, можно было доставить удовлетвореніе нарушенной святости идеи брака.»

Только одно возраженіе можно сдѣлать противъ этого опредѣленія германской идеи брака, а именно: что эта идея вовсе не принадлежитъ исключительно, какъ стремится увѣрять Генріетта Герцъ — эпохѣ ея молодости; въ сущности она осталась навсегда закономъ громаднаго образованнаго большинства въ Германіи. Если прежнее злоупотребленіе, по большей части, оправдывалось идеализмомъ времени, которое не хотѣло признавать правъ дѣйствительности, условія приличія и общества, если оно въ нѣкоторой степени походило на нравственное распутство, выставляясь наружу съ чисто-нѣмецкой наивностью и искренностью, то принципъ этого направленія въ сущности коренится въ самой нѣмецкой натурѣ, въ нѣмецкомъ взглядѣ на нравственность. „Нѣмцы считаютъ любовь болѣе обязательной, чѣмъ долгъ“, говоритъ г-жа Сталь, и этими словами она вполнѣ охарактеризовала всю ихъ нравственность. Впрочемъ, есть еще одинъ законъ, который нѣмецъ уважаетъ наравнѣ съ любовью—это правдивость. Ложь и обманъ абсолютно неизвѣстны въ тѣхъ свободныхъ отношеніяхъ, множество примѣровъ которыхъ мы видимъ выше. Обманывать супруга считалось всегда величайшимъ преступленіемъ, домашній очагъ рѣдко бывалъ театромъ прелюбодѣянія. Супруги открыто разлучались послѣ объясненія и расходились по большей части безъ ненависти и горечи; очень часто, какъ это было съ Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ, который уступилъ свою жену Шеллингу—первый мужъ оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ ко второму. Когда Елеонора Грюновъ (женщина, даже нѣмка, имѣетъ всегда больше правъ, чѣмъ мужчина, не питать угрызеній совѣсти, возбуждаемыхъ ложью), когда г-жа Грюновъ проситъ Шлейермахера не писать ей больше на адресъ мужа, онъ ей отвѣчаетъ, что не можетъ на это согласиться. „Вы знаете, какъ желалъ я всегда быть съ вами наединѣ, когда мы находились въ обществѣ, и что это на мой взглядъ составляло существенную часть нашей дружбы. Но вы, конечно, помните еще наше формальное условіе, что если наши публичныя свиданія сдѣлаются невозможными, то мы никогда не станемъ видаться тайкомъ. Мнѣ кажется, что тоже самое правило должно быть распространено и на нашу корреспонденцію и я боюсь, что эти строки будутъ послѣдними, которыя вы отъ меня увидите впродолженіе долгаго времени“. Дѣло нелегкое судить о нравахъ народа и эпохи на основаніи незыблемыхъ и неподвижныхъ принциповъ. Прежде нежели произнесемъ рѣшительный и безъапелляціонный приговоръ, къ которому пристрастны абсолютные умы, надъ идеями и фактами, кажущіеся намъ странными, нужно попытаться понять ихъ. Тогда мы, безъ сомнѣнія, найдемъ въ условіяхъ времени много обстоятельствъ, смягчающихъ вину. Восходя до принциповъ подобныхъ нравовъ, легко найти, вмѣсто вульгарнаго инстинкта, который прежде всего бросается въ глаза — возвышенную добродѣтель, какою дѣйствительно представляется въ нѣмецкой натурѣ уваженіе къ любви и правдѣ.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ
ВЪ
СОЗДАНІЯХЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ИСКУССТВА.

Мнѣ кажется, теперь самое время взглянуть на то: ка̀къ европейское искусство представляетъ евреевъ въ своихъ картинахъ и статуяхъ? Прежде было бы просто невозможно объ этомъ и рѣчь заводить, старинная Европа знала одно только искусство—идеальное, а этому искусству, во многихъ отношеніяхъ еще младенческому, не смотря на всю внѣшнюю красоту и совершенство, еще не было никакого дѣла до національнаго характера, народныхъ типовъ, мѣстностей, костюмовъ. Оно было совершенно довольно общими мѣстами самаго абстрактнаго свойства, и, обращая все вниманіе на сторону душевную, до остальныхъ рѣшительно и не дотрогивалось.

Теперь другое дѣло. Теперь проснулось чувство національности, нынѣшній зритель не хочетъ больше смотрѣть на какія-то безличныя тѣни, про которыя никогда не догадаешься, кто онѣ такія: греки-ли, евреи-ли, римляне, или еще кто нибудь другой, а пожалуй и просто никто; ему подай нынче не только человѣка красиваго, или характернаго, полнаго чувства или мысли, но еще человѣка, непремѣнно принадлежащаго тому или другому народу, времени и мѣсту. Нынѣшній зритель требователенъ и воспитанъ: что̀ годилось его̀ предшественникамъ, уже болѣе ему не годится, и, вмѣстѣ съ выраженіемъ, въ картинѣ или статуѣ, какого-нибудь

драматическаго, сильно захватывающаго момента—что̀ ему всего дороже въ искусствѣ—онъ спрашиваетъ съ художника, чтобы тотъ показывалъ ему свои личности и сцены среди точно такихъ-же условій дѣйствительной жизни, какія весь вѣкъ стоятъ и вокругъ него самого. Такимъ-то образомъ, вдругъ повсюду появились художественныя произведенія съ такимъ колоритомъ мѣстности, историчности и характерности, какихъ прежніе художники и прежняя ихъ публика даже и во снѣ не видали. Выступила наружу Европа средневѣковая и временъ возрожденія съ ея замками и монастырями, соборами и застѣнками, бальными залами и полями сраженій, и со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ люда, въ латахъ, бархатныхъ шлейфахъ или дерюгѣ; выступила наружу древность Греціи и Рима во всей ихъ скульптурной красотѣ и величіи; выступилъ также и Востокъ, сіяющій красками, утонувшій въ лѣнивой нѣгѣ или пылающій свирѣпыми сценами варварства; выступилъ наконецъ и еврейскій народъ. И тутъ-то совершилось одно изъ самыхъ удивительныхъ превращеній. Чья еще, какого народа исторія служила искусству, вѣчною, поминутною, нескончаемою темой безчисленныхъ картинъ и представленій ка̀къ это было съ еврейской исторіей? Чья еще лѣтопись была такъ, какъ еврейская изрыта и изборождена на всѣхъ концахъ, такъ что ни единаго уголка не осталось, куда-бы не заглянуло искусство и не вырвало себѣ оттуда богатыхъ и широкихъ мотивовъ? И что-же! Вдругъ теперь увидали, что все это было напрасно, что трудъ потраченъ втунѣ, что вся громада созданнаго быть можетъ заключала и много всего самаго важнаго и интереснаго, красоты и всяческой художественной значительности, но ничего тутъ нѣтъ общаго съ тѣми историческими, вѣрными, истинными представленіями народной жизни, какъ ихъ наконецъ понимаетъ и требуетъ наше время.

Это сдѣлали нынѣшніе взгляды, нынѣшняя пытливая мысль, не останавливающаяся болѣе на преданіяхъ школъ—хотя-бы даже и великихъ. Взглянуть на такое направленіе, взглянуть на его результаты—навѣрное будетъ и любопытно и важно. Особливо если вспомнить, что дѣло тутъ идетъ о попыткахъ правдиво изобразить, въ первый разъ послѣ столькихъ тысячъ лѣтъ, тотъ необыкновенный народъ, который одинъ уцѣлѣлъ, изъ глубины сѣдой древности, сквозь смѣняющіеся ряды вѣковъ, одинъ продолжаетъ

стоять одинокимъ гранитнымъ утесомъ, тогда какъ грозная волна времени смыла прочь и утопила всѣхъ прежнихъ сотоварищей и сверстниковъ этого народа. Не съ одной религіозной своей стороны выдается этотъ народъ передъ массою другихъ, и горитъ яркою звѣздою сквозь туманъ столѣтій: для того, чтобъ играть въ отношеніи къ народамъ стараго и новаго времени ту громадную, возвышающую и развивающую роль, какую онъ игралъ,—для того, чтобъ быть въ состояніи приливать, въ ихъ слишкомъ старую или слишкомъ молодую кровь, драгоцѣнные элементы свѣта, страстной жизни, могучаго творчества и пытливаго знанія, нужно было присутствіе въ этомъ народѣ многихъ другихъ еще силъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя въ началѣ, пробѣгая его исторію, много пороковъ и преступленій, много предразсудковъ и всяческихъ заблужденій, много нравственнаго растлѣнія и упадка цѣлыхъ классовъ видимъ мы тутъ, лежащихъ на немъ темными, вѣковѣчными пятнами, но тутъ-же въ нашей мысли складывается еще и такая могучая физіономія оригинальности и страстнаго порыва, прирожденной глубины и упорной энергіи, и, болѣе всего—такая непобѣдимая жизненность, нестираемая никакими несчастіями, никакою трагичностью судьбы, что нельзя не уважать этого племени, и, значитъ, нельзя не устремить всего вниманія на тѣ изображенія, которыя берутъ себѣ задачей: со всею искренностью и правдою передать безконечное разнообразіе событій и характеровъ этого изумительнаго племени.

Итакъ, я разсмотрю нѣсколько крупныхъ примѣровъ того отношенія, въ какое стало новое европейское искусство къ еврейскому народу и еврейской исторіи. Но, приступая къ этому, для меня столь любезному дѣлу, прежде всего остановлю вниманіе моего читателя вотъ на какомъ, самомъ важномъ, фактѣ. Европейское искусство вообще и во всѣ времена было довольно справедливо и безпристрастно къ евреямъ, въ наше-же, самое послѣднее время, сдѣлалось къ нимъ и еще справедливѣе и безпристрастнѣе. Пока средневѣковая литература, и въ стихахъ и прозѣ не находила довольно выраженій для того, чтобъ нарисовать въ какомъ-нибудь отвратительномъ, презрѣнномъ или каррикатурномъ видѣ современныхъ ей евреевъ, и, выдумывая на нихъ какія ни попало гнусныя преступленія и невѣроятнѣйшія небылицы, съ любовью искажала

каждую черту ихъ физіономіи, каждое движеніе ихъ тѣла, средневѣковое искусство той-же самой эпохи чертило евреевъ, по крайней мѣрѣ относительно ихъ внѣшности, съ такимъ-же отсутствіемъ ненависти и презрѣнія, какъ если-бы дѣло шло о нѣмцахъ, французахъ или англичанахъ. Взгляните хоть на картинки, гдѣ представлены евреи, мучащіе и убивающіе христіанскихъ дѣтей для исполненія какихъ-то будто-бы еврейскихъ обрядовъ (извѣстно, что это безобразное обвиненіе, ровно ни на чемъ не основанное, точь въ точь столько-же, какъ и всѣ процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ, возобновлялось къ стыду Европы всего чаще, и не разъ повторено было даже и въ нашемъ столѣтіи) — чтожъ мы тутъ видимъ? Самый фактъ представленъ во всей звѣрской его наивности, но евреи все-таки тутъ люди какъ люди, и ни одному изъ нихъ, ни мущинѣ, ни женщинѣ, изъ числа-ли зрителей, или даже изъ числа свирѣпыхъ палачей-фанатиковъ, не придано тѣхъ отталкивающихъ чертъ, какими обыкновенно тѣшилась тогдашняя литература. Ясно, что живописецъ и рисовальщикъ, имѣя дѣло уже не съ одними нравственными предразсудками и обычной клеветой, исходящими изъ среды мрачной, грубой толпы, а уже съ задачами пластическаго искусства, подчинялся облагораживающему его вліянію. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, сравнительно лучшихъ, болѣе свѣтлыхъ людей, которые, не смотря ни на что, все-таки видѣли въ евреѣ—человѣка; они уподоблялись въ этомъ случаѣ тѣмъ папамъ (исключеніямъ изъ общаго правила), которые находили возможнымъ защищать евреевъ отъ общаго мракобѣсія и фанатизма, и начинали свои буллы въ пользу ихъ словами: „Такъ какъ евреи созданы по образу и подобію Божію..." Такое отношеніе къ еврейству было уже, со стороны средневѣковаго художества Европы, значительнымъ шагомъ впередъ. Но насколько-же еще выше стоитъ современное, наше искусство. Оно не только гораздо менѣе прежняго способно глумиться надъ какими-бы то ни было народными чертами и по-ребячьи каррикатурить въ евреяхъ то, въ чемъ не они виноваты, а исторія и безумный гнетъ Европы,—но пошло еще далѣе: оно не хочетъ даже и притрогиваться къ сюжетамъ, продиктованнымъ слѣпотой фанатизма, варварской клеветой и безобразными обвиненіями. Такихъ картинъ вы тщетно-бы искали теперь во всемъ европейскомъ искусствѣ. Насколько, значитъ, опередило оно

въ этомъ отношеніи современную литературу, во многихъ краяхъ Европы все еще полную ненависти, мрака и тупыхъ антипатій!

I.

Попытки изображать евреевъ и еврейскую исторію въ новыхъ формахъ и въ новомъ свѣтѣ изошли—изъ Франціи. Могло-ли оно иначе и быть, если эта страна всегда была первою между всѣми—всякій разъ, когда рѣчь должна была пойти о возстановленіи нарушенныхъ правъ, объ уничтоженіи вѣковыхъ предразсудковъ, о снятіи умственныхъ оковъ? Въ дѣлѣ равноправности евреевъ не Франція-ли первая, изъ среды великой своей революціи, провозгласила эту великодушную истину въ 1789 и 1791 году, тогда какъ остальная Европа рѣшалась раньше того, лишь на слабыя, ничтожныя поправки и улучшенія въ участи преслѣдуемаго бѣднаго племени? Не Франція-ли первая созвала въ 1806 году великій еврейскій соборъ, небывалую народную думу, гдѣ разбросанный по лицу всего міра, гонимый народъ, въ первый разъ послѣ 18-ти столѣтій снова сошелся вмѣстѣ одной общей массой въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, и порѣшилъ: что́ для него нынче возможно, если откинуть груды предразсудковъ, и какими путями онъ способенъ идти въ настоящее время, въ единеніи съ остальными народами. Ни въ одну еще эпоху своей исторіи еврейскій народъ не совершалъ такого небывалаго, неслыханнаго шага, но за то и Европа тоже еще никогда не растворяла такъ широко горячихъ объятій забытому и забитому брату. Подобныхъ тогдашнимъ—минутъ ликованія, жарко и великодушно забившихся сердецъ, стремленій направленныхъ ко всему великому, широкому и благородному не много конечно насчитаетъ на своихъ страницахъ вся еврейская исторія. И вотъ, та самая нація, которая принесла первую электрическую искру въ это истинно-человѣческое дѣло, не могла остановиться на одномъ только первомъ моментѣ. Давъ современному еврейству новую жизнь, уничтоживъ наконецъ всѣ прежніе позорные шлагбаумы, Франція взглянула свѣжими глазами и на всѣ прошлые вѣка этой націи, и, въ лицѣ своихъ художниковъ, опять-таки первыхъ между всѣми по разуму и свѣтлой мысли, стала чертить себѣ картины ея старой лѣтописи въ обновленныхъ, впервые правдивыхъ формахъ.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ живописцевъ новой Франціи, почти весь вѣкъ свой проведшій въ путешествіяхъ (и тѣмъ не менѣе написавшій такую громадную массу картинъ во всѣхъ родахъ, что могъ-бы ими населить цѣлую художественную школу), разсказалъ однажды, въ засѣданіи парижской академіи художествъ (въ 1850 г.), всю исторію своихъ новыхъ, никѣмъ раньше его не испробованныхъ попытокъ. Небольшое прочитанное имъ разсужденіе носило заглавіе: „о родствѣ древне-еврейскаго костюма съ нынѣшнимъ арабскимъ,“ и задача казалась, на первый взглядъ, довольно спеціальною и ограниченною, но шла гораздо дальше и глубже рамокъ, поставленныхъ заглавіемъ.

„Въ то время, говоритъ авторъ, когда я съ Библіей въ рукахъ изъѣздилъ всѣ три части свѣта, меня постоянно поражало то, что нравы и образъ жизни нашихъ праотцевъ уцѣлѣли до сихъ поръ. Я находилъ ихъ повсюду въ тѣхъ странахъ, гдѣ аравитяне сохранили свои старыя преданія, и также тамъ, гдѣ евреи, выгнанные Титомъ изъ ихъ отечества, распространили свои нравы. Я замѣтилъ это въ первый разъ въ Алжирѣ, когда, во время одной французской экспедиціи, противъ нѣкоторыхъ племенъ въ окрестностяхъ Боны (1836), сидѣлъ однажды у себя въ палаткѣ и читалъ разсказъ про Ревекку у колодца, какъ она несла кувшинъ на лѣвомъ плечѣ, и потомъ спустила его на спинку правой руки, для того, чтобъ дать напиться Элеазару. Это движеніе казалось мнѣ довольно непонятнымъ; я поднялъ глаза и посмотрѣлъ вдаль—и что-же я тутъ увидѣлъ? Молодая арабская женщина поила французскаго солдата точь въ точь такъ, какъ я сейчасъ только прочелъ, не понимая. Съ этой минуты я почувствовалъ въ глубинѣ души желаніе, прослѣдить какъ только можно далеко сходство Свящ. Писанія съ уцѣлѣвшими до сихъ поръ обычаями тѣхъ народовъ, которые постоянно живутъ подъ вліяніемъ преданій и всегда избѣгали нововведеній. Такимъ образомъ я накопилъ, втеченіе 14 лѣтъ, множество наблюденій.“ Потомъ французскій художникъ разсказывалъ, какъ онъ съ тѣхъ поръ принялся за попытки представлять сцены изъ еврейской исторіи, почерпнутыя въ Ветхомъ Завѣтѣ, и основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя можно по-

черпнуть въ нравахъ, физіономіяхъ, природѣ, костюмахъ современныхъ арабовъ. Онъ разсказывалъ, какъ разные ученые напали на него за такое „арабизированіе Библіи,“ а сами между тѣмъ ничего не представили для опровержения той правдивой и законной основы, которая лежала въ глубинѣ смѣлыхъ его попытокъ. Не побоявшись того, что слушателями его были въ ту минуту профессора академіи, т. е. люди наиболѣе консервативныхъ наклонностей и отнюдь не любители храброй, дерзкой новизны, художникъ продолжалъ: „Всякій день намъ твердятъ въ школахъ, что Рафаэль, и Микель Анджело, и разные другіе художники уже все сдѣлали, и ничего другаго но остается намъ, какъ только подражать имъ. Но я долженъ высказать свой символъ вѣры: я ненавижу ту трусость, которая тащитъ насъ назадъ къ Чимабуэ. Еще одного-бы недоставало—чтобъ насъ заставили тоже отступиться отъ половины нынѣшней нашей палитры, все только, чтобъ сдѣлаться попроще... Нѣтъ, рутина не хочетъ позволять ничего новаго; рутина, — та, что любитъ потягиваться на готовой постелѣ, та, что заступается за посредственность, душитъ большія дѣла и даетъ ходъ маленькимъ; рутина, отталкивающая всякую новизну, только-бы остаться при своихъ удобствахъ—хотя-бы даже при этомъ пришлось не дозволять землѣ вертѣться кругомъ солнца... Если наука идетъ впередъ, отчего-же бы и искусству тоже не идти впередъ? Тѣмъ болѣе, что то, что я предлагаю даже вовсе и не новость въ естественномъ порядкѣ вещей.“

Этотъ смѣлый человѣкъ, наблюдатель и изслѣдователь, даромъ что только живописецъ по ремеслу, т. е. человѣкъ занятой такимъ дѣломъ, гдѣ, по заведенному порядку, мысль и пытливость всего рѣже дѣйствуютъ, былъ никто иной, какъ — Орасъ Вернѐ. Собственно говоря, великія задачи Библіи и еврейской исторіи были совершенно чужды его таланту, реалистичному въ такой мѣрѣ, что не разъ противники упрекали его въ отчаянной прозаичности и пониманіи, въ исторіи, одних только мелкихъ анекдотовъ. И дѣйствительно, Орасъ Вернѐ сидѣлъ въ настоящемъ своемъ сѣдлѣ тогда лишь, когда быстро мелькающею, торопливою кистью чертилъ зуавовъ, бедуиновъ, кровавыя и безпощадныя схватки ихъ, когда воспѣвалъ эпопею французской солдатчины въ Африкѣ и Европѣ, или изображалъ ничтожнѣйшія событія отечественной или

чужой исторіи; онъ всегда лишенъ былъ поэтической жизни; онъ всегда былъ поверхностенъ до крайности и легкомысленъ до невозможности; и все-таки, какъ-бы то ни было, у него нельзя отнять одной значительной заслуги: онъ былъ однимъ изъ первыхъ—по времени и по энергіи—однимъ изъ первыхъ реалистовъ нашей эпохи, т. е. онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всего сильнѣе задумали толкнуть прочь съ пьедестала высокопарныя идеальности прежняго времени; онъ не вѣрилъ болѣе въ фальшивую помпу прежняго искусства; онъ искалъ болѣе всего народной жизни и правдивости и, послѣ того, какъ въ продолженіи уже долгаго времени вносилъ ихъ повсюду, до чего ни дотрогивался, захотѣлъ попробовать: какъ можно и сцены изъ ветхаго завѣта наполнить одними только живыми, настоящими людьми, со всѣми мелкими и крупными подробностями дѣйствительной жизни.

Многое можно сказать—да уже оно давно и сказано со всѣхъ сторонъ—противъ его „Ревекки у фонтана,“ противъ его „Тамари и Іуды,“ противъ его „Юдиѳи и Олоферна“ и другихъ подобныхъ-же картинъ. Нерѣдко тутъ выглядываютъ „граціи“ француженокъ XIX вѣка, безвкусныя миньардизы и прибранныя элегантности современнаго Парижа, которыя за милліоны верстъ стоятъ отъ суровой и шершавой простоты древнихъ патріарховъ: и, однакоже, не изъ однихъ этихъ современныхъ фальшей составлены его ветхозавѣтныя картины. Онѣ содержатъ что-то такое вѣрное въ общемъ, что̀ въ самомъ дѣлѣ переноситъ воображеніе на востокъ. Посмотрите на эти бронзовыя лица и руки, на эти сверкающіе глаза, на эти страстныя, полуживотныя выраженія, на эти остроконечныя высунувшіяся впередъ бороды, на эти браслеты на ногахъ, на эти пейзажи съ пустыней и пальмами, на эти сцены во мракѣ палатки дикаго кочевника, которому красавица-энтузіастка, полная мыслью спасти свой народъ убійствомъ, пришла отрубить голову,—гдѣ вы видѣли, раньше, всю эту жизнь, всѣ эти жизненныя черты, всю эту жизненную обстановку въ библейскихъ изображеніяхъ? Которая изъ прежнихъ картинъ становила васъ, какъ эти всѣ, среди еврейской, давно замолкнувшей древности? Какія „Ревекки“ Пуссеновъ, какія „Юдиѳи“ и „Иродіады“ всевозможныхъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ мастеровъ (оставляя въ сторонѣ собственно-живописный талантъ и исполненіе) на столько приближались къ древ-

нему тексту? Да, велики недостатки Ораса Вернѐ, и болѣе всего отсутствіе всякой сколько-нибудь глубокой душевной жизни у его героевъ, а это-ли еще не громадный порокъ для изображеній изъ Библіи, гдѣ глубокія душевныя движенія не сходятъ со сцены, отъ первой страницы и до послѣдней — но онъ проложилъ новую дорогу, о которой раньше его никто не подумалъ, и европейское искусство пошло потомъ по его слѣдамъ. Много было нападокъ на Вернѐ, много насмѣшекъ и презрѣнія со стороны ученыхъ и художниковъ, изъ которыхъ одни сильно упрекали Ораса Вернѐ въ недостаткѣ знанія и неполной солидности археологическихъ доказательствъ, а другіе метали въ него громы и молніи за дерзкое отступленіе отъ преданій великихъ мастеровъ, но нашлись тоже и сильные защитники, указавшіе на значительность зачина Вернѐ, и даже одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ, всю жизнь свою посвятившій изученію еврейства, Ренанъ, призналъ („Considérations snr les peuples sémitiques", Journal asiatique, Avril-Mai 1859), что благодаря единственно своему чувству, Орасъ Верне́ вѣрно уразумѣлъ, ка̀къ надо представлять евреевъ.

II.

Примѣръ Ораса Верне́ не остался напрасенъ для Европы. Правда, многія изъ картинъ, собственно назначенныхъ для церкви, часто продолжали сочиняться по прежней системѣ, такъ что даже такой искренній реалистъ, какъ французъ Деларошъ, сочинилъ свои оригинальныя и чудесныя сцены изъ жизни Богоматери все-таки безъ малѣйшаго намека на еврейскую національность; правда, цѣлыя иллюстраціи Библіи, состоящія изъ сотенъ рисунковъ, выполнялись на безличный и условный манеръ Рафаэлей и Каррачей (наприм. прославленная библія нѣмецкаго художника Шнорра, или не менѣе прославленное Евангеліе нѣмецкаго художника Овербека), но все это можно назвать исключеніями изъ общаго правила. Общее-же правило состояло отнынѣ въ томъ, чтобы картины еврейской исторіи представлялись непремѣнно съ чертами, физіономіей и жизненной обстановкой еврейскаго племени. Еврейство получило теперь уже полное значеніе и опредѣленный смыслъ, и на-

добна была рѣшимость являться человѣкомъ отсталымъ и совершенно несовременнымъ для того, чтобъ выступить передъ нынѣшними зрителями съ прежней надоѣвшей неправдой и абстрактностью.

Даже такой заклятый идеалистъ, какъ Каульбахъ, расписывая своими красивыми и довольно грандіозными, но совершенно резонерскими фресками, стѣны лѣстницы въ берлинскомъ музеѣ, долженъ былъ отступиться отъ прежней системы и искать истинно-еврейскихъ подробностей для своего „Разрушенія Іерусалима." Вся картина, какъ и большинство сочиненій Каульбаха, холодна и суха, и адресуется ничуть не къ нашей фантазіи и художественному воображенію, а только къ школьной учености, и выходитъ чѣмъ-то въ родѣ математической выкладки изъ историческихъ фактовъ. Еврейскій первосвященникъ, закалывающій себя у скиніи завѣта, группа рыдающихъ надъ младенцами женщинъ, величавые старцы въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, пока римскіе легіоны торжественной процессіей вступаютъ въ изнасилованный ими Іерусалимъ, и тутъ же „Вѣчный Жидъ," съ отчаяніемъ въ глазахъ устремляющійся въ нескончаемое свое скитальчество, пока въ другую сторону направляется народившаяся вновь, изъ еврейской среды, группа христіанъ, полная благости и кроткаго смиренія,—все это мотивы конечно вѣрные, но они слишкомъ напоминаютъ курсъ и учебникъ, они ничуть не говорятъ нашей фантазіи, потому что вся забота ученаго и солидно-приготовленнаго творца ихъ видимо состояла не въ томъ, чтобъ воплощать сцены, личности и событія, а только перечислять ихъ, подать ихъ всѣ разомъ, расположенныя рядкомъ въ одной и тоже громадной рамѣ. И что-же? Не смотря на всю искусственность и холодъ, которыми вѣетъ отъ этой обширной композиціи, истинной представительницы нѣмецкаго доктринерства, „Разрушеніе Іерусалима" выполнено уже по требованіямъ новаго взгляда, и всюду присутствовало тутъ стараніе изобразить въ самомъ дѣлѣ еврейскіе типы. Взгляните на первосвященника: онъ достаточно и вполнѣ по-нѣмецки театраленъ въ своемъ патетическомъ жестѣ и сильно претензливой позѣ—но все-таки это еврей, истинный еврей, каждый тотчасъ отгадаетъ его національность, хотя-бы не было на немъ надѣто его торжественнаго храмоваго облаченія: и черты физіономіи, и глаза восточные, и борода, и волосы—все представ-

ляетъ тотъ самый своеобразный типъ, который еврейское племя пронесло неизмѣненнымъ сквозь всѣ грозы и превращенія вѣковъ; красивыя женщины въ парадномъ уборѣ, опустившійся на землю старикъ на первомъ планѣ, этотъ отблескъ древнихъ патріарховъ, наконецъ сами патріархи въ сіяніи апоѳеоза присутствующіе съ высоты небесной при грозной сценѣ отчаянія и послѣдней гибели еврейскаго народа—все это типы уже не безразличные, не обще-идеальные, а еврейскіе, сильно изученные и узнанные, въ ихъ національной особенности, въ ихъ характерной исключительности.

Взгляните еще на фигуры четырехъ евангелистовъ, нарисованныя Каульбахомъ для Евангелія громадныхъ размѣровъ, изданнаго Берлинскою королевскою типографіею для всемірной выставки 1855 года. Онѣ сильно отзываются условною, придуманною грандіозностью превознесеннаго нѣмца-художника, но, не смотря на всю ихъ искусственность и идеальность, въ нихъ сильно чувствуется именно тотъ еврейскій типъ, который тутъ необходимъ и слишкомъ долго былъ повсюду забытъ. Отъ этого-то эти величавыя фигуры, полныя многодумной серьезности и характера, сильно останавливаютъ на себѣ вниманіе нынѣшняго зрителя.

III.

Но среди всѣхъ художниковъ, на нашемъ вѣку принявшихся по новому изображать еврейство и еврейскія сцены, особенно много замѣчательнаго и необыкновеннаго создалъ—опять-таки французъ. Это—молодой, геніальный, неслыханно богатый по производительности Гюставъ Дорѐ, живописецъ довольно посредственный, но сочинитель—рѣшительно выходящій изъ ряду вонъ. Какъ это почти всегда бываетъ съ людьми необыкновенными, на Дорѐ постоянно сыпалось со всѣхъ сторонъ множество упрековъ, и безъ сомнѣнія многіе изъ этихъ упрековъ были справедливы. Говорили, что онъ недоучившійся художникъ, что ему не дается человѣческая фигура, и слишкомъ часто онъ, по неумѣнью владѣть формами, рисуетъ людей то невѣрно, то фантастично, то преувеличенно. Если бы на этомъ одномъ останавливались критики, съ ними можно было-бы помириться. Но коль скоро намъ станутъ говорить, что Гюставъ Дорѐ ничто иное, какъ интересный и поверхностный иллюстраторъ, котораго все достоинство состоитъ лишь въ фантастическихъ выдумкахъ и пикантностяхъ, котораго картинки можно разсматривать какъ блестящія виньетки для гостиныхъ, но невидно признавать ихъ чѣмъ нибудь солиднымъ—тогда мы уже перестаемъ быть согласны съ порицателями.

Что Дорѐ не доучился въ художественной школѣ—это очень вѣроятно; что онъ мало обращается къ изученію модели и живаго тѣла—это также не подлежитъ сомнѣнію. Но несомнѣнно въ тоже время и то, что если онъ не доучился, въ школьномъ смыслѣ слова, то это случилось не потому, чтобъ онъ слишкомъ рано захваченъ и унесенъ былъ успѣхомъ, чтобъ ему слишкомъ рано повернула голову знаменитость, а потому что онъ тутъ повиновался только требованію своей пылкой стремительной натуры. Быть недоучившимся художникомъ очень дурно: это случай очень печальный, и хорошо было бы, если бы онъ никогда не встрѣчался. Но въ томъ-то и бѣда, что онъ на каждомъ шагу встрѣчается. Много ли доучившихся-то на свѣтѣ? Много ли тѣхъ людей, которые терпѣливо и благоразумно продѣлали какъ разъ до самаго конца все, что въ самомъ дѣлѣ полезно было бы для ихъ таланта и прочности ихъ созданія? Проэкзаменуйте исторію художества и вы убѣдитесь, что едва-ли не каждый изъ художниковъ хромалъ то тѣмъ, то сѣмъ. Оказался онъ высокъ и совершененъ по этой части—за то тутъ же рядомъ выглядываетъ еще нѣсколько другихъ сторонъ, которыя остались у него еле-еле тронутыми, и онъ такъ на всю жизнь и пошелъ гулять недодѣланный и неудовлетворительный. У кого рисунка не хватаетъ, у кого краски, у кого здраваго смысла, у кого жизни, у кого страсти. Всегда ли такъ будетъ—кто это знаетъ? но покуда каждый изъ насъ можетъ почитать себя счастливымъ всякій разъ уже и тогда, когда тотъ или другой художникъ заключилъ въ талантѣ своемъ хотя нѣкоторыя изъ самыхъ капитальныхъ сторонъ, способенъ давать картины не съ однимъ только совершенствомъ техники, понятіе о которой слишкомъ часто зависитъ лишь отъ взгляда эпохи, а гдѣ громко говоритъ вся душа его и порывъ, гдѣ присутствуетъ вся мысль и пониманіе, къ какимъ только способна была долго развивавшаяся его натура.

И вотъ, такимъ именно художникомъ стоитъ передъ нами Гюставъ Дорè. Пускай у него много недочетовъ и недостатковъ въ натурѣ и знаніи, но въ глубинахъ этой самой натуры лежатъ груды сокровищъ, которыя возносятъ его высоко надъ тысячами его собратій. У него есть глубокій даръ поэзіи, у него въ головѣ кипитъ неистощимый родникъ фантазіи, струи которой не въ состояніи изсякнуть, даромъ что десятки тысячъ рисунковъ до сихъ поръ вышли уже изъ подъ его карандаша; наконецъ, въ добавокъ ко всему, чувство картинностей природы, въ безконечной красотѣ и характерности ихъ, такъ сильно въ немъ, какъ наврядъ ли у кого нибудь еще. Съ такими громадными художественными силами Дорè создалъ на своемъ вѣку еще неизмѣримо больше, чѣмъ Орасъ Вернè. Онъ постоянно являлся самою крайнею ему противуположностью, потому что на сколько тотъ былъ прозаиченъ и мелокъ, на столько этотъ былъ полонъ поэзіи и ширины; но въ одномъ онъ съ нимъ сошелся: въ потребности изображать еврейскую исторію глубоко реально, строго исторично. Для такой задачи у него были всѣ данныя, и, нарисовавъ въ теченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ лѣтъ нѣсколько сотъ картинокъ, служащихъ живописной иллюстраціей Библіи, онъ создалъ такое художественное произведеніе, которому, не смотря на всѣ его недостатки и недочеты, все-таки мало подобныхъ въ исторіи искусства, и которое для еврейскаго племени составляетъ, покуда, единственную и совершеннѣйшую художественну юлѣтопись древней жизни.

Никогда я не могу согласиться съ тѣми, которые говорятъ, что Дорè лишенъ чувства реальности, что онъ не думаетъ и заботиться о чемъ нибудь реальномъ, что онъ видитъ повсюду, и повсюду выражаетъ только свои фантастическіе сны, нѣчто въ родѣ какихъ-то живописныхъ féeries съ бенгальскимъ освѣщеніемъ, и что ему вовсе не слѣдъ было брать на себя такую колосальную задачу, какъ иллюстрированіе Библіи; что у него всего только и есть двѣ ноты: нота нѣжно-блѣдная, выражающая что-то въ родѣ свѣтлыхъ видѣній, какую-то блаженную дремоту,—и нота мрачная, нѣчто въ родѣ кошмара, съ глубокою ночью, сверкающею и брыжжущею на непроглядно темномъ фонѣ молніею; что весь міръ его — призрачный, которымъ можно любоваться издали и слегка, но никогда не надо дотрогиваться до него пытливою рукою и глазомъ, потому что тогда все: и горы, и деревья, и цѣлые пейзажи, и люди, и сцены, все разомъ разлетится, какъ цвѣтистый сонъ, какъ театральная иллюстрація, какъ созданіе, лишенное плоти и крови. Нѣтъ, никогда не соглашусь я со всѣмъ этимъ. Пусть взглянутъ на „Библію“ Дорè не поверхностно, не какъ на книжку для гостиныхъ,—нѣтъ, напротивъ: со всею глубиной, и строгостью,—и на каждомъ шагу выскажется, кромѣ роскошной творческой фантазіи, еще громадное изученіе взятаго сюжета, громадное и терпѣливое приготовленіе. Одна фантазія, какъ бы могуча она ни была, одно ясновидѣніе воображенія никогда не дадутъ всѣхъ безчисленныхъ разнообразныхъ подробностей, которыя надо узнать, отыскать, которыя должно одолѣть зрѣлымъ размышленіемъ и привычною рукой. Одна экспромтность и живописный даръ ничего еще тутъ не подѣлаютъ.

Дорè идеалистъ! Но вотъ именно въ недостаткѣ идеализма и состоитъ одинъ изъ главнѣйшихъ его недостатковъ. Будь онъ въ самомъ дѣлѣ идеалистъ, какъ говорятъ про него иные, тогда бъ у него вышли съ великимъ совершенствомъ именно всѣ идеальныя, отвлеченныя задачи Ветхаго Завѣта.—Но на повѣрку выходитъ, что здѣсь онъ всего слабѣе. Представленіе Іеговы, ангеловъ, вообще существъ небесныхъ, стоящихъ выше человѣческой реальной природы, отличаются у него крайнею ординарностью. Слишкомъ ясно, что въ натурѣ Дорè не хватаетъ тѣхъ струнъ, на которыхъ тутъ нужно было-бы играть, и въ своей безпомощности и скудости онъ поскорѣе прибѣгаетъ къ пріемамъ самымъ общепринятымъ, совершенно казеннымъ. Всѣ существа, выходящія за предѣлъ обыкновенной природы, всегда изображены у Дорè по обыкновенному рецепту итальянскихъ школъ, а безъ сомнѣнія надобно было такому изобрѣтательному, такому полному воображенія художнику чувствовать себя слишкомъ больно въ тискахъ и слишкомъ сильно не по себѣ, для того чтобъ мѣшать въ однѣхъ и тѣхъ же картинахъ вещи, повидимому совершенно несовѣстимыя: еврейскіе типы физіономіи, костюмы, природу, въ самомъ дѣлѣ скопированную съ Палестины, Аравіи, Египта,—и тутъ же рядомъ идеальныя представленія, заимствванныя у художниковъ европейскихъ школъ XVI-го или XVII-го вѣка! Эта странная смѣсь даже шокируетъ, даже очень непріятно поражаетъ, и зритель успокоивается лишь замѣ-

тивъ, что вся бѣда тутъ происходитъ отъ рѣшительной неспособности Дорѐ быть идеалистомъ. Вотъ именно потому же самому всегда слабы и ничтожны у него, кромѣ существъ сверхъестественныхъ, также и всѣ изображенія первыхъ людей: Адама, Еввы, Авеля, Каина. Хорошія страницы Библіи Дорѐ начинаются лишь съ эпохи Авраама, т. е. съ тѣхъ картинъ, гдѣ живописецъ имѣлъ право представлять уже не общій идеальный человѣческій типъ, а типъ извѣстной національности, съ извѣстными строго опредѣленными и исключительными чертами, съ народными особенностями всякого рода, гдѣ ему слѣдовало принять въ соображеніе цѣлую груду всякихъ крупныхъ и мелкихъ подробностей, изъ которыхъ складывается національная жизнь, бытъ, привычки, характеръ. Какая же это идеальность, какой же это идеалистъ?

Противъ Библіи Дорѐ можно многое замѣтить. Наприм., изъ числа хорошихъ его картинъ надо исключить вообще все Евангеліе, котораго иллюстраціи, почти безъ всякихъ исключеній, вовсе не удались этому геніальному художнику: здѣсь все какъ-то вышло слабо и безуспѣшно—почему? трудно сказать. Вовторыхъ, даже и въ Ветхомъ Завѣтѣ есть картины разнаго достоинства (что, конечно, немудрено, когда рѣчь идетъ о нѣсколькихъ сотняхъ композицій), и всего чаще въ неудовлетворительности виноваты бываютъ привычки французскаго искусства, которому, не смотря на всю талантливость свою, Дорѐ отъ времени до времени платитъ дань. Я говорю про тѣ нѣсколько рутнnные, мелодраматическіе позы, жесты и выраженія, которыя чуть не каждый французъ кажется всасываетъ съ молокомъ матери и которыя потомъ закрѣпляются въ немъ, съ непобѣдимою силою, французскимъ театромъ и актерами, вообще всею французскою наклонностью преувеличивать и раздувать страсть, давать ей стеоретипно-крайнее выраженіе. Ничто не можетъ быть обыкновеннѣе, но зато и непріятнѣе, какъ судорожно выдвинутыя впередъ или взброшенныя вверхъ руки, ломаемые пальцы, бурно растрепанные волосы, бѣшено устремленные глаза, исковерканныя физіономіи, неестественно двинутые впередъ шаги. Весь этотъ мелодраматическій арсеналъ скученъ и надоѣдливъ по своей неестественности, но большинство французовъ этого не чувствуетъ, и поколѣніе за поколѣніемъ повторяетъ все одну и туже заведенную игру. Французскіе художники, даже лучшіе, поминутно страдаютъ точь

въ точь также реторикой пластики, позъ и движеній, какъ ихъ романисты, драматурги и актеры страдаютъ реторикой голоса, рѣчи и выраженія, и, кажется, Франціи еще долго не отдѣлаться отъ всего подобнаго. Значитъ, не мудрено, что и такой талантъ, какъ Дорѐ, не разъ попадалъ въ общую, давнишнюю колею.

Но если все это совершенно ясно для каждаго въ сочиненіяхъ Дорѐ, все-таки его „Библія“ наврядъ-ли стоитъ много ниже двухъ лучшихъ его созданій: „Данта“ и „Донъ-Кихота“. Въ своей „Божественной Комедіи“ (особливо „Адѣ“) — этомъ совершеннѣйшемъ изъ всѣхъ произведеній своихъ — Дорѐ начертилъ цѣлую массу сценъ, полныхъ грандіозности и поразительной красоты, столько-же въ людскихъ группахъ, безконечно разнообразныхъ, какъ и въ природѣ, то дикой, то великолѣпной. „Донъ-Кихотъ“ у него наполненъ множествомъ безконечно-живописныхъ видовъ испанской, горячей и сухой, полу-африканской природы, въ ея оригинальнѣйшихъ явленіяхъ, то ночью, то днемъ, и на этомъ-то чудесномъ фонѣ выступили сцены самаго живаго, самаго ѣдкаго, самаго уморительно-веселаго юмора. Но и здѣсь, какъ и тамъ, на первомъ планѣ, и выше всего, стоитъ фантастичность, т. е. изображеніе такихъ сценъ и пейзажей, гдѣ главную роль играютъ не дѣйствительная природа, не дѣйствительные люди, а природа и люди воображаемые, или по крайней мѣрѣ совершенно исключительные; правда, всѣ они необыкновенно изящны, грандіозны или уморительно-смѣшны, даже до поразительности, но вышли единственно изъ горячаго, живописнаго воображенія автора. Подобные сюжеты заняли, конечно, много мѣста и въ „Библіи,“ такъ какъ въ нихъ выражается съ особенною силою одна изъ главныхъ сторонъ таланта Дорѐ,—но не въ нихъ однихъ состоитъ, на этотъ разъ, все дѣло, и къ элементу фантастичности прибавился здѣсь еще другой, не менѣе важный и значительный.

Это—элементъ еврейской жизни и національности, еще въ первый разъ схваченный съ такою любовью и переданный съ такою поэзіей и полнотой.

Дорѐ истинный художникъ нашего времени, отъ того ему такъ и дороги національности въ ихъ своеобразной, отдѣльной жизни, отъ того-то онъ почти постоянно обращается не къ отдѣльнымъ личностямъ, а къ народнымъ массамъ, среди ихъ торжествъ

или паденій, среди ихъ радостей или бѣдъ. Подобно тому, какъ оперные сочинители нашего вѣка всего чаще берутъ тѣ сцены и положенія, гдѣ дѣйствуютъ или томятся, волнуются или страдаютъ большія группы людскія,—Доре́ прежде всего беретъ себѣ задачей такіе моменты, гдѣ должны стоять на первомъ мѣстѣ не тѣ или другіе примѣчательные индивиды, герои дѣла, мысли, чувства или энергіи, а тѣ, кому служили во вредъ или въ пользу эти самые, великіе или малые герои дѣла, мысли, чувства или энергіи. Для Доре́ гораздо интереснѣе показать ведомыхъ, чѣмъ ведущихъ, тѣхъ для кого и изъ-за кого все дѣлается, а не тѣхъ, кто въ добрую или злую сторону что-то дѣлаетъ. Однимъ словомъ, хоръ во сто разъ важнѣе солистовъ для Доре́; собственно говоря, онъ вообще только тогда и хорошъ, и значителенъ, когда адресуется къ хору людскому; на нынѣшній-же разъ, у него подъ руками былъ не безразличный какой-то, общечеловѣческій и безнаціональный хоръ людской (какъ наприм. это было въ его „Божественной Комедіи"), хоръ еврейскій, а такъ какъ этотъ хоръ заключалъ въ своей исторіи бездну всего характернаго и въ высшей степени важнаго, то и страницы, ему посвященныя, вышли такими-же. Дѣлая это, онъ дѣлалъ что-то новое, и хотя цѣлыя поколѣнія живописцевъ раньше его брали себѣ задачею картины изъ Библіи, но все-таки не коснулись множества самыхъ интересныхъ сюжетовъ, а они-то именно и оказались теперь нужными современному художнику.

Доре́ пошелъ за евреями черезъ всю ихъ исторію, и на этомъ странствіи сквозь тысячелѣтнія лѣтописи по царствамъ, степямъ и городамъ Азіи и Африки, онъ не захотѣлъ останавливаться, какъ прежніе, на однѣхъ задачахъ религіозныхъ, политическихъ или нравственныхъ. Ему надо было больше: ему надо было увидать самому, и передать своему зрителю, сцены красоты, поэзіи, значительности и въ еврейской природѣ, и въ еврейской жизни, и въ еврейскомъ народѣ. Отъ этого-то „Ветхій Завѣтъ" его вышелъ собраніемъ такихъ картинъ, на которыхъ, не смотря на тѣ или эти недостатки, остановятся съ почтеніемъ и симпатіей глаза каждаго еврея. До сихъ поръ не было, и можетъ быть еще долго не будетъ, подобной, начерченной рѣзцомъ искусства, столько полной исторіи еврейскаго народа.

Посмотрите на безпредѣльную эту равнину, на ранней зорькѣ, покрытую безчисленными стадами овецъ и козъ, двигающихся куда-то вдаль; густыя массы ихъ, словно колеблющееся море, со сверкающими бѣлыми спинками, прорѣзаны то тамъ, то сямъ верховыми на верблюдахъ, и пѣшими, въ полосатыхъ плащахъ и съ длинными жезлами, кончающимися закорючкой. Это идутъ стада еврейскаго, покуда еще маленькаго, племени; это ихъ гонятъ хозяева ихъ, горцы, еврейскіе кочевники - пастухи, переселяющіеся, по приказу великаго главы своего, патріарха Авраама, изъ Месопотаміи на новую родину, въ Ханаанъ благословенный.

Посмотрите на эти живописныя толпы восточниковъ, съ длинными копьями и щитами, съ шерстяными покрывалами на головахъ вмѣсто чалмы или шлемовъ; на эти группы людей, идущихъ въ бродъ черезъ рѣчку, которой струи тихо серебрятся подъ лучами поднимающагося изъ-за горъ солнца. Они толкуютъ другъ съ другомъ тутъ вотъ напереди, двигаютъ возжи своихъ верблюдовъ, понукая ихъ идти въ воду, а вдали, черная толпа передовыхъ, уже бредущихъ по водѣ, извивается змѣинымъ хвостомъ, и исчезаетъ на пригоркахъ другаго берега, покрытаго пальмами. Эта рѣка—Іорданъ; эти толпы народа — евреи, возвращающіеся изъ Египта, и вступающіе, съ Іисусомъ Навиномъ, въ землю обѣтованную.

Посмотрите на этотъ пожаръ: на краю горизонта, гдѣ-то далеко за рѣчкой, поднимается въ небо, словно громадный черный кустъ, столбъ дыма, и лишь въ корняхъ куста этого сверкаютъ огни, пожирающіе городъ. Цѣлое войско усѣяло долину вокругъ города, оружіе ихъ сіяетъ, они подвигаются къ пожару, а между тѣмъ напереди, на маленькомъ пригоркѣ, группа пѣшихъ и конныхъ воиновъ, съ серьгами въ ушахъ, на великолѣпныхъ коняхъ въ восточномъ уборѣ, въ отчаяніи простираетъ щиты къ городу, или покрываетъ себѣ поникшую голову плащами. Эти воины—жители Гая, которыхъ Іисусъ Навинъ выманилъ ложнымъ своимъ бѣгствомъ изъ города, а потомъ разбилъ на голову, пока они въ оцѣпенѣніи смотрѣли на гибель своего роднаго мѣста.

Посмотрите на эту толпу людей, несущихся вскачь, прямо на зрителя, обезумѣвшихъ отъ страха; они вскинули свои руки въ браслетахъ, они плетями и древками копій бьютъ по бедрамъ и по головѣ разсвирѣпѣвшихъ верблюдовъ своихъ, все еще не довольно быстро скачущихъ, а на нихъ, въ столбѣ поднявша-

гося песка и пыли, летитъ сверху цѣлый дождь громадныхъ камней. Эта сцена—еще одна изъ побѣдъ еврейскихъ, при вступленіи ихъ въ Палестину; побѣжденные тутъ, и спасающіеся бѣгствомъ—это аморреяне; летящіе на нихъ камни—это тотъ каменный дождь, которымъ Господь Вседержитель грянулъ въ разбитыхъ и бѣгущихъ враговъ своего народа.

Посмотрите на это поле, усѣянное зрѣлыми колосьями, и все облитое горячимъ южнымъ солнцемъ. Изъ средины колосьевъ поднимаются мущины и женщины съ серпами въ рукахъ, они всѣ поворотились вглубь картины, но имъ страшно жарко, даже волы у возовъ полегли на землю, въ истомѣ протянувъ впередъ по землѣ свои слюнявыя морды; всѣмъ этимъ жнецамъ солнце нестерпимо слѣпитъ глаза, и чтобъ разсмотрѣть то, что вдали совершается, они поднимаютъ руки щиткомъ надъ глазами. А тамъ вдали, темнымъ силуэтомъ на лучезарной бляхѣ солнца, тихо двигается ковчегъ завѣта, везомый телицами, и осѣняемый крыльями наклонившихся золотыхъ серафимовъ. Одинокія пальмы мерцаютъ, по сторонамъ ландшафта, тонкими своими головками въ свѣтовомъ туманѣ; группы людей, разсѣянныя по полю, за полосой колосьевъ, темными массами обратились къ священной колесницѣ. Эта сцена—возвращеніе кивота завѣта къ израильтянамъ, послѣ 7 мѣсяцевъ пребыванія въ идолопоклонническомъ храмѣ, у филистимлянъ.

Посмотрите на этого восточнаго царя, убитаго безпредѣльнымъ отчаяніемъ. Онъ поднялъ руки съ переплетшимися пальцами, онъ ударилъ ими, высоко надъ головой въ узорчатую стѣну своей великолѣпной палаты, голова его въ невыносимомъ горѣ отогнулась назадъ, онъ рыдаетъ, онъ громко вопіетъ. И вокругъ него кольцомъ стоятъ, на колѣняхъ, или распростерлись на землѣ, его плачущіе царедворцы и воины, съ живостью и подвижностью восточныхъ людей вошедшіе въ горе своего владыки. Этотъ царь—это Давидъ, зовущій смерть и восклицающій: „сыне мой, сыне мой Авессаломе, кто дастъ мнѣ смерть вмѣсто тебя. О сыне мой, сыне мой Авессаломе!“

Посмотрите на этотъ лѣсъ, великолѣпный, разбросанный по горѣ. Сотни, тысячи людей разсыпались повсюду: одни рубятъ кедры столѣтніе, и свѣтлыя лезвея топоровъ сверкаютъ въ темной чащѣ; другіе натягиваютъ цѣлую паутину толстыхъ веревокъ, чтобъ сронить срубленные уже пни; наконецъ, толпы вощиковъ, босоногихъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, съ браслетами на ногахъ и голыми до плечъ руками, гонятъ плетью длинныя вереницы коней, съ трудомъ двигающихъ впередъ повозки на громадныхъ колесахъ, куда навалены гигантскіе пни кедровые. Эта сцена — изъ временъ Соломонова царства, и тутъ передъ нами тѣ евреи, которыхъ великій царь гонялъ тысячами на Ливанъ, рубить кедры для задуманнаго имъ великолѣпнаго, невиданнаго еще храма Господу Вседержителю.

Посмотрите на эту грозную сцену, на эти утесы, мрачно нависшіе поверхъ потока, прыгающаго и крутящагося среди камней, въ глубинѣ, внизу. На тѣхъ утесахъ совершается казнь. Толпа вооруженныхъ и невооруженныхъ людей стоитъ въ молчаніи вокругъ камня, куда положилъ свою голову колѣнопреклоненный врагъ этой толпы; топоръ взмахнулся, кругомъ по близкимъ утесамъ стоятъ и сидятъ другія толпы людей, ожидая какъ ударитъ топоръ и отскочитъ голова; съ вышины утеса летятъ, столкнутые въ пропасть, на камни, тѣла уже прежде казненныхъ. Суровый, грозный старецъ стоитъ, отдѣлившись отъ остальной толпы и повелѣваетъ казнь. Этотъ старецъ—пророкъ Илія. Зрители—это его израильскій народъ, казнимые—это лжепророки Вааловы, на горѣ Кармилѣ, у потока Кисона.

Посмотрите на эту ночь, на этотъ уголъ дома, чуть-чуть освѣщеннаго поднявшейся луной; около него бродятъ, въ пустынномъ мракѣ, голодныя собаки, заслышавъ запахъ мертваго тѣла. И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, напереди, на маленькой площадкѣ, лежатъ разбросанные разорванные члены мертвой женщины, вотъ ея голова, все еще полная красоты, даже и мертвая, вотъ ея руки, вотъ нога. Нѣсколько человѣческихъ фигуръ, въ широкихъ восточныхъ одеждахъ, стоятъ, опершись на стѣну, или около нея, и, какъ прилично вѣрнымъ слугамъ азіятскаго деспота, безъ малѣйшаго признака любопытства или удивленія, участія или отвращенія, молча глядятъ на то, что у нихъ передъ глазами. Эти люди — приближенные царедворцы царя Іиуя. Погибшая женщина — это царица Іезавель, столкнутая внизъ изъ окна за свое богопротивное идо-

лопоклонство, и разбившаяся о землю. Голодные псы сгложутъ остатки ея.

Посмотрите на эту сцену свѣтлаго торжества, озареннаго солнцемъ, на эти толпы народа, весело везущихъ на толстыхъ колесахъ громадные тяжелые камни, или обтесывающихъ и прилаживающихъ ихъ; изъ тѣхъ, что не работаютъ, одни сидятъ съ поникшей головой, въ печальной задумчивости, другіе взобрались на воздвигнутые уже камни, и ликуютъ, и громко кричатъ въ радостномъ восторгѣ, упавъ на колѣна и воздѣвъ руки къ небу. Эта картина—сцена изъ времени сооруженія храма израильскаго при Артаксерксѣ, когда среди кипѣвшей работы цѣлаго поднявшагося народа, одни съ печалью вспоминали про славу великаго Соломонова храма, а другіе торжествовали и били въ ладоши, и крикъ ихъ раздавался громче остальнаго шума и покрывалъ все.

Посмотрите на эти чертоги, одни съ египетскими сфинксами и столбами о женскихъ головахъ, все это испещренное длинными полосами іероглифныхъ, узорчатыхъ картинъ, другіе съ крылатыми четвероногими чудовищами и съ волшебною роскошью ассирійскихъ дворцовъ: среди этихъ палатъ, закружающихъ воображеніе, среди этихъ спускающихся лѣстницъ, точно изъ Тысячи и одной ночи, но въ дѣйствительности когда-то въ самомъ дѣлѣ существовавшихъ, среди этого лѣса чудныхъ столбовъ, среди всѣхъ чудесъ этой азіятской или африканской роскоши, являются намъ сцены исхода евреевъ изъ Египта и изъ Вавилона, сцены, гдѣ нарисовалось, кàкъ грозные владыки, никогдо не вѣдавшіе ни страха, ни предѣловъ прихотямъ, все-таки должны были спасовать передъ этимъ бѣднымъ малолюднымъ еврейскимъ народомъ, истощеннымъ несчастіями, но твердымъ между твердыми и непоколебимымъ между непоколебимыми; кàкъ эти египетскіе фараоны и азіятскіе цари все-таки должны были отпустить домой эту маленькую горсточку народа, даромъ что она такъ была имъ полезна и предпріимчивостью, и трудомъ, и умѣньемъ.

Посмотрите на этихъ благочестивыхъ странниковъ - евреевъ, съ Неемiей во главѣ, опустившихся на колѣна, въ священномъ благоговѣніи и горькой печали, передъ вратами Іерусалима, заросшими одичалой травой; посмотрите на это сраженіе, гдѣ Элеазаръ, подползши подъ царскаго разсвирѣпѣвшаго слона, пронзаетъ его копьемъ въ брюхо и самъ умираетъ, задавленный этими сотнями пудъ упавшаго на него звѣринаго мяса — это онъ задумалъ спасать свой народъ, погубивъ вражескаго царя цѣною собственной смерти; посмотрите на этого Іуду Маккавея, поднимающаго страстною рѣчью все еврейское войско, даромъ что на это войско надвигаются тучей грозныя полчища Никаноровы, даромъ что на него безпорядочной толпой бѣжитъ, тяжело топая и застилая всю равнину, взводъ боевыхъ слоновъ, словно каменныя глыбы, сдвинутыя со своихъ мѣстъ; посмотрите, наконецъ, на этого праотца Іакова, молящагося въ пустынѣ, у потока, ночью, съ воздѣтыми руками; на этого побитаго камнями, среди горнаго ущелья, Ахара грабителя; на эту красавицу Деввору, поющую побѣдную пѣснь народу, на этого Самсона, въ длинныхъ косахъ, передъ Далилой; на эту чудно-трагическую сцену левита Ефремскаго, везущаго изнасилованную и мертвую жену свою и по всей дорогѣ взывающаго къ мщенію; на эту сцену красоты—прощанье, при распутіи, Ноеммини съ ея снохой; на эту бѣдную Ресфу, какъ она въ голой пустынѣ, на горѣ, темною ночью, отгоняетъ прутьями коршуновъ и собакъ отъ висѣлицъ, гдѣ висятъ семь сыновей ея отъ царя Саула; на эту поэтическую и великолѣпно-живописную сцену, гдѣ посреди пустыни, лежитъ мертвое тѣло, и надъ нимъ, на камнѣ, присѣвъ на заднихъ лапахъ, сидитъ левъ, растерзавшій это тѣло—веѳильскаго пророка, не исполнившаго повелѣній Господнихъ; на смерть нечестивой царицы Іезавели, выброшенной изъ окна ея великолѣпнаго дворца; на пастуха Аммоса, почувствовавшаго въ сердцѣ своемъ даръ пророчества среди уединенныхъ полей—посмотрите на безчисленныя сцены подъ кочевыми палатками и въ пустыняхъ, въ дворцахъ, во храмѣ, на внутреннихъ дворикахъ жилищъ, подъ деревьями, на поляхъ битвъ, на площадяхъ народныхъ—посмотрите на весь этотъ рядъ оригинальныхъ, невиданныхъ картинъ, и скажите, кто раньше французскаго художника нарисовалъ такую лѣтопись еврейскаго народа, обнявшую всѣ эпохи древней его жизни?

IV.

Представленные мною до сихъ поръ примѣры новаго трактованія еврейскихъ сюжетовъ въ живописи принадлежатъ только двумъ

націямъ: французской и нѣмецкой. Послѣ нихъ, и оставляя въ сторонѣ итальянцевъ, англичанъ, испанцевъ, шведовъ и голландцевъ, которые не могутъ представить ничего примѣчательнаго въ этомъ родѣ, и даже въ большинствѣ случаевъ остались при старыхъ преданіяхъ и идеальномъ, т. е. еще безличномъ способѣ представленія еврейской исторіи и еврейскихъ личностей, — мы должны теперь перейти къ одной націи, художники которой не только не отстали на этомъ пунктѣ отъ французовъ и нѣмцевъ, но еще произвели много своего, совершенно самостоятельнаго и очень значительнаго. Я говорю—про русскихъ.

Еврейское населеніе и еврейскій элементъ издавна играютъ въ нашемъ отечествѣ такую существенную роль, что только при совершенномъ младенчествѣ или при глубочайшей спячкѣ художественнаго инстинкта можно было бы не обратить на нихъ самаго серьезнаго вниманія. У насъ, гдѣ національныя черты еврейской внѣшности, костюма и жизни сгладились и объевропеились гораздо менѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Европѣ, слѣдовало ожидать, что при первомъ пробужденіи истинной художественной мысли, выдвинется впередъ изученіе сильно характернаго еврейскаго элемента, и что это изученіе дастъ матеріалы для воспроизведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ евреевъ. Такъ и случилось. Уже съ конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ начинается у насъ рядъ попытокъ представлять задачи Ветхаго и Новаго Завѣта съ непремѣннымъ присутствіемъ еврейской внѣшности въ типахъ и костюмахъ; но такъ какъ, не смотря на такую внѣшность, большинство русскихъ картинъ этого рода было вначалѣ все по-прежнему поверхностно и все-таки оставалось, въ глубинѣ, при прежней системѣ классической идеальности, фальши и полнаго невниканія въ исторію, то мы не будемъ ихъ и перечислять, а прямо перейдемъ къ художнику, явившемуся съ истинными значительными заслугами передъ искусствомъ. Я говорю про Александра Иванова.

Этотъ художникъ всю жизнь свою посвятилъ однимъ сюжетамъ еврейскимъ. Въ первой юности, пріѣхавъ въ Италію, какъ пенсіонеръ, онъ еще-было помышлялъ объ обыкновенныхъ классично-академическихъ сюжетахъ, но скоро оставилъ ихъ рѣшительно и навсегда, и, обратившись къ Ветхому и Новому Завѣту, послѣ того уже ни до какихъ иныхъ сюжетовъ никогда болѣе не дотрогивался.

Правда, въ началѣ и тутъ онъ держался одно время рутинныхъ преданій художественнаго классицизма, чему доказательствомъ служитъ совершенно еще академическая картина его „Явленіе Христа Магдалинѣ", но уже начиная съ 1837 года онъ сталъ обращаться всею мыслью къ истиннымъ еврейскимъ типамъ, и назначилъ имъ самое видное мѣсто въ задуманной имъ тогда большой картинѣ „Явленіе въ міръ Мессіи". Въ одномъ письмѣ изъ Рима, отъ 10 мая 1837 г., онъ разсказываетъ, что для того, чтобъ быть въ состояніи приняться за эту картину, которой онъ посвятилъ всѣ свои помыслы, весь талантъ, все существованіе, онъ намѣренъ сдѣлать напередъ путешествіе по Италіи, и изучить старыхъ ея мастеровъ XIV—XV вѣка и, наконецъ, заѣхать въ Ливорно, „чтобъ замѣтить типы еврейскихъ благородныхъ головъ, такъ какъ въ Римѣ евреи въ стѣсненномъ положеніи, и потому всѣ достаточные живутъ въ Ливорно. Представьте (говоритъ онъ въ томъ-же письмѣ), въ продолженіе наблюденія цѣлаго года я могъ замѣтить только три головы изрядныя." Съ тѣхъ поръ, впродолженіе прожитыхъ имъ еще 20 лѣтъ, онъ не переставалъ изучать не только еврейскій типъ, но и еврейскую исторію, и еврейскія древности, и это дало блестящіе результаты для всей послѣдующей его художественной дѣятельности. Наврядъ-ли можно указать европейскаго художника, который-бы въ такой степени усвоилъ все сюда относящееся, который-бы столько-же, какъ Ивановъ, отыскивалъ и строго изучалъ-бы всѣ новѣйшія ученыя изданія съ рисунками, касающіяся еврейства, Палестины и странъ, которыхъ исторія близко соприкасалась съ Палестиной: т. е. Ассиріи, Вавилона, Финикіи, Египта и т. д. Въ 1858 году, во время пріѣзда Иванова въ Россію, мнѣ случилось вести съ нимъ бесѣду обо всѣхъ новѣйшихъ изданіяхъ этого рода, и когда онъ просилъ все еще новыхъ и новыхъ, оказалось, что онъ проглотилъ все до тѣхъ поръ изданное и сколько-нибудь значительное. Для русскаго художника, особливо прежняго времени, все это выходитъ чѣмъ-то совершенно необыкновеннымъ. Еще никто изъ нихъ не обращался съ такою пламенною ревностью, съ такою упорною настойчивостью къ изученію своего сюжета во всѣхъ его подробностяхъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если Доре́, Каульбахъ или кто-нибудь иной изъ западно-европейскихъ художниковъ отнесется такъ къ своей задачѣ, и, раньше

подробностей художественной техники, углубится со всею страстью, со всею любовью, въ изученіе и въ самое полное узнаваніе выбраннаго историческаго момента, выбраннаго народа, выбранной жизни. Но у насъ, гдѣ художники наврядъ-ли что-нибудь читаютъ и знаютъ (представьте себѣ въ особенности 30-ые, 40-ые и 50-ые года)—все подобное можетъ считаться истиннымъ чудомъ. За то, всѣ созданія Иванова, полныя слѣдовъ небывалаго у насъ изученія, выходятъ совершеннымъ исключеніемъ изъ всего того, что до него было у насъ сдѣлано по части исторической живописи.

Не смотря на такое значеніе большой картины Иванова, я не стану разсматривать ее здѣсь, со всѣми ея достоинствами и несовершенствами, такъ какъ по содержанію своему, она имѣетъ наибольшую важность лишь для исторіи христіанства. Она представляетъ одинъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ моментовъ ея, и направляетъ всѣ свои силы на изображеніе того переворота, которымъ кончался древній міръ и начинался новый. Значитъ, картина эта не входитъ въ задачу настоящей статьи. Но при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что еще ни въ одной изъ всѣхъ извѣстныхъ картинъ, еврейскій внѣшній типъ и еврейская внутренняя натура не были изучены и переданы съ такою глубиной и правдой, и, что всего важнѣе, съ такимъ поразительнымъ реализмомъ. Нужды нѣтъ, что письмо Иванова въ большинствѣ случаевъ жестко, сухо и каждаго отталкиваетъ небывалою непріятностью колорита, дѣлающею картину похожею на выцвѣтшіе гобеленовскіе обои; нужды нѣтъ, что въ самой концепціи, планѣ и расположеніи картины многое можно порицать, въ особенности барельефность ея; нужды нѣтъ, что многія драпировки отзываются рафаэлизмомъ и классическою искусственностью: не смотря на всѣ эти и разные другіе недостатки, картина Иванова представляетъ что-то и совершенно необыкновенное, и истинно-великое. Пока его блестящій и вѣтреный соперникъ, Брюлловъ, вошедшій у насъ въ моду и всѣми носимый на рукахъ, писалъ свои поверхностныя иллюстраціи во французско-итальянскомъ вкусѣ, порхая съ обѣда на обѣдъ, съ попойки на попойку, съ одного великосвѣтскаго празднаго разсѣянія на другое, — Ивановъ, весь предавшійся своему дѣлу и только о немъ одномъ думавшій, ушелъ далеко отъ шума и пировъ, и приникнулъ къ одной своей задачѣ. Гдѣ такъ глубоко человѣкъ отдастся дѣлу, тамъ, каковы-бы ни были несовершенства и недостатки его натуры, никогда не обойдется безъ сильныхъ и глубокихъ результатовъ въ концѣ пути. И вотъ отъ этого-то картина Иванова, „Явленіе Мессіи", подлѣ которой онъ прожилъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, съ устремленными на нее постоянно очами и всѣми помыслами, вышла произведеніемъ сильнымъ и живучимъ. Цѣлая масса глубокихъ душевныхъ движеній выразилась въ лицахъ и позахъ этихъ старыхъ и молодыхъ евреевъ, этихъ мужей, полныхъ думы, и юношей красавцевъ; цѣлая масса характеровъ, разнообразныхъ и сильно очерченныхъ, наполнила картину. И выше всѣхъ—этотъ Іоаннъ Креститель въ своей короткой накидкѣ изъ верблюжьей шерсти, съ обнаженными руками и ногами, съ поднимающимися въ чудномъ величіи волосами на головѣ, съ грандіознымъ вдохновеніемъ въ глазахъ—эта геніальная, величавая, горящая внутреннимъ огнемъ личность древняго еврея, исполненнаго духомъ Божіимъ, могучаго, стремительнаго, непреклоннаго и одѣтаго чертами великолѣпнѣйшей, поразительной красоты. Навѣрное, еще никогда европейское искусство не создавало подобнаго типа пророка, и всѣ до того произведенные кистью высшихъ мастеровъ, должны преклониться передъ этимъ сыномъ грома, передъ этимъ глашатаемъ оли Іеговы Всевышняго. Много надо было провести лѣтъ въ тихомъ уединеніи съ самимъ собою, въ бесѣдѣ съ совершеннѣйшими созданіями искусства, среди изученія и выбора лучшихъ чертъ еврейской натуры, еврейскаго лица и еврейскаго энтузіазма, для того, чтобы создать подобное чудо искусства.

Только одну эту картину (кромѣ явленія Магдалинѣ) знаетъ до сихъ поръ наша публика изъ всей дѣятельности Иванова. Но она того не знаетъ, что, не смотря на многія капитальнѣйшія совершенства, тутъ заключенныя, эта картина все-таки не главное созданіе Иванова. Гораздо выше стоятъ тѣ нѣсколько сотъ рисунковъ, большаго и малаго формата, карандашомъ и сепіей, которыми наполнены альбомы этого художника. Они всѣ дѣланы въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни (1849 — 1858), большею частію по вечерамъ, или вообще въ такое время, когда внѣшнія обстоятельства, недостатокъ денегъ и моделей, или невозможность дѣлать нужныя поѣздки для пейзажныхъ этюдовъ, не позволяли ему заниматься большой его картиной, которую онъ не переставалъ

считать главною цѣлью жизни. Рисунки эти на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта—являются плодомъ глубокаго обдумыванья, глубокой мысли, зрѣлаго совершенства художественнаго, и рѣшительно должны почитаться высшимъ созданіемъ Иванова, а вмѣстѣ и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній европейскаго искусства. По этому-то нельзя не сожалѣть отъ всей души, что, не смотря на всѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки, эти альбомы остаются все еще не изданными, въ Римѣ. Когда нибудь они составятъ славу и гордость нашей школы живописи.

Все въ нихъ оригинально и ново, начиная хоть съ фигуръ ангеловъ, ничего уже не имѣющихъ общаго съ обыкновеннымъ классическимъ итальянскимъ типомъ. Нашъ художникъ подумалъ въ первый разъ то, что раньше его должны были-бы подумать сотни и тысячи его предшественниковъ по искусству — а именно: что явленія сверхъестественныя изъ исторіи такого древняго народа, какъ еврейскій, должны быть представляемы не такъ, какъ они нынче являются нашему воображенію, подъ вліяніемъ нашего воспитанія и школьной дрессировки съ безчисленными ея наслоеніями и осадками, а какъ они должны были представляться прежнимъ древнимъ людямъ еврейскаго племени. Вотъ онъ и изобразилъ ихъ съ такимъ-же древне-азіятскимъ (не много ассирійскимъ и финикійскимъ) характеромъ, съ какимъ древне-азіятскимъ, по возможности еврейскимъ характеромъ, явились у него и остальныя личности его сценъ. Отъ этой своеобразности, отъ этой исторической и національной вѣрности, въ соединеніи съ невиданною оригинальностью сверхъестественнаго элемента, и наконецъ съ глубиною психологическаго выраженія—получилось что-то такое новое, своеобразное, что отводитъ рисункамъ Иванова на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта совершенно особенное мѣсто въ ряду библейскихъ иллюстрацій; даже въ сравненіи съ рисунками Доре́. Этотъ послѣдній художникъ беретъ верхъ надъ Ивановымъ чудными видами природы: они уже исами по себѣ живописны, рисуютъ Палестину, Египетъ или Ассирію, но сверхъ того составляютъ всякій разъ глубоко-вѣрную, глубоко-настраивающую зрителя, для даннаго сюжета, рамку; Доре́ беретъ также надъ нимъ верхъ народными массами, сильно постигнутыми въ ихъ внѣшнемъ и внутреннемъ проявленіи, и сильно, картинно и поразительно

воплощенными—но за то онъ уступаетъ Иванову во всемъ остальномъ. У него нѣтъ ни способности, ни потребы этого послѣдняго опускаться на самое дно души представленныхъ лицъ, схватывать разнообразіе характеровъ, страстей — весь душевный міръ, весь лиризмъ, которымъ дышутъ сцены Библіи.

Рисунковъ Иванова нѣтъ, покуда, передъ глазами моего читателя—поэтому было-бы излишне стараться разсказывать, описывать ихъ. Это тѣмъ болѣе невозможно, что масса этихъ рисунковъ громадна. Но, отказываясь (въ настоящую по крайней мѣрѣ минуту) отъ такой задачи, и во всякомъ случаѣ оставляя въ сторонѣ сюжеты изъ Новаго Завѣта, не идущіе къ назначенію теперешней моей статьи — я укажу на одни рисунки ветхозавѣтные. Ивановъ преимущественно посвящалъ себя сценамъ Новаго Завѣта: къ ихъ кроткому благодушію, къ ихъ нѣжной красотѣ направлены были всѣ его симпатіи, но все-таки и на задачи ветхозавѣтныя него создалось около сотни рисунковъ, и они принадлежатъ къ числу крупнѣйшихъ созданій живописи. Фигуры Саваоѳа, патріарховъ, праотцевъ, полны необычайной грандіозности и національной своеобразности, совершенно поразительной. Онѣ дышатъ силой, глубокой мощью простоты и постоянно переносятъ на древній Востокъ, въ среду его нравовъ и жизненныхъ привычекъ, въ среду его вѣрованій и представленій, и совершенно въ этомъ не похожи на тѣ ветхозавѣтныя картины, какія намъ до сихъ поръ давали прежніе художники, никогда не углублявшіеся во всю полноту своихъ задачъ.

Вотъ, среди спящаго стана кочевниковъ, глубокій старецъ Авраамъ, въ священномъ ужасѣ наклоняется, съ протянутыми впередъ руками, передъ Саваоѳомъ, который стоитъ передъ нимъ, тутъ-же, всего въ двухъ шагахъ разстоянія и, среди ночи простирая въ обѣ стороны руки, говоритъ ему; „Всю эту страну, что ты видишь окрестъ, на сѣверъ и на югъ, на востокъ и на западъ, тебѣ ее дамъ я и твоему потомству".

Вотъ Саваоѳъ, сидящій на престолѣ между крылатыхъ херувимовъ—крылатыхъ четвероногихъ, какъ ихъ представляло себѣ, вмѣстѣ съ библіей, древне-азіятское, напримѣръ ассирійское искусство; лучи идутъ изъ могучей головы его и наполняютъ всю сцену; онъ перстомъ пишетъ на каменной скрижали, и прямо передъ нимъ

стоитъ, въ благоговѣйномъ страхѣ, еврейскій старецъ, съ поникшею внимательною головою — это Моисей, слушающій божественные глаголы на горѣ Синаѣ. Далеко, глубоко внизу, палатки израильскаго народа.

Вотъ грозный Саваоѳъ, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ: онъ стоитъ на спинѣ ангела, несущаго его по воздуху, и въ гнѣвѣ своемъ мечетъ стрѣлы на землю; весь фонъ—тучи и молніи.

Вотъ еврейскій, древній земледѣлецъ: онъ оставилъ на вспахиваемой полосѣ всѣ пары воловъ своихъ, и сложивъ руки, преклоняетъ длинно-бородую, совершенно лысую могучую голову свою передъ какимъ-то пришельцемъ, стройнымъ, повелительнымъ старцемъ. Этотъ взялъ съ плечъ своихъ плащъ и набрасываетъ его на голову пахаря. Группа обоихъ встрѣтившихся — великолѣпна. Это Илія, посвящающій Елисея въ пророки и набрасывающій на него, въ знакъ избранія, свой верблюжій плащъ.

Вотъ сидитъ еврейскій царь на тронѣ, и позади его, какъ заботливый совѣтникъ, наклоняется надъ ухомъ его какой-то старецъ. Вездѣ кругомъ на полу лари, драгоцѣнности, золотыя вазы, и цѣлая толпа могучихъ воиновъ, разсѣявшись по великолѣпной палатѣ. наклонилась къ этимъ драгоцѣнностямъ, жадными руками шаритъ въ сундукахъ, выбираетъ себѣ добычу. Эта сцена представила — царя Давида, въ минуту высшей его славы и могущества, подлѣ него совѣтникъ его—пророкъ Наѳанъ; люди вокругъ нихъ—это еврейскіе военачальники и воины, получающіе награду за побѣды надъ осиленными и ограбленными врагами.

Вотъ древній пророкъ, величавый и строгій: его осѣнило божественное вдохновеніе, и около него стоящіе люди, со страхомъ и трепетомъ прислушиваются къ его рѣчи, а самъ онъ пишетъ подъ священные звуки храмовой музыки.

Вотъ трагическая картина голода, во время осады Іерусалима Титомъ, и главная фигура—это мать, изжарившая собственными руками собственное-же дитя.

Вотъ Титъ—тотъ самый котораго исторія прозвала „милосердымъ": онъ здѣсь далекъ отъ своего титула, онъ не милосердный—онъ звѣрскій и холодный римлянинъ съ желѣзнымъ сердцемъ, онъ равнодушнымъ перстомъ распредѣляетъ плѣнныхъ евреевъ для народныхъ игръ римскихъ.

Вотъ величественная, полная свѣта и торжества сцена въ еврейскомъ храмѣ: на возвышеніи у жертвенника стоитъ первосвященникъ въ великолѣпномъ азіятскомъ своемъ одѣяніи, и говоритъ къ народу, наполнившему передній планъ; справа толпа левитовъ, играющихъ на трубахъ и псалтыряхъ

Таковы сцены изъ исторіи евреевъ, которыя любилъ брать Ивановъ, и которыя онъ выполнялъ, хотя часто въ однихъ только набросках, съ удивительнымъ поэтическимъ чувствомъ, грандіозностью и красотой. Ихъ много, но, не смотря на это, большинство ихъ отличается лучшими качествами творчества, возращеннаго долгими годами постояннаго вдумыванія въ Библію, постояннаго вниканія въ еврейскую величавую лѣтопись и въ глубочайшіе тайники духа человѣческаго. Рисунки Иванова къ Библіи—одна изъ лучшихъ заслугъ русскаго искусства передъ общимъ европейскимъ, и въ тоже время — одно изъ драгоцѣннѣйшихъ созданій для каждаго мыслящаго, понимающаго и чувствующаго еврея.

V.

Другой художникъ русской школы, у котораго значительны заслуги по части изображенія еврейскаго племени — это г. Антокольскій.

Этотъ художникъ, въ короткое время воспитавшій свой мужественный талантъ и овладѣвшій общею симпатіею, выдвигается на совершенно исключительное, на особенно почетное мѣсто между всѣми товарищами своими по художеству: онъ является блистательнымъ опроверженіемъ вѣковаго обще-европейскаго предразсудка, сотни разъ повсюду высказаннаго, будто-бы еврейское племя неспособно къ образовательнымъ искусствамъ. Уже давнымъ-давно записано во всѣхъ эстетикахъ и исторіяхъ искусства, что не смотря на всю свою даровитость, на всю свою многоспособность, евреи никогда не дали міру ни живописцевъ, ни скульпторовъ, и что самая натура ихъ, самый характеръ и настроеніе, сложившіеся въ теченіи долгихъ вѣковъ, пріобрѣли такія свойства, которыя противятся творчеству этого рода. Никто никогда не думаетъ отнимать у евреевъ ихъ способности къ наукѣ, медицинѣ, музыкѣ, актер-

скому искусству, промышленности, торговлѣ, разнымъ мелкимъ ремесленнымъ производствамъ, но никто, въ тоже время, никогда не согласенъ былъ признать за еврейскимъ племенемъ точно такую-же дозу талантливости въ образовательномъ искусствѣ. Страненъ, дикъ этотъ историческій фатализмъ, надѣляющій одни народы тѣми способностями, и другіе — этими, точно будто-бы человѣкъ не всегда и не повсюду человѣкъ, точно будто-бы натура его не одна и таже отъ верху и до низу на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ поясахъ развитія, и точно будто-бы недочеты ея, моральные или творческіе, что-нибудь иное кромѣ слѣдовъ неблагопріятныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, лишь временно задерживающихъ геній человѣческій въ его ростѣ и полетѣ? Но. всѣ умники и резонеры, занесшіе въ свои кодексы и лѣтописи художественную неспособность евреевъ, имѣли, на общій взглядъ, полновѣсное свидѣтельство фактовъ на своей сторонѣ: эти факты говорили, что еврейское племя никогда еще не давало міру не только значительныхъ, но даже хотя-бы посредственныхъ скульпторовъ и живописцевъ. Тщетно было-бы доказывать имъ, что раньше нашего времени, т. е. раньше кореннаго повсемѣстнаго возвышенія правъ евреевъ, наравнѣ съ остальными жителями Европы, мудрено было-бы и ожидать проявленія творческаго дара евреевъ по части художества—какое художество мыслимо безъ свободы и человѣчески-достойнаго жизненнаго уровня? Тщетно было-бы доказывать имъ, что и талантливые музыканты изъ среды евреевъ показались въ европейскомъ искусствѣ лишь очень недавно, въ самое послѣднее время, и однакоже раньше того было-бы безумно и тупо лишать все еврейское племя музыкальнаго таланта и художественнаго творчества—все было-бы напрасно, и долго-бы еще продолжался прежній рутинный, всюду укоренившійся взглядъ, долго-бы еще евреи были-бы высокомѣрно отталкиваемы отъ массы остальныхъ народовъ и записаны въ неспособныхъ. Только одни факты, неопровержимые и крупные, могли разрушить старинные предразсудки.

Первымъ такимъ фактомъ, неопровержимымъ и крупнымъ, явился скульпторъ Антокольскій. Онъ выступилъ сильнымъ, могучимъ художникомъ, и, безъ сомнѣнія, слѣдомъ за нимъ потянется цѣлая вереница другихъ талантливыхъ художниковъ-евреевъ, скульпторовъ и живописцевъ, опрокидывая ложныя теоріи и внося новые элементы въ европейское искусство.

Первыя скульпторныя попытки г. Антокольскаго, еще ученика и юноши, брали себѣ задачей тотъ самый еврейскій міръ, среди котораго онъ родился и провелъ свое дѣтство и отрочество. „Еврей-портной, вдѣвающій нитку въ иголку“ и „еврей-скупой, считающій деньги“ были оригинальны въ высшей степени, потому что съ необыкновенной простотой и искренностью, съ необыкновеннымъ чувствомъ дѣйствительности передавали, въ видѣ маленькихъ скульптурныхъ картинокъ, сцены изъ ежедневной жизни нынѣшнихъ евреевъ, столько знакомой г. Антокольскому, постоянно бывшей у него передъ глазами. Тутъ было много наблюдательности, и тонкія черты характера, типа, костюма и остальной внѣшней обстановки были переданы съ замѣчательнымъ, своеобразнымъ талантомъ.

Но скоро потомъ, мысль молодаго художника стала крѣпнуть; онъ почувствовалъ потребность перейти отъ случайныхъ, мелкихъ явленій ежедневной жизни, къ явленіямъ болѣе глубокимъ и значительнымъ, и такимъ образомъ въ его воображеніи сложились, едва-ли не одновременно, двѣ сцены: „Споръ о Талмудѣ“, и „Инквизиція“. Обѣ принадлежатъ къ числу оригинальнѣйшихъ созданій, и притомъ въ такомъ родѣ, который никѣмъ еще не былъ пробованъ въ скульптурѣ.

Къ сожалѣнію, композиція „Споръ о Талмудѣ“ никогда не была выполнена вполнѣ, и изъ нея мы имѣемъ только бюсты (небольшой величины) двухъ евреевъ, жарко спорящихъ. Лица ихъ полны горячности, фанатизма, глаза обоихъ спорщиковъ горятъ въ огнѣ, вытянутые рты произносятъ сердитыя рѣчи, всѣ мускулы на лицѣ играютъ, только что не слышишь словъ и голосовъ. Этакую ажитацію душевную, этакую жизнь, этакое воодушевленіе и стремительность, этакую наполненность своимъ предметомъ, до самой послѣдней ниточки, навѣрное не скоро найдешь въ нашихъ скульптурныхъ музеяхъ, въ любыхъ самыхъ препрославленныхъ статуяхъ. По первоначальному плану автора, спорщики должны были засѣдать въ горницѣ, за трапезнымъ столомъ. Какая жалость; что руки ихъ остались не выдѣланными, что мы не можемъ видѣть, какъ онѣ махали или метались въ воздухѣ, какъ онѣ грозили

или доказывали, какъ у нихъ пальцы то сжимались, то быстро расправлялись и сверкали молніями!

Но гораздо важнѣе этой сцены — „Инквизиція". Здѣсь г. Антокольскій не только создавалъ изъ еврейскихъ живыхъ типовъ и характеровъ замѣчательную сцену, но еще дѣлалъ смѣлый, небывалый шагъ, назначенный расширить предѣлы и рамки скульптуры. Молодому художнику съ энергической, своеобразною мыслью показалось, что нечего скульптурѣ оставаться при прежнихъ, закрѣпленныхъ школою понятіяхъ, и что она способна пойти еще куда дальше, впередъ. Онъ захотѣлъ придать скульптурѣ разнообразіе плановъ и волшебство освѣщенія, и для этого онъ совершилъ дерзость, которой не смѣлъ не только предпринять, но даже задумать ни одинъ изъ прежнихъ скульпторовъ. Онъ придалъ разную глубину своему барельефу: здѣсь онъ у него плосокъ, тамъ сильно выпуклъ и уходитъ далеко вглубь, и мало того — онъ продѣлалъ въ стѣнѣ отверстіе, черезъ которое долженъ упасть, сбоку, свѣтъ на его сцену и освѣтить ее совершенно неравномѣрно,—здѣсь будетъ полный свѣтъ, тамъ дальше полусвѣтъ, еще дальше темнота, наконецъ въ иныхъ мѣстахъ и полный глубокій мракъ. Эта новизна, эти смѣлые пріемы, въ соединеніи съ могучимъ талантомъ въ выполненіи дѣйствующихъ на этой оригинальной сценѣ лицъ, дали такіе новые, невиданные результаты, что приходится признать „Инквизицію" г. Антокольскаго самымъ замѣчательнымъ, самымъ самобытнымъ и важнымъ для будущности искусства созданіемъ этого художника, даже въ сравненіи съ такимъ великолѣпнымъ, трагическимъ, и полнымъ правды и красоты созданіемъ, какъ его „Иванъ Грозный".

Въ этомъ, глубоко поражающемъ меня скульптурномъ произведеніи, г. Антокольскій представилъ подземный подвалъ, куда евреи собрались для молитвы и трапезы, для празднованія перваго вечера праздника Пасхи. Своды исписаны еврейскими изрѣченіями изъ Библіи, всѣ присутствующіе сидѣли около длиннаго стола, нагруженнаго посудой, кушаньемъ, но тоже и книгами. И вдругъ шумъ, раздались шаги по узкой лѣстницѣ, идущей винтомъ сбоку; всѣ въ ужасѣ вскочили, всѣ въ переполохѣ бросились въ дверь, толкая и тѣсня другъ друга; въ общемъ смятеніи сдернула скатерть со стола, посуда и книги летятъ на полъ, стулья опрокинуты; одинъ только старецъ, съ головой и взглядомъ древняго пророка, остался на своемъ мѣстѣ: нѣтъ для него страховъ, нѣтъ для него опасностей отъ внѣшнихъ враговъ, и пока всѣ товарищи его бѣгутъ и прячутся въ малодушномъ ужасѣ, онъ одинъ со спокойнымъ, величавымъ достоинствомъ ждетъ враговъ, а эти враги—это сытый, жирный кардиналъ, одинъ изъ вѣрныхъ слугъ инквизиціи, спускающійся по лѣстницѣ и окруженный толпой вооруженныхъ воиновъ. Нечего ему торопиться—онъ всѣхъ накроетъ, онъ всѣхъ изловитъ, и вотъ, не ускоряя шага, холодно и самодовольно идетъ въ мрачный подвалъ на радостную травлю.

Эта сцена, эти выраженія, эти народные, племенные характеры и типы, эти разнообразныя движенія душевныя, то высокія, то низкія, то великодушныя и широкія, то дрянныя и мелкія—образовали одну изъ капитальнѣйшихъ страницъ еврейской исторіи, переданную, въ совершенно новыхъ формахъ, искусствомъ, впродолженіе столѣтій трусливымъ и отсталымъ, а теперь въ первый разъ смѣлымъ и ступающимъ на новые пути.

Еврейское племя можетъ гордиться, вмѣстѣ съ остальною Европою, такимъ художникомъ и такими произведеніями.

VI.

Мы до сихъ поръ говорили объ изображеніяхъ еврейскаго племени въ картинахъ и скульптурахъ европейскихъ художниковъ. Во всѣхъ представленныхъ здѣсь примѣрахъ, еврейскія личности служили лишь матерьяломъ для созданій художниковъ, служили на то, чтобъ ихъ изобразили живописцы и скульпторы сообразно съ требованіями ихъ мысли, фантазіи, вкуса и художественности. Изъ числа художниковъ, одни больше, другіе меньше идеализировали этотъ первоначальный, сырой матеріалъ свой.

Но, кромѣ всего этого, есть еще цѣлый рядъ произведеній, гдѣ еврейское племя и еврейскіе люди представлены безъ малѣйшей идеализаціи, безъ малѣйшаго желанія что-нибудь измѣнить или прикрасить, и, напротивъ, съ твердымъ намѣреніемъ передать типы, лица, выраженія, фигуры во всей ихъ правдѣ, во всей глу-

бочайшей ихъ реальности. Это—портреты евреевъ XVII вѣка, написанные или награвированные Рембрандтомъ.

Рембрандтъ, этотъ геніальнѣйшій изъ художниковъ, котораго Прудонъ такъ вѣрно назвалъ „Лютеромъ живописи", прожилъ весь свой вѣкъ въ Амстердамѣ, городѣ въ то время переполненномъ евреями, и, можно сказать, почти полуеврейскомъ. Судя по его произведеніямъ, Рембрандтъ постоянно былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ ними. Еврейскіе типы ежеминутно встрѣчаются въ его картинахъ и гравюрахъ на сюжеты Ветхаго и Новаго Завѣта, и безъ сомнѣнія придали не мало оригинальности, характерности и совершенно особенной типичности его великимъ созданіямъ, полнымъ неслыханной въ исторіи искусства правды, жизненности и реализма, поэзіи и выразительности. Его Богъ-отецъ въ знаменитой гравюрѣ „Явленіе трехъ ангеловъ Аврааму", его Іаковъ въ гравюрѣ „Іосифъ толкующій сны", его „Іаковъ, оплакивающій сына своего Іосифа", его „Слѣпой Товія", его „Мардохей и Амманъ", его Іосифъ аримаѳейскій въ „Положеніи Христа во гробъ", его первосвященникъ и его св.Симеонъ въ „Принесеніи во храмъ", и т. д.—все это изумительно вѣрно переданные еврейскіе типы, скопированные съ еврейскихъ современниковъ Рембрандта. Но, кромѣ того, близость еврейскаго элемента Рембрандту, этому великому родоначальнику новаго европейскаго искусства, засвидѣтельствована еще многими другими фактами.

Онъ сдѣлалъ, въ 1655 году, т. е. въ лучшее свое время, нѣсколько гравюръ, для сочиненія, на португальскомъ языкѣ, одного ученаго еврея, Манассея-бенъ-Израэля, подъ названіемъ: „Piedra gloriosa o da la estatua de Nabucadnezar" (Преславный камень, или о статуѣ Навуходоносора). Сочиненіе это (теперь необыковенно рѣдкое), написано для прославленія еврейскаго народа, и для доказательства, на основаніи словъ пророка Даніила, что еврейскій народъ вѣченъ, что слава его во вѣки не пройдетъ, и что ему одному уготовано судьбою верховное владычество надъ всѣмъ міромъ. Потомъ еще, свою жену, какою она была въ самый день свадьбы, Рембрандтъ изобразилъ,—въ двухъ изъ числа великолѣпнѣйшихъ своихъ гравюръ,—въ еврейскомъ костюмѣ, съ распущенными волосами, съ повязкой на головѣ, и до того согласно съ еврейскою внѣшностью, что до самаго послѣдняго времени эти гравюры носили названіе „La mariée juive" (еврейская новобрачная).

Но значительнѣе всего этого—портреты разныхъ евреевъ, жившихъ въ то время въ Амстердамѣ, портреты, принадлежащіе къ числу самыхъ высшихъ созданій его кисти и гравернаго рѣзца. Тутъ встрѣчаются старики съ важною и серьезною физіономіею, съ глубокимъ взглядомъ и сильно восточными чертами, въ тюрбанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, одѣтые въ шелкъ и бархатъ, съ морщинистыми руками, съ широкими бѣлыми бородами; зрѣлые мужи, юноши, первосвященники, раввины, мѣнялы, мѣховщики, мелкіе торговцы, женщины. Они великолѣпны, какъ всѣ совершеннѣйшіе портреты Рембрандта, они полны жизни и типической красоты, но какъ ни высоки всѣ эти изумительныя созданія, быть можетъ всего выше необыкновеннѣе его Евфраимъ Бонусъ, иначе называемый „Juif à la rampe" (еврей у лѣстницы).

Евфраимъ Бонусъ, родомъ изъ Португаліи, былъ одинъ изъ лучшихъ амстердамскихъ врачей. Рембрандтъ представилъ его, на портретѣ масляными красками и на гравюрѣ, сходящимъ съ лѣстницы и положившимъ руки на перила ея. У него на головѣ остроконечная шляпа съ широкими полями, онъ одѣтъ въ черное платье ван-дейковскаго покроя, съ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ и съ широкими манжетами, за плеча закинутъ небольшой плащъ. Онъ шелъ и на секунду остановился, устремивъ глаза впередъ—онъ думаетъ о больномъ, котораго только что оставилъ, онъ думаетъ о его болѣзни; онъ соображаетъ, его мысль работаетъ и свѣтится въ чудесныхъ, глубокихъ глазахъ. Этотъ взглядъ, этотъ типъ, эта талантливость, эта дума—все это одно изъ непостижимѣйшихъ чудесъ европейскаго искусства. Тутъ апоѳеоза великаго художника, и, съ нимъ вмѣстѣ, переданный грядущимъ вѣкамъ типъ одного изъ лучшихъ представителей великаго, даровитаго племени.

Такимъ, по внѣшности, но еще болѣе значительнымъ, еще болѣе глубокимъ, могъ бы представить Рембрандтъ одного еврея, своего современника. Это—Баруха Спинозу, тоже жившаго тогда въ Голландіи, и даже недалеко отъ великаго „Лютера искусства". Точно также ходилъ и одѣвался Спиноза, какъ этотъ Евфраимъ Бонусъ, точно также былъ простъ и серьезенъ, красивъ и углубленъ

въ свою думу. Но онъ еще былъ едва юноша, когда Рембрандтъ достигъ полной зрѣлости, а когда самъ достигъ своей зрѣлости и полнаго развитія—Рембрандтъ былъ бы уже глубокій старикъ, и умеръ, никогда не видавши его.

Что это была бы за великолѣпная задача, этотъ геніальный еврей — для кисти и рѣзца великаго, безсмертнаго голландца. Въ передачѣ именно этого послѣдняго должны были-бы остаться, на вѣчныя времена, всему потомству, черты глубочайшаго изъ мыслителей Израильскаго племени.

В. Стасовъ.

КЪ ИСТОРІИ ОБРАЗОВАНІЯ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

ПЕРІОДЪ III.

Въ первомъ періодѣ рѣчь шла о борьбѣ между правительствомъ и евреями, которая возникла по инціативѣ перваго и окончилась торжествомъ надъ послѣдними; во второмъ періодѣ рѣчь шла о той-же борьбѣ, которая возникла по инціативѣ евреевъ и окончилась, какъ мы видѣли, хотя и не оффиціальнымъ, но фактическимъ торжествомъ послѣднихъ. Въ настоящемъ же періодѣ рѣчь пойдетъ о внутренней борьбѣ между разными элементами еврейства, пришедшими между собою въ столкновеніе по поводу обнаружившагося разнообразія въ стремленіяхъ къ осуществленію цѣли образованія евреевъ.

Съ одной стороны правительство полагало, что центральныя религіозныя установленія, созданныя рукою Наполеона, очень много содѣйствовали „уничтоженію прежнихъ предубѣжденій, отчуждавшихъ евреевъ отъ гражданскаго общества". Поэтому, главною цѣлію правительства въ дѣлѣ преобразованія евреевъ было учрежденіе особаго института подъ названіемъ губернскихъ раввиновъ, которые, будучи воспитаны въ духѣ правительства, могли-бы служить проводниками правительственныхъ идей въ гражданскій бытъ евреевъ и должны были, согласно съ этимъ, употреблять религію евреевъ орудіемъ для ихъ преобразованія, потому что, по мысли еврейскаго Комитета, религія евреевъ считалась „главною и единственною силою, дѣйствующею на общественное и семейное состояніе сего народа". Но затѣмъ мѣра о губернскихъ раввинахъ оказалась одностороннею, на томъ основаніи, что евреи не могли бы питать довѣріе къ органамъ правительственной власти и не

могли-бы „почитать дѣйствительною власть гражданскую въ дѣлахъ религіи". Все это привело къ заключенію, что необходимо создать центральное учрежденіе и облечь его религіознымъ авторитетомъ въ глазахъ евреевъ, дабы оно, своимъ нравственнымъ на нихъ вліяніемъ, могло „дать силу всѣмъ распоряженіямъ, предпринимаемымъ правительствомъ для преобразованія" евреевъ и, подъ ближайшимъ руководствомъ министерства внутреннохъ дѣлъ, „направлять губернскихъ раввиновъ къ постепенному сліянію евреевъ съ общимъ населеніемъ и къ обращенію ихъ дѣятельности на пользу государственную". Съ этой цѣлью, по Высочайше утвержденному 18 мая 1848 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, учреждена была раввинская коммисія *), занятія которой должны были состоять: 1) въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи мнѣній и вопросовъ, относящихся къ правиламъ и обрядамъ еврейской вѣры и къ дѣйствіямъ раввиновъ; 2) въ разсмотрѣніи дѣлъ о расторженіи браковъ въ такихъ случаяхъ, когда сами раввины встрѣтятъ неясность въ законѣ, или когда поступятъ жалобы на неправильное рѣшеніе мѣстнаго раввина—и 3) въ исполненіи разныхъ порученій, относящихся къ роду ея занятій, которыя министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ на нее возлагать **). Но, кромѣ этой ближайшей цѣли, Раввинская Коммисія должна была имѣть, невѣдомо для нея самой, еще цѣль политичческую. Какъ извѣстно, французскій Синедріонъ евреевъ, вызванный къ жизни Наполеономъ и имѣвшій цѣлію гарантировать правительству подчиненіе евреевъ всѣмъ признаннымъ имъ въ принципѣ догматамъ, навелъ панику на всѣ европейскія правительства того времени, которыя, подозрѣвая во всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона политическія ухищренія, усмотрѣли и въ простомъ желаніи Наполеона—сдѣлать съ своей точки зрѣнія возможнымъ равноправность евреевъ—какія-то всемірно-политическія стремленія. Европейскія правительства того времени полагали, что Наполеонъ имѣетъ намѣреніе распространить свое политическое вліяніе чрезъ посредство еврейскаго Синедріона на евреевъ всѣхъ странъ. Центральныя религіозныя учрежденія евреевъ Франціи продолжали считаться въ другихъ европейскихъ государствахъ и въ Россіи носителями политическихъ тенденцій Наполеона, которые имѣютъ связь съ образованными евреями другихъ странъ, съ цѣлію пропагандировать идеи всеобщаго равенства подъ эгидою Мессіи въ образѣ французскаго государства. Для этого необходимо стало создать равносильный противовѣсъ въ формѣ центральнаго учрежденія, которое должно было сдѣлаться проводникомъ отечественныхъ идей въ духѣ русскомъ. Это вполнѣ подтверждается приведенными выше соображеніями государственныхъ людей 1848 года, легшимъ въ основаніе учрежденія Раввинской Коммисіи, которая, подобно французскому Синедріону, должна была своимъ религіознымъ авторитетомъ санкціонировать распоряженія правительства и парализировать „вліяніе заграничныхъ толкователей еврейскаго закона, которые, въ политическомъ отношеніи, могутъ быть не безвредны".

*) Объ учрежденіи раввинской коммисіи, ея занятіяхъ и проч. смотри приложеніе къ ст. 1220 т. I. ч. II. учрежд. министерствъ.

**) Втор. Пол. соб. зак. т. XXIII Отд. I № 22276. (Ж. М. В. Д. Декабрь 1860 г. Истор. М. В. Д. Варадинова.)

Но цѣль учрежденія Раввинской Коммисіи не достигается, не смотря на созваніе ея уже въ третій разъ. Учрежденіе такого органа, какъ раввинская коммисія, должно было быть основано на внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ еврейскаго быта, а не на формальной и кажущейся необходимости сдѣлать съ точки зрѣнія еврейской религіи законными въ глазахъ евреевъ всѣ распоряженія правительства, касавшіяся ихъ религіозно-гражданской жизни. Результаты образованія въ еврейскихъ и общихъ заведеніяхъ имперіи, въ связи съ болѣе благопріятными внѣшними условіями, могли-бы скорѣе воздѣйствовать на пересозданіе соціальнаго быта, согласно со вновь пробужденными потребностями, чѣмъ всякое, внѣ еврейской жизни стоящее, учрежденіе, не оказывающее на нее ни малѣйшаго вліянія. Естественно, что Раввинскія Коммисіи не произвели никакихъ переворотовъ въ гражданскомъ и семейномъ быту евреевъ, а первоначально содѣйствовали только развитію борьбы между самими евреями. Вопросъ между евреями шелъ именно о томъ, кого слѣдуетъ избрать въ представители интересовъ всего русскаго еврейства, которыхъ должно было быть первоначально 4, а потомъ 6. Прогрессивное меньшинство, ничтожное своимъ влія-

ніемъ, едва-ли могло добиться имѣть между кандидатами въ члены Раввинской Коммисіи представителя своей партіи. Большинство же евреевъ, не ждавшихъ, по изложеннымъ во 2-й статьѣ нашей основаніямъ *), никакихъ практическихъ выгодъ отъ образованія своихъ дѣтей, естественно было заинтересовано въ сохраненіи своей религіозной обрядности in statu quo, тѣмъ болѣе, что этой части евреевъ было хорошо извѣстно, что рѣшенія раввинской коммисіи будутъ для нея обязательны. Въ этой борбѣ между меньшинствомъ и большинствомъ, послѣднее, конечно, должно было одержать побѣду,—и составъ раввинскихъ коммисій всегда долженъ былъ образоваться изъ людей, которые противились всякой реформѣ и которымъ, признаться, реформы не были нужны, потому что представляемая ими еврейская масса, находясь подъ экономическимъ гнетомъ, чувствовала болѣе настоятельную потребность въ реформахъ законодательныхъ, въ предоставленіи ей возможности выйти изъ заколдованнаго круга западныхъ губерній и вообще въ облегченіи ей доступа къ дѣятельности на разныхъ поприщахъ, кромѣ торговаго и промышленнаго. Неудивительно, поэтому, что на засѣданіи въ первой раввинской коммисіи, созванной въ 1852 г., очутились люди, не только мало извѣстные въ Россіи своимъ авторитетомъ, но вообще мало извѣстные въ учено-религіозномъ отношеніи, мало или почти вовсе не подготовленные къ разработкѣ предложенныхъ имъ въ министерствѣ вопросовъ. У насъ вообще очень мало есть свѣдѣній о дѣятельности трехъ раввинскихъ коммисій (1852, 1857 и 1861 г.); но изъ тѣхъ ничтожныхъ, нами собранныхъ свѣдѣній открывается, что раввинскія коммисіи пользовались весьма мало уваженіемъ въ средѣ самихъ еврейскихъ обществъ. Напримѣръ, по вопросу о цензурѣ еврейскихъ книгъ, предложено было первой коммисіи высказать свое мнѣніе относительно возможности и необходимости исключенія изъ талмуда нѣкоторыхъ мѣстъ изъ легендарной части. Представитель Новороссійскаго края, г. Б. (какъ говорятъ—Берштейнъ), единственный членъ коммисіи, понимавшій по русски, отвѣтилъ, что онъ около 20 лѣтъ уже не занимался талмудомъ, а потому для него совер-

*) См. „Евр. Библіот.“ Т. II.

шенно безразлично, будетъ-ли исключено мало или много мѣстъ изъ талмуда. Представители юго-западнаго края и бѣлорусскихъ губерній отстаивали талмудъ, а Черользонъ (докторъ) писалъ въ Вильну о томъ, чтобы ему указывали оттуда необходимыя мѣста талмуда, которымъ онъ давно уже не занимался. Дѣло кончилось тѣмъ, что Курляндскій представитель (незнавшій вовсе по русски) согласился съ мнѣніемъ Новороссійскаго, а выписанный изъ Вильны раввинъ Д. своею глубокою ученостью доказалъ, что „всѣ мидрашимъ, вся гагада и вся еврейская письменность вообще, точно также какъ и всѣ молитвенники и комментаріи, поелику всѣ они существуютъ издавна, должны оставаться неприкосновенными.“ *) Въ этой-же коммисіи, кромѣ вопроса о цензурѣ еврейскихъ книгъ, разрѣшеннаго столь удовлетворительнымъ образомъ, предлагались еще, между прочими вопросами, не имѣющими близкой связи съ образованіемъ евреевъ, и вопросъ о тайныхъ раввинахъ и о сектѣ хассидовъ. **) Въ какомъ смыслѣ разсуждали объ этомъ вопросѣ и къ какимъ пришли результатамъ въ первой раввинской коммисіи, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Но это намъ положительно извѣстно, что предписано было административному начальству юго-западнаго края строго слѣдить за дѣятельностью этихъ тайныхъ раввиновъ и ихъ хассидскихъ партій, а раввинамъ, получившимъ образованіе въ раввинскихъ училищахъ, поручено было доставлять секретно свѣдѣнія о существующихъ въ ихъ вѣдомствахъ, хассидскихъ партіяхъ, о количествѣ ихъ, равно и о представителяхъ этихъ партій. Разумѣется, что это распоряженіе, составлявшее плодъ первой раввинской коммисіи, сразу отшатнуло всѣхъ направлявшихъ судьбою еврейскихъ массъ отъ правительственнаго плана и поставило въ чрезвычайно затруднительное положеніе еврейскихъ раввиновъ, на которыхъ открыто стали смотрѣть какъ на правительственныхъ миссіонеровъ. Самая роль, на которую указано было новымъ раввинамъ, этимъ предвозвѣстникамъ будущихъ

*) Zeitung des Iudenthums 1852 г. стр. 624—627.

**) Остальные вопросы слѣдующіе: 1) о евр. метрическихъ книгахъ; 2) о евр. очистительной присягѣ и о дополненіи свидѣтельской присяги и 3) о совершеніи браковъ между военнослужащими евреями (Ж. М. В. Д. январь 1861 г.; Ист. М. В. Д. Варадинова.)

внутреннихъ реформъ, была въ высшей степени унизительна. Какъ ни старались они скрывать отъ ортодоксальной партіи намѣренія правительства въ этомъ отношеніи, она узнавала о нихъ у низшихъ административныхъ чиновъ и стала подозрительно поглядывать на своихъ новыхъ пастырей, которые обязаны были доносить правительству о томъ, кто къ какой принадлежитъ партіи. Недовѣрчивость къ новымъ раввинамъ и правительству росла съ каждымъ часомъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ раввиновъ воспользовались своимъ правомъ и указали какъ на цадиковъ, такъ и на людей, принадлежащихъ въ сектѣ хассидизма, который предполагалось искоренять секретными циркулярами на имя полоціймейстеровъ, городничихъ и раввиновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цадики оказывали весьма вредное вліяніе на соціальную жизнь евреевъ; но они не были представителями религіознаго толка, основаннаго на извѣстной догмѣ, а скорѣе представителями выродившагося ученія, которое находило себѣ почву въ экономическомъ быту евреевъ. Слѣдовательно, необходимо было стремиться къ установленію болѣе свободныхъ экономическихъ отношеній въ жизни евреевъ, и эта каменная стѣна цадикизма, державшаяся только благодаря насильственному порядку вещей и запутанности отношеній, палабы сама собою. Но, разсматривая всѣ институты еврейской жизни съ точки зрѣнія религіозной и полагая при томъ, что религія есть единственный рычагъ, приводящій въ движеніе всѣ стороны гражданской и семейной жизни евреевъ, правительство ошиблось въ своемъ взглядѣ на цадикизмъ и вслѣдствіе увлеченія не подумало даже о томъ, что, поручая просвѣщеннымъ въ правительственномъ духѣ раввинамъ стать на стражѣ цадикизма съ цѣлью окончательнаго его искорененія, она начинаетъ опасное дѣло, которое можетъ подорвать довѣріе къ новому органу правительственной власти, долженствовавшему, по мысли самого правительства, незамѣтно для самихъ евреевъ, вносить въ гражданскій ихъ бытъ элементы, наиболѣе согласные съ государственными стремленіями Россіи относительно образованія евреевъ. Эта ошибка со стороны правительства дала начало нескончаемой борьбѣ между раввинами и еврейскими обществами, которая отчасти продолжается еще по настоящее время.

Насколько составъ и дѣятельность раввинской коммисіи 1852 г. удовлетворили болѣе образованную часть еврейскаго общества и само правительство, видно изъ того, что раввинская коммисія, которая должна была дѣйствовать ежегодно два мѣсяца, созвана была во второй разъ лишь въ 1857 году. Въ ней участвовали представители остзейскаго, новороссійскаго, сѣверо-западнаго и малороссійскаго краевъ: большая-же часть русскихъ евреевъ, живущихъ въ юго-западномъ краѣ, представителя не имѣла. Въ то время въ этомъ краѣ во главѣ консервативнаго еврейства стоялъ человѣкъ, весьма вліятельный въ высшей административной сферѣ, человѣкъ съ могучею волею и хитрымъ умомъ, который разыгрывалъ предъ правительствомъ роль споспѣшествователя всѣхъ его плановъ, а между евреями — роль защитника обветшалой старины. Съ нимъ трудно было бороться не только прогрессивному меньшинству, но и самой администраціи: личность эта нѣсколько вѣрно схвачена бывшимъ бердичевскимъ полиціймейстеромъ Громекой, который посвятилъ ей цѣлую статью въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, если не ошибаемся, шестидесятыхъ годовъ. Въ нашихъ рукахъ есть письма нѣкоторыхъ „друзей новаго просвѣщенія" на имя предсѣдателя комитета объ устройствѣ евреевъ, въ которомъ между прочимъ говорится слѣдующее: „Къ сожалѣнію общества Кіевскаго генералъ-губернаторства, составляющія большую половину всего нашего населенія въ имперіи, остались на сей разъ безъ представителя въ коммисіи; отъ чего и благонамѣренныя стремленія коммисіи о лучшемъ устройствѣ дѣлъ нашей вѣры, столь тѣсно связанной съ семейнымъ и гражданскимъ бытомъ нашимъ, могутъ оставаться безъ прямаго вліянія и дѣйствія на полумилліонъ нашихъ единовѣрцевъ". Было-ли удовлетворено ихъ ходатайство о приглашеніи въ коммисію двухъ, трехъ членовъ, какъ представителей евреевъ юго-западнаго края, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ было сдѣлано на этотъ разъ отступленіе отъ положенія о раввинской коммисіи, по которому въ ней должны быть представители всѣхъ еврейскихъ обществъ, отдѣльно по всѣмъ генералъ-губернаторствамъ. Изъ вопросовъ, предложенныхъ этой второй коммисіи, имѣютъ значеніе, по отношенію къ нашему предмету, слѣдующіе два: 1) о женскихъ еврейскихъ училищахъ и 2) объ указаніи раввинамъ для произнесенія поученій образцовыхъ про-

повѣдей *). Что касается втораго изъ этихъ вопросовъ, то разсмотрѣніе его въ раввинской коммисіи не привело ни къ какимъ положительно результатамъ, и мы о немъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, когда дойдемъ до влiянія раввинскихъ училищъ на образованіе евреевъ. Первый-же вопросъ въ основаніи былъ разрѣшенъ правильно, но мѣры, предложенныя коммисіею, для достиженія цѣли образованія еврейскихъ женщинъ, представляются болѣе чѣмъ наивными. Коммисія признала, что образованіе женскаго пола находится у евреевъ, въ особенеости въ низшемъ ихъ классѣ, въ „нѣкоторомъ небреженіи". Такъ какъ это обстоятельство даетъ поводъ предполагать существованіе между евреями предразсудка, основнннаго на ложныхъ понятіяхъ, то коммисія убѣждается въ необходимости изслѣдовать, не находится-ли въ ученіи еврейской вѣры такихъ мѣстъ, которыя, будучи истолкованы буквально, могли-бы породить въ народной массѣ неправильныя понятія о воспитаніи женщинъ. При этомъ коммисія останавливается на встрѣчаемомъ въ Мишнѣ изреченіи: „обучать свою дочь закону (торѣ) значитъ какъ-бы указывать ей путь къ мірскимъ суетамъ", и находитъ, что разсматриваемое не въ связи съ общимъ ученіемъ еврейской религіи, изреченіе это можетъ показаться содержащимъ въ себѣ мысль о воспрещеніи образованія женщинъ вообще. Но сущность ученія талмуда и религіозныя убѣжденія евреевъ представляютъ упомянутое изреченіе въ другомъ свѣтѣ. Коммисія находитъ, что талмудъ имѣетъ значеніе религіозно-гражданское, и потому совокупность всѣхъ содержащихся въ талмудѣ правилъ носитъ, наравнѣ съ догматическимъ ученіемъ Моисея, названіе закона (торы); по религіознымъ-же убѣжденіямъ евреевъ въ законѣ заключается скрытая мудрость, для познанія которой необходимо систематическое и постоянное изученіе предмета. Поэтому для лицъ женскаго пола, дѣятельность котораго ограничивается семейною сферою, такое наукообразное изученіе закона было-бы совершенно безполезно и даже во многихъ отношеніяхъ вредно, тѣмъ

*) Молитва новолунія, форма присяги для евреевъ, исправное веденіе метрическихъ книгъ и правила для выбора членовъ правленія синагогъ, молитвенныхъ школъ и подчиненіе состоящихъ при этихъ правленіяхъ благотворительныхъ заведеній и порядокъ отчетности—вотъ остальные вопросы, которыми замыкалась эта коммисія.

болѣе, что въ талмудѣ содержится множество такихъ узаконеній, исполненіе коихъ вовсе не относится къ обязанностямъ женщины и изученіе которыхъ было-бы для нея, по понятіямъ евреевъ, лишь „суетнымъ тщеславіемъ". Такимъ образомъ коммисія приходитъ къ заключенію, что указанное выше изреченіе, запрещая обученіе женщины закону (торѣ), имѣетъ въ виду такіе талмудическіе законы, которые не могутъ представлять для женщины ничего существенно полезнаго, а потому оно не преграждаетъ пути къ умственному и нравственному развитію женщины. Указывая затѣмъ на многія мѣста закона Моисея и талмуда и позднѣйшихъ его комментаторовъ, вмѣняющія умственное развитіе женскаго пола въ обязанность, коммисія приходитъ къ тому заключенію, что догматы еврейской вѣры не запрещаютъ образованія женщинъ сообразно съ духомъ времени, но для того, чтобы разсѣять предразсудокъ, образовавшійся вслѣдствіе неправильнаго пониманія смысла приведеннаго выше изреченія, необходимо прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ: 1) разсылать къ раввинамъ и проповѣдникамъ, въ видѣ наставленія, выписки изъ изложенныхъ выше соображеній коммисіи съ тѣмъ, чтобы проповѣдники, а гдѣ ихъ нѣтъ—раввины, или по порученію ихъ учители еврейскаго закона въ казенныхъ училищахъ, руководствуясь сужденіями и указаніями коммисіи, произносили по временамъ поученія, которыя могли-бы возбуждать въ юныхъ сердцахъ чувство, а въ родителяхъ—стремленіе къ образованію своихъ дѣтей безъ различія пола; 2) вмѣнить всѣмъ раввинамъ и проповѣдникамъ въ обязанность, чтобы о произнесеніи такихъ поученій они оповѣщали заблаговременно съ объясненіемъ, что проповѣди будутъ имѣть предметомъ воспитаніе юношества какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; 3) поручить раввинамъ и проповѣдникамъ тщательно внушать родителямъ, чтобы дочери ихъ, съ одинадцати или двѣнадцати-лѣтняго возраста, непремѣнно посѣщали мѣста общественнаго богомоленія, по субботамъ и праздничнымъ днямъ—для присутствія при религіозныхъ обрядахъ и для слушанія назидательныхъ поученій.

Соглашаясь съ основнымъ взглядомъ коммисіи 1857 г., что религія евреевъ не запрещаетъ умственнаго развитія женщины, мы не можемъ признать цѣлесообразными мѣры, избранныя коммисіею для достиженія цѣли образованія еврейскихъ женщинъ. Принявъ

ложное основаніе исходною точкою своихъ сужденій, коммисія избрала и ложные способы къ достиженію цѣли. Коммисія, дѣйствуя, по положенію своему, подъ ближайшимъ руководствомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ самаго начала стала въ этомъ отношеніи на принятую правительствомъ точку зрѣнія, что всѣ замѣчаемые у евреевъ недостатки непремѣнно должны корениться въ догмахъ ихъ вѣроученія, а именно въ опасномъ для человѣчества кодексѣ—талмудѣ. Коммисія упустила изъ виду совокупность всѣхъ гражданскихъ, политическихъ и экономическихъ условій, среди которыхъ находились въ то время евреи; она упустила изъ виду, что еврейская женщина, при наличности всѣхъ этихъ условій, должна была сдѣлаться рабынею своего дома и даже главнымъ распорядителемъ торговыхъ дѣлъ мужа, что въ низшемъ классѣ евреевъ, о которомъ преимущественно идетъ рѣчь въ журналѣ коммисіи, въ томъ классѣ именно, который, переполнивъ собою весь еврейскій гетто и всѣ торгово-промышленныя и ремесленныя сферы, въ которыхъ предложеніе превышало всякій спросъ,—что въ этомъ классѣ женщина не могла и думать объ образованіи: при плодовитости еврейскаго племени, главнымъ источикомъ которой, если слѣдовать выработаннымъ статистикою началамъ, должно считать крайнюю ихъ бѣдность, еврейская женщина обязана была, для поддержанія семьи, стать на мѣсто слуги и няни, а не думать о просвѣщеніи. Очевидно, поэтому, что для поднятія умственнаго уровня еврейской женщины, необходимо было пересоздать всѣ внѣшнія условія, тормозившія правильное развитіе всякой жизни въ средѣ евреевъ, съ устраненіемъ которыхъ просвѣщеніе само собою являлось-бы какъ потребность. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, подтверждающимъ нашъ взглядъ на это дѣло, можетъ служить то, что богатые евреи всегда заботились о воспитаніи своихъ дочерей, потому что сама обстановка жизни настоятельно этого требовала, и никакія талмудическія догмы, еслибы даже онѣ существовали, не могли-бы идти противъ напора жизни и ея потребностей. Слѣдовательно, для образованія женскаго пола евреевъ, необходимо было поднятіе экономическаго ихъ уровня вообще, которымъ и обусловливалось всякое стремленіе къ болѣе возвышеннымъ потребностямъ. Съ этой точки зрѣнія мѣры коммисіи о назидательныхъ поученіяхъ и возбужденіи въ юношествѣ посредствомъ проповѣдей охоты къ образованію представляются болѣе чѣмъ наивными; требованіе отъ еврейскихъ дѣвушекъ посѣщать синагоги встрѣчено было практическимъ смысломъ евреевъ съ улыбкою, вполнѣ характеризовавшею непониманіе условій окружающей ихъ жизни. Если коммисія не могла ничего сдѣлать въ указанномъ выше смыслѣ, то все, что она обязана была сдѣлать,—это предложеніе открытія безплатныхъ женскихъ школъ для желающихъ образоваться женщинъ. Такая мѣра, если-бы и не разрѣшила всецѣло вопроса, тѣмъ не менѣе удовлетворила-бы извѣстный классъ женщинъ, которыя, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, могли-бы рѣшиться на просвѣщеніе въ новомъ духѣ. Но, остановившись на совершенно ложныхъ основаніяхъ, коммисія 1857 г. должна была придти къ необходимости предпринятія указанныхъ ею мѣръ, которыя не имѣли даже никакого паліативнаго значенія и потому самому не могли въ дѣлѣ образованія евреевъ имѣть никакихъ практическихъ результатовъ.

Третья раввинская коммисія 1861 г. отличается отъ двухъ предъидущихъ тѣмъ именно, что въ составъ ея вошли люди, представители оппозиціонной партіи, именно — воспитанники раввинскихъ училищъ, гг. Барацъ и Герштейнъ, первый какъ представитель Бессарабской области, или всего Новороссійскаго края, а второй—въ качествѣ сотрудника по дѣламъ раввинской коммисіи. Молодые люди, впервые столкнувшіеся съ своими явными и неявными врагами по дѣлу объ образованіи русскихъ евреевъ, не потеряли такта въ борьбѣ, которая искусно была ведена противъ нихъ. Кромѣ вопросовъ, уже обсуждавшихся въ первыхъ двухъ коммисіяхъ, въ третьей коммисіи затронуты были два весьма важные вопроса: объ устройствѣ мѣстнаго и центральнаго управленія духовными дѣлами евреевъ и объ усовершенствованіи казенныхъ еврейскихъ училищъ и облегченіи еврейскому юношеству доступа къ общимъ учебнымъ заведеніямъ. При разрѣшеніи перваго вопроса держались принципа постепенности, признавая, что на первыхъ порахъ необходимо создать званіе уѣздныхъ раввиновъ, а затѣмъ, въ случаѣ успѣха этой мѣры, перейти къ устройству двухъ остальныхъ степеней духовнаго управленія: губернскихъ и центральныхъ консисторій. Оставляя обсужденіе успѣха этой мѣры до оцѣнки учрежденія и цѣли раввинскихъ училищъ, мы должны огра-

ничиться только нѣкоторыми замѣчаніями. Не смотря на то, что раввинская коммисія въ принципѣ признала возможнымъ переустройство духовнаго управленія евреевъ на новыхъ началахъ, она однако не забыла оставить лазейку и для водворенія стараго порядка вещей. Она полагала возможнымъ постановить, чтобы въ томъ случаѣ, когда еврейскими обществами не будутъ избраны въ раввины лица, обладающія всѣми условіями, которыя требуются проектируемымъ закономъ, оставался прежній порядокъ управленія духовными дѣлами евреевъ. Въ этомъ-же смыслѣ дѣйствовало большинство и по отношенію къ преобразованію учебной части евреевъ. Напрасно оппозиціонная партія домогалась провести свои взгляды на дѣло; напрасно она работала и днемъ и ночью надъ этими вопросами: противъ нихъ была партія свѣтскихъ представителей, которые разсуждали чужимъ умомъ, и къ которымъ однако тянули тѣ члены раввинской коммисіи, коихъ само дѣло интересовало гораздо менѣе, чѣмъ взгляды на него со стороны свѣтскихъ представителей. Разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону зависѣло въ то время отъ одного человѣка, съ голосомъ котораго соединено было торжество правой или лѣвой партіи; но этотъ человѣкъ игралъ тогда, какъ и во всю жизнь, роль довольно двусмысленную, и, не смотря на всѣ униженія предъ нимъ со стороны оппозиціи; не смотря на данное ей обѣщаніе возвысить голосъ въ пользу ея мнѣній,—человѣкъ этотъ не выдержалъ напора мнѣній правой стороны и, видя, что голосъ представителя свѣтской власти клонитъ въ ея пользу, торжественно измѣнилъ своему слову и, по выраженію древняго памятника: „на чемъ старшіе одумаются, на томъ и пригороды станутъ", приложилъ свою руку къ подписямъ правой стороны. Разумѣется, что оппозиція осталась при своемъ мнѣніи, которое подано особо, но какова участь этого особаго мнѣнія неизвѣстно до сихъ поръ, такъ какъ по нынѣ еще не осуществилась ни одна изъ мѣръ, признанныхъ полезными со стороны раввинскихъ коммисій, и уже болѣе 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ раввинская коммисія не созывается.

Раввинская коммисія могла-бы имѣть, даже съ точки зрѣнія правительства, гораздо болѣе вліянія на гражданскій и семейный бытъ русскихъ евреевъ, а тѣмъ самымъ и косвенно на ихъ просвѣщеніе, если-бы дѣятельность ея была направлена на приведеніе въ

соотвѣтствіе еврейскихъ законовъ семейственнаго права съ русскими. Порядокъ вступленія въ бракъ, способы разводовъ и расторженія браковъ вообще, и въ случаѣ принятія однимъ изъ супруговъ христіанства въ особенности, когда приходятъ въ столкновеніе двѣ духовныя власти; разрѣшеніе вопросовъ о еврейской-халицѣ (обрядъ разуванія башмака братомъ умершаго мужа) и еврейской агинѣ (женщинѣ, обреченной на вѣчное безбрачіе по причинѣ безвѣстнаго отсутствія ея мужа), юридическая сила насильственныхъ разводовъ, основанныхъ на обманѣ, и т. подобныя явленія общественно-семейной жизни евреевъ, имѣющія весьма важное значеніе для личности и государства,—вотъ обширное поле дѣйствій для раввинскихъ коммисій, которыя разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ могли-бы по истинѣ оказать государственную услугу Россіи и освободить цѣлый классъ людей отъ личной неволи, продолжающейся всегда почти всю жизнь, единственно потому, что общіе законы оказываются непримѣнимыми къ подобнымъ случаямъ, а для разрѣшенія ихъ на основаніи законовъ еврейскаго вѣроученія не указано никакого порядка, такъ что цѣлый классъ людей падаетъ жертвою единоличнаго произвола раввина, дѣйствія котораго остаются безапелляціонными. До сихъ поръ мы встрѣчаемся съ однимъ только вопросомъ о разводѣ, разрѣшенномъ третьей раввинскою коммисіею по жалобѣ еврейки Геленфоновой на раввина, признавшаго бракъ ея незаконнымъ и обвѣнчавшаго ея мужа съ другой женою. Насколько намъ извѣстно, разрѣшеніе этого вопроса состоялось въ смыслѣ неудовлетворительномъ для соглашенія законовъ общихъ съ еврейскими, а напротивъ въ смыслѣ ретроградномъ. Но этотъ случай дошелъ до раввинской коммисіи по инціативѣ Правительствующаго Сената, между тѣмъ какъ подобные безчисленные случаи могли-бы восходить до раввинской коммисіи по представленіямъ раввиновъ, которыхъ слѣдуетъ обязать вести указатели подобнымъ дѣламъ и о разрѣшеніи ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ доводить ежегодно до свѣдѣнія департамента иностранныхъ исповѣданій, дабы министерство имѣло возможность предлагать ихъ раввинскимъ коммисіямъ по своему усмотрѣнію и независимо отъ жалобъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя по неимѣнію на то положительнаго закона, не знаютъ куда обращаться съ жалобою на рѣшенія раввиновъ. Весьма удовлетвори-

тельно былъ разрѣшенъ первою коммисіею вопросъ о примѣненіи къ евреямъ общаго закона о духовномъ покаяніи, установленномъ въ уложеніи о наказаніяхъ для однихъ только христіанскихъ исповѣданій, но въ этомъ вопросѣ было болѣе заинтересовано само правительство, не желавшее, чтобы евреи, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ полагаетъ духовное покаяніе, какъ самостоятельное наказаніе, оставались вовсе безнаказанными. Семейный-же бытъ евреевъ весьма мало измѣняется отъ разрѣшенія подобныхъ вопросовъ. И такъ, раввинская коммисія могла-бы быть полезною, еслибы она вступила на поприще указанной нами дѣятельности; но до сихъ поръ она затронула одинъ лишь вопросъ о разводѣ, который разрѣшенъ неудовлетворительно; весьма обстоятельно изслѣдовала вопросъ о духовномъ покаяніи евреевъ, который имѣетъ болѣе правительственное, чѣмъ общественное значеніе, и весьма мало сдѣлала для образованія евреевъ, которые, вслѣдствіе ея дѣятельности въ этомъ направленіи, напрасно только потратили силы на борьбу между самими собою.

Не менѣе важное, хотя отрицательное, вліяніе оказалъ на образованіе евреевъ классъ людей, о которомъ никто еще въ литературѣ не заговорилъ, но негласная дѣятельность котораго, тормозила дѣло образованія евреевъ. Это большею частію еврейскіе прозелиты и люди стараго закала, ставшіе одною ногою въ учебномъ, а другою—въ административномъ вѣдомствѣ. Обыкновенный образъ дѣйствій этихъ людей таковъ: сначала они зарекомендовываютъ себя правительству какимъ-нибудь проектомъ или дѣйствіемъ, которое не оставляетъ болѣе сомнѣнія въ ихъ преданности; затѣмъ они мало по малу начинаютъ принаравливать стремленія правительства къ желаніямъ заправляющихъ судьбою еврейской массы, или такъ называемыхъ міроѣдовъ, и долго носятъ эту личину, пока обстоятельства времени не разоблачаютъ ихъ предъ правительствомъ во всей ихъ наготѣ: тогда они оставляютъ свое благодатное поприще, удаляясь въ одиночество, или улучая благопріятный моментъ, который даетъ имъ возможность попасть на тотъ-же путь, но въ другомъ, далекомъ районѣ. Обстоятельства, содѣйствовавшія такой фалангѣ людей, не обладающихъ особыми познаніями, стать въ дѣлѣ образованія евреевъ правою рукою администраціи, заключались въ томъ, что во время зарожденія училищнаго образованія, когда еще не было въ средѣ евреевъ людей, соединявшихъ вмѣстѣ съ познаніями предметовъ еврейской вѣры и общее образованіе, и когда правительство все-таки нуждалось, при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся еврейскаго образованія, въ руководствѣ свѣдущихъ людей, — эта фаланга превратила знаніе еврейства и предметовъ еврейскаго вѣроученія въ монополію, которую они крѣпко держали въ своихъ рукахъ, какъ римскіе pontifices держали въ своихъ рукахъ такъ называемые dies fasti. Сначала, конечно, чтобы выслужиться у начальства, они кричали, что необходимо поднять умственный и нравственный уровень евреевъ посредствомъ учрежденія еврейскихъ училищъ, которыя одни только въ состояніи будутъ вызвать евреевъ изъ ихъ замкнутости, но немного спустя они-же начали доказывать, что еврейскія училища поддерживаютъ замкнутость, а потому слѣдуетъ ихъ закрыть. Когда правительство все-таки не рѣшалось разрушить все то, что было создано путемъ долголѣтнихъ усилій, то эти понтифексы стали грозить ему политическими фантомами, доказывая, что воспитанники высшихъ еврейскихъ училищъ, именно раввинскихъ, заражены радикализмомъ иностранныхъ еврейскихъ ученыхъ, что они во всякое время готовы присоединиться къ революціонному элементу тѣхъ областей, въ которыхъ эти училища учреждены (въ западномъ краѣ); они доказывали далѣе, что правительство, во избѣжаніе революціонныхъ движеній, неотложно должно закрыть по крайней мѣрѣ раввинскія училища и оставить однѣ только элементарныя еврейскія школы съ сокращеннымъ курсомъ еврейскихъ предметовъ. Ни учебная и никакая-нибудь другая администрація не знали откуда идутъ всѣ эти стрѣлы и громы, направленные противъ раввинскихъ училищъ,—не знали потому, что не были посвящены въ ту борьбу, которая въ это время шла между евреями. Начало этой борьбы относится къ періоду времени, когда раввинскія училища стали себя заявлять первыми выпусками людей, которые, при знаніи еврейскихъ предметовъ, обладали также и общимъ образованіемъ. Эти люди, выросшіе въ средѣ евреевъ и вышедшіе изъ массы, очень хорошо знали настоящіе недостатки еврейскихъ обществъ и не могли, разумѣется, равнодушно смотрѣть на то, какъ міроѣды для своихъ цѣлей поддерживали застой въ общественной жизни евреевъ. Благодаря возродившейся въ то время

русско-еврейской журналистикѣ—а также и тому, что нѣкоторые общіе органы печати—серьезно или для игры въ либерализмъ—разъясняли вопросы изъ еврейской жизни, молодые раввинисты начали высказывать свои взгляды на дѣло. Все высказанное ими рѣзко противорѣчило тѣмъ взглядамъ, которые понтифексы проводили въ административной сферѣ, и мало по малу подтачивало ихъ кредитъ. Наступило разъ даже такое время, когда понтифексы, задѣтые въ литературѣ и въ жизни, сочли своимъ долгомъ вынести свои взгляды изъ области канцелярской тайны на арену литературную, гдѣ они, въ оправданіе своихъ взглядовъ предъ администраціею, доходили до крайнихъ нелѣпостей. Они доказывали, напримѣръ, что раввинисты составляютъ революціонный элементъ въ краѣ; что цадики (народные чудодѣи) только наружно поддерживаютъ между евреями строгую обрядность, а тайно проводятъ идею христіанства и понятіе о троицѣ. Это были уже послѣднія соломинки, за которыя они ухватывались во время шторма. Разумѣется, имъ было крайне непріятно, когда вдругъ выступилъ въ жизнь классъ людей, которые принялись не только контролировать ихъ дѣйствія, но и разоблачать ихъ въ литературѣ; когда начали доказывать, что понтифексы пропускаютъ самыя вредныя сочиненія хассидскаго покроя; когда опровергали до очевидности тѣ нелѣпые взгляды, посредствомъ коихъ въ администраціи очень долго поддерживали покровительство невѣжеству и мраку. въ явный ущербъ интересамъ просвѣщенія евреевъ; когда вздумали, хотя намеками, указывать на солидарность понтифексовъ съ представителями обскурантизма,—солидарность, не стѣснявшаяся никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Надобно знать, что въ самомъ началѣ, когда понтифексы замѣтили подростающую новую силу, они старались всѣми силами завлечь ее въ свой лагерь: они подобострастно заискивали у молодежи, прельщая ее надеждами на хорошее будущее; они старались доказывать молодежи на дѣлѣ свою силу и власть въ сферѣ администраціи, и, въ тяжелую минуту начинавшагося кризиса, даже исхлопотали, во вредъ своимъ прежнимъ кумирамъ-міроѣдамъ, жалованье молодымъ раввинистамъ, представляя на видъ администраціи необходимость поддерживать молодежь въ борьбѣ съ обществомъ; однимъ словомъ, понтифексы готовы были на какія-угодно жертвы, лишь-бы молодежь не посягнула на ихъ утвердившуюся годами монополію, не выводила на свѣтъ божій ихъ продѣлокъ, очевидно шедшихъ въ разрѣзъ со всѣми идеями правительства относительно образованія евреевъ. Міроѣды всегда имѣли въ этихъ понтифексахъ услужливыхъ друзей, которые поддерживали въ администраціи довѣріе къ существующимъ и созданнымъ внѣшними условіями учрежденіямъ евреевъ, освященныхъ также закономъ; понтифексы же всегда имѣли въ міроѣдахъ громкихъ глашатаевъ ихъ безкорыстной службы на пользу общую, и такимъ образомъ они другъ друга поддерживали. Молодежь-же, къ удивленію понтифексовъ и міроѣдовъ, неутомимо шла своею дорогою, безпощадно бичуя и тѣхъ и другихъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Было время, когда одинъ изъ понтифексовъ возбудилъ довѣрчивую администрацію противъ одного изъ молодыхъ раввинистовъ, возъимѣвшаго смѣлость разъ заговорить въ оффиціальной бумагѣ о недозволенномъ пропускѣ запрещенныхъ къ изданію книгъ, имѣющихъ вредное вліяніе на образованіе евреевъ. Понтифексъ maximus разсвирѣпѣлъ: онъ усмотрѣлъ въ этомъ шагѣ молодежи явное намѣреніе возмутить на старости лѣтъ его спокойствіе, именно тогда, когда, усѣянный кругомъ лаврами, онъ уже собирался на нихъ почивать. Въ это время всѣ понтифексы, поддерживаемые міроѣдами, запѣли общимъ хоромъ о безконечномъ вредѣ, какой наноситъ институтъ еврейскихъ училищъ сліянію евреевъ съ общимъ населеніемъ; та-же самая молодежь, о поддержкѣ которой понтифексы прежде хлопотали предъ правительствомъ, сдѣлалась зараженною радикализмомъ; тѣже самыя училища, учрежденіе которыхъ прежде признавалось полезнымъ въ видахъ сліянія евреевъ съ общимъ, кореннымъ населеніемъ страны, превратились въ центры распространенія радикализма и нигилизма, — однимъ словомъ не щадили красокъ для созданія такого политическаго пугала, которое слѣдуетъ уничтожить, не задумавшись ни на минуту. Міроѣды-же поддерживали фальшивыя ноты понтифексовъ: пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ и вращаясь въ разныхъ административныхъ сферахъ, они, будто ненарокомъ, высказывались совершенно согласно съ взглядами понтифексовъ. Администрація, такимъ образомъ, имѣла случай убѣждаться въ томъ, что воззрѣнія понтифексовъ основаны на глубокомъ изученіи потребностей еврейской жизни, потому что

міроѣды разсматривались какъ представители еврейства, какъ защитники дѣйствительныхъ его интересовъ. Вотъ почему опора понтифексовъ сдѣлалась такою твердою, вотъ почему необходимы были такія усилія, чтобы подкопаться подъ эти двойныя основы. Мы помнимъ, что когда гамлетовскій вопросъ о еврейскихъ училищахъ переданъ былъ на обсужденіе особыхъ коммисій при попечителяхъ учебныхъ округовъ, одинъ понтифексъ посвятилъ первое засѣданіе доказательствамъ тому, что въ раввинскихъ училищахъ сильно развитъ нигилизмъ. Такъ какъ это слово въ то время страшно пугало всѣхъ, то нужно было доказывать, что раввинисты заражены нигилизмомъ. Составъ коммисіи былъ таковъ, что члены его изъ устъ понтифекса впервые знакомились съ этимъ вопросомъ. Ученый старецъ, возсѣдавшій отъ лица евреевъ, человѣкъ, который лѣтъ пятьдесятъ уже какъ не интересовался ничѣмъ болѣе, кромѣ часто употребляемой табакерки, не слышалъ совсѣмъ о нигилизмѣ, не зналъ даже объ отцахъ и дѣтяхъ Тургенева и не зналъ кто такой самъ Тургеневъ. Ничего не отвѣчая противъ этой рѣчи, которая, конечно, убѣдила всѣхъ членовъ во вредѣ, распространяемомъ раввинскими училищами не только въ средѣ еврейскаго, но и русскаго общества, ученый старецъ послѣ засѣданія могъ только предложить раввинистамъ совершенно новый для него вопросъ: „aber sagen sie mir gütigst, was ist das für ein Nihilism?“ Раввинская молодежь постаралась о томъ, чтобы допустили въ коммисію одного изъ своихъ членовъ, который могъ-бы высказываться въ направленіи, противоположномъ направленію понтифекса, по правилу: „audiatur et altera pars“. Но понтифексъ, явившись въ залу засѣданій коммисіи и замѣтивъ допущеннаго къ засѣданіямъ раввиниста, вѣжливо извинился предъ предсѣдателемъ въ томъ, что онъ болѣе засѣдать не можетъ, и удалился. Но на слѣдующемъ засѣданіи явился одинъ изъ міроѣдовъ для поддержанія взглядовъ понтифекса. Вотъ до чего доходила эта солидарность понтифексовъ съ міроѣдами. И посреди этихъ двухъ силъ, одаренныхъ матеріальною и оффиціальною властію, должны были стоять молодые раввинисты, на которыхъ администрація смотрѣла какъ на радикаловъ, міроѣды—какъ на отщепенцевъ, а понтифексы—какъ на инсинуаторовъ. Масса-же евреевъ относилась къ нимъ сочувственно, особенно въ то время, когда раввинисты устроивали субботнія

школы и открыли въ нихъ доступъ всякому возрасту; когда въ эти школы, содержимыя на собственныя средства молодежи, стекались со всѣхъ сторонъ для обученія русской грамотѣ и предметамъ еврейской вѣры. Понтифексы съ ужасомъ смотрѣли на прцвѣтаніе этихъ школъ, въ которыхъ попадались и бородатые евреи, приходившіе по субботамъ слушать изъ устъ раввинистовъ переводы своихъ религіозныхъ книгъ, а по средамъ обучаться русскому чтенію и письму. Понтифексы съ завистью взирали на то, что нѣкоторые изъ слушателей успѣвали въ теченіи года научиться русской и нѣмецкой грамотѣ и вступали затѣмъ въ мѣстныя купеческія конторы; міроѣды-же еще болѣе удивлялись тому, что къ нимъ не обращаются за пожертвованіями,—и вкупѣ они чернили заведенія раввинистовъ въ глазахъ общества и начальства, между тѣмъ какъ масса всѣмъ и каждому указывала на молодежь, какъ на своихъ благодѣтелей. Понтифексы и міроѣды дѣлали, однимъ словомъ, все, что только было въ ихъ силахъ для того, чтобы подорвать авторитетъ молодежи въ глазахъ общества и довѣріе къ ней со стороны начальства: отчасти имъ это удавалось; отчасти-же сами попадались такъ, что и не рады были. Борьба эта породила много распрей, но она имѣла и хорошія стороны: она возбуждала молодежь къ дѣятельности, которая приносила свою долю пользы дѣлу образованія евреевъ: въ этомъ, можетъ быть, заключается единственная заслуга понтифексовъ и міроѣдовъ.

Вопросъ о раввинскихъ училищахъ—очень долго занималъ и теперь занимаетъ правительство, общество и литературу. Правительство смотрѣло на нихъ какъ на проводники своихъ идей въ среду еврейскихъ обществъ и очень многаго ожидало отъ лучшаго устройства чрезъ ихъ посредство управленія духовными дѣлами евреевъ; однимъ словомъ, съ правительственной точки зрѣнія, раввинскія училища считались орудіемъ исправленія евреевъ въ семейно-гражданскомъ и административномъ отношеніяхъ. Стремленія-же общества состояли совсѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ. Одна часть еврейскаго общества смотрѣла на самое существованіе этихъ училищъ какъ на уступку желаніямъ правительства, о которыхъ она въ періодъ ихъ возникновенія имѣла очень смутное понятіе; какъ на учрежденія, которыя, судя по началу, не долж-

ны были коснуться ея общественной жизни, а только тѣхъ бѣдныхъ семействъ, которыя изъявляли желанiе посылать туда своихъ дѣтей. Другая часть еврейскаго общества, такъ называемые друзья новаго просвѣщенiя, смотрѣла на эти учрежденiя какъ на святое дѣло: они полагали, что изъ раввинскихъ училищъ, не сегодня, такъ завтра, появится русскiй Мендельсонъ, который произведетъ глубокую реформу въ общественной жизни евреевъ, въ духѣ и направленiи ново-германской еврейской школы. Литература выражала надежды, что въ этихъ училищахъ начнется возрожденiе еврейской науки въ русскомъ, самостоятельномъ духѣ, что эта наука, ознакомивъ русское общество съ различными отраслями еврейскаго вѣдѣнiя и раскрывая предъ нимъ осмысленное содержанiе памятниковъ древней еврейской литературы, тѣмъ самымъ положитъ конецъ существующей къ евреямъ и ихъ литературѣ враждѣ, т. е. что еврейская наука въ Россiи сдѣлаетъ тоже самое, что сдѣлала она на западѣ Европы, и такимъ образомъ выполнитъ свою задачу.

Всѣ эти разнообразныя стремленiя и ожиданiя не оправдались. Правительство поставило себя въ такое альтернативное положенiе, изъ котораго выхода не было и не могло быть. Съ одной стороны оно имѣло въ виду построить на лучшихъ началахъ административное управленiе духовными дѣлами евреевъ, а съ другой желало вмѣстѣ съ тѣмъ создать изъ раввиновъ такiе органы, при помощи которыхъ религiя евреевъ удобно могла-бы употребляться орудiемъ ихъ исправленiя. Правительство имѣло, такимъ образомъ, въ виду соединить въ будущемъ раввинѣ, въ одно и то же время, и лицо административное и духовнаго представителя евреевъ, который обязанъ руководствоваться, при отправленiи этой послѣдней своей миссiи, не сложившимися изъ вѣка у евреевъ религiозными убѣжденiями, а соображенiями напускными, привитыми ему извнѣ. Вначалѣ правительство рѣшилось идти твердыми шагами къ достиженiю своей цѣли. Зная, что раввинъ, по предначертанному выше плану, долженъ стоять внѣ зависимости евреевъ, правительство въ уставѣ о раввинскихъ училищахъ допускаетъ назначенiе раввиновъ отъ правительства и каждый разъ расширяетъ все болѣе и болѣе права воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, какъ во время пребыванiя ихъ тамъ, такъ и по окончаiи въ нихъ курса наукъ,—такъ что права, предоттавленныя раввинскимъ училищамъ, принимали характеръ привилегiй, въ сравненiи съ правами общихъ заведенiй имперiи. Вмѣстѣ съ этимъ воспитанники раввинскихъ училищъ начали смотрѣть на себя, еще въ стѣнахъ училищныхъ, какъ на будущiе органы правительства, которое будетъ поддерживать ихъ въ борьбѣ съ еврейскими обществами. Особую сильную опору они имѣли въ правѣ назначенiя ихъ раввинами отъ правительства. Этотъ наивный, лишенный всякой практической силы, взглядъ раввинистовъ на свое будущее призванiе пагубно дѣйствовалъ на ихъ образъ мыслей въ отношенiи къ ихъ единовѣрцамъ и мало по малу подготовлялъ натянутость отношенiй между ними и еврейскими обществами. Слово „борьба“ не сходило съ устъ раввиниста, который уже заранѣе воображалъ себя миссiонеромъ, поддерживаемымъ правительствомъ въ будущей борьбѣ съ его упорными единовѣрцами. Еврейскiя общества не могли быть равнодушными къ подобнымъ взглядамъ и конечно не могли оправдывать такихъ открытыхъ стремленiй со стороны раввинистовъ, — и такимъ образомъ, еще до оставленiя училищнаго порога, война уже была объявлена. При этомъ надобно указать еще на то, что, питая такiя идеальныя понятiя о будущей своей дѣятельности, раввинисты открыто нарушали также обряды своей вѣры, которые въ глазахъ еврейскихъ общнствъ считались священными. Еврейскiя общества, имѣя основанiе полагать, что, съ назначенiемъ раввиновъ прямо отъ правительства, безъ участiя съ ихъ стороны въ выборѣ, взгляды и стремленiя раввинистовъ могутъ оказаться въ высшей степени вредными съ приложенiемъ ихъ къ жизни,—тѣмъ болѣе, что прерогативы раввинистовъ были довольно широкiя, — заранѣе приготовлялись къ будущей борьбѣ. Между тѣмъ съ теченiемъ времени, когда раввинисты осуществленiя правительственныхъ идей въ дѣлѣ преобразованiя быта евреевъ сошли съ своего поприща, когда всѣ начала, легшiя въ основанiе новаго дѣла, еще не выступившаго въ жизнь, рушились, какъ мы видѣли, одно за другимъ, разрушились вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ надежды раввинистовъ. Права ихъ мало по малу начали ограничиваться, и вмѣсто назначенiя отъ правительства, раввины, по закону, должны были подлежать выбору общества. Прежде равви-

нистъ былъ, по окончаніи курса, свободенъ отъ рекрутства и долженъ былъ назначаться на раввинскую должность отъ правительства, а потомъ онъ не только подлежалъ выбору общества, но былъ отданъ ему въ произвольное распоряженіе: въ случаѣ забаллатированія обществомъ раввина, онъ долженъ былъ, оставшись безъ службы, подлежать рекрутской повинности, если не пользовался свободою отъ нея по своему состоянію. Роли, слѣдовательно, перемѣнились: прежній громовержецъ—раввинистъ сдѣлался смирнѣе агнца, а общества еврейскія стали пользоваться своею властію и подчасъ даже относились съ насмѣшкою къ раввинистамъ, приглашая ихъ, во вниманіе къ ихъ успѣхамъ въ наукахъ, на должность съ назначеніемъ 30 рублей жалованья въ годъ (фактъ, взятый изъ дѣйствительной жизни). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей было то, что лучшіе, наиболѣе способные раввинисты, не желавшіе совершенно уничтожить своей личности, должны были оставить свое поприще, переходя въ университеты, и уступить поле битвы своимъ менѣе развитымъ товарищамъ. Эти-же послѣдніе, приглядѣвшись поближе къ грозной дѣйствительности, должны были разбить въ прахъ всѣ свои прежніе идеалы и примириться съ окружающею средою. Прежніе апостолы административныхъ реформъ не произвели никакихъ существенныхъ измѣненій и только унизили званіе ряввина. Пренебреженіе, съ которымъ еврейскія общества относились къ оффиціальнымъ раввинамъ, имѣло свое основаніе еще и въ слѣдующемъ. Отказавшись отъ основнаго начала независимости раввинской должности, правительство, если желало быть послѣдовательнымъ, должно было вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ всѣхъ другихъ своихъ плановъ въ томъ-же дѣлѣ: должно было передать всю раввинскую администрацію въ руки старыхъ раввиновъ, или, въ видахъ устроенія лучшаго порядка, въ руки обыкновенныхъ чиновниковъ, предоставивъ евреямъ въ дѣлахъ вѣры обращаться къ своимъ духовнымъ раввинамъ. Но правительство, отрекшись отъ исполненія одной части своихъ намѣреній, удержало во всей цѣлости все остальное, сохранивъ за казеннымъ раввиномъ и званіе администратора и званіе духовнаго лица. Это двоякое назначеніе раввина, переданнаго въ руки обществу, привело къ такой аномаліи въ духовно-общественной жизни евреевъ, которая рѣзко

бросается въ глаза всякому, болѣе или менѣе посвященному въ эту жизнь, и не можетъ не убѣдить въ совершенной безцѣльности раввинскаго института въ настоящемъ его видѣ. Хотя по закону раввинъ считается толкователемъ еврейскаго вѣроученія, но въ этомъ отношеніи евреи питаютъ весьма мало довѣрія къ оффиціальнымъ раввинамъ и вовсе не обращаются къ нимъ за разрѣшеніемъ недоумѣній своихъ въ дѣлахъ вѣры, и, чувствуя, однако, въ послѣднемъ насущную потребность, избираютъ себѣ духовное лицо, болѣе или менѣе удовлетворяющее своему назначенію. Такимъ образомъ обязательная для раввина по закону дѣятельность фактически раздвояется на двѣ части: на административную практику казеннаго раввина и на духовную практику общественнаго раввина. Съ первою въ глазахъ общества соединяется понятіе чиновничества и фиска, а со второю понятіе религіознаго представительства, а потому, само собою разумѣется, что второе званіе пользуется у евреевъ высокимъ уваженіемъ, а первое никакимъ. Такимъ образомъ въ каждомъ обществѣ конкурируютъ какъ-бы двѣ силы—правительственная и общественная, изъ которыхъ первая по неволѣ уступаетъ послѣдней. При такомъ порядкѣ вещей цѣль закона не достигается, а роняется только правительственный авторитетъ въ лицѣ казеннаго раввина. И въ самомъ дѣлѣ роль послѣдняго въ высшей степени жалкая, потому что она и двойственна и двусмысленна. Законная власть повидимому сосредоточена въ рукахъ казеннаго раввина, и по своему желанію онъ можетъ уничтожить всякое дѣйствіе духовнаго раввина и даже его самого, потому что рядомъ съ казеннымъ раввиномъ законъ не допускаетъ никакихъ другихъ; но власть общественная заставляетъ его не только молчаливо признавать духовнаго раввина, но и вполнѣ подчиниться его авторитету, такъ что по формѣ раввинъ представляетъ обѣ власти: и общественную и правительственную, а по содержанію онъ не представляетъ ни той, ни другой, и является однимъ изъ печальныхъ анахронизмовъ своего времени.

Изъ этого, сложившагося силою обстоятельствъ, порядка вещей проистекали всѣ недоразумѣнія между раввинистами и еврейскими обществами. Первые, не забывая все таки первоначальныхъ намѣреній правительства, въ жалобахъ своихъ указывали на то, что

оно должно явить себя сильнымъ, поддерживать своихъ адептовъ, которые, при большей или меньшей самостоятельности, могли-бы идти рука объ руку съ правительствомъ въ осуществленіи его мѣръ; что предоставленіе обществамъ права выбора раввиновъ лишаетъ послѣднихъ всякой возможности оправдать довѣріе правительства, что еврейскія общества злоупотребляютъ правомъ выбора, останавливаясь при выборахъ только на такихъ раввинскихъ кандидатахъ, которые заранѣе отдаются имъ въ руки, большею частію на лицахъ, не получившихъ полнаго раввинскаго образованія; что если невозможно совсѣмъ лишить еврейскія общества права выбора, то сдѣлать его пожизненнымъ, или, по крайней мѣрѣ, ограничить право выбора еврейскихъ обществъ только кругомъ лицъ, получившихъ полное раввинское образованіе. Въ жалобахъ своихъ раввинскіе кандидаты, разумѣется, не скупились обнаруживать недостатки еврейскихъ обществъ, обрисовавъ ихъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ и нерѣдко преувеличивая факты, взятые изъ дѣйствительной жизни. Еврейскія-же общества смотрѣли на эти жалобы какъ на инсинуаціи, имѣющія цѣлію чернить евреевъ въ глазахъ правительства изъ-за желанія пріобрѣсть средства къ существованію, а потому они и съ своей стороны представляли на видъ правительству, что они не могутъ имѣть никакого довѣрія къ раввинскимъ кандидатамъ, которые открыто нарушаютъ обряды еврейской вѣры, въ то время, когда они должны, по уставу, сдѣлаться истолкователями ихъ религіозныхъ законовъ; что получившіе образованіе евреи не такъ преданы правительству, какъ евреи необразованные; что первые заражаются радикализмомъ германскихъ евреевъ и нерѣдко пристаютъ къ революціоннымъ элементамъ страны; между тѣмъ какъ старые, будучи воспитаны въ духѣ религіи, преданы интересамъ русскаго правительства и никогда не позволили-бы себѣ сдѣлаться врагомъ его. Въ этомъ дѣлѣ евреи имѣли сильную поддержку въ понтифексахъ. Однимъ словомъ, обѣ стороны не щадили никакихъ средствъ, лишь-бы достигнуть цѣли: пріемы въ этомъ отношеніи ничего не значили. Такъ напримѣръ, одно общество, узнавъ, что въ такомъ-то году оканчиваетъ курсъ въ раввинскомъ училищѣ воспитанникъ, посвящающій себя высшему образованію, высказываетъ начальнику губерніи желаніе имѣть этого воспитанника своимъ раввиномъ, такъ какъ онъ извѣстенъ ему по своему образованію и характеру. Надобно замѣтить, что во главѣ этого общества стоитъ цадикъ, который долго и упорно не допускалъ въ своемъ городѣ водвориться раввину изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ. Начальникъ губерніи пишетъ оффиціальное и весьма лестное предложеніе этому воспитаннику немедленно отправиться въ тотъ городъ для занятія раввинской должности, при чемъ заявляетъ, что образованное общество этого города желаетъ его имѣть своимъ раввиномъ, а онъ, губернаторъ, съ своей стороны употребитъ всѣ мѣры для склоненія остальнаго общества къ выбору его въ раввины. Воспитанникъ этотъ отбояривается, проситъ полицію, чтобы она не объявляла ему предложенія губернатора, указываетъ на многихъ изъ своихъ товарищей, которые уже давно окончили курсъ и ищутъ мѣстъ,—но ни что не помогаетъ: чрезъ нѣсколько времени мѣстный полиціймейстеръ получаетъ оффиціальный выговоръ за то, что онъ не позаботился водворить на раввинское мѣсто въ такомъ-то городѣ такого-то воспитанника. Полиціймейстеръ даетъ экстренный приказъ выслать изъ города воспитанника туда, гдѣ губернаторъ предлагаетъ ему сдѣлаться раввиномъ. Воспитанникъ даетъ письменное заявленіе, что онъ посвящаетъ себя университетскому образованію, что казеннокоштнымъ воспитанникамъ разрѣшеніе на вступленіе въ университетъ дается учебнымъ начальствомъ и что посему полицейское начальство не можетъ насильно сдѣлать его раввиномъ по желанію такого-то общества. Вслѣдствіе такого заявленія, губернское правленіе сдѣлало распоряженіе о томъ, чтобы исключеннаго изъ податнаго званія воспитанника за отказъ его занять должность раввина внести въ рекрутскую очередь.

Вотъ и другая сторона медали. Молодой раввинистъ, человѣкъ въ высшей степени прямой и честный, злившійся на еврейскія общества за то, что они при выборѣ не справляются о нравственныхъ достоинствахъ кандидата, получилъ, наконецъ, раввинское мѣсто въ одномъ изъ городовъ новороссійскаго края, и, какъ видно, только для того, чтобы выместить хоть на одномъ обществѣ свою злобу. Этотъ кандидатъ, правда, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ странный человѣкъ. Получивъ должность, онъ, нисколько не стѣсняясь, открыто нарушалъ обряды еврейской вѣры. Разу-

мѣется, что общество было крайне недовольно поведеніемъ своего раввина и жаловалось по начальству. Раввинъ бойко защищался, такъ что генералъ-губернаторъ не могъ не удивляться той энергіи, съ которою молодой человѣкъ боролся противъ своего общества, всѣ жалобы котораго оставлялись безъ послѣдствій. Истощивъ всѣ свои средства, общество прибѣгаетъ къ хитрости. По закону молодые раввины лично должны совершать всѣ обряды подъ строгою отвѣтственностью, и между прочимъ также обрядъ обрѣзанія, который требуетъ знанія, навыка и искусства. Ни одинъ изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, хотя они и посылаются въ послѣдній годъ такъ называемаго практическаго ученія въ разные города для изученія, подъ руководствомъ раввиновъ, практической части своей будущей должности, не знаетъ, однако, какъ совершается обрядъ обрѣзанія, такъ какъ сами раввины, къ которымъ они присылаются на практику, этого обряда не совершаютъ. И вотъ вздумало это общество, что стоитъ только пригласить своего раввина для совершенія у кого-либо обряда обрѣзанія, чтобы онъ отъ этого предложенія отказался, послѣ чего оно рѣшило составить надлежащій о томъ актъ и требовать его удаленія, какъ не удовлетворяющаго законнымъ требованіямъ раввина. Но каково-же было удивленіе общества, когда раввинъ принялъ предложеніе и объявилъ, что онъ явится для совершенія обряда. И дѣйствительно, въ день совершенія обряда раввинъ явился со всѣми необходимыми атрибутами. У родителей ребенка сердце замерло: они очень хорошо знали, что молодой раввинъ ни разу не совершалъ этого обряда, а между тѣмъ онъ такъ серьезно думаетъ исполнить свою обязанность. Прошло немного времени, и зачинщики этого приглашенія должны были выйти, наконецъ, изъ нерѣшительнаго положенія и заявить молодому раввину, что, хотя они и пригласили его для совершенія обряда, онъ все-таки долженъ уступить эту честь другому лицу, который неожиданно явился и которому общество не можетъ его предпочесть. Молодой раввинъ заявилъ, что когда рѣчь идетъ о почестяхъ, онъ ничего противъ этого желанія родителей имѣть не можетъ. Общество поняло, что раввинъ сыгралъ съ нимъ злую шутку. Дѣло кончилось тѣмъ, что генералъ-губернаторъ упросилъ частное, пользующееся вліяніемъ лицо, отправиться изъ Одессы въ тотъ городъ, для умиротворенія общества и, если возможно, для содѣйствія къ добровольному оставленію общества со стороны раввина. Это послѣднее дѣйствительно удалось, и борьбаобщества съ раввиномъ окончилась, благодаря вмѣшательству частнаго лица.

Къ характеристикѣ этихъ отношеній молодыхъ раввинистовъ къ еврейскимъ оществаиъ слѣдуетъ прибавить еще одинъ фактъ, который имѣлъ рѣшительнпе значеніе въ дѣлѣ, о которомъ мы ведемъ теперь рѣчь. Еврейское общество одного изъ городовъ западныхъ губерній, въ которомъ существуетъ раввинское училище, засыпало правительство жалобами на поведеніе молодыхъ раввинистовъ. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ жалобъ присланъ былъ изъ Петербурга въ тотъ городъ, гдѣ учреждено раввинское училище, чиновникъ для изученія на мѣстѣ всѣхъ причинъ взаимныхъ неудовольствій. Все засуетилось: рѣчь шла о существованіи или закрытіи раввинскихъ училищъ. Но никто изъ общества не рѣшался открыто заявлять свои жалобы чиновнику. Чтобы выйти изъ этого положенія, молодые раввинисты чрезъ кого-то предложили чиновнику объявить въ городѣ, что онъ будетъ принимать всякія жалобы безъ подписи, которыя могутъ быть адресуемы на его имя чрезъ городскую почту. Планъ этотъ понравился, и появились объявленія отъ имени чиновника. Раввинисты-же пронюхали, что оно думаетъ вовсе ничего не писать, а потому они порѣшили сочинять жалобы будто отъ имени общества и помѣстить въ нихъ нареканія на раввинистовъ самого невиннаго свойства, но придавать имъ серьезный характеръ. Сказано, сдѣлано. Каждый изъ раввинистовъ настрочилъ на разныхъ языкахъ жалобы, въ которыхъ излагались обвиненія раввинистовъ въ томъ, что они въ девятый день мѣсяца Аба (день разрушенія храма) носятъ сапоги, а не чулки, какъ подобаетъ благочестивому еврею; что они наканунѣ суднаго дня, по обряду своей вѣры, не бичуются; что они не бьютъ Амана погремушками и т. п. Все это выставлялось какъ нарушеніе священнѣйшихъ обрядовъ еврейскаго вѣроученія, и всѣ жалобы писались въ такомъ наивномъ тонѣ, который придавалъ имъ характеръ не только вѣроятія, но и достовѣрности. Чиновникъ, собравъ всѣ эти жалобы и узнавъ отъ представителей раввинскаго училища значеніе исчисленныхъ въ нихъ обрядовъ, не могъ не посмѣяться отъ души надъ всею надѣланною имъ

тревогою,—и говорятъ, что онъ всѣ эти бумаги отвезъ въ Петербургъ какъ диковину, надъ которою тамъ еще очень долго продолжали смѣяться въ административныхъ сферахъ.

Вотъ всѣ послѣдствія того, что правнтельство первоначально думало идти по одному пути, а затѣмъ рѣзко пошло по другому, не сдѣлавъ, однако, соотвѣтственныхъ измѣненій въ законодательствѣ. Точно также какъ еврейскія училища вообще, не получившія полнѣйшаго развитія согласно съ первоначальнымъ предначертаннымъ о нихъ планомъ, впослсдствіи не удовлетворяли своему назначенію и сдѣлались только, какъ мы разъяснили во второй статьѣ нашей, центромъ интригъ и корысти, — и раввинскія училища, имѣвшія съ самого начала цѣлію сдѣлаться орудіемъ исправленія евреевъ въ семейно-гражданскомъ отношеніи, при помощи раввиновъ, въ особенности губернскихъ, которые, какъ адепты правительства, должны были сосрадоточить въ рукахъ своихъ широкую административную и религіозную власть, должны были впослѣдствіи потерять всякое значеніе, когда правртельство измѣнило свой взглядъ на дѣло и превратило раввиновъ изъ правительственнаго въ общественное орудіе, у котораго власть осталась какъ-бы въ насмѣшку. Да не подумаютъ другіе, что мы сочувствуемъ въ этомъ отношеніи первоначальному намѣренію и плану, относительно образованія у насъ раввинскаго института: на счетъ этого мы уже достаточно ясно высказались въ нашихъ статьяхъ. Мы только приводимъ это въ подтвержденіе вѣрности той общей мысли, что, рядомъ съ измѣненіемъ основной мысли какого-либо законодатзльнаго института, необходимо произвести существенныя измѣненія и во всѣхъ соотвѣтственныхъ частяхъ законодательства для того, чтобы уничтожить аномалію, вызываемую рѣзкими противорѣчіями, которыя въ жизни не могутъ быть терпимы. Аномалія же раввинскаго института въ настоящемъ его видѣ рѣзко бросается въ глаза: юридическое полновластіе раввина никакъ не можетъ быть примиримо съ его фактичвской ничтожностью.

Вотъ къ чему свелись ожиданія правительства и консервативной части еврейскаго общества.

Въ то время, какъ правительство стремилось къ тайному пересозданію внутренняго быта еврейскихъ обществъ учрежденіемъ

раввинскихъ училищъ, друзья новаго просвѣщенія и литература ожидаетъ отъ нихъ внутронннхъ реформъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Они полагали, что раввинскія училища сдѣлаются центромъ научнаго образованія, что они будутъ образовать людей ученыхъ, которые съ одной стороны станутъ просвѣщать умъ своихъ единовѣрцевъ на почвѣ еврейскихъ-же источниковъ, а съ другой — содѣйствовать развитію въ нашемъ отечествѣ еврейской науки въ русскомъ духѣ, которая могла-бы оказать свою пользу какъ наукѣ всеобщей, какъ нераздѣльная ея тасть, такъ и русскому обществу и русской литературѣ, которыя до сихъ поръ, къ сожалѣнію, имѣютъ превратное понятіе объ исторической и современной жизни евреевъ. Въ западной Европѣ эта еврейская наука возъимѣла то вліяніе на христіанское общество, что оно выяснило себѣ нѣкоторые историческіе и современные вопросы еврейской жизни до того, что они перестали уже быть вопросами, а стали опредѣлившимися явленіями, всѣмъ понятными. Между тѣмъ у насъ такъ назыпаемые представители печати обладающіе, къ стыду нашему, еще научнымъ образованіемъ, имѣютъ самое смутное понятіе о вещахъ, недопускающихъ болѣе въ Европѣ, даже въ массѣ, никакого сомнѣнія: у насъ не только даютъ вѣры разнымъ бреднямъ литературщиковъ - шарлатановъ, не только смѣшиваютъ явленія исторической жизни съ явленіями жисни современной, не только обобщаютъ, пользуясь невѣжествомъ круга своихъ читателей, такіе факты, которые бросаются въ глаза своею индивидуальностію, — но, прискорбно сказать, вѣруютъ еще въ употребленіе евреями христіанской крови, и высказываютъ у насъ свои вѣрованія въ печати,—кто-бы вы думали,—такіе ученые профессора, какъ Виталій Яковлевичъ Шульгинъ и др. ему подобные. Вся эта фаланга писателей и ученыхъ замолкла-бы, когда она не могла-бы болѣе расчитывать на невѣжество своихъ читателей; когда-бы многія явленія исторической и современной жизни евреевъ сдѣлались-бы столько же популярными въ русскомъ обществѣ, сколько въ западно-европейскомъ христіанскомъ обществѣ; когда шарлатанизмъ могъ-бы сдѣлаться насквозь прозрачнымъ со всѣми своими корыстными цѣлями и темными побужденіями. Все это могло-бы, конечно, наступить тогда, когда образовался бы особый классъ, который посвятилъ-бы себя спеціальному изученію еврейской исто-

ріи, еврейской науки и еврейскаго вопроса. У насъ еще далеко то время, чтобы русскіе взялись за это дѣло безъ предвзятой мысли—докапываться до злоупотребленій еврейской подпольной республики: у насъ, напротивъ, многіе полурусскіе, полуеврейскіе публицисты, пользуясь обстоятельствами и настроеніемъ времени, пробиваютъ себѣ карьеру на еврейскомъ вопросѣ и находятъ себѣ подражателей. Слѣдовательно, необходимо, чтобы этотъ классъ спеціалистовъ по еврейской наукѣ образовался изъ евреевъ-же; но для этого необходимо также, чтобы наука сдѣлалась ихъ профессіею; необходимо, чтобы образовались извѣстныя направленія съ достойными представителями во главѣ, какъ это въ настоящее время мы замѣчаемъ въ средѣ евреевъ западной Европы. Только такіе люди имѣютъ возможность всецѣло предаваться своей наукѣ и всесторонне ее изучать; только такіе люди пріобрѣтаютъ вѣсъ въ обществѣ и литературѣ и могутъ затѣмъ пользоваться своимъ авторитетомъ, какъ относительно введенія внутреннихъ реформъ, такъ и относительно компетентности своей въ разрѣшеніи возбужденныхъ въ литературѣ вопросовъ. Очевидное дѣло, что у насъ этотъ классъ людей могъ-бы выйти только изъ раввинскихъ, какъ спеціально-еврейскихъ училищъ, точно также, какъ всѣ почти ученые евреи западной Европы вышли изъ раввинскихъ семинарій. Отчего-же этого у насъ не случилось и случиться не могло?

Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны указать на то, что, какъ видно изъ предъидущихъ статей нашихъ, правительство наше, вслѣдствіе неправильнаго пониманіа Уваровымъ значенія талмуда, пуще всего опасалось спеціальнаго изученія его въ еврейскихъ училищахъ, какъ непосредственнаго источника еврейскаго лжеученія; но не желая съ другой стороны явно выступить противъ евреевъ совершеннымъ исключеніемъ талмуда изъ числа предметовъ преподаванія, оно, до замѣны его катехизисомъ и этого послѣдняго извѣстными произведеніями г. Мандельштамма, оставило въ раввинскихъ училищахъ, какъ выражается Уваровъ, для виду, только тѣ трактаты талмуда, которые не представляютъ никакого, ни научнаго, ни практическаго интереса, каковы напримѣръ трактаты о яйцѣ, о менструаціи, о благословеніяхъ и т. п. Между тѣмъ талмудъ составляетъ главный источникъ еврейской науки, и устраненіемъ лучшихъ трактатовъ, обнимающихъ не религіозную, а бытоправовую жизнь евреевъ, правительство преградило раввинистамъ путь въ стѣнахъ училища заинтересоваться изученіемъ исторической жизни своего народа по непосредственнымъ ея источникамъ и этимъ самымъ уничтожило въ самомъ началѣ зародышъ науки. Но эта ошибка легко могла-бы быть поправима осуществленіемъ другаго плана правительства, которое вначалѣ, какъ мы видѣли изъ перваго періода образованія русскихъ евреевъ, имѣло въ виду пригласить къ намъ въ преподаватели представителей еврейской науки въ западной Европѣ. Эти люди, изъ любви къ своему предмету, сдѣлали-бы для воспитанниковъ раввинскихъ училищъ доступнымъ весь матеріалъ, содержащійся въ другихъ, неразрѣшенныхъ, но и не запрещенныхъ къ преподаванію частей талмуда; они могли-бы также знакомить воспитанниковъ съ обширною литературою и изслѣдованіями еврейской науки, о которыхъ по настоящее время и понятія не имѣютъ въ раввинскихъ училищахъ. Но сама судьба какъ будто препятствовала осуществленію этого плана правительства, которрый былъ пріостановленъ какъ разъ въ то время, какъ цѣлое множество германскихъ ученыхъ, взбудораженныхъ приглашеніемъ д-ра Лиліенталя, сдѣланнымъ отъ имени русскаго правительства, уже готово было переселиться къ намъ, съ цѣлію просвѣщенія нашихъ единовѣрцевъ въ германскомъ духѣ. Какъ можно догадываться изъ матеріаловъ, собранныхъ нами въ предыдущихъ статьяхъ, остановкѣ этой во многомъ содѣйствовалъ 1848 годъ и главнымъ образомъ опасеніе, внушенное затѣмъ правительству, указаніями на радикализмъ, которымъ отличаются еврейско-германскіе ученые и еврейско-германская наука. Но какъ-бы то ни было, правительство осталось бнзъ научныхъ представителей и должно было остановиться на тѣхъ немногихъ друзьяхъ новаго просвѣщенія, которые были рекомендованы ему докторомъ Лиліенталемъ. Но эти „друзья“, о которыхъ можно сказать только то, что у нихъ были прекрасныя, но не легко осуществимыя намѣренія, не обладали научнымъ образованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Ихъ образованіе, которое они, какъ трудолюбивыя пчелы, собирали на чердакахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, не отличалось никакою систематичностью и носило на себѣ отпечатокъ случайности. И въ самомъ дѣлѣ, въ то далекое и темное

время, къ которому относится ихъ дѣятельность, они не могли обладать тѣми образовательными средствами, которыя въ состояніи развить въ человѣкѣ самостоятельный взглядъ на образованіе и науку. Независимо отъ этого, средства сообщенія съ западною Европою были весьма скудны, и при господствовавшихъ въ то время условіяхъ цензуры едва-ли можно было и думать о полученіи заграничныхъ ученыхъ трудовъ. Тайный-же провозъ былъ вообще затруднителенъ, и во вторыхъ, тѣ немногіе купцы, которые ѣздили тогда за границу, находились подъ вліяніемъ господствовавшей тогда романтической литературы Германіи и были весьма рады, когда успѣвали привести для взрослыхъ дѣтей своихъ соч. Шиллера, Виланда и друг. Откуда-же было друзьямъ новаго просвѣщенія черпать матеріалы для самостоятельнаго или даже несамостоятельнаго развитія еврейской науки? Между тѣмъ они были поставлены во главѣ заведенія, которое стоитъ выше средняго учебнаго заведенія. Неестественность ихъ положенія успѣла обнаружиться, какъ только воспитанники стали переходить въ высшіе классы, т. е. когда они, достаточно развившись подъ вліяніемъ общаго, систематическаго образованія, стали замѣчать всѣ прорѣхи въ системѣ преподаванія своихъ учителей, которая въ сущности, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пріемовъ, не отличалась отъ старой, давно забытой ими системы обученія. Обладая громаднымъ фактическимъ знаніемъ талмуда и другихъ источниковъ раввинской литературы, которое ставитъ ихъ гораздо выше заграничныхъ ученыхъ, они, при недостаткѣ общаго научнаго образованія, лишены были возможности взяться за обработку цѣлой массы матеріаловъ, которые всегда находились у нихъ подъ рукою. Замѣняя всякіе словари и представляя собою живые архивы древней письменности, преподаватели эти становятся безсильными, когда заговорите съ ними о какомъ-нибудь общемъ, выработанномъ тою или другою наукою началѣ и пожелаете узнать, каковымъ это же начало представляется по ученію еврейскихъ источниковъ. Это происходитъ отъ того, что они не изучили ни одной науки, вопросы которой заинтересовали бы ихъ съ научной точки зрѣнія и подталкивали-бы ихъ къ сравнительному изученію. Въ этомъ отношеніи они похожи на постоянныхъ обитателей живописныхъ мѣстъ южной природы, которые свыклись съ мертвымъ матеріаломъ и не замѣчаютъ, какъ онъ приводитъ въ восторгъ провожаемыхъ ими-же путешественниковъ. При такой системѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы воспитанники почувствовали наклонность къ изученію невѣдомой для нихъ науки, и лишь съ пріобрѣтеніемъ высшаго образованія они останавливаются надъ нѣкоторыми фактами, изложенными въ памятникахъ еврейской письменности, и задаютъ себѣ вопросъ: неужели никто изъ еврейскихъ ученыхъ не изслѣдовалъ этого матеріала? Доискиваясь въ общихъ сочиненіяхъ, трактующихъ подчасъ о различныхъ отрасляхъ еврейской науки, отвѣта на сказанный вопросъ, воспитанники раввинскихъ училищъ ощупью, уже въ стѣнахъ университета открываютъ обширную, невѣдомую имъ дотолѣ литературу по еврейской наукѣ, и только удивляются тому, что въ раввинскихъ училищахъ или тщательно отъ нихъ скрывали эту область еврейскаго вѣдѣнія, или воспитатели сами не знали о ея существованіи. Въ представители этихъ раввинскихъ училищъ, которые по закону обязаны руководить преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ и которыхъ всего два, можно было-бы назначить людей, извѣстныхъ своими изслѣдованіями въ еврейской наукѣ, которые могли-бы пробудить научное сознаніе воспитанниковъ и указать имъ на будущее свое призваніе; но, къ сожалѣнію, у насъ инспекторами раввинскихъ училищъ бываютъ или прославленные поэты, или еще болѣе прославленные астрономы, которые съ еврейскою наукою, съ вопросами, ею разработанными, не имѣютъ ничего общаго. Между тѣмъ воспитанники-раввинисты проводятъ въ стѣнахъ училища десять лѣтъ, и въ послѣдніе три года исключительно посвящаютъ себя изученію еврейскихъ предметовъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, воспитанники, способные въ большей своей части къ слушанію лекцій по высшему образованію, могли-бы познакомиться поближе съ наукою, имѣющею для нихъ весьма важное значеніе, могли-бы обработать въ русскомъ духѣ нѣкоторыя отдѣльныя ея части; могли-бы доставить вспомогательныя учебныя средства высшимъ заведеніямъ по тѣмъ частямъ еврейской науки, которыя составляютъ особый отдѣлъ разныхъ общихъ наукъ, какъ напр. отдѣлъ еврейскаго права въ энциклопедіи законовѣдѣнія. Какъ извѣстно, наши профессора черпаютъ матеріалъ по этому отдѣлу или изъ ино-

странныхъ энциклопедій законовѣдѣнія, или-же изъ энциклопедическихъ сочиненій иностранныхъ еврейскихъ писателей. Но въ первомъ случаѣ они сами получаютъ скудныя понятія объ этомъ отдѣлѣ и въ томъ-же видѣ передаютъ ихъ своимъ слушателямъ, которые составляютъ себѣ о еврейскомъ правѣ такое-же понятіе, какъ о всякомъ другомъ восточномъ законодательствѣ, тогда какъ оно можетъ выдержать конкуренцію съ римскимъ правомъ и нѣкоторыми европейскими законодательствами. Въ другомъ-же случаѣ, который составляетъ уже рѣдкость, профессора наши болѣе подробно ознакамливаются съ догматическою частію еврейскаго права, но остаются при незнаніи теоріи этого права и самостоятельно разработанныхъ взглядовъ на нѣкоторые вопросы, находящихся въ сочиненіяхъ извѣстныхъ еврейскихъ ученыхъ, занимавшихся также сравнительнымъ изученіемъ юриспруденціи. Кромѣ того, въ теченіе этого періода времени воспитанники имѣли-бы возможность содѣйствовать своими трудами къ восполненію одного изъ весьма важныхъ пробѣловъ въ нашемъ законодательствѣ, о брако-разводныхъ дѣлахъ евреевъ, о практическомъ значеніи которыхъ мы говорили уже подробнѣе въ первой части настоящей статьи. Все это дѣлается заграницей воспитанниками раввинскихъ семинарій, изъ которыхъ многіе пріобрѣли себѣ громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Этимъ объясняется и то, что иностранные раввины, какъ ученые, пріобрѣли себѣ вліяніе на еврейскія общества не только тѣхъ городовъ, въ которыхъ они находятся, но и на другія общества. Между тѣмъ какъ у насъ раввинъ, пользующійся уваженіемъ общества, составляетъ счастливое и рѣдкое исключеніе. По общему-же правилу званіе раввина унижено, потому что не замѣтно между ними никакой дѣятельности, не только научной, но и практической, которая была-бы направлена на изученіе вопросовъ своей-же практики, требующихъ безотлогательнаго разрѣшенія, приводящихъ всѣхъ раввиновъ въ столкновеніе съ различными административными и судебными властями и дающихъ начало многимъ гражданскимъ и уголовнымъ процессамъ. Къ этому-же положенію привело раввинскія училища именно то, что во главѣ ихъ поставлены были люди, которые не были достаточно подготовлены къ тому, чтобы съ самаго начала дать направленіе преподаванію еврейскихъ пред-

метовъ въ указанномъ нами смыслѣ. Вотъ почему мы полагаемъ, что лучше было-бы уже, при недостаткѣ у насъ людей съ научнымъ образованіемъ, пригласить въ учители заграничныхъ ученыхъ, которые перенесли-бы къ намъ духъ и направленіе науки, а форму могли-бы уже дать ей воспитанники раввинскихъ училищъ, получившихъ общее образованіе въ размѣрѣ гимназическаго курса.

Но, независимо отъ всего изложеннаго нами, положеніе, въ которое поставлены были у насъ молодые раввины, имѣло своимъ послѣдствіемъ еще и другое зло, тормозящее развитіе раввинскаго вопроса въ Россіи. Дѣло въ томъ, что первенствующія въ Россіи общества, Одесское и Петербургское, не желали имѣть своими представителями воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, обратились къ иностраннымъ евреямъ, которые взялись за дѣло, не зная ни административныхъ условій, ни бытовой жизни русскихъ евреевъ и ихъ насущныхъ потребностей. Сверхъ того, люди, попавшіе на эти должности, не ознаменовали себя ничѣмъ въ еврейской наукѣ и остались поэтому безъ всякаго вліянія на еврейскую молодежь и на образованный классъ евреевъ, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго. Петербугское общество по крайней мѣрѣ начало свое дѣло безъ шуму. Не то было съ Одессой: торжество было неописанное. Городъ ликовалъ; раввину приготовили все, что только возможно было, и для встрѣчи его снарядили даже цѣлую депутацію изъ почтенныхъ представителей германскаго элемента. При всеобщемъ энтузіазмѣ никто и не смѣлъ заикнуться о томъ, что конецъ не будетъ соотвѣтствовать началу. Между тѣмъ эти два исключенія въ самомъ началѣ возникновенія раввинскаго института оказывали въ высшей степени вредное на него вліяніе, потому что всѣ прочія общества, не имѣя средствъ на приглашеніе иностраннаго раввина, смотрѣли на своихъ какъ на необходимое зло, навязанное имъ правительстомъ. Взоры всѣхъ были устремлены ни Петербургъ и Одессу,—и всѣ даже думали, что эти два иностранныхъ раввина будутъ руководить своимъ примѣромъ всѣхъ прочихъ раввиновъ, и нѣкоторые изъ раввинистовъ на первое время даже считали себѣ за честь состоять при нихъ на практикѣ. Лишь нѣкоторые, болѣе самостоятельные раввинисты не увлекались общимъ потокомъ и предсказывали всѣ неблаго-

пріятные результаты безотчетнаго энтузіазма Петербуржцевъ *) и Одесситовъ. И на самомъ дѣлѣ, Петербургское раввинство ничѣмъ не отличается отъ Бердичевскаго и Нижегородскаго, а Одесское обнаружило такую безтактность, которая съ одной стороны вызвала въ русской печати сѣтованія на то, что всесокрушающій Одесскій кагалъ въ лицѣ своего раввина желаетъ ввести въ русскомъ судѣ еврейское законодательство, а съ другой—поселила раздоръ между обществомъ, которое, послѣ долгаго опыта, вынесло убѣжденіе въ томъ, что раввинъ-иностранцевъ, незнакомый ни съ русскимъ закономъ, ни съ условіями русско-еврейской жизни, не только не можетъ удовлетворять своему призванію, но наноситъ большой вредъ самому обществу, которое онъ представляетъ. Наконецъ, эта-же безтактность привела общество въ столковеніе съ админастраціею, которая покровительствуетъ иностранцу, ходатайствуя предъ обществомъ объ удовлетвореніи претензіи раввина на сумму 118,000 рублей, которыхъ общество не имѣетъ и давать ему не желаетъ. Деньги эти предполагаютъ получить изъ суммъ коробочнаго сбора, изъ котораго министерство не разрѣшаетъ выдачи даже жалованья ни одному изъ русскихъ раввиновъ. Общество признало свою ошибку, и самъ раввинъ также оффиціально сознался въ томъ, что онъ не удовлетворяетъ и не можетъ, удовлетворять болѣе современнымъ потребностямъ общества, и при такомъ взаимномъ сознаніи развязки однако быть не можетъ, вслѣдствіе процесса, разбирающагося административнымъ порядкомъ. Все это приведено нами для того, чтобы доказать насколько ошибки двухъ наиболѣе важныхъ еврейскихъ обществъ, безъ всякой пользы для нихъ, а отчасти даже съ очевиднымъ вредомъ, гибельно дѣйствовали на положеніе раввинскаго института въ Россіи въ періодъ его возрожденія.

*) Автвръ ощибается: на сколько намъ извѣстно, петербуржцы никогда особенно не восхищались своимъ раввиномъ. Напротивъ, недоволкиыхъ было очень много съ самаго начала; и приглашенъ онъ былъ, по общему отзыву, не потому, что ожидали чего-нибудь особеннаго отъ раввинской его дѣятельности, а совсѣмъ по другимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространиться. Замѣтимъ только, что ожиданія, вызванныя другими причинами, тоже, къ сожалѣнію, не осуществились, и послѣтствія были даже чуть-ли не противуположныя.

Издатель.

И такъ, изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что раввинской институтъ долженъ быть преобразованъ. Весь вопросъ въ томъ—на какихъ началахъ должно совершиться это преобразованіе. Мы слышали, что въ настоящее время у насъ разсматривается вопросъ о преобразованіи управленія духовными дѣлами, евреевъ, тѣсно связанный съ раввинскимъ вопросомъ, и что думаютъ положить въ основаніе этого управленія начало консисторіальное. Но намъ кажется, что если у насъ, вслѣдствіе особыхъ условій, уже есть необходимость установить контроль надъ еврейскими общинами, въ хозяйственныхъ интересахъ, предоставленныхъ, однако, самимъ себѣ; если въ государственномъ интересѣ необходимо имѣть наблюденіе надъ правильнымъ веденіемъ метрическихъ книгъ и оффиціальное представительство евреевъ предъ администраціею и судомъ, и въ этихъ видахъ удержать раввинскій институтъ, — то необходимо также привести его въ соотвѣтствіе съ этими только потребностями и стараться сообщить раввину вѣсъ въ обществѣ, не широкою законною властью, фактически обращаемою въ безсиліе, а нравственнымъ авторитетомъ. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей—оффиціальной и нравственной — необходимо съ одной стороны снять съ раввина предоставленную ему закономъ духовную власть истолкованія недоумѣній въ еврейскомъ вѣроученіи и совершенія религіозныхъ обрядовъ, а съ другой — возвысить умственный уровень раввинскихъ училищъ. Въ первомъ отношеніи необходимо съузить кругъ оффиціальныхъ обязанностей раввина, сводя ихъ къ веденію метрическихъ книгъ, приводу евреевъ къ присягѣ и сообщенію своихъ мнѣній по улучшенію административной части, подъ которою мы разумѣемъ устройство порядка управленія спеціально-раввинскою частью, равно и порядка надзора надъ управленіемъ религіозныхъ учрежденій евреевъ. Всѣ-же религіозныя обязанности, соединенныя теперь съ раввинскою должностью, слѣдуетъ предоставить лицамъ, избираемымъ въ установленномъ порядкѣ еврейскими обществами, или такъ называемымъ даіонамъ, но съ тѣмъ однако: 1) чтобы всѣ обрядовыя дѣйствія духовныхъ раввиновъ, насколько они связаны съ предварительнымъ исполненіемъ законныхъ требованій относительно брако-разводныхъ дѣлъ, узаконились бы авторитетомъ оффиціальнаго раввина, кото-

рый не имѣетъ права вмѣшиваться въ чисто-религіозную, обрядовую сторону дѣйствій духовнаго раввина; и 2) чтобы оффиціальному раввину было предоставлено право совершать и религіозные обряды, въ томъ случаѣ, когда евреи будутъ за этимъ добровольно къ нему обращаться. Условія, предлагаемыя нами, весьма важны. Прежде всего правительство, допускающее свободу въ отправлени религіозныхъ дѣлъ, въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы духовныя лица, компетентныя лишь въ отношеніи религіозной обрядности, не нарушали при этомъ положительныхъ законовъ, требованія которыхъ имъ могутъ быть неизвѣстны, и чтобы дѣйствіе духовнаго лица, совершенное въ предѣлахъ закона, получило санкцію при помощи правительственной власти для того, чтобы пріобрѣтаемыя сторонами гражданскія права были надлежащимъ образомъ утверждены. Затѣмъ, предоставленіе свободы въ отправлени религіозныхъ обрядовъ имѣетъ цѣлію устранить нравственное насиліе; но было-бы опять нисиліемъ заставить болѣе образованныхъ евреевъ, принадлежащихъ къ новому религіозному режиму, совершать надъ собою обряды только у духовнаго раввина, тогда какъ они успѣли составить себѣ объ этихъ обрядахъ болѣе свѣтлыя понятія. Вотъ почему необходимо отдѣлить правительственную власть отъ власти религіозной, подчинивъ послѣднюю первой съ одной только юридической стороны и предоставляя представителю правительственной власти права совершать и религіозные обряды по добровольному согласію обращающихся къ нему сторонъ. Построенный на этихъ началахъ раввинскій институтъ можетъ на самомъ дѣлѣ удовлетворять разнообразнымъ требованіямъ общества и правительства, не приводя ни къ какимъ рѣшительно столкновеніямъ.

Но для того, чтобы раввинъ не оставался при одной только своей административной власти и могъ имѣть также нравственное вліяніе на общество силою собственнаго своего авторитета, необходимо преобразовать раввинскія училища въ такомъ смыслѣ, чтобы они сдѣлались центрами не одного только воспитанія администраторовъ, но и центрами научнаго движенія, средоточіемъ еврейской науки. До сихъ поръ образованные евреи Россія устремляютъ свои взоры на Германію и знакомятся болѣе или менѣе съ предметами еврейскаго знанія по произведеніямъ заграничныхъ ученыхъ. Имена Іоста, Греца, Франкля, Гейгера, Іеллинека и др. громко звучатъ у насъ въ Россіи, — между тѣмъ до сихъ поръ ни одинъ изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ не пріобрѣлъ себѣ извѣстности какимъ-либо самостоятельнымъ, ученымъ трудомъ, такъ что въ настоящее время русскіе евреи переживаютъ именно тотъ періодъ времени, который отчасти уже пережитъ русскимм вообще, тотъ періодъ именно, въ которомъ у насъ не могло быть и рѣчи не только о самостоятельныхъ, но и о какихъ бы то ни было научныхъ трудахъ; когда мы должны были смотрѣть въ глаза нѣмцамъ, разводившимъ у насъ свои ученыя плантаціи. Между тѣмъ раввинскія училища съ десятилѣтнимъ курсомъ, въ которомъ три года спеціально посвящаются изученію еврейскихъ предметовъ, могли-бы у насъ сдѣлать тоже самое, что иностранныя раввинскія семинаріи, если-бы только подумали о необходимости ихъ преобразованія. Прежде всего необходимо въ преподаватели назначать людей, получившихъ высшее образованіе въ русскихъ университетахъ, преимущественно въ факультетахъ восточныхъ языковъ и юридическихъ. Такихъ должно быть по крайней мѣрѣ по два въ каждомъ раввинскомъ училищѣ, и для того, чтобы заохотить ихъ къ этой службѣ, необходимо доставить имъ мѣста директора и инспектора. Подъ руководствомъ такихъ лицъ, другіе учителя, преимущественно изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, могли-бы дать преподаванію направленіе, сходное съ направленіемъ иностранныхъ раввинскихъ семинарій. При этомъ слѣдовало бы сдѣлать для воспитанниковъ обязательнымъ составленіе, въ теченіе трехгодичнаго спеціальнаго курса, сочиненій на русскомъ языкѣ по разнымъ предметамъ еврейской науки, подъ руководствомъ своихъ учителей, а при окончаніи курса — составленіе диссертацій для полученія степени раввина, при чемъ не представляющіе диссертацій, или тѣ, которыхъ диссертаціи не одобряются совѣтомъ, получаютъ степень подраввина. Это подраздѣленіе существуетъ и теперь, но совершенно на другихъ основаніяхъ. Одобренныя диссертаціи защищаются публично. Такимъ путемъ раввинскія училища обратили-бы на себя всеобщее вниманіе и замѣнили-бы обществу потребность въ ознакомленіи себя съ изслѣдованіями еврейской науки по иностраннымъ источникамъ; сами воспитанники,

которые сдѣлались-бы такимъ образомъ болѣе или менѣе извѣстными, пріобрѣли-бы уваженіе общества и могли-бы пользоваться своимъ авторитетомъ на его же пользу. Уже одно это могло-бы имѣть большое значеніе въ патріотическомъ смыслѣ, что самостоятельные труды по близкимъ сердцу предметамъ въ русскомъ духѣ, могли-бы уничтожить въ еврейскомъ обществѣ развившуюся манію ко всему иностранному и значительно содѣйствовать обрусѣнію русскихъ евреевъ. При такомъ порядкѣ вещей раввины, мало по малу пріобрѣтая себѣ довѣріе общества и вліяя на него своимъ нравственнымъ авторитетомъ, въ состояніи были-бы конкурировать съ духовными представителями евреевъ—даіонами и современемъ совсѣмъ ихъ вытѣснить. Вотъ къ какимъ мѣрамъ слѣдуетъ перейти для того, чтобы вѣрнымъ путемъ дойти до той цѣли, къ которой стремится правительство; для того, чтобы поддержать авторитетъ его власти и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнуть лучшихъ результатовъ въ порядкѣ управленія духовными дѣлами и благотворно воздѣйствовать на еврейскія общества въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Въ заключеніе мы должны указать еще на способъ замѣнить раввинскую коммисію другимъ центральнымъ учрежденіемъ, которое имѣло-бы цѣлію единообразное примѣненіе закона въ сферѣ раввинской практики и исправленіе недостатковъ законодательства въ дѣлахъ брако-разводныхъ. Нѣтъ спору, что цѣль эта, къ которой отчасти стремится и существующая нынѣ раввинская коммисія, чрезвычайно важна, но, къ сожалѣнію, она не можетъ осуществиться при томъ порядкѣ образованія состава раввинской коммисіи, какой установленъ въ нашемъ законѣ. Какъ извѣстно, кандидаты въ раввинскую коммисію избираются еврейскими обществами разныхъ губерній, и почти никогда не случалось, чтобы въ число кандидатовъ попалъ какой-нибудь раввинъ. Между тѣмъ никто, кромѣ раввиновъ, часто встрѣчающихъ разные вопросы во время своей практики, не можетъ и не въ состояніи указать на необходимыя улучшенія; всѣ другія-же лица могутъ вертѣться только на однихъ умозрѣніяхъ, не приводящихъ ни къ какимъ результатамъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ дѣятельности раввинскихъ коммисій, до настоящаго времени. Сверхъ того, по закону раввинская коммисія, кромѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія вопросовъ, относящихся къ дѣйствіямъ раввиновъ и къ расторженію браковъ въ такихъ случаяхъ, когда сами раввины встрѣтятъ неясность въ законѣ, или когда поступитъ жалоба на неправильное рѣшеніе мѣстнаго раввина, имѣетъ еще обязанность разрѣшать вопросы, относящіеся къ правиламъ и обрядамъ еврейской вѣры. Эта послѣдняя обязанность была причиною того, что при выборѣ кандидатовъ руководствовались совершенно другими соображеніями, чѣмъ тѣ, которыя могли-бы на самомъ дѣлѣ содѣйствовать достиженію предположенной цѣли, и что выборы эти волновали всѣ еврейскія общества Россіи, которыя были заинтересованы тѣмъ, чтобы разрѣшеніе вопросовъ, касающихся ихъ вѣроученія, находилось въ рукахъ благонадежныхъ. Затѣмъ, другой недостатокъ закона о раввинской коммисіи, именно тотъ, что она дѣйствуетъ не по собственной инціативѣ, а по инціативѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. При такомъ порядкѣ нѣтъ сомнѣнія, что болѣе важные вопросы, требующіе безотлагательнаго рѣшенія, не доходятъ до раввинской коммисіи, а менѣе важные, которые по чему-либо показываются чрезвычайно важными министерству, отвлекаютъ вниманіе коммисіи, каковы напр. вопросы о сохранившемся обычаѣ прыгать предъ луною, о цадикахъ, объ отношеніяхъ евреевъ къ религіозно-нравственнымъ обѣтамъ, опредѣленнымъ въ молитвѣ, читаемой наканунѣ суднаго дня, и тому подобные. Для уничтоженія всѣхъ этихъ существенныхъ недостатковъ, необходимо прежде всего сложить съ раввинской коммисіи обязанность разрѣшенія вопросовъ, касающихся вѣры евреевъ, оставивъ за нею всѣ прочія обязанности. Затѣмъ необходимо установить, чтобы составъ раввинской коммисіи образовался исключительно изъ лицъ, занимающихъ должности раввиновъ и избираемыхъ самими раввинами изъ среды себя, первоначально по губерніямъ, а потомъ генералъ-губернаторствамъ. Раввинская коммисія избирается чрезъ каждые четыре года одинъ разъ и дѣйствуетъ подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ съ цѣлію разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, касающихся дѣйствій раввиновъ, жалобъ на ихъ дѣйствія и брако-разводныхъ дѣлъ, которыя будутъ возбуждаемы самими раввинами въ теченіе предшествовавшихъ открытію раввинской коммисіи четырехъ лѣтъ. Для того, чтобы вопросы эти возбуждались болѣе или менѣе правильно и

чтобы они могли всѣ доходить до раввинской коммисіи, устраиваются на правильныхъ началахъ ежегодные съѣзды раввиновъ по губерніямъ и подъ ближайшимъ руководствомъ мѣстныхъ губернаторовъ. По всѣмъ возбуждаемымъ на раввинскихъ съѣздахъ вопросамъ, относящимся къ предметамъ дѣйствій раввинской коммисіи, составляются секретаремъ съѣзда записки съ указаніемъ основаній, по которымъ возбуждаемые вопросы требуютъ разрѣшенія. Жалобы-же на неправильныя дѣйствія раввиновъ поступаютъ непосредственно къ губернаторамъ, которые вносятъ ихъ въ съѣздъ для составленія по нимъ заключеній. Всѣ записки и заключенія, составленныя въ теченіе четырехъ лѣтъ, составляютъ предметъ обсужденія раввинской коммисіи. Мнѣнія коммисіи по всѣмъ этимъ предметамъ, касающіяся порядка внутренняго управленія дѣлами раввиновъ, получаютъ силу посредствомъ наказовъ, издаваемыхъ министерствомъ на имя губернаторовъ для руководства раввинамъ. Всѣ остальныя мнѣнія коммисіи получаютъ разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ. Такимъ путемъ раввинская коммисія будетъ поставлена въ ближайшую связь съ раввинскимъ институтомъ и будетъ имѣть тѣмъ болѣе практическое значеніе и вліяніе, что она не будетъ, подобно раввинамъ, касаться дѣлъ вѣры евреевъ и будетъ разсматриваться какъ правительственное центральное учрежденіе, преслѣдующее цѣли установленія порядка въ управленіи дѣлами раввиновъ и разрѣшенія практическихъ вопросовъ въ сферѣ административнаго вѣденія.

Такимъ образомъ мы заканчиваемъ въ нашихъ очеркахъ періодъ правительственной инициативы и перейдемъ къ послѣднему періоду исторіи образованія русскихъ евреевъ, характеризующемуся починомъ самого еврейскаго общества, которое направило свои усилія—собственными средствами и изнутри себя содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія евреевъ. Какъ въ этихъ очеркахъ, мы и тамъ будемъ держаться совершенно объективнаго направленія, въ которомъ будемъ производить оцѣнку разныхъ фактовъ еврейско-русской общественной инициативы въ дѣлѣ просвѣщенія евреевъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Оцѣнка этой дѣятельности составитъ предметъ отдѣльнаго, четвертаго періода.

М. Моргулисъ.

Одесса.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. Г. МОРГУЛИСА.

(письмо къ издателю „Еврейской библіотеки").

М. Г. Г. Моргулисъ, въ своей итересной статьѣ „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ"*), коснулся города Минска лишь вскользь, говоря только объ энергической оппозиціи, встрѣченной тамъ докторомъ Лиліенталемъ со стороны ультраортодоксальной, т. е. самой вліятельной партіи этого города. А между тѣмъ эта оппозиція, не предвѣщавшая ничего хорошаго въ будущемъ, далеко не была послѣднимъ словомъ минскихъ евреевъ въ дѣлѣ, которымъ такъ сильно заинтересовались графъ Уваровъ и другіе просвѣщенные государственные люди тогдашняго времени. За рѣзкимъ словомъ **) старѣйшинъ еврейскаго общества г. Минска, словомъ, которое, не смотря на свою тридцатилѣтнюю давность, не потеряло отчасти и теперь своего практическаго значенія, послѣдовало, сверхъ всякаго ожиданія, такое дѣло, которое какъ читатели увидятъ, должно, по всей справедливости, занимать довольно почетную страницу въ исторіи образованія русскихъ евреевъ, какъ по своей оригинальности, такъ равно и по послѣдствіямъ, которыя оно имѣло. Объ этомъ-то дѣлѣ мы и будемъ разсказывать здѣсь по... воспоминаніямъ дѣтства, не только неизгладившимся изъ нашей памяти, но сохранившимъ объ этомъ времени самыя мельчайшія подробности и собственныя имена,

---

*) „Евр. Биб." Т. I.

**) Евр. Библ. Т. I, стр. 152 и 153. „До тѣхъ поръ, пока государство не предоставитъ евреямъ гражданскихъ правъ, образованіе было бы для нихъ однимъ только несчастіемъ", и т. д.

точно событія совершались вчерашній день, а не четверть вѣка тому назадъ.

Трехнедѣльное пребываніе д-ра Лиліенталя въ Минскѣ не пропало даромъ для дѣла, для котораго онъ пріѣзжалъ. Да иначе и не могло быть. Появленіе въ ультра-ортодоксальномъ обществѣ иностраннаго доктора, не принимавшаго больныхъ, но совѣщавшагося все съ здоровыми, возбудившее сперва недоумѣніе, потомъ страхъ и на послѣдокъ негодованіе, неминуемо должно было вызвать въ умахъ сильное броженіе, превратившееся впослѣдствіи въ сильное движеніе. О школахъ заговорили вкривь и вкось, старъ и младъ, богатые и бѣдные. Д-ра Лиліенталя проклинали, какъ главнаго зачинщика и пособника въ безбожномъ дѣлѣ, долженствующемъ неминуемо имѣть послѣдствіемъ совращеніе евреевъ съ пути ихъ религіи и обычаевъ. Хотя насъ, питомцевъ хедера, и водили по вечерамъ въ синагоги — читать псалмы, дабы Богъ предотвратилъ отъ насъ угрожающую намъ бѣду, хотя насъ не переставали пугать школою и сопряженною съ нею пыткою, однакожъ мы почему-то думали и даже надѣялись, что Богъ не услышитъ нашихъ молитвъ, и угрожающая намъ бѣда непремѣнно обрушится на наши головы. Не знаемъ, какъ отнеслась прогрессивная партія къ проектамъ Лиліенталя, и была ли тогда въ Минскѣ вообще таковая партія, хотя между богачами этого города и было нѣсколько просвѣщенныхъ или, справедливѣе, благомыслящихъ людей. Знаемъ только, что мы, мальчики, ханжествуя школобоязнь въ угоду нашимъ меламдамъ и бѣгая за санями доктора и швыряя въ него снѣжками, мы въ тоже время желали ему всяческаго успѣха и съ нетерпѣніемъ ожидали школъ, какъ новинки. Правда, въ тортуры, которымъ мальчиковъ будто подвергаютъ въ школѣ, мы свято вѣрили, тѣмъ болѣе, что на классныя доски и скамейки, которыя мы часто видали на дворѣ приходскаго училища, намъ указывали, какъ на извѣстныя орудія пытки; но мы почему-то были твердо убѣждены, что нашимъ прилежаніемъ и способностями мы не дадимъ повода взять насъ на цугундеръ, стало быть пытка не про насъ писана, а потому... мы школамъ будемъ очень рады, тѣмъ болѣе, что онѣ—новость, и меламды, наши мучители, боятся ихъ пуще чорта. Что-же касается опасности, будто угрожаемой нашей религіи со стороны школъ, то мы не понимали, какое отношеніе можетъ имѣть букварь на сѣрой бумагѣ, покупаемый въ лавкѣ за 5 копѣекъ, и который можно рвать и топтать ногами, какое отношеніе можетъ имѣть такая ничтожная вещь къ нашей религіи, нашей святой, старой религіи съ ея свиткомъ завѣта, до котораго нельзя дотрогиваться голою рукою, и прочими атрибутами, столь-же святыми и прочными? Чего-же тутъ бояться?

Дѣло, затѣянное д-ромъ Лиліенталемъ, какъ видно, не оставалось подъ спудомъ.

Полтора года спустя послѣ отъѣзда Лиліенталя, минскій губернаторъ Семеновъ, съ согласія и при помощи старѣйшинъ еврейскаго общества, навербовалъ до двухъ десятковъ еврейскихъ мальчиковъ и столько-же дѣвочекъ, все бездомныхъ круглыхъ сиротъ, обстригъ и одѣлъ ихъ по формѣ и помѣстилъ въ минскій дѣтскій пріютъ на полномъ иждивеніи, подъ присмотромъ еврейскаго законоучителя и кошернаго эконома, Хаима Вигдорчика, и тѣмъ положилъ основаніе тому великому дѣлу, о которомъ до сихъ поръ переговаривались и переписывались. Замѣчательно, что этотъ экспериментъ минскаго губернатора, оригинальный и единственный въ своемъ родѣ, не возбудилъ между евреями никакихъ толковъ и пересудовъ; напротивъ, всѣ отнеслись къ нему даже весьма сочувственно: богачи не скупились на денежныя пожертвованія, раввинъ часто посѣщалъ пріютниковъ, надѣляя ихъ соотвѣтствующими наставленіями, а все общество чуть не гордилось тѣмъ, что начальство, какъ было слышно, не можетъ нахвалиться благонравіемъ, прилежаніемъ и успѣхами еврейскихъ дѣтей, которыхъ оно стало ставить въ примѣръ ихъ христіанскимъ товарищамъ. По субботамъ и праздникамъ чистенькіе пріютники были приглашаемы къ столу зажиточнѣйшими евреями города, при чемъ подъ рукой распрашивали, не заставляютъ-ли ихъ цѣловать крестъ и не подвергаютъ-ли ихъ пыткамъ, на что получался отвѣтъ, что нѣтъ. Словомъ, все обстояло благополучно: евреи были довольны какъ пріютниками, такъ равно и начальствомъ. Но не потому-ли евреи были довольны, что они смотрѣли на пріютниковъ, какъ на козловъ отпущенія за всю общину, коими и окончится все дѣло, за которымъ пріѣзжалъ иностранный еретикъ и за которое начальство взялось такъ энергически?

Не согласилось-ли общество добровольно пожертвовать нѣсколькими десятками бездомныхъ сиротъ, дабы тѣмъ спасти все прочее, небездомное еврейское юношество отъ правительственнаго посягательства, сдѣлавшагося все настойчивѣе и неотразимѣе?.. Намъ кажется, что на эти вопросы мы, безъ всякой натяжки, можемъ отвѣчать утвердительно, тѣмъ болѣе, что при дальнѣйшемъ развитіи дѣла, начатаго губернаторомъ Семеновымъ, минскіе евреи оказались далеко не такими сговорчивыми и разсудительными, какими ихъ засталъ первый экспериментъ.

Второй шагъ сдѣланъ былъ уже не прямо губернаторомъ, но, при его поддержкѣ, дѣятелемъ изъ евреевъ, Давидомъ Аароновичемъ Люрье. Сынъ богатыхъ и глубоко уважаемыхъ въ городѣ родителей съ строго-ортодоксальнымъ, но не фанатическимъ закаломъ, Люрье, какъ-бы предчувствуя роль, которую онъ когда-то долженъ будетъ играть въ дѣлѣ образованія своихъ минскихъ единовѣрцевъ, очень рано сталъ усвоивать себѣ плоды европейскаго образованія, такъ что въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ, сверхъ обыкновенныхъ талмудическихъ познаній, владѣлъ почти въ совершенствѣ языками еврейскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ, былъ знакомъ со всѣми лучшими произведеніями европейскихъ литературъ и слылъ въ еврейской средѣ вольнодумцемъ, т. е. просвѣщеннымъ человѣкомъ, котораго однакоже уважали, должно быть, за его знатное происхожденіе. Вольнодумство его простиралось до того, что, довольствуясь сравнительно небольшимъ состояніемъ, гарантировавшимъ ему только безбѣдное существованіе, и не гонясь за богатствомъ, онъ держался вдали отъ коммерческаго міра, посвящая все свое время книгамъ, за что онъ въ болѣе темныхъ сферахъ минскихъ евреевъ прослылъ даже чернокнижникомъ, и о немъ разсказывалось много пикантныхъ анекдотовъ, которые могли бы дѣлать честь графу де-Сенъ-Жермену или Боско. Не дѣлать коммерческихъ оборотовъ, не прельщаться доставляемыми ими матеріальными выгодами, любить только книги—это для массы было непостижимо! Для нея поэтому ясно было, что Люрье—человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный.

Оказалось, что масса не совсѣмъ ошиблась въ своихъ темныхъ предчувствіяхъ. Г. Люрье дѣйствительно оказался человѣкомъ далеко недюжиннымъ. Послѣдующія событія показали, какая пламенная любовь къ просвѣщенію, какіе громадные организаторскіе и реформаторскіе таланты таились въ этомъ странномъ купеческомъ сынѣ, пренебрегавшемъ меркантильными успѣхами людей своего сословія. Выдвинутый на арену общественной дѣятельности, онъ началъ дѣйствовать и дѣйствовалъ съ самоотверженіемъ, смѣлостью и энергіею, знаменующими людей глубоко убѣжденныхъ въ правотѣ своей идеи и беззавѣтно ей преданныхъ. Вопреки пословицѣ—одинъ въ полѣ не воинъ — Люрье все время боролся одинъ противъ большихъ полчищъ фанатиковъ, обскурантовъ и ханжей, одерживалъ блестящія побѣды, произвелъ переворотъ въ умахъ своихъ согражданъ и сошелъ съ поля только тогда, когда дѣло, за которое онъ ратовалъ, было окончательно и безповоротно выиграно, когда правительство подоспѣло къ нему не на помощь, въ которой онъ не нуждался, но на смѣну, чтобы пожинать плоды отъ его богатаго посѣва.

Есть основаніе думать, что почти вполнѣ удавшійся опытъ губернатора Семенова убѣдилъ Люрье въ практичности той мысли, что переворотъ въ воспитаніи еврейскаго юношества всего удобнѣе начать снизу вверхъ, т. е. вмѣсто того, чтобы вести нескончаемые споры и препирательства съ тяжелыми на подъемъ зажиточными, а потому и консервативными классами народа, лучше всего показать на осязательномъ примѣрѣ съ незажиточными, а потому болѣе податливыми классами—преимущества правильнаго школьнаго образованія передъ домашнимъ или хедернымъ. Поэтому первымъ дѣломъ г. Люрье было преобразованіе Талмудъ-Торы, талмудическаго учебнаго заведенія съ безобразными порядками, но съ готовымъ контингентомъ учащихся, къ которому всего удобнѣе будетъ примѣнять незнакомые евреямъ раціональные пріемы, выработанные общечеловѣческою педагогіею. Уже при самомъ первомъ шагѣ, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, г. Люрье очутился лицомъ къ лицу съ почти непреодолимымъ препятствіемъ въ лицѣ правильно-организованнаго религіознаго братства, считавшаго опекуемую имъ Талмудъ-Тору своимъ знаменемъ, своею собственностью, которую оно обязано защищать до послѣдней возможности. Братство такъ и сдѣлало: съ своими изувѣр-

ными старостами во главѣ, оно грудью встрѣтило врага, посягавшаго на его исконное достояніе. На Люрье посыпались ругательства, проклятія и угрозы. Фанатики пустили въ ходъ все, что отъ нихъ зависѣло, предчувствуя, что дѣло завязалось не на шутку. Но Люрье геройски выдержалъ первый и послѣдующіе натиски разъяреннаго фанатизма, не смотря на то, что онъ былъ одинъ, безъ одного союзника даже со стороны своихъ вліятельныхъ и образованныхъ родственниковъ, считавшихъ затѣянное имъ дѣло сумасбродствомъ. Обруганный, оклеветанный и осмѣянный, но поддерживаемый глубокимъ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости заданной себѣ задачи, сумасбродъ шелъ къ своей цѣли твердо, бодро, не колеблясь и не сомнѣваясь въ успѣхѣ.

Послѣ долгой и отчаянной борьбы, Люрье наконецъ удалось вырвать Талмудъ-Тору изъ рукъ фанатическаго братства, съ грустью сложившаго оружіе въ виду такого неутомимаго борца, и тѣмъ положить основаніе тому зданію, которое потомъ удивляло и чуть не радовало даже его антагонистовъ.

Чтобы прервать всякую связь доставшагося на его попеченіе заведенія съ его незавиднымъ прошедшимъ, и тѣмъ сдѣлать его воспріимчивѣе для задуманныхъ преобразованій, г. Люрье перевелъ Талмудъ-Тору изъ грязнаго школьнаго двора, изъ ея стараго и мрачнаго помѣщенія, въ зданіе свѣтлое, просторное и удобное, на улицѣ широкой и опрятной, снабдилъ воспитанниковъ бѣльемъ, обувью и форменнымъ платьемъ, превратившимъ жалкихъ и грязныхъ оборванцевъ въ опрятныхъ мальчугановъ, и началъ этихъ мальчугановъ обучать и воспитывать по шаблону европейскихъ учебныхъ заведеній.

Вмѣсто безалабернаго преподаванія однихъ только талмудическихъ предметовъ, въ Талмудъ-Торѣ введена была программа съ опредѣленными курсами разныхъ предметовъ. Предметы эти были: Библія, Талмудъ, Нравоученіе, языки еврейскій и русскій, ариѳметика, географія и чистописаніе. Полудикіе меламды, не имѣвшіе понятія о педагогіи, уступили мѣсто дѣльнымъ преподавателямъ, изъ которыхъ назовемъ И. Лейбмана*) (для еврейскихъ) и Ем. Левина (для общихъ предметовъ). Первый былъ извѣстенъ, какъ отличный и просвѣщенный талмудистъ, большой знатокъ еврейскаго языка и по своей прежней педагогической дѣятельности въ Вильнѣ, а второй, — какъ одинъ изъ лучшихъ частныхъ преподавателей г. Минска. Этимъ старшимъ преподавателямъ даны были въ помощь преподаватели младшіе, которые впослѣдствіи дѣлили свой трудъ съ декуріонами изъ лучшихъ воспитанниковъ. Во всемъ заведеніи заведенъ былъ строгій порядокъ и разумная дисциплина, съ поощреніями для благонравныхъ и прилежныхъ и взысканіями для неблагонравныхъ и лѣнивыхъ. Душою-же заведенныхъ порядковъ, какъ административныхъ, такъ равно и учебныхъ, былъ самъ попечитель — Давидъ Люрье, который денно и нощно стоялъ на стражѣ вызваннаго имъ къ бытію заведенія, направлялъ, наставлялъ и поощрялъ учащихъ и учащихся, устранялъ встрѣчавшіяся препятствія и недоразумѣнія, усовершенствовалъ педагогическіе пріемы, не жалѣя для всего этого значительныхъ издержекъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, такъ какъ средства самой талмудъ-торы были, по обыкновенію, весьма ограничены. Нужно было удивляться, какимъ образомъ автодидактъ, никогда самъ въ правильно-организованной школѣ небывавшій, такъ хорошо знакомъ былъ со школьнымъ дѣломъ и повелъ его такъ практически, что это дѣлало бы честь любому педагогу-спеціалисту, долго приготовлявшемуся къ своей спеціальной дѣятельности. Изъ многихъ подробностей, о которыхъ не хотимъ распространяться, видно было, что г. Люрье зналъ въ совершенствѣ, какъ и чѣмъ можно дѣйствовать на юные умы питомцевъ, доставшихся ему въ полудикомъ состояніи, какъ будить и поддерживать въ этой полудикой массѣ любовь къ порядку, опрятности, умственному развитію и нравственному совершенствованію, словомъ умѣлъ, какъ почти никто другой, вырывать талмудъ-торскій субъектъ изъ мрака и толкать его къ свѣту. Откуда почерпалъ онъ эти знанія, это

*) Умеръ въ маѣ нынѣшняго года въ г. Минскѣ, въ положеніи, граничащемъ съ нищетою, такъ какъ, не смотря на свою 17-ти лѣтнюю службу въ казенныхъ училищахъ, не пользовался пенсіономъ. Въ послѣдніе годы онъ жилъ щедротами покойнаго Зиселя Раппопорта и другихъ добрыхъ людей города Минска.

умѣнье? Должно быть, изъ своего искренняго усердія и горячей любви къ дѣлу, которому онъ вызвался служить.

Искреннее усердіе Давида Люрье и его ближайшихъ сотрудниковъ вскорѣ увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Въ очень короткое время, минская талмудъ-тора достигла такого цвѣтущаго состоянія, котораго въ послѣдствіи не достигало ни одно изъ открытыхъ правительствомъ, такъ называемыхъ казенныхъ еврейскихъ училищъ съ довольно порядочными бюджетами и привиллегированными преподавателями. Учебное начальство не могло надивиться быстрымъ и блестящимъ успѣхамъ, которые воспитанники новаго заведенія оказывали во всѣхъ предметахъ преподаванія, о чемъ оно неоднократно письменно свидѣтельствовало въ особенно для того заведенной книгѣ. И надобно отдать справедливость минскимъ евреямъ,—они не только помирились съ своимъ врагомъ, но стали весьма сочувственно и съ уваженіемъ относиться къ его предпріятію, которое они стали находить полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Воспитанники талмудъ-торы обращали на себя вниманіе не только своимъ прилежаніемъ, но и своимъ благонравіемъ и благочестіемъ, которое не поколебалось въ нихъ отъ преподаванія разныхъ наукъ. Въ доказательство того, какъ высоко цѣнилась общественная дѣятельность Давида Люрье, можемъ привести тотъ фактъ, что когда онъ разъ опасно заболѣлъ, въ нѣкоторыхъ синагогахъ ежедневно совершаемы были публичныя молебствія о его выздоровленіи: мысль о возможности лишиться такого полезнаго общественнаго дѣятеля сильно тревожила даже его прежнихъ антагонистовъ, начинавшихъ смотрѣть на его дѣло, какъ на богоугодное.

Успѣхъ талмудъ-торы былъ такъ соблазнителенъ, что нѣкоторое время спустя, еврейскіе богачи, которые прежде были рѣшительно противъ школъ, возжелали имѣть школу и для своихъ дѣтей, такъ какъ они сознавали, что круглые сироты,—о срамъ!—получаютъ лучшее воспитаніе, а потому будутъ со временемъ образованнѣе и дѣльнѣе, чѣмъ ихъ дорогія чада, воспитывающіяся по старому, скверному методу. Богачи рѣзонно порѣшили, что и имъ слѣдуетъ что нибудь предпринимать въ угоду новаго духа

времени, начинающаго заявлять о своемъ существованіи. Вслѣдствіе этого, иждивеніемъ купцовъ, въ Минскѣ открылась купеческая школа, высшій надзоръ надъ которой порученъ былъ Давиду Люрье, котораго стали считать магомъ въ дѣлѣ образованія евреевъ. Школа эта была открыта съ большимъ шикомъ и торжественностью: съ музыкой, рѣчами, цвѣтами, конфетами и заздравными бокалами. Предметами преподаванія назначены были: языки русскій, нѣмецкій и французскій, ариѳметика и географія. Преподавателями—г. Левинъ (для русскаго языка и наукъ) и г. Мельзеръ (для нѣмецкаго и французскаго языковъ). Въ спискѣ учениковъ внесены были почти всѣ купеческія дѣти города Минска. Все, кажется, предвѣщало успѣхъ... Но, къ сожалѣнію, успѣха не было, да собственно и не могло быть. Не говоря уже о томъ, что купеческія дѣти, крайне испорченныя домашнимъ воспитаніемъ, оказались капризными, дерзкими и лѣнивыми, не хотѣвшими подчиняться школьной дисциплинѣ, самая организація школы несла въ себѣ очень крупный тормазъ, противъ котораго ничего не могъ подѣлать и Давидъ Люрье, фигурировавшій здѣсь больше въ качествѣ почетнаго, чѣмъ дѣйствительнаго попечителя. Дѣло въ томъ, что купцы, сознавая преимущества публичнаго воспитанія предъ домашнимъ, но въ тоже время не рѣшаясь совсѣмъ покончить съ излюбленной рутиной, надѣялись устроить такъ, чтобы волки были сыты и овцы цѣлы, т. е. чтобы дѣти ихъ, оставаясь по прежнему на попеченіи у полудикихъ меламдовъ, посѣщали школу только часа на два, дабы навостриться въ языкахъ. Этотъ-то неудачный компромисъ и не давалъ ходу купеческой школѣ, какъ всякой полумѣрѣ, которая никогда не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее надеждъ. Меламды, изъ естественнаго чувства самосохраненія, интриговали, возбуждали своихъ учениковъ противъ школы и ея порядковъ, осмѣивали педагогическіе пріемы образованныхъ преподавателей и достигли своей цѣли: ученики, находившіе въ темныхъ инсинуаціяхъ меламдовъ законное оправданіе своей лѣности, возненавидѣли школу, предметы преподаванія, преподавателей, стали манкировать уроками, а потомъ совсѣмъ дезертировать, такъ что школу вынуждены были закрыть за ея негодностью во всѣхъ отношеніяхъ. Преобразовать школу на раціональныхъ началахъ у купцовъ не

хватило ни желанія, ни пониманія. Старый режимъ былъ для нихъ сподручнѣе и удобнѣе, а потому они возвратились къ нему, можетъ быть даже радуясь, что ихъ опытъ не удался. Такимъ образомъ невозможный компромисъ между хедеромъ и школою потерпѣлъ громкое фіаско, компромисъ, до котораго Люрье не допускалъ бы, если-бы ему въ купеческой школѣ возможно было дѣйствовать также самостоятельно, какъ въ талмудъ-торѣ.

Несмотря на эту неудачу, школа сдѣлалась такою популярною и желанною вещью въ средѣ минскихъ евреевъ, что полтора года спустя со времени преобразованія талмудъ-торы, Давидъ Люрье, спѣша ковать желѣзо, пока горячо, нашелъ возможнымъ открыть училище и для дѣтей средняго класса народа, которымъ неприлично казалось обучаться въ сиротскомъ заведеніи. Училище это, подъ названіемъ Мидрашъ Эзрахимъ (обывательская школа), открыто было въ 1845-мъ году. Оно было организовано по образцу талмудъ-торы съ тою только разницею, что ученики должны были платить по 12 рублей въ годъ, плата довольно порядочная для тогдашняго времени, когда гимназическая плата не превышала 5 рублей. Предметы преподаванія были тѣже, что и въ талмудъ-торѣ, съ прибавленіемъ впрочемъ нѣмецкаго языка. Преподавали: В. Лейбманъ, братъ талмудъ-торскаго преподавателя, г. Левинъ, самъ Люрье, читавшій въ старшемъ классѣ библію и нравоученіе, и еще два три второстепенныхъ преподавателей—для младшаго класса. Въ преподаваніи, въ особенности предметовъ общихъ, держались метода ланкастерскаго. Внѣшняя обстановка этой школы была богатая, почти роскошная, съ очень пространными классными и рекреаціонными залами, большимъ дворомъ, садомъ и изящнымъ карцеромъ. Для этой обстановки, стоившей не дешево, Люрье не жалѣлъ своихъ собственныхъ средствъ, зная какъ благотворно она должна дѣйствовать на вкусъ и даже на духъ еврейскихъ мальчиковъ, вращающихся въ сферѣ далеко не изящной. И Люрье дѣйствительно не ошибся въ своемъ расчетѣ: мальчикамъ вскорѣ совѣстно стало являться въ чистыя комнаты неопрятными, непричесанными, неприглаженными, и они стали обращать больше вниманія на свою наружность, статью совершенно пренебрегаемую въ еврейскомъ воспитаніи. Такимъ образомъ, не тратя многихъ словъ для внушенія еврейскимъ мальчикамъ любви къ чистотѣ и опрятности, Люрье достигъ того, что воспитанники Мидрашъ-Эзрахима стали по наружности вполнѣ соотвѣтствовать окружавшей ихъ училищной обстановкѣ, что потомъ радовало и ихъ родителей, находившихъ къ своему неописанному удивленію и удовольствію, что отъ чистоты и опрятности дѣти ихъ сдѣлались здоровѣе и бодрѣе.

Контингентъ учащихся всегда достигалъ круглой цифры 100, иногда-же превышалъ эту цифру. Если примемъ въ соображеніе, что въ открытыхъ впослѣдствіи безплатныхъ казенныхъ училищахъ число учениковъ, даже въ губернскихъ городахъ, колебалось между цифрами 15 и 20, то мы вполнѣ поймемъ довѣріе, которое Люрье съумѣлъ внушить еврейскимъ родителямъ къ такому порядку вещей, отъ котораго они прежде открещивались, какъ отъ дьявольскаго навожденія. Этого довѣрія Люрье добился своимъ глубокимъ знаніемъ потребностей еврейскаго юношества и умѣніемъ удовлетворять, какъ слѣдуетъ, этимъ потребностямъ.

Мидрашъ-Эзрахиму г. Люрье посвятилъ туже любовь и усердіе, которыми отличалась его дѣятельность въ талмудъ-торѣ и которыя имѣли по этому тѣже результаты. Успѣхъ этого новаго учебнаго заведенія былъ самый блестящій. Ученики обожали своего попечителя и, чтобы заслужить его одобреніе, не жалѣли трудовъ, стараясь превзойти другъ друга въ прилежаніи и хорошемъ поведеніи. Въ этомъ благородномъ соревнованіи они ничего больше не домогались, какъ благосклоннаго взгляда и ласковаго слова изъ устъ обожаемаго попечителя, не понравиться которому считалось величайшимъ несчастіемъ. Упрекъ отъ него былъ равносиленъ тягчайшему наказанію. Молодымъ неиспорченнымъ душамъ было совѣстно огорчить чѣмъ нибудь того человѣка, который такъ энергически и такъ безкорыстно трудился для ихъ блага. Независимо отъ опредѣленныхъ по росписанію уроковъ, г. Люрье, въ часы досуга, собиралъ вокругъ себя учениковъ старшаго класса и бесѣдовалъ съ ними о разныхъ предметахъ, не входившихъ въ составъ училищной программы, и тѣмъ расширялъ кругъ ихъ знаній и будилъ въ нихъ любовь къ наукѣ и нравственному совершенствованію. Въ бесѣдахъ этихъ, имѣвшихъ характеръ по-

пулярныхъ лекцій, г. Люрье иногда касался того или другаго еврейскаго обычая, отжившаго вѣкъ свой, объяснялъ его происхожденіе, причину его существованія до нашего времени и т. п., словомъ, старался, чѣмъ только могъ, содѣйствовать развитію и просвѣщенію умовъ ввѣренныхъ его попеченію дѣтей, которымъ онъ посвятилъ себя всецѣло. Бесѣды эти тѣмъ легче запечатлѣвались въ памяти молодыхъ слушателей, что онѣ не имѣли въ себѣ ничего педантическаго, тяжеловѣснаго, при томъ г. Люрье былъ мастеръ говорить и разсказывать, придавая своимъ разсказамъ легкій, юмористическій оттѣнокъ, спасавшій напряженное вниманіе слушателей отъ утомленія и усыпленія, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ разсказа вялаго и скучнаго. Ученики, по свойственной молодости сообщительности, дѣлились потомъ вынесенными изъ училища бесѣдами съ своими родителями и домочадцами, и такимъ путемъ не одна свѣтлая идея проникала въ домашній бытъ минскаго еврея. Такимъ образомъ нравственное вліяніе Люрье простиралось не только на опекуемое имъ заведеніе, но перешагало и за предѣлы его и было поэтому вдвойнѣ полезно и благотворно. Пріѣзжай теперь Лиліенталь въ Минскъ, онъ не узналъ бы прежнихъ дикарей, хотѣвшихъ каменями забросать его за его богопротивное дѣло. Переворотъ въ образѣ мыслей минскихъ евреевъ былъ по истинѣ изумительный, тѣмъ изумительнѣе, что онъ совершенъ былъ стараніемъ одного — поймите! одного человѣка! Въ этомъ отношеніи мы должны отдавать преимущество Давиду Люрье передъ виленскими дѣятелями сороковыхъ годовъ, которые работали соединенными силами, цѣлымъ кружкомъ и при помощи печати, между тѣмъ какъ Люрье не имѣлъ этихъ удобствъ, въ которыхъ онъ, какъ видно, и не нуждался, замѣняя ихъ своимъ неутомимымъ усердіемъ и своею искреннею любовью къ просвѣщенію.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ концѣ 1846 года, къ общему сожалѣнію минскихъ евреевъ, талмудъ-тора и Мидрашъ-эзрахимъ были закрыты по распоряженію начальства, приступившаго тогда къ открытію въ Минскѣ казенныхъ еврейскихъ училищъ. Благодаря четырехлѣтней благотворной дѣятельности Давида Люрье, помирившей минскихъ евреевъ со школьнымъ образованіемъ, вновь открытыя училища были переполнены

учениками, все воспитанниками упраздненныхъ заведеній. Талмудъ-тора возвратилась въ свое прежнее обиталище, на школьномъ дворѣ, подъ руководство своихъ прежнихъ полудикихъ попечителей и меламдовъ...

Давидъ Люрье сошелъ со сцены. За понесенные имъ труды и матерьяльныя жертвы, онъ нѣсколько лѣтъ спустя удостоился золотой медали на станиславской лентѣ и... коротенькаго стихотворенія въ концѣ книжки „Ганицанимъ“ А. Б. Готлобера. Но почему онъ до сихъ поръ не удостоился званія хотя-бы члена-сотрудника „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“,—этого мы никакъ не можемъ объяснить себѣ. Мы вполнѣ понимаемъ, что „общество“, засѣдающее въ Петербургѣ и состоящее изъ просвѣтителей новыхъ, можетъ и не знать о просвѣтителяхъ старыхъ, хотя ему совсѣмъ не мѣшало-бы быть знакомыми и съ прошлымъ того дѣла, которому оно себя посвятило; но съ другой стороны, намъ тоже извѣстно, что между новыми дѣятелями есть старые воробьи, которымъ просвѣщенная дѣятельность Давида Люрье въ Минскѣ не менѣе извѣстна, чѣмъ намъ. Къ этимъ-то старымъ воробьямъ мы обращаемся съ вопросомъ: неужели вы вашимъ новымъ товарищамъ ничего не разсказали о вашихъ старыхъ товарищахъ, дѣлившихъ съ вами горе и радость, заботы, хлопоты и надежды? Неужели ваша прежняя почтенная дѣятельность совсѣмъ вышла изъ вашей памяти? Въ такомъ случаѣ намъ остается только сожалѣть о вашей прискорбной забывчивости и увѣрять забытаго вами товарища, что память о немъ живетъ, по крайней мѣрѣ, въ благородныхъ сердцахъ его питомцевъ, которые никогда не забудутъ, сколько онъ для нихъ сдѣлалъ и сколько могъ-бы еще сдѣлать, если-бы обстоятельства не прокричали ему: довольно! Его безпримѣрнаго усердія хватало-бы еще на долго, если-бы въ другомъ мѣстѣ не порѣшили, что ужь больше не нуждаются въ этомъ усердіи...

Послѣдствія показали, какъ преждевременно было это рѣшеніе; но это уже относится ко второму періоду образованія евреевъ, т. е. ко времени прозябанія казенныхъ училищъ обоихъ разрядовъ, а мы предположили себѣ говорить въ этой статьѣ только о первомъ періодѣ.

Л. Леванда.

Вильно.

БРАФМАНСКІЕ ВИДЫ ЕВРЕЙСКОЙ ЭКСПЛОАТАЦІИ

(Хазака, Хезкатъ Ішувъ. Мааруфіа).

Г. Шершевскій въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „О Книгѣ Кагала“, на которое обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей, уже достаточно ясно и основательно показалъ то значеніе, которое слѣдуетъ придавать пресловутому измышленію г. Брафмана, принятому извѣстною частью русской печати съ распростертыми объятіями. Но эта часть русской печати очевидно желаетъ, во что-бы то ни стало, неизвѣстно только по какимъ побужденіямъ, оставаться при томъ взглядѣ на евреевъ и еврейство, который усвоила ей „Книга Кагала“. Рекомендуя нашимъ публицистамъ основательнѣе познакомиться съ трудомъ г. Шершевскаго, изъ котораго они усмотрятъ въ какой просакъ поставилъ ихъ г. Брафманъ своими вымышленными и извращенными цитатами и Богъ вѣсть откуда взятыми, противорѣчащими между собою и въ разныхъ мѣстахъ различно переведенными самимъ г. Брафманомъ документами, мы въ то же время считаемъ нелишнимъ привести здѣсь замѣчанія г. Рабиновича о тѣхъ видахъ еврейской эксплоатаціи, которые г. Брафманъ открылъ въ когда-то существовавшихъ юридическихъ институтахъ Хазака, Хезкатъ-Ішубъ и Мааруфіа. Г. Рабиновичъ приводитъ здѣсь не вымышленныя, извращенныя и кусками выхваченныя, а настоящія, полныя выписки изъ талмудическихъ и юридическихъ сочиненій еврейскихъ авторитетовъ, и мы попросимъ г. Брафмана, чтобы онъ публично заявилъ: такъ ли слѣдуетъ понимать каждую, повторяемъ, каждую изъ приводимыхъ здѣсь цитатъ, какъ понимаетъ ихъ г. Рабиновичъ, или имъ слѣдуетъ придавать другое значеніе, которое онъ, г. Брахманъ, намъ и укажетъ.

I. Хазака.

Въ своей „Книгѣ Кагала“ г. Брафманъ старается доказать, на основаніи своихъ документовъ, что евреи считаютъ себя полновластными владѣльцами не-еврейскихъ имуществъ и, на этомъ основаніи, разными способами отчуждали дома̀, лавки и цѣлыя деревни съ полями и лѣсами, не заботясь о согласіи ихъ владѣльцевъ, не-евреевъ. По мнѣнію г. Брафмана, христіанъ собственниковъ, среди которыхъ живутъ евреи, послѣдніе считаютъ только фиктивными владѣльцами ихъ имущества, между тѣмъ какъ настоящіе владѣльцы этихъ имуществъ—евреи. Нужно быть не только самонадѣяннымъ, но и крайне дерзкимъ, чтобы желать убѣдить образованныхъ людей въ такой нелѣпости.

По еврейскому законодательству Хазака есть актъ, посредствомъ котораго кѣмъ-либо пріобрѣтается право собственности на вещь, не имѣющую владѣльца, или безхозяйную. Насъ повело-бы слишкомъ далеко, если-бы мы захотѣли привести здѣсь всѣ законы о Хазакѣ относительно имуществъ, переходящихъ отъ владѣнія одного еврея къ другому. Для насъ достаточно указать на два параграфа о Хазакѣ относительно имуществъ, переходящихъ отъ нееврея къ еврею и наоборотъ. Это §§ 14 и 15 законовъ Маймонида: о правѣ владѣнія и даренія.

„Нееврей, продавшій еврею или купившій отъ еврея движимости, пріобрѣтаетъ и передаетъ право на нихъ посредствомъ передвиженія покупщикомъ вещи съ мѣста на мѣсто, или посредствомъ платежа покупной цѣны. Недвижимости-же передаются не иначе, какъ посредствомъ письменнаго акта, потому что нееврей полагается только на письменный договоръ. Поэтому, если еврей купилъ у нееврея поле и уплатилъ за оное деньги, и прежде, чѣмъ онъ вступилъ во владѣніе этимъ полемъ, явился другой еврей и завладѣлъ имъ посредствомъ обряда, установленнаго для принятія во владѣніе имущества (безпотомственно умершаго) чужестранца, то поле остается за послѣднимъ евреемъ, и въ такомъ случаѣ онъ обязанъ возвратить первому еврею покупную цѣну; ибо прежній владѣлецъ нееврей съ момента полученія денегъ отказался уже отъ своего права собственности на это поле, между

тѣмъ какъ первый покупщикъ, еврей, не получивъ письменнаго акта, еще не пріобрѣлъ этого права, и, такимъ образомъ, означенное поле осталось безхозяйнымъ и принадлежитъ тому, кто первый имъ завладѣетъ". (Маймонидъ. Законы о пріобрѣтеніи и дареніи, § 14).

„Вышеизложенное постановленіе имѣетъ силу только въ той странѣ, гдѣ не существуетъ опредѣленныхъ гражданскихъ законовъ. Но гдѣ по государственнымъ законамъ только тотъ вступаетъ во владѣніе недвижимостью, кто получилъ письменный актъ, или кто (первый) заплатилъ покупную цѣну и т. п., то слѣдуетъ поступать по этимъ государственнымъ законамъ, ибо во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ надлежитъ руководствоваться государственными узаконеніями". (Тамъ-же, § 15).

Эти оба параграфа находятся также въ Шульханъ-Арухъ, Хошенъ-Мишпатъ, глав. 194, § 1, 2. Г. Брафманъ привелъ изъ нихъ извлеченіе, по которому выходитъ, что евреи считаютъ имущества неевреевъ безхозяйными, но о цѣломъ приведенномъ здѣсь § 15, вошедшемъ въ § 2 Шульханъ-Арухъ, онъ, въ своемъ и безъ того неточномъ переводѣ, совершенно умолчалъ, такъ какъ это какъ разъ противорѣчитъ его предвзятой цѣли, ибо изъ приведеннаго видно, что на основаніи 14 §, интересы нееврея во всякомъ случаѣ обезпечены, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ сохраняетъ полученныя деньги; все дѣло только въ томъ, кому изъ обоихъ евреевъ должно теперь принадлежать поле: тому-ли, кто первый заплатилъ деньги, не исполнивъ въ тоже время законнаго обряда принятія во владѣніе, или тому, кто, возвративъ деньги первому покупщику, совершилъ этотъ обрядъ. За тѣмъ слѣдуетъ еще § 15, который разъясняетъ, что всѣ эти законы даже между евреями не имѣютъ болѣе значенія, такъ какъ у насъ существуютъ гражданскіе законы, которыми они и обязаны руководствоваться. Г. Брафманъ премного обязалъ-бы насъ, еслибы сообщилъ, почему именно онъ умолчалъ объ этомъ послѣднемъ постановленіи Маймонида.

Г. Брафманъ утверждаетъ, будто евреи продаютъ чужія, т. е. нееврейскія имущества.

Приведемъ здѣсь еврейскіе законы объ отчужденіи имуществъ, изъ которыхъ видно, что еврейскіе законы запрещаютъ евреямъ

совершать такія злоупотребленія, еслибъ даже была къ тому физическая возможность.

„Человѣкъ можетъ отчуждать посредствомъ продажи или даренія только вещи физическія, но вещи отвлеченныя этими способами пріобрѣтены быть не могутъ. На этомъ основаніи, если А передаетъ В ѣду *) плодовъ съ извѣстнаго дерева, или проживаніе *) въ извѣстномъ домѣ, то В не пріобрѣлъ этимъ никакихъ правъ, пока А не предоставитъ ему самый домъ для жительства, или самое дерево для пользованія его плодами". (Шульханъ-Арухъ, Хошенъ Мишпатъ. Глав. 212, § 1). Какимъ-же образомъ, въ виду вышеприведеннаго положенія, можетъ еврей передать другому пользованіе чужимъ имуществомъ, которое не состоитъ въ фактическомъ его владѣніи?

Въ той-же книгѣ глав. 211, § 1 сказано: „Вещь, не состоящая во владѣніи продавца, не можетъ быть объектомъ купли и продажи".

Далѣе тамъ-же постановлено: „если кто кому скажетъ:—„Поле это, когда я его куплю, продано тебѣ", то это ничего не выражаетъ (т. е. не имѣетъ никакаго значенія)."

Вообще по еврейскимъ законамъ продажа ожидаемаго имущества, не находящагося въ моментъ купли-продажи во владѣніи продавца, не имѣетъ никакого значенія.

Такъ, если кто скажетъ: „То, что я наслѣдую отъ моего отца, продано тебѣ, или то, что моя сѣть вынесетъ изъ моря, отдано тебѣ" и т. п., не имѣетъ никакого значенія." (Тамъ-же).

Если, такимъ образомъ, по еврейскимъ законамъ невозможно продать вещь, ненаходящуюся въ моментъ купли и продажи во владѣніи продавца, хотя она впослѣдствіи и сдѣлается его собственностью, то немыслимо, что-бы еврей могъ продать домá, монастыри, поля, которые никогда въ его владѣніи не состояли и не будутъ состоять.

Что по еврейскимъ законамъ неевреи пользовались полнымъ правомъ собственности надъ всякаго рода имуществами, видно изъ многихъ мѣстъ Талмуда и изъ сочиненій еврейскихъ юристовъ.

---

*) Т. е. ѣду и проживаніе, какъ понятія отвлеченныя.

„Запрещается обманывать или морочить людей въ куплѣ и продажѣ; напр, если товаръ имѣетъ изъянъ, то продавецъ обязанъ объявить объ этомъ покупателю; и если сей послѣдній не-еврей, то не долженъ продавать ему мясо отъ неправильно убитой скотины, вмѣсто мяса отъ правильно зарѣзанной." (Шулханъ-Арахъ. Хошенъ-Мишпатъ, гл. 228, § 6).

Маймонидъ къ этому присовокупляетъ: „Даже въ томъ случаѣ, если для нееврея это не составляетъ никакой разницы".

Далѣе постановлено: „Кто укралъ цѣнность даже легкой мѣдной монеты, тотъ нарушилъ заповѣдь: „не укради", и обязанъ заплатить. Въ этомъ отношеніи безразлично—укралъ-ли онъ деньги у еврея, или у нееврея; у взрослаго, или у малолѣтняго". (Тамъ-же, гл. 348, § 2).

„Запрещается похищать или насильно удерживать что бы-то ни было, принадлежащее еврею или нееврею." (Тамъ-же, глав. 359, § 1).

Мы находимъ даже, что еврейскіе законы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предоставляли неевреямъ больше правъ, чѣмъ самимъ евреямъ, и именно относительно правъ смежнаго владѣльца. Это явствуетъ изъ слѣдующаго:

„Если А продалъ В поле, то С, коего поле смежно съ проданнымъ, имѣетъ право возвратить В покупную цѣну и удержать поле за собой". Это преимущество, вытекающее изъ смежности земельныхъ участковъ, именуется на еврейскомъ юридическомъ языкѣ правомъ пограничнаго владѣльца. Законы объ этомъ преимущественномъ правѣ изложены въ Хошенъ-Мишпатѣ, въ главѣ 175, въ 63 параграфахъ, изъ коихъ въ § 38 заключается слѣдующее постановленіе:

„Если еврей купилъ (поле) отъ нееврея, то пограничный владѣлецъ не можетъ устранить покупателя. Если еврей продалъ, (поле) нееврею, то нееврей не долженъ подчиняться праву пограничнаго владѣльца-еврея". Здѣсь видно, что нееврей пользуется гораздо большимъ правомъ, чѣмъ еврей. Какой контрастъ между приведенными здѣсь законами и тѣми, какіе г. Брафманъ, въ своей „Книгѣ Кагала", представляетъ русской публикѣ подъ названіемъ законовъ о Хазакѣ.

II. Хезкатъ-Ішубъ

Въ своей „Книгѣ Кагала", г. Брафманъ увѣряетъ, что институтъ Хезкатъ-Ішубъ существуетъ и по нынѣ у евреевъ и что, на основаніи этого института, ни одинъ еврей не въ правѣ поселиться въ какомъ-либо мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не купитъ этого права у мѣстнаго кагала.

Хезкатъ-Ішубъ дѣйствительно существовалъ, но уже очень давно, и не въ Россіи, и не въ томъ видѣ, какъ его рисуетъ г. Брафманъ. Чтобы доказать справедливость нашихъ словъ, намъ необходимо сперва тутъ вспомнить печальное время возникновенія у евреевъ этого института.

Въ то время, во всѣхъ городахъ для жительста евреевъ, какъ извѣстно, былъ отведенъ самый грязный кварталъ, который носилъ названіе Гетто. Право жительства евреями оплачивалось дорогою цѣною; кромѣ общихъ налоговъ, лежавшихъ на всѣхъ жителяхъ страны, они были еще облагаемы безчисленными спеціальными повинностями и налогами.

Въ книгѣ г. Шершевскаго читатель найдетъ цѣлый рядъ названій налоговъ и повинностей, лежавшихъ исключительно на однихъ евреяхъ.

При этомъ необходимо замѣтить, что налоги эти лежали на Гетто одною общею, круглою цифрою; правительства не заботились о равномѣрномъ его распредѣленіи между отдѣльными его обитателями. Каждый еврей отвѣтствовалъ за всѣхъ и всѣ за каждаго. Еврей не разсматривался какъ отдѣльная личность, но какъ членъ корпораціи, именуемой жидовствомъ. Евреи сами принуждены были установить порядокъ справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія между собою обязанностей по взносу этихъ спеціальныхъ налоговъ.

Дома въ Гетто принадлежали частью евреямъ, частью неевреямъ. Весьма естественно, что при такихъ порядкахъ евреи вынуждены были предпринять мѣры, чтобы члены ихъ общины не были поставлены внѣ возможности уплачивать лежащія на нихъ государственныя повинности. Изъ чувства самосохраненія они должны были устранять причины, могущія губительно дѣйствовать на

благосостояніе податныхъ единицъ своей общины. И такъ какъ единственное занятіе ихъ было торговля, то ничего предосудительнаго тутъ нѣтъ, если они требовали отъ иногороднаго купца или промышленника-еврея равнаго съ ними участія въ отбываніи мѣстныхъ повинностей и уплатѣ налоговъ.

Приведемъ здѣсь краткое извлеченіе изъ еврейскихъ постановленій, относительно правъ торговли и поселенія, и пусть безпристрастный читатель, не упуская конечно изъ виду и тогдашнихъ условій жизни у евреевъ, судитъ—заслуживаютъ-ли евреи порицанія или похвалы за эти законы.

Въ Хошенъ-Мишпатъ, гл. 156, § 5, постановлено: „Если въ одной улицѣ (въ Гетто) одинъ изъ ея обитателей занимался какимъ-либо промысломъ, а остальные жители ему не препятствовали, или, если тамъ существовала баня, лавка, мельница, и явился другой и устроилъ тоже самое, то прежній промышленникъ не можетъ ему препятствовать, говоря: ты подрываешь у меня средства къ жизни. Даже и тогда не слѣдуетъ препятствовать, когда новый промышленникъ былъ обитателемъ другой улицы, такъ какъ эта промышленность уже существовала тутъ прежде“.

Далѣе тутъ-же постановлено: „Чужестранцу, желающему открыть лавку рядомъ съ лавкою мѣстнаго жителя, городскіе жители могутъ препятствовать; если-же пришлецъ платитъ вмѣстѣ съ ними государственныя повинности, то они не въ правѣ ему препятствовать.“

„Мелкимъ торговцамъ, разъѣзжающимъ по городамъ, жители городовъ не могутъ препятствовать торговать; но поселиться окончательно въ городѣ они (мелкіе торговцы) могутъ только съ согласія постоянныхъ его жителей.“ (Тамъ-же, § 6).

„Купцамъ, привозящимъ товары въ чужіе города, жители этихъ городовъ могутъ возбранить имъ раздробительную продажу, въ томъ видѣ, какъ производятъ ее мѣстные лавочники; но въ дни базарные, на базарѣ, послѣдніе не въ правѣ препятствовать первымъ въ такой торговлѣ. Разносная торговля можетъ быть запрещена иногороднымъ купцамъ даже и въ базарные дни. Если же эти иногородные купцы кому нибудь должны въ городѣ, то дозволяется имъ производить торговлю въ городѣ даже и въ

небазарные дни, въ размѣрѣ, необходимомъ для своего пропитанія, до тѣхъ поръ, пока они не уплатятъ своего долга“. (Тамъ-же, § 7).

Ученые авторитеты Туръ *), Бесъ-Іосифъ **), Рошъ и Рамо ***) въ Шулхонъ-Арухъ, Хошенъ-Мишпатъ, гл. 156, § 7, дозволяютъ иногороднымъ купцамъ торговать и въ небазарные дни, если они имѣютъ въ этихъ мѣстностяхъ долги на нѣкоторыхъ лицъ, до тѣхъ поръ пока они не получатъ своихъ долговъ. Далѣе Рошъ и Туръ постановляютъ тамъ-же:

„Возбранять торговлю иногороднымъ купцамъ жители города могутъ только тогда, когда покупателямъ не наносится чрезъ это запрещеніе никакого ущерба, т. е когда иногородные купцы продаютъ свой товаръ не ниже существующихъ въ городѣ цѣнъ, и онъ не лучше такого-же товара, имѣющагося въ городѣ. Но если иногородные купцы уступаютъ его дешевле, или онъ лучшаго качества, такъ что отъ этого выигрываютъ потребители, то въ послѣднемъ случаѣ мѣстные торговцы не въ правѣ имъ возбранять торговлю“. (Тамъ-же).

„Если иногородные купцы привозятъ такой товаръ, какого во время привоза въ городѣ достать нельзя, то не слѣдуетъ возбранять имъ торговлю этимъ товаромъ, хотя-бы онъ и не былъ лучшаго достоинства, какого онъ бываетъ обыкновенно у мѣстныхъ продавцевъ, и не дешевле мѣстныхъ цѣнъ“. (Рамо, отъ имени Бесъ-Іосифъ, согласно Поскимъ).

„Дозволеніе жить въ Гетто, полученное иногороднымъ торговцемъ или промышленникомъ отъ мѣстной еврейской общины, именовалось Хезкатъ-Ішубъ“.

Обитатели Гетто могли за такое дозволеніе требовать отъ иногородца лишь, чтобы поселяющійся принималъ не себя соразмѣрное участіе въ платежѣ мѣстныхъ налоговъ; болѣе-же они ничего не вправѣ были требовать.

Приводимыя здѣсь узаконенія изъ еврейскихъ юридико-рели-

*) Туръ: Раби Яковъ бенъ Ассиръ, жилъ въ 1-й половинѣ XIV столѣтія въ Испаніи.

**) Бесъ-Іосифъ: Раби Іосифъ Карро, жилъ въ XVI ст. въ Палестинѣ.

***) Рамо: Раби Моисей Иcерлесъ, раввинъ въ Краковѣ въ XVI ст.

гіозныхъ кодексовъ во очію свидѣтельствуютъ, что ограничительные для иногородныхъ евреевъ законы не имѣли вовсе цѣли защищать монополію мѣстныхъ промышленниковъ-евреевъ, но единственно—установленіе порядка въ отбываніи повинностей, лежащихъ на всей общинѣ. Тамъ-же, гдѣ затронутъ былъ интересъ потребителей, всѣ эти законы теряли всякую свою силу.

Само собою разумѣется, что всѣ эти постановленія о Хазакѣ и Хезкатъ-Ішубъ находились въ тѣсной связи съ условіями жизни въ Гетто, съ упраздненіемъ-же послѣднихъ всѣ эти постановленія сами собою уже потеряли всякое значеніе и давнымъ давно сданы въ архивъ. Совершенно излишне замѣтить, что увѣреніе г. Брафмана, будто Хезкатъ Ішубъ существуетъ еще и въ настоящее время и что каждый иногородный еврей за право поселенія въ другомъ городѣ принужденъ платить мѣстному Кагалу значительную сумму денегъ, совершенно противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ извѣстно, что евреи гораздо подвижнѣе другихъ національностей и въ большемъ числѣ и гораздо легче переселяются съ одного мѣста на другое, что не могло-бы имѣть мѣсто, еслибы это передвиженіе обходилось-бы имъ такъ дорого.

Послѣ всего этого, мы думаемъ, достаточно доказано, что все приведенное г. Брафманомъ въ своей „Книгѣ Кагала" о Хазакѣ и Хезкатъ Ішубъ есть чистѣйшій вымыселъ, плодъ его фантазіи, не болѣе.

III. Меропіе.

Относительно Меропіе считаемъ нужнымъ сперва замѣтить, что г. Брафманъ не знаетъ не только истиннаго значенія этого слова, но и настоящаго его произношенія.

Онъ производитъ это слово изъ греческаго, означающаго названіе глазной болѣзни Meropia, происходящее изъ 2-хъ греческихъ корней: Meros (часть) и ops (зрѣніе), вмѣстѣ означаетъ: затмѣніе зрѣнія *).

*) Мы сильно сомнѣваемся въ знаніи г. Брафманомъ греческаго языка, вѣроятно авторъ нашелъ добрыхъ людей, которые указали ему въ лексиконѣ корень

Вслѣдствіе этого въ „Книгѣ Кагала", на страницѣ 47, г. Брафманъ переводитъ это слово на русскій языкъ слѣдующимъ образомъ: Меропіе значитъ затмѣніе настоящаго владѣльца имущества, желая этимъ сказать, что евреи затмѣваютъ имущества дѣйствительнаго нееврейскаго владѣльца предъ глазами другихъ евреевъ.

Такое quasi—филологическое объясненіе еврейскаго юридическаго термина доказываетъ или полнѣйшее незнаніе предмета, о которомъ авторъ пишетъ, или преднамѣренное искаженіе его для достиженія извѣстныхъ цѣлей.

Слово это слѣдуетъ читать не Меропіе, какъ читаетъ г. Б. а Мааруфіа, и означаетъ контрагентъ. Слово это происходитъ изъ арабскаго и халдейскаго: ариѳа, — знать, имѣть знакомство; мааруфіа—знакомый. Мѣсто въ Раммо, Шульхинъ-Арухъ, Хошенъ Мишпатъ, трактующее о Мааруфіи, г. Брафманъ переводитъ въ „Книгѣ Кагала" слѣдующимъ образомъ:

«Если человѣкъ (еврей) имѣетъ въ своей эксплуатаціи нееврея, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запрещается другимъ евреямъ входить въ сношенія съ этимъ субъектомъ и дѣлать подрывы первому; но въ другихъ мѣстахъ вольно каждому еврею имѣть дѣло съ этимъ субъектомъ".

Между тѣмъ, какъ точный переводъ этого текста слѣдующій: „Человѣкъ (еврей), у котораго есть контрагентъ нееврей, то бываютъ мѣстности (Гетто), въ которыхъ поставили правиломъ, что (иногороднымъ) запрещено отнимать у этого еврея его средства къ жизни посредствомъ торговли съ тѣмъ неевреемъ; другія-же мѣстности не приняли этого правила".

Что это мѣсто трактуетъ только объ обитателяхъ Гетто, мы уже сказали; и что здѣсь подъ еврейскимъ словомъ Ахейримъ подразумѣваются иногородные, ясно видно изъ того параграфа Раммо, въ которомъ именно сказано, что относительно евреевъ, живущихъ въ одномъ и томъ-же Гетто, законы о Мааруфіи не примѣняются. Вотъ этотъ параграфъ: „Если двое живутъ въ одной

этого слова, какъ онъ находилъ добрыхъ юношей, которые ему переводили и сочиняли самую „Книгу Кагала". Но къ сожалѣнію, какъ не вѣренъ переводъ разныхъ документовъ и цитатъ изъ еврейскихъ источниковъ въ „Книгѣ Кагала", такъ и ошибочно указаніе на происхожденіе слова Меропіе изъ греческаго.

мѣстности (Гетто), и одинъ изъ нихъ желаетъ понизить размѣръ процентовъ на ссуды нееврямъ, то другой не имѣетъ права ему это возбранить. (Рабену Іерухамъ. § 31). Тоже самое относится къ другимъ подобнымъ случаямъ".

Здѣсь Раммо ссылается на главу 228, § 18, гдѣ постановлено: „Лавочнику позволительно продавать ниже существующей цѣны для того, чтобы привлечь покупателей, а торговцы не могутъ возбранять этого". Въ этомъ-же параграфѣ онъ опять ссылается на приведенный выше § 5, глав. 156, гдѣ трактуется исключительно о нееврейскихъ контрагентахъ, изъ чего ясно усматривается, что законы о Мааруфіи не имѣли вовсе цѣли эксплоатировать нееврреевъ, а только ограждать евреевъ отъ подрыва въ ихъ средствахъ къ пропитанію, ибо запрещеніе относилось только къ тому, чтобы не продавать этому неееврею по той-же самой цѣнѣ; продавать-же дешевле во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ дозволено.

Въ настоящее-же время, и въ особенности въ Россіи, гдѣ никогда не существовало Гетто въ томъ видѣ, какъ въ Западной Европѣ, законы о Мааруфіи евреями вовсе не примѣняются. Но г. Брафманъ, съ цѣлью во что бы-то ни стало оклеветать евреевъ въ глазахъ правительства и русскаго общества, насильно навязываетъ имъ институтъ Мааруфіа, который положительно у нихъ не существуетъ; въ противномъ случаѣ въ городахъ, населенныхъ евреями, могли-бы быть только опредѣленное число купцовъ, ремесленниковъ, кабачниковъ и другихъ промышленниковъ и только изъ старожиловъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ, что евреи даже сильно страдаютъ отъ излишней конкуренціи между собою на всѣхъ поприщахъ дозволенной для нихъ дѣятельности.

Если принять приводимыя г. Брафманомъ въ своей «Книгѣ Кагала» свѣдѣнія о Хазакѣ и Мааруфіи за существующіе факты, то неминуемымъ слѣдствіемъ ихъ было-бы то, что въ городахъ съ еврейскимъ населеніемъ христіане-домовладѣльцы принуждены были-бы довольствоваться 4-ю или 5-ю частью доходовъ съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, ибо христіанинъ, имѣвшій несчастіе разъ отдать свой домъ въ наемъ еврею, въ тоже время лишился-бы всякаго на него права собственности; такъ какъ другой еврей, на

основаніи этихъ законовъ, не посмѣлъ-бы нанимать этотъ домъ. Такимъ образомъ и цѣны на квартиры, лавки, дома и земли въ тѣхъ краяхъ и городахъ были-бы крайне низки, и во всякомъ случаѣ онѣ были-бы неподвижны. Что на самомъ дѣлѣ это не такъ, что въ городахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, еврейскимъ и христіанскимъ, цѣны домовъ и квартиръ сравнительно дороже, чѣмъ въ городахъ съ исключительнымъ христіанскимъ населеніемъ—это г. Брафману все равно. Для него кагальная монополія все-таки существуетъ, на то онъ представилъ вѣдь свои собственные законные документы, подписанные очень недавно, всего лѣтъ 80 или 100 тому назадъ, Борухомъ, Хацкелемъ, Хаимомъ, Шлемою и проч.! Кто въ Россіи, помилуйте, не узнаетъ этихъ подписей и кто осмѣлится усомниться въ ихъ подлинности?

По увѣреніямъ г. Брафмана, каждый христіанинъ, имѣвшій несчастіе заблудиться въ еврейскую лавку и купить тамъ что-нибудь, лишился на всегда свободы выбора въ торговлѣ, такъ-какъ съ того момента онъ принадлежитъ еврею, становится его Мааруфіа (по объясненію г. Брафмана его затемненнымъ). Естественнымъ слѣдствіемъ такого закона должно было быть то, что если еврей продаетъ, то онъ могъ-бы вымогать за свой товаръ неслыханныя цѣны, такъ-какъ никому другому изъ евреевъ не позволительно имѣть дѣло съ его Мааруфіа; если-же, напротивъ, христіанинъ продаетъ, то еврей могъ-бы купить товаръ отъ своего христіанскаго Мааруфіа за безцѣнокъ, ибо только онъ одинъ имѣетъ право покупать у этого христіанина. Что на практикѣ евреи переманиваютъ другъ у друга покупателей и отбиваютъ продавцевъ, что они на продаваемые ими предметы изъ за конкуренціи сбиваютъ цѣну до нельзя, и напротивъ возвышаютъ ее на предметы ими покупаемые—это г. Брафмана не касается. Его документы вѣдь и тутъ говорятъ ему противное. Но г. Брафманъ иногда являетъ великодушіе и беретъ евреевъ подъ свою защиту, разумѣется только противъ „Кагала", и вотъ что онъ говоритъ: „Если ограбленный еврей искалъ защиты (противъ Кагала) у нееврейскихъ властей, то противъ него принимались другія мѣры. Вмѣсто прямаго денежнаго штрафа, онъ подвергался усиленному окладу податей, или предавался мѣстному суду по уголовнымъ преступленіямъ, ложно взведеннымъ на него подставными со сто-

роны Кагала лицами и подтвержденнымъ такими-же свидѣтелями (что и нынѣ дѣлается).»

Но мы уже заявили, и г. Брафману, какъ цензору еврейскихъ книгъ, это лучше другихъ должно быть извѣстно, что Талмудъ и позднѣйшіе еврейскіе ученые не только не запрещаютъ руководствоваться обще-государственными постановленіями, но прямо дѣлаетъ это обязательнымъ для евреевъ.

Въ Талмудѣ, какъ и во всѣхъ позднѣйшихъ еврейскихъ кодексахъ, многократно повторяется вышеприведенное нами общее основное правило, что государственный законъ составляетъ для насъ законъ обязательный. Чтобы привести всѣ мѣста и случаи, въ которыхъ это правило приводится, насъ повело-бы слишкомъ далеко, и все это составило-бы довольно объемистую книгу. Поэтому ограничимся нѣкоторыми только выдержками.

Г. Брафманъ обвиняетъ евреевъ, будто они имѣютъ въ каждомъ городѣ одинъ или нѣсколько Бетъ-диновъ, которые пользуются неограниченною властью надъ евреями; они будто вправѣ произносить смертные приговоры надъ каждымъ евреемъ, который осмѣливается донести начальству на другаго еврея, и будто могутъ конфисковать имущество тѣхъ евреевъ, которые обращаются съ своими дѣлами не къ Бетъ-дину, а въ установленныя судебныя мѣста.

Ссылаясь на Маймонида (законы о Бетъ-динѣ, гл. 4, § 5), мы утверждаемъ, что Бетъ-динъ, въ томъ видѣ и съ тою властью, какую приписываетъ ему г. Брафманъ, болѣе не существуетъ, ибо такой Бетъ-динъ, на основаніи закона, изданнаго въ Палестинѣ во время Гилеля, долженъ быть утвержденъ Наси (т. е. намѣстникомъ) и Авъ-Бетдиномъ (т. е. предсѣдателемъ Синедріона), которхъ теперь не существуетъ.

Что-же касается запрещенія вести процессы въ нееврейскихъ судебныхъ мѣстахъ, то оно имѣло силу въ тѣхъ лишь странахъ, гдѣ не было опредѣленныхъ государственныхъ законовъ, и гдѣ судьи дѣйствовали по произволу, какъ это было во времена рыцарей-хищниковъ, когда каждый помѣщикъ учреждалъ свои собственные трибуналы и по своему произволу распоряжался жизнью и достояніемъ своихъ подвластныхъ, когда кулачное право замѣняло законъ. Еврейскій законъ считалъ этихъ само-

управцевъ просто разбойниками. О подобныхъ властелинахъ, коихъ могущество опиралось только на насиліи, Маймонидъ говоритъ, что ихъ слѣдуетъ считать простыми атаманами разбойниковъ. (См. Маймонидъ, постановл. о грабежѣ и находкахъ гл. 5, § 18).

Законамъ-же, издаваемымъ властителями, которые творятъ судъ и правду, еврейская религія вмѣняетъ своимъ послѣдователямъ въ обязанность подчиняться даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они обременяютъ ихъ болѣе, чѣмъ другихъ подданныхъ.

„Если для взиманія утвержденной государемъ опредѣленной подати съ каждаго лица (хотя назначено было взимать съ евреевъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ съ неевреевъ то и въ такомъ случаѣ она считается опредѣленною. Магарикъ*) § 195) назначенъ былъ отъ государя еврейскій сборщикъ, извѣстный своею честностью, который не взимаетъ свыше назначенной, то сборщикъ этотъ не считается хищникомъ, такъ какъ государственный законъ считается для насъ закономъ обязательнымъ. Мало того, кто уклоняется отъ взноса этой подати совершаетъ хищничество, такъ какъ онъ грабитъ царскую казну, безразлично еврейскій-ли это государь, или нееврейскій". (Шулханъ-Арухъ, Хошенъ-Мишпатъ, гл. 369, § 6).

„Въ настоящее время, царскій чиновникъ, облеченный властью надъ обществомъ, имѣетъ право судить (евреевъ) (Раммо отъ имени Тура); иные утверждаютъ, что если чиновникъ этотъ ученый юристъ, то утвержденіе его въ должности государемъ или царскимъ намѣстникомъ освобождаетъ его отъ вознагражденія ущерба, могущаго произойти отъ его судебныхъ ошибокъ. (Ривошъ. § 271. Таково мнѣніе Шаха и Бееръ Гейтивъ), ибо въ общемъ правилѣ, что государственный законъ составляетъ для насъ законъ обязательный, заключается для насъ и обязанность повиноваться судьямъ и полицейскимъ властямъ, опредѣляемымъ по усмотрѣнію государя".

Далѣе въ Шулханъ-Арухъ, Хошенъ-Мишпатъ, относительно нееврейскихъ присутственныхъ мѣстъ, въ благоустроенномъ госу-

*) Магарикъ: Іосифъ Куллунъ, германскій раввинъ, жилъ въ XV ст.

дарствѣ, въ которомъ евреямъ отъ правительства дозволено было вѣдаться своимъ собственнымъ судомъ и предоставлено было полное самоуправленіе, Раммо, отъ имени Рашбо, Рошъ, Туръ и Бетъ-Іосифъ, говоритъ слѣдующее:

„Вообще присутственныя мѣста (нееврейскія) считаются неподкупными, и потому всякое совершенное въ нихъ обязательство подлежитъ удовлетворенію, даже съ имуществъ, подверженныхъ должникамъ, гиппотекѣ за другой позднѣйшій долгъ: даже и при отсутствіи еврейскихъ свидѣтелей передачи, даже тогда, когда судья не завѣрилъ свидѣтельскихъ на немъ подписей своею подписью. Слухъ, что это присутственное мѣсто, ради подкупа, способно уклоняться отъ закона, не освобождаетъ отъ обязанности выполнять совершенныя въ немъ обязательства; нельзя предполагать, чтобы оно ложно свидѣтельствовало и тѣмъ компрометировало бы себя. Не требуется, чтобы въ этомъ обязательствѣ именно написано было, что врученіе денегъ происходило въ самомъ присутствіи; но подразумѣвается, что, безъ сомнѣнія, это такъ было; если это обязательство совершено только въ присутствіи судьи, то нѣтъ никакой разницы подписался-ли на этомъ обязательствѣ одинъ или два свидѣтеля нееврея. Если-же обязательство написано судейскимъ писцомъ, не въ присутствіи самого судьи, тогда оно не имѣетъ силы".

Законъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ высокомъ довѣріи и уваженіи, которыя евреи питали къ нееврейскимъ судебнымъ учрежденіямъ, хотя они не были имъ подсудны и имѣли свои собственные, признанные правительствомъ, суды. А что здѣсь рѣчь идетъ именно о такихъ учрежденіяхъ, явствуетъ изъ слѣдующаго дополненія къ вышеприведенному закону.

„Однако тамъ, гдѣ государственный законъ признаетъ правильнымъ обязательство, совершенное назначеннымъ отъ правительства должностнымъ лицомъ, то оно сохраняетъ свою силу." (Тамъ-же).

Въ томъ-же мѣстѣ Раммо, Рашбо, Ривошъ, Рошъ, Туръ, Магидъ, Магарикъ, Бесъ-Іосифъ отъ имени Рана постановляютъ:

„Завѣщаніе, совершенное больнымъ въ нееврейскомъ присутственномъ мѣстѣ, сохраняетъ полную силу во всемъ, что въ немъ написано; и вездѣ, гдѣ законы страны предписываютъ, чтобы все

записывалось въ присутственныхъ мѣстахъ, всѣ акты, совершенные въ нихъ считаются правильными, даже записи дарственныя, въ силу правила объ обязательности для евреевъ государственныхъ законовъ. Всякій актъ, въ силу этого правила, если написанъ несогласно съ государственными законами, хотя-бы и составленъ былъ согласно еврейскимъ законамъ, не имѣетъ силы, ибо мы не должны признавать правильнымъ то, что государственные законы признаютъ неправильнымъ".

Тамъ-же, въ параграфѣ 2-мъ, сказано: „Если должникъ отрицаетъ обязательство, совершенное въ присутственномъ мѣстѣ, то писецъ (этого суда) можетъ свидѣтельствовать, что онъ его писалъ". (Тешуботъ Рашбанъ, § 78, и Тешуботъ Рашба, § 986).

„Обязательство, совершенное въ нееврейскомъ присутственномъ мѣстѣ, подписанное самимъ должникомъ, подлежитъ удовлетворенію во всемъ, что въ немъ написано, хотя бы должникъ и не умѣлъ его читать". (Тешботъ Рашба, § 985).

Далѣе въ Шульханъ-Арухъ, Хошенъ Мишпатъ, гл. 253, § 32, постановлено: „Завѣщанія, совершенныя въ нееврейскихъ присутственныхъ мѣстахъ, имѣютъ силу".

Изъ нижеприведеннаго мѣста въ томъ-же кодексѣ мы видимъ, что заимодавецъ изъ евреевъ, исполнившій форму процесса взысканія, установленнаго правительствомъ, имѣетъ преимущество предъ такимъ-же заимодавцемъ, который не исполнилъ законныхъ формальностей, и при столкновеніи интересовъ такихъ двухъ заимодавцевъ претензія перваго удовлетворяется, а претензія втораго можетъ остаться и безъ всякаго удовлетворенія.

Такъ, въ уставѣ о взысканіяхъ по обязательствамъ, гл. 104, § 2, постановлено: „Если заимодавецъ А взыскалъ, на основаніи распоряженія городскаго начальства, свой долгъ съ дома В, послѣ предварительной однодневной о томъ публикаціи, и потомъ явился кредиторъ С, коего долгъ старше, и предъявилъ споръ, между тѣмъ какъ А возражаетъ, что С самъ виноватъ тѣмъ, что не явился въ день публикаціи; въ такомъ случаѣ, если публикація имѣла слѣдующую форму: кто имѣетъ право или ипотеку на эту недвижимость, пусть явится и предъявитъ споръ; если-же не явится, то потеряетъ свое право; то С теряетъ свое право. Разумѣется, если только таковъ

обычай, и потому это подходитъ подъ правило обязательности для насъ государственнаго закона."

„Тоже самое имѣетъ мѣсто и тогда, когда между кредиторами и не состоялось соглашенія, а имущество должника находится подъ секвестромъ и неизвѣстно чей долгъ старше по времени, то свидѣтельство правительственнаго чиновника рѣшаетъ это сомнѣніе, ибо онъ заслуживаетъ довѣрія, въ силу правила обязательности для насъ государственныхъ законовъ." (Бесъ-Іосифъ, въ концѣ книги Хазе Гатнуфа). „Точно также если одинъ изъ кредиторовъ взыскалъ свой долгъ, а другой возражаетъ, что первый взыскалъ вопреки закона (еврейскаго), и что отъ должника ему ничего не слѣдовало, въ такомъ случаѣ, если первый кредиторъ взыскалъ на основаніи государственнаго закона, то взысканныя деньги остаются въ его пользу." (Тешуботъ Рашба, § 915).

Изъ всего вышесказаннаго можно самымъ положительнымъ образомъ убѣдиться, что еврейскіе религіозно-юридическіе законы самымъ строгимъ образомъ запрещаютъ евреямъ руководствоваться своими тальмудическо-юридическими законами въ тѣхъ государствахъ, которые имѣютъ свои законы и общіе для всѣхъ граждань или спеціальные для каждаго сословія суды.

Бетъ-динъ, которому г. Брафманъ приписываетъ всемогущую силу, положительно не признается самими евреями судебнымъ учрежденіемъ; приговоры его никто не считаетъ для себя обязательными. Судъ этотъ имѣлъ назначеніе посредническое, мировое. Въ судьи, въ это домашнее для евреевъ учрежденіе, выбирались люди благочестивые, честные, извѣстные своею ученостію, умомъ и безпристрастіемъ. Самъ г. Брафманъ подтверждаетъ, что судьи эти пользуются хорошею репутаціею даже у невреевъ, которые въ спорныхъ дѣлахъ съ евреями весьма часто сами приглашаютъ послѣднихъ къ Бетъ-дину, будучи увѣрены, что рѣшеніе его отличается полнѣйшею безпристрастностію и что члены этого учрежденія неподкупны.

Но съ введеніемъ мироваго института въ городахъ Сѣверо-западнаго края, Бетъ-динъ и въ этомъ отношеніи потерялъ въ глазахъ евреевъ всякое значеніе.

Если повѣрить на слово г. Брафману, что Бетъ-Динъ и законы

о доносчикахъ продолжаютъ существовать на прежнихъ основаніяхъ по нынѣ, что евреямъ по талмудическимъ законамъ запрещено обращаться въ нееврейскіе суды, то чѣмъ объяснить всѣмъ извѣстный фактъ, что присутственныя мѣста въ городахъ постоянной осѣдлости евреевъ завалены исковыми ихъ дѣлами.

Г. Брафманъ говоритъ, что евреи жестоко преслѣдовали доносчиковъ; но это не совсѣмъ вѣрно. Евреи, какъ и всѣ націи на земномъ шарѣ, только презираютъ ихъ. Законы о доносчикахъ, оставшіеся еще въ еврейскихъ кодексахъ, въ наттоящее время не имѣютъ для евреевъ никакого значенія. Они имѣли силу только во времена кулачнаго права и въ странахъ, гдѣ господствовали хищническіе бароны, не руководствовавшіеся никакими законами, а единственно только своимъ личнымъ произволомъ. Въ самыхъ этихъ законахъ именно указывается, что клеймить именемъ доносчика слѣдуетъ не того, кто доноситъ законному правительству, но того, кто былъ предателемъ своихъ единовѣрцевъ въ руки самоуправца; при чемъ законъ не дѣлаетъ никакого различія былъ-ли этотъ самоуправецъ еврей, или нееврей.

Самоуправцы эти въ еврейскихъ кодексахъ носятъ названіе Аносимъ, отъ слова аносъ—насиліе.

Вотъ постановленія, относящіяся къ этому предмету:

„Кто посредствомъ доноса предалъ чьи-либо деньги въ руки Аноса, т. е, хищника—самоуправца, все равно нееврей ли этотъ послѣдній, или еврей, обязанъ вознаградить за все то, что взято самоуправцемъ." (Хошенъ-Мишпатъ, гл. 388, § 2). „Если хищникъ-самоуправецъ приказалъ представить себѣ вино и тому подобное, а доносчикъ указалъ, что у такого-то, въ такомъ-то мѣстѣ, есть вино и погребъ, и вино было взято, въ такомъ случаѣ доносчикъ обязанъ заплатить." (Тамъ-же).

„Если хищникъ-самоуправецъ принудилъ доносчика указать ему деньги лица, скрывающагося предъ нимъ, и доносчикъ указалъ ему по принужденію, то онъ не виновенъ, ибо, еслибъ онъ не указалъ, то подвергся-бы истязанію или смерти".

„Если-же доносчикъ взялъ чьи-либо деньги и своими руками передалъ ихъ самоуправцу, то онъ виновенъ." (Тамъ-же, § 3).

„Самоуправецъ, подвергавшій еврея насилію до тѣхъ поръ,

пока онъ не указалъ ему (чьи-либо деньги), а приблизился самоуправецъ къ деньгамъ такъ, что онѣ очутились въ его власти (т. е. что онъ можетъ овладѣть ими и взять ихъ) и принудилъ еврея перенести эти деньги въ другое мѣсто, хотя ихъ переносилъ этотъ-же самый доносчикъ, то онъ не виновенъ; ибо коль скоро самоуправецъ сталъ возлѣ хранилища, то все въ немъ хранившееся считается потеряннымъ, какъ-бы сгорѣвшимъ." (Тамъ-же).

„Позволительно лишить жизни предателя *), даже въ настоящее время, (т. е. во время Маймонида, ибо мѣсто это извлечено изъ Маймонида, изъ 8 главы постановленій объ увѣчьяхъ и ущербахъ; но въ наше время и въ нашей странѣ это запрещено въ силу правила объ обязательности для насъ государственныхъ законовъ, какъ объяснено выше), и позволительно лишить его жизни прежде совершенія доноса, ибо лишь только онъ высказалъ: я намѣренъ предать такого-то, его личность или имущество, даже незначительную цѣнность, то онъ этимъ предаетъ себя смерти, (потому-что хищники-самоуправцы убивали даже ради денегъ, какъ явствуетъ изъ Раммо, Тосефотъ, Рошъ, въ трактатѣ „Недаримъ", листъ 24, стр. 2). Предателя слѣдуетъ предварить, говоря ему, не доноси; если-же онъ былъ настолько дерзокъ и отвѣчалъ, нѣтъ, я его предамъ, тогда лишеніе этого доносчика жизни составляетъ заслугу, и кто первый его умертвитъ, тотъ совершитъ доброе дѣло." (Тамъ-же, § 10).

Мы, кажется, вполнѣ ясно доказали, что всѣ эти постановленія, которыя г. Брафманомъ представлены въ ложномъ свѣтѣ, имѣли мѣсто во времена варварства и грубой силы, когда жизнь и имущество человѣка не были обезпечены, когда евреи жили въ такихъ странахъ, которыя не управлялись опредѣленными законами, и когда грабежъ и хищничество считались привиллегированнымъ ремесломъ благородныхъ бароновъ. Въ это мрачное время, о которомъ человѣчество желало-бы забыть, не только евреи принуждены были сомкнуться и общими усиліями противустоять напору окружающихъ варваровъ, но и христіанскіе города учреждали союзы, имѣвшіе цѣлью защищаться противъ неистовствъ необузданныхъ васаловъ, бароновъ и рыцарей (Ганза). Время, науки, исторія давно уже устранили всѣ причины, вызвавшія необходимость обособленій между собой гражданъ одного и того-же государства, и юридическіе законы талмудистовъ, относящіяся къ давнопрошедшей мрачной эпохѣ, стали теперь мертвою буквою для самыхъ евреевъ.

*) Здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ доносчикахъ, которые предаютъ хищникамъ-самоуправцамъ, какъ явствуетъ изъ 5-ти предъидущихъ цитатъ.

Законы эти имѣютъ теперь только историческое и археологическое значеніе, и никто изъ евреевъ и не подумаетъ ими руководствоваться. Съ этимъ долженъ согласиться и самъ г. Брафманъ, иначе чѣмъ объяснить то обстоятельство, что онъ, будучи цензоромъ еврейскихъ книгъ въ Вильнѣ, самъ дозволилъ къ печати тѣ мѣста въ еврейскихъ кодексахъ, на которыя онъ теперь такъ нападаетъ, и которыя онъ теперь вдругъ нашелъ вредными для государства.

Г. Рабиновичъ.

ВѢЧНО НОВЫЙ ВОПРОСЪ.

(Посвящается русскимъ евреямъ и нѣкоторымъ русскимъ публицистамъ)

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ такъ называемый еврейскій вопросъ, въ общемъ его значеніи, давно рѣшенъ и сданъ въ архивъ. Лишь ярые ультрамонтаны, нападающіе на всякій человѣческій прогрессъ и всякое движеніе впередъ, да умственно разстроенные композиторы осмѣлятся тамъ въ настоящее время отрицать способность евреевъ быть людьми, быть истинными гражданами страны, среди которой живутъ, истинными патріотами. Если въ европейской печати появляются статьи о евреяхъ, то въ нихъ не разбирается вопросъ: въ какой мѣрѣ евреи способны къ воспріятію какихъ либо гражданскихъ и политическихъ правъ, или въ какой мѣрѣ они полезны или вредны странѣ—объ этомъ, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи тамъ, гдѣ народъ выбираетъ ихъ своими представителями въ законодательныхъ собраніяхъ, гдѣ они являются выразителями народной воли и наравнѣ съ другими занимаютъ самыя почетныя мѣста во всѣхъ сферахъ общественной и государственной дѣятельности. Содержаніе этихъ статей всегда какіе нибудь вопросы научные или историческіе. Не то совсѣмъ мы замѣчаемъ у насъ и въ сосѣднихъ намъ придунайскихъ княжествахъ. И тамъ, и здѣсь, всякій разъ, когда почему-либо приходится заговорить о евреяхъ—еврейскій вопросъ является вѣчно новымъ, вѣчно открытымъ, какъ будто объ немъ до тѣхъ поръ никогда не говорили, и какъ будто нигдѣ, кромѣ Россіи и Румыніи, евреевъ не существуетъ. Даже тѣ, которые когда-то было совсѣмъ у насъ рѣшили еврейскій вопросъ, при представляющемся случаѣ начинаютъ его ab ovo, причемъ совершенно забываютъ то, что ими самими когда-то было

высказано, и проповѣдуютъ въ этомъ отношеніи совершенно противуположное тому, чего когда-то сами требовали.

Да извинитъ насъ русское общество за это сопоставленіе. Не мы виновны въ томъ, что приходится дѣлать подобное сравненіе, а тѣ, которые выдаютъ себя за представителей русскаго общественнаго мнѣнія. Хотя между положеніемъ евреевъ въ Россіи и Румыніи —разница громадная, но извѣстная часть русской печати въ особенности въ послѣднее время, очевидно, во что бы то ни стало, стремится въ этомъ отношеніи поставить Россію на одну степень съ Румыніей. Одесскія событія чуть-ли не наглядно намъ доказали это. Не говоря уже о тѣхъ органахъ, которые потворствуютъ необузданному невѣжеству толпы, даже болѣе уважаемые представители общественнаго мнѣнія, вмѣсто того, чтобы бичевать фанатизмъ или хищничество черни, не гнушались подливать масло въ огонь, и у нихъ хватило смѣлости осквернить печать заявлеяіемъ, что всеобщій грабежъ и безчинства на одесскихъ улицахъ чуть-ли не—доброе дѣло. Одна петербургская газета до сихъ поръ продолжаетъ упражняться въ благородномъ занятіи возбуждать общественное мнѣніе противъ еврейскаго населенія Россіи, и между строками ея весьма ясно можно вычитать желаніе, чтобы народъ поступилъ съ евреями, какъ чернь поступаетъ съ ними въ Румыніи. Она не постыдилась даже помѣстить на своихъ столбцахъ слѣдующія слова благороднаго румынскаго адвоката, опозорившія его во всей европейской печати: „Гг. присяжные засѣдатели! Вы должны знать прежде всего, что такое евреи; должны вспомнить, что эти пьявицы сосутъ кровь румунскаго народа. Я могу доказать вамъ, по ихъ же законнику, по Талмуду, что евреи упиваются кровью христіанъ, что въ заповѣдяхъ еврейскихъ проповѣдуется ненависть къ христіанамъ. Истинные христіане должны обходиться съ евреями, какъ съ дикими звѣрями! Я убѣжденъ, что вы оправдаете моихъ кліентовъ — они имѣли добрую цѣль: освободить нашу бѣдную страну отъ этихъ жидовскихъ извергов ъ.“ („Голосъ“ 1872 г. № 45.)

Въ виду этого намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь очеркъ послѣднихъ преслѣдованій евреевъ въ Румыніи, въ томъ

видѣ, какъ ихъ обрисовала нѣсколько времени тому назадъ пользующаяся всеобщимъ уваженіемъ берлинская газета „Gegenwart“.

Когда сорокъ лѣтъ тому назадъ—говоритъ эта газета устами одного извѣстнаго германскаго публициста—филэллинизмъ отрезвился отъ своего помраченія, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что новѣйшіе греки вовсе не тѣ идеалы человѣчества, которые онъ до тѣхъ поръ воспѣвалъ и поддерживалъ своими симпатіями. Точно тоже уже нѣсколько лѣтъ случается съ тѣми, которые отъ новаго христіанско-романскаго государства на низовьяхъ Дуная ожидали возрожденія культуры. Куда ни взглянешь на Балканскій полуостровъ, все болѣе и болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что между оглашенными магометанскими притѣснителями и ихъ часто восхваляемыми христіанскими васалами или подданными — разница въ нравственности и просвѣщеніи далеко не такъ велика и что отличительные признаки далеко не всегда говорятъ въ пользу послѣднихъ. Школа Уркартистовъ, даже съ британскимъ упорствомъ во имя Турціи протестуетъ противъ этого сравнительнаго сопоставленія, когда иногда слишкомъ яркій свѣтъ освѣщаетъ турецкое варварство. Но въ сущности дѣло вовсе не въ этомъ спорѣ о большей или меньшей долѣ варварства и разложеніи съ той или другой стороны, а дѣло въ культурныхъ зачаткахъ и большей или меньшей плодотворной для нихъ почвѣ тамъ и здѣсь. Собственнаго культурнаго развитія онѣ уже обѣ не имѣютъ; обѣ заимствуютъ у запада Европы созрѣвшіе, но еще чаще уже начинающіе гнить плоды его старой цивилизаціи; правда, что отростокъ у османовъ прививается къ такому чуждому корню, что онъ не можетъ рости, между тѣмъ какъ у христіанскихъ народностей, которыя отчасти имѣютъ одинаковое происхожденіе, рассу, языкъ, семейныя отношенія, нравы и религію, онъ по крайней мѣрѣ не исключаетъ надежды на произрастаніе. Только вліяніе дипломатіи, отчасти изъ опасенія, чтобы эти христіанскія общественности не поглощены были одною изъ сосѣднихъ великихъ державъ, заранѣе ввело тамъ высшія политическія формы, которыя неизбѣжно должны были выродиться въ каррикатуру. Когда изъ страны, въ которой немыслимо еще хотя отчасти судейское безпристрастіе, сообщаютъ намъ о народныхъ выборахъ, о всеобщей подачѣ голосовъ, образованіи партій, конституціонной оппозиціи, парламентскомъ и какъ будто отвѣтственномъ министерствѣ, то должно себѣ представить совсѣмъ другое, чѣмъ то, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ этими выраженіями. Для характеристики этого выродка конституціонализма можетъ, между прочимъ, служить принятое недавно румынскимъ народнымъ представительствомъ рѣшеніе объ уничтоженіи нормальныхъ школъ, для того, чтобы сдѣлать экономію въ 70000 франковъ (около 20,000 р.). Но главное, чѣмъ отличаются эти княжества отъ запада Европы — это отсутствіе промышленныхъ классовъ: между деморализованнымъ въ Парижѣ бояриномъ и утопающимъ въ грязи крестьяниномъ нѣтъ гражданскаго сословія: землянная лачужка стоитъ о бокъ съ мраморнымъ дворцомъ. Поверхностное безвѣріе дворянина весьма легко уживается съ нелѣпымъ суевѣріемъ свинопаса. Лѣнивцы они оба, только разница въ томъ, что одного иногда принуждаютъ работать. Въ гнусныхъ интригахъ никогда нѣтъ недостатка въ такомъ дворянскомъ сословіи, которое усвоило всю испорченность французской Haute-volée, но безъ смягчающихъ элементовъ дѣйствительно утонченной культуры.

Настоящія торговыя сношенія и высшія ремесла въ этой странѣ производятся иностранцами (нѣмцами, греками и мадьярами) и значительнымъ тамошнимъ еврейскимъ населеніемъ. Эти послѣдніе, примѣрно около 200,000 душъ, со времени введенія конституціонныхъ формъ, составляютъ предметъ неоднократно-повторявшихся преслѣдованій, совершенныхъ съ возрастающимъ безстыдствомъ и до сихъ поръ оставшихся безнаказанными. Основанія этихъ частыхъ нападеній на евреевъ вовсе не кроются въ религіозномъ фанатизмѣ: иначе они еще прежде были бы въ ходу. Религіозные предлоги въ подобныхъ преступленіяхъ, гдѣ бы они ни совершались, въ Дамаскѣ-ли тридцать лѣтъ тому назадъ, или недавно еще въ Одессѣ, по большей части шиты весьма грубыми бѣлыми нитками. Точно также тутъ не можетъ быть и рѣчи о природной вкоренившейся племенной ненависти, ибо среди народной смѣси европейскаго востока—евреи единственные, которые не питаютъ плановъ о расширеніи своихъ предѣловъ и о господствѣ въ будущемъ. Племенная ненависть обратилась бы скорѣе противъ грековъ, мадьяровъ и нѣмцевъ, еслибы для этого не

требовалось большей храбрости. Ближайшая причина этихъ повторяющихся преслѣдованій евреевъ лежитъ въ относительной беззащитности евреевъ и связаннаго съ этимъ убѣжденія въ безнаказанности преслѣдователей. Съ тѣхъ поръ какъ бояринъ занимается внутреннею политикою ему весьма удобно имѣть всегда подъ рукою предметъ, который онъ можетъ предоставить своимъ приверженцамъ, своей толпѣ, для разграбленія, разоренія и обнаруженія своего преступнаго высокомѣрія. Въ особенности красная партія Братіана съ братіею старается поднять этимъ свое упадающее вліяніе. Эти красные юнкеры, которые въ пятидесятыхъ годахъ парадировали въ Парижѣ и Лондонѣ подъ знаменами Мадзини, въ качествѣ будто бы республиканскихъ эмигрантовъ, это тѣ самые, которые теперь жертвуютъ всякимъ общественнымъ интересомъ, а главное нравственнымъ достоинствомъ и правовою безопасностью юнаго государства—своему честолюбію и корыстолюбію. И въ дѣлѣ о желѣзныхъ дорогахъ ихъ машинаціи были въ высшей степени опасны для самого государства. Хотя дипломатія видитъ въ его самостоятельности европейскій интересъ, тѣмъ не менѣе, они весьма легко могли представить Высокой Портѣ случай снова заявить свои права въ качествѣ сузереннаго владѣтеля. Но возмутительнѣе всего, что всѣмъ этимъ маневрамъ и интригамъ мнимымъ знаменемъ служитъ преимущественно форсированный нативизмъ, который особенно ярко выдается у необразованныхъ—и потому тѣмъ болѣе о себѣ воображающихъ—народовъ, нативизмъ, который далеко оставляетъ за собою все, что совершено было прежде Know-nothing'ами, а въ послѣднее время Kukluxkelan'ами въ Сѣверной Америкѣ. Такъ, напримѣръ, Дмитрій Братіано говоритъ, что „румуны предпочитаютъ лучше пробираться по румынской грязи, чѣмъ ѣздить на желѣзныхъ дорогахъ, которые устроены были нѣмцами".

Нативистическій органъ „Trompetta Carpazilon" свою ненависть къ нѣмцамъ мотивируетъ тѣмъ, что славяне и романы весьма скоро ассимилируются въ Молдавіи и Валахіи, но нѣмцы никогда. Эти ненавистники нѣмцевъ простираютъ свою галоманію до экзалтаціи, но они конечно и не думаютъ о томъ, чтобы ввести у себя французскую свободу вѣроисповѣданія.

Названный Дмитрій Братіано, братъ котораго, Иванъ, впро-

чемъ играетъ болѣе важную и болѣе опасную роль, разсуждаетъ въ „Романулѣ" о гибельности завоеванія нѣмцевъ и евреевъ, и оплакиваетъ отравленіе румунскаго народнаго духа этими чуждыми элементами. Затѣмъ продолжаетъ:

„Струсберго-Блейхредеровскій вопросъ обратилъ, вѣроятно, на себя мимоходомъ вниманіе нѣкоторыхъ изъ насъ; но что значатъ 102 милліона, употребленные на желѣзныя дороги, въ сравненіи съ тѣми милліардами, которые отнимаютъ у насъ всѣми возможными средствами, подъ всевозможными предлогами, и употребляютъ ихъ на то, чтобы погубить наше отечество, чтобы передать Руманію въ руки иностранцамъ. Нѣмцы и евреи уже втихомолку заняли часть нашихъ городовъ, а когда они окончательно займутъ ихъ, то очередь дойдетъ до нашихъ деревенскихъ общинъ. Здѣсь рѣчь не идетъ лишь объ однихъ молдавскихъ городахъ, но точно также и о Бухарестѣ, на многолюднѣйшихъ улицахъ котораго теперь едва услышишь румынскій языкъ. Лучшія мѣстоположенія заняты теперь нѣмцами и евреями; если хотятъ устроить публичное собраніе, то необходимо обращаться къ евреямъ и нѣмцамъ, такъ какъ они владѣютъ всѣми лучшими помѣщеніями; въ дѣлахъ своихъ они не терпятъ румынскихъ служащихъ; лучшія фирмы принадлежатъ имъ, и въ Бухарестѣ едва найдете теперь двухъ значительныхъ румынскихъ торговцевъ. Между тѣмъ какъ мы, такимъ образомъ, мало по малу, теряемъ наши города, какъ торговля и промышленность исчезаютъ изъ нашихъ рукъ, очередь въ скоромъ времени дойдетъ и до поземельныхъ владѣній, а вмѣстѣ съ землею у насъ отнимутъ и нашъ языкъ, нашу религію, у насъ вырвутъ душу Румыніи .... Но какъ евреи, такъ не имѣютъ отечества и нѣмцы. Какъ птицы, они вѣчно летаютъ и съ такою же легкостью оставляютъ мѣсто своего рожденія. Нѣмецъ безъ малѣйшаго затрудненія оставляетъ свой домашній очагъ, своихъ друзей и родственниковъ, укладываетъ свою національность въ свою сумку — ибо, какъ еврей, и нѣмецъ — побѣдитель ли онъ, или побѣжденный, всегда остается нѣмцемъ—чтобы, не думая никогда о возвращеніи на родину, отправиться въ Америку, Австралію, словомъ вездѣ, гдѣ онъ съумѣетъ найти возможность зарабатывать копѣйку, чтобы купить себѣ кружку пива и кусокъ мяса. Эти нѣмцы тѣмъ опаснѣе, что они, обладая высшею культурою и работая съ замѣчательною легкостью, въ то же время лишенные всякаго чувства національности и отечества, вовсе не совѣстятся выживать тѣхъ, которые ихъ радушно приняли. Мало того: нѣмецъ, въ глубинѣ своей природы, прилипчивъ, молчаливъ и терпѣливъ; онъ умаляется, предлагаетъ тебѣ свои услуги, проситъ тебя, чтобы ты изъ состраданія принялъ его въ твой домъ — и когда ты склоняешься на его просьбу, то онъ въ тиши работаетъ до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлаетъ тебя нищимъ и выброситъ тебя изъ твоего собственнаго дома. Семигорія и Буковина лучше всего свидѣтельствуютъ, что значатъ эти нѣмецкіе гости, и Богемія, не смотря на всѣ поддержки со стороны Россіи, не мало борется для того, чтобы освободиться изъ нѣмецкихъ когтей. Что же касается евреевъ, то намъ нужно только спросить поляковъ, чтобы узнать, сколько евреи содѣйствовали паденію Польши. Хотя мы отъ нынѣшняго правительства ничего ожи-

дать не можемъ, но все таки мы всѣ можемъ соединиться для того, чтобы освободиться отъ евреевъ и нѣмцевъ, хотя и не прямо изгнать ихъ, что впрочемъ, при самомъ сокровенномъ желаніи нашемъ, не можетъ состояться".

И затѣмъ Дмитрій Братіано приходитъ къ слѣдующему заключенію: Во всякомъ румынскомъ городѣ долженъ образоваться союзъ подъ именемъ: „Національная Солидарность", который будетъ имѣть цѣлью заставить разъ на всегда прекратить всякія сношенія съ нѣмцами и евреями, больше не продавать имъ ничего и не покупать отъ нихъ, словомъ сдѣлать такъ, какъ-бы они вовсе не существовали. Такимъ образомъ отрѣзанъ будетъ самый жизненный нервъ нѣмцевъ и евреевъ, и они всѣ и вся убѣгутъ отъ насъ, еслибы мы даже и силою ихъ удерживали. Этотъ планъ, по мнѣнію г. Дмитрія Братіано, тѣмъ практичнѣе, что онъ исключаетъ возможность всякаго вмѣшательства, въ томъ числѣ и дипломатическаго, и даетъ, напротивъ, возможность достигнуть желанной цѣли, развить національную торговлю и промышленность и избѣгнуть оевреиванія и огерманизарованія Румыніи.

Въ прошломъ году въ румынской печати долгое время продолжалась полемика между депутатомъ Маіореско, извѣстнымъ профессоромъ философіи, и „Школой Барнуца", стремящейся возстановить древне-даційское царство съ древнеримскими законами и съ этою цѣлью изгнать всѣхъ иностранцевъ. Маіореско, на языкѣ образованныхъ людей, указывалъ ей на требованія человѣчества, свободы и цивилизаціи; онъ соглашался, что множество иностранцевъ дѣйствительно составляетъ большое зло, но лишь въ томъ смыслѣ, что это служатъ симптомомъ неспобности и невѣжества туземцевъ. Онъ выставлялъ ей на видъ заслуги евреевъ и нѣмцевъ въ дѣлѣ развитія торговыхъ сношеній и воспитанія. Струсбергское дѣло было, конечно, счастливою находкою для „школы Барнуца", для того, чтобы отправлять въ адъ связанныхъ въ одномъ мѣшкѣ еврейскихъ ростовщиковъ и нѣмецкихъ юнкеровъ, и чтобы предостерегать предъ лютымъ балтійскимъ звѣремъ.—Еще недавно румынскій конгрессъ журналистовъ принялъ слѣдующую торжественную резолюцію: „Германизмъ очевидно угрожаетъ дунайскимъ землямъ. Печать энергически будетъ бороться противъ всякой прямой или косвенной колонизаціи нѣмцевъ въ странѣ. Она столь-же энергически будетъ противодѣйствовать систематическому завоеванію евреевъ, этому истинному авангарду германизма".

Эти, противныя цивилизаціи и международному праву, стремленія страннымъ образомъ съ дерзкимъ вызовомъ высказываются въ странѣ, которая ждетъ еще введенія пока еще чуждаго ей европейскаго образованія и существованіе которой зависитъ отъ доброй воли великихъ державъ. Но какъ ни обсурдны они кажутся намъ въ этой связи, множество фактовъ доказали уже ихъ силу, равно какъ и гнусную беззастѣнчивость. Если эти тенденціи достигнутъ полной побѣды, то князь Карлъ не можетъ съ честью оставаться на своемъ постѣ, на которомъ онъ долженъ будетъ служить боярамъ, чтобъ своимъ именемъ прикрывать неимовѣрныя гнусности и представлять предъ Европой государственное управленіе, въ которомъ онъ въ дѣйствительности не имѣетъ вліянія. Тогда боярскія интриги, въ союзѣ съ обезумѣвшимъ панславистскимъ радикализмомъ, окончатъ надъ поселившимися нѣмцами то дѣло, опытность и силу въ которомъ они пріобрѣли упражненіями надъ евреями.

Новѣйшій эпизодъ преслѣдованій румынскихъ евреевъ начался извѣстнымъ манеромъ, къ которому прибѣгали въ средніе вѣка при совершеніи подобныхъ неистовствъ. Когда въ былыя времена черни захотѣлось грабить имущество и достояніе богатыхъ евреевъ, то на Пасху подкидывали въ домъ еврея тѣло ребенка, или еврейскій апостатъ долженъ былъ засвидѣтельствовать, что евреи прокалываютъ гостіи. Нѣчто подобное стучилось и тутъ.

Въ Измаилѣ, 25 декабря прошлаго года, крещенный еврей, русскій дезертиръ изъ Литвы, жившій тамъ въ качествѣ портнаго подмастерья, похитилъ церковную посуду, которую онъ спряталъ въ ретирадномъ мѣстѣ еврейскаго дома съ цѣлью, чтобы тамъ нашли ее. Слѣдствіемъ этого былъ погромъ евреевъ съ неслыханною жестокостью: раввинъ и представители общества были арестованы, и ихъ обвиняли въ соучастіи, приписывая имъ нравственную инціативу. Движеніе распространилось и на другіе города (Кагулъ, Вильковъ и двадцать другихъ менѣе значительныхъ мѣстностей).

Измаилъ городъ съ 20,000 жителей, среди которыхъ живутъ, или вѣрнѣе жили, 800 евреевъ. Когда началось разграбленіе и

разрушеніе ихъ домовъ, неистовство надъ стариками, женщинами и дѣтьми, гражданскія власти держались въ сторонѣ и не пытались вмѣшаться. Только спустя нѣкоторое время стала принимать мѣры военная сила, но съ весьма незначительными средствами и безъ успѣха; она могла защищать лишь внутреннія части города; евреи же, жившіе въ предмѣстьяхъ, должны были бѣжать возможно дальше отъ своихъ домовъ. Когда буйство улеглось, т. е. когда чернь насытилась, полиція приступила къ слѣдствію—разумѣется исключительно противъ евреевъ. Заказной преступникъ указалъ на своего еврейскаго хозяина, какъ на подстрекателя, но когда у послѣдняго не нашли похищеннаго, онъ указалъ на другаго еврея, пока наконецъ corpus delicti не былъ найденъ въ домѣ, въ которомъ жилъ раввинъ и 40 другихъ еврейскихъ семействъ. Всѣ эти евреи были заарестованы, и ихъ подвергали всевозможнымъ жестокостямъ и даже средневѣковымъ пыткамъ. Но слѣдствіе противъ нихъ ничего не обнаружило, и несчастныхъ по повелѣнію министерства 17 февраля должны были освободить изъ предварительнаго заключенія. Однако буйство, разграбленіе и разрушеніе еврейскаго кладбища продолжалось еще до конца февраля, такимъ образомъ около двухъ мѣсяцевъ съ начала этой трагедіи.

На улицахъ открыто продавали награбленныя вещи, на глазахъ у префекта, все еще исправлявшаго эту должность, не смотря на его неотрицаемую слабость или потворство. Правительство, правда, хотѣло бы обнаружить доброе желаніе: побуждаемое европейскими консулами, оно предписало производить разслѣдованія и послало прокурора на мѣсто происшествія, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ обвиненные евреи, виновникъ всѣхъ ужасовъ (воръ Зильберъ), а равно нарушители спокойствія въ Кагулѣ и Вильковѣ (вмѣстѣ около 80 чел.) были преданы суду *). Измаильскіе нарушители порядка должны были впослѣдствіи быть преданы суду. Воръ Зильберъ уже на предварительномъ слѣдствіи взялъ назадъ свои противорѣчивыя показанія.

*) Какъ извѣстно, присяжные, противъ всякаго человѣческаго ожиданія, обвинили измаильскаго раввина и еще другихъ евреевъ, которые и были приговорены къ трехлѣтнему заключенію. Впослѣдствіи князь Карлъ освободилъ ихъ.

Настоящимъ зачинщикамъ очень желательно мѣшать въ это дѣло чужія національности. Сперва они выставляли грековъ; но греческіе консулы заступились за евреевъ. Только о русскихъ и болгарахъ можно, тоже однако не достовѣрно, предполагать, что они показали туземцамъ дурной примѣръ и взяли на себя роль подстрекателей. Но это, еслибы такое предположеніе и оправдалось, нисколько однако не уменьшило бы вины мѣстныхъ судовъ и администраціи. Послѣдняя держалась по возможности въ сторонѣ. Въ Кагулѣ, напримѣръ, гдѣ на 7000 жителей находится 1000 евреевъ, администрація—какъ гласитъ сообщеніе очевидца румынскому министерству внутреннихъ дѣлъ—поступила слѣдующимъ неслыханнымъ образомъ. Когда получено было извѣстіе о безпорядкахъ въ Измаилѣ, евреямъ угрожали убіеніемъ и смертью. Префекта извѣстили объ этомъ, и онъ обѣщалъ принять необходимыя мѣры. На дѣлѣ же онъ выставилъ на улицахъ всего до 15 солдатъ, а самъ—уѣхалъ изъ города. Вооруженныя банды въ 50 и 100 человѣкъ шумно разгуливали по городу; въ нѣкоторыхъ домахъ вооружались и евреи, но одинъ еврей, употребившій въ дѣло свое оружіе для своей защиты, долгое время томился въ темницѣ. Между тѣмъ мѣстный гарнизонъ хотѣлъ укрыть евреевъ въ казармѣ. Вообще военныя власти оказались болѣе добросовѣстными, чѣмъ гражданскія. Но ряды незначительнаго гарнизона были опрокинуты, и чернь страшно неистовствовала надъ евреями. Солдаты и не попытались противодѣйствовать превосходившей ихъ силѣ. Кровь лилась по улицамъ; тяжело раненные лежали на этомъ городскомъ полѣ сраженія. Въ казармѣ до 1000 евреевъ остались три дня безъ пищи — при чемъ еще должны были опасаться нападенія извнѣ. Но чернь ограничилась разореніемъ и разграбленіемъ еврейскихъ домовъ и синагогъ.

Съ нѣкоторыхъ сторонъ особенно указываютъ на русскихъ жителей Кагула и ихъ консула. Но во всякомъ случаѣ вся вина падаетъ на гражданскую администрацію за ея бездѣйствіе. Въ Хиліи одинъ полицейскій коммисаръ, только нѣсколько болѣе рѣшительный, въ зародышѣ уничтожилъ предполагавшееся нападеніе на евреевъ. Министръ юстиціи Костафору не задумался сказать въ палатѣ, что вѣроятно „какая-то тайная рука замѣшана въ этомъ дѣлѣ“. Тѣмъ не менѣе измаильскій префектъ остался

на своемъ посту, а тамошнихъ евреевъ не допускали возвратиться въ ихъ жилища. Безопасность еще до сихъ поръ не возстановлена, а лишь фискальныя власти дѣйствуютъ съ неумолимою строгостью и взыскиваютъ налоги съ пострадавшихъ и непострадавшихъ евреевъ. „Тайная рука“, на которую указалъ министръ юстиціи, остается загадкой. Должно полагать, что за и надъ министерствомъ, которое уже изъ одного страха старается выказать себя благомыслящимъ, дѣйствуетъ какая-то каморра, которая поддерживаетъ и защищаетъ измѣннических чиновниковъ противъ ихъ начальства—какая-то невидимая сила, желающая, во что бы то ни стало, навсегда компрометировать и уничтожить самостоятельность юнаго государства.

Когда въ началѣ марта вышеприведенныя обстоятельства обнаружились нѣсколько яснѣе, министерство было интерпеллировано двумя вліятельными депутатами относительно положенія евреевъ. Первый ораторъ этой враждебной евреямъ интерпелляціи, извѣстный въ Румыніи писатель и ученый, редакторъ распространеннаго въ томъ краю органа, Цезарь Боліакъ, прежде всего обвинялъ правительство въ томъ, что оно намѣрено дать евреямъ эманципацію и обрисовалъ страшныя послѣдствія такого шага. Затѣмъ онъ продолжалъ:

„Всѣ газеты говорили о происшествіяхъ въ Измаилѣ, и министру юстиціи былъ сдѣланъ въ Палатѣ запросъ по этому предмету. Но министръ весьма легко отнесся къ нему и заявилъ только, что онъ послалъ въ Измаилъ прокурора Борша. Прокуроръ еще не возвратился, и мы не знаемъ заарестованы ли грабители или по крайней мѣрѣ ихъ соучастники, а это, господа, не шутка. Когда распространились слухи, что нашли въ подвалахъ мертвыхъ дѣтей, что свиней кормятъ собачьимъ мясомъ — то это назвали клеветою. Хорошо; но теперь мы не можемъ говорить болѣе о клеветѣ, ибо этотъ вопросъ уже зашелъ слишкомъ далеко. Всѣ европейскія державы интересуются имъ; а если въ Англіи, гдѣ на 25 милліоновъ туземцевъ находится всего 30,000 евреевъ, оказываются ожидовѣвшія личности, связанныя съ евреями торговыми интересами, то понятно, почему англійское правительство посылаетъ намъ оскорбительныя депеши. Но почему дозволили, чтобы эти депеши были вывѣшены въ Палатѣ и почему содержаніе ихъ не было опровергнуто въ „Монитерѣ“? Почему наше правительство не обратилось съ циркулярной нотой къ нашимъ заграничнымъ агентамъ и не поручило имъ опровергнуть клеветы евреевъ, которые сами бьютъ и при этомъ поднимаютъ крикъ, какъ будто бьютъ ихъ самихъ? Говорятъ, что въ Румыніи кровь евреевъ течетъ ручьями по улицамъ, между тѣмъ какъ всякій знаетъ, что

и капли крови ихъ не было пролито. Если мы и дальше терпѣливо будемъ молча переносить это и доставлять евреямъ удовольствіе говорить намъ подобную ложь, если правительство молчитъ въ виду полученныхъ депешъ, то кто же будетъ защитникомъ этой страны.“

Второй ораторъ, г. Варнали, бывшій предсѣдатель верховнаго суда, еще болѣе подробно коснулся происшествій въ Измаилѣ и требовалъ для христіанскаго населенія Бессарабіи защиты противъ насилія евреевъ! При этомъ онъ ясно намекнулъ, что лишь полное выселеніе евреевъ можетъ удовлетворить населеніе и гарантировать его безопасность.

Эти парламентскіе фокусы показываютъ съ какими людьми имѣютъ дѣло. Отвѣтъ министра юстиціи отличался достоинствомъ и энергіей. Его довольно подробное изложеніе дѣла во всѣхъ главныхъ пунктахъ согласно съ вышеприведенными данными. Однако, не смотря на его убѣжденіе и убѣжденіе генеральнаго прокурора, слѣдствіе производилось такъ, какъ будто евреи тутъ преступники, а не жертвы. Въ февралѣ нынѣшняго года передана была румынскому правительству коллективная нота европейскихъ и сѣвероамериканскаго консуловъ (какъ извѣстно, американскій генеральный консулъ Веньяминъ Пейкшотто самъ еврей и назначенъ вашингтонскимъ правительствомъ спеціально для защиты румынскихъ евреевъ). На эту ноту правительство отвѣтило уклончиво и только обѣщало строгое выполненіе правосудія. Но, какъ извѣстно, это строгое правосудіе была пустая фраза. Евреи были обвинены, а зачинщики выпущены на свободу.

Не сомнѣваются въ доброй волѣ князя и министерства, но въ его силѣ. Уже шесть лѣтъ, какъ преслѣдованія евреевъ возобновляются то тамъ, то здѣсь (было уже до 14 болѣе значительныхъ происшествій); спорадическій характеръ этихъ событій очевидно придуманъ заговорщиками для того, чтобы избѣгнуть энергическихъ мѣръ со стороны великихъ державъ. Уже шесть лѣтъ, какъ постоянно обѣщаютъ справедливость и правосудіе, иногда даже призываютъ и военную силу, но всегда такъ, что она является слишкомъ поздно для того, чтобы предупредить скандалъ и преступленіе. Эта медлительность, выжиданіе, обѣщаніе и предоставленіе дѣла своему теченію—это настоящая восточная политика.

Но великія державы, создатели и поручители этого государст-

веннаго строя, не должны терпѣть, чтобы подъ ихъ эгидою уничтожена была безопасность и человѣческія права топтали бы ногами. Новѣйшее международное право выработало положенія противъ торговли невольниками; оно въ скоромъ времени, можетъ быть, заступится за китайскихъ Coolies,—и оно же оставитъ безъ защиты среди Европы европейскихъ гражданъ, носителей и представителей высшей культуры и великихъ общеній! Международное право прокламируетъ и поддерживаетъ свободу судоходства, и великія державы не потерпятъ, чтобы румынскіе патріоты загородили путь по нижнему Дунаю. Но чтобы человѣческое общеніе сдѣлалось тамъ невозможнымъ—это они до сихъ поръ терпѣли. Повелитель страны—близкій родственникъ германскаго императорскаго дома; и ему необходима охрана, которой мы требуемъ для гуманизма и нравственности, для развитія правовыхъ отношеній и безопасности. Принципъ невмѣшательства не можетъ тутъ служить возраженіемъ, такъ какъ самое государство стоитъ подъ гарантирующими его независимость покровительствующими державами, а кромѣ того, этотъ международный принципъ находитъ себѣ справедливое примѣненіе лишь относительно такой страны, которая сама въ состояніи внутри охранять право и правосудіе и руководствоваться ими и которая умѣетъ защищать права своихъ гражданъ и чужихъ народностей.

Тождественными и коллективными нотами, какъ показалъ опытъ, тутъ ничего не подѣлаешь; необходимо вынудить законный порядокъ. И для этого есть лишь о д н о средство, аналогическое съ тѣмъ, которое существуетъ въ прусскомъ законодательствѣ: общины должны быть сдѣланы отвѣтствнными за вредъ, причиненный отдѣльнымъ лицамъ—неистовствомъ черни и тому подобными скандалами. Тогда въ скоромъ времени прекратится равнодушіе спокойныхъ гражданъ и преступное потворство полицейскихъ властей, тогда будутъ ненавидѣть интриги и происки партій и опасаться ихъ. Конечно можно возразить, что тогда доморализованной юстиціи возможно будетъ не признавать никакого вреда. Однако дѣло все таки приметъ другой и притомъ болѣе простой оборотъ: общеизвѣстные факты, возстанія, убійства, поджоги и общее разграбленіе отрицать невозможно. Иностранные консулы будутъ тогда заслуживающими вѣры очевидцами, они тогда въ состояніи

будутъ, они должны будутъ формулировать извѣстныя денежныя требованія для преслѣдуемыхъ и угнетенныхъ. И юстиція, даже само правительство будетъ выставлены одураченными и затѣмъ вынуждены будутъ уплатить значительныя суммы за понесенные убытки. За вѣроятный успѣхъ этой мѣры говоритъ уже великій страхъ, который это предложеніе повидимому внушило вліятельнымъ кругамъ. Тоже самое средство съ успѣхомъ было когда то примѣнено господаремъ Стирбеемъ противъ многочисленныхъ разбойническихъ шаекъ, которыя въ этомъ культурномъ государствѣ, также какъ и въ Греціи и Калабріи, принадлежатъ къ національнымъ особенностямъ. Средство это, такимъ образомъ, не чуждо румынской юриспруденціи. И въ самомъ дѣлѣ министръ президентъ Катаргіу, когда онъ узналъ объ этомъ планѣ, чтобы дипломатія предложила ввести отвѣтственность общины, самъ обѣщался предложить установленіе такого параграфа въ общинномъ законодательствѣ. Само собою разумѣется, что если дѣло дойдетъ до этого, то не будетъ недостатка въ злостныхъ поправкахъ и всевозможныхъ ограничительныхъ попыткахъ, которыя будутъ тѣмъ опаснѣе, что румынская община пользуется довольно широкой автономіей. Тогда все таки это будетъ дѣло европейской дипломатіи охранять честное исполненіе этого принципа.

Что мѣра эта вполнѣ раціональна и въ самомъ скоромъ времени прекратила-бы неистовства румынской черни и ея подстрекателей противъ евреевъ—никто не станетъ сомнѣваться. Стóитъ только, чтобъ покровительствующія Румыніи державы дѣйствительно захотѣли-бы осуществить ее. Но захотятъ-ли онѣ? Думаютъ ли онѣ дѣйствительно добиться того, чего они домогаются отъ румынскаго правительства въ своихъ нотахъ и депешахъ подъ различнымм наименованіями?—это еще вопросъ, и полагаться исключительно на вмѣшательство великихъ державъ едва-ли слѣдуетъ. Не слѣдуетъ-ли самимъ румынскимъ евреямъ придумать какое-нибудь средство, чтобы, такъ сказать, внутри себя найти возможность выйти изъ нынѣшняго своего положенія.

Берлинскій проповѣдникъ А. Гейгеръ въ своемъ „Еврейскомъ журналѣ“ посвящаетъ этому вопросу статью подъ заглавіемъ „Духъ

или деньги" (Geist oder Geld), въ которой онъ осуждаетъ всякое обращеніе румынскихъ и другихъ евреевъ къ иностраннымъ правительствамъ и даже къ иностраннымъ своимъ единовѣрцамъ.

Глубокое омерзеніе возбуждаетъ въ каждомъ чувствующемъ человѣкѣ усовершенствованная гнусность, которую такъ называемые румыны постоянно обнаруживаютъ относительно евреевъ. Грубое хищничество черни, зависть непоротливыхъ лѣнивцевъ драпируется въ блестящія лохмотья религіозныхъ и національныхъ чувствъ и хочетъ покрывать свою низость такимъ христіанствомъ, которое проповѣдуетъ лишь фанатизмъ, и національстью, питающее невѣжество и враждебную исключительность. Позоръ такому ученію, стыдъ такого рода привязанности къ родинѣ!

Но что противъ этого дѣлать

Хорошее и вѣрное, хотя можетъ быть. и не совсѣмъ скоро дѣйствующее, средство Гейгеръ видитъ въ *публичности*, въ *печати*, которая должна раскрывать эти низкія чувства и наложить позорное клеймо на эту преступную наглость. Тогда лучшіе люди все-таки одумаются, а гнусная низость должна будетъ скрываться и съ тайною злостью замкнуть въ себѣ свои животные инстинкты. Весьма пріятно, что во всѣхъ культурныхъ странахъ стараются съ этихъ полуварваровъ срывать блестки, которыми они покрываются и выставить ихъ въ ихъ позорной наготѣ. Но гораздо дѣйствительнѣе было-бы, если-бы въ самой странѣ раздавались подобные голоса, если-бы евреи и благомыслящіе люди другихъ исповѣданій вступались за право и осуждали несправедливость. Пусть это публичное слово будетъ робкое, осторожное—но извнутри страны, при полномъ знаніи обстоятельствъ и народнаго чувства, при непосредственномъ созерцаніи великаго горя, слово это будетъ имѣть гораздо большую внутреннюю силу и, постоянно повторяемое, оно не прозвучитъ по пустому. Пусть-же румынскіе евреи неутомимо сражаются за свое собственное дѣло, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть дѣло цивилизаціи, свободы и человѣчности.

Что-же касается обращенія къ иностраннымъ державамъ, то авторъ находитъ его даже опаснымъ. Онъ находитъ достигнутый потоками крови и великими несчастіями принципъ невмѣшательства одного народа во внутреннія и государственныя дѣла друга-

го народа весьма благотворнымъ. Осуждая въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ всякое миссіонерство вообще, онъ порицаетъ и политическое миссіонерство даже тамъ, гдѣ оно, повидимому, преслѣдуетъ гуманныя цѣли. Ни одинъ народъ не созидается другимъ; ни одинъ народъ не въ состояніи присвоить другому на долгое время блага цивилизаціи, если послѣдній не достигаетъ и не усвоиваетъ себѣ ее своимъ собственнымъ трудомъ.—Развѣ евреямъ въ Германіи кто-нибудь помогалъ; развѣ имъ когда-нибудь пришло въ голову обратиться къ Франціи, Англіи, Америкѣ и просить ихъ посредничества? И если теперь выступаютъ противъ нихъ мелочныя души, развѣ они обращаются къ своимъ единовѣрцамъ въ другихъ странахъ? Нѣтъ, они возбуждаютъ свою собственную силу и довѣряются ей, противупоставляя упорному предразсудку упорное терпѣніе и сопротивленіе. Поэтому и румынскіе евреи, которые вполнѣ заслуживаютъ глубокаго сочувствія, не хорошо дѣлаютъ, если обращаются къ чужой помощи и этимъ какъ-бы выказываютъ недовѣріе къ своей собственной силѣ, какъ-бы обнаруживаютъ свое безсиліе и недостаточную увѣренность въ побѣдѣ, которую должно одержать ихъ правое дѣло. Внѣшняя помощь не уничтожитъ ихъ недуговъ, они должны быть излечены извнутри. Германскіе евреи боролись цѣлое столѣтіе; они борются и теперь и побѣждаютъ, потому что они вступили въ борьбу и продолжали ее съ полною увѣренностью въ побѣдѣ.

Поэтому-то и не слѣдуетъ придавать особенное значеніе посредничеству державъ, которое вызывается благомыслящими единовѣрцами другихъ странъ. Какъ достаточно доказалъ опытъ, это пока еще ни къ чему не повело. Обмѣниваются нотами, отрицаются общеизвѣстные факты, дѣлаютъ иногда мимоходомъ какой нибудь полушагъ, и затѣмъ опять возвращается прежнее скверное положеніе. Еще хуже то, что угнетенные, обратившись къ иностранцамъ, разославъ въ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Нью-Йоркъ жалобныя телеграммы, рисующія по истинѣ ужасающія картины, полагаютъ, что они уже достаточно сдѣлали и упускаютъ изъ виду собственные вспомогательные источники. Нѣтъ, притѣсняемые братья! Вы должны сами работать для себя и надъ собою; послѣдуйте за насиліемъ во всѣ лабиринты его ложной софистики, въ которые оно удаляется для своей защиты, наблюдайте вдвойнѣ

строго за собою самими, дабы предубѣжденіе противъ васъ не могло найти и малѣйшаго даже кажущагося только основанія для своего оправданія. Если-же будете полагаться на другихъ, а сами останетесь въ прежнемъ положеніи — то это неминуемо поведетъ васъ къ окончательной гибели.

Но самое опасное средство—это постоянно поднимать шумъ и раскрывать нищенскую суму. Если въ Галиціи сгоритъ домъ, то весь западъ Европы и Америка призываются къ пополненію понесеннаго убытка; если въ западной Россіи или Персіи неурожай, то взываютъ къ единовѣрцамъ всѣхъ странъ, и если въ Румыніи толпа грабитъ евреевъ, то вездѣ должны быть учреждены страховыя кассы. „Иль нѣтъ бальзама въ Гилеадѣ—восклицаетъ авторъ вмѣстѣ съ пророкомъ—иль врача тамъ нѣтъ?" Развѣ эти страны совершенно лишены всякихъ собственныхъ вспомогательныхъ источниковъ, что постоянно прибѣгаютъ къ основанному на ложнопонятой солидарности, такъ сказать, всемірному нищенству? И если онѣ дѣйствительно столь бѣдны, то къ чему поведетъ эта капля, которая безслѣдно втягивается горячимъ камнемъ? Благотворительность есть, конечно, врожденная черта евреевъ; но не слѣдуетъ злоупотреблять ею, не слѣдуетъ всякій единичный случай сдѣлать общимъ дѣломъ. Но главное зло заключается въ томъ, что думаютъ только объ облегченіи временнаго бѣдствія, а необходимо озаботиться объ окончательномъ закрытіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ эти бѣдствія постоянно проистекаютъ. Эти источники суть: необразованность, суевѣріе, умственный мракъ.

Но что же дѣлать для облегченія участи румынскихъ, персидскихъ, русскихъ евреевъ? Выносить имъ просвѣщеніе? Нѣтъ. Просвѣщеніе нельзя уложить въ чемоданъ и раздавать для немедленнаго употребленія тамъ, гдѣ въ немъ чувствуется недостатокъ. Безполезно будетъ также заводить тамъ для него искусственныя оранжереи; чужеземныя растенія тамъ не будутъ прививаться; необходимо тамъ разрыхлить и обработывать собственную почву для успѣшнаго произрастанія. Извнутри самой страны должны взойти силы, которыя должны оплодотворить умственную почву и посвящать ей свою постоянную заботливость, тогда имъ удастся пожинать плоды, тогда имъ возможно будетъ воспользоваться пред-

варительными работами, сдѣланными другими. Пусть они останутся въ своей странѣ и ищутъ честнаго пропитанія и стремятся къ умственному просвѣтленію. То, что дѣлаютъ для воспитанія юношества, для развитія солидныхъ ремесленныхъ знаній, для поддержки отличающихся способностями, но изнемогающихъ въ борьбѣ съ нуждою, чтобы они могли посвятитъ себя наукамъ и искусствамъ—вотъ что приноситъ плоды самъ-тысячъ. Одинъ хорошій учитель, одинъ умственно-мощный раввинъ, одинъ дѣльный ремесленникъ, одна выдающаяся своими познаніями личность—поднимаетъ тысячи изъ мрака и своею дѣятельностью приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ громадныя суммы, розданныя въ толпѣ нищихъ. Вотъ плодоносная почва, которая недостаточно еще воздѣлывается. Вотъ настоящая дѣятельность. Духовная искра, которая здѣсь возбуждается, освѣщаетъ и согрѣваетъ далеко кругомъ не искусственною дѣятельностью, но внутреннею духовною мощью. Деньги должны служить духу, а не духъ деньгамъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе статьи еврейскаго проповѣдника, и мы не можемъ не признать ее назидательною и поучительною во многихъ отношеніяхъ. Оно назидательно для насъ, русскихъ евреевъ, къ которымъ эта статья прямо и относится, и весьма поучительно для извѣстныхъ русскихъ публицистовъ, которыхъ почтенный г. Гейгеръ очевидно вовсе не имѣлъ въ виду.

Намъ, русскимъ евреямъ, припоминаютъ тутъ, что пора уже самимъ взяться энергически за внутреннее свое пересозданіе и извлечь меньшую братію изъ того несчастнаго, невыносимаго положенія, въ которомъ она находится. А что это положеніе дѣйствительно невыносимое, отчаянное — объ этомъ мы можемъ засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ. Судьба нѣсколько времени тому назадъ закинула насъ въ жмудское захолустье, въ отдаленный уголъ того задняго двора нашего обширнаго отечества, который именуется сѣверо-западнымъ краемъ—и глазамъ нашимъ представилась картина невѣроятная, ужасающая. Нѣтъ, читатель, не пышныя поля мы видѣли тамъ, какъ Лермонтовскій узникъ, мы видѣли исхудалыя лица, искаженныя голодомъ, изнуренныя вѣчною борьбой, буквально изъ за куска хлѣба, жизнью въ проголодъ изо дня въ день, вѣчной заботой о томъ, чѣмъ прокормиться завтрашній день,

гдѣ достать денегъ для уплаты чиншу, казенныхъ податей, свѣчнаго сбора, идущаго на заведенія, которыми они не могутъ пользоваться,—мы видѣли нищету, всеобщую нищету, и мракъ, пролетаріатъ и невѣжество, и всѣ другія прелести, связанныя съ этими социальными недугами. Но что ужаснѣе всего это то, что не предвидится никакого исхода изъ этого страшнаго положенія. Рабочихъ рукъ множество, спросъ на нихъ крайне ничтожный, а ремесленныя и промышленныя производства рѣшительно дѣвать некуда; но желудокъ между тѣмъ требуетъ пищи, а съѣстные припасы, вслѣдствіе густоты населенія, становятся все дороже и дороже. Распространиться много о причинахъ этого печальнаго экономическаго явленія—тутъ не приходится. Коренное зло—это скопленіе однороднаго промышленнаго населенія безвыходно въ извѣстной мѣстности, продолжающееся уже цѣлыя вѣка, и насильное удерживаніе этого населенія какъ въ этой мѣстности, такъ и въ этой отрасли дѣятельнисти. Къ этому присоединились еще нѣкоторыя случайныя обстоятельства, какъ напр. польское возстаніе, парализировавшее все экономическое положеніе края. Поэтому всѣ средства, которыя будутъ затрачены на улучшеніе положенія евреевъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, будутъ имѣть лишь временное, преходящее значеніе и не дадутъ никакихъ благотворныхъ результатовъ даже на самое короткое время. Необходимо систематическое искорененіе зла, а это возможно лишь при систематическомъ разжижженіи еврейскаго населенія, словомъ, при систематическомъ выселеніи евреевъ изъ западныхъ окраинъ нашего отечества во внутреннія и малонаселенныя русскія губерніи; и чѣмъ на большомъ пространствѣ будутъ разсѣяны переселяемые, тѣмъ лучше. Само собою разумѣется, что тутъ рѣчь идетъ о переселеніи тѣхъ евреевъ, которые по закону имѣютъ право жить во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи, т. е. о ремесленномъ классѣ, которымъ переполнены города и мѣстечки западнаго края, и въ которомъ чувствуется сильный недостатокъ во многихъ внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ. Если-бы такое систематическое переселеніе ремесленнаго класса евреевъ западныхъ губерній было организовано тотчасъ послѣ обнародованія закона, предоставляющаго ремесленникамъ евреямъ доступъ во внутренія русскія губерніи, то — мы въ этомъ не сомнѣваемся — физіономія еврейскаго

населенія Россіи значительно уже видоизмѣнилось-бы къ лучшему, и мы, можетъ, быть избѣгли-бы печальной необходимости, во время послѣднихъ неурожаевъ, обращаться къ нашимъ заграничнымъ единовѣрцамъ, что и подало г. Гейгеру поводъ къ упрекамъ. Расчитывать-же, что евреи, которые имѣютъ на то право, сами переселятся во внутрь Россіи, нѣтъ никакой возможности. Если изданъ будетъ законъ, и такой законъ—мы въ этомъ твердо убѣждены и твердо въ это вѣруемъ—въ скоромъ времени будетъ изданъ—который, наконецъ, откроетъ Россію всѣмъ евреямъ, то онъ, конечно, значительно облегчитъ положеніе нашихъ единовѣрцевъ и совершенно видоизмѣнитъ такъ называемый роковой еврейскій вопросъ, но все-таки настоящихъ благотворныхъ плодовъ, если не будутъ приняты особыя мѣры для переселенія, возможно будетъ ожидать лишь въ отдаленномъ будущемъ.

Ибо одного правительственнаго дозволенія недостаточно будетъ для того, чтобы евреи сами въ значительномъ количествѣ переселялись во внутреннія губерніи, такъ какъ они по крайней бѣдности своей рѣшительно не имѣютъ къ тому ни малѣйшей возможности. Еврейскій ремесленный классъ въ западномъ краѣ, въ большинствѣ случаевъ, живетъ изо дня въ день,—о сбереженіяхъ тутъ нечего и говорить—а для переселенія необходимы средства. Вотъ эти средства и должна доставить желающимъ переселиться посторонняя сила, частная инициатива. И чтобы, наконецъ, высказать нашу мысль: эта посторонняя сила, эта частная инициатива должны быть сосредоточены въ „Обществѣ для переселенія евреевъ“ во внутреннія губерніи. Цѣлью этого „общества“, въ первое время, должно быть переселеніе еврейскихъ ремесленниковъ и развитіе между евреями ремесленнаго труда, при помощи ремесленныхъ школъ и мастерскихъ, при учрежденіи и поддержкѣ которыхъ весьма много могло-бы содѣйствовать существующее уже „Общество для распространенія просвѣщенія между евреями.“ Было-бы слишкомъ долго здѣсь-же изложить всѣ подробности, на основаніи которыхъ должно существовать проектируемое нами общество. Но одно мы не можемъ упустить изъ виду: это, чтобы въ немъ возможно было участвовать возможно большему числу лицъ, чтобы членскіе взносы были весьма умѣренные, во всякомъ случаѣ не свыше трехъ рублей въ годъ. Желающимъ, конечно,

никто не запрещаетъ вносить и болѣе, но зачѣмъ лицамъ, не имѣ-
ющимъ возможности дѣлать значительныя пожертвованія, не дать
возможности участвовать въ добромъ и столь полезномъ дѣлѣ.
Еще одно. Вспомоществованія, оказываемыя переселяющимся, долж-
ны быть выдаваемы имъ не въ видѣ пожертвованія, а въ видѣ
ссудъ, которыя затѣмъ должны быть возвращаемы въ извѣстный
срокъ, разумѣется по мѣрѣ возможности. Выдаваться должны эти
ссуды лишь тѣмъ лицамъ, благонадежность которыхъ въ нравст-
венномъ отношеніи будетъ засвидѣтельствована мѣстными отдѣ-
леніями или корреспондентами „общества".

Таковы въ главныхъ чертахъ цѣли и соображенія, кои должны
лечь въ основаніе того „общества", вызвать къ жизни которое
есть священная обязанность каждаго русскаго еврея. Что такое
„общество", кромѣ улучшенія экономическаго быта евреевъ, имѣло
бы еще громадное значеніе и для нравственнаго ихъ пересозданія,
а равно и для ихъ обрусенія и сліянія съ общимъ населеніемъ—
объ этомъ распространяться здѣсь считаемъ совершенно излиш-
нимъ. Поэтому, мы твердо надѣемся, что наши слова не будутъ
оставлены безъ вниманія, что нашъ голосъ не прозвучитъ по пу-
стому и что онъ будетъ услышанъ тѣми, которымъ дорого пре-
успѣяніе нашихъ единовѣрцевъ и которые имѣютъ возможность
содѣйствовать осуществленію этой цѣли въ близкомъ будущемъ. Да
въ близкомъ будущемъ, ибо время дорого, и каждый часъ увели-
чиваетъ зло, и чѣмъ дольше мы будемъ ждать, тѣмъ больше средствъ
потребуется для его искорененія, если, при откладываніи дѣла въ
долгій ящикъ, вообще уже не будетъ слишкомъ поздно. А потому
пора, братья, пора! Иначе еврейскій вопросъ еще долго будетъ у
насъ вопросомъ; вѣчно новымъ, вѣчно открытымъ. *)

Теперь слова два нашимъ русскимъ публицистамъ. Мы ска-
зали выше, что статья еврейскаго проповѣдника весьма поучитель-

*) Лица, которые пожелали-бы быть членами проектируемаго „общества" и хо-
тѣли-бы сообщить свои соображенія и свѣдѣнія — напр. о количествѣ членовъ,
на которое можно расчитывать въ извѣстной мѣстности, о числѣ лицъ, желаю-
щихъ переселиться и родѣ ихъ занятій—могутъ обратиться къ издателю „Евр.
Библ.", который собираетъ матеріалы по сему предмету.

на для нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ публицистовъ. И оно такъ.
Наши русскіе публицисты должны учиться у представителя того
племени, которое они чуть-ли не каждый день клеймятъ позоромъ
и выставляютъ какимъ-то выродкомъ человѣчества; у представителя
этого-то племени они должны учиться священнымъ обязанностямъ
народнаго трибуна, глашатая и руководителя общественнаго мнѣ-
нія, въ мантіи которыхъ они драпируются. Посмотрите вы на этого
еврейскаго раввина, взвѣсьте его слова, и сознайтесь что вы не-
достойны этой мантіи, что она вамъ не по плечу. Когда въ Одес-
сѣ совершались мартовскія событія, когда разъяренная чернь,
опьяненная хищничествомъ и грабежемъ, разоряла дома, избивала
людей, оставляла сотни семействъ безъ крова—что вы тогда дѣ-
лали, вы, руководители общественнаго мнѣнія, вы, учители наро-
да! Съумѣли-ли вы стать на высоту событій? Обратились-ли вы
во время съ разумнымъ словомъ примиренія, останавливали-ли вы
бушующія страсти обращеніемъ къ народу? Возвали-ли вы къ не-
разумной толпѣ: остановитесь русскіе люди, не превращайтесь въ
дикихъ звѣрей—вѣдь эти люди, братья ваши, которыхъ вы гра-
бите, вѣдь это вамъ подобные, сограждане ваши, на которыхъ вы
нападаете, подобно дикимъ звѣрямъ. Нѣтъ, вы этого не сдѣлали.
Вмѣсто слова примѣренія, вы, которые занимаетесь жгучими во-
просами дня, на столбцахъ—не говоримъ уже о „Голосѣ", этомъ
хамелеонѣ русской журналистики, и его московскихъ и провинці-
альныхъ прихвостняхъ—но даже и „Петербургихъ Вѣдомостей",
которымъ мы это никогда не забудемъ), запѣли въ унисонъ съ
разъяренною, дикою ордой, а вмѣсто того, чтобы утишить стра-
сти, вы, съ пѣною утра, еще больше возбуждали ихъ и чуть-ли не
взывали ко всеобщему походу противъ евреевъ.

Теперь посмотрите на этого еврейскаго публициста. На ули-
цахъ румынскихъ городовъ и мѣстечекъ льются потоки крови его
единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Ихъ имущество и жизнь пре-
даны произволу разъяренной, хищнической толпы. Власти, вмѣсто
того, чтобы принять энергическія мѣры противъ убійцъ и грабите-
лей, заключаютъ въ темницу еврейскихъ пастырей и безвинно то-
мятъ ихъ тамъ. Румынское правительство, если не потворствуетъ,
то во всякомъ случаѣ терпитъ это варварство, это издѣваніе надъ
человѣчествомъ и правосудіемъ. Вся Европа возмущена и тре-

буетъ энергическихъ мѣръ со стороны великихъ державъ. Но еврейскій публицистъ помнитъ свои священныя обязанности руководителя своихъ единовѣрцевъ. Сердце его обливается кровью, но его разсудокъ не помрачается, и онъ не взываетъ о мести, онъ не возбуждаетъ въ своихъ соплеменникахъ ненависть къ ихъ безчеловѣчнымъ угнѣтателямъ и преслѣдователямъ. Нѣтъ! Онъ взываетъ къ своимъ единоплеменникамъ: остановитесь! стыдно обращаться къ иностранцамъ, позорно накликать вмѣшательство чужихъ во внутреннія дѣла своей родины! „Иль нѣтъ бальзама въ Гилеадѣ, иль врача тамъ нѣтъ", припоминаетъ онъ слова пророка. Нѣтъ. Не къ чужимъ вы должны обращаться, но внутри себя вы должны найти ту силу, которая должна въ будущемъ предотвратить ваши бѣдствія, а эту силу вы найдете въ **просвѣщеніи и честномъ трудѣ.**

Таковъ публицистъ, понимающій обязанности руководителя общественнаго мнѣнія, и мы едва-ли ошиблись, если нашли его примѣръ поучительнымъ для нашихъ русскихъ публицистовъ.

А. Л.

С.-Петербургъ.
16 декабря 1872 г.

СПИСОКЪ ГГ. ПОДПИСЧИКАМЪ НА II ТОМЪ

„ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛІОТЕКИ".

Число экземпляровъ.

Александровскъ.

Бердичевскій И. Я. 3.

Балта.

Айхенвальдъ И. 6.
Школьникъ Б.

Бердичевъ.

Чрезъ раввина г. Цессиса и д-ра Роттенберга. 18.

Бердянскъ.

Бердичевскій А.
Глейзеръ И.
Голобродько М.
Дунаевскій А.
Кернеръ М.
Лифшицъ С.
Луцкій Г.
Мадіевскій И.
Мульманъ І.
Островскій И.
Пергаментъ М.
Полякъ Я.
Розенштейнъ С.
Ротгольцъ И.
Соколовскій И.
Ханкинъ Е.
Цейтлинъ С.
Энгель Я.

Боргузинъ.

Каминеръ Л. Б.

Число экз.

Бориславъ.

Шарагородскій М.

Брестъ-Литовскъ.

Гальпернинъ Г. К.
Дуновичъ Т.
Ратнеръ А.
Рейнманъ З.
Файштейнъ Л.
Файштейнъ М. Л.
Шапира А.
Шершевскій Л.

Бѣлая-Церковь.

Богуславскій Ш.
Быкъ Д.
Быкъ О.
Геровичъ Ш.
Каганъ Х.
Прицкеръ Л.
Петриковскій М.
Розенталь Г.

Вильно.

Чрезъ г. Герштейна. 20.
Леванда Л. О.
Манасевичъ А. Ю.

Витебскъ

Симховичъ. Х. 5.

Вятка.

Вятская публичная библіотека.

Число экз.

Геническъ.

Вильчуръ Г.

Глуховъ.

Мандельштамъ Софія.
Лазаревъ Н.

Гомель.

Цейтлинъ Я. О.

Гродно.

Кнорозовскій М. 2.
Эліасовъ М.

Динабургъ.

Шапира Б. Д.

Екатеринославъ.

Чрезъ С. М. Станиславскаго и г. Гаркави.
Брайловскій Е. М.
Гурляндъ І. Я.
Гальберштадтъ.
Голубовскій. 4.
Гуревичъ І.
Минцъ А.
Мунштейнъ Г.
Островскій А.
Рубиновичъ С.
Райновъ М.
Розенблатъ О.
Синайскій С.
Словензонъ.
Тейтельбаумъ.
Цацкинъ.
Шварцъ.
Штейнъ Б.
Юровскій.

Житоміръ.

Чрезъ г. Бинштока. 10.

Калуга.

Цодиковъ Г.
Хохловъ Е. Я.

Казань.

Аврохъ Ѳ.

Число экз.

Керчь

Чрезъ рав. Гальперина:
Ашкенази О.
Балоховскій Л.
Барштакъ М.
Бродскій Д.
Бурштинъ Л.
Вольфсонъ Н.
Гальперинъ І.
Гринбергъ В.
Гуревичъ В.
Каршъ Г.
Локсъ Я.
Миллеръ А.
Мурткинъ Е.
Пинкензонъ М.
Постарнакъ Г.
Поховичъ И.
Ризниковъ Г.
Родъ М
Рубинштейнъ А.
Самуильсонъ Г.
Сегель М.
Харитоновъ Г.
Хейфецъ М.
Чрезъ г. П. Диккера:
Вайнтрубъ.
Вольтке.
Госанскій.
Диккеръ.
Зидорфъ.
Котель.
Орловъ.
Полоцкій.
Рогальскій А.
Рогальскій І.
Рогальскій М.
Троцкій.
Хенкинъ
Циперовичъ.
Шней.

Кишиневъ.

Мищенко А.

Число экз.

Кіевъ.

Чрезъ И. М. Вайнштейна и Л. Б. Рындзюнскаго.
Арнштейнъ З.
Арнштейнъ Н.
Бискъ и сынъ.
Бродскій Л.
Бродскій З.
Бродскій Я.
Вайнштейнъ М. Д.
Вайнштейнъ И.
Вейнтраубе А.
Вольфсонъ Р.
Вульсфонъ П.
Гельманъ А.
Горнштейнъ А.
Гребинъ М.
Давыдовъ Н.
Каминеръ.
Кацъ А.
Куперникъ А.
Ложинскій Ш.
Лозинскій Е.
Лурье Семенъ.
Лурье Сол.
Маркманъ И.
Мэйтесь.
Погорѣльскій.
Розенъ А.
Рындзюнскій Л. Б.
Штильманъ Н.
Штильманъ Х.

Ковно.

(Чрезъ д-ра Шопира).
Аркинъ.
Бернштейнъ.
Гольденбергъ д-ръ.
Дуэлъ.
Закстъ Я. Г.
Манасевичъ Б.
Минковскій Л.
Файнбергъ д-ръ.

Число экз.

Фрумкинъ В.
Шапиръ А.
Шапиръ Г.
Шаскольскій А.

М. Корецъ.

Вайнштокъ В.
Горнштейнъ Я. 2.
Гершенгорнъ Н.
Каз. Евр. училище.
Фридманъ Я.

Козловъ.

Рясенцовъ А. 2.

Конотопъ.

Венгеровъ З.

Кременчугъ.

Розенталь Г. 10.

Кунгуръ.

Хохловъ А. Я.

Люблинъ.

Блюмель Б.
Фейгинъ С.

Мелитополь.

Кипенъ А.

Минскъ.

Бамии Б.
Бернштейнъ М.
Брауде Н.
Гинцбургъ Е.
Гинцбургъ С.
Зусманъ І.
Лунцъ О.
Лурье И.
Лурье Н.
Лурье Х.
Ляховскій Я.
Раппапортъ В.
Раппапортъ Я.
Файнъ М.
Ширвинтъ В.
Эльяшбергъ В.
Эльяшбергъ М.

Москва.

Горвицъ.

Число экз.

Ревидцевъ.
Розенталь С. 4.
Россіянскій М.
Шапира М.

Могилевъ губ.

Чрезъ А. Ф. Мандельштама. 15.
Цейтлинъ Э.

Нижнеудинскъ.

Тауберъ Л.

Новомосковскъ.

Мошкевичъ В.

Ново-Николаевская станица.

Огузъ Я. С.

Одесса.

Чрезъ М. Г. Моргулиса. 50.
Краснотельскій Д.
Бармасъ.
Эксельбиртъ М.

Оренбургъ.

Гернштейнъ.
Гершенгорнъ.
Обуховскій.
Петровъ.
Рансфельдъ.

Орелъ.

Шергандъ д-ръ.

Пермь.

Ясницкій. 3

Петербургъ.

Бентовимъ.
Бертензонъ. 4.
Бернштейнъ.
Барацъ С. М.
Варшавскій А. М. 50.
Волернеръ. 3.
Вольфсонъ. М.
Гутманъ Г. М.
Гурвичъ И. К.
Гинцбургъ Г. О. 200.
Габриловичъ И.
Габриловичъ С.
Горовицъ М. А. 10.

Число экз.

Гольдбергъ В. П.
Гольденбергъ М. Д.
Залькиндъ И. С.
Зейлингеръ.
Зонъ О. Г. 2.
Каминка И. А.
Кальманъ.
Membership Кленскій Л. Б.
Коробковъ И.
Коробковъ М.
Комитетъ Общ. для распространенія просвѣщенія между Евреями въ России. 50.
Колесовъ и Михинъ, кн. магазинъ. 15.
Красносельскій И. Д.
Левенсонъ Н. Л. 10.
Леванде Е. Г.
Левенсонъ С. В.
Манасевичъ Т. А.
Манасевичъ С. Ю.
Малькіель И. М. 50.
Палій.
Подменеръ.
Поляковъ С. С. 100.
Погорѣльскій.
Розенталь Л. М. 100.
Редакція „Вѣстника Русскихъ Евреевъ."
Самсовъ А. М.
Слонимскій Д. Л.
Сталь М.
Троицкій С. М.
Трагоутъ Я. Н.
Фейнбергъ Д. Ф.
Фридландъ Л. П. 10.
Хесинъ С. Я.
Хесинъ Б. Я.
Хесинъ.
Ярославскій М. И.

Пинскъ.

Левинъ С. М.
Лурье А. М.
Лурье Д. А.

Число экз.

Лурье И. М.
Лурье М. Л.
Эльяшбергъ Е. С.

Проскуровъ.

Маранцъ С. 5.

Ростовъ на Дону.

Айзенманъ Б.
Валкенштейнъ І. Ф.
Гнѣсинъ Ф.
Гуревичъ С.
Данцигеръ М.
Елицеръ М.
Каганъ Г.
Рейнгерцъ А.
Рудичъ А.
Шашъ М.

Рыбинскъ.

Авербахъ И. О. 3.

Саратовъ.

Перльманъ Л. 5.

Самара.

Свѣтовъ.

Симферополь.

Богровъ Г. И.
Вейсбергъ С.
Вульфъ М. Я.
Масляниковъ А. А.
Михалини Н. Н.
Пласковъ д-ръ.
Розенштейнъ М. С.
Спиро М. С.
Тирмосъ А. О.
Фейнбергъ М. И.

Смѣла.

Бродскій М. В.

Смоленскъ.

Швейцеръ Э. 5.

Сороки.

Герценштейнъ.

Число экз.

Китросеръ.
Гродзенскій.

Таганрогъ.

(Чрезъ І. Я. Маллеса).
Безнинскій К.
Безнинскій И.
Берманъ.
Брачинскій.
Бродскій Г.
Выктенсмаеръ А.
Губергрицъ.
Гутмахеръ М. И.
Гольдбергъ Ф.
Данцигеръ И.
Зельцеръ.
Красносельскій.
Маллесъ І. Я.
Петриковскій М. С.
Поляковъ Я. С.
Рохлинъ Я. Н.
Сабсовичъ І. Д.
Сабсовичъ В. Д.
Фридвальдъ.
Шейнъ-Фогель.
Шульманъ П. М.

Тельши.

Берманъ Х.
Гордонъ Л. О.
Еврейское училище.
Мапу д-ръ.
Нафталинъ Б.
Хозановичъ равв.

Тверь.

Берманъ К.

Тихвинъ.

Теплицкій М. А.

Число экз.

Тобольскъ.

Абрамовъ М.

Уфа.

Кроль.

Харьковъ.

Роттенбергъ. 10.

Число экз.

Херсонъ.

Балабановъ.
Розенталь Ю. М.

Шавли.

Рубиновичъ.

Яновка.

Ясскій Я.

Списокъ подписчикамъ на III Т. „Еврейской Библіотеки" будетъ помѣщенъ въ IV Т.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы объ ихъ книгахъ были помѣщены рецензіи въ „Евр. Библіотекѣ", благоволятъ прислать ихъ на имя издателя: С.-Петербургъ. Почтамская, домъ № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

переводъ Ветхаго Завѣта. Р. Кулишера.
...азин. Предсмертная пѣснь Моисея. Л. I. Мандельштамма.

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія издания А. Е: Ландау:

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА. Историко-литературный сборникъ Т. I. Цѣна 2 р. 50 к.
ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА. Т. II. Цѣна 2 р. 50 к.
ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА. Т. III. Цѣна 2 р. 50 к.
Выписывающіе всѣ ТРИ тома отъ издателя (Почтамская, № 5.) платятъ съ пересылкою 7 р.
ЕВРЕИ ВЪ РОССІИ. Очерки и изслѣдованія И. Г. Оршанскаго. Цѣна 1 р.
ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ. СТОЛѢТІЕ ЭМАНЦИПАЦІИ ЕВРЕЕВЪ. Цѣна 1 р. 25.
ЧТО ТАКОЕ ТАЛМУДЪ. Соч. библіотекаря братнинскаго музея, Эм. Дейтша. Цѣна 50 к.
О КНИГѢ КАГАЛА Соч. И. И. Шершевскаго. Цѣна 50 к.
Выписывающіе всѣ вышеобозначенныя изданія отъ издателя платятъ съ пересылкой 10 рублей.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА. историко-литературный сборникъ. Т IV.

А. Е. Ландау.